This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY ORGANIZED 1891

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Николай Харузинъ.

Этнографія.

ЛЕКЦІИ,

ЧИТАННЫЯ ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ИЗДАНІЕ ПОСМЕРТНОЕ,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

В. Харузиной.

Выпускъ II.

СЕМЬЯ И РОДЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1903.

Харузин, Н. Н.

Николай Харузинъ.

Этнографія.

ЛЕКЦІИ,

ЧИТАННЫЯ ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ИЗДАНІЕ ПОСМЕРТНОЕ,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

В. Харузиной.

Выпускъ II.

СЕМЬЯ И РОДЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1903.

GN315
r
v. 2

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТИПОГРАФІЯ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стр.
I.	Литературныя теченія по вопросу о первобытномъ человѣческомъ общежитіи	3
II.	Стадія безпорядочнаго сожительства. Религіозный гетеризмъ	28
III.	Поліандрія. Левиратъ. Нійога. Снохачество. Гостепріимный гетеризмъ Jus primae noctis	57
IV.	Возникновеніе представленій о родствѣ. Экзогамія и эндогамія	94
V.	Материнскій счетъ родства	130
VI.	Материнскій родъ. Переходъ къ патернитету. Кувада	160
VII.	Отцовскій родъ	200
VIII.	Упадокъ и переживанія отцовскаго родового устройства	223
IX.	Исторія развитія брака	269

ЛЕКЦІИ,

ТАННЫЯ ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

I. Литературныя теченія по вопросу о первобытномъ человѣческомъ общежитіи.

Вопросъ о развитіи семьи за послѣднія десятилѣтія сдѣлался предметомъ ожесточенныхъ споровъ. До того ему мало посвящали вниманія. Семья казалась настолько естественнымъ институтомъ, что она считалась за первоначальный видъ человѣческаго общежитія. Держался взглядъ, что «семья есть древнѣйшее человѣческое общество», «источникъ и начало гражданской жизни, ядро племени», и т. д. Когда-же этнографическія данныя позволили глубже заглянуть въ первобытное состояніе человѣчества, стало выясняться, что это положеніе не достаточно обосновано. Между представителями стараго и новаго взглядовъ возгорѣлась полемика. Она привела къ обширной литературѣ о возникновеніи и развитіи семьи, т. е. о первобытномъ состояніи человѣческаго общежитія. Вопросъ, какой формой послѣдняго открывается исторія человѣческой культуры въ высшей степени важенъ для дальнѣйшихъ научныхъ построеній; поэтому ему посвящали свои силы какъ этнографы, такъ соціологи, экономисты, философы и юристы.

Ни въ одной изъ областей, принадлежащихъ вѣдѣнію этнографіи, эта наука не произвела, пожалуй, бо́льшаго переворота, чѣмъ въ области изученія законовъ развитія семьи и брака. Поэтому разсмотрѣть семью и родъ на основаніи данныхъ этнографіи представляется особенно важнымъ.

До изложенія свѣдѣній о развитіи семьи и рода необходимо, однако, остановиться на важнѣйшихъ теченіяхъ въ литературѣ этого вопроса.

Еще сравнительно недавно союзъ родителей и дѣтей казался тѣмъ эмбріономъ, изъ котораго развивались дальнѣйшія формы общества. Семья, какъ думали, разросталась: вокругъ патріарха группировались въ безусловномъ ему подчиненіи его дѣти, внуки, слуги. Лицами, входящими въ эту организацію, и ихъ имуществомъ родо-

I. Литературныя теченія по вопросу о первобытномъ человѣческомъ общежитіи.

Вопросъ о развитіи семьи за послѣднія десятилѣтія сдѣлался предметомъ ожесточенныхъ споровъ. До того ему мало посвящали вниманія. Семья казалась настолько естественнымъ институтомъ, что она считалась за первоначальный видъ человѣческаго общежитія. Держался взглядъ, что «семья есть древнѣйшее человѣческое общество», «источникъ и начало гражданской жизни, ядро племени», и т. д. Когда-же этнографическія данныя позволили глубже заглянуть въ первобытное состояніе человѣчества, стало выясняться, что это положеніе не достаточно обосновано. Между представителями стараго и новаго взглядовъ возгорѣлась полемика. Она привела къ обширной литературѣ о возникновеніи и развитіи семьи, т. е. о первобытномъ состояніи человѣческаго общежитія. Вопросъ, какой формой послѣдняго открывается исторія человѣческой культуры въ высшей степени важенъ для дальнѣйшихъ научныхъ построеній; поэтому ему посвящали свои силы какъ этнографы, такъ соціологи, экономисты, философы и юристы.

Ни въ одной изъ областей, принадлежащихъ вѣдѣнію этнографіи, эта наука не произвела, пожалуй, большаго переворота, чѣмъ въ области изученія законовъ развитія семьи и брака. Поэтому разсмотрѣть семью и родъ на основаніи данныхъ этнографіи представляется особенно важнымъ.

До изложенія свѣдѣній о развитіи семьи и рода необходимо, однако, остановиться на важнѣйшихъ теченіяхъ въ литературѣ этого вопроса.

Еще сравнительно недавно союзъ родителей и дѣтей казался тѣмъ эмбріономъ, изъ котораго развивались дальнѣйшія формы общества. Семья, какъ думали, разросталась: вокругъ патріарха группировались въ безусловномъ ему подчиненіи его дѣти, внуки, слуги. Лицами, входящими въ эту организацію, и ихъ имуществомъ родо-

дѣлимымъ родителямъ, воздавались особый почетъ и уваженіе; женщина стояла высоко въ первобытномъ обществѣ, что приводило къ господству женщины надъ мужчинами, т. е. къ *гинекократіи*; 4) женщина не могла быть принадлежностью одного лица; поэтому стремленіе къ единоличному обладанію ею влекло такъ называемое «искупленіе передъ группой»: прежде чѣмъ отдаться одному навсегда, женщина должна была временно предоставить себя всей группѣ мужчинъ даннаго общежитія. Послѣднимъ взглядомъ первобытнаго человѣка Бахофенъ объяснялъ часто встрѣчавшійся въ древности обычай, по которому женщины или передъ бракомъ или въ извѣстныя времена года обязаны были проституировать себя. По мѣрѣ развитія единобрачія, такъ утверждалъ Бахофенъ, счетъ родства по женской линіи утрачивался, потому что отецъ становился извѣстнымъ. Мало по малу устанавливался патріархатъ и счетъ родства по мужской линіи, а женщина, ставъ собственностью мужчины, теряла свое выдающееся, привилегированное положеніе.

Главнымъ источникомъ, изъ котораго Бахофенъ черпалъ свои выводы, были миѳы классической древности. Миѳы, говорилъ онъ, отражаютъ въ себѣ лишь то, что имѣло мѣсто въ дѣйствительной жизни; слѣдовательно, они служатъ точнымъ и достовѣрнымъ источникомъ для изученія быта древняго человѣка. Вмѣстѣ съ этимъ толкованіемъ Бахофенъ утверждалъ, что, если миѳы рисуютъ жизнь человѣка, то внесеніе въ пантеонъ новыхъ божествъ и развитіе религіозныхъ представленій въ свою очередь оказываютъ вліяніе на исторію культуры человѣчества: если, поэтому, «въ миѳахъ боги дѣлаютъ то, что дѣлаютъ или дѣлали люди», то и «люди начинаютъ дѣлать то, что боги совершаютъ въ миѳахъ». Благодаря этому взгляду, во время Бахофена имѣвшему въ наукѣ право гражданства, онъ считаетъ возможнымъ выставить положеніе, что у грековъ, напримѣръ, переходъ отъ гетеризма къ единобрачію и замѣна матріархата патріархатомъ происходитъ подъ вліяніемъ введенія новыхъ божествъ, представителей новыхъ взглядовъ, въ группу старыхъ, представителей прежняго порядка вещей.

Работа Бахофена въ значительной степени устарѣла: ни его методъ, ни нѣкоторые взляды не выдерживаютъ критики. Никто въ настоящее время не вѣритъ въ существованіе гинекократіи; само понятіе о гетеризмѣ въ значительной степени теперь видоизмѣнилось. Но за Бахофеномъ навсегда останется слава перваго ученаго, направившаго вопросъ объ изученіи исторіи семьи въ новое русло, открывшаго новые пути для изслѣдованія и измѣнившаго старые, тради-

ціонные взгляды на семью, какъ на эмбріонъ человѣческаго общежитія. Вотъ почему за нимъ по справедливости можетъ быть признано названіе родоначальника новаго теченія въ изученіи исторіи семейно-общественныхъ нормъ первобытнаго человѣка. «Материнское право» Бахофена было хронологически первымъ сочиненіемъ въ указанномъ направленіи. Оно, однако, не произвело того впечатлѣнія, на которое имѣло бы право разсчитывать. Виной тому былъ отчасти методъ Бахофена, и источникъ, изъ котораго онъ черпалъ свои положенія (миѳы), главнымъ же образомъ, то, что его книга была написана на нѣмецкомъ языкѣ въ то время, когда въ самой Германіи совершенно не интересовались поднятыми ею вопросами.

Шотландскій юристъ Макъ Ленанъ (Mac Lenan) и американскій ученый Морганъ (Morgan), незнакомые съ книгой Бахофена, въ началѣ не зная также ничего другъ о другѣ, пришли, конечно, только въ существенныхъ чертахъ, къ тѣмъ же выводамъ, какъ и Бахофенъ. Работы Макъ Ленана, которыя начали появляться съ 1865 г., и труды Моргана, выпущенные въ свѣтъ почти одновременно съ ними, произвели окончательный переворотъ въ наукѣ о древнѣйшихъ формахъ общежитія и поставили дальнѣйшія изслѣдованія въ этомъ направленіи на прочную почву.

Матеріаломъ для работъ Макъ Ленана являлись литературныя свѣдѣнія о жизни такъ называемыхъ дикихъ племенъ, а для Моргана— кромѣ того и личное изученіе быта нѣкоторыхъ краснокожихъ народностей Сѣверной Америки. Онъ долго жилъ среди ирокезовъ и былъ усыновленъ однимъ изъ краснокожихъ вождей племени сенека. Еще въ 1847 г. и въ 1851 г. онъ описалъ оригинальныя установленія хорошо знакомой ему народности. Свѣдѣнія, имъ собранныя, настолько рѣзко противорѣчили общепринятымъ понятіямъ о семьѣ и родствѣ— что они побудили американское правительство собрать путемъ опросныхъ листовъ данныя о системахъ родства среди другихъ краснокожихъ. Пользуясь обильными фактами, стекавшимися въ извѣстный Смисзоновскій Институтъ (Smithsonian Institution), литературнымъ матеріаломъ о некультурныхъ народностяхъ Азіи, Африки, Австраліи и Полинезіи, Морганъ начерталъ исторію развитія семьи въ первобытныхъ обществахъ. По его мнѣнію, групповой бракъ (*промискуитетъ*) предшествовалъ другимъ стадіямъ сожитія половъ; при такой формѣ брачныхъ союзовъ не могло быть рѣчи о знаніи фактическаго отца, потому что всѣ женщины данной группы были женами всѣхъ мужчинъ ея; отсюда вытекалъ неизбѣжно счетъ родства по материнской линіи. Съ развитіемъ культуры, кругъ лицъ, имѣвшихъ право

вступать другъ съ другомъ въ общеніе, постепенно съуживался, пока, наконецъ, не наступило единобрачіе. Эти стадіи Морганъ считалъ общими для всѣхъ народностей на основаніи данныхъ, полученныхъ историко-сравнительнымъ методомъ и методомъ изученія переживаній.

Макъ Ленанъ выводилъ исторію семьи другимъ путемъ и изъ другихъ источниковъ. Несмотря на несогласіе съ Морганомъ относительно цѣлаго ряда вопросовъ, на полемику, возгорѣвшуюся между ними, Макъ Ленанъ признавалъ, какъ Бахофенъ и Морганъ, что семьѣ въ современномъ значеніи этого слова предшествовала стадія, приведшая къ матріархату.

Споръ Макъ Ленана и Моргана, которые въ теченіе всей своей жизни полемизировали другъ съ другомъ, въ настоящее время потерялъ въ значительной степени интересъ. Дальнѣйшіе труды другихъ изслѣдователей отвергли многое изъ положеній обоихъ ученыхъ и исправили и видоизмѣнили ихъ выводы. Но краеугольные камни, на которыхъ они зиждили свои положенія, и въ настоящее время служатъ еще опорами при изученіи исторіи семейно-общественныхъ отношеній. Многіе ученые разныхъ странъ въ существенномъ примкнули къ взглядамъ Моргана и Макъ Ленана и продолжали плодотворныя изысканія въ области первобытнаго права. Работы Лёббока (Lubbock), Спенсера (Spencer)—въ Англіи, Жиро-Тёлона (Giraud-Teulon)—въ Швейцаріи, Поста (Post), Бастіана (Bastian), Даргуна (Dargun), Гельвальда (Hellwald)—въ Германіи, Вилькена (Wilken)—въ Голландіи, Летурно (Letourneau)—во Франціи и множество другихъ въ значительной степени подвинули впередъ науку по пути, указанному основателями науки о семьѣ, внесли многія ограниченія и перемѣны въ крайности ихъ взглядовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ расширили научныя перспективы. Правда, до настоящаго времени еще многіе отдѣльные вопросы недостаточно выяснены, относительно многихъ законовъ, регулировавшихъ общественное развитіе человѣчества, можно говорить только предположительно и строить лишь гипотезы; но это легко объясняется тѣмъ, что со времени появленія труда Бахофена прошло сравнительно немного времени. Вглядываясь въ успѣхи, достигнутые наукой въ этотъ краткій срокъ и выразившіеся въ огромной литературѣ, посвященной разработкѣ вопроса объ эволюціи человѣческаго общества, нельзя не оцѣнить всей важности трудовъ Бахофена, Моргана и Макъ Ленана. Они являются первыми представителями эволюціонной теоріи развитія семьи. Рядъ ученыхъ, шедшихъ по ихъ пути, служитъ доказательствомъ, съ какимъ сочувствіемъ было встрѣчено новое направленіе.

Однако, развивая новую теорію, ученые вносили и многія измѣненія во взгляды Макъ Ленана, Моргана и Бахофена. Такъ, напримѣръ, послѣдніе два изслѣдователя признавали, что всѣ мужчины первобытной группы были или могли быть мужьями всѣхъ женщинъ ея. Бахофенъ называлъ эту стадію—гетеризмомъ, Морганъ—стадіей промискуитета. Изъ этого состоянія, по мнѣнію Бахофена, возникла стадія гинекократіи, періодъ господства женщинъ. Критика указала, что терминъ *гетеризмъ* выбранъ неудачно, такъ какъ онъ не выражаетъ того, что подъ нимъ подразумѣвали греки, у которыхъ Бахофенъ заимствовалъ это слово. «У грековъ, замѣчаетъ Энгельсъ (Engels), гетеризмъ означалъ сношенія холостыхъ или живущихъ въ единобрачіи мужчинъ съ незамужними женщинами; поэтому гетеризмъ всегда предполагаетъ существованіе опредѣленной формы брака, внѣ которой происходятъ эти сношенія, и включаетъ въ себѣ, по крайней мѣрѣ, возможность проституціи. Въ другомъ смыслѣ это слово никогда не употреблялось». Лёббокъ въ своемъ трудѣ «Начало цивилизаціи» (The origin of civilization) предложилъ слова гетеризмъ или промискуитетъ замѣнить словомъ «общинный», «коммунальный бракъ». Этотъ терминъ Лёббокъ выбираетъ, какъ онъ самъ говоритъ, «изъ приличія». Терминъ «коммунальный бракъ» имѣлъ успѣхъ въ литературѣ и вытѣснилъ названія «гетеризмъ» и «промискуитетъ». Критикуя теорію Бахофена, Лёббокъ отрицаетъ существованіе стадіи главенства женщинъ (гинекократію); многочисленными примѣрами онъ доказалъ, что положеніе женщины среди дикарей приниженное, что гинекократія, какъ стадія развитія—плодъ фантазіи Бахофена и недостаточнаго знакомства съ фактами. Болѣе существенное исправленіе въ теорію послѣдняго внесено Спенсеромъ, который рѣшительно отвергалъ существованіе стадіи коммунальнаго брака, посвятивъ въ своемъ трудѣ нѣсколько страницъ основательной критикѣ ученія Лёббока. Онъ, между прочимъ, говоритъ: «Я не думаю, чтобы факты оправдывали заключеніе, будто бы безпорядочное половое сожительство существовало когда либо въ совершенно неограниченной формѣ. Кромѣ того, мнѣ кажется, что если бы оно даже и существовало въ этой формѣ, то все таки названіе коммунальнаго брака не дало бы намъ вѣрнаго представленія о немъ. Начальное общественное состояніе должно было представлять такой порядокъ вещей, при которомъ не существовало еще никакихъ общественныхъ законовъ. Эти законы предполагаютъ нѣкоторую продолжительность общественнаго существованія, а послѣднее возможно лишь при послѣдовательной смѣнѣ нѣсколькихъ поколѣній. Вслѣдствіе этого, въ самомъ началѣ не могло существовать такого общественнаго закона, какъ законъ коммунальнаго брака, въ силу котораго каждый

мужчина и каждая женщина извѣстнаго маленькаго племени считались въ одинаковой степени принадлежащими другъ другу, какъ мужъ и жена; въ самомъ началѣ не могло существовать ни малѣйшаго представленія о правахъ, вытекающихъ изъ коммунальнаго брака. Слова «бракъ» и «право», въ приложеніи къ подобному общественному состоянію, могутъ, какъ мнѣ кажется, привести къ весьма ошибочнымъ представленіямъ. Каждое изъ этихъ словъ подразумѣваетъ нѣкоторое притязаніе и нѣкоторое ограниченіе. Коль скоро же притязаніе признается одинаково за всѣми членами даннаго племени, то единственнымъ ограниченіемъ можетъ быть исключеніе членовъ другихъ племенъ; но мнѣ кажется, продолжаетъ Спенсеръ, невозможнымъ утверждать, чтобы идея о бракѣ внутри племени явилась изъ отрицанія притязаній личностей, принадлежащихъ къ другимъ племенамъ. Оставимъ вопросъ о терминологіи, говоритъ Спенсеръ, и перейдемъ къ разсмотрѣнію существеннаго вопроса: предшествовало ли то, что мы могли бы назвать племенной монополіей, т. е. общее владѣніе женщинами, индивидуальной монополіи. Сэръ Джонъ Лёббокъ полагаетъ, что отсутствіе индивидуальнаго супружескаго обладанія шло параллельно съ отсутствіемъ индивидуальнаго обладанія вообще, т. е., пока не существовало понятія объ индивидуальной собственности на другія вещи, не существовало и понятія объ индивидуальной собственности на женщину; что какъ территорія даннаго племени была общей собственностью, такъ точно и женщины племени были общей собственностью всѣхъ мужчинъ этого племени. Лёббокъ думаетъ, что частная собственность на женщину установилась только какъ результатъ похищенія женъ, вслѣдствіе того, что женщины, добытыя этимъ путемъ, начали считаться принадлежащими своимъ похитителямъ. Хотя я тоже вполнѣ согласенъ съ тѣмъ, что развитіе понятія о собственности вообще имѣло большое вліяніе на развитіе понятія о супружескихъ отношеніяхъ, тѣмъ не менѣе я нахожу вполнѣ возможнымъ не раздѣлять мнѣнія сэра Джона Лёббока, будто понятіе о собственности находилось когда нибудь въ такомъ неразвитомъ состояніи, какое предполагается имъ. Обыкновенно дикари владѣютъ индивидуально своимъ оружіемъ и утварью, своими украшеніями и одеждою. Даже у низко стоящихъ огнеземельцевъ существуетъ частная собственность по отношеніи къ лодкамъ. Въ самомъ дѣлѣ, то самое представленіе о будущихъ выгодахъ, которое заставляетъ разумное существо овладѣть какою нибудь полезною вещью, или изготовить ее для себя, побуждаетъ его сопротивляться отнятію этой вещи. Въ большинствѣ случаевъ ему не мѣ-

шаетъ владѣть вещью, потому что предметъ не стоитъ того, чтобы отважиться изъ-за него на драку; но даже въ тѣхъ случаяхъ, когда вещь, несмотря на сопротивленіе хозяина, отбирается у него другимъ, этотъ другой опять-таки владѣетъ ею индивидуально, такъ что она снова становится частною собственностью. Побужденія, приводившія первобытныхъ людей къ монополизированью другихъ цѣнныхъ предметовъ, должны были приводить ихъ и къ монополизированью женщинъ. Между ними должна была возникнуть частная собственность на послѣднихъ. Мнѣ кажется, прибавляетъ Спенсеръ, что такое заключеніе вполнѣ подтверждается фактами. Безпорядочное половое сожительство, какъ бы рѣзко ни было оно выражено въ томъ или другомъ случаѣ, всегда и повсюду оказывается ограниченнымъ союзами, имѣющими нѣкоторую продолжительность. У самыхъ низшихъ изъ существующихъ нынѣ расъ: у огнеземельцевъ, австралійцевъ и андаманцевъ мы постоянно находимъ болѣе или менѣе продолжительныя и прочныя половыя отношенія, хотя завязываются они часто безъ всякихъ формальностей; и я не вижу причины, почему въ общественныхъ группахъ, стоящихъ еще ниже, не существовало бы индивидуальнаго обладанія женщинами со стороны мужчинъ. Мнѣ кажется мы должны допустить, что даже въ доисторическія времена безпорядочное половое сожительство сдерживалось установленіемъ индивидуальныхъ связей, являвшихся слѣдствіемъ мужскихъ вкусовъ и склонностей и поддерживаемыхъ противъ другихъ мужчинъ открытою силою».

Количество фактовъ, стоявшихъ въ распоряженіи Спенсера, не позволяло ему обставить свою критику достаточно вѣскими доказательствами, добытыми изъ изученія жизни первобытныхъ племенъ и народностей. Онъ чисто теоретически отрицаетъ существованіе такой стадіи, которой давали названіе коммунальнаго, общиннаго, группового брака, гетеризма. Спенсеръ былъ вынужденъ сдѣлать нѣкоторую уступку господствовавшему въ то время мнѣнію и допустить, не измѣняя впрочемъ своего основного положенія, что «на самыхъ раннихъ ступеняхъ развитія безпорядочное половое сожительство ограничивалось... лишь въ очень слабой степени». Послѣ работы Спенсера поле этнографическихъ изслѣдованій, а также и объемъ собраннаго матеріала значительно увеличились. Новѣйшіе труды въ области исторіи развитія семьи поколебали во многомъ теоріи основателей науки о первобытномъ правѣ. Но взглядъ Спенсера на примитивную стадію человѣческаго общежитія находитъ себѣ подтвержденіе въ работахъ и тѣхъ ученыхъ, которые въ исторіи раз-

витія семьи намѣчаютъ иные пути, чѣмъ онъ. Можно съ полнымъ основаніемъ признать, что періодъ безпорядочнаго сожительства является наиболѣе древней изъ всѣхъ извѣстныхъ стадій общественнаго развитія человѣчества, хотя эту стадію нельзя понимать въ смыслѣ теоріи Бахофена, Моргана или Лёббока. Индивидуальное обладаніе женщиной могло продолжаться и долгое время, но отсутствіе регламентаціи связи дѣлало ее легко расторжимой, т. е. связь могла продолжаться и года и одинъ день, смотря по усмотрѣнію супруговъ. Естественно, что въ стадіи подобныхъ связей не можетъ быть рѣчи о семьѣ, если не понимать подъ ней сожитія двухъ лицъ разнаго пола, а организацію, влекущую за собой извѣстныя юридическія послѣдствія, какъ въ отношеніяхъ супруговъ между собой, такъ и въ отношеніяхъ родителей и дѣтей. Новѣйшія изысканія внесли значительныя поправки въ теорію Спенсера. Въ настоящее время можно смѣло отрицать существованіе когда либо у человѣчества коммунальнаго брака; далѣе слѣдуетъ признать, что безпорядочное сожительство ограничивалось въ большей степени даже на примитивныхъ ступеняхъ цивилизаціи, чѣмъ это думалъ Спенсеръ. Первобытное человѣчество нельзя себѣ представить иначе, какъ живущимъ группами, раздѣленнымъ на индивидуальные союзы отдѣльныхъ мужчинъ съ отдѣльными женщинами. Но не слѣдуетъ упускать изъ вида, что эти союзы являются чрезвычайно неустойчивыми, что они заключаются и расторгаются съ чрезвычайной легкостью, что единственной причиной ихъ продолжительности оказывается желаніе сожительствующихъ и дозволеніе сожительства со стороны группы.

Дальнѣйшія, послѣ Спенсера, работы продолжали развивать и дополнять вопросы объ эмбріонѣ семейно-общественнаго строя, намѣченные въ трудахъ Бахофена, Моргана, Макъ Ленана и Лёббока. Созданная ими школа эволюціонистовъ устанавливаетъ слѣдующія главныя положенія. 1) Первоначальнымъ эмбріономъ развитія человѣчества была группа. Въ предѣлахъ ея господствовали нерегулированныя отношенія между лицами разнаго пола. На фонѣ группы выдвигались индивидуальные союзы лицъ разнаго пола; они имѣли нѣкоторую продолжительность; однако, ни семьи, ни брака еще не существовало оттого, что брачныя отношенія не были нормированы ни обычаемъ, ни тѣмъ менѣе закономъ. 2) Эта нерегулированность отношеній между супругами и частыя ихъ расторженія обусловливали связь дѣтей только съ матерью; съ отцомъ—у нихъ не было связующихъ звеньевъ. Трудность опредѣленія отца при частомъ переходѣ женщины изъ рукъ въ руки, равно и равнодушіе къ вопросу

объ отцовствѣ породило обычай вести счетъ родства по женской линіи. Этотъ порядокъ предшествовалъ современному обычаю вести счетъ родства по отцовской, мужской линіи. 3) Указанныя стадіи развитія были болѣе или менѣе обязательны для всѣхъ представителей человѣчества: въ разное время всѣ племена земного шара должны были пройти черезъ эти культурныя ступени. Эта обязательность, конечно, касалась только общихъ основныхъ чертъ быта, а не деталей, которыя могли быть у разныхъ народностей различными. Эволюціонисты доказывали свои положенія, пользуясь, при изслѣдованіи матеріала, историко-сравнительнымъ методомъ и методомъ изученія фактовъ переживаній. Въ этомъ отношеніи всѣ работы этой школы носятъ болѣе или менѣе однообразный характеръ. Изслѣдуетъ ли эволюціонистъ вопросъ о происхожденіи семьи съ общей точки зрѣнія, или провѣряетъ на примѣрѣ одной или нѣсколькихъ народностей правильность выработанныхъ наукой положеній, онъ безразлично прибѣгаетъ къ установившемуся въ этнографіи методу: сравниваетъ черты быта у разныхъ народностей, отыскиваетъ причины явленій, отмѣчаетъ черты сходства и различія и сопоставляетъ ихъ въ преемственномъ порядкѣ. Такимъ путемъ получается историческій обзоръ развитія семьи, параллельно съ которымъ идетъ и изученіе причинъ, заставляющихъ видоизмѣняться установившіяся нормы и приводящихъ къ другимъ, болѣе высокимъ. Со времени Моргана эволюціонная школа можетъ считаться господствующей; на западѣ она вызвала къ жизни обширную литературу о семьѣ.

Россія также не осталась чужда рѣшенію вопросовъ о первобытныхъ стадіяхъ развитія человѣчества. Эволюціонная школа получила и здѣсь значительное распространеніе. Нѣкоторые писатели освѣщали общія положенія науки о семьѣ фактами, добытыми изъ изученія нормъ первобытнаго права среди русскихъ и инородцевъ. Достаточно вспомнить труды М. М. Ковалевскаго, который широко воспользовался свѣдѣніями изъ быта населенія Кавказа и изъ жизни русскаго крестьянства для доказательства того или иного изъ своихъ положеній. Другіе изслѣдователи, наоборотъ, старались съ общихъ точекъ зрѣнія науки о семьѣ освѣтить бытъ изслѣдуемой народности.

Въ то время, какъ ученые запада вынуждены обращаться за матеріаломъ къ литературнымъ свѣдѣніямъ о такъ называемыхъ дикихъ племенахъ, изслѣдователь, живущій въ Россіи, поставленъ въ значительно болѣе благопріятныя условія: онъ можетъ наблюдать многія стороны древняго быта у себя.

Русскими изслѣдователями сдѣлано уже немало по освѣщенію

этнографическихъ фактовъ, собранныхъ среди разныхъ инородческихъ племенъ, населяющихъ Россію, равно и русскаго крестьянскаго населенія. Всѣ эти данныя позволяютъ отчасти провѣрить, отчасти видоизмѣнить или дополнить выводы западно-европейскихъ ученыхъ этнографовъ. Но собираніе матеріаловъ по этнографіи, также и научная разработка ихъ еще далеки отъ своего окончанія: нѣтъ народности, нѣтъ уголка въ Россіи, гдѣ бы нельзя было найти неизвѣстныхъ еще свѣдѣній, разработка которыхъ не внесла бы новаго въ научныя точки зрѣнія. Каждый годъ русская этнографическая литература обогащается крупными трудами; они одновременно служатъ доказательствомъ, какой обширный матеріалъ ожидаетъ изслѣдователя въ любой мѣстности нашей родины, и поднимаютъ все новые научные вопросы.

Въ виду выдающагося интереса русскихъ этнографическихъ матеріаловъ въ дальнѣйшемъ изложеніи будетъ, гдѣ это возможно, обращено особенное вниманіе на бытъ разноплеменнаго населенія Россіи.

Быстрая побѣда школы эволюціонистовъ надъ господствовавшей въ теченіе вѣковъ теоріей имѣетъ естественное объясненіе. Въ то время, какъ прежняя патріархальная теорія зиждилась преимущественно на отвлеченномъ представленіи о человѣкѣ, поборники новыхъ взглядовъ выступили во всеоружіи доступныхъ въ то время фактовъ, добытыхъ изъ наблюденія надъ живымъ міромъ первобытныхъ народностей; они краснорѣчиво говорили противъ остроумныхъ, но бездоказательныхъ кабинетныхъ гипотезъ.

Количество этихъ новыхъ свидѣтельствъ было дѣйствительно поразительно: изъ всѣхъ частей свѣта, отъ различнѣйшихъ народностей приходили свѣдѣнія о существованіи счета родства по женской линіи, о преобладающемъ вліяніи въ родственныхъ группахъ матери надъ отцомъ, о многомужествѣ и т. п. несообразныхъ для культурнаго европейца фактахъ, возмущающихъ его нравственное чувство и чувство приличія. Подъ вліяніемъ новыхъ взглядовъ заговорили въ пользу новыхъ изслѣдователей исторіи семьи и давно забытыя свидѣтельства древности: миѳы, древніе памятники права, въ истинномъ значеніи которыхъ прежніе историки и юристы не отдавали себѣ отчета. Въ защиту новыхъ идей противъ старыхъ поднялись, наконецъ, данныя изъ современнаго быта культурныхъ народностей, сохранившихъ въ качествѣ переживанія слѣды древнихъ установленій. То, на что недавно еще смотрѣли какъ на курьезъ, на результатъ извращенія культуры, упадка нравственности, по-

лучило значеніе вѣскаго доказательства того, что культурныя народности современности нѣкогда проходили тѣ стадіи развитія, которыя переживаютъ современные дикари. Обычаи и обряды, къ которымъ относились прежде съ снисходительной улыбкой, о которыхъ не считали нужнымъ распространяться, сдѣлались предметомъ внимательнаго собиранія изслѣдователями, освѣщавшими ими первобытное право человѣчества. Однимъ словомъ, процессъ, который уже нѣсколько раньше коснулся обширной области вѣрованій и народнаго творчества, захватилъ теперь и область народнаго правовоззрѣнія. Но и новое теченіе не осталось безъ серьезной критики.

Даже самые горячіе защитники патріархальной теоріи должны были признать, что многія стороны древнѣйшей жизни человѣчества освѣщаются новыми данными. Но расовая гордость, самомнѣніе культурнаго европейца, сознающаго себя неизмѣримо выше отсталыхъ расъ, нелегко могла помириться съ предположеніемъ, что и индоевропейская семья народностей нѣкогда шла тѣми же путями развитія, какъ и нецивилизованные дикари. Являлось понятное желаніе выдѣлить исторію развитія предковъ культурныхъ европейцевъ въ особую группу, отличную отъ хода развитія дикарей: подвинувшаяся дальше всѣхъ въ цивилизаціи раса должна была имѣть и свою, отличную отъ другихъ исторію.

Наиболѣе талантливымъ представителемъ этого взгляда является англійскій ученый юристъ Мэнъ (Maine). Мэнъ признаетъ, что материнскій родъ, многомужество и прочіе такъ называемые дикіе обычаи могли быть удѣломъ низшихъ расъ, которымъ не было суждено играть роль въ исторіи. Индоевропейская семья народовъ (т. е. индусы, иранцы, греки, римляне, кельты, германцы, славяне и др.) шла путемъ самостоятельнымъ; она знала только организацію патріархальную. Основой развитія индусскаго общественно-семейнаго строя, по мнѣнію Мэна, является большая семья, основанная на патріархальныхъ началахъ: во главѣ управленія стоитъ патріархъ-отецъ, дѣдъ, имѣющій право распоряжаться общимъ семейнымъ имуществомъ; онъ же, владыка надъ младшими членами семьи, имѣетъ надъ послѣдними право жизни и смерти. Положеніе женщины при такомъ порядкѣ вещей безправное; она находится подъ опекой своего мужа. Члены такой семейной общины объединены не только единой властью, единствомъ владѣнія и пользованія земельной собственностью, но и общимъ культомъ — именно поклоненіемъ умершимъ предкамъ семьи. Въ своемъ интересномъ трудѣ «Древній законъ и обычай» (Early Lawa Custom) Мэнъ, рисуя первоначальный бытъ древнихъ индусовъ, раз-

[illegible] и [illegible] источники древняго индійскаго права, на которомъ [illegible] и основывается [illegible] положенія.

Въ лицѣ Мэна [illegible] и [illegible] новымъ оружіемъ [illegible] [illegible] и работы его въ этомъ направленіи представляютъ большой и серьезный интересъ. Но [illegible] [illegible] [illegible]

выразиться, постепенно инфильтрировались въ новые труды по исторіи семьи. Достаточно сравнить, напримѣръ, схему развитія семьи, выставленную Морганомъ, съ выводами одного изъ болѣе новыхъ изслѣдователей того же направленія Летурно, чтобы понять, какая неизмѣримая разница отдѣляетъ основателя эволюціонной теоріи отъ одного изъ его позднѣйшихъ послѣдователей.

Слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду, что въ вопросѣ о развитіи семьи эволюціонная теорія, представленная многочисленными и разноцѣнными въ научномъ смыслѣ изслѣдователями, страдаетъ и весьма существенными недостатками. Въ трудахъ ихъ иногда отсутствовало строго критическое отношеніе къ этнографическому матеріалу; они нерѣдко пользовались непровѣренными и часто крайне поверхностными наблюденіями совершенно случайныхъ путешественниковъ, въ особенности, если показанія послѣднихъ шли на встрѣчу отстаиваемому ими апріорно выводу. Благодаря этому неразборчивому отношенію къ матеріалу многія научныя положенія оказались очень непрочными и не могли выдержать серьезной критики. Вторымъ недостаткомъ многихъ эволюціонистовъ было легкомысленное иногда пользованіе историко-сравнительнымъ методомъ и методомъ изученія переживаній. Многіе факты изъ жизни болѣе культурныхъ племенъ только оттого, что они представляли сходство съ обычаями ниже стоящихъ народовъ, принимались за переживаніе болѣе древней, примитивной стадіи развитія. Часто изслѣдователи упускали изъ виду, что на основаніи одного внѣшняго сходства въ обычаяхъ нельзя считать ихъ вытекающими изъ одного источника. Факты, добытые такимъ путемъ, классифицировались въ схему уже раньше приготовленную; при этомъ забывалось, что цѣль историко-сравнительнаго метода— открывать схемы развитія семьи у первобытныхъ народовъ, а не подгонять факты къ заготовленному заранѣе и недостаточно установленному научно трафарету. Существенный недостатокъ эволюціонистовъ заключался также въ томъ, что они слишкомъ абсолютно старались провести мысль объ обязательности прохожденія всѣми народностями всѣхъ стадій развитія, установленныхъ для всего человѣчества. Многіе упускали изъ вида, что жизнь даже первобытныхъ группъ крайне сложна, что на выработку той или иной нормы вліяютъ самыя разнообразныя условія, которыя не могутъ быть одинаковыми у всѣхъ племенныхъ группъ. Слѣдовательно, если и возможно говорить о законахъ развитія семьи у всего человѣчества, то только подъ условіемъ пониманія этихъ законовъ въ самыхъ общихъ чертахъ и только съ точки зрѣнія общечеловѣческой эволюціи; частичныя отклоненія и видоизмѣ-

ненія этихъ общихъ законовъ должны быть широко допущены въ отношеніи къ отдѣльнымъ народностямъ или племеннымъ группамъ. Эти недостатки привели за послѣднія десятилѣтія къ критикѣ многихъ положеній эволюціонистовъ.

Съ выходомъ въ 1888 г. въ свѣтъ книги копенгагенскаго профессора Старке (Starcke): «Первобытная семья» (La Famille primitive. Die primitive Familie) начинается новая эра въ изслѣдованіи исторіи развитія семьи. За Старке скоро послѣдовалъ рядъ трудовъ, цѣлью которыхъ было ослабить крайности эволюціонной теоріи: Вестермаркъ (Westermarck), Гроссе (Grosse), Гильдебрандъ (Hildebrand), Мукке (Mucke), Тилье (Tillier) и многіе другіе выступили съ рѣзкой критикой теорій Моргана, Лёббока, Спенсера и ихъ послѣдователей. Сущность возраженій новой школы изслѣдователей развитія семьи сводится къ критикѣ указанныхъ недостатковъ. Въ результатѣ эта новая группа писателей приходитъ къ выводу, что материнскій счетъ родства не только не предшествовалъ отцовскому, какъ это утверждаютъ эволюціонисты, но появлялся впослѣдствіи—въ большинствѣ случаевъ подъ вліяніемъ спеціальныхъ условій быта данной народности, что счетъ родства по материнской линіи безусловно не можетъ быть признанъ за стадію развитія человѣчества. Далѣе, они отрицаютъ, будто развитіе человѣчества началось съ группы; эмбріономъ человѣческаго развитія они считаютъ семью въ зоологическомъ смыслѣ этого слова. Оставивъ пока въ сторонѣ Вестермарка, который среди представителей новой школы занимаетъ нѣсколько обособленное мѣсто, остановимся немного подробнѣе на основныхъ положеніяхъ этой школы.

Старке, Гроссе и Гильдебрандъ нападаютъ въ своихъ трудахъ прежде всего противъ метода эволюціонистовъ и противъ способа пользованія ими этнографическимъ матеріаломъ. Старке прямо отвергаетъ пригодность историко-сравнительнаго метода и метода изученія переживаній. Онъ указываетъ, что въ каждомъ данномъ явленіи жизни племени необходимо изучать не только слѣдствія его, какъ это дѣлаютъ эволюціонисты, но и причины. Если изслѣдователь встрѣчаетъ какую нибудь черту быта у данной народности, говоритъ Старке, еще недостаточно признать ее переживаніемъ, только отъ того, что она кажется таковой изслѣдователю; онъ долженъ узнать, какъ объясняетъ сама народность появленіе этой черты. Далѣе, крайне неосторожно, по словамъ Старке, со стороны эволюціонистовъ выхватывать изъ описанія народнаго быта какую нибудь черту, не обращая вниманія на условія, въ которыхъ живетъ данная народность; смѣ-

шеніе воедино фактовъ, выбираемыхъ одновременно изъ быта низшихъ дикарей-охотниковъ, изъ быта скотоводовъ и даже высоко-культурныхъ племенъ, не только не можетъ содѣйствовать выясненію развитія человѣчества, но, напротивъ, способно только запутать истину. Каждое явленіе народной жизни должно быть разсматриваемо съ точки зрѣнія условій, среди которыхъ оно появилось и поддерживается и единственно съ этой точки зрѣнія. Эволюціонисты придумали схему человѣческаго развитія и объявляютъ, по словамъ Старке, что одно явленіе характеризуетъ болѣе высокую, другое менѣе высокую ступень развитія человѣчества. Но гдѣ гарантія, спрашиваетъ копенгагенскій ученый, что явленіе, принимаемое изслѣдователемъ за первобытное, оказывается таковымъ на самомъ дѣлѣ? въ чемъ заключается критерій, что одно явленіе должно считаться высшаго порядка сравнительно съ другимъ? Изучая же явленія въ ихъ обстановкѣ и разслѣдуя причины ихъ у каждой данной народности, возможно, по мнѣнію Старке, отыскать послѣдовательную лѣстницу культурныхъ звеньевъ, хотя и менѣе однообразную, чѣмъ это дѣлаютъ эволюціонисты. Причины, дѣйствующія въ народной жизни, крайне разнообразны; различныя причины могутъ привести иногда къ однимъ и тѣмъ же слѣдствіямъ; эволюціонисты же, найдя одинаковыя слѣдствія, заключаютъ отсюда и объ одинаковости причинъ. Въ этомъ, говоритъ Старке, состоитъ ихъ роковая ошибка.

Почти тѣ же мысли высказываетъ и Гроссе въ своей книгѣ «Формы семьи и формы хозяйства» (Die Formen der Familie u. die Formen der Wirtschaft). Онъ не считаетъ возможнымъ примѣнять въ вопросахъ, касающихся исторіи семьи, историко-сравнительный методъ по тѣмъ же соображеніямъ, которыя приводятся Старке. Гроссе высказываетъ убѣжденіе, что всякое стремленіе открыть исторію развитія семьи слѣдуетъ признать въ настоящій моментъ преждевременнымъ; работы своихъ предшественниковъ въ этой области онъ признаетъ ошибочными и неудачными: они явились, по его словамъ, результатомъ увлеченія эволюціоннымъ методомъ, получившимъ слишкомъ большое, въ ущербъ открытію истины, господство во всѣхъ какъ естественныхъ, такъ и общественныхъ наукахъ. Гроссе думаетъ, что въ настоящее время работа въ отношеніи изученія первобытной семьи возможна исключительно въ слѣдующихъ двухъ направленіяхъ: необходимо 1) подготовлять новый матеріалъ путемъ собиранія новыхъ свѣдѣній и 2) провѣрять и критически оцѣнивать старый матеріалъ. Прежде чѣмъ возможно будетъ построить исторію развитія семьи, необходимо изучить всесторонне существующіе типы семейно-родственныхъ организацій у разныхъ племенъ. Задача, которую ставитъ себѣ Гроссе, это

изучить состояніе формъ общежитія, тогда какъ цѣль прежнихъ изслѣдователей эволюціонистовъ заключалась въ обоснованіи процесса ихъ развитія. Естественно, что существующіе типы семейно-родственныхъ организацій у разныхъ племенъ слѣдуетъ изучать въ связи съ обстановкой и условіями, среди которыхъ они возникли и существуютъ. «Для того, чтобы понять извѣстный видъ семейнаго устройства, замѣчаетъ Гроссе, слѣдуетъ изучать его въ его естественной связи съ окружающей его общей культурой народа». «Прежніе изслѣдователи, продолжаетъ онъ, мало обращали вниманіе на это и брали факты безъ отношенія къ условіямъ быта, вслѣдствіе чего, даже въ новѣйшихъ работахъ, различныя формы семьи обсуждаются и приводятся въ систему безъ вниманія къ степени ихъ культуры». Таковы въ краткихъ словахъ взгляды Гроссе на методъ изслѣдованія вопроса о первобытной семьѣ. Они мало отличаются отъ взглядовъ Старке и знаменуютъ то же направленіе въ этнографической литературѣ, явившееся реакціей противъ крайностей эволюціонистовъ. Таково же отношеніе и грацкаго профессора Гильдебранда къ своимъ предшественникамъ эволюціонистамъ. Гильдебрандъ, подобно Старке и Гроссе, дѣлаетъ имъ упрекъ, что они, опредѣляя, слѣдуетъ ли данное явленіе семейно-общественной жизни народа считать послѣдующимъ или предшествующимъ другому явленію, руководствуются исключительно индивидуальными взглядами; у эволюціонистовъ отсутствуетъ прочный критерій для классификаціи явленій, и это то, по словамъ Гильдебранда, дѣлаетъ ихъ труды столь шаткими въ научномъ отношеніи.

Приведенныя осужденія методологическаго характера, относящіяся къ прежнимъ изслѣдователямъ вопроса о развитіи семьи, высказываются новѣйшими учеными съ удивительнымъ единодушіемъ; на первый взглядъ можетъ казаться, будто они занимаютъ въ отношеніи метода совершенно особое положеніе, діаметрально противоположное эволюціонной теоріи. Дѣйствительно, они единогласно осуждаютъ историко-сравнительный методъ и методъ изученія фактовъ переживанія; они выступаютъ какъ бы провозвѣстниками новаго метода и словно рвутъ всякую связь со своими предшественниками. Подобное впечатлѣніе получается, однако, лишь при бѣгломъ обзорѣ ихъ методологическихъ положеній. Старке, Гроссе и Гильдебрандъ возражаютъ противъ метода историко-сравнительнаго и метода изученія фактовъ переживанія не по существу, а противъ того способа ихъ примѣненія, который является нерѣдко характернымъ для работъ ихъ предшественниковъ. Они вводятъ существенныя исправленія, но не въ самый

методъ, а въ способы пользованія имъ; въ этомъ заключается ихъ весьма важная заслуга. Вслѣдствіе этого едва ли возможно признать, что между ними и ихъ предшественниками не существуетъ связи; напротивъ того, они являются непосредственными ихъ пріемниками, вносящими лишь бо́льшую осмотрительность, а потому и бо́льшую научность въ изслѣдованіе исторіи семьи. Старке, Гроссе и Гильдебрандъ въ методологическомъ отношеніи знаменуютъ новый періодъ развитія нашей науки, когда накопившіяся данныя заставляютъ осторожнѣе относиться къ выводамъ; они характеризуютъ, если такъ можно выразиться, періодъ наступленія зрѣлости въ наукѣ о семьѣ, какъ труды ихъ многочисленныхъ предшественниковъ знаменуютъ періодъ юности этой науки. Труды новѣйшихъ изслѣдователей служатъ лучшимъ доказательствомъ той органической преемственной связи, существующей между ними и ихъ предшественниками. Ратуя противъ эволюціонистовъ, они намѣчаютъ, однако, въ результатѣ эволюцію семьи. Даже Гроссе, утверждая, что теперь еще не настало время писать исторію семьи, въ сущности даетъ эту исторію въ своей книгѣ. Наконецъ, они всѣ пользуются историко-сравнительнымъ методомъ и изучаютъ факты переживанія, но стараются съ бо́льшимъ или меньшимъ успѣхомъ избѣгать недостатковъ, отмѣченныхъ ими у своихъ предшественниковъ.

Критеріемъ при классификаціи данныхъ о первобытномъ семейно-общественномъ устройствѣ, въ отсутствіи котораго упрекаютъ эволюціонистовъ Старке, Гроссе и Гильдебрандъ, эти авторы считаютъ различіе экономическихъ условій быта отдѣльныхъ народностей. Всѣ три названныхъ писателя являются представителями экономическаго матеріализма, примѣненнаго къ этнографіи. Теорія экономическаго матеріализма имѣла успѣхъ при объясненіи явленій общественной жизни въ предѣлахъ человѣческихъ аггрегацій; вполнѣ естественно, что господствующіе взгляды не могли не отразиться и на этнографическихъ работахъ. Плодотворность результатовъ, добытыхъ путемъ объясненія экономическими факторами явленій жизни, дѣлаетъ, конечно, желательнымъ примѣненіе этого же метода и въ этнографіи. Справедливость, однако, требуетъ замѣтить, что ни Старке, ни Гильдебрандъ, ни Гроссе не являются, поскольку рѣчь идетъ о развитіи семьи, новаторами въ этомъ отношеніи. Прежніе авторы обращали не мало вниманія на значеніе экономическаго фактора въ исторіи появленія и развитія нормъ первобытнаго права. Стоитъ вспомнить Спенсера, который съ особенной силой отмѣчаетъ роль его въ своихъ «Основаніяхъ соціологіи» (Principles of sociology). Но новѣйшіе изслѣдователи расширяютъ сферу объясненія

экономическими условіями перемѣнъ, происходящихъ въ бытѣ нецивилизованныхъ племенъ. Старке, давшій толчекъ къ критикѣ крайностей эволюціонизма, дѣлаетъ это въ меньшей степени, чѣмъ Гроссе, а Гроссе менѣе, чѣмъ Гильдебрандъ. Послѣдній является крайнимъ, а потому и одностороннимъ представителемъ экономическаго матеріализма въ этнографіи.

Старке признаетъ, что экономическимъ принципомъ нельзя объяснять всѣхъ явленій въ сложной жизни дикарей. Но принципъ кровно-родственный, такъ же, какъ и принципъ религіозный, отступаютъ въ его глазахъ на второй планъ передъ экономическимъ. Старке при объясненіи явленія ищетъ сначала причину его въ экономическомъ факторѣ и только въ томъ случаѣ, если послѣдняго недостаточно для объясненія изучаемаго явленія, онъ обращается къ другимъ. Пріемъ, конечно, односторонній: въ жизни дикаря, какъ и въ жизни цивилизованной народности, рѣдко дѣйствуетъ только одинъ факторъ; обыкновенно на перемѣну въ нормахъ семейно-общественной жизни оказываютъ вліяніе нѣсколько факторовъ, и поэтому, для правильнаго пониманія явленія, необходимо опредѣлить роль каждаго изъ нихъ. Опускать это изъ вида составляетъ, впрочемъ, лишь недостатокъ въ примѣненіи метода, указаннаго Старке, и нисколько не подрываетъ его взгляда по существу. Во всякомъ случаѣ Старке, выдвигая съ особенной интенсивностью значеніе экономическихъ условій на ходъ развитія первобытнаго человѣчества, оказываетъ наукѣ существенную услугу. Гораздо рѣзче выражены тѣ же мысли у Гроссе. Гроссе находитъ возможнымъ изучать различныя формы семейнаго устройства у первобытныхъ народовъ не иначе, какъ подъ условіемъ сопоставленія ихъ съ типами хозяйственнаго быта. Онъ принимаетъ за критерій классификаціи народностей различныя формы хозяйственнаго строя и въ предѣлахъ каждой группы, установленной этимъ путемъ, онъ опредѣляетъ господствующую форму строя семейнаго. Онъ послѣдовательно разсматриваетъ семью и ея организацію у «низшихъ и высшихъ охотническихъ народностей», у скотоводовъ, и у «низшихъ и высшихъ земледѣльцевъ»; изъ формъ хозяйственнаго строя онъ объясняетъ, почему у каждой изъ изслѣдуемыхъ группъ семейное устройство приняло своеобразное, отличное отъ другихъ, направленіе. Семья у охотниковъ построена на иныхъ началахъ, чѣмъ у земледѣльцевъ, а у послѣднихъ на другихъ, чѣмъ у скотоводовъ—и это оттого, что семейное устройство вырабатывается подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ экономическихъ условій, которыя у каждой группы различны, что форма семьи, если такъ можно выразиться, «приспособляется»

къ формѣ хозяйственной жизни. Гильдебрандъ въ своемъ трудѣ «Recht u. Sitte auf den verschiedenen wirtschaftlichen Kulturstufen» (Право и обычай на различныхъ экономическихъ культурныхъ ступеняхъ), равно и въ нѣкоторыхъ другихъ статьяхъ, указываетъ, такъ же, какъ Старке и Гроссе, на необходимость изученія формъ быта съ точки зрѣнія видоизмѣненій въ экономическомъ бытѣ народности. Такое изученіе, по его словамъ, представляетъ то преимущество, что экономическая жизнь «являетъ всюду одинаковый, постоянно двигающійся въ одномъ и томъ же направленіи ходъ развитія. Это обстоятельство имѣетъ свое объясненіе въ томъ, что населеніе или число людей всегда и всюду возрастаетъ въ бо́льшей или меньшей степени, и въ томъ, что изъ всѣхъ интересовъ, которые управляютъ дѣйствующею жизнью, экономическіе, по природѣ вещей, оказываются всегда самыми могущественными и основными». Каждой ступени хозяйственнаго быта должна соотвѣтствовать непремѣнно извѣстная, всегда опредѣленная, совокупность явленій семейно-общественной жизни. Классифицируя эти послѣднія по экономическимъ ступенямъ, изслѣдователь можетъ, по мнѣнію Гильдебранда, опредѣлить, какое явленіе оказывается первоначальнымъ, и какое послѣдующимъ. «Точка опоры рычага Архимеда, пишетъ онъ, посредствомъ котораго можно поднять весь міръ права и нравственности, лежитъ въ экономическомъ бытѣ». Подъ эту точку зрѣнія Гильдебрандъ подводитъ этнографическіе факты безъ всякой критики. Выдвигая съ особенной интенсивностью значеніе одного фактора, вліяющаго на развитіе человѣчества, Гильдебрандъ совершенно упускаетъ значеніе другихъ. Онъ, впрочемъ, не можетъ считаться серьезнымъ и безпристрастнымъ изслѣдователемъ исторіи развитія семьи; его взглядъ представляетъ интересъ, какъ доказательство того, что правильный въ своей основѣ методъ, примѣненный неправильно, можетъ вызвать путанницу въ нелегкихъ вопросахъ о первобытномъ семейнообщественномъ строѣ человѣчества.

Изъ того, что сказано о методѣ Старке и Гроссе, ясно, что ими должны были быть представлены серьезныя возраженія противъ теоріи эволюціонистовъ объ обязательности прохожденія всѣми племенными группами всѣхъ стадій развитія семейнаго строя. Разъ экономическіе факторы обусловливаютъ характеръ семейнаго строя у каждой данной народности, развитіе, понятно, не было одинаковымъ. Правда, что болѣе или менѣе всѣ народности начали свой культурный путь съ охотничьяго быта; но далеко не всѣ прошли стадію скотоводства. Множество народностей отъ охотничьяго быта переходятъ непосредственно къ земледѣлію; другія, наоборотъ, дѣлаются скотоводами и

живутъ въ этой формѣ хозяйства до настоящаго времени; иныя, наконецъ, перешли къ земледѣлію послѣ долгой скотоводческой жизни. Слѣдовательно, о безусловно однообразномъ ходѣ развитія семьи не можетъ быть рѣчи въ отношеніи ко всѣмъ племенамъ; сходство ограничивается исключительно предѣлами тѣхъ группъ народностей, которыя прошли одинаковыя ступени экономическаго роста. Это—основное положеніе представителей новѣйшей школы исторіи семьи, и въ общемъ оно оказывается, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія, совершенно правильнымъ. Этимъ новѣйшіе изслѣдователи вносятъ значительную поправку въ теоріи крайнихъ эволюціонистовъ.

Въ вопросѣ о первобытномъ состояніи человѣчества и Старке, и Гроссе рѣзко расходятся со своими предшественниками, главнымъ образомъ, впрочемъ, съ основателями науки о семьѣ Бахофеномъ и Морганомъ. Типичной чертой ученія Моргана и его многочисленныхъ послѣдователей было признаніе основного положенія, что человѣчество въ началѣ своего развитія живетъ группами. Старке, Гроссе и послѣдователи ихъ, наоборотъ, стараются доказать, что ячейкой человѣческаго развитія была не группа, а семья. Но не слѣдуетъ думать, чтобы они возвращались къ старой, сломанной трудами Бахофена, Моргана и др. теоріи. Между семьей, въ томъ смыслѣ, какъ ее понимаютъ Старке и Гроссе, и семьей прежнихъ мыслителей нѣтъ ничего общаго. Первые называютъ неудачнымъ терминомъ неустойчивые союзы лицъ разнаго пола, о которыхъ говоритъ еще Спенсеръ, союзы, не имѣющіе еще юридическаго характера; вторые признавали за семьей на низшихъ стадіяхъ развитія тотъ же священный и правовой характеръ, который онъ имѣетъ въ современности.

Эмбріономъ, изъ котораго развивается вся общественная жизнь, слѣдуетъ признать, по мнѣнію Старке, индивидуальный союзъ двухъ лицъ разнаго пола, который онъ называетъ семьей. Общественная жизнь человѣка, пишетъ онъ, начинается съ семьи, основанной (частью) на родствѣ по мужской линіи (агнатической семьи) и съ семейной группы, которая управляется отцомъ въ силу его физическаго превосходства; сильный или вообще выдающійся индивидъ возбуждаетъ уваженіе къ себѣ, и его товарищи, будь то сотоварищи по семьѣ или по племени, слушаются его. Впослѣдствіи образуются кланы (рода), которые мало-по-малу, по мѣрѣ того какъ въ нихъ увеличивается внутренняя связь, переходятъ отъ опредѣленія происхожденія по отцу къ опредѣленію происхожденія по матери; кланъ управляется наслѣдственными главами, и семья, какъ правовая группа, исчезаетъ. Семья, такимъ образомъ, въ противоположность господствующей теоріи,

предшествуетъ, по мнѣнію Старке, группѣ. Старке впадаетъ въ видимое противорѣчіе, указывая, что первый основатель семьи выдѣляется своей силой изъ группы: отрицая послѣднюю, онъ одновременно признаетъ ея существованіе, какъ фона, на которомъ выступаютъ отдѣльные индивидуальные союзы. Эта слабая сторона теоріи Старке и его послѣдователей; къ ней придется возвращаться неоднократно въ дальнѣйшемъ изложеніи. Развивая дальше свою мысль, Старке отмѣчаетъ, что организація общества опредѣляется не размышленіями относительно происхожденія: но что тѣ же причины, которыя обусловливаютъ организацію, разрѣшаютъ и вопросъ относительно могущихъ существовать способовъ опредѣленія происхожденія. Какъ вездѣ, гдѣ идетъ рѣчь о силахъ, которыя дѣйствуютъ въ широкихъ кругахъ, пишетъ онъ, такъ и здѣсь онѣ чрезвычайно просты и несложны. Сила вліянія территоріи была первой причиной, которая соединила отца съ дитятей и которая впослѣдствіи передала грудного младенца матери, когда она среди другихъ женъ своего мужа заняла отдѣльное мѣсто и еще больше, когда ея родъ сталъ между ней и ея мужемъ принадлежащимъ къ другому роду. Повидимому, основнымъ принципомъ является то, что все находящееся на одномъ пространствѣ принадлежитъ тому, кому это пространство принадлежитъ. Кто переходитъ на территорію, принадлежащую другому, теряетъ свою самостоятельность. Центромъ этой первой кристаллизаціи, заключаетъ Старке, по нашему мнѣнію, семья. Мужчина беретъ женщину въ мѣстность, принадлежащую ему, и господствуетъ поэтому надъ женою и ея дѣтьми.

Индивидуальные союзы, которые Старке называетъ семьей, и которые выдѣляются изъ общей группы, рисуютъ, однако, лишь стадію безпорядочнаго сожительства. Поэтому, несмотря на то, что Старке не обращаетъ вниманіе на группу, а сосредоточивается почти исключительно на этихъ индивидуальныхъ союзахъ, ему не удалось, въ этомъ вопросѣ, измѣнить основное положеніе Спенсера. Данныя Старке, добытыя имъ изъ новѣйшихъ литературныхъ свѣдѣній, но неправильно имъ освѣщенныя, скорѣе подтверждаютъ, чѣмъ опровергаютъ господствующій взглядъ на примитивную стадію развитія человѣчества.

Въ вопросѣ объ эмбріонѣ человѣческаго развитія Гроссе не дѣлаетъ исключенія изъ большинства новѣйшихъ изслѣдователей: индивидуальный союзъ есть, по его мнѣнію, та первоначальная клѣточка, изъ которой развились впослѣдствіи всѣ нормы семейно-общественнаго права. Но онъ отличаетъ, въ бо̀льшей мѣрѣ, чѣмъ это дѣлалось другими противниками группового брака, что индивидуальный союзъ, основанный на физическомъ преобладаніи мужчины надъ женщиной,

[illegible] не представляетъ изъ себя агнатическій [illegible] въ семейной группѣ, т. е. патріархатъ, слѣдуетъ [illegible] тической семьи, построенной на счетѣ родства [illegible] также и семью или организацію, основанную [illegible] ствѣ матери, слѣдуетъ строго отличать отъ [illegible] которой лежитъ женское (когнатическое) родство. [illegible] весьма существеннымъ для изученія исторіи семьи. [illegible] равилно отмѣчено другими учеными, въ частности, [illegible] заслугой Гроссе оказывается то, что онъ подвергъ [illegible] лянными и отвелъ ему надлежащее мѣсто въ области [illegible] ныхъ формъ первобытнаго человѣка.

Весьма вѣскимъ противникомъ господствующихъ [illegible] развитіи семейныхъ отношеній является, наконецъ, [illegible] фессоръ Вестермаркъ, который занимаетъ особое мѣсто въ [illegible] литературѣ. Его книга «Исторія брака» (The history of [illegible] вышедшая сначала на англійскомъ языкѣ и вскорѣ [illegible] ленная на французскій, нѣмецкій и русскій (въ сокращеніи), [illegible] шена въ значительной своей части опроверженію теоріи [illegible] наго сожительства. Насколько часть работы, касающаяся исторіи [illegible] является интересной, какъ по взгляду автора, такъ и по [illegible] приводимыхъ имъ фактовъ, настолько его критика существу[illegible] теорій объ эмбріонѣ человѣческаго развитія оказывается слабой. [illegible] безусловно, много дѣльныхъ замѣчаній, отчасти новыхъ, [illegible] такихъ, которыя уже дѣлались основателями теоріи коммун[illegible] брака; но основное положеніе автора, что развитіе человѣчеств[illegible] лось съ семьи и притомъ моногамической, развивавшуюся ин[illegible] полигамическую, не выдерживаетъ критики. Онъ дѣлаетъ въ [illegible] отношеніи ту же ошибку, какъ и Старке: за индивидуальными со[illegible] которымъ и онъ даетъ названіе семьи, имъ забыта группа, [illegible] ствующая въ первобытныхъ отношеніяхъ. Не касаясь полож[illegible] ныхъ сторонъ серьезнаго труда Вестермарка, къ которому [illegible] дется возвращаться неоднократно, слѣдуетъ замѣтить, что [illegible] которымъ пользуется онъ для доказательства своего полож[illegible] можетъ быть признанъ удачнымъ. Вестермаркъ старается под[illegible] свое мнѣніе примѣрами, заимствованными изъ міра животны[illegible] отмѣчаетъ, что среди высшихъ животныхъ, въ частности об[illegible] господствуетъ уже бракъ и семья, т. е. продолжительный союз[illegible] и самки, причемъ на обязанности перваго лежитъ охраненіе [illegible] дѣтей. Дѣлать заключенія отъ міра животныхъ къ міру людей [illegible] рисковано. Но если даже принять методъ Вестермарка, прот[illegible]

положенія будетъ говорить рядъ свидѣтельствъ о жизни тѣхъ же обезьянъ: многія изъ нихъ, какъ извѣстно, живутъ не изолированными индивидуальными союзами, а группами, подъ предводительствомъ старшаго самца, причемъ индивидуальные союзы въ предѣлахъ этихъ группъ отличаются неустойчивостью. Такимъ образомъ, жизнь обезьянъ значительно ближе подходитъ къ формѣ безпорядочнаго сожительства, описанной Спенсеромъ, чѣмъ къ семьѣ. Далѣе, Вестермаркъ подкрѣпляетъ свой тезисъ рядомъ фактовъ изъ быта некультурныхъ народностей, при чемъ нерѣдко игнорируетъ явленіями, говорящими противъ выставленной имъ теоріи. Кромѣ того, онъ не дѣлаетъ никакого различія въ культурномъ уровнѣ упоминаемыхъ племенъ и народовъ: онъ ставитъ рядомъ арабовъ, ирокезовъ и древнихъ римлянъ съ дикими веддами, обитателями Цейлона, съ огнеземельцами, ботокудами Бразиліи и проч. Если экономическій принципъ въ дѣленіи расъ и народностей доведенъ Гроссе иногда до крайности, то въ трудѣ Вестермарка онъ совершенно отсутствуетъ. Къ его работѣ можно примѣнить тѣ справедливые упреки въ неразборчивомъ пользованіи матеріаломъ, съ которыми представители новѣйшихъ взглядовъ обрушиваются на основателей науки о семьѣ.

Изъ всего вышесказаннаго ясно, что наука о происхожденіи и развитіи семьи переживаетъ въ настоящее время періодъ реакціи противъ крайностей тѣхъ положеній, которыя выставлены были въ свое время Морганомъ, Макъ Ленаномъ и друг. Характернымъ для современнаго направленія оказывается и то, что нападки направлены преимущественно именно противъ указанныхъ представителей науки о первобытномъ обществѣ и мало касаются нѣкоторыхъ ихъ послѣдователей, которые, пользуясь новѣйшими данными по этнографіи некультурныхъ племенъ, исправили многіе изъ основныхъ выводовъ ихъ.

Несмотря на нѣкоторыя крайности въ трудахъ новѣйшихъ авторовъ, они тѣмъ не менѣе знаменуютъ значительный шагъ впередъ, сравнительно съ состояніемъ науки въ моментъ ея возникновенія. Привлеченіе экономическаго фактора къ изученію первобытнаго права въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ это дѣлалось раньше, открыло незнакомыя стороны въ исторіи развитія семьи и освѣтило извѣстныя нормы съ новой точки зрѣнія. Критика всегда содѣйствуетъ открытію истины. Критика недавно еще безапелляціонно господствующихъ взглядовъ на семью содѣйствовала съ одной стороны существеннымъ исправленіямъ теоріи, первый толчекъ которой былъ данъ Морганомъ и Макъ Ленаномъ, а съ другой привела къ болѣе серьезному и осмотрительному объясненію нормъ первобытнаго права.

II. Стадія безпорядочнаго сожительства. Религіозный гетеризмъ.

Какъ бы просты и естественны ни казались институты семьи и брака въ настоящее время, они не имѣютъ ничего общаго съ тѣми нормами, которыми регулируются семейно-общественныя отношенія среди некультурныхъ народностей. Не должно забывать, что изслѣдователь имѣетъ дѣло съ той обширной группой человѣчества, которая въ развитіи общественныхъ институтовъ стоитъ еще на первыхъ ступеняхъ культурной лѣстницы.

Въ области явленій соціальныхъ, входящихъ въ сферу изученія этнографіи, не менѣе чѣмъ въ области матеріальной культуры, можно видѣть ту же закономѣрность и послѣдовательность въ развитіи. Но въ послѣдней эта преемственность явленій представляется вполнѣ наглядной, такъ сказать осязательной; въ первой, наоборотъ, ее не всегда бываетъ легко уловить, и часто только путемъ сложнымъ можно возстановить связь между явленіемъ и его причиной. Если въ сферѣ матеріальной культуры человѣчество, въ зависимости отъ ряда условій, представило безконечное разнообразіе, которое съ трудомъ можетъ быть приведено въ систему, то въ сферѣ явленій общественныхъ это разнообразіе должно быть еще значительнѣе, а слѣдовательно и систематизированіе фактовъ труднѣе.

Легко узнаешь въ какомъ нибудь орудіи изъ камня, кости или раковины прототипы современныхъ усовершенствованныхъ орудій; но въ первоначальныхъ стадіяхъ соціальнаго развитія лишь съ трудомъ различишь зачатки, которые привели къ возникновенію семьи, брака, собственности, государства. Многіе устои, на которыхъ зиждется общественная жизнь некультурныхъ народностей, покажутся дикими, возмущающими наше нравственное чувство,

неприличными съ общепринятой точки зрѣнія. Но наука не знаетъ приличнаго и неприличнаго. Она стремится раскрыть истину—и все, что можетъ содѣйствовать этому, должно служить предметомъ ея изученія.

Мы видѣли, что многочисленные изслѣдователи разныхъ направленій пришли къ основному выводу, что древнѣйшая, доступная изученію, стадія развитія человѣчества—это стадія такъ называемаго безпорядочнаго сожительства. Подъ этимъ именемъ разумѣется періодъ жизни человѣчества, когда семьи въ современномъ смыслѣ и брака, какъ института, еще не существовало. Индивидуальные союзы лицъ разнаго пола отличались полной неустойчивостью и совершенно не были регулированы обычаемъ; ихъ продолжительность зависѣла отъ желанія супруговъ, и они могли расторгаться съ тою же легкостью, какъ и заключались.

Но прежніе изслѣдователи (Бахофенъ, Морганъ, Спенсеръ, Лёббокъ и др.), какъ было указано, предполагали, что на низшей культурной ступени группа господствуетъ надъ отдѣльной личностью; что, вслѣдствіе частаго нарушенія союзовъ брачныхъ, не было возможности опредѣлить отца, почему счетъ родства естественно направлялся по материнской линіи. Болѣе новые авторы (Старке, Гроссе, и др.) утверждаютъ, наоборотъ, что центръ тяжести лежитъ не въ группѣ, а въ индивидуальныхъ союзахъ, что группа не играла выдающейся роли въ вопросахъ объ отношеніяхъ между полами. Такимъ образомъ, прежде всего поднимается вопросъ, въ какой мѣрѣ существовало въ древнѣйшихъ человѣческихъ обществахъ безпорядочное сожительство.

Въ виду такого коренного разногласія между изслѣдователями исторіи семьи, вопросъ о первобытномъ состояніи человѣческаго общества можетъ быть рѣшенъ только накопленіемъ новаго матеріала, добытаго путемъ серьезнаго изученія народностей, стоящихъ еще на низшей ступени цивилизаціи. Въ недавнее сравнительно время этнографическая литература обогатилась весьма крупнымъ вкладомъ: книгой Кунова (Cunow) о системахъ родства у австралійцевъ (Die Verwandschaftsorganisation der Australneger). Куновъ потратилъ не мало труда и времени на изученіе семейныхъ и общественныхъ отношеній туземцевъ Австраліи; сгруппировавъ различныя системы родства, онъ нашелъ у австралійцевъ отношенія, переносящія непосредственно въ періодъ безпорядочнаго сожительства.

Системы родства, господствующія у австралійцевъ, служили неоднократно предметомъ изслѣдованія и толкованія въ пользу того

или иного взгляда на исторію развитія семьи. Признавали, что именно бытъ австралійцевъ, стоящихъ во всѣхъ отношеніяхъ на очень низкой ступени развитія даже по сравненію съ другими малокультурными народностями, призванъ пролить свѣтъ на первобытныя отношенія человѣческихъ обществъ. Но недостаточное знакомство именно съ этимъ бытомъ, сбивчивыя показанія путешественниковъ и проч. приводили къ тому, что какъ противники мнѣнія о существованіи стадіи безпорядочнаго сожительства, такъ и сторонники его одинаково черпали изъ быта австралійцевъ доказательства для своихъ теорій. Бытъ всѣхъ австралійскихъ племенъ представлялся чѣмъ то однообразнымъ—первобытнымъ для однихъ, обломкомъ разрушенныхъ формъ для другихъ. Изслѣдованія Кунова показали, что, по отношенію къ общественному быту, этнографъ въ лицѣ туземнаго населенія Австраліи не имѣетъ дѣла съ однородной массой, остановившейся въ своемъ развитіи. Напротивъ того, «среди австралійцевъ, по словамъ Кунова, также господствуютъ жизнь и движеніе, ростъ и упадокъ, и какъ бы ни казались ничтожными различія въ системахъ родства у наиболѣе низко стоящихъ племенъ Австраліи, сравнительно съ наиболѣе развитыми племенами ея, послѣднія прошли длинный путь, при чемъ прохожденіе его, при той медленности, съ которой подвигается впередъ культура у непивилизованныхъ народовъ, потребовало вѣроятно нѣсколькихъ тысячелѣтій». Какъ ни разнообразны и сложны нѣкоторыя системы родства у современныхъ австралійцевъ, онѣ всѣ имѣютъ одинъ источникъ, встрѣчающійся и до нашихъ дней среди наиболѣе низко стоящихъ австралійскихъ племенъ—именно стадію безпорядочнаго сожительства. Каждое изъ австралійскихъ племенъ, т. е. группа индивидовъ, представляющихъ діалектически обособленную массу, дѣлится на извѣстное число самостоятельныхъ группъ. Каждая изъ этихъ послѣднихъ объединена владѣніемъ извѣстной территоріи, въ предѣлахъ которой она кочуетъ. Такимъ образомъ, объединяющимъ элементомъ этихъ группъ являются территоріальные интересы. Дѣленія на родственные союзы не существуетъ, такъ какъ понятіе о родствѣ почти отсутствуетъ; но каждая группа раздѣлена на три класса, между которыми брачныя узы запрещены. Правда, въ настоящее время уже замѣчаются нѣкоторыя ограниченія для вступленія въ сожительство и внутри каждаго класса; но они появились въ сравнительно недавнее время, составляютъ продуктъ дальнѣйшаго развитія, и для уясненія болѣе древней стадіи не могутъ имѣть значенія. Что же касается до дѣленія на классы, то первый классъ состоитъ изъ мальчиковъ до 17—18 и дѣвочекъ до 13—

14 лѣтъ; слѣдующій классъ—изъ взрослыхъ, которые еще не имѣли дѣтей, достигшихъ брачнаго возраста, и третій классъ, наконецъ, изъ родителей тѣхъ, которые принадлежатъ ко второму классу. Такимъ образомъ, первый классъ состоитъ изъ внуковъ, второй—изъ отцовъ и матерей, третій—изъ дѣдовъ и бабокъ. Члены каждаго класса считаются между собой братьями и сестрами и свободно могутъ вступать между собой въ бракъ.

Эту же систему дѣленія группы на классы, хотя уже не соотвѣтствовавшую дѣйствительнымъ условіямъ жизни, въ свое время отмѣтилъ Морганъ въ Полинезіи, въ частности на Гаваи, вслѣдствіе чего и вся система была названа имъ гавайской. Онъ объяснялъ ея возникновеніе тѣмъ, что за періодомъ полнаго отсутствія регламентаціи въ отношеніяхъ между лицами разнаго пола наступаетъ періодъ ограниченія, и первый шагъ въ этомъ направленіи выражается въ формѣ, которую Морганъ называетъ «семьей, основанной на кровномъ родствѣ». Ограниченіе въ этой семьѣ заключалось, по его мнѣнію, въ запрещеніи вступать въ бракъ между восходящими и нисходящими: группы супруговъ были раздѣлены на поколѣнія, при чемъ члены каждой группы считались братьями и сестрами и могли между собой свободно вступать въ бракъ; здѣсь, какъ и въ Австраліи, имѣлись, такимъ образомъ, группы дѣдовъ, отцовъ и внуковъ. Морганъ предполагалъ, что это первое ограниченіе стадіи безпорядочнаго сожительства вызвало къ жизни развитіе въ зародышѣ представленія о кровныхъ узахъ. Куновъ, наоборотъ, доказалъ, что въ понятіяхъ *дѣдъ*, *отецъ*, *сынъ* (бабка, мать, дочь) лежатъ у австралійцевъ вовсе не представленіе о кровномъ родствѣ, какъ думалъ Морганъ, а лишь понятіе о различіи по возрасту; этимологія названій: отецъ, дѣдъ и проч. указываетъ на происхожденіе ихъ отъ словъ, означающихъ возрастъ лица. Такъ у племени банкуи слово *kūmbāja* значитъ *большой*, *kūmbiją*—отецъ; у племени ваимбо: *kūmbaia—большой*, *kimbia—отецъ*. У жителей Сѣвернаго Квинслэнда слово *yunger*, *yanda*, *yunda* и проч. означаетъ одновременно и мать, и взрослую женщину. Такимъ образомъ, если первоначальное дѣленіе группы основывается на возрастѣ входящихъ въ ея составъ членовъ, получается естественное дѣленіе: на лицъ, еще не достигшихъ брачнаго возраста, лицъ, достигшихъ его, и стариковъ. Что только возрастъ, а не представленіе о кровномъ родствѣ, опредѣляетъ положеніе лица въ группѣ, доказывается и тѣмъ, что каждый классъ не является замкнутымъ цѣлымъ; напротивъ того, его составъ постоянно видоизмѣняется. Напримѣръ, два лица, которыя по нашимъ представленіямъ о родствѣ, считаются

двоюродными братьями, будутъ, если напримѣръ, одному 30 лѣтъ, а другому 15, принадлежать къ различнымъ классамъ, при чемъ старшій будетъ считаться отцомъ младшаго; но когда послѣдній, достигнувъ брачнаго возраста, перейдетъ въ классъ «отцовъ», то онъ будетъ уже считаться «младшимъ братомъ» старшаго; точно также при извѣстныхъ условіяхъ возраста племянникъ отъ старшей сестры или младшая племянница (дочь дяди по отцу) могутъ оказаться братьями и сестрами тетки и т. д.

Такъ какъ браки въ предѣлахъ каждаго изъ классовъ по возрасту разрѣшаются, то, если дядя и племянница, тетка и племянникъ окажутся въ одномъ классѣ, бракъ между ними можетъ состояться; тоже слѣдуетъ сказать и относительно родныхъ братьевъ и сестеръ. Единственнымъ ограниченіемъ является запретъ родителямъ состоять въ одномъ классѣ съ дѣтьми, а слѣдовательно и вступать съ ними въ бракъ. Но есть полное основаніе предполагать, что и это запрещеніе не является первоначальнымъ, такъ какъ, несмотря на него, браки между родителями и дѣтьми продолжаютъ встрѣчаться до настоящаго времени. Такимъ образомъ, картина, которую раскрываетъ Куновъ, рисуетъ стадію безпорядочнаго сожительства, когда единственнымъ ограниченіемъ двумъ лицамъ вступать въ супружескую связь служилъ возрастъ.

Мнѣніе, впервые высказанное Бахофеномъ и Морганомъ, что на стадіи безпорядочнаго сожительства отецъ неизвѣстенъ, видоизмѣняется въ значительной степени благодаря новѣйшимъ изслѣдованіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, для того, чтобы быть перечисленнымъ изъ класса отцовъ, т. е. лицъ, имѣющихъ дѣтей, не достигшихъ еще брачнаго возраста, въ классъ дѣдовъ, т. е. тѣхъ, дѣти которыхъ достигли уже брачнаго возраста и перешли изъ перваго класса во второй, необходимо, чтобы дѣти этого лица были извѣстны. Слѣдовательно, фактическаго незнанія отца не могло быть, по крайней мѣрѣ, на той стадіи развитія безпорядочнаго сожительства, которую открылъ Куновъ среди австралійцевъ. Если даже предположить, что этой стадіи безпорядочнаго сожительства предшествовала еще болѣе примитивная, когда послѣдній классъ—дѣдовъ состоялъ изъ стариковъ, уже не способныхъ къ брачной жизни, и когда дѣйствительно отецъ, быть можетъ, и не былъ извѣстенъ, все же фактическое знаніе отца у австралійцевъ при полномъ господствѣ безпорядочнаго сожительства опровергаетъ мнѣніе, будто незнаніе отца приводило неизбѣжно къ счету родства по материнской линіи. Дѣло въ томъ, что у тѣхъ австралійскихъ племенъ, среди которыхъ Куновъ открылъ

указанную стадію, при полной свободѣ общенія между лицами одного и того же класса, когда извѣстное лицо можетъ сожительствовать хотя бы съ родной сестрой, союзы все же имѣютъ нѣкоторую продолжительность. Дѣйствительно, и въ настоящее время найти примѣры супружеской вѣрности среди австралійцевъ большая рѣдкость; случаи нарушенія ея, несмотря на то, что ревность сильно развита среди мужчинъ, встрѣчаются часто и не возбуждаютъ неудовольствія въ членахъ группы, подъ условіемъ, конечно, чтобы нарушители принадлежали къ одному классу по возрасту. Несмотря, однако, на это, союзы обыкновенно длятся извѣстное время. Изъ всеобщаго употребленія словъ: отецъ, мать въ отношеніи ко всѣмъ членамъ старшаго класса, замѣчаетъ Куновъ, не слѣдуетъ дѣлать заключенія, чтобы австраліецъ не зналъ, кто былъ мужемъ его матери во время его рожденія; онъ знаетъ не только его, но и отцовъ другихъ дѣтей своей группы и подчасъ даже и сосѣднихъ группъ. Если принять во вниманіе, что территоріальныя группы, единственныя, на которыя— оставляя въ сторонѣ классификацію по возрасту—дѣлятся низшія племена австралійцевъ, крайне немногочисленны (40—50 чел.), то фактъ, что отецъ ребенка оказывается извѣстнымъ, будетъ совершенно понятенъ. Но изъ этого еще отнюдь нельзя заключать, какъ это было сдѣлано, между прочимъ, Старке, будто на низшихъ ступеняхъ развитія уже встрѣчается зародышъ семьи, основанной на власти отца и счетѣ родства по мужской линіи. На той стадіи, которую раскрываетъ Куновъ, основываясь на наблюденіи надъ низшими племенами Австраліи, опредѣленія родства, строго говоря, не существуетъ и не можетъ существовать, такъ какъ еще не выработалось вообще понятіе объ узахъ крови. При рожденіи ребенка его причисляютъ къ *территоріальной* группѣ, къ которой принадлежатъ его родители, не дѣлая при этомъ различія, оказывается ли мать его членомъ этой территоріальной группы по происхожденію, или она введена въ нее инымъ путемъ: похищеніемъ, покупкой или мѣной. Кровныя узы замѣняются узами территоріальными и вытекающими изъ нихъ интересами экономическими.

Система родства, которую Куновъ встрѣтилъ въ Австраліи и которая позволила ему обрисовать одну изъ наиболѣе первобытныхъ формъ общественнаго развитія, не является исключительнымъ достояніемъ австралійцевъ. Ясные слѣды такого же порядка вещей сохраняетъ система родства у полинезійцевъ (гавайская) и у зулусовъ въ Африкѣ. Трудъ Кунова является ключемъ къ пониманію первичнаго дѣленія группъ на классы по возрасту. Изученіе системъ

родства и нѣкоторыхъ обычаевъ, имѣющихъ свое происхожденіе въ періодѣ безпорядочнаго сожительства у многихъ такъ называемыхъ некультурныхъ народностей начато еще давно, и съ ними можно познакомиться изъ капитальныхъ трудовъ Лёббока, Спенсера, Поста, М. М. Ковалевскаго и др. Интересны въ этомъ отношеніи данныя, добытыя этнографическимъ изслѣдованіемъ Россіи. Различныя народности, ее населяющія, сохраняютъ въ своемъ быту множество чертъ архаическаго быта, дающія весьма существенный и крайне богатый матеріалъ для исторіи развитія семьи и брака.

Та же система дѣленія группы на классы по возрасту, которую Куновъ нашелъ среди австралійцевъ, оставила свои слѣды въ номенклатурѣ родственниковъ у нѣкоторыхъ финскихъ и тюркскихъ народностей. У вотяковъ, черемисовъ и мордвы въ названіяхъ родства можно отмѣтить воспоминаніе объ этомъ дѣленіи. Вотяки, напримѣръ, имѣютъ для обозначенія словъ *отецъ* (*аи*) и *мать* (*мумы*) тѣ же слова, которыя означаютъ *самецъ* и *самка* вообще; ихъ языкъ «не имѣетъ спеціальныхъ терминовъ для обозначенія особыхъ кровныхъ отношеній, соединяющихъ мальчика или дѣвочку съ кѣмъ либо изъ взрослыхъ; сынъ обозначается тѣмъ же словомъ, что и всякій мальчикъ, дочь тѣмъ же, что и всякая дѣвочка». Различаются, такимъ образомъ, не кровныя связи, а возрастъ членовъ семьи или общины. Нѣтъ также спеціальныхъ названій для понятій *братъ* и *сестра*. Выраженія *июня* и *агай* «означаютъ вообще мужчину *старше* меня—будетъ ли это по русской терминологіи племянникъ, старшій братъ, дядя или въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже отецъ». Слово *вып* «означаетъ мужчину моложе меня безразлично, будетъ ли это младшій братъ или младшій племянникъ; слова *апай* и *акай* означаютъ вообще женщину старше меня—все равно, идетъ ли рѣчь о старшей сестрѣ, старшей теткѣ или старшей меня племянницы; слово *сузэр*—обозначаетъ женщину моложе меня и т. д.» Однимъ словомъ, въ номенклатурѣ родственниковъ у современныхъ вотяковъ, переживающихъ въ настоящее время стадію раздѣленія большихъ семействъ на рядъ мелкихъ единицъ, слѣдовательно, прошедшихъ всѣ многочисленные фазисы, соединяющіе періодъ безпорядочнаго сожительства съ индивидуальной современной семьей, сохранилось воспоминаніе о времени, когда, по словамъ П. Н. Смирнова, «лицо, пытающееся опредѣлить свои отношенія къ окружающимъ мужчинамъ и женщинамъ, видитъ только различіе въ возрастахъ и не выдѣляетъ изъ среды ихъ такихъ, съ которыми чувствовало бы себя связаннымъ ближайшимъ образомъ въ силу происхожденія отъ

однихъ родителей, мало того—не въ состояніи даже выдѣлить изъ числа мужчинъ старше себя такого, котораго могло бы назвать родителемъ. Оно видитъ вокругъ себя группу самцовъ, мужчинъ, способныхъ къ дѣторожденію (*ан*) и среди этихъ самцовъ нѣсколько старѣйшихъ (*пöрес-ан*)», названіе, которое дается одинаково какъ дѣду, такъ и дядѣ старше отца.

Совершенно то же наблюдается у черемисовъ: «При обзорѣ черемисскихъ названій родства, сообщаетъ тотъ же изслѣдователь, прежде всего бросается въ глаза то обстоятельство, что отдѣльныя личности различаются между собою не по степени кровной близости къ данному лицу, а по отношеніямъ возраста. За исключеніемъ отца и матери всѣ остальные родственники раздѣляются по отношенію къ данному лицу на двѣ группы—старшихъ и младшихъ». Дѣйствительно, «названіе *изя* означаетъ дядю (моложе отца), старшаго брата, его сына, если онъ старше даннаго лица, двоюроднаго брата, если онъ старше; слово *шолö* означаетъ младшаго брата, племянника, внучатаго племянника, младшаго двоюроднаго брата, двоюроднаго племянника; слово *ака* означаетъ тетку (моложе отца), старшую сестру, двоюродную сестру старше даннаго лица». Приведенныхъ примѣровъ, кажется, достаточно, чтобы доказать тождество въ существенныхъ чертахъ номенклатуры родства у черемисовъ съ системой вотяковъ.

Мордва употребляетъ одни и тѣ же слова для обозначенія жены, снохи и женщины вообще; далѣе, она въ номенклатурѣ не дѣлаетъ различія между сыномъ и молодымъ человѣкомъ вообще, дочерью и дѣвушкой вообще. Въ названіи родни указывается также только на возрастъ, а не на кровныя узы. «Словъ, соотвѣтствующихъ русскимъ: дѣдъ, бабка, дядя, тетка, племянникъ, братъ, сестра, внукъ, внучка въ мордовскомъ языкѣ нѣтъ», говоритъ Смирновъ. Они замѣняются рядомъ словъ, которыя означаютъ лицъ старше и моложе даннаго лица. Однимъ словомъ, система родственной номенклатуры у мордвы открываетъ ту же картину давно прошедшей для нихъ эпохи—стадіи, когда группа дѣлилась только по возрасту, когда представленія о кровномъ родствѣ еще совершенно не были выработаны или вполнѣ игнорировались. Ту же групповую систему по возрасту сохранила и терминологія другихъ финскихъ народностей, напримѣръ, остяковъ, зырянъ.

Одинъ изъ наиболѣе серьезныхъ изслѣдователей быта якутовъ, принадлежащихъ къ тюркской группѣ народностей, Сѣрошевскій говоритъ слѣдующее: «У якутовъ нѣтъ. . . . терминовъ для обозначенія вообще

дующій классъ при наступленіи зрѣлости; этотъ переходъ сопровождается торжественными обрядами, имѣющими цѣлью пріобщить молодого человѣка къ территоріальной единицѣ въ качествѣ полноправнаго сотоварища. Наступленіе зрѣлости лицъ молодыхъ является естественнымъ моментомъ, опредѣляющимъ перечисленіе ихъ родителей изъ второго класса—взрослыхъ въ третій классъ—стариковъ. Но подобное дѣленіе, очевидно, слишкомъ искусственно, чтобы быть примитивнымъ. Оно должно было естественно развиться изъ болѣе первобытнаго дѣленія, основаннаго на половой способности отдѣльныхъ лицъ, входящихъ въ составъ примитивныхъ, не знающихъ еще кровныхъ узъ, объединенныхъ территоріей группъ.

Гипотеза Кунова, распространенная на племена, среди которыхъ была отмѣчена названная Морганомъ «гавайской» система родства, т. е. дѣленіе на группы по возрасту и на инородческія народности Россіи, о номенклатурѣ которыхъ было упомянуто, получаетъ значительную долю вѣроятія. Распространенію ея на все человѣчество пока препятствуетъ слѣдующее обстоятельство: не вездѣ и далеко не у всѣхъ народностей родственная номенклатура сохранила слѣды дѣленія группы по возрасту. Примитивная система эта, если она и существовала, замѣнена другой—результатомъ болѣе высокой ступени цивилизаціи и болѣе сложныхъ условій жизни. При этомъ среди многихъ народовъ, и въ частности среди инородцевъ Россіи, родственная номенклатура не подвергалась точному, детальному обслѣдованію. Если бы для открытія древнѣйшей стадіи человѣческаго развитія этнографія была обречена на одно изученіе родственной номенклатуры, вопросъ о существованіи общечеловѣческой стадіи безпорядочнаго сожитія былъ бы лишенъ прочнаго базиса. Но безпорядочное половое сожительство, кромѣ того, проявляется и въ нерегулированности отношеній между полами, допускаемой нравственнымъ кодексомъ народности и его обычнымъ правомъ. Отношенія, вытекающія изъ безпорядочнаго сожитія, сохраняются у народностей, частью (у низшихъ) какъ явленіе жизненное, частью (у болѣе культурныхъ) въ обширной сферѣ обряда и обычая, какъ интересные факты переживанія глубочайшей старины. Изслѣдователи зарегистрировали множество подобныхъ фактовъ. Это даетъ возможность признать общераспространенность стадіи безпорядочнаго сожительства: дѣйствительно, едва ли существуетъ хоть одна народность, у которой не могли бы быть открыты болѣе или менѣе яркіе слѣды этого порядка вещей, даже при строго критической оцѣнкѣ ихъ.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что періодъ безпорядочнаго

время, даетъ возможность заглянуть въ глубокое прошлое этой народности. Очевидно, первоначальное, древнее дѣленіе гиляковъ можно представить себѣ не иначе, какъ дѣленіе по возрасту: старшіе—отцы и матери, и младшіе—братья и сестры. Къ этому слѣдуетъ присоединить, что и въ настоящее еще время гилякъ имѣетъ супружескія права на женъ своихъ братьевъ *всѣхъ степеней* родства и на сестеръ своей жены. Это указываетъ, что хотя современный бытъ гиляковъ и отошелъ далеко отъ первоначальной стадіи развитія, эта послѣдняя оставила и въ нормахъ жизни неоспоримые слѣды порядка, открытаго Куновымъ у наименѣе развитыхъ въ общественномъ отношеніи народностей Австраліи.

Данныя, добытыя изученіемъ русскихъ инородцевъ, позволяютъ, такимъ образомъ, распространить выводы нѣмецкаго изслѣдователя еще на цѣлый рядъ народностей и подкрѣпить въ значительной степени гипотезу, высказанную имъ относительно австралійцевъ. Стадія наиболѣе примитивная общественнаго развитія человѣчества представляется, если основываться на родственной номенклатурѣ, въ слѣдующихъ общихъ чертахъ. Человѣчество живетъ группами, объединенными территоріей и связанными общностью несложныхъ экономическихъ интересовъ. Населеніе такой территоріальной группы раздѣлено на классы, основанные на возрастѣ. Центральное мѣсто занимаютъ взрослые мужчины и женщины, способные къ брачному сожитію; около нихъ группируются два остальныхъ класса, не способные къ нему: во первыхъ дѣти и во вторыхъ старики. Это примитивное дѣленіе группы на лицъ способныхъ и не способныхъ къ половой дѣятельности должно было въ скоромъ времени привести къ дѣленію на классы по возрасту же, но основанное уже на нѣсколько иномъ принципѣ: не на половой способности лицъ, входившихъ въ каждый данный классъ, а на дѣленіи по поколѣніямъ. Еще австралійцы въ предѣлахъ каждаго изъ трехъ классовъ различаютъ старшихъ братьевъ (и сестеръ) отъ младшихъ. Примитивное человѣчество должно было выдѣлять тѣмъ болѣе старшихъ лицъ, родоначальниковъ новонародившагося поколѣнія, такъ какъ разница въ лѣтахъ здѣсь сказывалась въ большей степени, чѣмъ среди представителей одного и того же класса по возрасту. Исключительно возрастъ, смѣна поколѣній является регулирующимъ принципомъ при опредѣленіи класса, къ которому принадлежитъ данный индивидъ, независимо отъ половой его способности; первоначально основанное на естественномъ принципѣ дѣленіе группы дѣлается болѣе или менѣе искусственнымъ. Первый, низшій классъ—дѣти перечисляются въ слѣ-

дующій классъ при наступленіи зрѣлости; этотъ переходъ сопровождается торжественными обрядами, имѣющими цѣлью пріобщить молодого человѣка къ территоріальной единицѣ въ качествѣ полноправнаго сотоварища. Наступленіе зрѣлости лицъ молодыхъ является естественнымъ моментомъ, опредѣляющимъ перечисленіе ихъ родителей изъ второго класса—взрослыхъ въ третій классъ—стариковъ. Но подобное дѣленіе, очевидно, слишкомъ искусственно, чтобы быть примитивнымъ. Оно должно было естественно развиться изъ болѣе первобытнаго дѣленія, основаннаго на половой способности отдѣльныхъ лицъ, входящихъ въ составъ примитивныхъ, не знающихъ еще кровныхъ узъ, объединенныхъ территоріей группъ.

Гипотеза Кунова, распространенная на племена, среди которыхъ была отмѣчена названная Морганомъ «гавайской» система родства, т. е. дѣленіе на группы по возрасту и на инородческія народности Россіи, о номенклатурѣ которыхъ было упомянуто, получаетъ значительную долю вѣроятія. Распространенію ея на все человѣчество пока препятствуетъ слѣдующее обстоятельство: не вездѣ и далеко не у всѣхъ народностей родственная номенклатура сохранила слѣды дѣленія группы по возрасту. Примитивная система эта, если она и существовала, замѣнена другой—результатомъ болѣе высокой ступени цивилизаціи и болѣе сложныхъ условій жизни. При этомъ среди многихъ народовъ, и въ частности среди инородцевъ Россіи, родственная номенклатура не подвергалась точному, детальному обслѣдованію. Если бы для открытія древнѣйшей стадіи человѣческаго развитія этнографія была обречена на одно изученіе родственной номенклатуры, вопросъ о существованіи общечеловѣческой стадіи безпорядочнаго сожитія былъ бы лишенъ прочнаго базиса. Но безпорядочное половое сожительство, кромѣ того, проявляется и въ нерегулированности отношеній между полами, допускаемой нравственнымъ кодексомъ народности и его обычнымъ правомъ. Отношенія, вытекающія изъ безпорядочнаго сожитія, сохраняются у народностей, частью (у низшихъ) какъ явленіе жизненное, частью (у болѣе культурныхъ) въ обширной сферѣ обряда и обычая, какъ интересные факты переживанія глубочайшей старины. Изслѣдователи зарегистрировали множество подобныхъ фактовъ. Это даетъ возможность признать общераспространенность стадіи безпорядочнаго сожительства: дѣйствительно, едва ли существуетъ хоть одна народность, у которой не могли бы быть открыты болѣе или менѣе яркіе слѣды этого порядка вещей, даже при строго критической оцѣнкѣ ихъ.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что періодъ безпорядочнаго

сожительства не представляетъ стадіи неподвижной; иначе не могло бы выработаться и послѣдующихъ болѣе совершенныхъ формъ общежитія. Видоизмѣненія въ этомъ первобытномъ строѣ идутъ въ направленіи ограниченій: прежде всего во времени, въ которое позволено свободное сожитіе, далѣе въ сокращеніи числа лицъ, допускаемыхъ къ сожитію. Ограниченія эти сохраняются съ особенной силой даже въ періодъ сравнительно высоко развитой культуры, въ видѣ религіозныхъ обрядовъ, обычаевъ и т. п.; свободное общеніе половъ начинаетъ допускаться только въ извѣстные промежутки времени, въ опредѣленные дни, въ извѣстныхъ мѣстахъ и т. п. Иногда эти ограниченія выростаютъ на почвѣ экономической.

Но, чѣмъ бы ни вызывалось ограниченіе во времени—новыми ли нормами, регулирующими жизнь группы, экономическими ли соображеніями, эти остатки періода безпорядочнаго сожительства замѣчательно стойко держатся въ бытѣ народностей всѣхъ частей свѣта. Они служатъ, такимъ образомъ, однимъ изъ наиболѣе вѣскихъ возраженій противъ тѣхъ, которые, какъ напримѣръ, Мэнъ, желаютъ исключить изъ общей исторіи человѣчества обширную семью индоевропейскихъ народовъ или, какъ Старке и Вестермаркъ, стараются отыскать на низшихъ стадіяхъ развитія семью, основанную на счетѣ родства по отцовской линіи (агнатическую). Кромѣ этихъ данныхъ, позволяющихъ путемъ изученія переживаній констатировать въ отдаленномъ прошломъ у большинства современныхъ народовъ существованіе безпорядочнаго сожительства,имѣется рядъ свидѣтельствъ древнихъ и новыхъ писателей о томъ же порядкѣ вещей у разныхъ народностей.

По свидѣтельству Геродота и Страбона каждый массагетъ «женился на одной женщинѣ», но женами они пользовались сообща. Массагетъ, сообщающійся съ чужой женщиной, говоритъ Страбонъ, вѣшаетъ свой лукъ на (ея) повозкѣ и сообщается явно. Объ агаѳирсахъ Геродотъ замѣчаетъ, что они «пользуются женщинами сообща съ тою цѣлью, чтобы всѣмъ быть братьями между собою и родными и не возбуждать другъ въ другѣ ни зависти, ни вражды». Такія же отношенія существовали, по свидѣтельству того же Геродота, у многихъ народовъ древности: авсеевъ, кавказскихъ горцевъ, племенъ, населяющихъ Индію и др. У троглодитовъ Африки женщины временъ Геродота и дѣти были общимъ достояніемъ и т. д. Подобныхъ примѣровъ встрѣчается не мало и въ сочиненіяхъ Страбона, Діодора Сицилійскаго и Плинія.

У многихъ народовъ сохранилось преданіе, что бракъ и семья

были введены въ обычаи племени тѣмъ или другимъ законодателемъ: у египтянъ бракъ по преданію былъ установленъ Менесомъ, у грековъ — Кекропсомъ, у китайцевъ—Фохи и пр. Интересъ подобныхъ свидѣтельствъ, справедливо замѣчаетъ М. М. Ковалевскій, «лежитъ не въ фиксированіи эпохи происхожденія.... индивидуальнаго брака, а въ констатированіи... факта существованія.... преданія объ отсутствіи нѣкогда опредѣляемыхъ закономъ отношеній между полами». Гарсиласо-де-ла-Вега сообщаетъ объ общности женъ у нѣкоторыхъ народностей Перу. Другіе путешественники нашли стадію безпорядочнаго сожительства въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Индіи, на Новой Зеландіи, Никобарахъ, въ Африкѣ и среди народностей Южной Америки. У одного изъ племенъ, населяющихъ эту послѣднюю, именно у каяновъ, пары остаются жить совмѣстно лишь на время беременности и кормленія ребенка грудью.

Изъ обычаевъ, въ которыхъ въ болѣе развитомъ бытѣ сказывается воспоминаніе о стадіи безпорядочнаго сожительства, прежде всего слѣдуетъ отмѣтить дозволенность свободнаго общенія половъ до брака и разрѣшеніе жениться на близкихъ родственницахъ, т. е. допущеніе кровосмѣсительства. По возникновеніи брака, женщина, въ особенности съ появленіемъ родового строя, перестаетъ быть свободной; вполнѣ естественно, что свободное общеніе половъ ограничивается: въ отношеніи лицъ—тѣми, которые не вступили еще въ бракъ, а въ отношеніи времени—моментомъ выхода замужъ. Геродотъ разсказываетъ, напримѣръ, что «въ средѣ лидійскаго народа всѣ дочери занимаются проституціею, собирая себѣ такимъ образомъ приданое; онѣ дѣлаютъ это до замужества и выдаютъ себя замужъ сами». У ѳракіянъ дѣвушки, по его словамъ, до брака «вступали въ связь съ мужчинами по собственному выбору», а у народности гинданов женщины «послѣ каждаго сообщенія съ мужчиной повязываютъ себѣ кожанное кольцо (вокругъ лодыжки) и та, которая имѣетъ наибольше такихъ колецъ, считается наилучшей». Тождественныя воззрѣнія встрѣчаются среди массы народностей: внѣбрачныя узы не только не порицаются общественнымъ мнѣніемъ, но и находятъ въ немъ поддержку. «Всѣ наблюдатели вотскаго быта, говоритъ Смирновъ, единогласно свидѣтельствуютъ, что дѣвушки пользуются у вотяковъ безграничной свободой въ своихъ отношеніяхъ съ мужчинами. «Парень дѣвушку не любитъ, говоритъ вотская пословица, Богъ не любитъ». Въ силу такого разсужденія родители игнорируютъ поведеніе дочерей, а женихъ ни мало не заботится о дѣвственности невѣсты, но бываетъ даже въ претензіи на невѣсту,

которая сохранила ее. Дѣвушка иногда уже съ 12 лѣтъ обзаводится любовниками. Въ 15—16 лѣтъ любовника не имѣетъ уже рѣдкая. Если послѣдствіемъ внѣбрачной любви является беременность, дѣвушка не теряетъ, а выигрываетъ въ общественномъ мнѣніи; она получаетъ массу предложеній отъ жениховъ, такъ какъ она дала доказательство способности производить дѣтей. Н. Г. Первухину вотскіе старики Глазовскаго уѣзда разсказывали, что лѣтъ 50 тому назадъ невѣста цѣнилась тѣмъ дороже, чѣмъ больше разъ она родила, особенно, если родившіеся были мальчики и жили долгое время. Такую дочь родители долго не выдавали замужъ и говорили сватамъ: «она у насъ хорошая работница и работниковъ въ домъ достаточно дала и безъ мужа». Эти внѣбрачныя сношенія завязываются во время нѣкоторыхъ празднествъ, на посидѣлкахъ, когда зимой дѣвушки собираются у какой нибудь подруги, причемъ на вечеринку приходятъ и парни. Дѣвушка, позволивъ парню снять съ своей руки кольцо, даетъ ему право на себя.

У черемисовъ-язычниковъ, внѣбрачное сожительство парней и дѣвушекъ и до сихъ поръ не вызываетъ осужденія. Имъ нисколько не оскорбляется чувство нравственности въ народѣ, ему не препятствуютъ и религіозныя его вѣрованія. «Случаи, что дѣвушка не сохранила дѣвства до выхода замужъ, по свидѣтельству Кузнецова, у черемисъ нерѣдки. Если дѣвушка не поддается на ухаживаніе, ее ловятъ и совершаютъ надъ ней насиліе». Черемисъ-язычникъ, не стѣсненный церковными правилами, считаетъ вполнѣ возможнымъ бракъ на родной сестрѣ. Этотъ взглядъ является, наравнѣ съ свободой внѣбрачнаго сожительства, другимъ остаткомъ стадіи господства безпорядочнаго сожительства, когда при выборѣ жены кровныя узы вполнѣ игнорировались, какъ игнорируются въ настоящее время среди нѣкоторыхъ племенъ Австраліи, живущихъ въ этой стадіи.

Хотя мордва, уже въ значительной степени обрусѣвшая, въ теоріи и относится неодобрительно къ внѣбрачнымъ сношеніямъ молодежи, тѣмъ не менѣе на практикѣ и здѣсь на явленія этого рода смотрятъ сквозь пальцы. «Дѣвушка, пишетъ Смирновъ, начинаетъ вступать въ сношенія съ молодыми людьми съ момента наступленія половой зрѣлости—лѣтъ съ 14. До брака, который наступаетъ лѣтъ въ 20—25 она успѣваетъ ознакомиться съ многими изъ своихъ молодыхъ однодеревенцевъ. Если результатомъ внѣбрачнаго сожительства является рожденіе ребенка, это обстоятельство не шокируетъ родителей дѣвушки». Народныя пословицы мордвы снисходительно, но скорѣе съ одо-

бреніемъ относятся къ дѣвушкамъ, обогатившимъ семью новыми работниками. Если къ этому прибавить, что у мордвы родство не служитъ препятствіемъ для установленія этихъ кратковременныхъ сношеній, что братья и сестры не только двоюродные, но даже и родные иногда вступаютъ въ связь другъ съ другомъ, станетъ вполнѣ очевиднымъ, что мордва въ этомъ отношеніи не представляетъ исключенія изъ другихъ родственныхъ ей народностей. Въ преданіяхъ мордвы вообще сохранилось воспоминаніе, что родные братья и сестры могли вступать въ бракъ другъ съ другомъ. И. Н. Смирновъ, со словъ одного сельскаго учителя, работающаго среди мордовскаго населенія, приводитъ слѣдующій интересный разсказъ о Симбирской мордвѣ: «Въ одномъ семействѣ была очень красивая дѣвушка, смирная, работящая. Родителямъ жалко было съ ней разстаться, отдать въ чужую семью замужъ; они отослали ее погостить къ родственникамъ, а когда она возвратилась, приняли ее, какъ бы *чужую*, и принудили съ этого времени считать родного брата—мужемъ». Этой фикціей семья избѣжала нарушеніе общаго правила, развившагося подъ вліяніемъ родового строя и христіанства, жениться на близкихъ родственницахъ.

Переживанія безпорядочнаго сожительства встрѣчаются и у тюркскихъ народностей, напримѣръ, среди якутовъ. Здѣсь на дѣвушку, забеременѣвшую до замужества, смотрятъ какъ на будущую хорошую жену. Свободнымъ внѣбрачнымъ сношеніямъ не только съ одноплеменными, но и съ чужеземцами—русскими и тунгузами якуты обязаны даже значительнымъ измѣненіемъ своего первоначальнаго физическаго типа. Тунгузы «пріѣзжаютъ въ началѣ поста, а уѣзжаютъ въ концѣ маслянки, разсказывала Сѣрошевскому одна якутка. Привозятъ хозяевамъ, у которыхъ живутъ, подарки: мѣха, орѣхи . . . . тогда бываетъ весело. Каждый день пѣсни и пляска. Тунгузы любятъ веселье, даже взрослые, все равно, что маленькія дѣти, переговариваются съ якутами пѣснями. А послѣ танцевъ разно бываетъ . . .» У якутовъ сохранилось преданіе, что у нихъ было допущено вполнѣ свободное общеніе половъ: «въ старину, разсказывалъ одинъ якутъ, якуты имѣли много женъ; сестра (младшая) была твоей женой, твоя мать тоже, жена твоего брата—тоже».

Среди различныхъ народностей Кавказа, у бурятъ, у калмыковъ, у торгоутовъ и проч. господствуетъ то же снисходительное отношеніе къ внѣбрачнымъ связямъ дѣвушекъ. Дѣвушка у забайкальскихъ бурятъ, по свидѣтельству Кроля, до свадьбы пользуется самой широ-

кой свободой: ея ребенокъ записывается на имя ея отца и приравнивается ко всѣмъ другимъ дѣтямъ и внукамъ. Если бурятка до брака имѣетъ ребенка, замѣчаетъ Кулаковъ, ее тѣмъ охотнѣе берутъ въ жены, такъ какъ она уже доказала свою способность къ дѣторожденію. На бурятскихъ вечеркахъ допускается свободное общеніе, особенно со стороны незамужнихъ женщинъ. «Бурятскіе вечерки—это оригинальныя «ночи любви». Въ сторонѣ отъ улуса разводятся костры, вокругъ которыхъ молодежь обоего пола пляшетъ свой однообразный танецъ «наданъ», нѣчто въ родѣ хоровода. Время отъ времени отъ хороводовъ этихъ отдѣляются пары и скрываются въ сторонѣ, во мракѣ ночи. Спустя немного времени онѣ возвращаются къ общему кружку, а еще черезъ нѣсколько времени снова скрываются въ ночномъ мракѣ. При чемъ пары далеко не всегда уходятъ въ одномъ и томъ же составѣ, а комбинируются очень разнообразно». У орочонъ, несмотря на то, что они считаются христіанами, допускаются браки во всѣхъ степеняхъ родства, за исключеніемъ браковъ между родными братьями и сестрами. Слѣдовъ безпорядочнаго сожительства изъ быта инородцевъ можно вообще собрать въ значительномъ количествѣ.

Цѣлый рядъ фактовъ доказываетъ, что ту же стадію пережили и индоевропейскія народности: индусы, иранцы, греки, римляне, кельты, германцы, славяне и т. д. Если не въ номенклатурѣ родства, то въ современныхъ обычаяхъ, свадебныхъ обрядахъ, взглядахъ на нравственность, равно и въ лѣтописныхъ свидѣтельствахъ окажутся несомнѣнныя доказательства, что индоевропейскія народности, даже въ лицѣ своихъ наиболѣе видныхъ и цивилизованныхъ въ настоящее время представителей, прошли въ сѣдой древности черезъ ту же стадію нерегулированности въ отношеніяхъ между полами.

Относительно древнихъ пруссовъ существуетъ извѣстіе, что въ прежнее время мужчины могли вступать свободно въ общеніе съ любой женщиной, такъ что ни одна женщина не имѣла опредѣленнаго мужа. Козьма Пражскій описываетъ слѣдующими словами бытъ древнихъ чеховъ: «Народъ этотъ не знаетъ постоянства брачныхъ узъ: подобно скотамъ вступаютъ они въ связь каждую ночь съ новой женщиной и съ наступленіемъ зари разрываютъ желѣзныя оковы любви». Хотя слова Козьмы Пражскаго и не слѣдуетъ понимать буквально, но подтвержденіемъ ихъ служитъ одно мѣсто въ житіи св. Адальберта, въ которомъ, между прочимъ, говорится, что «главною причиною недовольства мѣстнаго населенія св. Адальбер-

томъ была его ревностная проповѣдь въ пользу брачной жизни и . . . . нападки на сожительство съ родственницами». «Народъ, говорится въ житіи, вступалъ въ сношенія съ родственницами и безъ закона (сходился) со многими женами». Совершенно основательно нѣкоторые изслѣдователи, Ковалевскій, Якушкинъ, Петри, и др. видятъ непосредственное свидѣтельство воспоминанія періода безпорядочного сожительства въ слѣдующемъ мѣстѣ нашей начальной лѣтописи: «Радимичи, Вятичи и Сѣверъ, говорится въ ней, одинъ обычай имяху . . . брацы же не бываху въ нихъ, но игрища межю селы. Схожахуся на игрища и ту умыкаху жены собѣ, съ нею-же кто совѣщащеся; имѣху-же по двѣ и по три жены». Дѣйствительно, въ этой цитатѣ нельзя не видѣть свѣдѣнія объ игрищахъ, во время которыхъ происходили свободныя сношенія между полами. Въ это время указанныя племена уже доразвились до родового быта, и эти игрища были лишь обычаемъ, сохранившимся отъ отдаленнаго періода—обычай, который долженъ былъ приводить въ ужасъ монаха-лѣтописца, и противъ котораго боролись въ теченіе многихъ столѣтій и духовное и свѣтское законодательство.

Въ настоящее время среди крестьянскаго населенія почти всѣхъ мѣстностей Россіи считается позоромъ для дѣвицы, если она до замужества находилась въ связи съ кѣмъ нибудь. Существуютъ цѣлый рядъ обычаевъ, имѣющихъ цѣлью констатировать невинность молодой. Если результатъ экспертизы оказывается не въ пользу новобрачной, и она, и ея семья подвергаются осмѣянію. Но, несмотря на это, по странному противорѣчію, свобода внѣбрачнаго общенія или прямо разрѣшается, или по крайней мѣрѣ на нее смотрятъ сквозь пальцы. Противорѣчіе это объясняется тѣмъ, что, съ нарожденіемъ и проникновеніемъ въ общественное сознаніе новыхъ взглядовъ, старые еще долго продолжаютъ сохраняться; они вымираютъ лишь крайне медленно, причемъ иногда обычай поддерживается и нѣкоторыми утилитарными соображеніями. Такъ, напримѣръ, въ Архангельской губерніи, гдѣ, въ общей сложности, существуетъ строгій взглядъ на нравственность дѣвушекъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ внѣбрачныя отношенія поддерживаются. Въ Лямцѣ, Онежскаго уѣзда, говоритъ П. С. Ефименко, «дѣвушками очень дорожатъ, и женихъ не такъ-то легко высватываетъ себѣ невѣсту; онѣ выдаются замужъ . . . . . иногда въ 25 лѣтъ, что развиваетъ усиленіе распутства. Когда священникъ дѣлаетъ замѣчаніе касательно этого порока, крестьяне обыкновенно говорятъ: «что-же намъ дѣлать,

бачка? Такъ искони у насъ ведется; дѣвка родитъ, сама и водится съ ребенкомъ». Если священникъ посовѣтуетъ выдавать дочерей въ замужество, когда (имъ) исполнится 16 или 17 лѣтъ, для прекращенія порока, то получаетъ въ отвѣтъ: «эка парень, корми да воспитывай дочь свою, да . . . поскорѣе и отдавай въ работницы чужому человѣку, а родителямъ-то своимъ она когда заработаетъ за воспитаніе?» Впрочемъ, и женихи мало обращаютъ вниманія на нравственность дѣвушки до замужества. Послѣ посидѣлокъ, бесѣдъ, вечеринокъ и проч., пишетъ Е. И. Якушкинъ, «присутствующіе на нихъ дѣвушки и парни, по окончаніи пирушки, ложатся спать по парно. Родители и родственники смотрятъ на вечеринки, какъ на дѣло очень обыкновенное и только тогда обнаруживаютъ свое неудовольствіе, когда въ той или другой семьѣ оказываются беременныя дѣвушки. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Пинежскаго уѣзда (Архангельской губерніи), допускается полная свобода половыхъ сношеній на вечеринкахъ. Сношенія эти не считаются тамъ предосудительными: напротивъ того, дѣвушка, не выбранная парнемъ на вечеринкѣ, нерѣдко должна бываетъ выслушивать горькіе упреки отъ своей матери». Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сибири «примѣры выхода въ замужество цѣломудренныхъ дѣвицъ чрезвычайно рѣдки. Развратъ 14, 13 и даже 12-ти лѣтнихъ дѣвочекъ—явленіе, вовсе не выходящее изъ круга обыкновенныхъ. Незаконнорожденный ребенокъ у дочери-дѣвушки нисколько не безчеститъ ни ее, ни ея родителей, и этими послѣдними—въ особенности, если это мальчикъ—воспитывается охотно и пользуется такою-же любовью, какою пользовался-бы и законнорожденный». Въ Енисейской губерніи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, по крайней мѣрѣ, нецѣломудріе не считается грѣхомъ; то, что происходитъ на масленицѣ и во время пастьбы скота, по словамъ одного изслѣдователя, напоминаютъ приведенныя выше слова Нестора о вятичахъ, сѣверянахъ и радимичахъ. Когда снѣгъ начинаетъ таять, скотъ отгоняютъ отъ деревни: «туда ходятъ въ это время дѣвки и бабы доить коровъ. При этомъ у нихъ обыкновенно происходятъ свиданія съ парнями. Каждая дѣвица и замужняя женщина имѣетъ своего парня». Въ Томской губерніи такъ называемые «каменщики»—русскіе крестьяне, выселившіеся въ Бухтарминскій край еще до присоединенія его къ Россіи, и послѣ присоединенія края принятыхъ съ правами инородцевъ—также свободно смотрятъ на нарушеніе цѣломудрія. «Несмотря на ближайшее родство, любовныя связи брата съ сестрой, отца съ дочерью и т. п. считаются дозволенными и называются «просто

птичьимъ грѣхомъ», по уподобленію птицамъ, вышедшимъ изъ одного гнѣзда. Дѣвицѣ не ставится въ укоръ, если она до замужества жила съ кѣмъ нибудь; по выходѣ-же замужъ она обязывается быть вѣрною своему мужу» (Якушкинъ).

Такое-же отношеніе къ потери дѣвственности до замужества существуетъ и среди донскихъ казаковъ. Хотя въ настоящее время свобода общенія внѣ брака и осуждается донскими казаками, но, по ихъ словамъ, «бываетъ грѣхъ, потому что народъ слабъ. Въ былое время, разсказываютъ казаки, народъ проще былъ: тогда на Ивановъ день дѣвушки и молодые казаки (во многихъ станицахъ) вмѣстѣ купались, а нынѣ это вовсе вывелось». «Въ окрестностяхъ Луганской станицы съ Троицына дня дѣвушки шьютъ куклу Маринку, потихонько отъ всѣхъ. Потомъ идутъ съ молодыми казаками въ лѣсъ и вѣшаютъ Маринку на дерево. Всѣ начинаютъ пѣть и плясать. . . . При этомъ увеселеніи бываетъ и свобода полового общенія. Теперь этотъ обычай строго воспрещается стариками, но, несмотря на это, молодежь не перестаетъ изъ года въ годъ соблюдать его». Теперь это совершается въ тайнѣ, такъ что даже не всѣ знаютъ, гдѣ будетъ происходить сборище. Въ Харьковской губерніи родители и родственники смотрятъ на вечерницы, какъ на дѣло обыкновенное и хладнокровно относятся, если въ качествѣ послѣдствія ихъ является въ семьѣ беременная дѣвушка. Въ Ставропольской губерніи еще недавно наблюдался слѣдующій обычай: «въ день дѣвичника послѣ пирушки, на которую приглашаютъ молодыхъ дѣвушекъ и парубковъ, всѣ ложатся спать—женихъ съ невѣстою, а парубки съ прочими дѣвушками».

По мѣрѣ того, какъ современный бытъ все больше отдаляется отъ первобытныхъ формъ общежитія, слѣды безпорядочнаго сожительства переходятъ часто въ обрядъ. Такъ, напримѣръ, внѣбрачное общеніе молодежи, по мѣрѣ стѣсненія его, превращается въ обычаи, не грозящими дѣвушкѣ рожденіемъ ребенка до брака. Въ Полтавской губерніи и въ другихъ мѣстностяхъ Малороссіи, послѣ вечерницъ молодежь ложится спать попарно, но при этомъ вполнѣ отсутствуетъ развратъ. Въ Ростовскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи, дѣвушки и парни, собравшіеся домовничать въ домъ, когда всѣ старшіе уѣхали куда нибудь, ложатся попарно; однако, и такія ночевки вообще сохраняютъ цѣломудренный характеръ. Въ Пудожскомъ уѣздѣ Олонецкой губерніи у каждой дѣвушки есть свой «игракъ»—избранный ею парень. Она съ нимъ катается, уходитъ часто вести бесѣды одна на

одинъ въ ригу послѣ посидѣлокъ; но обычай требуетъ отъ молодыхъ людей соблюденія цѣломудрія.

У болгаръ и другихъ южно-славянскихъ народностей тѣ-же посидѣлки: *сидѣнки*, *попрелки*, *посѣдъ*, *игралище* и пр., устраиваемыя, какъ и въ Россіи осенью и зимой; на нихъ допускалось прежде повсемѣстно, а въ настоящее время только въ нѣкоторыхъ селеніяхъ половое общеніе молодежи. Въ большинствѣ случаевъ оно воспрещается обычаемъ, хотя (у болгаръ, напримѣръ) молодежь и укладывается спать попарно. Иногда этотъ обычай видоизмѣняется въ томъ направленіи, что ночевать съ любимой дѣвушкой разрѣшается только *одному* парню, пользующемуся особымъ расположеніемъ дѣвицъ. У хорватовъ побережья, пишетъ Краусъ (Krauss), парни по двое или по нѣсколько человѣкъ ходятъ поздно вечеромъ въ гости къ дѣвушкѣ. Она ихъ принимаетъ, разводитъ огонь на очагѣ, вокругъ котораго и садятся гости. Время проходитъ въ разговорахъ, но допускается и половое общеніе между дѣвушкой и ея гостями; если послѣдствіемъ явится беременность дѣвушки, она можетъ указать на отца ребенка, и тотъ обязанъ на ней жениться. Остатки періода безпорядочнаго сожительства сохранились среди болгаръ въ слѣдующихъ обычаяхъ. Такъ называемое *паратеко*—обычай, существовавшій не такъ давно и можетъ быть и теперь еще не вполнѣ исчезнувшій въ нѣкоторыхъ болгарскихъ селахъ, по словамъ Б. Н. Боева, заключается въ слѣдующемъ: парни и дѣвушки «выбираютъ другъ друга, кто съ кѣмъ желаетъ, и парами отправляются въ лѣсъ, или, если это происходитъ зимой, на сѣнникъ, и тамъ вступаютъ другъ съ другомъ въ общеніе per anum . . . Старики и старухи смотрятъ на это, какъ на вещь не противозаконную, незапрещенную. . . . Кромѣ того свободное половое общеніе между парнями и дѣвушками» существуетъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ южной Македоніи. «Прикрывается оно здѣсь вступленіемъ между собой въ . . . *побратимство и посестримство*», которое въ данномъ случаѣ слѣдуетъ отличать отъ побратимства и посестримства, распространеннаго у многихъ народовъ, между прочимъ и славянъ, и имѣющаго характеръ установленія духовнаго родства. Въ южной Македоніи, пишетъ Боевъ, «парень и дѣвушка отправляются въ праздникъ къ обѣднѣ, во время чтенія св. Евангелія стоятъ вмѣстѣ около священника, затѣмъ послѣ обѣдни цѣлуются и дѣлаютъ другъ другу подарки. Послѣ этого обряда общеніе подобныхъ побратимовъ съ своими посестримами происходитъ, какъ у мужа съ женой; разница только въ томъ, что они живутъ

врозь и въ церковный бракъ между собой не вступаютъ. Цѣломудренность въ южной Македоніи не составляетъ для дѣвушки необходимаго условія при вступленіи въ бракъ. Но въ замужествѣ эти-же посестримы строго соблюдаютъ супружескую вѣрность».

Въ только что приведенныхъ случаяхъ сказывается съ одной стороны стремленіе обычая перейти въ обрядъ, не нарушающій общественнаго взгляда на необходимость сохраненія цѣломудрія, съ другой стороны—желаніе прикрыть давній обычай нѣкоторой торжественностью или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать такъ, чтобы послѣдствія сожитія не компрометировали дѣвушку, что можетъ вредно отразиться на выходъ ея замужъ.

Безпорядочное сожительство оставило по себѣ, естественно, только воспоминаніе въ нѣкоторыхъ, практиковавшихся въ сравнительно недавнее время обычаяхъ и среди другихъ народностей индоевропейской семьи, въ настоящее время высококультурныхъ. Къ числу такихъ слѣдовъ слѣдуетъ отнести, напримѣръ, оригинальное установленіе такъ называемаго «пробнаго сожительства» (Probenächte), которое въ концѣ прошлаго столѣтія было распространено преимущественно въ Швабіи и Шварцвальдѣ. Здѣсь, по разсказу Фишера, относящемуся къ 1781 г., «среди крестьянъ существовалъ обычай, что дѣвушки предоставляли ухаживавшимъ за ними тѣ вольности, которыя обыкновенно составляютъ достояніе супруговъ. Эти такъ называемыя пробныя ночи добывались молодыми людьми слѣдующимъ образомъ: когда у молодой дѣвушки наступала половая зрѣлость, за нею начинали ухаживать молодые люди и до тѣхъ поръ продолжали свои усилія, пока замѣчали, что одному изъ нихъ оказано предпочтеніе». Послѣдній получалъ право посѣщать дѣвушку ночью. «Однако, обычай требуетъ, чтобы онъ проникалъ къ ней не чрезъ дверь, а чрезъ окно въ чердакѣ. Первая попытка обыкновенно встрѣчается со стороны дѣвушекъ насмѣшками. Проникнувъ чрезъ окно, ему дозволяется проболтать нѣсколько часовъ съ дѣвушкой, которая лежитъ въ кровати совершенно одѣтой. Какъ только она засыпаетъ, онъ долженъ удалиться. Только постепенно и послѣ часто повторенныхъ попытокъ молодому человѣку разрѣшаются нѣкоторыя вольности». Эти первыя посѣщенія, происходящія только по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, носятъ названіе Kommenächte. Съ тѣхъ поръ начинаются «пробныя ночи», пользованіе которыми дозволяется чаще. Послѣднее продолжается до тѣхъ поръ, пока обѣ стороны достаточно убѣдятся въ ихъ взаимной физической пригодности или до тѣхъ поръ, пока дѣвушка не окажется

беременной. Только тогда молодой человѣкъ дѣлаетъ формальное предложеніе, вслѣдъ за которымъ непосредственно идетъ обрученіе и свадьба. Случается довольно часто, что стороны расходятся послѣ первой или второй пробной ночи. Для дѣвушекъ при этомъ нѣтъ никакой опасности получить дурную репутацію, ибо очень скоро является другой . . . Весьма нерѣдко также, что родители, когда ихъ разспрашиваютъ о здоровьѣ ихъ дочерей, самодовольно разсказываютъ, что у дочерей начались уже любовныя свиданія». Kommnächte (Fensterln, Gassln, Dorfgehen, Kilchgand и пр.)—обычай распространенный и теперь почти во всей Германіи, также въ нѣмецкихъ контонахъ Швейцаріи. «Если въ шкапчикѣ у дѣвушки тирольки, говоритъ Эл. Мейеръ (Meyer), хранится бутылка съ водкой для ея ухаживателя, у дѣвушки изъ Фемарна готово въ спальнѣ угощеніе для ночного посѣтителя. Дѣвушкѣ не ставится въ позоръ отдаться ему; напротивъ, это дѣлается съ соизволенія родителей, которые иногда нарочно для этого отводятъ своимъ взрослымъ дочерямъ горницы въ сторонѣ отъ другихъ». М. М. Ковалевскій замѣчаетъ, что ему лично пришлось встрѣтить слѣды подобнаго порядка вещей «въ обычномъ правѣ одного изъ округовъ кантона Граубинденъ, именно въ округѣ Клостеръ. Населеніе этого округа, пишетъ изслѣдователь, по единогласному утвержденію всѣхъ историковъ, составилось преимущественно, если не исключительно, изъ нѣмецкихъ колонистовъ аллеманскаго происхожденія. Обычное право его не было кодифицировано вплоть до начала XVII-го в.; неудивительно поэтому, если въ число его постановленій вошло много обычаевъ, возникновеніе которыхъ относится къ несравненно болѣе ранней эпохѣ. Однимъ изъ такихъ должна быть признана статья, запрещающая такъ называемыя Kilbenen или сходбища въ селахъ—сходбища, результатами которыхъ, какъ сказано въ кодексѣ, является блудъ и прелюбодѣяніе». Запрещая на будущее время подобныя собранія, власти округа поступали совершенно такъ же, какъ это сдѣлали, по словамъ Якушкина, жители с. Воржа въ Ярославской губерніи, когда они въ 1868 г. запретили общественнымъ приговоромъ навсегда ночныя «бесѣды». Повидимому, описанный обычай устройства пробныхъ ночей не былъ чуждъ и быту древней Россіи. Едва ли въ иномъ смыслѣ можно толковать грамоту Ѳеодосія, отъ 1548 г. «А иные де христіане, читается въ ней, емлютъ себѣ дѣвки и вдовицы, да держатъ деи ихъ у себя недѣль пять или шесть и десять до полугоду, и живутъ деи съ ними безстудно въ блудныхъ дѣлахъ, да буде имъ котора дѣвка или вдова по любви и они деи вѣнчаются и молитвы емлютъ, а будетъ

не по любви и они деи отсылаютъ ихъ отъ себя и другихъ емлютъ».

Такимъ образомъ, хотя писатели древности, какъ Цезарь и Тацитъ, не говорятъ ничего объ общности женъ у германцевъ, ихъ бытъ, какъ достаточно указываютъ вышеприведенные факты, до послѣдняго времени сохранилъ слѣды періода, когда брачные узы были еще совершенно неустойчивы, т. е. стадіи безпорядочнаго сожительства.

Изъ другихъ слѣдовъ этой стадіи, а именно нѣкоторыхъ обычаевъ, которые могли возникнуть только на этой почвѣ, слѣдуетъ остановиться прежде всего на такъ называемой религіозной проституціи или иначе на *религіозномъ гетеризмѣ*.

Религіозный гетеризмъ является лишь однимъ изъ ограниченій, которое накладывается на нѣкогда полную свободу общенія между полами. Сущность его заключается въ томъ, что свободное общеніе, болѣе или менѣе ограниченное благодаря развившимся формамъ быта, допускается въ извѣстное время—въ праздники или въ извѣстныхъ мѣстахъ—напримѣръ, въ храмахъ. Праздники такого рода можно отмѣтить у многихъ народовъ, начиная съ австралійцевъ, у которыхъ въ опредѣленные сроки сходятся члены одного племени, при чемъ устраиваются пиршества, пляски, кончающіяся свальнымъ грѣхомъ. То же имѣетъ мѣсто и у другихъ низшихъ въ культурномъ отношеніи народностей, напримѣръ, у нѣкоторыхъ бразильскихъ дикарей. Съ измѣненіемъ быта и развитіемъ религіозныхъ воззрѣній празднества мѣняются по времени, но не утрачиваютъ своего характера и среди многихъ культурныхъ народностей.

Изъ такихъ праздниковъ наибольшей извѣстностью пользуется, какъ у русскихъ, такъ и у германцевъ, финновъ-христіанъ и другихъ народовъ день Рождества Іоанна Предтечи (24 Іюня), далѣе навечерія Рождества и Крещенія, Троицкая суббота и проч. Въ эти дни допускалось прежде повсемѣстно, а въ настоящее время только мѣстами свободное общеніе половъ. Что эти языческія празднества, лишь пріуроченныя къ христіанскимъ, отличались полнымъ разгуломъ, слѣдуетъ уже изъ той энергіи, съ которой церковь боролась противъ нихъ въ теченіе вѣковъ. Фактъ, что ихъ характеръ до настоящаго времени въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не измѣнился, служитъ доказательствомъ, съ какой медленностью уступаютъ старые обычаи новымъ требованіямъ. О подобныхъ празднествахъ упоминается еще, напримѣръ, въ правилѣ митрополита Кирилла (XIII-го в.). «Мы слышали, пишетъ митрополитъ по поводу обычаевъ новгородскихъ, что въ субботу вечеромъ собираются вмѣстѣ мужи и жены и играютъ безстыдно, и скверну

творятъ въ ночь святого воскресенья». Далѣе, въ посланіи игумена Памфила отъ 1505 г. говорится, что въ ночь подъ Ивановъ день «мало не весь градъ взмятется (въ селѣхъ) и возбѣсится . . . стучатъ бубны и гласъ сопѣлій и гудутъ струны, женамъ же и дѣвамъ плесканіе и плясаніе, и главамъ ихъ накиваніе, устамъ ихъ непріязненъ кличъ и вопль, всескверненныя пѣсни, бѣсовская угодія свершахуся, и хребтомъ ихъ вихляніе, и ногамъ ихъ скаканіе и топтаніе; ту же есть мужемъ же и отрокомъ великое прельщеніе и паденіе, но яко на женское и дѣвическое шатаніе блудное имъ воззрѣніе, такоже и женамъ мужатымъ безаконное оскверненіе и дѣвамъ растлѣніе». Стоглавъ прямо запрещаетъ подобныя празднества: на Ивановъ день и въ навечеріи Рождества и Крещенія, сказано въ Стоглавѣ, «сходятся мужи и жены и дѣвицы на ночное плещеваніе и на безчинный говоръ, и на бѣсовскія пѣсни и на плясаніе и на скаканіе, и на богомерзкія дѣла, и бываетъ отрокамъ оскверненіе и дѣвамъ растлѣніе».

Часть этихъ празднествъ, противъ которыхъ ратовала церковь, имѣла связь съ обоготвореніемъ производительной силы. Этимъ характеромъ особенно отличается такъ называемый Ярилинъ день; празднество въ честь Ярилы заключалось обыкновенно похоронами его. Въ Костромѣ, напримѣръ, по свидѣтельству одного изслѣдователя, «горожане сходились на площадь, избирали старика, одѣвали его въ рубище и вручали ему небольшой гробъ съ куклою, которая изображала Ярила и нарочито дѣлалась съ огромными принадлежностями мужскаго пола..... Затѣмъ отправлялись за городъ, старикъ несъ гробъ, а вокругъ него шли женщины, причитывали на распѣвъ похоронныя жалобницы и жестами своими старались выразить скорбь и отчаянье. Въ полѣ вырывали могилу, хоронили въ ней куклу съ плачемъ и воемъ и тотчасъ же начинали игры и пляски.... Въ Малороссіи соломенное чучело Ярила приготовлялось со всѣми естественными принадлежностями мужскаго пола; куклу эту клали въ гробъ и по захожденіи солнца выносили на улицу. Пьяныя бабы подходили къ гробу, плакали и печально повторяли: «померъ онъ, померъ», Мужчины подымали и трясли куклу, какъ бы стараясь разбудить усопшаго Ярила», дѣлая ясные намеки, почему бабы жалѣютъ о смерти Ярила; обрядъ кончался похоронами куклы (Афанасьевъ).

Это описаніе Ярилина дня, на которомъ допускался свальный грѣхъ, безъ различія, состояли ли участники празднества въ бракѣ или нѣтъ, представляетъ изъ себя типичный образчикъ религіознаго-языческаго гетеризма въ Россіи. Свальный грѣхъ практи-

куется также среди нѣкоторыхъ сектантовъ: хлыстовъ, прыгуновъ Эриванской губерніи, шалопутовъ и др. По вѣрному замѣчанію Е. П. Якушкина, «свальный грѣхъ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ мало изслѣдованный, представляетъ такой же религіозный гетеризмъ, какой встрѣчается и у другихъ народовъ, какъ остатокъ общности женъ. Его исторія мало извѣстна, но во всякомъ случаѣ онъ есть явленіе, тѣсно связанное съ существовавшей до него свободой половыхъ сношеній, и основа его религіознаго характера есть языческая». Тайна, которой облечены обряды этихъ сектъ, не даютъ возможность сказать что нибудь подробнѣе о значеніи свальнаго грѣха у ихъ послѣдователей, кромѣ извѣстныхъ всѣмъ общихъ мѣстъ; этотъ интересный остатокъ стариннаго быта еще ждетъ своего изслѣдователя.

Религіозный гетеризмъ, связанный съ празднествами, которыя въ свою очередь, соединены съ фаллическимъ культомъ, встрѣчается у многихъ народовъ. Каково бы ни было происхожденіе этого культа, свобода общенія между полами, составляющая его отличительную черту, свидѣтельствуетъ, что онъ стоитъ въ связи съ религіознымъ гетеризмомъ. «Извѣстно, говоритъ Ковалевскій, что поклоненіе какъ гигантскимъ, такъ и миніатюрнымъ изображеніямъ дѣтороднаго органа подъ разными наименованіями: лингама у индусовъ, фегора у евреевъ въ эпоху перехода девяти колѣнъ въ язычество, фаллуса у римлянъ, пріапа у грековъ и т. д. долго существовало въ Египтѣ, Сиріи, Персіи, Малой Азіи, Греціи, Италіи, что испанцы нашли его въ Мексикѣ, и что даже въ наше время оно не только имѣетъ мѣсто въ Индіи и нѣкоторыхъ частяхъ Африки, въ Японіи, но что слѣды его до сихъ поръ удержались во многихъ мѣстностяхъ Италіи (гдѣ недавно еще во время нѣкоторыхъ празднествъ можно было покупать фаллическіе амулеты въ монастыряхъ), и что въ самой Франціи они исчезли не ранѣе начала XVII-го в. Извѣстно также, что этотъ культъ стоялъ въ связи въ Индіи—съ культомъ... бога Шивы, въ Египтѣ съ поклоненіемъ священному быку и козлу и т. д.» То же почитаніе производительныхъ силъ сказывается въ культѣ Венеры, Милитты, Астарты и пр., какъ бы ни именовались богини производительныхъ силъ, равно и Вакха. Культъ этихъ божествъ процвѣталъ въ древности въ Вавилоніи, Финикіи, Іудеѣ, Карѳагенѣ, на островахъ Кипрѣ и Самосѣ, въ Коринѳѣ, въ Аѳинахъ и т. д.—и вездѣ онъ сопровождался тѣми же явленіями проституціи. Но въ однихъ случаяхъ этотъ обычай приближался по формѣ къ аналогичнымъ празднествамъ въ Россіи; въ другихъ, постепенно вырождаясь, онъ приводилъ къ проституированію дѣвушки разъ въ

жизни въ храмѣ того или иного бога. Между обоготвореніемъ производительныхъ силъ и связанными съ нимъ празднествами въ видѣ вакханалій и ношеніемъ изображеній дѣтородныхъ частей въ качествѣ амулетовъ «отъ дурного глаза» лежитъ, конечно, цѣлая бездна. Но безсознательное ношеніе такихъ амулетовъ служитъ доказательствомъ, если этотъ обычай не занесенъ извнѣ, что нѣкогда обоготвореніе фаллуса не ограничивалось однимъ этимъ. Нѣкоторые изслѣдователи отрицаютъ значеніе этихъ фактовъ, какъ доказательства господства стадіи безпорядочнаго сожительства. Они указываютъ, какъ, напримѣръ, Петри, что «въ культѣ, какъ таковомъ, лежитъ уже извѣстная рефлексія, отводящая ему опредѣленное мѣсто въ ряду первобытныхъ религіозныхъ представленій». Но не слѣдуетъ забывать, что форма, въ которую отливается культъ, сохраняетъ воспоминанія объ общественномъ состояніи момента появленія культа. То, что выходитъ изъ употребленія среди народности благодаря развивающемуся строю, продолжаетъ сохраняться въ культѣ; и изученіе его даетъ часто, какъ и въ данномъ случаѣ, возможность заглянуть въ темное прошлое расъ и народностей, которыхъ исторія застаетъ уже на сравнительно высокой культурной ступени.

Дюлоръ (Dulaure) въ монографіи, посвященной фаллическому культу, собралъ обширное количество свѣдѣній, касающихся религіозной проституціи, между прочимъ и у культурныхъ народовъ древности. Празднества, соотвѣтствующія Ярилину дню, съ одинаковымъ характеромъ и съ тѣми же атрибутами, происходили и въ древнемъ Египтѣ—воспоминаніе о возвращеніи къ жизни Озириса, въ древней Греціи—празднества, посвященныя Діонису, на востокѣ—празднованіе смерти и возрожденія Адониса и т. п. Вездѣ они сопровождались разгуломъ и смѣшеніемъ половъ. Болѣе интересны тѣ формы, въ которыя отлился этотъ видъ гетеризма при постепенномъ вымираніи слѣдовъ безпорядочнаго сожительства. Къ нимъ прежде всего слѣдуетъ отнести проституцію дѣвушекъ въ храмахъ передъ выходомъ замужъ. «У вавилонянъ, пишетъ Геродотъ, есть... слѣдующій отвратительный обычай: каждая туземная женщина обязана разъ въ жизни имѣть сообщеніе съ иностранцемъ въ храмѣ Афродиты» (Милитты). Вавилонянки сидятъ длинными рядами въ храмѣ; между ними оставлены прямые проходы, по которымъ ходятъ чужеземцы, выбирая себѣ женщинъ. Выбравъ себѣ женщину, чужеземецъ бросаетъ ей на колѣни монету и говоритъ: «приглашаю тебя во имя богини Милитты». «Какъ бы мала ни была монета, продолжаетъ Геродотъ, женщина не въ правѣ отвергнуть ее, потому что деньги принадлежатъ божеству...

Послѣ сообщенія и, слѣдовательно, выполненія священнаго долга относительно богини она возвращается домой, и съ этого времени нельзя имѣть ее ни за какія деньги». На островѣ Кипрѣ, у финикіянъ, далѣе у карѳагенянъ до позднихъ временъ сохранился обычай добровольнаго проституированья себя въ храмахъ или мѣстахъ, посвященныхъ богинѣ плодородія. Этотъ же обычай встрѣчается также у евреевъ. «Въ книгѣ пророка Осіи, жившаго въ эпоху отпаденія десяти колѣнъ отъ культа Іеговы и перехода ихъ къ идолослуженію Bal-Phegor'a (соотвѣтствовавшему греческому Пріапу), можно найти между прочимъ указаніе на характеръ того религіознаго гетеризма, которому предавались моавитскія женщины въ храмѣ послѣдняго..... Дочери моавитянъ проституировали себя подъ предлогомъ отдачи своей дѣвственности идоламъ, приходившимъ въ храмъ израильтянамъ. Многія изъ нихъ затѣмъ навсегда оставались при храмѣ на правахъ его служительницъ, находя... (такимъ образомъ) религіозное освященіе своему гетеризму». «Въ окрестностяхъ Пондишери выходящія замужъ дѣвушки лишаютъ себя предварительно невинности въ храмѣ Сивы при помощи желѣзнаго изображенія penis'a, почитаемаго здѣсь подъ наименованіемъ Lingam. Тотъ же обрядъ имѣетъ мѣсто въ Гоа, тогда какъ въ другихъ мѣстностяхъ Индіи роль Lingam'овъ принимаютъ на себя состоящіе при храмѣ жрецы.... Въ Калкуттѣ раджа отдаетъ на одну ночь дочь свою какому нибудь жрецу и затѣмъ уже ищетъ ей мужа» (Ковалевскій). Въ другихъ свидѣтельствахъ этого рода встрѣчаемъ указанія, что жрецы во время извѣстнаго праздника «имѣютъ обыкновеніе вводить торжественно въ храмъ одну изъ молодыхъ дѣвушекъ и оставлять ее тамъ на ночь подъ предлогомъ, что само божество вступитъ съ нею въ связь; растлѣнная дѣвушка пріобрѣтаетъ съ этого момента право на вступленіе въ бракъ». До настоящаго времени при нѣкоторыхъ храмахъ Индіи состоятъ женщины, проституирующія себя изъ религіознаго чувства.

Слѣды религіозной проституціи можно отмѣтить въ обычаѣ, имѣвшемъ мѣсто и въ средневѣковой Франціи, согласно которому новобрачныя должны были приносить въ жертву свое дѣвичье одѣяніе св. Фотину, извѣстному подъ искаженнымъ названіемъ св. Футина и замѣнившему собой языческаго Пріапа; далѣе въ почитаніи, которымъ до настоящаго времени въ глухихъ мѣстахъ Франціи пользуются древнія каменныя изображенія phallus'a. М. М. Ковалевскій по поводу приведенныхъ фактовъ религіознаго гетеризма, заимствованныхъ у Дюлора, выражаетъ мнѣніе, что въ этомъ сказывается стремленіе ограничить свободу сожительства въ пользу извѣстныхъ лицъ, каковыми

являлись между прочимъ жрецы. Однако, религіозная проституція въ храмахъ является послѣдствіемъ болѣе или менѣе обязательнаго проституированія себя въ извѣстные праздники, ограниченнаго впослѣдствіи моментомъ перехода въ замужество. То, что обязаны были дѣлать всѣ женщины во время культа божества, сдѣлалось невозможнымъ съ развитіемъ новыхъ условій быта. Участіе въ празднованіи, сопряженное съ смѣшеніемъ половъ, было предоставлено желающимъ, но извѣстный выкупъ, какъ дань почитанія божества, требовался религіей; вслѣдствіе этого лишеніе невинности имѣло мѣсто именно въ храмахъ тѣхъ божествъ, почитаніе которыхъ выражалось въ оргіяхъ. Если обычай требовалъ проституціи отъ дѣвушекъ до замужества, это объясняется тѣмъ зависимымъ положеніемъ, въ которое вступала женщина послѣ брака. Указанные факты являются, такимъ образомъ, не болѣе какъ свидѣтельства о вымираніи слѣдовъ стадіи безпорядочнаго сожительства—однимъ изъ этаповъ, соединяющихъ проституцію во время празднествъ съ обычаемъ лишенія себя невинности посредствомъ изображенія фаллуса и приношенія въ жертву дѣвическаго одѣянія, какъ это требовалось Ригъ-Ведою и обычаями Франціи, и ношеніемъ phallus-а въ качествѣ амулета.

Поэтому на религіозный гетеризмъ едва-ли можно смотрѣть, какъ на *ограниченіе, налагаемое религіей* на отношенія, прежде свободныя. Напротивъ того, формы быта, утратившія возможность существовать въ обыденной жизни, находятъ себѣ пріютъ подъ сѣнью языческихъ храмовъ, продолжаютъ существовать въ тѣни священныхъ рощъ въ угоду богамъ. Культъ чрезвычайно консервативенъ: практиковавшаяся въ жизни въ моментъ возникновенія его свобода отношеній между полами не можетъ быть измѣнена при появленіи новыхъ основъ жизни. Совершенно такъ же, какъ каменный ножъ, первобытное оружіе, давно уже не употребляемый въ обиходѣ, продолжаетъ долго служить необходимымъ орудіемъ при жертвоприношеніяхъ, такъ и обрядъ и обычаи, нѣкогда исполняемые всѣми, сохраняются только при отправленіи культа. Чтобы жертва была пріятна богамъ, необходимо, чтобы она была принесена именно такъ, какъ это установилось при возникновеніи обряда: отсюда употребленіе каменныхъ ножей у древнихъ евреевъ при обрѣзаніи, у египтянъ при приготовленіи муміи, у древнихъ мексиканцевъ при вырѣзываніи внутренностей жертвы. Отсюда же и сохраненіе разнузданнаго съ современной точки зрѣнія характера извѣстныхъ пиршествъ и празднествъ. Дикари съ неразвитымъ культомъ сопровождаютъ всякое пиршество разгуломъ и безпорядочнымъ общеніемъ. Возбужденные плясками, они предаются свальному грѣху

всякій разъ, когда удачная охота, побѣда надъ сосѣднимъ племенемъ и пр. доставляютъ имъ въ изобиліи сытную пищу. Съ улучшеніемъ экономическаго быта, съ появленіемъ большей обезпеченности въ питаніи празднества устраиваются лишь въ опредѣленные сроки, впослѣдствіи прикрѣпляемые къ религіозному культу; благодаря консерватизму послѣдняго они сохраняются даже у цивилизованныхъ народностей. Языческій культъ, такимъ образомъ, не ограничиваетъ, но поддерживаетъ древній обычай. Но развивающіяся формы быта, расширеніе понятій о нравственности постепенно смягчаютъ проявленіе культа. Вотъ почему празднества вродѣ Ярилина дня, вакханаліи и пр. мало по малу могутъ ограничиваться въ томъ направленіи, что проституція совершается только въ храмахъ, разъ въ жизни, что постоянныя проститутки при капищахъ окружены почетомъ и уваженіемъ, и, наконецъ, что весь культъ съ постепеннымъ ростомъ народности можетъ перейти въ простой обычай ношенія амулетовъ въ видѣ phallus'овъ.

Такимъ образомъ, всѣ проявленія религіознаго гетеризма, за исключеніемъ случаевъ, когда они перенесены отъ одной народности къ другой, служатъ доказательствомъ, что данная народность переживала стадію, когда свободное общеніе половъ допускалось сначала въ обыденной жизни, а затѣмъ, подъ давленіемъ консерватизма культа, только въ религіозныхъ обрядахъ.

III. Поліандрія. Левиратъ. Нійога. Снохачество. Гостепріимный гетеризмъ. Jus primae noctis.

Рядомъ съ вышеизложенными пережитками безпорядочнаго сожительства имѣется еще рядъ аналогичныхъ обычаевъ, которые могли развиться только на этой стадіи.

Они нѣкоторыми авторами принимались также за *ограниченія* безпорядочнаго сожитія; но они имѣютъ нѣсколько иные источники, и корни ихъ слѣдуетъ искать въ первобытномъ этическомъ и правовомъ міросозерцаніи дикаря.

При этомъ въ виду возникаемыхъ при описаніи этой стадіи развитія недоразумѣній въ литературѣ не лишнимъ будетъ еще разъ напомнить, что безпорядочное сожительство допускаетъ длительные союзы двухъ лицъ разнаго пола; что для него характернымъ является: 1) свобода нарушенія союзовъ и 2) отсутствіе понятія о родственныхъ узахъ, какъ института, влекущаго за собой юридическія послѣдствія, что не даетъ права говорить о семьѣ въ этотъ періодъ. Для уясненія нѣкоторыхъ обычаевъ, имѣющихъ отношеніе къ стадіи безпорядочнаго сожитія, необходимо сдѣлать небольшое отступленіе и опредѣлить, каково положеніе женщины въ этомъ періодѣ. Освѣщаютъ это факты изъ жизни дикарей, у которыхъ безпорядочное сожительство не успѣло еще всецѣло уступить мѣста новымъ формамъ жизни.

Среди низшихъ австралійскихъ народностей, не доразвившихся еще до ясныхъ представленій о родствѣ, положеніе женщины чрезвычайно тяжелое. Австраліецъ неограниченный владыка надъ своей женой или женами; женщина считается какъ бы имуществомъ мужа; онъ можетъ обращаться съ нею хорошо или дурно, какъ ему заблагоразсудится. Женщину, съ которой въ данный моментъ сожительствуетъ австраліецъ, онъ можетъ прогнать отъ себя, промѣнять

ее на другую, подарить своему собрату по классу и т. д. Однимъ словомъ, австралiецъ смотритъ и обращается съ женщиной, какъ съ рабочимъ животнымъ. У аэтовъ на Филиппинскихъ, у минкопи на Андаманскихъ островахъ, у веддовъ Цейлона, огнеземельцевъ, ботокудовъ Бразилiи, охотничьихъ народностей Калифорнiи вездѣ встрѣчается то же отношенiе къ женщинѣ. Всюду положенiе ея крайне принижено; она раба, служащая для поддержанiя существованiя мужчины, помогающая ему въ несложномъ хозяйствѣ и находящаяся въ полной зависимости отъ его каприза и произвола.

Такое положенiе женщины именно среди народовъ, находящихся на стадiи развитiя, ближе всего подходящей къ перiоду безпорядочнаго сожительства, опровергаетъ неосновательное мнѣнiе Бахофена и другихъ, что на низшей ступени цивилизацiи женщина будто бы свободна, что она является подругой, равноправной мужчинѣ, пользуется уваженiемъ и т. п. Новѣйшiя изслѣдованiя доказали, что идиллической картинѣ свободы женщины при первыхъ шагахъ развитiя человѣчества нѣтъ мѣста въ дѣйствительной жизни.

Этимъ взглядомъ на женщину объясняется много обычаевъ, которые возникаютъ еще въ перiодъ безпорядочнаго сожительства и затѣмъ, вслѣдствiе неизмѣняющагося и на болѣе высокихъ ступеняхъ культуры взгляда на нее, сохраняются до весьма поздняго перiода. Только въ этомъ смыслѣ подобные обычаи можно считать воспоминанiемъ бывшаго нѣкогда безпорядочнаго сожительства. Но ихъ нельзя вводить въ исторiю эволюцiи семьи въ качествѣ звеньевъ, соединяющихъ начальный перiодъ человѣческаго общественнаго развитiя съ болѣе высокими ступенями культуры. Эти обычаи подводятся къ слѣдующимъ группамъ: *полiандрiя*, *нiйога*, *левиратъ*, *снохачество*, *гостепрiимный гетеризмъ*.

Полiандрiей—многомужествомъ называется сожительство одной женщины съ группой мужчинъ, которые всѣ имѣютъ на нее супружескiя права. Особенное вниманiе на эту форму было обращено Макъ Ленаномъ, по мнѣнiю котораго ничто такъ не повлiяло на образованiе индивидуальной семьи, какъ полiандрiя: по его взгляду это первая ступень, черезъ которую должны были пройти всѣ человѣческiя общества при переходѣ отъ промискуитета къ семьѣ. Такъ какъ до сихъ поръ еще можно встрѣтить взглядъ на полiандрiю, навѣянный ученiемъ Макъ Ленана, не будетъ лишнимъ остановиться не надолго на сущности его теорiи.

Согласно Макъ Ленану люди въ первобытной стадiи жили группами, находившимися въ постоянной борьбѣ между собой. Эти междо-

усобія происходили будто бы преимущественно изъ за женщинъ; такъ какъ борьба шла между группами, а не между отдѣльными индивидами, эти послѣдніе, не имѣя возможности добыть себѣ женъ, были вынуждены жить въ промискуитетѣ. Но такъ какъ, по мнѣнію Макъ Ленана, на этой стадіи развитія процвѣтаетъ дѣтоубійство, причемъ преимущественно убиваются дѣвочки изъ страха, что желаніе обладать ими поведетъ къ междоусобіямъ, женщинъ въ группѣ оказывается мало, и поліандрія является неизбѣжнымъ послѣдствіемъ первичной стадіи. Это ограниченіе безпорядочнаго сожитія въ пользу извѣстной лишь группы лицъ есть первый шагъ, свидѣтельствующій о переходѣ къ высшимъ формамъ семейно-общественныхъ отношеній. Еще Дарвинъ и Лёббокъ сомнѣвались въ существованіи племенъ, практикующихъ дѣтоубійство преимущественно надъ дѣвочками. Жиро-Тёлонъ совершенно отрицалъ этотъ фактъ. По его мнѣнію, первобытному человѣку нѣтъ основанія убивать дѣвочекъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ мальчиковъ, такъ какъ женщина, занимающаяся и на низшей ступени культуры преимущественно домоводствомъ, оказывается весьма полезной для группы. Наконецъ, Спенсеръ, критикуя теорію Макъ Ленана, не признаетъ поліандрію необходимымъ послѣдствіемъ умерщвленія дѣвочекъ. Въ первобытныхъ обществахъ, пишетъ онъ, многіе мужчины умираютъ насильственной смертью, вслѣдствіе чего численное отношеніе между полами уравновѣшивается. Спенсеръ справедливо замѣчаетъ, что если бы всѣ племена практиковали убійство дѣтей женскаго пола, недостатокъ женщинъ чувствовался бы у всѣхъ племенъ одинаково, и не могло бы развиться похищенія женъ—пріемъ, который Макъ Леванъ непосредственно выводилъ изъ существованія упомянутаго обычая. Представитель экономической теоріи Старке, возражая противъ взгляда Макъ-Ленана, что поліандрія есть необходимая ступень, которую будто бы должны были пройти всѣ народы послѣ перехода отъ промискуитета, доходитъ до крайности. По его понятію, недостатокъ въ женщинахъ вообще не можетъ повести къ институту поліандріи среди племенъ, находящихся на стадіи безпорядочнаго сожительства. Напротивъ того, это должно было даже затруднять переходъ къ поліандріи. Промискуитетъ, коммунальный, общинный бракъ, говоритъ Старке, всегда проявляется въ формѣ поліандріи, если женщина имѣетъ болѣе, чѣмъ одного любовника; этому же содѣйствуетъ скорѣе недостатокъ ихъ, чѣмъ большое количество имѣющихся женщинъ въ группѣ. Старке, отрицая стадію коммунальнаго брака, какъ и большинство современныхъ ученыхъ, видѣлъ въ поліандріи институтъ болѣе высокаго порядка; она могла, по

его мнѣнію, появиться только поздно, когда семейно-родовыя отношенія уже развились. На первобытной же стадіи поліандріи не было. Но Старке, какъ и другіе представители экономической теоріи въ изученіи первобытнаго права, видитъ причину возникновенія поліандріи исключительно въ экономическомъ факторѣ—въ недостаткѣ женщинъ среди группъ уже болѣе развитого человѣчества. Въ этомъ взглядѣ, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія, есть большая доля правды; но теорія Старке, Гроссе и другихъ послѣдователей экономическаго теченія въ этнографіи примѣнима только въ отношеніи къ нѣкоторымъ племенамъ. Такимъ образомъ, существуютъ слѣдующія объясненія возникновенія поліандріи: 1) теорія Макъ Ленана, выводящая ее изъ убійства дѣвочекъ и признающая ее болѣе высокой стадіей развитія, чѣмъ промискуитетъ; 2) теорія эволюціонистовъ, которые отрицаютъ обычай умерщвленія на низшихъ культурныхъ ступеняхъ преимущественно дѣтей женскаго пола, но признаютъ, что поліандрія есть ограниченіе безпорядочнаго сожитія въ пользу меньшаго числа лицъ, т. е. что она является стадіей въ ходѣ развитія отъ безпорядочнаго сожительства къ семьѣ; наконецъ 3) теорія представителей экономическаго направленія, которые отрицаютъ связь поліандріи съ древнѣйшей ступенью человѣческаго развитія и считаютъ, что поліандрія появляется только на позднихъ ступеняхъ культуры вслѣдствіе недостатка въ женщинахъ и экономическаго положенія семьи, не позволяющаго членамъ ея имѣть нѣсколько женъ. Теорія Макъ Ленана окончательно разбита основательной критикой Спенсера, Лёббока и др. 1) Промискуитетъ, коммунальный бракъ, какъ мы видѣли—плодъ фантазіи прежнихъ изслѣдователей. 2) Этнографіи неизвѣстно ни одного племени, у котораго процвѣтало бы дѣтоубійство преимущественно дѣвочекъ. Дѣтоубійство является въ большинствѣ случаевъ результатомъ временнаго тяжелаго экономическаго положенія группы, слѣдовательно, явленіемъ спорадическимъ, исключительнымъ, которое не могло повести къ развитію обычая поліандріи, какъ юридическаго института. Далѣе, нельзя видѣть въ поліандріи и ограниченія безпорядочнаго сожительства, какъ того хотятъ эволюціонисты, ни вообще стадіи развитія человѣчества. Что касается представителей экономической теоріи, то ихъ положенія могутъ быть приняты лишь съ серьезными ограниченіями.

Поліандрія оказывается лишь одной изъ формъ, которую принимаетъ безпорядочное сожительство; она вытекаетъ изъ основного взгляда дикарей на женщинъ, какъ на личность безправную, которой мужчина можетъ располагать по своему усмотрѣнію. Поліандрія встрѣ-

чается еще на самыхъ низшихъ ступеняхъ цивилизаціи. Но она долго поддерживается въ жизни, главнымъ образомъ, оттого, что взглядъ на женщину, какъ на объектъ собственности мужчины или группы мужчинъ, долго не измѣняется и на болѣе высокихъ ступеняхъ культуры. Въ этомъ главная основа поліандріи. Есть и цѣлый рядъ другихъ соображеній, которыя даютъ ей возможность дожить до болѣе высокихъ культурныхъ ступеней; среди нихъ играютъ немаловажную роль и экономическія условія быта народности и недостатокъ въ женщинахъ. Для объясненія послѣдняго явленія вовсе не требуется прибѣгать къ гипотезѣ о практиковавшемся будто бы когда то обычаѣ умерщвленія дѣтей женскаго пола. Возникнувъ на почвѣ безпорядочнаго сожительства, поліандрія, въ тѣхъ случаяхъ, когда она существуетъ среди болѣе культурныхъ народностей, можетъ быть признана остаткомъ первичной стадіи развитія. Представители экономической теоріи, объясняющіе поліандрію исключительно изъ экономическихъ условій, отрицаютъ это положеніе. Но они часто ошибочно принимаютъ условія, содѣйствующія поддержанію поліандріи, за причины ея возникновенія.

Если безпорядочное сожительство, исчезая постепенно изъ жизни, существуетъ еще долгое время подъ защитой религіозныхъ воззрѣній, поліандрія, при развившихся формахъ быта, остается въ силѣ благодаря поддерживающимъ ее условіямъ.

Среди австралійцевъ, напримѣръ, даже среди тѣхъ, которые стоятъ на низшей ступени развитія, чувствуется недостатокъ въ женщинахъ. Причина та, что при малочисленности территоріальныхъ группъ и при возможности для лицъ болѣе сильныхъ имѣть нѣсколько женъ, невозможно ожидать полнаго соотвѣтствія между количествомъ мужчинъ и женщинъ. Это заставляетъ мужчинъ прибѣгать къ похищенію женщинъ или къ доставленію ихъ себѣ инымъ какимъ нибудь образомъ. Представленіе, что пріобрѣтенное личнымъ трудомъ принадлежитъ лицу, потратившему на пріобрѣтеніе трудъ, и, главнымъ образомъ, физическое превосходство мужчины, которое признается и въ тѣхъ случаяхъ, когда жена взята изъ одной съ нимъ территоріальной группы, приводитъ ко взгляду на женщину, какъ на собственность обладающаго ею мужчины. При такомъ взглядѣ овладѣвшій женщиной вполнѣ естественно дѣлится пользованіемъ своей добычи съ ближайшими товарищами. Коммунизмъ, существующій на низшей стадіи развитія, вызываемый къ жизни и поддерживаемый экономическими условіями, выражается въ совмѣстномъ обладаніи женщиной такъ же, какъ и въ совмѣстномъ пользованіи

добычей на охотѣ, даже если она убита лишь однимъ членомъ группы. Поэтому неудивительно, что при дѣленіи территоріальной группы на классы по возрасту, какъ, напримѣръ, среди австралійцевъ, встрѣчается и поліандрія.

«Старшіе братья», т. е. старшіе члены того же класса по возрасту, уже успѣвшіе обзавестись женами, охотно разрѣшаютъ сожительство съ ними своимъ младшимъ братьямъ, подъ условіемъ подобнаго же разрѣшенія со стороны послѣднихъ послѣ женитьбы. Само собой разумѣется, что въ этихъ случаяхъ извѣстно, кому изъ членовъ принадлежитъ женщина; дѣти же, независимо отъ того, кто былъ ихъ фактическимъ отцомъ, считаются собственностью юридическаго обладателя жены. Такого рода поліандрія, когда «младшіе братья» добудутъ себѣ женъ, неизбѣжно приводитъ къ особаго рода групповому браку, при которомъ всѣ женщины группы могутъ состоять въ сношеніяхъ со всѣми мужчинами, принадлежащими къ той же группѣ. Вполнѣ естественно также, что съ развитіемъ быта это отношеніе терпитъ нѣкоторое ограниченіе или благодаря появляющимся представленіямъ о кровномъ родствѣ, или вслѣдствіе ограниченія первоначальнаго коммунизма въ имуществѣ въ пользу нѣкоторыхъ меньшихъ подгруппъ, на которыя дѣлится классъ по возрасту или по происхожденію. Среди австралійскаго племени діейри, развившихся уже до ограничительныхъ брачныхъ законовъ, указанный видъ поліандріи продолжаетъ господствовать: жена, пріобрѣтенная діейри тѣмъ или инымъ путемъ, считается его собственностью, его законной, если можно такъ выразиться, женой—*ноа*, на которую онъ имѣетъ право исключительнаго обладанія. Но, обыкновенно, по взаимному соглашенію, вступать съ ней въ союзъ имѣетъ право не только мужъ, но еще рядъ лицъ—быть можетъ, въ прежнее время, какъ думаетъ вполнѣ основательно Куновъ, *всѣ лица* одного возраста съ мужемъ, члены его группы; мужъ въ свою очередь имѣетъ такія же права по отношенію къ женамъ—*ноа* этихъ лицъ. Мужья считаются по отношеніи другъ къ другу *пирауру* (piraurn); этимъ же именемъ называютъ другъ друга и жены подобныхъ товарищей. Число пирауру колеблется у діейри въ настоящее время отъ 4 до 10 и болѣе человѣкъ. Совершенно такія же отношенія отмѣчены и въ Полинезіи, на Сандвичевыхъ островахъ (Гаваи), въ формѣ такъ называемой *пуналуа* (punalua). Именемъ *пуналуа* обитатель Сандвичевыхъ острововъ называетъ не всѣхъ своихъ братьевъ по группѣ, а только тѣхъ сравнительно немногихъ, съ женами которыхъ онъ вступаетъ въ связь, и которые въ свою очередь имѣютъ право сожительствовать съ его же-

ной; жены между собою называютъ другъ друга тѣмъ же именемъ *пуналуа*. Морганъ, неправильно истолковавшій, какъ уже сказано выше, дѣленіе австралійцевъ на группы по возрасту, принявъ ихъ за дѣленіе на основаніи кровнаго родства, сдѣлалъ подобную же ошибку и по отношенію института *пуналуа*. По его мнѣнію, этотъ институтъ—результатъ ограниченія промискуитета—появился подъ воздѣйствіемъ все развивающихся представленій о кровномъ родствѣ. Въ началѣ ограниченіе заключается, по Моргану, въ отнятіи права сожительствовать у восходящихъ и нисходящихъ родственниковъ; этимъ Морганъ объяснялъ происхожденіе дѣленія группы на три класса: дѣдовъ, отцовъ и внуковъ. По его мнѣнію, съ развитіемъ представленій о кровныхъ узахъ къ совмѣстному сожитію перестали допускаться не только родители и дѣти, но и братья и сестры по крови. Онъ предполагалъ, что внутри каждаго класса (дѣдовъ, отцовъ и внуковъ) образовывались такимъ образомъ еще подраздѣленія, состоящія изъ родныхъ братьевъ и сестеръ, сожительство между которыми было запрещено. Группа братьевъ считалась мужьями какой-нибудь группы сестеръ, но непремѣнно не родственной имъ; группа же родныхъ сестеръ этихъ братьевъ считалась женами группы братьевъ, тоже имъ неродственныхъ. Отсюда такъ называемый групповой бракъ—пуналуа.

Прежде всего, мнѣніе Моргана основано на *предположеніи* о дѣленіи классовъ на подгруппы братьевъ и сестеръ; подтвердить его фактами нѣтъ возможности. Кромѣ того, что особенно важно, при институтѣ пуналуа на Гаваи, на основаніи котораго Морганъ и построилъ свою теорію, понятіе о «братѣ» по крови, какъ доказали ближайшія изслѣдованія, совершенно не совпадаетъ съ понятіемъ о товарищѣ-пуналуа. Правда, что часть братьевъ по крови дѣлаются иногда пуналуа; но другая часть ихъ не имѣетъ права на это наименованіе, потому что они не допускаются къ сожитію съ женами остальныхъ братьевъ. Ихъ мѣсто занимаютъ товарищи неродственные. Совершенно то же можно наблюдать у австралійцевъ, гдѣ система пирауру, повторяющая гавайскую пуналуа, не предполагаетъ сожитія родныхъ братьевъ съ общими женами. Братъ по крови и пирауру-товарищъ—понятія совершенно различныя.

Возникнувъ на первыхъ шагахъ развитія, благодаря безправному положенію женщины въ группѣ, когда свободный обмѣнъ женами казался вполнѣ законнымъ, когда связи супружескія не были регулированы, поліандрія оказывается явленіемъ распространеннымъ во многихъ мѣстностяхъ земного шара. Она можетъ быть подведена подъ три кате-

горіи: 1) группа мужчинъ сожительствуетъ съ группой женщинъ, 2) неродственные мужчины сожительствуютъ съ одной женщиной и 3) родственные мужчины сожительствуютъ съ одной женщиной. Возможно предполагать, что первый типъ т. е. сожитіе группы мужчинъ съ группой женщинъ (система пуналуа, пирауру) древнѣе, чѣмъ второй, когда нѣсколько неродственныхъ мужчинъ сожительствуютъ съ одной женщиной; далѣе, что этотъ типъ въ свою очередь древнѣе третьяго типа, когда нѣсколько родственныхъ мужчинъ сожительствуютъ съ одной женщиной. Этотъ послѣдній типъ появляется обыкновенно уже послѣ того, какъ сложились семейно-хозяйственныя аггрегаціи. Встрѣчаются, однако, случаи одновременнаго существованія нѣсколькихъ типовъ поліандріи у одной и той же народности; вслѣдствіе этого не всегда легко прослѣдить у каждой данной народности процессъ вымиранія этого института. Вообще, съ развитіемъ родственныхъ союзовъ, поліандрія естественно ограничивается только членами этихъ союзовъ и подчасъ не распространяется даже за предѣлы семьи.

Страбонъ свидѣтельствуетъ о существованіи поліандріи у древнихъ арабовъ. «Имущество, пишетъ онъ, принадлежитъ сообща всѣмъ родственникамъ, и старшему въ родѣ принадлежитъ главенство. Всѣ имѣютъ одну жену. Вошедшій къ ней прежде имѣетъ сообщеніе съ ней, поставивши предварительно (свою) палку у дверей.....; ночь же супруга проводитъ съ самымъ старшимъ». «Такимъ образомъ, заключаетъ Страбонъ, всѣ братья всѣхъ». У Тимея и Полибія читаемъ, что въ Спартѣ братья, изъ соображеній экономическихъ (трудность пріобрѣтенія себѣ женъ), сожительствовали иногда совмѣстно съ одной женщиной. Наконецъ, Цезарь отмѣтилъ поліандрію у кельтовъ. Нѣсколько (иногда двѣнадцать) братьевъ жили, по его словамъ, совмѣстно съ общими женами, повидимому сестрами. Этотъ обычай, близкій къ системѣ пуналуа или пирауру, былъ распространенъ, однако, въ эпоху Цезаря не среди всего кельтскаго населенія. Въ Галліи въ большинствѣ мѣстностей кельты въ то время развились уже до господства семьи, индивидуальной собственности и даже весьма опредѣленной сословной организаціи. Но въ болѣе глухихъ уголкахъ Галліи, въ современной Бретани, и до настоящаго времени одной изъ наименѣе цивилизованныхъ частей Франціи, равно и въ Шотландіи встрѣчалась засвидѣтельствованная Цезаремъ поліандрія. Здѣсь развитіе населенія было задержано условіями страны, которыя ставили означенныя мѣстности внѣ культурнаго оборота древняго міра. Въ эфталитскомъ царствѣ (существовавшемъ

въ Центральной Азіи отъ 425—557 г. послѣ Рожд. Хр. и простиравшемся отъ Бактріи до сѣверо-западной части Индіи), если вѣрить византійскимъ источникамъ, наблюдалась поліандрія. Женщины носили особый головной уборъ съ украшеніями въ видѣ роговъ, число которыхъ будто бы указывало на число ихъ мужей.

На островахъ Маркизскихъ до настоящаго времени процвѣтаетъ поліандрія. Она поддерживается въ качествѣ жизненнаго института недостаточнымъ на этихъ островахъ количествомъ женщинъ. Одинъ изъ мужчинъ считается мужемъ данной женщины, но рядъ другихъ допускается къ сожитію съ ней. Среди туземнаго населенія Новой Зеландіи, Новой Каледоніи и Тасманіи, въ Южной Америкѣ по Ориноко, въ Гренландіи, на Алеутскихъ островахъ, по свидѣтельству о. Веніаминова, у овагереросовъ, по указаніямъ Фрича и т. д. встрѣчается поліандрія. Что касается Индіи, то Вс. Ѳ. Миллеръ въ своемъ трудѣ «Очерки арійской миѳологіи» замѣчаетъ, что «если искать культурныхъ фактовъ въ индусскихъ легендахъ, то примѣръ поліандріи и здѣсь можно найти. Оба Ашвина называются въ гимнахъ Ригъ-Веды мужьями дочери солнца, а изъ Магабгараты извѣстно, что пять братьевъ были женаты на одной и той же дѣвушкѣ, красавицѣ Драупади». Въ настоящее время полное господство поліандріи извѣстно среди наировъ, на Малабарскомъ берегу. Наиры—составляютъ господствующую касту. Мужчины ихъ въ бракъ не вступаютъ; ихъ принимаютъ въ качествѣ любовниковъ въ чужіе дома, при чемъ жить они остаются въ своемъ домѣ, не прерывая связей съ своей семьей. «Какъ только дѣвушка у наировъ достигаетъ половой зрѣлости, мать приглашаетъ друзей и знакомыхъ и выводитъ имъ на показъ свою дочь. Если на вопросъ матери дѣвушки, не желаетъ ли кто взять послѣднюю замужъ, кто нибудь изъ присутствующихъ откликнется согласіемъ, сейчасъ же совершается брачная церемонія, и мужъ считаетъ дѣвушку своей, но только въ теченіе одного дня. Послѣ этого онъ продолжаетъ свои любовныя похожденія какъ съ нею, такъ и съ другими женщинами, а она выбираетъ себѣ двухъ, четырехъ и т. д. до двѣнадцати любовниковъ, имѣющихъ права на нее каждый въ теченіе сутокъ. За это они должны въ дни, когда они могутъ пользоваться правами мужа, помогать ей въ хозяйствѣ, приносить дрова и пр. Связи прекращаются по взаимному согласію, и замѣна однихъ мужчинъ другими происходитъ весьма часто».

На первый взглядъ приведенная форма поліандріи какъ бы противорѣчитъ мнѣнію, что въ основаніи этого института лежитъ взглядъ на женщину, какъ на существо вполнѣ безправное. Но это противо-

рѣчіе легко устраняется, если познакомиться съ общественнымъ устройствомъ наировъ. У нихъ господствуетъ уже материнскій родъ, члены котораго раздѣляются на группы, живущія въ общихъ помѣщеніяхъ и имѣющихъ общее имущество. При этой организаціи женщина является собственностью своей группы, которая изъ соображеній чисто практическихъ проституируетъ ее совершенно такъ же, какъ это дѣлаетъ австраліецъ и обитатель Сандвичевыхъ острововъ, считающій себя собственникомъ жены, пока онъ желаетъ имѣть ее при себѣ. То, что дѣлаетъ мужъ при индивидуальномъ союзѣ среди народовъ съ низшей культурой, у наировъ, достигшихъ болѣе высокаго развитія семейно-общественной организаціи, дѣлаетъ совокупность родичей.

Изъ числа народностей, живущихъ въ Индіи, тодды, представляютъ другой примѣръ поліандріи. Они занимаются скотоводствомъ, и, братья обыкновенно живутъ совмѣстно. Старшему брату, по достиженіи имъ половой зрѣлости, предоставляется право выбрать себѣ жену. Остальные братья принимаютъ участіе въ свадебной церемоніи, и, по мѣрѣ того, какъ они подрастаютъ, они получаютъ право на сожительство съ женой старшаго брата. Если послѣдняя имѣетъ сестеръ, онѣ безъ брачныхъ церемоній дѣлаются женами младшихъ братьевъ. У одного изъ гималайскихъ племенъ, по словамъ Опперта (Oppert), на ряду съ многоженствомъ встрѣчается и поліандрія. «Нерѣдко случается, что въ одномъ изъ сосѣдскихъ домовъ живутъ трое братьевъ съ одной женой, а въ другомъ—одинъ мужчина съ тремя женами». Входя въ покой къ женѣ, братъ оставляетъ передъ дверью свою обувь; остальные братья тогда уже не входятъ къ нимъ. Обыкновенно, жена принадлежитъ старшему брату, также и всѣ сыновья ея. Но иногда братья дѣлятъ между собой сыновей, такъ же, какъ у тоддовъ: старшій беретъ себѣ старшаго ребенка, второй братъ—второго и т. д. Поліандрія встрѣчается и въ Тибетѣ; здѣсь группа братьевъ беретъ къ себѣ въ домъ одну жену.

Слѣды поліандріи можно отыскать и въ современномъ бытѣ какъ нѣкоторыхъ инородцевъ, такъ и славянскаго населенія Россіи; «Каждый гилякъ до сихъ поръ имѣетъ супружескія права на женъ своихъ братьевъ всѣхъ степеней родства и на сестеръ своей жены. Этого права лишенъ только старшій братъ относительно женъ своихъ младшихъ братьевъ»; но это ограниченіе новѣйшаго происхожденія. Это —чистѣйшая система *пуналуа*; какъ тутъ мужья и жены называли себя общимъ именемъ пуналуа, такъ у гиляковъ лица этой категоріи называютъ другъ друга «*навх*»—слово, означающее то же, что и пуналуа т. е. половинщикъ, товарищъ, другъ. Общественно-се-

мейный строй гиляковъ, несмотря на то, что они сложились уже въ рода, сохраняетъ вообще много слѣдовъ первоначальной организаціи.

Весьма характерно преданіе, сохранившееся у якутовъ, гораздо болѣе развитыхъ въ культурномъ отношеніи. «Въ старину, если сестра старшая или младшая, все равно, выходила замужъ за чужеродца, то братья никогда не отпускали ее дѣвушкой». Слѣдуетъ помнить, что слова: сестра и братъ, какъ было сказано, встарину у якутовъ выражали представленія не о родствѣ, а о принадлежности къ классу по возрасту въ предѣлахъ группы, позднѣе рода. Даже въ настоящее время общественное мнѣніе якутовъ допускаетъ вполнѣ сожительство братьевъ съ одной женой; хотя подобнаго рода явленія и не часты, но отношеніе, равнодушное къ нимъ, доказываетъ, что они считаются вполнѣ дозволительными. Столь интересныя празднества въ честь медвѣдя у вогуловъ сопровождаются, какъ извѣстно, мимическими сценами. Одна изъ нихъ, по описанію изслѣдователя вогуловъ Н. Л. Гондатти, представляетъ, какъ дочь лѣсного духа, желая оживить своего отца, убитаго двумя братьями, предлагаетъ имъ себя въ жены. Братья уводятъ ее, и оба считаютъ ее своей женой.

Интересное сказаніе записано Верещагинымъ у вотяковъ Завьяловской волости, Сарапульскаго уѣзда. Русскій Завьялъ и вотяцкіе богатыри Кайванъ и Ондра-богатырь жили вмѣстѣ. Разъ Завьялъ ходилъ по берегу рѣки и увидѣлъ на противоположной сторонѣ женщину. На просьбу богатырей женщина соглашается переправиться къ нимъ, и богатыри послѣ обсужденія вопроса, «какъ раздѣлить женщину, рѣшили, что женщинѣ быть женой всѣмъ троимъ». Аналогичныя преданія были записаны и въ другихъ мѣстахъ обитанія вотяковъ. Далѣе, въ ихъ свадебныхъ обычаяхъ сохранился слѣдующій своеобразный обрядъ: «когда поѣзжане, отправившіеся за невѣстой, остаются ночевать въ домѣ ея отца, старшій изъ нихъ спитъ на невѣстиной постели. Постель эта остается въ распоряженіи поѣзжанъ и тогда, когда невѣста привезена въ домъ жениха: на ней спятъ младшіе поѣзжане». Этотъ обычай можетъ считаться символизаціей права всѣхъ мужчинъ семьи на вступающую въ нее женщину т. е. института поліандріи (Смирновъ).

То, что у вотяковъ является возможнымъ возстановить только на основаніи преданій и свадебнаго ритуала, можно встрѣтить въ дѣйствительной жизни среди пермяковъ и черемисовъ. Пермяки считаютъ въ большинствѣ случаевъ родство и свойство препятствіями для вступленія въ бракъ. Одновременно съ этимъ взглядомъ, навѣяннымъ христіанствомъ и русскимъ вліяніемъ, встрѣчаются случаи сожитель-

его мнѣнію, появиться только поздно, когда семейно-родовыя отношенія уже развились. На первобытной же стадіи поліандріи не было. Но Старке, какъ и другіе представители экономической теоріи въ изученіи первобытнаго права, видитъ причину возникновенія поліандріи исключительно въ экономическомъ факторѣ—въ недостаткѣ женщинъ среди группъ уже болѣе развитого человѣчества. Въ этомъ взглядѣ, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія, есть большая доля правды; но теорія Старке, Гроссе и другихъ послѣдователей экономическаго теченія въ этнографіи примѣнима только въ отношеніи къ нѣкоторымъ племенамъ. Такимъ образомъ, существуютъ слѣдующія объясненія возникновенія поліандріи: 1) теорія Макъ Ленана, выводящая ее изъ убійства дѣвочекъ и признающая ее болѣе высокой стадіей развитія, чѣмъ промискуитетъ; 2) теорія эволюціонистовъ, которые отрицаютъ обычай умерщвленія на низшихъ культурныхъ ступеняхъ преимущественно дѣтей женскаго пола, но признаютъ, что поліандрія есть ограниченіе безпорядочнаго сожитія въ пользу меньшаго числа лицъ, т. е. что она является стадіей въ ходѣ развитія отъ безпорядочнаго сожительства къ семьѣ; наконецъ 3) теорія представителей экономическаго направленія, которые отрицаютъ связь поліандріи съ древнѣйшей ступенью человѣческаго развитія и считаютъ, что поліандрія появляется только на позднихъ ступеняхъ культуры вслѣдствіе недостатка въ женщинахъ и экономическаго положенія семьи, не позволяющаго членамъ ея имѣть нѣсколько женъ. Теорія Макъ Ленана окончательно разбита основательной критикой Спенсера, Лббока и др. 1) Промискуитетъ, коммунальный бракъ, какъ мы видѣли—плодъ фантазіи прежнихъ изслѣдователей. 2) Этнографіи неизвѣстно ни одного племени, у котораго процвѣтало бы дѣтоубійство преимущественно дѣвочекъ. Дѣтоубійство является въ большинствѣ случаевъ результатомъ временнаго тяжелаго экономическаго положенія группы, слѣдовательно, явленіемъ спорадическимъ, исключительнымъ, которое не могло повести къ развитію обычая поліандріи, какъ юридическаго института. Далѣе, нельзя видѣть въ поліандріи и ограниченія безпорядочнаго сожительства, какъ того хотятъ эволюціонисты, ни вообще стадіи развитія человѣчества. Что касается представителей экономической теоріи, то ихъ положенія могутъ быть приняты лишь съ серьезными ограниченіями.

Поліандрія оказывается лишь одной изъ формъ, которую принимаетъ безпорядочное сожительство; она вытекаетъ изъ основного взгляда дикарей на женщинъ, какъ на личность безправную, которой мужчина можетъ располагать по своему усмотрѣнію. Поліандрія встрѣ-

изошла покупка, дружба водитъ невѣсту на «хусткѣ», привязанной къ ея рукамъ». Роль дружбы въ этихъ случаяхъ аналогична роли большого зятя у черемисовъ. «Далѣе, въ свадебныхъ пѣсняхъ находимъ указанія на то, что невѣста составляетъ общую собственность бояръ, пользующихся супружескими правами на нее». Какъ извѣстно, бояре, поѣзжане и пр., какъ бы ни называлась свита жениха, въ свадебныхъ обрядахъ, воспроизводящихъ похищеніе или покупку невѣсты, замѣнили собой членовъ по группѣ—родовой, семейной или территоріальной—помогавшихъ жениху произвести похищеніе невѣсты въ такой періодъ, когда бракъ путемъ похищенія имѣлъ реальный смыслъ и не обратился еще въ символическій обрядъ. М. М. Ковалевскій отмѣчаетъ, что свидѣтельствомъ существованія поліандріи у русскихъ еще въ XII-мъ в. является постановленіе церковнаго Устава Ярослава, гласящее: «Оже два брата будутъ съ единою женою, епископу сто гривенъ, а женка въ домъ церковный». Однако, приведенное постановленіе едва ли можетъ служить «неоспоримымъ свидѣтельствомъ» поліандріи въ указанный періодъ. Для того, чтобы признать его за таковое, необходимо было бы доказать, что сожительство братьевъ съ одной женщиной, было, если не обычнымъ, то по крайней мѣрѣ терпимымъ въ обществѣ. Такъ какъ такихъ доказательствъ не имѣется, то указанное постановленіе могло быть только мѣрой, направленной противъ поступка, который и общественнымъ мнѣніемъ уже считался за преступное дѣяніе.

Во всякомъ случаѣ свидѣтельства о существованіи поліандріи въ томъ или иномъ видѣ у индусовъ, грековъ, кельтовъ и славянъ не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что если и не всѣ народности, принадлежащія къ арійской вѣтви, то нѣкоторыя, по крайней мѣрѣ, были знакомы съ ней.

Если на вопросъ, была ли стадія безпорядочнаго сожительства общей для всего человѣчества, можно было отвѣтить утвердительно, то на такой же вопросъ о поліандріи едвали возможенъ столь же категоричный отвѣтъ. Дѣйствительно, поліандрія встрѣчается у цѣлаго ряда народностей; но это указываетъ только на то, что она была очень распространена. Основа возникновенія ея лежитъ, какъ уже указано, съ одной стороны—въ имущественномъ коммунизмѣ первоначальныхъ группъ, продолжающагося и въ группахъ высшаго порядка (родъ, семья), съ другой—во взглядѣ на женщину, какъ на собственность—взглядѣ, сохраняющемся и въ высшихъ группахъ. И то, и другое можно отмѣтить у всѣхъ народностей. Но всюду ли

должна была возникнуть на этой основѣ поліандрія—это вопросъ, который пока еще, до накопленія новыхъ данныхъ, не можетъ быть рѣшенъ окончательно. Среди тѣхъ народовъ, у которыхъ не находится слѣдовъ поліандріи, ее можно лишь предполагать; но возможно, что такія народности въ своемъ общественномъ развитіи миновали этотъ институтъ. Недостатокъ свѣдѣній, такимъ образомъ, оказывается главнѣйшей причиной, препятствующей признать всеобщность поліандріи. Уже одно это не позволяетъ возвести ее въ общую норму, черезъ которую будто бы должно было обязательно пройти все человѣчество, какъ это думалъ Макъ Ленанъ.

Мнѣніе Спенсера, что поліандрія является институтомъ, ограничивающимъ безпорядочное сожительство, справедливо лишь въ томъ отношеніи, что къ сожительству съ женой мужъ допускаетъ не всѣхъ членовъ своей группы, а только нѣкоторыхъ. Но совершенно неосновательно предполагать, будто поліандрія является факторомъ въ развитіи высшихъ общественныхъ нормъ: иначе пришлось бы признать, что съ постепеннымъ развитіемъ послѣднихъ должна была вымирать и она. Въ дѣйствительности же этого не наблюдается. Въ Тибетѣ, напримѣръ, у наировъ, у тоддовъ она процвѣтаетъ, хотя они и поднялись до организованныхъ родовыхъ общинъ. Среди этихъ народностей ее нельзя считать фактомъ переживанія, такъ какъ она является у нихъ жизненнымъ институтомъ и практикуется въ большей мѣрѣ, чѣмъ среди отставшихъ въ своемъ развитіи австралійцевъ или жителей Сандвичевыхъ острововъ. Поліандрію слѣдуетъ, повидимому, признать самостоятельнымъ институтомъ, возникшимъ на почвѣ безпорядочнаго сожительства, но поддерживающимся, подъ вліяніемъ различныхъ условій, среди которыхъ видную роль играютъ экономическія. Въ древней Греціи, напримѣръ, она обусловливалась трудностью добыть себѣ жену, не только вслѣдствіе недостатка въ женщинахъ, но и вслѣдствіе того, что похищеніе женщины связано было съ рискомъ, а покупка ея съ затратами, иногда непосильными для члена группы. Гроссе совершенно справедливо указываетъ, что у нѣкоторыхъ народовъ сѣверной Индіи плата за невѣсту настолько высока, что женихъ не въ состояніи одинъ внести требуемую плату; вслѣдствіе этого два брата складываются иногда, чтобы общими средствами купить себѣ жену. Тѣ же мотивы дѣйствуютъ и въ Тибетѣ. Ошибка Гроссе и нѣкоторыхъ представителей экономической теоріи заключается лишь въ томъ, что они видятъ въ этомъ единственный источникъ возникновенія поліандріи: «она, по словамъ Гроссе, ничто иное, какъ выходъ изъ бѣдственнаго

хозяйственнаго состоянія». Но не надо забывать, что поліандрія принимаетъ часто формы института пираура или пуналуа, гдѣ группа лицъ имѣетъ общихъ женъ, и что эта форма встрѣчается у низшихъ расъ, вслѣдствіе чего есть основаніе считать ее и древнѣйшей формой поліандріи. Съ развитіемъ индивидуализма въ имущественномъ отношеніи является стремленіе индивидуализировать и обладаніе однимъ изъ наиболѣе дорого стоящихъ видомъ имущества—именно женщиной. Вотъ почему на низшихъ стадіяхъ развитія на общеніе съ женою имѣютъ право и чужіе, съ развитіемъ же рода къ этому допускаются только члены послѣдняго, а съ появленіемъ семьи—лишь ближайшіе родственники. Такимъ образомъ, къ уничтоженію поліандріи приводитъ развитіе индивидуализма. Ясно поэтому, почему этотъ институтъ встрѣчается еще на сравнительно высокихъ ступеняхъ развитія, но лишь тамъ, гдѣ коммунизмъ имущественный продолжаетъ господствовать.

Тѣ же самыя причины, которыя привели къ возникновенію и поддержанію до сравнительно высокихъ ступеней культуры института поліандріи, вызвали къ жизни и поддерживали долгое время аналогичные обычаи—*нійоги* и *левирата*. Подъ именемъ *нійога* разумѣется обычай, по которому мужъ, обыкновенно въ случаяхъ, если его бракъ бездѣтенъ, проституируетъ свою жену другому, при чемъ дѣти отъ этого сожительства принадлежатъ мужу. *Левиратомъ* (ужичествомъ) называется обычай, по которому вдова обязана выходить замужъ за своего деверя т. е. за брата мужа. Формы, въ которыя отливаются какъ левиратъ, такъ и нійога, чрезвычайно разнообразны.

Уже среди австралійцевъ, при продолжительномъ сожительствѣ мужчины и женщины, бываютъ случаи проституированія мужемъ жены; дѣти при этомъ составляютъ собственность мужа—конечно, только до тѣхъ поръ, пока союзъ продолжается, или пока дѣти не достигнутъ брачнаго возраста. Хотя дѣти считаются собственностью территоріальной группы, къ которой принадлежитъ отецъ, послѣдній, уже въ силу своего физическаго превосходства, является безконтрольнымъ распорядителемъ ихъ судьбы: онъ имѣетъ право жизни и смерти надъ ними. Въ случаѣ прекращенія союза во время малолѣтства дѣтей, мать и дѣти становятся собственностью группы; если мать берется другимъ и дѣти, конечно, переходятъ подъ власть новаго мужа. Эти отношенія являются логическимъ слѣдствіемъ свободы половыхъ связей, нерегулированности супружескихъ отношеній и отсутствія представленій о кровныхъ узахъ, характерныхъ для низшихъ ступеней культуры. Вполнѣ естественно, что женщина, если

ея союзъ съ мужчиной прекращается вслѣдствіе смерти этого послѣдняго, становится собственностью территоріальной группы, принадлежитъ ли она къ ней по рожденію или введена въ ней похищеніемъ или покупкой, и что на нее имѣетъ права любой изъ членовъ класса, къ которому принадлежалъ ея мужъ. То, что существуетъ въ качествѣ отношеній чисто актфическихъ у низшихъ народностей, встрѣчается уже, какъ юридическое постановленіе, среди расъ, болѣе высоко стоящихъ въ культурномъ отношеніи.

У евреевъ подобный обычай господствовалъ въ древнее время, и отъ него этотъ институтъ и получилъ свое названіе левиратъ. «Если братья живутъ вмѣстѣ, сказано въ Второзаконіи (XXV, 5—6), и одинъ изъ нихъ умретъ, не имѣя у себя сына, то жена умершаго не должна выходить на сторону за человѣка чужого, но деверь ея долженъ войти къ ней и взять ее себѣ въ жены, и жить съ нею. И первенецъ, котораго она родитъ, останется съ именемъ брата его умершаго, чтобъ имя его не изгладилось въ Израилѣ». Исторія Руѳи служитъ общеизвѣстной иллюстраціей къ указанному постановленію Второзаконія.

Въ древней Индіи, по законодательству Ману, если братъ умретъ, не оставивши по себѣ потомства, его младшій братъ или другой родственникъ долженъ сожительствовать, по исполненіи нѣкоторыхъ обрядовъ, съ его вдовой; сынъ, рожденный отъ такого союза, считается сыномъ умершаго. Разница между левиратомъ евреевъ и индусовъ заключается въ томъ, что у евреевъ деверь долженъ былъ жениться на вдовѣ, у индусовъ же онъ вступалъ съ нею только въ сожитіе, при чемъ онъ не имѣлъ права быть виновникомъ рожденія болѣе, чѣмъ одного ребенка. Другое различіе въ правовыхъ воззрѣніяхъ евреевъ отъ индусскихъ заключаются, кромѣ того, и въ томъ, что первые были незнакомы съ институтомъ нійоги, а у вторыхъ онъ вполнѣ разрѣшается и дѣлается даже обязательнымъ, если бракъ не сопровождается рожденіемъ ребенка. Законодательство Ману ставитъ продолжительность сожитія не только съ деверемъ, но, за отсутствіемъ таковаго, съ ближайшимъ родственникомъ мужа въ зависимость отъ рожденія ребенка, хотя, повидимому, были случаи и продолженія сожительства.

У кафровъ жены, принадлежавшія отцу, переходятъ послѣ его смерти къ старшему сыну; если онѣ пожелаютъ снова вступить въ бракъ, онѣ должны выйти замужъ за одного изъ братьевъ умершаго. У бечуановъ сынъ наслѣдуетъ женъ своего отца и можетъ сожительствовать съ ними; дѣти, рожденныя отъ этого брака, считаются

дѣтьми умершаго, а фактическій отецъ ихъ считаетъ ихъ братьями. У овагереросовъ жена и малолѣтнія дѣти переходятъ вмѣстѣ съ остальнымъ имуществомъ къ ближайшему вліятельному человѣку, при чемъ жена и дѣти начинаютъ считаться принадлежащими этому послѣднему. Левиратъ встрѣчается у зулусовъ, у туземцевъ Золотого и Невольничьяго береговъ, въ Сенегамбіи, у племенъ оромо́, вапокомо, у богосовъ, бареа и кунама, въ Абиссиніи, у мальгашей на островѣ Мадагаскарѣ и пр. Въ Южной Америкѣ существованіе этого института отмѣчено въ Бразиліи у племени тупинамба, у арауканцевъ, карибовъ и т. д., въ Сѣверной Америкѣ—у индѣйцевъ Калифорніи, у тлинкитовъ, омагасовъ и др. Въ Океаніи левиратъ практикуется въ Новой Каледоніи, на Новой Гвинеи, среди папуасовъ и полинезійцевъ.

У народности хинсъ (въ горной странѣ между Ассамомъ и китайской провинціи Юннанъ) деверь, если откажется взять жену умершаго брата, обязанъ заплатить ей штрафъ. У даяковъ на о. Борнео, у негритосовъ Целебеса въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вступить въ бракъ съ деверемъ зависитъ отъ вдовы; она можетъ отказаться, но въ такомъ случаѣ должна передать все имущество умершаго мужа его роднѣ. Въ другихъ мѣстностяхъ Целебеса, на Суматрѣ, вообще среди малайскаго населенія архипелага господствуетъ левиратъ, какъ обязательство; видоизмѣненіе этого института происходитъ здѣсь въ томъ отношеніи, что вдова становится женой младшаго брата, иногда племянника, дяди, побочнаго сына умершаго. Но выходъ замужъ за старшаго брата умершаго запрещается подъ страхомъ смерти. У арабовъ левиратъ былъ запрещенъ только кораномъ; до него онъ былъ распространеннымъ обычаемъ. Но и въ современномъ быту арабовъ сохранились слѣды левирата; если молодой мужъ умретъ, его братъ обыкновенно женится на его вдовѣ; она, впрочемъ, имѣетъ право отказаться отъ этого брака и выйти замужъ за другого. Обыкновенно вдова предпочитаетъ замужество съ деверемъ, такъ какъ при такомъ бракѣ семейное имущество не дѣлится. Плано Карпини, посолъ Людовика Святого, посѣтившій Монголію въ XIV-мъ в., отмѣтилъ левиратъ у монголовъ. Онъ существуетъ у нихъ до настоящаго времени

Среди инородцевъ Россіи институтъ левирата встрѣчается между прочимъ у киргизовъ. Бездѣтная вдова выходитъ обыкновенно замужъ за ближайшаго родственника мужа. Если же ее захочетъ взять болѣе дальній родственникъ или чужой, онъ обязанъ уплатить ближайшему родственнику въ первомъ случаѣ часть калыма, во второмъ—весь калымъ полностью, заплаченный за нее покойнымъ мужемъ. Кастренъ

отмѣтилъ левиратъ у остяковъ, и это свѣдѣніе было впослѣдствіи подтверждено кн. Костровымъ. У гиляковъ левиратъ утратилъ въ томъ смыслѣ свое значеніе, что сожительство съ вдовой брата въ извѣстныхъ случаяхъ запрещено. «Жена умершаго гиляка, по словамъ Штернберга, переходитъ по рѣшенію рода къ одному изъ руэровъ (т. е. братьевъ по классу) покойнаго, обыкновенно младшихъ его; если даже она достанется руэру, который старше покойнаго, то онъ обязанъ содержать ее, хотя не можетъ жить съ ней, какъ съ женой. Но никакимъ образомъ жена умершаго гиляка не можетъ переходить къ лицамъ восходящихъ и нисходящихъ линій родства съ покойнымъ». Кавказъ, долгое время изолированный отъ культурныхъ центровъ, сохранилъ для этнографа цѣлую массу интереснѣйшихъ обычаевъ, существующихъ среди быта различныхъ народностей его населяющихъ или въ качествѣ переживанія или въ качествѣ господствующихъ нормъ обычнаго права. Къ числу послѣднихъ слѣдуетъ отнести и институтъ левирата. Еще въ XV-мъ в. одинъ изъ путешественниковъ итальянцевъ упоминаетъ о левиратѣ у черкесскихъ племенъ Кавказа. Въ XVII-мъ в. объ этомъ институтѣ у той же народности говоритъ извѣстный путешественникъ Адамъ Олеарій. Въ настоящее время еще у всѣхъ черкесскихъ племенъ принято, «чтобы жены, оставшись вдовами, выходили вторымъ и третьимъ бракомъ въ замужество за родныхъ и двоюродныхъ братьевъ умершихъ своихъ мужей», если таковые имѣются, и если они пожелаютъ жениться. Если же таковыхъ не существуетъ, на вдовахъ могутъ жениться племянники или другіе родственники умершаго мужа. Если и такихъ не окажется, вдова имѣетъ право выйти замужъ за чужого, но этотъ послѣдній выкупаетъ ее у семьи и рода умершаго внесеніемъ за нее калыма. У кабардинцевъ братъ можетъ взять въ жены вдову своего брата, но онъ долженъ уже внести за нее калымъ; родственники не могутъ воспретить брату жениться на вдовѣ. Аналогичные обычаи записаны у осетинъ, хотя здѣсь женитьба на вдовѣ является еще обязательствомъ. «По смерти мужа родной его братъ долженъ жениться на оставшейся вдовѣ, хотя бы онъ и былъ женатъ; впрочемъ болѣе двухъ такихъ женъ имѣть не позволяется. Если же послѣ покойнаго осталось нѣсколько братьевъ, и если каждый изъ нихъ желаетъ взять вдову, то споръ рѣшается собственнымъ ея выборомъ». Среди Дигорскаго общества осетинъ институтъ левирата распространяется не только на случаи, когда мужъ умеръ, но и на случаи безвѣстной пропажи его. Дигорскіе обычаи допускаютъ отказъ отъ брака съ вдовой брата; «въ обоихъ случаяхъ, если оставшійся братъ не

захочетъ жениться на вдовѣ умершаго или пропавшаго брата своего, жена увольняется къ родителямъ и за то даетъ брату мужа своего пару быковъ» (Леонтовичъ). Изъ другихъ инородцевъ Россіи, у которыхъ существуетъ левиратъ, можно указать на самоѣдовъ, причемъ это право переходитъ обыкновенно на младшаго брата, а не на средняго; на бурятъ, тунгузовъ, чукчей, астраханскихъ калмыковъ (Самоквасовъ, Хангаловъ, Якушкинъ).

Во многихъ мѣстахъ, гдѣ встрѣчается левиратъ, существуетъ и другой институтъ — нійоги т. е. отдачи своей жены другому въ цѣляхъ имѣть дѣтей. Въ Индіи рожденный отъ такого сожитія ребенокъ считается сыномъ фиктивнаго, юридическаго, а не дѣйствительнаго отца. Тотъ же институтъ можно отмѣтить у арабовъ, которые въ случаѣ неимѣнія дѣтей прибѣгаютъ къ субституированію мужа кѣмъ нибудь изъ близкихъ ему лицъ. У эскимосовъ, если бракъ не ведетъ къ рожденію дѣтей, мужъ имѣетъ право взять себѣ другую женщину, а жена другого мужчину. Родственные эскимосамъ коняги, на восточномъ берегу Аляски, разрѣшаютъ женщинамъ выборъ такъ называемыхъ половинщиковъ т. е. помощниковъ мужей. Алеуты также на время уступаютъ своихъ женъ другому—обычай, отмѣченный также у осѣдлыхъ коряковъ, чукчей и у тунгузовъ. Въ какихъ бы цѣляхъ не отдавалась въ указанныхъ случаяхъ жена другому, дѣти считаются принадлежащими мужу. «У осетинъ (до настоящаго времени) мужья сплошь и рядомъ ссужаютъ своихъ, если не главныхъ, то второстепенныхъ или такъ называемыхъ именныхъ женъ (номулусъ) съ тѣмъ, чтобы прижитыя ими дѣти (кадвасарды) считались дѣтьми мужа и поступали въ его семью, увеличивая въ ней число работниковъ». Въ осетинскомъ Дигорскомъ обществѣ, среди нормъ обычнаго права (адата) встрѣчается слѣдующее постановленіе: «если кто либо.... имѣетъ жену, которая не родитъ, то онъ беретъ другую съ уплатою калыма, а бездѣтную отдаетъ холостому мужчинѣ, дѣти отъ котораго, однако, принадлежатъ первому мужу, потому что онъ заплатилъ калымъ; холостой же не вправѣ называть этихъ дѣтей своими».

Этотъ же институтъ имѣлъ мѣсто и въ Спартѣ: согласно законамъ Ликурга слабосильнымъ мужьямъ разрѣшалось предоставить своихъ женъ въ распоряженіе болѣе юныхъ и крѣпкихъ. Плутархъ въ біографіи Пирра приводитъ слѣдующій разсказъ, который можетъ служить иллюстраціей къ вышеуказанному постановленію. Клеонимъ женился на старости лѣтъ на молодой и красивой Хилонисъ. Не будучи болѣе способнымъ къ брачной жизни, онъ самъ отдалъ ее

ства холостого брата съ женой старшаго; кромѣ того «случаи, когда два брата живутъ въ внѣ брачныхъ отношеніяхъ съ двумя родными сестрами, не составляютъ рѣдкости».

Въ свадебныхъ обрядахъ черемисовъ сохранилось воспоминаніе о поліандріи, «когда невѣста бралась для всѣхъ братьевъ, и права на нее опредѣлялись возрастомъ»—а именно въ обрядовой роли, которую играетъ при свадьбѣ такъ называемый *кугу-венгэ* т. е. большой зять. Онъ пользуется всѣми правами жениха «и носитъ одно съ нимъ имя—зять (венгэ) съ приставкой: большой (кугу), которая вполнѣ соотвѣтствуетъ его роли». Онъ всюду во время церемоніала является впереди жениха, первый получаетъ угощеніе, первый садится за столъ, вводитъ невѣсту въ домъ, и, «засвидѣтельствовавши символически свои жениховскія права на нее, уступаетъ ее настоящему жениху въ послѣдній моментъ брачнаго обряда». Этотъ обрядъ среди черемисовъ, уже утратившихъ много чертъ своего прежняго быта, находитъ себѣ иллюстрацію въ глухихъ мѣстностяхъ, населенныхъ ими, гдѣ старые, традиціонныя взгляды еще уцѣлѣли. Такъ, среди уфимскихъ черемисъ, по свидѣтельству Ерусланова, «сожительство мужа съ младшими родственницами жены и невѣстки съ младшими родственниками мужа не считается предосудительнымъ».

Ясныхъ слѣдовъ поліандріи, естественно, трудно найти среди славянскаго населенія Россіи. Правда, г. Чернышевъ, въ своей статьѣ «Опытъ истолкованія обычая „понедилкуванія" объясняетъ «понедилкуванье» (т. е. освобожденіе жены, по брачному договору, отъ обычныхъ хозяйственныхъ работъ въ понедѣльникъ) существованіемъ въ прежнія времена обыкновенія заключать бракъ лишь на извѣстные дни въ недѣли». Это объясненіе, конечно, натянуто: врядъ ли возможно искать такъ далеко корень этого обычая, основа котораго, вѣроятно, чисто экономическая. Право не работать на хозяйственныя нужды въ извѣстный день даетъ возможность женщинѣ работать на себя и такимъ путемъ составить себѣ небольшое, особое отъ семейнаго, имущество, такъ какъ права на это послѣднее женщина обыкновенно лишена. Слѣды поліандріи, однако, можно открыть въ свадебномъ ритуалѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи. Охримовичъ въ своемъ объясненіи малорусскихъ свадебныхъ обрядовъ и пѣсенъ, сохраняющихъ слѣды похищенія и покупки невѣсты, совершенно справедливо замѣчаетъ, что роль *дружбы* (брата жениха и проводника бояръ) указываетъ на слѣды поліандріи: добываетъ невѣсту, ведетъ борьбу съ ея братомъ и покупаетъ ее обыкновенно не женихъ, а дружба. «Кромѣ того, въ продолженіе всего дня, въ который про-

меня къ своей женѣ, дабы у нея было дитя, съ уплатою мнѣ 10 р. и, такъ какъ въ настоящемъ 1875 г. родилось у его жены отъ меня дитя мужскаго пола, то я началъ требовать слѣдуемые отъ него 10 р.; но Я. Д. началъ еще смѣяться и ругать меня непристойными словами, а посему честь имѣю покорнѣйше просить вызвать въ камеру свою отвѣтчика Я. Д. и свидѣтелей, знающихъ по этому дѣлу..... что и священнику извѣстно и не оставить рѣшеніемъ о взысканіи слѣдуемыхъ 10 р.....Приводя этотъ фактъ, Кистяковскій, сообщаетъ, что ему извѣстны еще два случая подобнаго рода изъ быта малороссійскаго населенія и одинъ изъ жизни великорусскаго населенія».

Во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ, число которыхъ можно было бы значительно увеличить, встрѣчается или одновременное существованіе обоихъ институтовъ, или одного только левирата, или одной нійоги. Въ основѣ обоихъ обычаевъ лежитъ одна и таже основная мысль, что женщина является собственностью обладающаго ею мужчины. Уже одно это обстоятельство объясняло бы достаточно какъ распространеніе ихъ среди многихъ народностей, такъ и сохраненіе ихъ на сравнительно высокихъ ступеняхъ культуры. Очевидно, обычаи эти тѣсно связаны между собой; невольно является вопросъ, который изъ нихъ долженъ считаться древнѣе.

Тамъ, гдѣ нійога или левиратъ являются въ своемъ чистомъ видѣ, цѣлью примѣненія обоихъ институтовъ всегда является желаніе имѣть дѣтей. Стремленіе въ лицѣ сыновей пріобрѣсти защитниковъ въ борьбѣ и помощниковъ на охотѣ, въ дочеряхъ выгодный товаръ для промѣна является характернымъ даже для народностей, стоящихъ на самыхъ низкихъ ступеняхъ развитія. Кубу на Суматрѣ, напримѣръ, отдаютъ своихъ дочерей достигшихъ брачнаго возраста за подарки. Минкопи на Андаманскихъ о-вахъ обмѣниваются дѣтьми совершенно свободно. Какъ только мальчики подростутъ и начинаютъ стремиться къ устройству собственнаго очага, родители, обыкновенно, противодѣйствуютъ этому изъ своекорыстнаго стремленія: молодые люди, въ особенности, если они наловчились уже въ звѣриной и рыбной ловлѣ, оказываются весьма полезными въ хозяйствѣ. Наоборотъ, уходъ дѣвушки изъ семьи обыкновенно не вызываетъ протеста, такъ какъ съ ея уходомъ матеріальный убытокъ для хозяйства ничтоженъ. Огнеземельцы, какъ и австралійцы, охотно продаютъ своихъ дѣтей за ничтожныя украшенія (Гроссе). Взглядъ низшихъ племенъ на дѣтей, какъ на собственность, могущую принести пользу родителямъ, не только не утрачивается, но въ отдѣльныхъ случаяхъ даже усиливается съ осложненіемъ хозяйственнаго быта на болѣе высокихъ

культурныхъ ступеняхъ. На почвѣ своекорыстныхъ цѣлей имѣть дѣтей (при взглядѣ на женщину, какъ на предметъ собственности) и развивается у дикарей такой институтъ, какъ нійога. Впослѣдствіи, когда, съ развитіемъ вѣрованій, является опредѣленный культъ предковъ— одинаково нужный какъ для потомковъ, благосостояніе которыхъ зависитъ отъ благоволенія умершихъ, такъ и для покойниковъ, которые должны окончательно умереть, если ихъ потомство не будетъ приносить имъ необходимыхъ жертвъ—желаніе имѣть дѣтей получаетъ, такъ сказать, религіозное освященіе. Если умершій не оставилъ потомства, первобытная мысль прибѣгаетъ къ фикціи: первенецъ, рожденный отъ связи его вдовы съ кѣмъ нибудь изъ близкихъ или родственниковъ, является сыномъ умершаго; на этого сына падаетъ обязанность исполнять требованія культа по отношенію къ своему фиктивному отцу. Такимъ то образомъ левиратъ постепенно вырабатывается въ извѣстный юридическій институтъ изъ простого фактическаго правила, по которому женщина, послѣ смерти обладавшаго ею мужчины,становится собственностью группы, территоріальной или родовой. Левиратъ въ его отлившемся видѣ необходимо признать институтомъ, развившемся позднѣе института нійоги. Но было бы ошибочно утверждать, что онъ возникаетъ только на религіозной основѣ, при развившемся патріархатѣ, какъ это дѣлаетъ Мэнъ. Если бы это было такъ, совершенно невозможно было бы объяснить случаи, когда дѣти, рожденныя отъ вдовы, уже имѣющей дѣтей отъ перваго мужа, считаются все таки принадлежащими этому послѣднему. Такой примѣръ левирата отмѣченъ у бечуановъ. Ливингстонъ, напримѣръ, сообщаетъ, что вождь бечуановъ Секелету, согласно обычаямъ своего племени, сдѣлался собственникомъ женъ своего отца и двухъ изъ нихъ взялъ себѣ; дѣти отъ этихъ женъ, которыя уже имѣли дѣтей, считались дѣтьми не Секелету, а его отца, т. е. братьями Секелету. Если умираетъ у бечуанъ старшій братъ, слѣдующій за нимъ по старшинству лѣтъ беретъ себѣ его женъ, но дѣти ихъ все таки считаются дѣтьми старшаго брата. Этотъ обычай можетъ быть объясненъ только взглядомъ, что покойникъ продолжаетъ быть собственникомъ своихъ женъ, вслѣдствіе чего и дѣти ихъ считаются принадлежащими ему (покойнику). Взглядъ этотъ естественно могъ развиться только съ появленіемъ ясно признаваемаго права собственности. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ служитъ опроверженіемъ теоріи Мэна о происхожденіи левирата исключительно изъ потребностей культа: въ такомъ случаѣ было бы достаточно одного наслѣдника, какъ это было у древнихъ евреевъ и индусовъ, гдѣ только первенецъ счи-

тался сыномъ умершаго. Способность прибѣгать къ юридическимъ фикціямъ, какъ она ни распространена среди некультурныхъ народовъ, требуетъ болѣе высокой ступени развитія и въ данномъ случаѣ прочно выработаннаго культа предковъ съ опредѣленными обрядами. Не надо забывать, что у народностей, у которыхъ культъ предковъ не выработанъ, зародышъ левирата уже извѣстенъ.

Съ паденіемъ культа предковъ левиратъ, какъ обязанность для близкаго родственника «возстановить сѣмя» своему бездѣтному брату, постепенно утрачиваетъ свой религіозный и обязательный характеръ. Остаются въ силѣ хозяйственныя соображенія, давшія ему основу, и коммунизмъ группы, согласно которому имущество умершаго члена группы принадлежитъ оставшимся въ живыхъ членамъ ея. Вдова поступаетъ вмѣстѣ съ остальнымъ наслѣдствомъ къ членамъ группы, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда она была пріобрѣтена покупкой, за дорогую цѣну. Дѣти отъ второго брака уже не считаются принадлежащими покойнику; съ другой стороны, обязанность жениться на вдовѣ переходитъ въ право, отказъ отъ котораго не влечетъ за собой дурныхъ послѣдствій. Вдова въ свою очередь имѣетъ возможность откупиться отъ обязанности выйти замужъ за брата покойнаго мужа, какъ, напримѣръ, у осетинъ—внесеніемъ уплаты въ размѣрѣ двухъ быковъ или у бурятъ возвращеніемъ полученнаго за нее отъ умершаго калыма. Такимъ образомъ левиратъ постепенно утрачиваетъ силу. Какъ на форму его окончательнаго вымиранія можно указать на приведенный выше примѣръ левирата у гиляковъ, гдѣ родственникъ умершаго беретъ вдову къ себѣ, но не имѣетъ права сожительствовать съ нею.

Едва ли возможно согласиться и съ Макъ Ленаномъ, что оба института являются лишь регулированіемъ поліандріи, переходомъ отъ нея къ индивидуальной семьѣ, признать, однимъ словомъ, что они тоже представляютъ стадію развитія въ исторіи семьи. Противъ этого взгляда высказались одинаково еще Лёббокъ и Спенсеръ. «Въ древнихъ общественныхъ системахъ, пишетъ Спенсеръ, на женщинъ смотрѣли, какъ на собственность и наслѣдовали ихъ наравнѣ съ прочимъ имуществомъ. У насъ, поэтому, продолжаетъ онъ, невольно возникаетъ подозрѣніе, что левиратъ или вступленіе во владѣніе женой покойнаго брата не имѣетъ никакой связи съ многомужествомъ, поліандріей, и что, напротивъ того, всюду, гдѣ жены считаются просто цѣнными вещами, наслѣдованіе ихъ братьями разсматривается лишь какъ часть ихъ права на наслѣдство». Макъ Ленанъ на первый взглядъ какъ будто основательно возражалъ Спенсеру, что при левиратѣ, въ

ея союзъ съ мужчиной прекращается вслѣдствіе смерти этого послѣдняго, становится собственностью территоріальной группы, принадлежитъ ли она къ ней по рожденію или введена въ ней похищеніемъ или покупкой, и что на нее имѣетъ права любой изъ членовъ класса, къ которому принадлежалъ ея мужъ. То, что существуетъ въ качествѣ отношеній чисто актфическихъ у низшихъ народностей, встрѣчается уже, какъ юридическое постановленіе, среди расъ, болѣе высоко стоящихъ въ культурномъ отношеніи.

У евреевъ подобный обычай господствовалъ въ древнее время, и отъ него этотъ институтъ и получилъ свое названіе левиратъ. «Если братья живутъ вмѣстѣ, сказано въ Второзаконіи (XXV, 5—6), и одинъ изъ нихъ умретъ, не имѣя у себя сына, то жена умершаго не должна выходить на сторону за человѣка чужого, но деверь ея долженъ войти къ ней и взять ее себѣ въ жены, и жить съ нею. И первенецъ, котораго она родитъ, останется съ именемъ брата его умершаго, чтобъ имя его не изгладилось въ Израилѣ». Исторія Руѳи служитъ общеизвѣстной иллюстраціей къ указанному постановленію Второзаконія.

Въ древней Индіи, по законодательству Ману, если братъ умретъ, не оставивши по себѣ потомства, его младшій братъ или другой родственникъ долженъ сожительствовать, по исполненіи нѣкоторыхъ обрядовъ, съ его вдовой; сынъ, рожденный отъ такого союза, считается сыномъ умершаго. Разница между левиратомъ евреевъ и индусовъ заключается въ томъ, что у евреевъ деверь долженъ былъ жениться на вдовѣ, у индусовъ же онъ вступалъ съ нею только въ сожитіе, при чемъ онъ не имѣлъ права быть виновникомъ рожденія болѣе, чѣмъ одного ребенка. Другое различіе въ правовыхъ воззрѣніяхъ евреевъ отъ индусскихъ заключаются, кромѣ того, и въ томъ, что первые были незнакомы съ институтомъ нійоги, а у вторыхъ онъ вполнѣ разрѣшается и дѣлается даже обязательнымъ, если бракъ не сопровождается рожденіемъ ребенка. Законодательство Ману ставитъ продолжительность сожитія не только съ деверемъ, но, за отсутствіемъ таковаго, съ ближайшимъ родственникомъ мужа въ зависимость отъ рожденія ребенка, хотя, повидимому, были случаи и продолженія сожительства.

У кафровъ жены, принадлежавшія отцу, переходятъ послѣ его смерти къ старшему сыну; если онѣ пожелаютъ снова вступить въ бракъ, онѣ должны выйти замужъ за одного изъ братьевъ умершаго. У бечуановъ сынъ наслѣдуетъ женъ своего отца и можетъ сожительствовать съ ними; дѣти, рожденныя отъ этого брака, считаются

дѣтьми умершаго, а фактическій отецъ ихъ считаетъ ихъ братьями. У овагереросовъ жена и малолѣтнія дѣти переходятъ вмѣстѣ съ остальнымъ имуществомъ къ ближайшему вліятельному человѣку, при чемъ жена и дѣти начинаютъ считаться принадлежащими этому послѣднему. Левиратъ встрѣчается у зулусовъ, у туземцевъ Золотого и Невольничьяго береговъ, въ Сенегамбіи, у племенъ оромо́, вапокомо, у богосовъ, бареа и купама, въ Абиссиніи, у мальгашей на островѣ Мадагаскарѣ и пр. Въ Южной Америкѣ существованіе этого института отмѣчено въ Бразиліи у племени тупинамба, у арауканцевъ, карибовъ и т. д., въ Сѣверной Америкѣ—у индѣйцевъ Калифорніи, у тлинкитовъ, омагасовъ и др. Въ Океаніи левиратъ практикуется въ Новой Каледоніи, на Новой Гвинеи, среди папуасовъ и полинезійцевъ.

У народности хинсъ (въ горной странѣ между Ассамомъ и китайской провинціи Юннанъ) деверь, если откажется взять жену умершаго брата, обязанъ заплатить ей штрафъ. У даяковъ на о. Борнео, у негритосовъ Целебеса въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вступить въ бракъ съ деверемъ зависитъ отъ вдовы; она можетъ отказаться, но въ такомъ случаѣ должна передать все имущество умершаго мужа его роднѣ. Въ другихъ мѣстностяхъ Целебеса, на Суматрѣ, вообще среди малайскаго населенія архипелага господствуетъ левиратъ, какъ обязательство; видоизмѣненіе этого института происходитъ здѣсь въ томъ отношеніи, что вдова становится женой младшаго брата, иногда племянника, дяди, побочнаго сына умершаго. Но выходъ замужъ за старшаго брата умершаго запрещается подъ страхомъ смерти. У арабовъ левиратъ былъ запрещенъ только кораномъ; до него онъ былъ распространеннымъ обычаемъ. Но и въ современномъ быту арабовъ сохранились слѣды левирата; если молодой мужъ умретъ, его братъ обыкновенно женится на его вдовѣ; она, впрочемъ, имѣетъ право отказаться отъ этого брака и выйти замужъ за другого. Обыкновенно вдова предпочитаетъ замужество съ деверемъ, такъ какъ при такомъ бракѣ семейное имущество не дѣлится. Плано Карпини, посолъ Людовика Святого, посѣтившій Монголію въ XIV-мъ в., отмѣтилъ левиратъ у монголовъ. Онъ существуетъ у нихъ до настоящаго времени

Среди инородцевъ Россіи институтъ левирата встрѣчается между прочимъ у киргизовъ. Бездѣтная вдова выходитъ обыкновенно замужъ за ближайшаго родственника мужа. Если же ее захочетъ взять болѣе дальній родственникъ или чужой, онъ обязанъ уплатить ближайшему родственнику въ первомъ случаѣ часть калыма, во второмъ—весь калымъ полностью, заплаченный за нее покойнымъ мужемъ. Кастренъ

своему внуку, храброму Акротатусу, сыну царя Ареуса. Ихъ отношенія пользовались не только всеобщимъ признаніемъ, но, если такъ можно выразиться, покровительствомъ народа, привѣтствовавшаго любовника словами: «Акротатусъ, живи съ прекрасной Хилонисъ и рождай Спартѣ могучихъ и храбрыхъ дѣтей». Эти послѣднія считались юридически дѣтьми Клеонима. По словамъ того же писателя, Солонъ дозволилъ эпиклерѣ, т. е. женщинѣ, единственной наслѣдницѣ семейнаго имущества, вступать въ связь, при безплодіи ея супруга, съ любымъ изъ его родственниковъ. Слѣды такого же порядка вещей можно отмѣтить и въ средневѣковой Германіи. Въ одномъ изъ преданій о св. Елизаветѣ разсказывается, «что у одного рыцаря не было дѣтей по его винѣ, и онъ просилъ содѣйствія ландграфа Людвига, который оказалъ своему вассалу помощь иными средствами. Во время пиршества, устроеннаго вассаломъ въ честь ландграфа, послѣдній незамѣтно далъ ему драгоцѣнное лекарство. Когда приблизилось время сна, лекарство оказало свое дѣйствіе, и рыцарь обратился къ ландграфу съ просьбой простить его, такъ какъ онъ чувствуетъ себя способнымъ къ исполненію супружескихъ обязанностей, на что ландграфъ отвѣтилъ, что онъ именно съ тѣмъ и пришелъ къ нему, чтобы отклонить его отъ неправильнаго образа дѣйствія,а жену отъ позора». Преданіе, такимъ образомъ, выражаетъ уже неодобреніе къ образу дѣйствія рыцаря; но оно хранитъ слѣды древнихъ установленій и взглядовъ, существовавшихъ и среди германцевъ, какъ и среди массы другихъ народностей. «Въ одной довольно поздней вестфальской уставной грамотѣ говорится: если мужчина имѣетъ законную жену и не можетъ удовлетворить ея супружескихъ правъ, то онъ долженъ доставить ее своему сосѣду.... Въ Бокумскомъ ландрехтѣ ставится вопросъ: если мужъ не въ состояніи оказать женѣ должную любовь, чтобы она осталась довольной, какъ ему поступить, чтобы ей оказанъ былъ должный уходъ? Отвѣтъ: онъ долженъ ее взять на спину, перенести черезъ изгородь и когда онъ ее перетащитъ, предложить кого либо, кто доставилъ бы ей уходъ, которымъ она удовлетворилась бы» (Ковалевскій, Кулишеръ).

Кистяковскимъ сообщены свѣдѣнія о существованіи въ настоящее время среди крестьянскаго насенія Россіи обычая нійоги: «Мировому судьѣ одной изъ южно-русскихъ губерній было подано прошеніе слѣдующаго содержанія: Надѣюсь на ваше великодушіе и благое начальническое распоряженіе въ томъ, что не откажете моей чистосердечной просьбѣ и не оставите безъ вниманія моего прошенія. Крестьянинъ села Ж., Я. Д. въ прошломъ 1874 г. нанялъ

меня къ своей женѣ, дабы у нея было дитя, съ уплатою мнѣ 10 р. и, такъ какъ въ настоящемъ 1875 г. родилось у его жены отъ меня дитя мужскаго пола, то я началъ требовать слѣдуемые отъ него 10 р.; но Я. Д. началъ еще смѣяться и ругать меня непристойными словами, а посему честь имѣю покорнѣйше просить вызвать въ камеру свою отвѣтчика Я. Д. и свидѣтелей, знающихъ по этому дѣлу..... что и священнику извѣстно и не оставить рѣшеніемъ о взысканіи слѣдуемыхъ 10 р.....Приводя этотъ фактъ, Кистяковскій, сообщаетъ, что ему извѣстны еще два случая подобнаго рода изъ быта малороссійскаго населенія и одинъ изъ жизни великорусскаго населенія».

Во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ, число которыхъ можно было бы значительно увеличить, встрѣчается или одновременное существованіе обоихъ институтовъ, или одного только левирата, или одной нійоги. Въ основѣ обоихъ обычаевъ лежитъ одна и таже основная мысль, что женщина является собственностью обладающаго ею мужчины. Уже одно это обстоятельство объясняло бы достаточно какъ распространеніе ихъ среди многихъ народностей, такъ и сохраненіе ихъ на сравнительно высокихъ ступеняхъ культуры. Очевидно, обычаи эти тѣсно связаны между собой; невольно является вопросъ, который изъ нихъ долженъ считаться древнѣе.

Тамъ, гдѣ нійога или левиратъ являются въ своемъ чистомъ видѣ, цѣлью примѣненія обоихъ институтовъ всегда является желаніе имѣть дѣтей. Стремленіе въ лицѣ сыновей пріобрѣсти защитниковъ въ борьбѣ и помощниковъ на охотѣ, въ дочеряхъ выгодный товаръ для промѣна является характернымъ даже для народностей, стоящихъ на самыхъ низкихъ ступеняхъ развитія. Кубу на Суматрѣ, напримѣръ, отдаютъ своихъ дочерей достигшихъ брачнаго возраста за подарки. Минкопи на Андаманскихъ о-вахъ обмѣниваются дѣтьми совершенно свободно. Какъ только мальчики подростутъ и начинаютъ стремиться къ устройству собственнаго очага, родители, обыкновенно, противодѣйствуютъ этому изъ своекорыстнаго стремленія: молодые люди, въ особенности, если они наловчились уже въ звѣриной и рыбной ловлѣ, оказываются весьма полезными въ хозяйствѣ. Наоборотъ, уходъ дѣвушки изъ семьи обыкновенно не вызываетъ протеста, такъ какъ съ ея уходомъ матеріальный убытокъ для хозяйства ничтоженъ. Огнеземельцы, какъ и австралійцы, охотно продаютъ своихъ дѣтей за ничтожныя украшенія (Гроссе). Взглядъ низшихъ племенъ на дѣтей, какъ на собственность, могущую принести пользу родителямъ, не только не утрачивается, но въ отдѣльныхъ случаяхъ даже усиливается съ осложненіемъ хозяйственнаго быта на болѣе высокихъ

товъ и другихъ инородческихъ племенъ Россіи. Наконецъ, и въ русскихъ свадебныхъ обрядахъ сохранились нѣкоторыя особенности, которыя могутъ быть объяснены только существовавшимъ въ прежнее время правомъ свекра на жену сына. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ настоящее время народное воззрѣніе въ большинствѣ случаевъ осуждаетъ снохачество. Во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ снохачество развивается на почвѣ браковъ малолѣтнихъ на взрослыхъ дѣвушкахъ. Это первая характерная для него черта. Другой отличительной чертой его можно считать то, что сожительство разрѣшается молодой только съ однимъ изъ членовъ семьи: иногда съ деверемъ, въ подавляющемъ большинствѣ случаѣ со свекромъ. Въ этомъ главное отличіе его отъ поліандріи: въ то время, какъ при поліандріи женщина сожительствуетъ съ группой мужчинъ, при институтѣ снохачества она принадлежитъ фактически одному мужчинѣ, такъ какъ мужъ ея еще неспособенъ по малолѣтству исполнять супружескія обязанности. Отъ нійоги снохачество отличается тѣмъ, что въ то время, какъ нійога имѣетъ главной цѣлью полученіе потомства и къ ней прибѣгаетъ самъ мужъ, при снохачествѣ является лишь стремленіе обладать женщиной со стороны наиболѣе сильнаго человѣка въ семьѣ—именно отца или старшаго брата мужа, при слабости послѣдняго воспротивиться этому. Эти черты рѣшительно препятствуютъ считать снохачество вырождающейся формой поліандріи или ставить его въ связь съ нійогой. Общее между этими тремя институтами только то, что въ ихъ основѣ лежитъ тотъ же взглядъ на женщину, какъ на существо безправное, которымъ можно располагать ad libitum. Его слѣдуетъ считать, такимъ образомъ, институтомъ поздняго происхожденія и самостоятельнымъ. М. М. Ковалевскій замѣчаетъ, «что, когда снохачество т. е. сожительство отца мужа съ женою послѣдняго начинаетъ въ народномъ понятіи принимать характеръ злоупотребленія, тогда отецъ, желающій пользоваться женою своего сына и въ то же время опасающійся столкновеній съ послѣднимъ, для достиженія своихъ желаній прибѣгаетъ обыкновенно къ ранней женитьбѣ сына, чтобы такимъ образомъ жить безъ всякаго препятствія со снохою». Трудно, однако, согласиться съ мнѣніемъ Ковалевскаго: въ дѣйствительности, какъ разъ наоборотъ, именно женитьба малолѣтняго приводитъ къ снохачеству. Стремленіе же женить малолѣтняго на взрослой объясняется въ достаточной степени экономическими причинами: необходимость имѣть работницъ и возможность получать ихъ наиболѣе дешевымъ путемъ, посредствомъ браковъ, заставляетъ группу скорѣе женить не только взрослыхъ членовъ семьи, но и малолѣтнихъ. Что при

сыномъ умершаго. Способность прибѣгать къ юридиче-
фикціямъ, какъ она ни распространена среди некультур-
народовъ, требуетъ болѣе высокой ступени развитія и въ
случаѣ прочно выработаннаго культа предковъ съ опредѣлен-
обрядами. Не надо забывать, что у народностей, у которыхъ
предковъ не выработанъ, зародышъ левирата уже извѣстенъ.

Съ паденіемъ культа предковъ левиратъ, какъ обязанность для
родственника «возстановить сѣмя» своему бездѣтному брату,
утрачиваетъ свой религіозный и обязательный характеръ.
въ силѣ хозяйственныя соображенія, давшія ему основу, и
ризмъ группы, согласно которому имущество умершаго члена
принадлежитъ оставшимся въ живыхъ членамъ ея. Вдова по-
вмѣстѣ съ остальнымъ наслѣдствомъ къ членамъ группы,
въ тѣхъ случаяхъ, когда она была пріобрѣтена покупкой,
рогую цѣну. Дѣти отъ второго брака уже не считаются при-
кащими покойнику; съ другой стороны, обязанность жениться на
переходитъ въ право, отказъ отъ котораго не влечетъ за
дурныхъ послѣдствій. Вдова въ свою очередь имѣетъ воз-
ность откупиться отъ обязанности выйти замужъ за брата по-
мужа, какъ, напримѣръ, у осетинъ—внесеніемъ уплаты въ
двухъ быковъ или у бурятъ возвращеніемъ полученнаго за
умершаго калыма. Такимъ образомъ левиратъ постепенно
ивает силу. Какъ на форму его окончательнаго вымиранія можно
на приведенный выше примѣръ левирата у гиляковъ, гдѣ
ственникъ умершаго беретъ вдову къ себѣ, но не имѣетъ права
тельствовать съ нею.

Едва ли возможно согласиться и съ Макъ Ленаномъ, что оба
тута являются лишь регулированіемъ поліандріи, переходомъ
ея къ индивидуальной семьѣ, признать, однимъ словомъ, что
тоже представляютъ стадію развитія въ исторіи семьи. Противъ
взгляда высказались одинаково еще Лёббокъ и Спенсеръ. «Въ
ихъ общественныхъ системахъ, пишетъ Спенсеръ, на женщинъ
рѣли, какъ на собственность и наслѣдовали ихъ наравнѣ съ
имъ имуществомъ. У насъ, поэтому, продолжаетъ онъ, невольно
кается подозрѣніе, что левиратъ или вступленіе во владѣніе же-
покойнаго брата не имѣетъ никакой связи съ многомужествомъ,
андріей, и что, напротивъ того, всюду, гдѣ жены считаются просто
ными вещами, наслѣдованіе ихъ братьями разсматривается лишь
часть ихъ права на наслѣдство». Макъ Ленанъ на первый взглядъ
будто основательно возражалъ Спенсеру, что при левиратѣ, въ

культурныхъ ступеняхъ. На [illegible] сыномъ умершаго, а не
тей (при взглядѣ на жен[illegible] [illegible]чаетъ себя отъ наслѣд-
и развивается у дикаре[illegible] [illegible]мя умершаго. Но Макъ
ствіи, когда, съ развитіе[illegible] [illegible]имъ форма левирата есть
предковъ— одинаково и[illegible] [illegible]слѣдованія вдовы родствен-
торыхъ зависитъ отъ [illegible] [illegible] ограничиваетъ, вслѣдствіе ре-
ковъ, которые должн[illegible] [illegible]дованія. Во всякомъ случаѣ, нѣтъ
будетъ приносить и[illegible] [illegible] левиратъ стадіями развитія чело-
получаетъ, такъ [illegible] [illegible]дить институты, которые могли воз-
оставилъ потомст[illegible] [illegible]одочнаго сожительства, когда со-
венецъ, рожденн[illegible] [illegible]пятствовало юридическому облада-
кихъ или родс[illegible] [illegible]ми, когда послѣ смерти его жена
сына падаетъ [illegible] [illegible]ственностью группы. Если она доста-
къ своему [illegible] [illegible]рату, то происходило это отъ того,
пенно выра[illegible] [illegible] еще добыть себѣ женъ, тогда какъ
того фа[illegible] [illegible]. Оба института, вслѣдствіе указанныхъ
обладав[illegible] [illegible]ществовать и, какъ мы видѣли, еще не
ритори[illegible] [illegible]культурныхъ народовъ. Но одинъ изъ
обход[illegible] [illegible]ка существенныхъ ограниченія, мѣстами
Но [illegible] [illegible]глядовъ и развившагося культа предковъ
ре[illegible] [illegible]ереевъ), мѣстами вслѣдствіе развитія по-
М[illegible] [illegible]собственности (напримѣръ, у бечуановъ).
[illegible] которыхъ принято было считать за
[illegible] сожительства слѣдуетъ отнести такъ назы-
[illegible] *нетерпимый гетеризмъ. Снохачество* боль-
[illegible] считаютъ послѣдней формой вымиранія поліандріи. Подъ [illegible]ніемъ разумѣется дозволенность народнымъ [illegible]жительства отца съ женой сына (снохой). [illegible] вымираніе поліандріи совершалось путемъ [illegible] свободы общенія внутри группы (левиратъ [illegible] снохачество тѣмъ, что подъ конецъ общеніе съ [illegible] будто бы только отцу и его сыну, причемъ [illegible] считались дѣтьми сына—законнаго мужа [illegible] имѣющіеся относительно этого института, за- [illegible] развился довольно поздно. Господство его [illegible] условіи сильно развитого патріархальнаго быта- [illegible] конечно, и раньше, но сохраняется онъ и послѣ [illegible] семьи.

[illegible] что этотъ обычай имѣетъ широкое распро- [illegible] является съ одинаковымъ характеромъ. У

Индіи существуетъ слѣдующій обычай: «молодая [illegible] или двадцати лѣтъ можетъ выйти замужъ за [illegible] лѣтъ. При этомъ, однако, она живетъ обык- [illegible] взрослымъ мужчиной, напримѣръ, съ дя- [illegible] братомъ со стороны матери, но никакъ не съ [illegible] отца; случается, что она живетъ съ отцомъ своего [illegible] мужа, со своимъ свекромъ. Если отъ подобной связи [illegible] дѣти, они считаются дѣтьми ея малолѣтняго мужа. Къ [illegible] времени, когда мальчикъ выростетъ, жена его оказывается уже [illegible] старой или неспособной производить дѣтей; тогда и онъ [illegible] свою очередь, сходится съ женой какого нибудь другого мальчика [illegible] тѣхъ же основаніяхъ и производитъ на свѣтъ дѣтей, которыя счи- [illegible] дѣтьми малолѣтняго мужа» (Лёббокъ). У осетинъ имѣетъ мѣсто [illegible] же самое: отецъ часто женитъ своего иногда шести-лѣтняго сына [illegible] взрослой дѣвушкѣ, живетъ съ ней, причемъ дѣти считаются дѣтьми сына. Разница съ вышеописаннымъ обычаемъ у реддіевъ заключается въ томъ, что у осетинъ въ связь съ женою малолѣтняго сына вступаетъ только отецъ, тогда какъ у реддіевъ сожительствовать позволяется ей и съ нѣкоторыми родственниками мужа по матери. Это объясняется тѣмъ, что у реддіевъ жива еще материнская организація, причемъ въ семьѣ роль отца поглощается ролью родственниковъ со стороны матери, тогда какъ у осетинъ, наоборотъ, родовое патріархальное устройство уже распадается, и отцу выпадаетъ въ семьѣ роль преобладающая. Среди многихъ другихъ инородцевъ Россіи господствуетъ или господствовалъ этотъ же обычай, въ настоящее время приходящій въ упадокъ частью благодаря тому, что браки малолѣтняго со взрослой встрѣчаютъ энергичное сопротивленіе со стороны духовенства. Кулаковъ слышалъ отъ стариковъ бурятъ, что прежде случалось видѣть, какъ «жены, отправляясь доить коровъ, на рукахъ носили своихъ мужей съ собой». Браки съ малолѣтними являются здѣсь слѣдствіемъ экономическихъ причинъ.

Ясные слѣды этого явленія въ народной жизни сохранялись среди волжско-камскихъ инородцевъ. И. Н. Смирновъ замѣчаетъ, что «еще въ прошломъ столѣтіи у вотяковъ былъ распространенъ обычай женить сыновей еще въ дѣтскомъ возрастѣ на взрослыхъ дѣвицахъ. . . . Духовное начальство запрещало эти браки, усматривая въ нихъ почву для снохачества, но обычай стойко держался и сохранился почти до нашихъ дней». «Въ селѣ Кильмезь-Селты, пишетъ Смирновъ, намъ указывали на стариковъ, которые были женаты, едва

довъ культурнаго человѣка, примѣненіе гостепріимнаго гетеризма не встрѣчаетъ препятствія со стороны женщины, которая нерѣдко проституируетъ себя при различныхъ условіяхъ (напримѣръ, празднествахъ).

Естественно, что гостепріимный гетеризмъ возникаетъ сначала какъ фактическое отношеніе, переходящее затѣмъ въ юридическое на почвѣ широкаго гостепріимства, которымъ отличаются всѣ некультурныя народности. Гостепріимство, весьма характерная черта неразвитого быта, является даже неизбѣжнымъ послѣдствіемъ общественныхъ отношеній въ некультурныхъ условіяхъ жизни; оно является единственной формой охраны лица въ чуждой ему группѣ. Безъ существованія его были бы невозможны сношенія представителей чуждыхъ другъ другу группъ. Развитіе этическихъ и религіозныхъ началъ поддерживаютъ институтъ гостепріимства, давая ему развиться въ извѣстное юридическое, находящееся подъ покровительствомъ религіи, отношеніе между гостемъ и хозяиномъ.

Въ свою очередь коммунистическіе взгляды на имущество, отличающіе первобытныя группы, въ связи съ экономическими условіями неразвитого быта, приводятъ къ праву гостя на имущество хозяина. До настоящаго времени во многихъ мѣстностяхъ, у разныхъ народовъ за гостемъ признается право взять изъ имущества хозяина любое, необходимое ему. Формулы вѣжливости, которыми и въ настоящее время хозяинъ заявляетъ гостю о правѣ послѣдняго на любой предметъ въ его домѣ, потеряли въ большинствѣ случаевъ свой первоначальный смыслъ: будь то въ Персіи, Китаѣ или въ Испаніи, гдѣ подобный способъ выраженія въ большомъ ходу, гость, конечно, удивилъ бы хозяина, если бы на его просьбу взять съ собой все, что ему понравится, не отвѣтилъ бы рѣшительнымъ отказомъ. Но эти формулы лишь реминисценція періода, когда это право гостя дѣйствительно осуществлялось, подобно тому, какъ это имѣетъ мѣсто и въ настоящее время у многихъ такъ называемыхъ дикарей. При такомъ взглядѣ на гостя, естественно, что изъ имущества хозяина не можетъ быть выдѣлено для гостя и пользованіе однимъ изъ наиболѣе цѣнныхъ видовъ его — женщины. Это объясняетъ широкое господство гостепріимнаго гетеризма и дѣлаетъ естественнымъ фактъ, что этотъ обычай встрѣчается среди такихъ низко стоящихъ въ культурномъ отношеніи племенъ, какъ, напримѣръ, діейри въ Австраліи, гдѣ мужъ охотно проституируетъ свою жену забредшему къ нему гостю. Въ Полинезіи гостепріимный гетеризмъ отмѣченъ былъ

у туземцевъ Сандвичевыхъ островокъ, по крайней мѣрѣ, пока они еще не подверглись европейскому вліянію.

Въ Африкѣ народность галла, съ большой строгостью относящаяся къ случаямъ нарушенія супружеской вѣрности со стороны купленныхъ иногда за дорогую цѣну женъ, тѣмъ не менѣе широко примѣняетъ гостепріимный гетеризмъ. Здѣсь онъ является даже обязанностью по отношенію къ гостю, налагаемой на хозяина мѣстнымъ обычнымъ правомъ. Іорубане нерѣдко отдаютъ своихъ женъ гостю или другу; у кафровъ амаксосовъ отецъ проституируетъ почетнымъ гостямъ своихъ дочерей.

Невозможно, конечно, перечислить всѣ пункты земного шара, гдѣ отмѣченъ гостепріимный гетеризмъ въ качествѣ ли явленія бытующаго еще или бытовавшаго въ обиходѣ народа. Обычай этотъ можетъ считаться всесвѣтнымъ. Достаточно сказать, что онъ имѣетъ мѣсто въ Австраліи, у многихъ народностей Африки, кромѣ упомянутыхъ, далѣе въ Америкѣ у краснокожихъ, у вымершаго уже населенія Тасманіи, у нѣкоторыхъ племенъ Аравіи, въ Кохинхинѣ, въ Бирманѣ, въ Тибетѣ и даже въ высокоцивилизованномъ Китаѣ.

Въ быту народностей Россіи можно найти много примѣровъ гостепріимнаго гетеризма, соблюдаемаго и соблюдавшагося въ качествѣ жизненнаго явленія или сохраняющагося хотя бы въ видѣ обряда, въ качествѣ переживанія. Авторы XVIII-го в. засвидѣтельствовали гостепріимный гетеризмъ среди нашихъ арктическихъ народностей Сибири, именно у чукчей и коряковъ. У нихъ онъ принималъ весьма широкіе размѣры. Чукчи, напримѣръ, разрѣшали лицу, возвратившемуся изъ далекаго пути, пользоваться всѣми женщинами юрты. Гостепріимный гетеризмъ практиковался у алеутовъ и тунгузовъ. Путешественники XVI—XVII-ыхъ в.в. встрѣтили этотъ обычай у лопарей. Въ XVI-мъ в. объ этомъ упоминаетъ Герберштейнъ; его свидѣтельство одинаково относится къ лопарямъ, жившимъ въ предѣлахъ Россіи, и къ тѣмъ, которые входили въ составъ Норвегіи и Швеціи. «Купцовъ и чужеземныхъ гостей, пишетъ Герберштейнъ, лопари, уходя изъ дома, оставляютъ съ (своей) супругой. Когда они возвращаются и находятъ, что супруга ихъ вслѣдствіе сношенія съ гостемъ довольна и болѣе весела, чѣмъ обыкновенно, они даютъ ему подарокъ, если же нѣтъ—изгоняютъ его съ позоромъ». Иллюстрацію къ словамъ Герберштейна составляютъ показанія одного шведскаго пастора-миссіонера въ лопарской землѣ, равно и свидѣтельство

товъ и другихъ инородческихъ племенъ Россіи. Наконецъ, и въ русскихъ свадебныхъ обрядахъ сохранились нѣкоторыя особенности, которыя могутъ быть объяснены только существовавшимъ въ прежнее время правомъ свекра на жену сына. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ настоящее время народное воззрѣніе въ большинствѣ случаевъ осуждаетъ снохачество. Во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ снохачество развивается на почвѣ браковъ малолѣтнихъ на взрослыхъ дѣвушкахъ. Это первая характерная для него черта. Другой отличительной чертой его можно считать то, что сожительство разрѣшается молодой только съ однимъ изъ членовъ семьи: иногда съ деверемъ, въ подавляющемъ большинствѣ случаѣ со свекромъ. Въ этомъ главное отличіе его отъ поліандріи: въ то время, какъ при поліандріи женщина сожительствуетъ съ группой мужчинъ, при институтѣ снохачества она принадлежитъ фактически одному мужчинѣ, такъ какъ мужъ ея еще неспособенъ по малолѣтству исполнять супружескія обязанности. Отъ нійоги снохачество отличается тѣмъ, что въ то время, какъ нійога имѣетъ главной цѣлью полученіе потомства и къ ней прибѣгаетъ самъ мужъ, при снохачествѣ является лишь стремленіе обладать женщиной со стороны наиболѣе сильнаго человѣка въ семьѣ—именно отца или старшаго брата мужа, при слабости послѣдняго воспротивиться этому. Эти черты рѣшительно препятствуютъ считать снохачество вырождающейся формой поліандріи или ставить его въ связь съ нійогой. Общее между этими тремя институтами только то, что въ ихъ основѣ лежитъ тотъ же взглядъ на женщину, какъ на существо безправное, которымъ можно располагать ad libitum. Его слѣдуетъ считать, такимъ образомъ, институтомъ поздняго происхожденія и самостоятельнымъ. М. М. Ковалевскій замѣчаетъ, «что, когда снохачество т. е. сожительство отца мужа съ женою послѣдняго начинаетъ въ народномъ понятіи принимать характеръ злоупотребленія, тогда отецъ, желающій пользоваться женою своего сына и въ то же время опасающійся столкновеній съ послѣднимъ, для достиженія своихъ желаній прибѣгаетъ обыкновенно къ ранней женитьбѣ сына, чтобы такимъ образомъ жить безъ всякаго препятствія со снохою». Трудно, однако, согласиться съ мнѣніемъ Ковалевскаго: въ дѣйствительности, какъ разъ наоборотъ, именно женитьба малолѣтняго приводитъ къ снохачеству. Стремленіе же женить малолѣтняго на взрослой объясняется въ достаточной степени экономическими причинами: необходимость имѣть работницъ и возможность получать ихъ наиболѣе дешевымъ путемъ, посредствомъ браковъ, заставляетъ группу скорѣе женить не только взрослыхъ членовъ семьи, но и малолѣтнихъ. Что при

такихъ условіяхъ женою фактически пользуется наиболѣе сильный человѣкъ въ группѣ: братъ мужа или отецъ его, въ другихъ случаяхъ только отецъ, объясняется той ролью, которую играютъ эти лица въ группѣ, и той властью, которой они облечены, въ силу хотя бы простого физическаго превосходства. Тамъ, гдѣ патріархальная власть уже развилась, право сожительства принадлежитъ отцу; гдѣ еще живы слѣды материнскаго родства, и роль отца не опредѣлилась вполнѣ, это право переходитъ на старшихъ родственниковъ по матери. Во всякомъ случаѣ, для снохачества требуется, чтобы группа сложилась уже въ родственную организацію съ болѣе или менѣе полновластнымъ владыкой, и чтобы экономическіе интересы спеціализировались въ предѣлахъ этихъ небольшихъ родственныхъ группъ. То и другое, т. е. понятія о родствѣ, равно и экономическія условія, вынуждающія небольшія родственныя группы искать себѣ работницъ путемъ женитьбы, появляются уже при сравнительно развитомъ бытѣ.

Гостепріимнымъ гетеризмомъ называется обычай, согласно которому хозяинъ отдаетъ одну изъ женщинъ дома своему гостю на время пребыванія послѣдняго въ гостяхъ у хозяина. Въ большинствѣ случаевъ предоставляется гостю жена хозяина, но иногда и дочь его. Отдачу жены гостю слѣдуетъ считать въ общемъ болѣе древнимъ проявленіемъ этого обычая. На низшихъ ступеняхъ культуры мужчина обыкновенно является собственникомъ одной жены. Только съ развитіемъ власти отца въ объединенныхъ кровнымъ родствомъ группахъ дочери, бывшія прежде собственностью группы, оказываются, наравнѣ съ прочимъ семейнымъ имуществомъ, въ полномъ распоряженіи домохозяевъ и потому могутъ свободно проституироваться ими гостямъ. Гостепріимный гетеризмъ, какъ и институты поліандріи, левирата и нійоги, можетъ считаться обычаемъ чрезвычайно распространеннымъ: онъ встрѣчается у низшихъ расъ и у племенъ, достигшихъ сравнительно высокой степени культуры. Онъ вполнѣ примиряется въ жизни съ требованіемъ, подчасъ очень строгимъ, соблюденія со стороны женъ супружеской вѣрности. Въ гостепріимномъ гетеризмѣ нѣтъ акта прелюбодѣянія; это, наоборотъ, право хозяина, иногда переходящее въ обязанность, проституировать свою жену или дочь дорогому гостю. Согласіе или несогласіе женщины въ этихъ случаяхъ не принимается въ разсчетъ: она должна исполнить волю лица, которому она принадлежитъ. Слѣдуетъ, впрочемъ, имѣть въ виду, что при господствѣ среди некультурныхъ народностей взгляда на половую нравственность, совершенно отличнаго отъ взгля-

довъ культурнаго человѣка, примѣненіе гостепріимнаго гетеризма не встрѣчаетъ препятствія со стороны женщины, которая нерѣдко проституируетъ себя при различныхъ условіяхъ (напримѣръ, празднествахъ).

Естественно, что гостепріимный гетеризмъ возникаетъ сначала какъ фактическое отношеніе, переходящее затѣмъ въ юридическое на почвѣ широкаго гостепріимства, которымъ отличаются всѣ некультурныя народности. Гостепріимство, весьма характерная черта неразвитого быта, является даже неизбѣжнымъ послѣдствіемъ общественныхъ отношеній въ некультурныхъ условіяхъ жизни; оно является единственной формой охраны лица въ чуждой ему группѣ. Безъ существованія его были бы невозможны сношенія представителей чуждыхъ другъ другу группъ. Развитіе этическихъ и религіозныхъ началъ поддерживаютъ институтъ гостепріимства, давая ему развиться въ извѣстное юридическое, находящееся подъ покровительствомъ религіи, отношеніе между гостемъ и хозяиномъ.

Въ свою очередь коммунистическіе взгляды на имущество, отличающіе первобытныя группы, въ связи съ экономическими условіями неразвитого быта, приводятъ къ праву гостя на имущество хозяина. До настоящаго времени во многихъ мѣстностяхъ, у разныхъ народовъ за гостемъ признается право взять изъ имущества хозяина любое, необходимое ему. Формулы вѣжливости, которыми и въ настоящее время хозяинъ заявляетъ гостю о правѣ послѣдняго на любой предметъ въ его домѣ, потеряли въ большинствѣ случаевъ свой первоначальный смыслъ: будь то въ Персіи, Китаѣ или въ Испаніи, гдѣ подобный способъ выраженія въ большомъ ходу, гость, конечно, удивилъ бы хозяина, если бы на его просьбу взять съ собой все, что ему понравится, не отвѣтилъ бы рѣшительнымъ отказомъ. Но эти формулы лишь реминисценція періода, когда это право гостя дѣйствительно осуществлялось, подобно тому, какъ это имѣетъ мѣсто и въ настоящее время у многихъ такъ называемыхъ дикарей. При такомъ взглядѣ на гостя, естественно, что изъ имущества хозяина не можетъ быть выдѣлено для гостя и пользованіе однимъ изъ наиболѣе цѣнныхъ видовъ его — женщины. Это объясняетъ широкое господство гостепріимнаго гетеризма и дѣлаетъ естественнымъ фактъ, что этотъ обычай встрѣчается среди такихъ низко стоящихъ въ культурномъ отношеніи племенъ, какъ, напримѣръ, діейри въ Австраліи, гдѣ мужъ охотно проституируетъ свою жену забредшему къ нему гостю. Въ Полинезіи гостепріимный гетеризмъ отмѣченъ былъ

у туземцевъ Сандвичевыхъ острововъ, по крайней мѣрѣ, пока они еще не подверглись европейскому вліянію.

Въ Африкѣ народность галла, съ большой строгостью относящаяся къ случаямъ нарушенія супружеской вѣрности со стороны купленныхъ иногда за дорогую цѣну женъ, тѣмъ не менѣе широко примѣняетъ гостепріимный гетеризмъ. Здѣсь онъ является даже обязанностью по отношенію къ гостю, налагаемой на хозяина мѣстнымъ обычнымъ правомъ. Іорубане нерѣдко отдаютъ своихъ женъ гостю или другу; у кафровъ амаксосовъ отецъ проституируетъ почетнымъ гостямъ своихъ дочерей.

Невозможно, конечно, перечислить всѣ пункты земного шара, гдѣ отмѣченъ гостепріимный гетеризмъ въ качествѣ ли явленія бытующаго еще или бытовавшаго въ обиходѣ народа. Обычай этотъ можетъ считаться всесвѣтнымъ. Достаточно сказать, что онъ имѣетъ мѣсто въ Австраліи, у многихъ народностей Африки, кромѣ упомянутыхъ, далѣе въ Америкѣ у краснокожихъ, у вымершаго уже населенія Тасманіи, у нѣкоторыхъ племенъ Аравіи, въ Кохинхинѣ, въ Бирманѣ, въ Тибетѣ и даже въ высокоцивилизованномъ Китаѣ.

Въ быту народностей Россіи можно найти много примѣровъ гостепріимнаго гетеризма, соблюдаемаго и соблюдавшагося въ качествѣ жизненнаго явленія или сохраняющагося хотя бы въ видѣ обряда, въ качествѣ переживанія. Авторы XVIII-го в. засвидѣтельствовали гостепріимный гетеризмъ среди нашихъ арктическихъ народностей Сибири, именно у чукчей и коряковъ. У нихъ онъ принималъ весьма широкіе размѣры. Чукчи, напримѣръ, разрѣшали лицу, возвратившемуся изъ далекаго пути, пользоваться всѣми женщинами юрты. Гостепріимный гетеризмъ практиковался у алеутовъ и тунгузовъ. Путешественники XVI—XVII-ыхъ в.в. встрѣтили этотъ обычай у лопарей. Въ XVI-мъ в. объ этомъ упоминаетъ Герберштейнъ; его свидѣтельство одинаково относится къ лопарямъ, жившимъ въ предѣлахъ Россіи, и къ тѣмъ, которые входили въ составъ Норвегіи и Швеціи. «Купцовъ и чужеземныхъ гостей, пишетъ Герберштейнъ, лопари, уходя изъ дома, оставляютъ съ (своей) супругой. Когда они возвращаются и находятъ, что супруга ихъ вслѣдствіе сношенія съ гостемъ довольна и болѣе весела, чѣмъ обыкновенно, они даютъ ему подарокъ, если же нѣтъ—изгоняютъ его съ позоромъ». Иллюстрацію къ словамъ Герберштейна составляютъ показанія одного шведскаго пастора-миссіонера въ лопарской землѣ, равно и свидѣтельство

французскаго путешественника Реньяра, посѣтившаго Лапландію въ XVII-мъ в. Пастору лопарь сулилъ значительную сумму денегъ (6 золотыхъ) и молилъ его колѣнопреклоненно не отказываться воспользоваться его женою. Реньяръ разсказываетъ, что одинъ французъ на подобное предложеніе лопаря отвѣтилъ отказомъ. Это обидѣло лопаря, увидѣвшаго въ этомъ пренебреженіе къ женѣ. Среди другихъ финскихъ народностей Россіи гостепріимный гетеризмъ встрѣчается у вотяковъ, въ болѣе глухихъ мѣстахъ ихъ обитанія; хозяинъ охотно предоставляетъ гостю, особенно если онъ имъ дорожитъ, свою жену или дочь на ночь. У якутовъ сохранилось интересное преданіе, свидѣтельствующее, что и они не были чужды нѣкогда примѣненію этого обычая. Въ одной изъ якутскихъ сказокъ объ «Ураныканъ-старикѣ» встрѣчается слѣдующій эпизодъ. Одно изъ лицъ, фигурирующихъ въ сказкѣ, прибрелъ во время своихъ похожденій къ «стоячей серебряной юрточкѣ», въ которой онъ увидѣлъ сидящую на передней кровати дѣвицу. Послѣ обильнаго угощенія наступаетъ время спать. «Куда вы кладете спать вашихъ гостей?» спрашиваетъ гость дѣвицу-хозяйку. «Если не брезгуешь, ложись со мной», отвѣчаетъ та. Этотъ «эпизодъ чрезвычайно характеренъ, пишетъ одинъ изслѣдователь, уже по самой формѣ вопроса: гость не спрашиваетъ: «куда вы меня положите?» а: «куда вы гостей кладете?» т. е. по заведенному обычаю. И если по обычаю гостей кладутъ спать съ хозяйскими дочерьми, то, нѣтъ сомнѣнія, что мы имѣемъ дѣло съ указаніемъ на гостепріимный гетеризмъ». Этотъ же обычай сохранялся и на Кавказѣ, у разныхъ народностей. Такъ, въ нѣкоторыхъ осетинскихъ преданіяхъ о нартахъ (богатыряхъ) говорится о гостепріимномъ гетеризмѣ. Въ сказаніи о нартѣ Урызмагѣ повѣствуется, что мужъ отдаетъ свою жену гостю - купаку. Путешественники начала текущаго столѣтія нашли еще жизненные слѣды гостепріимнаго гетеризма у осетинъ. Въ XVIII-мъ столѣтіи этотъ обычай встрѣчался среди кабардинцевъ, причемъ гостю часто предлагалась не жена, а дочь хозяина. Сказанія кабардинцевъ сообщаютъ случаи дозволеннаго сожитія гостя съ женой хозяина. Слѣды этого древняго порядка вещей были найдены Егіазаровымъ и въ современномъ бытѣ кавказскихъ горцевъ.

Естественно, что съ развитіемъ этическихъ началъ гостепріимный гетеризмъ долженъ постепенно выйти изъ употребленія, какъ рѣзко противорѣчащій понятіямъ о нравственности и требованію для дѣвушки сохранить невинность до брака. Но, прежде чѣмъ окончательно исчезнуть изъ народнаго обихода, гостепріимный гетеризмъ проходитъ нѣсколько промежуточныхъ стадій, выражающихся въ огра-

въ родовой, этотъ послѣдній—въ коммунизмъ семейной общины и, наконецъ, въ коммунизмъ индивидуальной семьи.

Поліандрія, левиратъ, нійога и пр., соотвѣтственно съ этимъ процессомъ, концентрируются также въ предѣлахъ указанныхъ группъ. Изъ групповыхъ-территоріальныхъ они дѣлаются родовыми, а затѣмъ семейными; наконецъ, прочное установленіе семьи въ современномъ смыслѣ этого слова даетъ возможность появиться снохачеству, и право болѣе сильнаго члена группы на жену болѣе слабаго сочлена дѣлается монополіей отца въ отношеніи къ малолѣтнимъ или хотя бы и взрослымъ, но во всякомъ случаѣ зависимымъ отъ отца и нравственно и экономически сыновьямъ.

Гипотеза существованія общечеловѣческой стадіи безпорядочнаго сожительства представляется поэтому еще болѣе вѣроятной. Не одна номенклатура родственныхъ отношеній у многихъ народностей, свидѣтельствующая, что первобытная группа дѣлилась на классы, основанные на естественномъ различіи по возрасту, но, какъ мы видѣли, множество переживаній болѣе или менѣе жизненныхъ въ обычаяхъ и обрядахъ у многочисленныхъ племенъ земного шара можетъ быть объяснена только предположеніемъ, что первичной стадіей развитія человѣчества было состояніе безпорядочнаго сожитія.

Правда, Вестермаркъ въ своемъ трудѣ «Исторія брака» равно и нѣкоторые другіе изслѣдователи смотрятъ на факты дозволенной безнравственности съ нѣсколько иной точки зрѣнія. Обычаи, которые привлекаются обыкновенно въ качествѣ доказательства существованія въ современности или въ прошломъ свободы отношеній между полами, или отсутствія ихъ регламентаціи, по мнѣнію этихъ ученыхъ являются главнымъ образомъ результатомъ порчи нравовъ, весьма часто къ тому же обусловленной вліяніемъ на дикарей европейцевъ. Тотъ или иной частный примѣръ безнравственныхъ, съ современной точки зрѣнія, половыхъ отношеній, быть можетъ, и оказывается возможнымъ объяснить этимъ путемъ. Но, даже за исключеніемъ сомнительныхъ фактовъ, въ распоряженіи изслѣдователя остается такое множество аналогичныхъ случаевъ, которые уже безусловно не могутъ быть объяснены съ точки зрѣнія порчи нравовъ и которые зарегистрированы наблюдателями быта дикарей въ эпоху, когда еще тлетворное вліяніе европейскихъ моряковъ, система спаиванья дикарей и пр. не успѣли сказаться. Наконецъ, что особенно важно, упадокъ нравственности, какъ бы великъ онъ ни былъ, не можетъ породить обрядъ, имѣющій юридическую силу. Если бы безпорядочное общеніе, которое встрѣчается въ настоящее время у многихъ народовъ, хотя бы во время

теста въ привыкшемъ къ свободѣ отношеній среди молодежи населенія.

Болѣе интересныя воспоминанія о гостепріимномъ гетеризмѣ сохранили наши сказки. Такъ, напримѣръ, въ одной сказкѣ, записанной въ Тамбовской губерніи, герой во время своей богатырской поѣздки пріѣзжаетъ къ дому, хозяйка котораго «баба - вдова» радушно принимаетъ и угощаетъ его; когда молодецъ-царскій сынъ хочетъ лечь спать, хозяйка говоритъ ему: «не честь молодцу, не хвала удальцу—ложиться одному! лягъ съ моею дочкою, прекрасною Дуняшею».

Гостепріимный гетеризмъ, какъ институтъ, появляется на низшихъ культурныхъ ступеняхъ, при отсутствіи прочныхъ брачныхъ узъ, при неопредѣленности представленій объ узахъ кровныхъ. Но, возникнувъ въ періодъ безпорядочнаго сожительства на почвѣ равнодушнаго отношенія къ дозволенному сожитію съ чужимъ, поддерживаемый взглядомъ на женщину какъ на собственность, этотъ институтъ долго еще продолжаетъ существовать именно отъ того, что взглядъ на женщину, какъ на объектъ собственности, переживаетъ многія стадіи развитія человѣческихъ обществъ.

Институтъ, извѣстный подъ названіемъ: *право первой ночи* (jus primae noctis), заключается въ томъ, что первую, слѣдующую за бракомъ, ночь, женщина принадлежитъ не мужу, а кому нибудь другому, часто главѣ племени. Источники этого обычая и причины его поддерживающія до позднихъ временъ, совершенно тѣ же, какъ и въ гостепріимномъ гетеризмѣ. Интереснѣе то обстоятельство, что жена здѣсь проституируется обыкновенно только разъ въ жизнь, именно въ первую брачную ночь.

Чтобы вполнѣ понять спорный обычай права первой ночи слѣдуетъ имѣть въ виду, что невѣста весьма часто прежде, чѣмъ перейти въ исключительное обладаніе мужа, становится на нѣкоторое время собственностью другихъ: такъ, напримѣръ, она иногда въ первую ночь принадлежитъ или родственникамъ мужа, или свадебнымъ гостямъ. Этотъ обычай существовалъ среди нѣкоторыхъ народностей древности, напримѣръ, на Балеарскихъ островахъ, у назамоновъ, авгиловъ; въ болѣе позднее время онъ встрѣчается среди туземцевъ о. Кубы, въ Перу, на Новой Зеландіи, въ Африкѣ у племенъ, живущихъ по р. Конго (Постъ). Слѣды его можно найти въ свадебныхъ обрядахъ южныхъ славянъ и русскихъ, равно и среди русскихъ инородцевъ. Въ этихъ обычаяхъ выражается, если такъ можно выразиться, съ одной стороны благо-

дарность мужа той группѣ лицъ, которая помогла ему пріобрѣсти жену, что совершалось обыкновенно похищеніемъ, а съ другой находитъ себѣ выраженіе права участниковъ въ добываніи женщины на добычу. Вполнѣ естественно, что съ развитіемъ правильно организованныхъ союзовъ, съ появленіемъ власти вождя, право пользоваться женщиной въ первую ночь послѣ брака ограничивается этимъ послѣднимъ въ силу его власти. То, что дѣлалось вождемъ благодаря его фактическому господству надъ членами, получаетъ юридическое признаніе съ развитіемъ его власти. Ни одинъ изъ подвѣдомственныхъ ему мужчинъ не имѣетъ права обладать своей женой, не предоставивши ее въ теченіе первой брачной ночи въ распоряженіе владыки. Jus primae noctis практикуется у нѣкоторыхъ кафрскихъ племенъ, у багелé (въ Адамауѣ), гдѣ оно принадлежитъ вождю въ отношеніи женъ членовъ подчиненныхъ ему родовъ. Право пользоваться молодой въ теченіе первой ночи среди нѣкоторыхъ народностей Америки предоставляется вождю или жрецу: напримѣръ, у карибовъ, ароваковъ и др.; оно отмѣчено и среди населенія острововъ Маріанскихъ и Андаманскихъ. Въ древности jus primae noctis упоминается Геродотомъ при описаніи обычаевъ Адирмахидовъ (Ливія). Марко Поло разсказываетъ о жителяхъ юго-восточной части полуострова Камбоджи, «что (у нихъ) во владѣніи короля Ціамбы ни одна молодая дѣвушка не можетъ быть отдана замужъ иначе, какъ послѣ предварительнаго лишенія ее невинности королемъ». Послѣ всего сказаннаго не покажется удивительнымъ, что jus primae noctis встрѣчается въ средніе вѣка въ феодальномъ правѣ, гдѣ право пользоваться молодой въ теченіе первой ночи принадлежало феодальному владѣльцу по отношеніи къ женамъ своихъ вассаловъ. Многочисленные факты, доказывающіе существованіе этого обычая въ средневѣковой Европѣ, собраны М. М. Ковалевскимъ въ его трудѣ «Первобытное право»; онъ же удачно критикуетъ и мнѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ, отрицавшихъ существованія права первой ночи въ западной Европѣ и доказываетъ, что западные феодалы не отличались въ этомъ отношеніи отъ вождей некультурныхъ народовъ.

Относительно Россіи не имѣется достаточно опредѣленныхъ свѣдѣній, чтобы говорить о существованіи у русскихъ въ древности права первой ночи. Ѳ. И. Буслаевъ видитъ указаніе на него въ одной раскольничьей лѣтописи, гдѣ подъ 964 г. находится слѣдующее извѣстіе: «Тогда же отрѣши Ольга *княжее* и уложила брать отъ жениха по черной кунѣ какъ князю, такъ и боярину отъ его подданныхъ». Буслаевъ полагаетъ, что здѣсь идетъ рѣчь о за-

мѣнѣ «княжаго», т. е. права первой ночи уплатой денегъ — процессъ, которому подверглось и jus primae noctis на западѣ. Но это указаніе слишкомъ кратко и неясно, чтобы выставлять его какъ неоспоримое доказательство существованія у русскихъ этого обычая; оно можетъ быть толкуемо и какъ такъ называемый maritagium, извѣстное на западѣ въ средніе вѣка, т. е. право владѣльца взимать деньги за женитьбу своего васалла. Болѣе убѣдительнымъ доказательствомъ кажется сообщеніе П. В. Шейна, что «иногда помѣщикъ и его управляющій пользовались и правомъ первой ночи, избѣгнуть котораго можно было только посредствомъ выкупа». Это свидѣтельство, конечно, не даетъ еще права видѣть непремѣнно существованіе пережитка права первой ночи; оно можетъ быть объяснено скорѣе простымъ злоупотребленіемъ помѣщичьей властью. До накопленія новыхъ свѣдѣній вопросъ о существованіи juris primae noctis въ Россіи остается открытымъ.

Резюмируемъ все вышесказанное. Религіозный гетеризмъ, поліандрія, левиратъ, нійога, даже снохачество и гостепріимный гетеризмъ объяснялись какъ извѣстные пріемы, направленные къ ограниченію безпорядочнаго сожительства, какъ извѣстные этапы, по которымъ двигалась эволюція семьи. Поэтому говорить о нихъ пришлось въ началѣ чтеній. Надо было доказать, что эти обычаи не могутъ считаться за звенья, соединяющія безпорядочное сожительство съ индивидуальной семьей, что все ихъ значеніе сводится лишь къ доказательству существованія нѣкогда стадіи безпорядочнаго сожительства — не болѣе. Нѣкоторые изъ нихъ коренятся еще въ первобытномъ состояніи человѣчества. Религіозный гетеризмъ—въ празднествахъ дикарей, поліандрія—въ имущественномъ коммунизмѣ членовъ группы, заставляющемъ смотрѣть ихъ на совмѣстное пользованіе женщиной, какъ на пользованіе другими объектами собственности; левиратъ и нійога—въ томъ же взглядѣ на женщину, какъ на собственность. Это же воззрѣніе лежитъ въ основаніи снохачества, права первой ночи и гостепріимнаго гетеризма.

Доживаютъ всѣ эти обычаи до позднихъ ступеней культуры. Какъ религіозный гетеризмъ, утратившій жизненный характеръ, находитъ освященіе въ религіи и пріютъ въ храмахъ, такъ и остальные изъ упомянутыхъ обычаевъ, съ постепеннымъ упадкомъ коммунистическихъ началъ большихъ группъ, постепенно сосредоточиваются въ предѣлахъ меньшихъ хозяйственныхъ единицъ, на которыя дѣлится человѣчество. Коммунизмъ территоріальной единицы переходитъ по мѣрѣ измѣненія формъ хозяйственныхъ аггрегацій—

наго развитія открывается стадіей гетеризма, промискуитета или коммунальнаго, общиннаго брака, этотъ вопросъ рѣшался очень легко. Изслѣдователи предполагали, что всѣ женщины при такомъ порядкѣ вещей считались состоящими въ супружескихъ отношеніяхъ со всѣми мужчинами группы. Отецъ, такимъ образомъ, оставался неизвѣстнымъ и не могъ быть опредѣленъ. Вслѣдствіе неизвѣстности отца, ребенокъ, естественно, долженъ былъ причисляться къ группѣ, въ составъ которой входила его мать; а это порождало счетъ родства по женской линіи. Даже долго послѣ того, какъ Спенсеръ въ своей критикѣ теоріи коммунальнаго брака доказалъ, что индивидуальные союзы существовали и при безпорядочномъ сожительствѣ, прежнее мнѣніе не поколебалось. Въ распоряженіи Спенсера было слишкомъ мало фактовъ, чтобы представить съ полной ясностью состояніе человѣчества въ эпоху безпорядочнаго сожительства. Предполагалось, что хотя ограниченія, налагаемыя эгоистическимъ инстинктомъ мужчины, его желаніемъ сохранить свою жену для себя отъ посягательствъ членовъ группы, и существовали, тѣмъ не менѣе, при частыхъ переходахъ жены изъ рукъ въ руки, при неустойчивости союзовъ, опредѣленіе отцовства было по крайней мѣрѣ затруднительно, а иногда и прямо невозможно. Узы между матерью и ребенкомъ, наглядно выражаемыя актомъ дѣторожденія, были болѣе понятны дикарю, и результатомъ этихъ двухъ условій явилось естественное направленіе первоначальнаго счета родства по матери.

Въ настоящее время вопросъ о возникновеніи счета родства, при накопленіи новыхъ этнографическихъ данныхъ, представляется значительно болѣе сложнымъ. Дѣйствительно, наглядность узъ, связывающихъ ребенка съ матерью, бросается прежде всего въ глаза дикарю, и въ послѣдующемъ изложеніи предстоитъ еще коснуться этого вопроса. Но, какъ видно на примѣрѣ австралійцевъ, минкопи, огнеземельцевъ, охотничьихъ народностей Калифорніи, дикарей центральной Бразиліи и др., гипотеза, будто родство по женской линіи возникаетъ вслѣдствіе неизвѣстности отца или вслѣдствіе затрудненія опредѣлить его, рѣшительно не можетъ быть принята. Если бы даже предположить, что названными народностями исчерпывается списокъ низшихъ племенъ, среди которыхъ при стадіи, близкой къ безпорядочному сожительству, существуетъ знаніе отца (юридическаго, т. е. того мужчины, который владѣлъ извѣстной женщиной во время появленія на свѣтъ ребенка), этого было бы достаточно, чтобы отвергнуть предположеніе, будто человѣчество незнаніемъ отца было при-

сборищъ, игрищъ и т. д., включая сюда и наши посидѣлки, вечерницы и проч., были лишь результатомъ упадка нѣкогда стоявшей высоко нравственности, они не могли бы породить права пользоваться дѣвушкой, права, отстаиваемаго общимъ міросозерцаніемъ населенія. Если бы только упадокъ нравственности привелъ къ проституированью жены, изъ него не могло бы развиться освященнаго иногда религіей института—нійоги, имѣющаго юридическія послѣдствія.

Наконецъ, если бы распаденіе прежде крѣпкихъ нравственныхъ устоевъ привело бы къ пользованію молодой или невѣстой предварительно со стороны спутниковъ жениха, это проявленіе безнравственности не могло бы перейти въ юридическій обычай, безъ символическаго исполненія котораго бракъ иногда не можетъ быть заключенъ. Упомянуть о подобномъ взглядѣ на приведенные обычаи и обряды пришлось не потому, что онъ подрываетъ довѣріе къ объясненію ихъ большинствомъ изслѣдователей, а лишь въ виду того, что подобный пріемъ легкаго освобожденія себя отъ балласта, не идущаго на встрѣчу апріорно-доказываемому положенію, является весьма соблазнительнымъ—какъ видно на примѣрѣ даже такого серьезнаго ученаго, какъ Вестермаркъ.

IV. Возникновеніе представленій о родствѣ. Экзогамія и эндогамія.

Въ предыдущемъ изложеніи приходилось упоминать о такихъ формахъ общежитія, которыя появились только на болѣе высокихъ ступеняхъ цивилизаціи: о родѣ, семьѣ и пр. Теперь предстоитъ разсмотрѣть, какъ появились эти нормы общежитія, какимъ законамъ подчинялось общественное развитіе человѣчества. Признавая вполнѣ доказательной гипотезу всечеловѣческой стадіи безпорядочнаго сожитія, ее—и это, повторяемъ, настоятельно слѣдуетъ имѣть въ виду — нельзя представлять въ формѣ господства промискуитета, коммунальнаго брака. Едва ли когда нибудь былъ періодъ, чтобы всѣ женщины извѣстной группы были одновременно и женами всѣхъ мужчинъ этой же группы. Этнографическія данныя указываютъ, что на низшей, доступной изученію стадіи развитія безпорядочное сожительство выражается лишь въ нерегулированности и шаткости отношеній между полами. Даже въ системѣ пуналуа, когда группа товарищей имѣетъ общихъ женъ, индивидуальное обладаніе женой со стороны каждаго отдѣльнаго члена подобной группы не нарушается. Будучи «женами» всѣхъ товарищей-пуналуа, каждая изъ такихъ женщинъ оказывается работницей только на одного изъ мужчинъ группы пуналуа, именно того, кто ее пріобрѣлъ тѣмъ или инымъ путемъ. При всей неустойчивости союзовъ рядъ обстоятельствъ вынуждаетъ мужчинъ дѣлать свои союзы съ опредѣленной женщиной продолжительными— прежде всего, конечно, недостатокъ въ женщинахъ и трудность или дороговизна ихъ добыванія. Мужчина, какъ членъ группы, можетъ быть допущенъ къ сожитію съ женой своего собрата; но онъ нуждается въ женщинѣ не только для удовлетворенія своихъ половыхъ инстинктовъ, но главнымъ образомъ, для хозяйственныхъ цѣлей. Помимо чисто утилитарныхъ соображеній слѣдуетъ, кромѣ того, предположить въ дикарѣ и другія: сила привычки, чувство любви, выражаю-

ведено къ счету родства по матери, къ такъ называемому утробному счету родства.

Но если бы даже допустить это, получился бы только отвѣтъ на одинъ вопросъ: почему утробное (когнатическое, женское) родство предшествовало въ общечеловѣческой эволюціи родству мужскому (агнатическому). Вопросъ же, что̀ привело человѣчество къ мысли начать вообще высчитывать родство, обратить вниманіе на кровныя узы, остался бы неразрѣшеннымъ. Нѣтъ также возможности въ экономическихъ интересахъ мужчинъ въ первобытной группѣ искать причину возникновенія счета родства. Въ самомъ дѣлѣ, для чего требуется высчитыванье кровныхъ узъ дикарю, живущему въ стадіи безпорядочнаго сожитія. Дикарь знаетъ свое участіе въ актѣ дѣторожденія, но ему нѣтъ нужды подчеркивать кровную связь свою съ своимъ ребенкомъ. Дѣти, произведенныя на свѣтъ принадлежащей ему на правахъ собственности женщиной, естественно будутъ принадлежать ему, независимо отъ того, кто былъ ихъ производителемъ. Онъ пользуется неограниченной деспотической властью надъ нимъ въ силу своего физическаго превосходства и въ силу права собственности на жену и на приплодъ отъ нея. Эта неограниченная власть отца (собственника данной женщины), которая встрѣчается еще у самыхъ низшихъ племенъ, подала поводъ Старке ошибочно утверждать, что уже на примитивной стадіи развитія встрѣчается зародышъ семьи, основанной на счетѣ родства по отцу (такъ называемой агнатической семьи). Но о счетѣ родства по отцу (агнатическомъ родствѣ) тоже еще не можетъ быть рѣчи, такъ какъ нѣтъ еще понятія вообще о кровныхъ узахъ. Въ этихъ индивидуальныхъ союзахъ, основанныхъ на экономическомъ принципѣ, однако есть уже *патріархатъ* т. е. власть отца. Это особенно подчеркиваетъ Гроссе, который въ то же время настоятельно отмѣчаетъ, что патріархатъ (власть отца) слѣдуетъ отличать отъ счета родства по отцовской линіи. Но, если бы отцы дѣйствительно желали подчеркнуть свои права на дѣтей указаніемъ кровныхъ узъ, счетъ родства долженъ былъ бы начаться по мужской линіи; между тѣмъ, почти всѣ народности начали свой счетъ по линіи женской. Не имѣя личныхъ отдѣльныхъ отъ своего обладателя экономическихъ интересовъ, безправная женщина не могла выдвинуть эти послѣднія для начала счета родства.

На вопросъ, что̀ впервые заставило дикаря обратить вниманіе на кровныя узы, связующія родителей и ребенка, при современномъ состояніи этнографическихъ свѣдѣній, можетъ быть, повидимому, только одинъ отвѣтъ: толчекъ этотъ былъ данъ нѣкоторыми ре-

наго развитія открывается стадіей гетеризма, промискуитета или коммунальнаго, общиннаго брака, этотъ вопросъ рѣшался очень легко. Изслѣдователи предполагали, что всѣ женщины при такомъ порядкѣ вещей считались состоящими въ супружескихъ отношеніяхъ со всѣми мужчинами группы. Отецъ, такимъ образомъ, оставался неизвѣстнымъ и не могъ быть опредѣленъ. Вслѣдствіе неизвѣстности отца, ребенокъ, естественно, долженъ былъ причисляться къ группѣ, въ составъ которой входила его мать; а это порождало счетъ родства по женской линіи. Даже долго послѣ того, какъ Спенсеръ въ своей критикѣ теоріи коммунальнаго брака доказалъ, что индивидуальные союзы существовали и при безпорядочномъ сожительствѣ, прежнее мнѣніе не поколебалось. Въ распоряженіи Спенсера было слишкомъ мало фактовъ, чтобы представить съ полной ясностью состояніе человѣчества въ эпоху безпорядочнаго сожительства. Предполагалось, что хотя ограниченія, налагаемыя эгоистическимъ инстинктомъ мужчины, его желаніемъ сохранить свою жену для себя отъ посягательствъ членовъ группы, и существовали, тѣмъ не менѣе, при частыхъ переходахъ жены изъ рукъ въ руки, при неустойчивости союзовъ, опредѣленіе отцовства было по крайней мѣрѣ затруднительно, а иногда и прямо невозможно. Узы между матерью и ребенкомъ, наглядно выражаемыя актомъ дѣторожденія, были болѣе понятны дикарю, и результатомъ этихъ двухъ условій явилось естественное направленіе первоначальнаго счета родства по матери.

Въ настоящее время вопросъ о возникновеніи счета родства, при накопленіи новыхъ этнографическихъ данныхъ, представляется значительно болѣе сложнымъ. Дѣйствительно, наглядность узъ, связывающихъ ребенка съ матерью, бросается прежде всего въ глаза дикарю, и въ послѣдующемъ изложеніи предстоитъ еще коснуться этого вопроса. Но, какъ видно на примѣрѣ австралійцевъ, минкопи, отвеземельцевъ, охотничьихъ народностей Калифорніи, дикарей центральной Бразиліи и др., гипотеза, будто родство по женской линіи возникаетъ вслѣдствіе неизвѣстности отца или вслѣдствіе затрудненія опредѣлить его, рѣшительно не можетъ быть принята. Если бы даже предположить, что названными народностями исчерпывается списокъ низшихъ племенъ, среди которыхъ при стадіи, близкой къ безпорядочному сожительству, существуетъ знаніе отца (юридическаго, т. е. того мужчины, который владѣлъ извѣстной женщиной во время появленія на свѣтъ ребенка), этого было бы достаточно, чтобы отвергнуть предположеніе, будто человѣчество незнаніемъ отца было при-

ныя группы перейти отъ объединенія на основаніи исключительно территоріальнаго принципа и вытекающаго изъ него начала экономическаго къ вычисленію счета родства по крови, наибольшее значеніе имѣетъ тотемизмъ. Онъ является, такимъ образомъ, виднымъ факторомъ не только религіозной, но и соціальной жизни человѣчества.

Тотемизмъ—надо замѣтить, что большинство авторовъ, говоря о немъ, имѣютъ въ виду одну форму его, которую можно назвать: групповой тотемизмъ—въ главныхъ своихъ чертахъ сводится къ слѣдующему. Группа лицъ, объединенная почитаніемъ извѣстнаго тотема, будетъ ли послѣдній животное, растеніе, или неодушевленный предметъ, считаетъ своимъ покровителемъ всѣхъ представителей даннаго вида животнаго, растенія и проч. и вѣритъ, что съ каждымъ изъ представителей этого вида каждый членъ группы находится въ опредѣленной и самой тѣсной связи. Поэтому, если тотемъ—животное или растеніе, дикарь не можетъ причинять ему вреда: онъ не можетъ употреблять въ пищу свое тотемическое животное, питаться плодами тотемическаго растенія, срывать его и даже иногда не имѣетъ права садиться подъ его тѣнью. Далѣе, типичной чертой, отличающей тотемическія группы, въ какой бы части свѣта онѣ ни были отмѣчены изслѣдователями, оказывается запрещеніе членамъ тотемическихъ группъ вступать другъ съ другомъ въ бракъ. Наконецъ, характернымъ для группового тотемизма является искреннее убѣжденіе дикаря, что всѣ члены тотемическаго союза и весь видъ почитаемыхъ за тотемовъ животныхъ, растеній и проч., оказываются родственниками, принадлежащими «къ одной и той же плоти», что они, люди и тотемы, имѣютъ общаго родоначальника—обыкновенно тотема, т. е. то существо (животное и растеніе), отъ котораго произошли будто бы какъ весь видъ данныхъ животныхъ, такъ и поколѣніе членовъ даннаго тотемическаго союза. Убѣжденіе дикарей въ происхожденіи ихъ отъ животныхъ, столь дикое для мысли культурнаго человѣка, оказывается до чрезвычайности распространеннымъ. У многихъ такъ называемыхъ дикихъ народовъ подобные миѳы о происхожденіи являются еще вполнѣ жизненными; у многихъ болѣе цивилизованныхъ расъ они встрѣчаются лишь въ качествѣ фактовъ переживанія, заслоненныя вѣками культуры и прикрытыя болѣе возвышенными религіозными концепціями.

Многочисленные примѣры такихъ преданій о происхожденіи отъ звѣрей можно было бы привести изъ всѣхъ частей свѣта; они записаны и среди нашихъ инородцевъ—монголовъ, тюрковъ и финновъ. Они еще

очень жизненны у многихъ народностей Индіи, гдѣ, однако, замѣчается уже тенденція замѣнить родоначальника - животное предкомъ-человѣкомъ, иногда святымъ. Наконецъ, доказательствомъ, что и высококультурныя расы въ эволюціи своихъ вѣрованій не миновали тотемизма, служатъ многочисленные остатки этого порядка вещей у древнихъ египтянъ, древнихъ грековъ, римлянъ, иранцевъ и германцевъ. Въ національныхъ или локальныхъ преданіяхъ этихъ народовъ сохранились или миѳы, прямо или косвенно производящіе членовъ данной группы или національности отъ животныхъ или деревьевъ, или по крайней мѣрѣ обряды, не оставляющіе сомнѣнія въ своемъ происхожденіи изъ тотемическихъ воззрѣній. Всѣ эти факты вмѣстѣ взятые заставляютъ видѣть въ тотемизмѣ явленіе всечеловѣческое, возникающее и развивающееся на почвѣ первобытнаго міросозерцанія.

Тотемизмъ групповой, являясь внѣшнимъ выраженіемъ религіозныхъ и этическихъ взглядовъ дикаря, опредѣленныхъ его міросозерцаніемъ, глубоко проникаетъ весь строй религіозный и правовой первобытныхъ людей. Здѣсь не мѣсто подробно останавливаться на примѣрахъ, доказывающихъ вліяніе тотемическихъ воззрѣній на жизнь дикарей. Достаточно будетъ упомянуть, что, начиная съ внѣшнихъ украшеній, одежды, прическъ, и т. п., въ которыхъ проявляется желаніе дикаря походить на своего тотема, и кончая священными и обрядовыми плясками, въ которыхъ мимически представляютъ тотемическое животное, и ордаліями, въ которыхъ правымъ судьей является тотемъ и т. п.—ясно сказывается вліяніе тотемическихъ представленій на различныя стороны жизни дикаря.

Но, хотя групповой тотемизмъ и распространенъ у многихъ народностей, онъ тѣмъ не менѣе слишкомъ сложенъ, чтобы его можно было признать первоначальнымъ въ общей эволюціи тотемизма. Совершенно естественно предположить, что признанію группового тотема предшествовало почитаніе тотема индивидуальнаго, личнаго, изъ котораго уже путемъ эволюціи возникъ тотемъ групповый. Данныя этнографіи подтверждаютъ это апріорное предположеніе.

На ряду съ вѣрованіемъ въ группового тотема, у различныхъ народностей отмѣчено изслѣдователями и вѣра въ тотема индивидуальнаго. Личный тотемъ даннаго лица считается его личнымъ покровителемъ; причинять ему какой либо вредъ (напримѣръ, употреблять въ пищу тотемическое животное) не дозволено покровительствуемому лицу. Индивидуальный тотемъ не передается обыкновенно по наслѣдству, но отыскивается каждымъ отдѣльнымъ лицомъ или, скорѣе, свыше открывается ему различными таинственными путями, послѣ чего данный

субъектъ отдается на всю жизнь подъ его покровительство. Въ отличіе отъ фетишизма, таинственная связь заключается субъектомъ не съ однимъ, опредѣленнымъ животнымъ, растеніемъ, предметомъ, а со всѣми животными, растеніями, предметами даннаго вида. Особенно важно, что отдача себя подъ покровительство тотема не составляетъ привилегіи мужчинъ, что и женщины имѣютъ своихъ индивидуальныхъ тотемовъ.

Тотемическія воззрѣнія, основанныя на вѣрованіи въ существованіе духа-покровителя даннаго лица, приводятъ сначала къ представленію объ индивидуальномъ тотемѣ, затѣмъ, развиваясь въ опредѣленную религіозную систему, они заставляютъ группу лицъ, оберегающихъ и почитающихъ одно и то же тотемическое животное, растеніе или неодушевленный предметъ, считать себя близкими родственниками. Далѣе, группа, объединенная поклоненіемъ одному тотему, необходимо должна была очутиться передъ вопросомъ, почему она почитаетъ одного духа покровителя, а сосѣдняя группа чтитъ другой видъ животныхъ, растеній и т. д. въ качествѣ тотема. Очевидно, что таковъ былъ результатъ перехода отъ личнаго тотема къ групповому. Подобный вопросъ долженъ былъ возникнуть въ умѣ дикаря, подобно множеству аналогичныхъ вопросовъ, какъ напримѣръ, почему одна группа пляшетъ эту, а другая иную обрядовую пляску, почему у одной группы прическа, татуировка или обычаи отличаются отъ прически, татуировки и обычаевъ другой. Отвѣтъ на этотъ вопросъ дикарь получаетъ, создавая миѳъ, носящій, какъ и большинство миѳовъ дикарей, изъяснительный характеръ. Онъ объясняетъ культъ извѣстнаго животнаго, которое ему запрещено ѣсть, вида дерева, которое ему запрещено рубить и пр. преданіемъ, что его племя и почитаемый членами его племени видъ животнаго, растенія и проч. между собою родственники, что они произошли отъ общаго родоначальника. Вслѣдствіе широко распространеннаго анимизма у дикарей, способности къ персонификаціи, сознанія своей близости ко всѣмъ предметамъ и явленіямъ окружающей его природы, дикарь не видитъ ничего ирраціональнаго въ такомъ миѳѣ. Онъ вѣритъ въ превращеніе людей въ животныхъ, горы, растенія и обратно, допускаетъ вполнѣ существованіе способности къ превращенію въ людей у всѣхъ животныхъ, камней, растеній и т. д. Превращенія—это лишь результатъ искусства, которому можно научиться, и которое усвоено, по ихъ мнѣнію, ихъ колдунами-шаманами. Далѣе, дикарь искренне вѣритъ, что человѣкъ можетъ произвести на свѣтъ животное и обратно: животное можетъ родить человѣка. По убѣжденію однихъ народовъ, женщина, одновре-

очень жизненны у многихъ народностей Индіи, гдѣ, однако, замѣчается уже тенденція замѣнить родоначальника - животное предкомъ-человѣкомъ, иногда святымъ. Наконецъ, доказательствомъ, что и высококультурныя расы въ эволюціи своихъ вѣрованій не миновали тотемизма, служатъ многочисленные остатки этого порядка вещей у древнихъ египтянъ, древнихъ грековъ, римлянъ, иранцевъ и германцевъ. Въ національныхъ или локальныхъ преданіяхъ этихъ народовъ сохранились или миѳы, прямо или косвенно производящіе членовъ данной группы или національности отъ животныхъ или деревьевъ, или по крайней мѣрѣ обряды, не оставляющіе сомнѣнія въ своемъ происхожденіи изъ тотемическихъ воззрѣній. Всѣ эти факты вмѣстѣ взятые заставляютъ видѣть въ тотемизмѣ явленіе всечеловѣческое, возникающее и развивающееся на почвѣ первобытнаго міросозерцанія.

Тотемизмъ групповой, являясь внѣшнимъ выраженіемъ религіозныхъ и этическихъ взглядовъ дикаря, опредѣленныхъ его міросозерцаніемъ, глубоко проникаетъ весь строй религіозный и правовой первобытныхъ людей. Здѣсь не мѣсто подробно останавливаться на примѣрахъ, доказывающихъ вліяніе тотемическихъ воззрѣній на жизнь дикарей. Достаточно будетъ упомянуть, что, начиная съ внѣшнихъ украшеній, одежды, прическъ, и т. п., въ которыхъ проявляется желаніе дикаря походить на своего тотема, и кончая священными и обрядовыми плясками, въ которыхъ мимически представляютъ тотемическое животное, и ордаліями, въ которыхъ правымъ судьей является тотемъ и т. п.—ясно сказывается вліяніе тотемическихъ представленій на различныя стороны жизни дикаря.

Но, хотя групповой тотемизмъ и распространенъ у многихъ народностей, онъ тѣмъ не менѣе слишкомъ сложенъ, чтобы его можно было признать первоначальнымъ въ общей эволюціи тотемизма. Совершенно естественно предположить, что признанію группового тотема предшествовало почитаніе тотема индивидуальнаго, личнаго, изъ котораго уже путемъ эволюціи возникъ тотемъ групповый. Данныя этнографіи подтверждаютъ это апріорное предположеніе.

На ряду съ вѣрованіемъ въ группового тотема, у различныхъ народностей отмѣчено изслѣдователями и вѣра въ тотема индивидуальнаго. Личный тотемъ даннаго лица считается его личнымъ покровителемъ; причинять ему какой либо вредъ (напримѣръ, употреблять въ пищу тотемическое животное) не дозволено покровительствуемому лицу. Индивидуальный тотемъ не передается обыкновенно по наслѣдству, но отыскивается каждымъ отдѣльнымъ лицомъ или, скорѣе, свыше открывается ему различными таинственными путями, послѣ чего данный

ваніе шло также по линіи материнской. Куновъ, первый установившій фактъ, что на низшей ступени развитія, при безпорядочномъ сожительствѣ, отецъ всегда извѣстенъ, склоненъ объяснять появленіе счета родства по материнской линіи изъ института пирауру, согласно которому группа мужчинъ пользуется совмѣстно женами другъ друга. Этотъ видъ поліандріи приводитъ, по мнѣнію Кунова, къ тому, что внутри такой группы пирауру (пуналуа) фактическій отецъ неизвѣстенъ, а слѣдовательно счетъ родства можетъ вестись только по женской линіи. Куновъ дѣлаетъ тутъ странную ошибку: онъ признаетъ, что знаніе юридическаго отца на низшей культурной ступени, обрисованной имъ среди австралійцевъ, достаточно для фактическаго господства отца надъ дѣтьми—и не признаетъ этого же достаточнымъ въ институтѣ пирауру, при которомъ юридическій обладатель женщины даже легче поддается опредѣленію, такъ какъ сама группа пирауру значительно меньше группы территоріальной. Послѣдователи экономической теоріи развитія семьи объясняютъ появленіе счета родства по женской линіи многоженствомъ. Мужчина, по ихъ мнѣнію, обладающій нѣсколькими женами, начинаетъ считать своихъ дѣтей, опредѣляя ихъ по женѣ, отъ которой они происходятъ. Такъ какъ дѣти каждой изъ женъ составляютъ въ свою очередь обособленную группу, то, естественно, по словамъ представителей указаннаго направленія, что дѣти и ихъ потомки переходятъ къ счету родства по материнской линіи. Для того, чтобы такое опредѣленіе родственныхъ узъ могло удержаться, требуются, однако, прежде всего благопріятныя условія, а именно, чтобы разныя жены одного и того же мужчины жили въ разныхъ помѣщеніяхъ. Такой порядокъ вещей, дѣйствительно, встрѣчается среди нѣкоторыхъ народностей, напримѣръ, у кафровъ, гдѣ мужъ по очереди навѣщаетъ своихъ женъ, живущихъ въ разныхъ хижинахъ и ведущихъ каждая съ своимъ потомствомъ особое хозяйство. Это объясненіе происхожденія счета родства по женской линіи неудачно уже оттого, что обособленность въ хозяйственномъ отношеніи женъ встрѣчается лишь какъ исключеніе: она извѣстна большею частью лишь при сравнительно развитомъ бытѣ, когда матеріальный достатокъ позволяетъ покупать и содержать нѣсколько женъ. Между тѣмъ со счетомъ родства по женской линіи изслѣдователи встрѣчаются и среди народностей, не могущихъ практиковать по бѣдности полигамію и живущихъ въ моногамныхъ союзахъ. Кромѣ того, если даже допустить, что полигамія и хозяйственная раздѣльность женъ оказываются *общими* явленіями, все же остается непонятнымъ, какъ при этихъ условіяхъ можетъ *появиться* счетъ

родства по женской линіи при разростаніи потомства, т. е. какъ могъ появиться материнскій родъ? Женщина при указанныхъ условіяхъ быта, хотя и ведетъ хозяйство, не является его собственницею, а лишь временной распорядительницею извѣстной части общаго хозяйственнаго имущества мужа; послѣ смерти матери наслѣдство переходитъ къ сыновьямъ, а дочери, которыя собственно и являются продолжательницами рода, обыкновенно продаются въ чужой родъ и не участвуютъ въ наслѣдованіи. Слѣдовательно, экономическія связи, общность хозяйственныхъ интересовъ прекращаются для дочери по выходѣ замужъ. Если она тѣмъ не менѣе продолжаетъ носить родовое имя матери и потомъ передаетъ его своимъ дѣтямъ, а тѣ по выходѣ замужъ ея внукамъ и т. д., то, очевидно, происходитъ это не на основаніи экономической связи, которая давно уже порвана, а изъ другихъ причинъ. Значеніе хозяйственной группы въ указанныхъ случаяхъ ограничивается лишь поддержаніемъ счета родства по женской линіи, какъ института уже возникшаго значительно раньше, такъ что хозяйственный элементъ не можетъ быть признанъ источникомъ материнства, а лишь поддерживающимъ его факторомъ.

Наконецъ, нѣкоторые авторы приписываютъ возникновеніе счета родства по женской линіи развитію земледѣлія. Хозяйственная группа, говорятъ они, если она занимается скотоводствомъ, не нуждается въ той же мѣрѣ въ рабочихъ рукахъ, какъ въ случаяхъ, когда она занимается земледѣліемъ. Скотоводъ предпочитаетъ продать свою дочь желающему за извѣстное количество головъ скота и этимъ увеличить свое благосостояніе. Другое дѣло земледѣлецъ. Воздѣлыванье земли требуетъ особаго напряженія силъ группы, въ особенности вслѣдствіе несовершенства орудій обработки; земледѣлецъ дорожитъ своей дочерью, какъ рабочей силой, неохотно отпускаетъ ее отъ себя и предпочитаетъ взять жениха, а впослѣдствіи мужа своей дочери къ себѣ въ домъ, чтобы увеличить число рабочихъ рукъ. Мужъ, вошедшій въ чужую группу, теряетъ свою самостоятельность, утрачиваетъ право на дѣтей. Такъ какъ фактически главная роль выпадаетъ не ему, а его женѣ, появляется счетъ родства по женской линіи. Къ вопросу о роли земледѣльческаго хозяйства въ дѣлѣ поддержанія материнитета придется еще возвратиться въ дальнѣйшемъ изложеніи; ограничимся пока замѣчаніемъ, что, если бы дѣйствительно земледѣліе вызывало на свѣтъ институтъ материнства, то какъ объяснить, что оно встрѣчается не у однихъ земледѣльцевъ, но также у скотоводовъ, у охотниковъ и рыболововъ, начиная съ низшей экономической ступени развитія человѣческихъ группъ.

ваніе шло также по линіи материнской. Куновъ, первый установившій фактъ, что на низшей ступени развитія, при безпорядочномъ сожительствѣ, отецъ всегда извѣстенъ, склоненъ объяснять появленіе счета родства по материнской линіи изъ института пирауру, согласно которому группа мужчинъ пользуется совмѣстно женами другъ друга. Этотъ видъ поліандріи приводитъ, по мнѣнію Кунова, къ тому, что внутри такой группы пирауру (пуналуа) фактическій отецъ неизвѣстенъ, а слѣдовательно счетъ родства можетъ вестись только по женской линіи. Куновъ дѣлаетъ тутъ странную ошибку: онъ признаетъ, что знаніе юридическаго отца на низшей культурной ступени, обрисованной имъ среди австралійцевъ, достаточно для фактическаго господства отца надъ дѣтьми—и не признаетъ этого же достаточнымъ въ институтѣ пирауру, при которомъ юридическій обладатель женщины даже легче поддается опредѣленію, такъ какъ сама группа пирауру значительно меньше группы территоріальной. Послѣдователи экономической теоріи развитія семьи объясняютъ появленіе счета родства по женской линіи многоженствомъ. Мужчина, по ихъ мнѣнію, обладающій нѣсколькими женами, начинаетъ считать своихъ дѣтей, опредѣляя ихъ по женѣ, отъ которой они происходятъ. Такъ какъ дѣти каждой изъ женъ составляютъ въ свою очередь обособленную группу, то, естественно, по словамъ представителей указаннаго направленія, что дѣти и ихъ потомки переходятъ къ счету родства по материнской линіи. Для того, чтобы такое опредѣленіе родственныхъ узъ могло удержаться, требуются, однако, прежде всего благопріятныя условія, а именно, чтобы разныя жены одного и того же мужчины жили въ разныхъ помѣщеніяхъ. Такой порядокъ вещей, дѣйствительно, встрѣчается среди нѣкоторыхъ народностей, напримѣръ, у кафровъ, гдѣ мужъ по очереди навѣщаетъ своихъ женъ, живущихъ въ разныхъ хижинахъ и ведущихъ каждая съ своимъ потомствомъ особое хозяйство. Это объясненіе происхожденія счета родства по женской линіи неудачно уже оттого, что обособленность въ хозяйственномъ отношеніи женъ встрѣчается лишь какъ исключеніе: она извѣстна большею частью лишь при сравнительно развитомъ бытѣ, когда матеріальный достатокъ позволяетъ покупать и содержать нѣсколько женъ. Между тѣмъ со счетомъ родства по женской линіи изслѣдователи встрѣчаются и среди народностей, не могущихъ практиковать по бѣдности полигамію и живущихъ въ моногамныхъ союзахъ. Кромѣ того, если даже допустить, что полигамія и хозяйственная раздѣльность женъ оказываются *общими* явленіями, все же остается непонятнымъ, какъ при этихъ условіяхъ можетъ *появиться* счетъ

тѣсно связанъ съ своею матерью. Этому содѣйствуетъ, конечно, прежде всего то, что связь ребенка съ матерью, какъ указывали многочисленные изслѣдователи, благодаря акту дѣторожденія нагляднѣе, чѣмъ связь съ отцомъ.

Кромѣ того, несомнѣнно, что при частомъ въ эпоху господства безпорядочнаго сожительства расторженіи индивидуальныхъ союзовъ, отдачи жены сочленамъ и проч., дѣти слѣдуютъ во время ихъ малолѣтства за матерью къ ея новому обладателю. Этимъ прерывается связь съ отцомъ и, наоборотъ, закрѣпляется связь съ матерью. Но одно это едва ли могло привести къ счету родства по женской линіи и къ переходу индивидуальнаго тотема въ групповой. Для этого послѣдняго необходимо существованіе чрезвычайно тѣсныхъ и длительныхъ узъ между ребенкомъ и матерью. Такая связь въ дѣйствительности и существуетъ. Прежде всего періодъ кормленія продолжается у нецивилизованныхъ расъ обыкновенно значительно дольше, чѣмъ у племенъ культурныхъ; иногда онъ растягивается на значительное количество лѣтъ (отъ 2-хъ до 5-ти). Далѣе, при кочевомъ-бродячемъ строѣ жизни ребенокъ естественно долженъ всюду слѣдовать за своею матерью, на обязанности которой лежитъ у низшихъ расъ забота о пріисканіи растительной пищи для мужского населенія. Переходы дикарей въ поискахъ за добычей крайне утомительны и непосильны ребенку. Послѣдняго носитъ мать, обыкновенно обильно нагруженная еще результатами своихъ поисковъ за съѣдобными корнями и плодами и домашнимъ скарбомъ, въ то время какъ мужчины, не обременяющіе себя тяжелой ношей, идутъ только вооруженные своими охотничьими снарядами. Негритосское населеніе Филиппинскихъ острововъ, причисляемое всѣми изслѣдователями къ числу наименѣе развитыхъ расъ, стоящихъ весьма близко къ стадіи безпорядочнаго сожитія, представляетъ наглядный примѣръ этого порядка вещей. При перекочевкахъ мать обыкновенно привязываетъ ребенка къ себѣ къ верхней части ноги или носитъ его на плечахъ, когда ребенокъ въ состояніи держаться самъ. Подобные примѣры можно привести изъ быта и другихъ дикарей. Но кромѣ этой, установленной условіями первобытной хозяйственной жизни, связи между матерью и ребенкомъ, существуетъ между ними и связь нравственная. Сколько бы ни говорилось о равнодушіи, съ которымъ дѣти разстаются со своими родителями, какъ только получатъ способность добывать себѣ пищу безъ ихъ помощи, о спокойно практикующемся дѣтоубійствѣ и обратно убійствѣ стариковъ и больныхъ—большинство изслѣдователей, видѣвшихъ лично дикарей и не ограничившихся мимо-

Наконецъ, одинъ изъ нѣмецкихъ изслѣдователей Мукке высказалъ о возникновеніи счета родства по женской линіи довольно оригинальный взглядъ. Мукке предполагаетъ, что на низшихъ культурныхъ стадіяхъ одновременно существуютъ оба способа опредѣленія родства: по матери (когнатическое) и по отцу (агнатическое)—у однихъ народностей по отцу, у другихъ по матери. Бракъ, говоритъ Мукке, происходитъ похищеніемъ; но попытка похитить женщину противъ воли той группы, въ которой она живетъ, сопряжена съ рискомъ и не всегда кончается удачею. Если похитителю удастся увлечь свою добычу къ себѣ, онъ дѣлается властелиномъ надъ похищенной женщиной, и дѣти считаются родственниками его; устанавливается такимъ образомъ отцовскій счетъ родства. Но если попытка къ похищенію кончилась неудачей, если, напримѣръ, сочлены по группѣ женщины отбили похищенную и вмѣсто того, чтобы убить похитителя, обратили его въ рабство, увели къ себѣ, въ свою территорію и затѣмъ дозволили ему сожительство съ женщиной, бывшей причиной распри, тогда дѣти, рожденныя отъ него, естественно будутъ считаться дѣтьми такой то женщины, такъ какъ личность отца утратила всякое значеніе. Установится, такимъ образомъ, по убѣжденію Мукке, счетъ родства по женской линіи. Лишнее говорить, что его теорія была откинута наукой.

При неудовлетворительности предложенныхъ объясненій остается обратиться къ этнографическому матеріалу; здѣсь мы найдемъ свѣдѣнія, объясняющія возникновеніе счета родства по материнской линіи или, вѣрнѣе, указанія на причины, приготовившія тѣ фактическія отношенія, которыя натолкнули вниманіе дикаря на кровныя узы. При господствѣ территоріальныхъ группъ встрѣчаешься прежде всего съ фактомъ равнодушнаго отношенія отца къ вопросу объ отцовствѣ. Для него достаточно фактической власти, вытекающей изъ физическаго превосходства надъ своими малолѣтними дѣтьми. Сыновья отдѣляются, какъ только достигнутъ способности добывать себѣ пищу сами, и входятъ въ составъ группы. Дочерей, прижитыхъ имъ, дикарь обмѣниваетъ на болѣе или менѣе цѣнные предметы. Однимъ словомъ, ни территоріальная группа, ни отецъ, въ виду того, что интересы ихъ нисколько не нарушаются возможнымъ представленіемъ о кровныхъ узахъ, не заинтересованы въ высчитываніи степеней родства и могутъ относиться къ вопросу объ узахъ крови вполнѣ безразлично.

Между тѣмъ, при территоріальномъ устройствѣ группы, когда еще не существуетъ опредѣленія родства на основаніи кровныхъ узъ, въ такъ называемой стадіи безпорядочнаго сожительства, ребенокъ

тѣсно связанъ съ своею матерью. Этому содѣйствуетъ, конечно, прежде всего то, что связь ребенка съ матерью, какъ указывали многочисленные изслѣдователи, благодаря акту дѣторожденія нагляднѣе, чѣмъ связь съ отцомъ.

Кромѣ того, несомнѣнно, что при частомъ въ эпоху господства безпорядочнаго сожительства расторженіи индивидуальныхъ союзовъ, отдачи жены сочленамъ и проч., дѣти слѣдуютъ во время ихъ малолѣтства за матерью къ ея новому обладателю. Этимъ прерывается связь съ отцомъ и, наоборотъ, закрѣпляется связь съ матерью. Но одно это едва ли могло привести къ счету родства по женской линіи и къ переходу индивидуальнаго тотема въ групповой. Для этого послѣдняго необходимо существованіе чрезвычайно тѣсныхъ и длительныхъ узъ между ребенкомъ и матерью. Такая связь въ дѣйствительности и существуетъ. Прежде всего періодъ кормленія продолжается у нецивилизованныхъ расъ обыкновенно значительно дольше, чѣмъ у племенъ культурныхъ; иногда онъ растягивается на значительное количество лѣтъ (отъ 2-хъ до 5-ти). Далѣе, при кочевомъ-бродячемъ строѣ жизни ребенокъ естественно долженъ всюду слѣдовать за своею матерью, на обязанности которой лежитъ у низшихъ расъ забота о пріисканіи растительной пищи для мужского населенія. Переходы дикарей въ поискахъ за добычей крайне утомительны и непосильны ребенку. Послѣдняго носитъ мать, обыкновенно обильно нагруженная еще результатами своихъ поисковъ за съѣдобными корнями и плодами и домашнимъ скарбомъ, въ то время какъ мужчины, не обременяющіе себя тяжелой ношей, идутъ только вооруженные своими охотничьими снарядами. Негритосское населеніе Филиппинскихъ острововъ, причисляемое всѣми изслѣдователями къ числу наименѣе развитыхъ расъ, стоящихъ весьма близко къ стадіи безпорядочнаго сожитія, представляетъ наглядный примѣръ этого порядка вещей. При перекочевкахъ мать обыкновенно привязываетъ ребенка къ себѣ къ верхней части ноги или носитъ его на плечахъ, когда ребенокъ въ состояніи держаться самъ. Подобные примѣры можно привести изъ быта и другихъ дикарей. Но кромѣ этой, установленной условіями первобытной хозяйственной жизни, связи между матерью и ребенкомъ, существуетъ между ними и связь нравственная. Сколько бы ни говорилось о равнодушіи, съ которымъ дѣти разстаются со своими родителями, какъ только получатъ способность добывать себѣ пищу безъ ихъ помощи, о спокойно практикующемся дѣтоубійствѣ и обратно убійствѣ стариковъ и больныхъ—большинство изслѣдователей, видѣвшихъ лично дикарей и не ограничившихся мимо-

летными наблюденіями, согласны въ томъ, что нѣжное отношеніе матерей къ дѣтямъ является весьма характерной чертой такъ называемыхъ дикихъ племенъ. Теперь извѣстно, что противорѣчащіе современнымъ этическимъ понятіямъ частые случаи дѣтоубійства или убійства стариковъ объясняются почти исключительно причинами или экономическаго или религіознаго характера. Правда, что дѣти охотно уходятъ отъ своихъ родителей, но обратнаго отношенія не замѣчается. Мало того, матери въ особенности отличаются въ проявленіи своей привязанности къ дѣтямъ такими чертами, которыя удивляли изслѣдователей. Достаточно вспомнить, что матери иногда въ теченіе очень долгаго времени носятъ на себѣ кости своихъ умершихъ дѣтей; онѣ поступаютъ такъ не изъ суевѣрныхъ соображеній, а исключительно изъ желанія не разставаться съ ребенкомъ, такъ какъ къ костямъ, по представленію дикарей, прикрѣпленъ и духъ умершаго.

Все это дѣлаетъ вполнѣ понятнымъ, что женщина, имѣя личнаго тотема, будетъ ставить подъ покровительство его и своего ребенка и будетъ обучать послѣдняго запретительнымъ правиламъ, отличающимъ тотемизмъ. Женщина, вѣрующая въ помощь и могущество именно своего тотема, въ таинственную связь, соединяющую ее съ нимъ, естественно отдаетъ своего ребенка подъ защиту своего собственнаго духа покровителя. Воспитаніе дѣтей, поскольку это касается передачи религіозныхъ преданій, всегда дается женщинами; отецъ мало заботится объ этомъ. Фактъ, что до достиженія совершеннолѣтія, моментъ котораго устанавливается у разныхъ народовъ различно (отъ 10 до 15-ти-лѣтняго возраста), ребенокъ еще не имѣетъ *своего* собственнаго тотема, дѣлаетъ естественнымъ, что тотемъ матери фактически оказывается и тотемомъ ребенка. Подъ покровительствомъ тотема матери становятся, конечно, дѣти какъ мужского, такъ и женскаго пола. Но первые, отдѣлившись отъ родителей, сдѣлавшись полноправными членами своей территоріальной группы и становясь къ своимъ женамъ и дѣтямъ въ то же отношеніе, въ которомъ раньше состоялъ къ нимъ ихъ отецъ, не передаютъ своего тотема дѣтямъ. Дѣвушки наоборотъ. Сдѣлавшись женами въ предѣлахъ своей или чужой группы, онѣ переносятъ традиціи, усвоенныя ими отъ своей матери, и передаютъ ихъ своимъ дѣтямъ. Такимъ образомъ, требованія тотемическаго культа воздерживаться отъ убійства, отъ употребленія въ пищу того или иного вида животныхъ, передавались по женской линіи и тотемическія вѣрованія изъ личныхъ дѣлались групповыми. Слѣдуетъ, конечно, предположить длительную стадію образованія подобныхъ группъ, такъ какъ традиціи тотемизма передава-

лись не въ качествѣ общаго правила, а въ началѣ только спорадически. Но какъ бы ни были спорадичны подобные случаи на низшихъ культурныхъ ступеняхъ въ предѣлахъ территоріальныхъ, объединенныхъ единствомъ хозяйственныхъ интересовъ группъ, должны были появляться единицы, состоящія изъ совокупности индивидовъ, объединенныхъ соблюденіемъ одинаковыхъ запретительныхъ постановленій то къ одному, то къ другому виду объектовъ окружающей природы. Для опредѣленія, какой тотемъ долженъ почитаться тѣмъ или инымъ членомъ группы, является необходимымъ опредѣлить его происхожденіе. Опредѣленіе же тотема лица было результатомъ необходимаго и всеобщаго при тотемизмѣ требованія, чтобы члены тотемическаго союза не вступали въ бракъ между собой. (О возникновеніи этой черты тотемизма будетъ сказано дальше). Что опредѣленіе тотема лица производилось именно по женской линіи, а не по отцовской, было естественнымъ слѣдствіемъ того, что ребенокъ былъ ближе *именно къ матери* и ставился подъ покровительство *своего* духа покровителя. Такимъ образомъ, ребенокъ дѣлался членомъ тотемическаго союза матери; отношеніе же отцовъ къ своимъ дѣтямъ укрѣпляло этотъ въ началѣ вѣроятно совершенно случайный обычай, давало ему возможность вырости въ обычай распространенный, затѣмъ и обязательный. Боязнь вступать въ связь съ членами своего тотемическаго союза должна была натолкнуть дикаря на высчитываніе генеалогіи, которая и шла благодаря указаннымъ выше причинамъ по женской линіи. Такъ какъ браки между членами тотемическихъ союзовъ были строго воспрещены, отецъ и дѣти неизбѣжно должны были входить въ составъ различныхъ тотемическихъ союзовъ. Отецъ, продолжая сохранять всѣ свои, основанныя на физическомъ превосходствѣ, права надъ дѣтьми, не считался ихъ родственникомъ: родственныя узы и вычисленіе ихъ были необходимы только для исполненія культа, для соблюденія запретительныхъ законовъ, предписываемымъ тотемизмомъ. Группа территоріальная, оставаясь какъ раньше экономической единицей, дѣлилась на рядъ религіозныхъ союзовъ, члены которыхъ признавали себя родственниками, такъ какъ они поклонялись одному духу покровителю; но въ хозяйственномъ отношеніи всѣ союзы данной территоріальной группы составляли, какъ и прежде, единое, неразрывное цѣлое.

Такимъ образомъ, источникъ появленія счета родства по крови слѣдуетъ искать въ тотемизмѣ — именно въ той чертѣ его, согласно которой люди, имѣющіе одного и того же тотема, не могли вступать въ бракъ между собой. Это дало толчекъ къ высчитыванью кровныхъ

узъ, которое, какъ *общее правило*, должно было направиться по женской линіи. Само собой разумѣется, что этотъ процессъ потребовалъ много времени, такъ какъ эволюція въ общественномъ бытѣ совершается у дикарей съ поразительной медленностью. Во всякомъ случаѣ, уже фактъ, что есть, хотя и немногія, народности на земномъ шарѣ, у которыхъ процессъ къ переходу къ счету родства находится еще въ періодѣ своего сложенія, доказываетъ, какъ много требовалось времени, прежде чѣмъ изъ отношеній чисто фактическихъ могъ зародиться обычай передачи матерью своего тотема ребенку, и прежде чѣмъ этотъ обычай получилъ юридическую силу.

Возникшій счетъ родства не преслѣдовалъ въ началѣ никакихъ другихъ цѣлей, кромѣ чисто религіозныхъ. Когда же эти организаціи складывались въ нѣчто цѣльное, дикарь, который обыкновенно не помнитъ своихъ отдаленныхъ предковъ (дальше прадѣда), оказался передъ вопросомъ, почему данная группа лицъ, происходящая отъ разныхъ прабабокъ, объединена почитаніемъ одного тотема. Исходя изъ меньшей родственной и извѣстной ему группы, онъ долженъ былъ признать за своихъ родственниковъ и всѣхъ лицъ, почитающихъ одного съ нимъ тотема. Это было неизбѣжнымъ выводомъ логики дикаря. А такъ какъ онъ щадитъ лишь своихъ близкихъ, онъ долженъ былъ необходимо объяснить непонятное для него отношеніе къ тѣмъ или другимъ видамъ животныхъ, растеній и пр., даже самый фактъ, что именно данные виды, а не другіе являются его покровителями— изъяснительнымъ миѳомъ объ общности происхожденія отъ общаго родоначальника.

Но, признавая возникновеніе счета родства изъ соображеній религіозныхъ, не слѣдуетъ еще заключать, что первоначальный родственный союзъ будто бы проникнутъ религіозными идеями. Тотемическій родъ въ началѣ объединенъ, по возникновеніи миѳа объ общемъ родоначальникѣ группы людей и вида животныхъ, почитаніемъ общаго предка, обыкновенно животнаго-же. Однако, главнымъ связующимъ звеномъ родичей служитъ не это почитаніе, а тѣ очень немногія запретительныя правила первоначальнаго тотемизма: не вредить своему тотему и не вступать въ бракъ съ сочленами своего союза. Экономическіе интересы раздроблены еще между членами отдѣльныхъ территоріальныхъ группъ съ пестрымъ тотемическимъ составомъ: члены одинаковыхъ тотемическихъ союзовъ встрѣчаются въ разныхъ территоріальныхъ группахъ. Хозяйственной единицей продолжаетъ оставаться территоріальная группа. Вотъ почему въ начальномъ періодѣ развитія счета родства слѣдуетъ отли-

чать этотъ, основанный на опасеніи нарушить тотемическія запретительныя предписанія, счетъ родства по женской линіи отъ материнскаго рода, эволюціонировавшаго въ самостоятельную хозяйственную организацію. Это развитіе совершается не повсемѣстно, а въ тѣхъ случаяхъ, когда оно происходитъ, ему благопріятствовали особыя обстоятельства, о которыхъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ. Первоначальный счетъ родства приводитъ только къ религіозной организаціи, въ которой, однако, религіозныя основы крайне элементарны. Именно тѣмъ, что счетъ родства не нарушаетъ, въ началѣ по крайней мѣрѣ, интересовъ экономическихъ территоріальныхъ группъ, слѣдуетъ объяснить, что территоріальныя группы относятся совершенно безучастно къ новому фактору, который между тѣмъ постепенно подтачиваетъ ихъ устои. Отсутствіемъ же нарушенія патріархальныхъ правъ отца надъ ребенкомъ и женой объясняется и равнодушное отношеніе отцовъ къ установленію родства только по материнской линіи. Отца не можетъ смущать обстоятельство, что онъ не считается родственникомъ дѣтей, такъ какъ и при отсутствіи кровныхъ узъ его положеніе относительно ихъ было то же. Это даетъ возможность путемъ медленнаго процесса окрѣпнуть тотемическимъ союзамъ, и тогда, конечно, возникаютъ коллизіи между группой территоріальной и родовой тотемической. Путемъ опять таки крайне длительной борьбы, вырабатывающей различные компромиссы для удовлетворенія интересовъ обоего рода аггрегацій, происходитъ эволюція территоріальной группы въ родовую. Побѣда остается за послѣдней. О томъ, какіе фазисы проходила эта борьба, возможно судить до извѣстной степени на основаніи фактовъ, прослѣженныхъ среди нѣкоторыхъ народностей, у которыхъ эта борьба еще происходитъ.

Такъ какъ территоріальныя группы вообще очень немногочисленны, то различныя обстоятельства могутъ въ частныхъ, единичныхъ случаяхъ привести къ тому, что данная территоріальная группа сольется съ тотемическимъ союзомъ. Достаточно, чтобы тотемъ нѣсколькихъ членовъ территоріальной группы оказывалъ, по мнѣнію остальныхъ, больше помощи на охотѣ или войнѣ—и всѣ члены территоріальной единицы могутъ признать этого тотема своимъ общимъ духомъ покровителемъ. Возможно, что группа беретъ себѣ женщинъ преимущественно изъ сосѣдней, уже развившейся до тотемическихъ союзовъ группы; въ такомъ случаѣ въ ограниченной территоріальной группѣ побѣдитъ этотъ тотемъ и сдѣлается господствующимъ. Эти случаи, конечно, исключительные; но ихъ можно взять какъ наиболѣе простую точку отправленія для выясненія характера борьбы террито-

ріальной экономической единицы съ новонарождающейся единицей кровной.

Говоря о возникновеніи понятій о родствѣ, приходится касаться такого отдаленнаго періода жизни человѣчества, что, естественно, не можетъ быть рѣчи объ обиліи этнографическихъ данныхъ относительно этого процесса. Число племенъ, живущихъ въ стадіи, ближайшей къ стадіи безпорядочнаго сожительства, крайне ничтожно. Къ тому же нѣкоторые изъ нихъ не достаточно изучены. Тѣмъ болѣе приходится дорожить фактами, отмѣченными въ этомъ отношеніи изслѣдователями. Если эти факты и не могутъ, быть можетъ, имѣть значеніе законовъ эволюціи *всего человѣчества*, они способны, по крайней мѣрѣ, на основаніи эволюціи отдѣльныхъ племенъ, подкрѣпить и сдѣлать вѣроятной гипотезу объ эволюціи всего человѣчества.

Интересный моментъ въ общественномъ развитіи группы—именно появленіе представленій о кровномъ родствѣ, медленная борьба этихъ представленій съ первоначальнымъ устройствомъ территоріальной группы детально были прослѣжены у австралійцевъ Куновымъ.

Среди австралійцевъ тотемизмъ въ нѣкоторыхъ случахъ привелъ къ тому, что вся маленькая территоріальная группа (при развитіи племени) обратилась въ тотемическую, т. е. что всѣ члены ея считали себя происходящими «отъ одной плоти». Первоначально это сознаніе родства не играло существенной роли въ организаціи этихъ территоріальныхъ небольшихъ единицъ. Тотъ же порядокъ, который господствуетъ при существованіи исключительнаго дѣленія племени на территоріальныя группы, продолжаетъ существовать нѣкоторое время и послѣ того, какъ территоріальная группа превратилась въ тотемическую. У племенъ турра, муррингъ, нарриньери и др. существуетъ то же дѣленіе группы на классы по возрасту; женщины вымѣниваются, похищаются или пріобрѣтаются иными путями изъ сосѣднихъ тотемическихъ-территоріальныхъ группъ; дѣти причисляются къ группѣ, къ которой принадлежитъ отецъ. Все это вполнѣ естественно. Такъ какъ тотемическій союзъ первоначально совпадаетъ съ группой территоріальной, то и женщина, захваченная членомъ изъ чужой группы, продолжаетъ на практикѣ, какъ и до возникновенія союзовъ тотемическихъ, считаться принадлежностью той группы, въ которую ее ввелъ мужъ. Юридически же она остается членомъ своей тотемическо-религіозной единицы. Отдѣленная отъ своей родни, она принадлежитъ мужу, и даже послѣ его смерти она, въ качествѣ собственности группы, должна переходить къ братьямъ мужа по классу. Хотя ребенокъ и

и неизбѣжное слѣдствіе изъ практиковавшагося будто бы среди низшихъ дикарей дѣтоубійства, именно дѣтей женскаго пола. Въ группѣ, такимъ образомъ, оказывался недостатокъ въ женщинахъ, и для полученія послѣднихъ необходимо было прибѣгать къ похищенію ихъ у сосѣднихъ группъ. Бракъ путемъ похищенія перешелъ у этихъ народностей въ систему, въ общее правило и въ результатѣ привелъ къ освященному религіей запрещенію браковъ внутри группы. Такимъ образомъ, изъ фактическихъ отношеній, экзогамія выросла въ юридическо-религіозный институтъ. Другія племена, по мнѣнію Макъ Ленана, не практиковали дѣтоубійства; у нихъ не могло появиться недостатка въ женщинахъ, а слѣдовательно имъ не для чего было прибѣгать къ браку похищеніемъ. У нихъ установилась изъ фактическихъ же въ началѣ отношеній эндогамія, какъ юридическій и религіозный институтъ. Одни племена дѣлались, такимъ образомъ, эндогамными, другія— экзогамными. Въ настоящее время, когда теорія Макъ Ленана объ умерщвленіи дѣвочекъ разбита критикой Спенсера, Лёббока, Моргана и др., происхожденія экзо- и эндогаміи, естественно, уже нельзя искать въ указанныхъ Макъ Ленаномъ факторахъ. Однако, ни Лёббокъ, ни Спенсеръ не выставили удовлетворительнаго объясненія оригинальныхъ обычаевъ дикарей, приведшихъ къ подчасъ удивительно мелочнымъ запретительнымъ предписаніямъ о бракахъ между членами одной и той же родственной группы.

По мнѣнію Лёббока источника охранительныхъ законовъ дикарей относительно браковъ между родственниками, слѣдовательно, и источника экзогаміи слѣдуетъ искать въ желаніи дикаря замѣнить бракъ групповой бракомъ индивидуальнымъ. Въ стадіи промискуитета, каковую, какъ было говорено выше, Лёббокъ признавалъ вмѣстѣ съ Морганомъ, при господствѣ полной общности имущества между членами группы никто изъ сочленовъ ея не имѣлъ права считать какую-нибудь женщину своей группы своимъ индивидуальнымъ достояніемъ. Но на женщину изъ чуждыхъ группъ, похищенную или пріобрѣтенную инымъ путемъ однимъ членомъ группы, сотоварищи его не имѣли никакого права; онъ могъ ее монополизировать въ свою пользу. Желаніе имѣть исключительное, индивидуальное право на женщину должно было, по мнѣнію Лёббока, зародиться весьма рано въ душѣ человѣка. Кромѣ эгоистическихъ инстинктовъ, заставлявшихъ дикаря желать пользоваться результатомъ добычи для себя, оно находило еще поддержку въ соображеніяхъ утилитарнаго характера. Такимъ образомъ, благодаря частымъ повтореніямъ похищенія, подтачиваются нормы коммунальнаго брака, и обычай брать

себѣ женщинъ изъ чуждыхъ группъ дѣлается господствующимъ; появляется неодобрительное отношеніе къ бракамъ, заключаемымъ внутри группы, т. е. устанавливается постепенно экзогамія, уже въ качествѣ юридически освященнаго института.

Спенсеръ ищетъ источника экзогаміи въ постоянной междугрупповой борьбѣ, въ развитой, по его мнѣнію, у некультурныхъ расъ любви къ войнѣ и къ грабежу. Дикарь гордится своими военными трофеями, а изъ нихъ наиболѣе цѣннымъ оказывается женщина. Движимый честолюбіемъ и корыстью, дикарь во время своихъ набѣговъ особенно стремится увести съ собой женщину въ качествѣ наиболѣе блестящаго трофея, доказательства его успѣховъ, дающихъ ему видное положеніе среди сочленовъ своей группы. Такъ какъ захватъ женщинъ въ плѣнъ дѣлался источникомъ почета и уваженія, всѣ мужчины стремились добыть себѣ женъ этимъ путемъ. Наоборотъ, бракъ мирный внутри группы сталъ признаваться за доказательство трусости даннаго лица; онъ вызывалъ порицаніе, а отъ порицанія до запрещенія, по словамъ Спенсера, всего одинъ шагъ. Экзогамія дѣлалась обязательной, получала юридическій характеръ.

Одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей вопроса объ экзогаміи Дюркгеймъ (Durkheim), останавливаясь на вопросѣ «о запрещеніи кровосмѣсительства и источникахъ этого запрещенія», совершенно основательно замѣчаетъ, что теорія Лёббока покоится на предположеніи, немыслимомъ въ настоящее время—именно на гипотезѣ о существованіи стадіи коммунальнаго брака. «Что можетъ быть болѣе страннымъ, добавляетъ Дюркгеймъ, того факта, когда въ группѣ мужчины, входящіе въ нее, оставляютъ всѣхъ женщинъ оттого, что они всѣ имѣютъ на послѣднихъ полное право собственности? Къ этому слѣдуетъ присоединить еще то, что женщины, взятыя въ плѣнъ во время войны, должны были бы, въ качествѣ добычи, полученной общими усиліями, составлять общую собственность группы, а не отдѣльнаго лица». Мнѣніе Спенсера, какъ и гипотезы Лёббока и Макъ Ленана, покоятся на неправильномъ представленіи о жизни первобытныхъ группъ. Дюркгеймъ замѣчаетъ, что Спенсеръ для доказательства своего положенія цитируетъ всего четыре факта, изъ которыхъ выясняется только то, что у дикарей иногда требуется доказательства храбрости для полученія права вступить въ бракъ. Хотя подобныхъ примѣровъ въ этнографической литературѣ накопилось теперь очень много, изъ нихъ не явствуетъ, однако, чтобы храбрость свою молодой дикарь доказывалъ непремѣнно похищеніемъ себѣ женщины изъ чужой группы. Требованіе доказать свою способность

къ борьбѣ съ животными и съ людьми находитъ себѣ объясненіе въ особыхъ условіяхъ некультурной жизни; но едва ли возможно найти народность, гдѣ бы бракъ похищеніемъ ставился непремѣннымъ для молодого дикаря условіемъ для доказательства храбрости.

Не останавливаясь на объясненіи экзогаміи, данномъ Липпертомъ, Гельвальдомъ, Вестермаркомъ и др., отмѣтимъ взглядъ Старке, который видитъ источникъ возникновенія экзогаміи въ юридическихъ отношеніяхъ членовъ первобытной группы. Члены такой группы равны между собой; поэтому, въ ней не могли, по его мнѣнію, установиться отношенія подчиненности жены своему мужу. Такого рода отношенія могли возникнуть только при бракѣ на представительницѣ чужой группы, будь то родовая, семейная или просто хозяйственная группа. Вытекающее изъ экономическихъ соображеній желаніе имѣть себѣ подчиненное существо заставляетъ дикаря прибѣгать къ браку съ чужеродными женщинами. Въ свою очередь группа ограждаетъ интересы входящихъ въ ея составъ женщинъ, воспрещаетъ браки сначала между родными братьями и сестрами, а затѣмъ и между болѣе отдаленными родственниками, такъ какъ подобные браки нарушили бы идею первобытнаго равенства и подчинили бы жену своему мужу. Подчиненіе же оказывается неизбѣжнымъ слѣдствіемъ условій первобытнаго хозяйства дикаря.

Всѣ эти теоріи уступали въ своей популярности объясненію, выставленному Морганомъ. Хотя взгляды Моргана относительно общихъ законовъ въ исторіи развитія семьи въ значительной степени были откинуты наукой, его теоріи возникновенія экзогаміи посчастливилось. Причину этого успѣха слѣдуетъ искать въ постановкѣ имъ вопроса объ экзогаміи на естественно-историческую почву. Экзогамія, по предположенію Моргана, возникла благодаря наблюденіямъ дикарей надъ вредными послѣдствіями браковъ между близкими родственниками; кровосмѣсительные браки, имѣвшіе послѣдствіемъ вырожденіе, заставили будто бы группу стремиться ограничивать кругъ лицъ, имѣющихъ право вступать другъ съ другомъ въ бракъ. Это было вызвано необходимостью борьбы за существованіе группы. Сначала исключались изъ круга лицъ, допущенныхъ къ свободному половому общенію, родители и дѣти, затѣмъ боковые родственники, пока, наконецъ, не были исключены всѣ лица, принадлежащія къ одной и той же родственной группѣ, т. е. производящія себя отъ одного родоначальника. Дюркгеймъ, подвергшій критикѣ теорію Моргана о возникновеніи экзогаміи, обращаетъ вниманіе на то объясненіе, которое различныя цивилизованныя народности даютъ запрещенію вступленія въ бракъ близкимъ родственникамъ. Если разсмотрѣть исторію этихъ объясненій, окажется, что именно

утилитарныя и физіологическія соображенія, которыя Морганъ приписываетъ дикарямъ, обыкновенно игнорировались мыслителями и законодателями чуть ли не вплоть до XIX-го в. Платонъ, напримѣръ, высказывается противъ брачныхъ союзовъ между близкими родственниками и совѣтуетъ заключеніе браковъ между чужими, но мотивами ему служатъ не соображенія о дегенераціи, наступающей въ качествѣ послѣдствія кровосмѣсительныхъ браковъ. Для Платона браки между чужеродцами оказываются лишь наилучшимъ средствомъ смѣшивать состоянія и характеры населенія и реализировать этимъ путемъ благо государства. Аристотель, блаженный Августинъ и др. вооружались противъ браковъ между близкими родственниками, потому что подобные браки содѣйствуютъ, по ихъ мнѣнію, сосредотачиванью чувства любви въ слишкомъ узкомъ и замкнутомъ кружкѣ. Лютеръ указываетъ, что если бы было разрѣшено жениться на близкихъ родственницахъ, браки безъ любви сдѣлались бы чрезвычайно частыми, такъ какъ они стали бы заключаться для поддержанія цѣлости семейнаго имущества. Лишь съ XVIII-го в. начинаетъ, и то робко, пробиваться мысль, что кровосмѣсительные съ современной точки зрѣнія браки могутъ вредно отражаться на потомствѣ. Даже Монтескье не высказывается на этотъ счетъ. Наконецъ, о вредныхъ послѣдствіяхъ браковъ между близкими родственниками упоминается лишь вскользь въ трудахъ даже начала XIX-го столѣтія. При такихъ условіяхъ слѣдовало бы признать, что человѣчество, въ лицѣ своихъ выдающихся представителей, додумалось до признанія вредныхъ послѣдствій подобныхъ браковъ лишь въ новѣйшее время. Трудно предположить поэтому, чтобы у австралійца или краснокожаго въ этомъ отношеніи оказалось болѣе знанія человѣческой природы, чѣмъ у цивилизованныхъ расъ.

Правда, противъ этихъ указаній Дюркгейма можно было бы привести возраженія, на первый взглядъ довольно убѣдительныя. Обыкновенно при защитѣ мнѣнія Моргана ссылаются на наблюдательность первобытнаго человѣка, оставляющую далеко за собой то же свойство у европейца. Развитая у дикаря, благодаря условіямъ существованія, наблюдательность позволяетъ ему отмѣчать такія мелочи, которыя проходятъ совершенно незамѣченными для европейцевъ; она могла привести дикаря къ усмотрѣнію и вредныхъ послѣдствій браковъ между близкими родственниками—фактъ, который ускользалъ отъ вниманія болѣе цивилизованныхъ мыслителей. Далѣе, группа, въ которой живетъ дикарь, значительно меньше, чѣмъ общество, въ которомъ вращается и дѣлаетъ наблюденія цивилизованный человѣкъ. Поэтому пагубныя послѣд-

ствія браковъ между близкими родственниками должны были наступать въ ничтожныхъ по численности группахъ дикарей значительно скорѣе, чѣмъ въ большихъ національныхъ или племенныхъ группахъ цивилизованныхъ странъ.

Наконецъ, наиболѣе важнымъ возраженіемъ можетъ служить множество суевѣрій и легендъ, существующихъ въ обиходѣ у дикарей и входящихъ въ циклъ народной словесности въ разныхъ странахъ и которыя категорично указываютъ на вредъ отъ браковъ между близкими родственниками. Такъ, напримѣръ, у австралійскаго племени діейри, у которыхъ браки между близкими родственниками запрещены, существуетъ слѣдующее интересное преданіе. «Послѣ созданія міра, гласитъ оно, отцы, матери, братья, сестры и другіе близкіе родственники вступали безъ различія между собою въ бракъ, пока не стали обнаруживаться вредныя послѣдствія подобнаго порядка вещей. Тогда вожди начали совѣщаться и обдумывать средства измѣнить такое положеніе. Рѣшили обратиться съ просьбою къ Мурамура (великому духу). Мурамура приказалъ, чтобы каждое племя было раздѣлено на различныя вѣтви, а эти послѣднія были названы каждое отдѣльнымъ именемъ, заимствованнымъ отъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ предметовъ, напримѣръ, динго (собака), мышь, эму, дождь, игуана и проч. Члены одной и той же группы не должны были вступать въ бракъ между собою» (Фрэзеръ, Куновъ). Этотъ миѳъ очень интересенъ; онъ весьма рельефно повѣствуетъ о «вредныхъ послѣдствіяхъ» кровосмѣсительныхъ браковъ; въ то же время онъ доказываетъ существованіе у діейри воспоминанія о господствовавшемъ въ ихъ средѣ въ прежнее время безпорядочномъ сожитіи и указываетъ на роль тотемизма въ процессѣ возникновенія понятій о кровныхъ узахъ. Аналогичныя преданія записаны и у другихъ народностей. Кенаи, напримѣръ, живущіе на сѣверо-востокѣ Америки, разсказываютъ, что когда въ ихъ племени начали заключать браки внутри своей группы, смертность младенцевъ значительно увеличилась. Въ одномъ преданіи гренландскихъ эскимосовъ отецъ героя, замѣтивъ, что его внуки умираютъ въ молодости, обращается къ своему зятю съ замѣчаніемъ: «быть можетъ, мы съ тобой слишкомъ близкіе родственники?» Магометанскіе путешественники IX-го в. свидѣтельствуютъ, будто индусы избѣгали браковъ между родственниками, потому что думали, что союзы съ чужеродцами дѣлаютъ потомство болѣе здоровымъ. Если къ этимъ свѣдѣніямъ добавить, что по представленіямъ алеутовъ отъ браковъ между близкими родственниками дѣти родятся уродами, напримѣръ, съ бородой или съ моржовыми

утилитарныя и физіологическія соображенія, которыя Морганъ приписываетъ дикарямъ, обыкновенно игнорировались мыслителями и законодателями чуть ли не вплоть до XIX-го в. Платонъ, напримѣръ, высказывается противъ брачныхъ союзовъ между близкими родственниками и совѣтуетъ заключеніе браковъ между чужими, но мотивами ему служатъ не соображенія о дегенераціи, наступающей въ качествѣ послѣдствія кровосмѣсительныхъ браковъ. Для Платона браки между чужеродцами оказываются лишь наилучшимъ средствомъ смѣшивать состоянія и характеры населенія и реализировать этимъ путемъ благо государства. Аристотель, блаженный Августинъ и др. вооружались противъ браковъ между близкими родственниками, потому что подобные браки содѣйствуютъ, по ихъ мнѣнію, сосредотачиванью чувства любви въ слишкомъ узкомъ и замкнутомъ кружкѣ. Лютеръ указываетъ, что если бы было разрѣшено жениться на близкихъ родственницахъ, браки безъ любви сдѣлались бы чрезвычайно частыми, такъ какъ они стали бы заключаться для поддержанія цѣлости семейнаго имущества. Лишь съ XVIII-го в. начинаетъ, и то робко, пробиваться мысль, что кровосмѣсительные съ современной точки зрѣнія браки могутъ вредно отражаться на потомствѣ. Даже Монтескье не высказывается на этотъ счетъ. Наконецъ, о вредныхъ послѣдствіяхъ браковъ между близкими родственниками упоминается лишь вскользь въ трудахъ даже начала XIX-го столѣтія. При такихъ условіяхъ слѣдовало бы признать, что человѣчество, въ лицѣ своихъ выдающихся представителей, додумалось до признанія вредныхъ послѣдствій подобныхъ браковъ лишь въ новѣйшее время. Трудно предположить поэтому, чтобы у австралійца или краснокожаго въ этомъ отношеніи оказалось болѣе знанія человѣческой природы, чѣмъ у цивилизованныхъ расъ.

Правда, противъ этихъ указаній Дюркгейма можно было бы привести возраженія, на первый взглядъ довольно убѣдительныя. Обыкновенно при защитѣ мнѣнія Моргана ссылаются на наблюдательность первобытнаго человѣка, оставляющую далеко за собой то же свойство у европейца. Развитая у дикаря, благодаря условіямъ существованія, наблюдательность позволяетъ ему отмѣчать такія мелочи, которыя проходятъ совершенно незамѣченными для европейцевъ; она могла привести дикаря къ усмотрѣнію и вредныхъ послѣдствій браковъ между близкими родственниками—фактъ, который ускользалъ отъ вниманія болѣе цивилизованныхъ мыслителей. Далѣе, группа, въ которой живетъ дикарь, значительно меньше, чѣмъ общество, въ которомъ вращается и дѣлаетъ наблюденія цивилизованный человѣкъ. Поэтому пагубныя послѣ-

смѣсительства касается въ сущности только браковъ т. е. постояннаго или длительнаго сожитія двухъ лицъ разнаго пола. Внѣбрачныя же отношенія между полами широко допускаются большинствомъ народностей, у которыхъ господствуетъ экзогамія. Очевидно, что если бы дурныя послѣдствія кровосмѣсительства бросались въ глаза дикарю, онъ долженъ былъ бы запретить всякое сожитіе между родственниками; между тѣмъ онъ разрѣшаетъ внѣбрачныя связи, послѣдствіями которыхъ являются дѣти, и запрещаетъ только браки между родственниками. Къ этой чертѣ запретительныхъ предписаній придется еще возвратиться.

Другимъ доказательствомъ противъ теоріи Моргана служатъ факты—послѣдствія браковъ между близкими родственниками. Правда, можно было бы предположить, что у дикарей существуетъ еще неопредѣленное сознаніе вреда кровосмѣсительства, и что этого смутнаго чувства достаточно, чтобы вызвать запретительныя предписанія. Но для этого требовалось бы, чтобы дурныя послѣдствія браковъ въ близкихъ степеняхъ родства были дѣйствительными, безспорными и наступали непосредственно, чтобы очевидность ихъ могла поразить неразвитой умъ дикаря. Иначе едва ли можно было бы объяснить тѣ суровыя наказанія, которыми дикари всюду преслѣдуютъ факты кровосмѣсительства. Въ сущности же, если безпристрастно отнестись къ вопросу о послѣдствіяхъ браковъ между близкими родственниками, окажется, что они далеко не имѣютъ того неизмѣннаго и рокового характера, который имъ охотно приписываютъ. Дѣйствительно, рядъ зарегистрированныхъ случаевъ какъ бы свидѣтельствуетъ о вредныхъ послѣдствіяхъ, дающихъ въ результатѣ вырожденіе и пр. Но этимъ фактамъ можно противоставить не менѣе обширный реестръ случаевъ противоположнаго характера. Можно указать на немалое количество небольшихъ соціальныхъ группъ, которыя, по различнымъ причинамъ, вынуждены были исключительно брать женъ изъ своей среды, притомъ въ теченіе долгаго времени, обнимающаго во всякомъ случаѣ много поколѣній, и при этомъ нельзя было констатировать ослабленія или вырожденія расы. Противъ мнѣнія нѣкоторыхъ ученыхъ, утверждающихъ, что браки родственниковъ имѣютъ въ результатѣ большее количество дѣтей съ наклонностями къ нервнымъ заболѣваніямъ и глухонѣмыхъ, вооружаются другіе изслѣдователи, утверждающіе, что, наоборотъ, подобные браки содѣйствуютъ уменьшенію процента смертности, при чемъ указывается, напримѣръ, на евреевъ (Дюркгеймъ). Интересъ различныхъ мнѣній лежитъ въ данномъ случаѣ въ томъ, что, хотя большинство изслѣдователей и при-

клыками, что по убѣжденію кафровъ подобные браки даютъ уродливое потомство и проч. (Вестермаркъ), получится довольно большое количество фактовъ, способныхъ оградить теорію Моргана отъ нападокъ нѣкоторыхъ новѣйшихъ изслѣдователей.

Но это первое впечатлѣніе, если внимательнѣе отнестись къ приводимымъ въ пользу теоріи Моргана доказательствамъ, должно разсѣяться. Въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ преданій, въ представленіяхъ, будто дѣти родятся уродами, съ моржовыми клыками или т. п., нельзя, конечно, видѣть результатъ наблюденій дикаря. Они возникли лишь въ качествѣ народнаго доказательства, что нарушеніе извѣстныхъ, уже существующихъ, вошедшихъ въ народное сознаніе и освященныхъ религіей запретительныхъ предписаній о бракѣ влечетъ за собой кару, посылаемую божествомъ, духами предковъ или другой какой нибудь сверхъестественной силой. Подобныя сказанія возникаютъ не въ качествѣ результата индукціи первобытнаго дикаря; они являются лишь на помощь для объясненія правилъ, сдѣлавшихся для нихъ непонятными. Сравнительно позднимъ происхожденіемъ этихъ разсказовъ, которые всѣ записаны у народностей, у которыхъ тотемизмъ или достигъ своего апогея или замѣнился уже другими болѣе высокими религіозными формами, объясняется то разнообразіе въ наказаніяхъ, посылаемыхъ будто бы божествомъ за нарушеніе запрета, ставшаго непонятнымъ самому населенію. Результатомъ воспрещеннаго брака оказываются то дѣти-уроды, то смертность дѣтей, то, наконецъ, даже бездѣтность: такъ въ Левитѣ, напримѣръ, сказано, что бракъ племянника съ теткой будетъ безплоденъ. Если большинство преданій заставляетъ кару божества падать не столько на родителей, сколько на дѣтей, это находитъ себѣ объясненіе въ желаніи дикарей имѣть потомство. Это стремленіе именно на болѣе высокихъ ступеняхъ культуры становится тѣмъ сильнѣе, что развитіе вѣры въ загробную жизнь дѣлаетъ необходимымъ имѣть потомство, которое могло бы кормить усопшаго въ загробномъ царствѣ и исполнять въ отношеніи къ нему культъ мертвыхъ, играющій одну изъ наиболѣе видныхъ ролей въ религіозной жизни всѣхъ поднявшихся надъ низшимъ уровнемъ народностей. Къ этой же группѣ преданій, стремящихся post factum объяснить возникновеніе запрещенія кровосмѣсительныхъ браковъ слѣдуетъ отнести и миѳъ діейри, равно и свидѣтельство арабовъ объ индусахъ. Дурныя послѣдствія, которыя считались наказаніемъ за нарушенія запрета въ вопросахъ о бракахъ, были привлечены въ качествѣ причинъ, породившихъ самый запретъ.

Что дѣйствительно всѣ подобныя сказанія должны быть отнесены къ болѣе позднему времени, доказывается еще тѣмъ, что запрещеніе крово-

подтверждаемое слишкомъ большимъ количествомъ примѣровъ, чтобы останавливаться на немъ. Тотемизмъ же приводитъ къ запретительнымъ предписаніямъ, извѣстнымъ подъ общимъ именемъ *табу*, дѣлающія данный предметъ неприкосновеннымъ. Изъ комбинаціи этихъ двухъ элементовъ выростаетъ, по мнѣнію Дюркгейма, экзогамія, касающаяся только членовъ даннаго тотемическаго союза. Женщина въ періодъ мѣсячныхъ очищеній становилась табу, такъ какъ въ этомъ періодѣ всякое прикосновеніе къ ней должно было считаться опаснымъ: она выдѣляла часть себя, часть той жизненной силы, которая была разлита въ ней; а эта жизненная сила, кровь, по представленіямъ тотемизма, одна и та же у людей и у тотема ихъ. Какое нибудь, хотя бы и невольное, оскорбленіе тотема грозитъ вредными послѣдствіями оскорбителю, и лица, принадлежащія къ данному тотемическому союзу, изъ страха передъ возможной обидой тотема, выдѣляемаго женщиной, должны были избѣгать послѣднихъ. Естественное слѣдствіе примитивныхъ вѣрованій—избѣганіе женщинъ—впослѣдствіи обратилось въ общее установленіе, запрещающее браки между лицами одного тотемическаго союза. Запрещеніе это не могло возникнуть въ отношеніи къ женщинамъ другихъ группъ, такъ какъ тотемъ чуждаго союза не возбуждаетъ ни страха, ни уваженія среди чужеродцевъ. Теорія Дюркгейма, прежде всего, страдаетъ нѣкоторой искусственностью. Она, кромѣ того, не объясняетъ, почему при экзогаміи запрещается только бракъ между членами тотемическаго союза, тогда какъ внѣбрачное сожитіе между родственниками разрѣшается. Такъ, напримѣръ, среди австралійцевъ, раздѣленныхъ уже на тотемическія группы, мужчина обязанъ взять себѣ жену непремѣнно изъ чужой группы; между тѣмъ сожительство съ родственницами допускается обычаемъ. Далѣе, у многихъ народностей, у которыхъ господствуетъ экзогамія, существуютъ общія помѣщенія для незамужнихъ, гдѣ ночью дѣвушки принимаютъ молодыхъ людей той же группы, съ которыми вступать въ бракъ онѣ не имѣютъ права. На Маріэнскихъ островахъ въ этихъ общихъ домахъ происходятъ связи между братьями и сестрами. Аналогичные факты отмѣчены и среди нѣкоторыхъ туземцевъ Бразиліи (Старке). Въ предшествующихъ чтеніяхъ приходилось указывать на дозволенность внѣбрачнаго сожитія даже между братомъ и сестрой среди нѣкоторыхъ русскихъ инородцевъ. Въ этихъ фактахъ основательно усматриваютъ слѣды стадіи безпорядочнаго сожительства; но какъ могли бы они продержаться до столь поздняго сравнительно времени при господствѣ экзогаміи, когда кровосмѣсительные браки строго преслѣдовались?

Дикарь поступаетъ всегда послѣдовательно; если онъ почему либо нашелъ нужнымъ запретить браки между родственниками, онъ сразу распространяетъ это ограниченіе на всѣхъ лицъ, имѣющихъ одного тотема. Разрѣшеніе при этомъ внѣбрачныхъ связей могло бы показаться нелогичнымъ. Именно въ этомъ кажущемся противорѣчіи, представляется намъ, и слѣдуетъ искать источника экзогаміи. Какъ бы ни понимался бракъ дикарями, онъ всегда строго отличается ими отъ мимолетныхъ связей. Послѣднія имѣютъ цѣлью лишь удовлетвореніе половыхъ потребностей; бракъ, главнымъ образомъ, и, пожалуй, иногда исключительно служитъ экономическимъ интересамъ дикаря. Въ лицѣ жены дикарь не ищетъ, какъ это предполагалось раньше, помощницы, подруги жизни. Ему необходима рабочая даровая сила, подчиненная ему, которой онъ могъ бы распоряжаться. Такое отношеніе мужа къ женѣ возникаетъ и является господствующимъ еще въ самыхъ первобытныхъ обществахъ, при стадіи безпорядочнаго сожитія, когда еще на кровныя узы не обращается никакого вниманія, и когда женой можетъ быть любая женщина своей группы, равно и чужая, полученная путемъ похищенія, мѣны, подарковъ и пр. Но это отношеніе должно постепенно видоизмѣниться, какъ только начинаетъ складываться тотемическая группа. Тотемизмомъ, который играетъ столь важную роль въ жизни дикаря, отмѣчается и первобытная юридическая мысль его; благодаря тотемизму же налагается на дикаря рядъ запретительныхъ правилъ, имѣющихъ частью религіозное, частью религіозно-юридическое значеніе. Одно изъ естественнѣйшихъ и наиболѣе элементарныхъ предписаній тотемизма заключается въ запрещеніи вредить, дѣлать зло своему тотему, и это отъ того, что тотемъ имѣетъ одну общую душу съ покровительствуемымъ имъ субъектомъ. Причиненіе вреда тотему лишало бы дикаря его покровительства. Дикарь не можетъ ни убивать, ни употреблять своего тотема въ пищу; онъ не имѣетъ права ловить свое тотемическое животное и держать его у себя въ плѣну, развѣ только въ цѣляхъ оказывать ему почитаніе, кормить и холить его; въ этомъ случаѣ, выражая почитаніе индивидуальному представителю тотемическаго класса животныхъ или растеній, дикарь тѣмъ самымъ оказываетъ его и всему классу тотемическихъ животныхъ и растеній. Тотъ же духъ и то же единство жизни и крови розлито одновременно во всѣхъ тотемическихъ животныхъ и во всѣхъ людяхъ, принадлежащихъ къ данному тотему. Тѣ же обязательства долженъ соблюдать дикарь и въ отношеніи къ членамъ своего тотемическаго союза; нарушая которое нибудь изъ нихъ, онъ этимъ оскорбляетъ своего тотема. Онъ, не можетъ, напри-

мѣръ, примѣнять свои антропофагическія наклонности къ отношеніи къ своимъ родственникамъ; онъ былъ и раньше ограниченъ въ этомъ соображеніями, вытекающими изъ условій совмѣстной групповой жизни, но съ появленіемъ тотемизма этотъ запретъ получаетъ уже религіозное освященіе. Если онъ и съѣдаетъ иногда своихъ умершихъ родителей, если мать съѣдаетъ своихъ умершихъ дѣтей (такіе факты встрѣчаются среди некультурныхъ расъ—напримѣръ, въ Австраліи), то это происходитъ подъ вліяніемъ уже религіозныхъ соображеній, именно изъ желанія вмѣстѣ съ тѣломъ воспринять и жизненную силу и духъ покойнаго. Не можетъ также дикарь оказывать насиліе членамъ своего тотемическаго класса, какъ онъ не можетъ причинять его и животнымъ, которыя считаются его тотемами. Обратить въ свою собственность женщину своего тотемическаго класса значило бы нарушить одно изъ главныхъ запретительныхъ предписаній тотемизма; онъ получаетъ это право лишь въ отношеніи къ женщинамъ, принадлежащимъ къ другимъ тотемамъ. Такимъ образомъ, справедливѣе, представляется намъ, искать источника экзогаміи въ условіяхъ жизни дикаря, въ безправномъ положеніи женщины на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи и въ запретительномъ предписаніи дѣлать какой либо вредъ или насиліе своему тотему. Этимъ объясняется, что внѣбрачное сожитіе между родственниками разрѣшается или по крайней мѣрѣ допускается, тогда какъ брачныя узы т. е. соединеніе болѣе длительное въ цѣляхъ совмѣстнаго веденія хозяйства, строго воспрещено у дикарей среди родственниковъ всѣхъ безъ исключенія степеней родства т. е. между всѣми тѣми лицами, которыя имѣютъ одного тотема и производятъ себя отъ одного и того же тотемическаго родоначальника.

Право, религія и нравственность смѣшаны другъ съ другомъ на низшей ступени культуры. Право возникаетъ и часто ограждается исключительно одними религіозными предписаніями. Такъ и при возникновеніи экзогаміи единственной гарантіей исполненія правила не оказывать насилія надъ своимъ же тотемомъ въ лицѣ женщины своего племени, служитъ опасеніе гнѣва тотема, который можетъ наказать виновныхъ тѣмъ или другимъ путемъ. Отсюда возникаютъ приведенныя выше преданія и имъ подобныя. Но при той солидарности, которая отличаетъ первобытныя аггрегаціи некультурнаго человѣчества, будь то группа территоріальная или родственно-тотемическая, члены группы должны бояться, что нарушеніе религіозныхъ запретовъ со стороны одного изъ нихъ можетъ вызвать кару не одного только виновнаго, но и всего союза, какъ цѣлаго. Это опасеніе является причиной, почему члены группы виновнаго въ нарушеніи указаннаго

Дикарь поступаетъ всегда послѣдовательно; если онъ почему либо нашелъ нужнымъ запретить браки между родственниками, онъ сразу распространяетъ это ограниченіе на всѣхъ лицъ, имѣющихъ одного тотема. Разрѣшеніе при этомъ внѣбрачныхъ связей могло бы показаться нелогичнымъ. Именно въ этомъ кажущемся противорѣчіи, представляется намъ, и слѣдуетъ искать источника экзогаміи. Какъ бы ни понимался бракъ дикарями, онъ всегда строго отличается ими отъ мимолетныхъ связей. Послѣднія имѣютъ цѣлью лишь удовлетвореніе половыхъ потребностей; бракъ, главнымъ образомъ, и, пожалуй, иногда исключительно служитъ экономическимъ интересамъ дикаря. Въ лицѣ жены дикарь не ищетъ, какъ это предполагалось раньше, помощницы, подруги жизни. Ему необходима рабочая даровая сила, подчиненная ему, которой онъ могъ бы распоряжаться. Такое отношеніе мужа къ женѣ возникаетъ и является господствующимъ еще въ самыхъ первобытныхъ обществахъ, при стадіи безпорядочнаго сожитія, когда еще на кровныя узы не обращается никакого вниманія, и когда женой можетъ быть любая женщина своей группы, равно и чужая, полученная путемъ похищенія, мѣны, подарковъ и пр. Но это отношеніе должно постепенно видоизмѣниться, какъ только начинаетъ складываться тотемическая группа. Тотемизмомъ, который играетъ столь важную роль въ жизни дикаря, отмѣчается и первобытная юридическая мысль его; благодаря тотемизму же налагается на дикаря рядъ запретительныхъ правилъ, имѣющихъ частью религіозное, частью религіозно-юридическое значеніе. Одно изъ естественнѣйшихъ и наиболѣе элементарныхъ предписаній тотемизма заключается въ запрещеніи вредить, дѣлать зло своему тотему, и это отъ того, что тотемъ имѣетъ одну общую душу съ покровительствуемымъ имъ субъектомъ. Причиненіе вреда тотему лишало бы дикаря его покровительства. Дикарь не можетъ ни убивать, ни употреблять своего тотема въ пищу; онъ не имѣетъ права ловить свое тотемическое животное и держать его у себя въ плѣну, развѣ только въ цѣляхъ оказывать ему почитаніе, кормить и холить его; въ этомъ случаѣ, выражая почитаніе индивидуальному представителю тотемическаго класса животныхъ или растеній, дикарь тѣмъ самымъ оказываетъ его и всему классу тотемическихъ животныхъ и растеній. Тотъ же духъ и то же единство жизни и крови розлито одновременно во всѣхъ тотемическихъ животныхъ и во всѣхъ людяхъ, принадлежащихъ къ данному тотему. Тѣ же обязательства долженъ соблюдать дикарь и въ отношеніи къ членамъ своего тотемическаго союза; нарушая которое нибудь изъ нихъ, онъ этимъ оскорбляетъ своего тотема. Онъ, не можетъ, напри-

полуцивилизованныхъ народностей и приводитъ къ презрительному отношенію къ чужеродцамъ. Извѣстны случаи, когда племя, практикующее экзогамію, въ то же время считаетъ браки на плѣнницахъ позорными. Во всѣхъ этихъ случаяхъ нельзя говорить объ отвращеніи (инстинктивномъ) къ экзогаміи, которое предполагалъ Макъ Ленанъ. Здѣсь имѣетъ мѣсто не болѣе, какъ стремленіе не брать въ жены себѣ лицъ, принадлежащихъ, по мнѣнію полукультурнаго населенія, къ низшей, презрѣнной расѣ, кастѣ или сословію. Примѣры подобнаго вида эндогаміи относятся уже къ эпохѣ болѣе развитого соціальнаго строя и не могутъ идти въ разсчетъ при рѣшеніи вопроса о взаимоотношеніи экзо-и-эндогаміи у низшихъ расъ.

Низшія расы, начиная со стадіи безпорядочнаго сожительства, практикуютъ одновременно и экзо-и эндогамію. Въ эпоху, когда нѣтъ еще счета родства по крови, члены территоріальной группы берутъ себѣ въ жены женщинъ изъ того же территоріальнаго союза, а за недостаткомъ ихъ прибѣгаютъ или къ похищенію или къ мѣнѣ женщинъ изъ чужихъ группъ. Въ территоріальной, основанной исключительно на общности экономическихъ интересовъ, группѣ встрѣчаются, такимъ образомъ, зачатки какъ экзо-, такъ и эндогаміи. Обѣ системы не стоятъ въ противорѣчіи другъ съ другомъ и существуютъ свободно вмѣстѣ. Съ появленіемъ счета родства и образованіемъ внутри территоріальной единицы религіозныхъ родственно-тотемическихъ союзовъ, между членами которыхъ браки запрещены, экзогамія начинаетъ практиковаться въ каждомъ изъ этихъ союзовъ. Но въ предѣлахъ бо́льшей территоріальной группы, объединяющей въ своихъ предѣлахъ нѣсколько такихъ экзогамныхъ тотемическихъ союзовъ, господствуетъ эндогамія. Запретительныя предписанія не распространяются на членовъ одной и той же территоріальной группы, разъ брачущіяся лица принадлежатъ къ различнымъ тотемическимъ союзамъ. И такъ, меньшая родственная единица оказывается экзогамной, бо́льшая, территоріальная, при существованіи достаточнаго количества женщинъ—эндогамной. Впослѣдствіи, когда родственный принципъ одерживаетъ верхъ надъ территоріальнымъ, и союзъ родственниковъ начинаетъ образовывать самостоятельное цѣлое, сохраняется то же отношеніе: Союзъ родственниковъ продолжаетъ оставаться экзогамнымъ, а бо́льшая единица, напримѣръ, племя, въ составъ котораго входитъ нѣсколько родственныхъ союзовъ, стремится, при достаточномъ количествѣ женщинъ, оставаться эндогамной. Такимъ образомъ, въ то время, какъ экзогамія возникаетъ вслѣдствіе религіозныхъ соображеній, вытекающихъ изъ тотемизма, а впослѣдствіи поддерживается по традиціи, эндогамія, наобо-

ротъ, является естественнымъ слѣдствіемъ желанія дикаря брать себѣ жену по возможности изъ близкой группы. Онъ осуществляетъ эндогамію всегда и всюду въ предѣлахъ дозволенныхъ экзогамными предписаніями границъ и поскольку достаточное количество женщинъ данной бо́льшей группы позволяетъ примѣнять эндогамію и не обращаться для полученія жены въ чуждую племенную группу.

Въ бытѣ народностей различныхъ материковъ весьма часты случаи, что цѣлое племя производитъ себя отъ одного тотема, а между тѣмъ браки въ предѣлахъ этой племенной группы не воспрещаются. Этотъ фактъ на первый взглядъ какъ будто противорѣчитъ положенію, что источникомъ экзогаміи слѣдуетъ считать тотемизмъ; но онъ легко объясняется изъ исторіи развитія самого племени и изъ условій хозяйственной жизни дикарей. Племя появляется или благодаря естественному росту тотемической группы или благодаря искусственному соединенію нѣсколькихъ тотемическихъ группъ. Въ томъ и другомъ случаѣ все племя производитъ себя отъ одного родоначальника—тотема, но тѣмъ не менѣе оказывается эндогамнымъ. Дѣло въ томъ, что племя всегда раздѣлено на меньшія единицы—тотемическіе-родственные союзы; ихъ конгломератъ образуетъ племя. Эти союзы строго сохраняютъ экзогамію; но вполнѣ естественно, что запретительныя предписанія не распространяются на всю племенную группу, а ограничиваются лишь группой лицъ, спеціально стоящей подъ покровительствомъ ближайшаго тотема. Къ тому времени, когда группа успѣла развиться въ племя, тотемизмъ уже значительно видоизмѣнился. Между тѣмъ какъ архаическія черты его сохраняются въ меньшихъ группахъ, тотемъ всего племени уже развился въ божество или правильнѣе въ божественнаго родоначальника; онъ является связующимъ звеномъ между отдѣльными тотемическими союзами племени только въ качествѣ этическаго элемента. Вѣруя въ общее происхожденіе всѣхъ группъ отъ одного предка, каждая меньшая подгруппа-родъ имѣетъ и своего особаго родоначальника и чтитъ только его; онъ фигурируетъ и въ его клятвахъ и въ ордаліяхъ; родичи украшаютъ свое тѣло рисунками въ честь его, носятъ особую прическу и т. д. Однимъ словомъ, у каждаго подобнаго тотемическаго рода свои, обособленные отъ другихъ родовъ, религіозные интересы, совершенно не покрываемые интересами племени, какъ цѣлаго. Къ этому присоединяется еще и обособленность экономическая и общественная. Каждая тотемическая группа въ предѣлахъ даннаго племени, какъ будетъ сказано ниже, образуетъ часто и единое хозяйственное цѣлое. Но даже въ тѣхъ случаяхъ, когда тотемически-родственный союзъ не развивается

полуцивилизованныхъ народностей и приводитъ къ презрительному отношенію къ чужеродцамъ. Извѣстны случаи, когда племя, практикующее экзогамію, въ то же время считаетъ браки на плѣнницахъ позорными. Во всѣхъ этихъ случаяхъ нельзя говорить объ отвращеніи (инстинктивномъ) къ экзогаміи, которое предполагалъ Макъ Ленанъ. Здѣсь имѣетъ мѣсто не болѣе, какъ стремленіе не брать въ жены себѣ лицъ, принадлежащихъ, по мнѣнію полукультурнаго населенія, къ низшей, презрѣнной расѣ, кастѣ или сословію. Примѣры подобнаго вида эндогаміи относятся уже къ эпохѣ болѣе развитого соціальнаго строя и не могутъ идти въ разсчетъ при рѣшеніи вопроса о взаимоотношеніи экзо-и-эндогаміи у низшихъ расъ.

Низшія расы, начиная со стадіи безпорядочнаго сожительства, практикуютъ одновременно и экзо-и эндогамію. Въ эпоху, когда нѣтъ еще счета родства по крови, члены территоріальной группы берутъ себѣ въ жены женщинъ изъ того же территоріальнаго союза, а за недостаткомъ ихъ прибѣгаютъ или къ похищенію или къ мѣнѣ женщинъ изъ чужихъ группъ. Въ территоріальной, основанной исключительно на общности экономическихъ интересовъ, группѣ встрѣчаются, такимъ образомъ, зачатки какъ экзо-, такъ и эндогаміи. Обѣ системы не стоятъ въ противорѣчіи другъ съ другомъ и существуютъ свободно вмѣстѣ. Съ появленіемъ счета родства и образованіемъ внутри территоріальной единицы религіозныхъ родственно-тотемическихъ союзовъ, между членами которыхъ браки запрещены, экзогамія начинаетъ практиковаться въ каждомъ изъ этихъ союзовъ. Но въ предѣлахъ бо́льшей территоріальной группы, объединяющей въ своихъ предѣлахъ нѣсколько такихъ экзогамныхъ тотемическихъ союзовъ, господствуетъ эндогамія. Запретительныя предписанія не распространяются на членовъ одной и той же территоріальной группы, разъ брачущіяся лица принадлежатъ къ различнымъ тотемическимъ союзамъ. И такъ, меньшая родственная единица оказывается экзогамной, бо́льшая, территоріальная, при существованіи достаточнаго количества женщинъ—эндогамной. Впослѣдствіи, когда родственный принципъ одерживаетъ верхъ надъ территоріальнымъ, и союзъ родственниковъ начинаетъ образовывать самостоятельное цѣлое, сохраняется то же отношеніе: Союзъ родственниковъ продолжаетъ оставаться экзогамнымъ, а бо́льшая единица, напримѣръ, племя, въ составъ котораго входитъ нѣсколько родственныхъ союзовъ, стремится, при достаточномъ количествѣ женщинъ, оставаться эндогамной. Такимъ образомъ, въ то время, какъ экзогамія возникаетъ вслѣдствіе религіозныхъ соображеній, вытекающихъ изъ тотемизма, а впослѣдствіи поддерживается по традиціи, эндогамія, наобо-

ротъ, является естественнымъ слѣдствіемъ желанія дикаря брать себѣ жену по возможности изъ близкой группы. Онъ осуществляетъ эндогамію всегда и всюду въ предѣлахъ дозволенныхъ экзогамными предписаніями границъ и поскольку достаточное количество женщинъ данной бо́льшей группы позволяетъ примѣнять эндогамію и не обращаться для полученія жены въ чуждую племенную группу.

Въ бытѣ народностей различныхъ материковъ весьма часты случаи, что цѣлое племя производитъ себя отъ одного тотема, а между тѣмъ браки въ предѣлахъ этой племенной группы не воспрещаются. Этотъ фактъ на первый взглядъ какъ будто противорѣчитъ положенію, что источникомъ экзогаміи слѣдуетъ считать тотемизмъ; но онъ легко объясняется изъ исторіи развитія самого племени и изъ условій хозяйственной жизни дикарей. Племя появляется или благодаря естественному росту тотемической группы или благодаря искусственному соединенію нѣсколькихъ тотемическихъ группъ. Въ томъ и другомъ случаѣ все племя производитъ себя отъ одного родоначальника—тотема, но тѣмъ не менѣе оказывается эндогамнымъ. Дѣло въ томъ, что племя всегда раздѣлено на меньшія единицы—тотемическіе-родственные союзы; ихъ конгломератъ образуетъ племя. Эти союзы строго сохраняютъ экзогамію; но вполнѣ естественно, что запретительныя предписанія не распространяются на всю племенную группу, а ограничиваются лишь группой лицъ, спеціально стоящей подъ покровительствомъ ближайшаго тотема. Къ тому времени, когда группа успѣла развиться въ племя, тотемизмъ уже значительно видоизмѣнился. Между тѣмъ какъ архаическія черты его сохраняются въ меньшихъ группахъ, тотемъ всего племени уже развился въ божество или правильнѣе въ божественнаго родоначальника; онъ является связующимъ звеномъ между отдѣльными тотемическими союзами племени только въ качествѣ этическаго элемента. Вѣруя въ общее происхожденіе всѣхъ группъ отъ одного предка, каждая меньшая подгруппа-родъ имѣетъ и своего особаго родоначальника и чтитъ только его; онъ фигурируетъ и въ его клятвахъ и въ ордаліяхъ; родичи украшаютъ свое тѣло рисунками въ честь его, носятъ особую прическу и т. д. Однимъ словомъ, у каждаго подобнаго тотемическаго рода свои, обособленные отъ другихъ родовъ, религіозные интересы, совершенно не покрываемые интересами племени, какъ цѣлаго. Къ этому присоединяется еще и обособленность экономическая и общественная. Каждая тотемическая группа въ предѣлахъ даннаго племени, какъ будетъ сказано ниже, образуетъ часто и единое хозяйственное цѣлое. Но даже въ тѣхъ случаяхъ, когда тотемически-родственный союзъ не развивается

въ хозяйственную единицу, онъ всегда остается единымъ соціальнымъ цѣлымъ. Всѣ интересы у него обособлены отъ другихъ аналогичныхъ аггрегацій, въ совокупности составляющихъ племя. При такомъ положеніи дѣлъ, естественно, должна появиться и обособленность въ примѣненіи экзогаміи, вытекающей изъ религіозныхъ основъ и потому концентрирующейся неизбѣжно въ предѣлахъ отдѣльныхъ тотемическихъ союзовъ.

Если же племя, которое обыкновенно, конечно, подъ условіемъ достаточнаго количества своихъ женщинъ, является эндогамнымъ, ищетъ себѣ иногда женъ въ другихъ племенахъ, оно дѣлаетъ это въ большинствѣ, по крайней мѣрѣ, случаевъ, не вслѣдствіе стремленія къ экзогаміи, а подъ вліяніемъ недостаточнаго количества наличныхъ женщинъ въ родахъ, между которыми брачныя связи допускаются.

V. Материнскій счетъ родства.

Чтобы перейти къ болѣе обстоятельному изложенію тѣхъ формъ общежитія, вызываемыхъ благодаря появленію новаго фактора въ развитіи территоріальной группы, придется прежде всего сдѣлать краткій обзоръ тѣхъ послѣдствій, къ которымъ приводитъ возникновеніе счета родства по крови.

Отецъ и дѣти, состоя въ различныхъ тотемическихъ классахъ, не считаются родственниками. Поэтому, въ отношеніи къ отцу непримѣнимы тѣ запретительныя предписанія, которыя вызываетъ къ жизни тотемизмъ, обязательныя для членовъ одного и того же тотемическаго союза. Отсюда слѣдуетъ прежде всего, что отецъ можетъ взять себѣ въ жены собственную дочь. Такъ какъ прежнее дѣленіе на классы по возрасту продолжаетъ держаться, а соотвѣтственно этому родители и дѣти не могутъ быть членами одного и того же класса, то, естественно, что такіе браки въ дѣйствительности могутъ встрѣчаться только въ качествѣ исключенія. Но фактъ, что они случаются и до настоящаго времени среди австралійцевъ, доказываетъ, что, какъ ни строго смотрятъ дикари, чтобы брачные союзы происходили только въ предѣлахъ класса, нравственное чувство ихъ не возмущается этой аномаліей въ той мѣрѣ, какъ бракомъ между членами одного тотемическаго союза. Далѣе, отчужденіе дочери, въ силу фактической власти отца, составляетъ его право; такъ какъ онъ не состоитъ въ родственныхъ отношеніяхъ съ своимъ ребенкомъ и не связанъ запретами относительно тотема своей дочери, онъ можетъ спокойно продавать, вымѣнивать ее любому лицу, лишь бы послѣднее не состояло въ томъ же тотемическомъ союзѣ, въ которомъ находится его дочь. Такимъ образомъ, хотя счетъ родства по женской линіи и существуетъ, но онъ не играетъ никакой существенной роли въ жизни группы. Въ этомъ фазисѣ развитія, хотя уже есть на лицо то, что мы называемъ родствомъ, родомъ, но

родъ не является еще обособившейся аггрегаціей. При извѣстныхъ условіяхъ счетъ родства по женской линіи можетъ не идти дальше въ своемъ развитіи; онъ представляетъ изъ себя только религіозный, но не общественный и не хозяйственный союзъ. Эту стадію счета родства по женской линіи слѣдуетъ строго отличать отъ другой формы — именно такъ называемаго *материнскаго* (когнатическаго, утробнаго) *рода*, въ который превращается постепенно, подъ вліяніемъ различныхъ условій, прежній, основанный исключительно на тотемизмѣ религіозный союзъ, ведущій счетъ родства по женской линіи. Наконецъ, благодаря существованію материнскаго рода, какъ самостоятельной соціальной или хозяйственной единицы, можетъ возникнуть, при благопріятныхъ же условіяхъ, такъ называемый *матріархатъ*, т. е. организація, въ которой преобладающая роль выпадаетъ не мужу, а роду жены его, иногда самой женѣ, матери. Всѣ три проявленія счета родства по матери можно объединить подъ общимъ именемъ *материнитета*.

Прежніе изслѣдователи исторіи семьи *смѣшивали обыкновенно въ одно эти три типа организацій*. Терминъ матріархатъ въ ихъ трудахъ нерѣдко является синонимомъ материнскаго рода и вообще счета родства по женской линіи. Это смѣшеніе повело къ не малой путаницѣ въ представленіяхъ о нормахъ жизни некультурныхъ расъ и о самой эволюціи семьи.

Очевидно, что материнскій родъ, какъ самостоятельная соціальная или экономическая единица, и мѣстами матріархатъ возникаютъ только на почвѣ существующаго уже счета родства по женской линіи. Но— и на это нельзя не упирать особенно сильно—счетъ родства по материнской линіи не долженъ непремѣнно и всюду привести къ материнскому роду, какъ самостоятельной соціальной или экономической единицѣ, а тѣмъ менѣе къ матріархату, который встрѣчается только въ качествѣ болѣе или менѣе рѣдкаго исключенія. Когнатическій родъ, т. е. аггрегація родственниковъ, ведущихъ свое происхожденіе по женской линіи отъ общаго родоначальника или родоначальницы, можетъ свободно уживаться съ патріархатомъ, т. е. съ безусловнымъ правомъ отца надъ личностью дѣтей, если онъ пріобрѣлъ право надъ личностью жены.

Прежде чѣмъ характеризовать материнскій родъ и выяснить условія, вызывающія его къ существованію въ качествѣ самостоятельной, не религіозной организаціи, необходимо рѣшить вопросъ, дѣйствительно ли когнатическій счетъ родства можетъ считаться общечеловѣческимъ, и оказывается ли возможнымъ признать его за неизбѣжную

стадію развитія человѣчества. Для доказательства придется привлечь обильный по этому вопросу этнографическій матеріалъ. Такъ какъ материнскій родъ, равно и матріархатъ возникли на почвѣ существующаго уже обычая вести счетъ по женской линіи, то *пока*, для доказательства распространенности этого вида счета родства, мы не будемъ отдѣлять другъ отъ друга указанныхъ трехъ типовъ материнскихъ организацій.

Въ новѣйшей литературѣ высказывался неоднократно взглядъ, что когнатическій счетъ родства оказывается явленіемъ исключительнымъ. Этого мнѣнія держатся Старке, Гроссе, Вестермаркъ, Гильдебрандъ и нѣкоторые другіе. Но этому положенію противорѣчитъ богатство фактовъ, свидѣтельствующихъ о распространенности этого обычая.

Начиная съ древности, цѣлый рядъ свидѣтельствъ устанавливаетъ фактъ широкаго распространенія обычая вести счетъ родства по материнской линіи. Такой счетъ засвидѣтельствованъ писателями древности у иберовъ и у народностей Малой Азіи. Такъ, напримѣръ, Геродотъ сообщаетъ, что у ликійцевъ существуетъ слѣдующій странный, по его понятію, обычай: «они называютъ себя по матери, а не по отцу. Если кто спроситъ сосѣда объ его происхожденіи, тотъ сообщаетъ свою родословную съ материнской стороны и перечисляетъ матерей своей матери; и если женщина гражданка сочетается бракомъ съ рабомъ, то дѣти ихъ признаются благородно рожденными; но если мужчина гражданинъ, хотя бы самый знатный между ними, возьметъ въ жены чужеземку или наложницу, то дѣти ихъ не имѣютъ правъ гражданства». Писатель IV-го в. до Р. Хр. Гераклидъ Понтійскій и писатель I-го в. до Р. Хр. Николай Дамасскій подтверждаютъ приведенное свидѣтельство Геродота. Локрійцы, согласно Полибію, также вели счетъ родства въ началѣ существованія ихъ колоніи по женской линіи, хотя этотъ, казавшійся въ то время уже страннымъ, обычай объяснялся легендарнымъ путемъ. Есть основаніе предполагать, наконецъ, что этруски въ прежнее время вели счетъ родства по женской линіи. Имя матери, повидимому, играло наибольшую роль въ генеологіи. Въ надгробныхъ надписяхъ, сохранившихся на этрусскихъ могилахъ и относящихся частью къ римской эпохѣ и написанныхъ по латыни, часто встрѣчаются только имена умершаго и его матери безъ упоминанія отца (напримѣръ: Ларсъ Кай сынъ Кавліи, Танія, дочь Судерніи); иногда имя умершаго даже вовсе не отмѣчается: надпись ограничивается указаніемъ на имя его матери (напримѣръ, рожденный отъ Перикки). На нѣкоторыхъ другихъ надписяхъ этрусскій текстъ содер-

житъ только имя матери, въ то время какъ латинскій контекстъ ея прибавляетъ и имя отца. Иногда имя отца отмѣчалось одними инициалами, но имя матери выписывали всегда цѣликомъ (напримѣръ, Q. Trebonius C. F. (ilius) Caicinia natu).

Хотя въ древнемъ Египтѣ издавна, насколько это возможно прослѣдить по оставшимся памятникамъ, даже древнѣйшимъ, уже существовалъ счетъ родства по отцовской линіи, слѣды предшествовавшаго этому порядку опредѣленія родства съ материнской стороны сохранились до позднихъ временъ. На египетскихъ памятникахъ отъ греческой и римской эпохи, происхожденіе опредѣляется чаще именемъ матери, чѣмъ отца. Нѣкоторыя іероглифическія надписи не содержатъ, напримѣръ, вовсе имени отца, тогда какъ при переводѣ надписи на греческій имя отца уже вставлено. Надгробные памятники древняго Египта часто указываютъ только на мать погребеннаго и не называютъ имени его отца; даже въ тѣхъ случаяхъ, когда имя отца упомянуто, оно обыкновенно помѣщено *послѣ* имени матери. Нѣкоторые памятники Египта, говорящіе о воцареніи того или иного лица, обращаютъ особенное вниманіе на родство новаго властителя по женской линіи. На одной надписи, гласящей о воцареніи фараона XXVI-ой династіи, найденной Маріеттомъ въ Джебель-Баркалѣ среди развалинъ большого храма Напата, фараонъ высчитываетъ только своихъ женскихъ предковъ до седьмого колѣна. Впрочемъ, относительно послѣдняго памятника можно предположить, что фараонъ, оставившій по себѣ эту надпись, былъ однимъ изъ многочисленныхъ узурпаторовъ: при вступленіи на египетскій престолъ онъ могъ доказывать свои права на власть принадлежностью по женской линіи къ семьѣ правителей. Имя его, равно и названныхъ имъ предковъ-женщинъ было впослѣдствіи стерто, вѣроятно послѣ какого нибудь династическаго переворота. Но во всякомъ случаѣ, даже при такомъ объясненіи, вообще интересенъ фактъ, что родство по женской линіи давало въ Египтѣ извѣстныя права на престолъ, какъ и родство мужской линіи съ царями, «сыновьями бога Ра». Все это доказываетъ, что если не во всемъ Египтѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ частяхъ его или въ предѣлахъ отдѣльныхъ семействъ, родовъ или кастъ, счетъ родства по материнской линіи долго держался, несмотря на господство патернитета и отцовскаго рода. Свѣдѣнія объ этомъ же порядкѣ вещей имѣются и относительно древней Эѳіопіи (Жиро Тёлонъ). Въ Нубіи въ прежнее время права на престолъ, по свидѣтельству арабовъ, преимущественно передъ сыномъ царя имѣлъ сынъ его сестры.

Факты, которые отмѣчались писателями древности, какъ непо-

нятныя и несообразныя явленія, порядокъ, который относительно нѣкоторыхъ народностей можно возстановить при помощи данныхъ археологіи, возможно наблюдать и среди множества некультурныхъ народностей. У однихъ счетъ родства по материнской линіи господствуетъ въ настоящее время; у другихъ онъ былъ отмѣченъ писателями, описавшими ихъ бытъ вскорѣ послѣ ихъ открытія въ XVI-мъ, XVII-мъ и XVIII-мъ вв. Попытки нѣкоторыхъ писателей, какъ, напримѣръ, Гроссе, Старке, Гильдебранда, привести счетъ родства по женской линіи въ связь съ той или иной хозяйственной формой не могутъ быть признаны удачными: этотъ институтъ встрѣчается у народовъ, стоящихъ на самыхъ разнообразныхъ ступеняхъ экономической культуры: у охотничьихъ и рыболовческихъ, у скотоводческихъ и земледѣльческихъ, безразлично, живутъ ли данныя народности въ моногаміи или полигаміи.

Счетъ родства по женской линіи распространенъ у всѣхъ почти племенъ Австраліи. Исключенія изъ этого общаго правила представляютъ только племена, не доразвившіяся еще до тотемическихъ союзовъ и связанныхъ съ ними запретительныхъ постановленій о бракѣ, равно и тѣ очень немногія группы, у которыхъ установилось родство по отцу или по обоимъ родителямъ. О значеніи этихъ исключеній будетъ сказано особо. Господство материнскаго родства въ Австраліи привело къ оригинальному установленію. Такъ какъ отцы и дѣти принадлежатъ къ различнымъ тотемическимъ союзамъ, но живутъ вмѣстѣ въ одной и той же территоріальной группѣ, результатомъ этого является слѣдующее: если между двумя тотемическими союзами начнутся враждебныя дѣйствія, большое количество молодежи уходитъ изъ группы, въ которой живетъ отецъ и присоединяется къ группѣ родственниковъ своей матери. Нерѣдки, поэтому, случаи, когда отецъ и сынъ находятся во враждебныхъ другъ другу лагеряхъ. Естественно, что эти факты возможны только въ моментъ, когда борьба между территоріальной экономической группой и тотемическимъ родомъ переживаетъ періодъ побѣды послѣдняго.

Далѣе, во всей области Тихаго океана родство по матери преобладаетъ, а счетъ родства по отцу или совершенно неизвѣстенъ или по крайней мѣрѣ стоитъ на второмъ планѣ. На островахъ Маріанскихъ, Фиджи, Тонга, на Сандвичевыхъ, на Каролинскихъ и Маршальскихъ островахъ, а равно и въ нѣкоторыхъ другихъ архипелагахъ Поли-и-Меланезіи родственныя связи ребенка съ отцомъ вовсе не принимаются въ разсчетъ. На островахъ Палау, напримѣръ, даже престолонаслѣдіе принадлежитъ не сыну властителю, но его племян-

нику, сыну его сестры. Родственные полинезійцамъ малайцы опредѣляютъ родство преимущественно по материнской линіи. Голландскій ученый Вилькенъ описываетъ въ слѣдующихъ чертахъ нормы семейныхъ отношеній у малайцевъ острова Суматры. Семья, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, состоитъ изъ матери и дѣтей и подчиняется обыкновенно управленію старшаго брата матери. Этотъ дядя съ материнской стороны считается, такъ сказать, отцомъ въ отношеніи къ дѣтямъ. Настоящій отецъ не имѣетъ никакихъ правъ на нихъ. Если онъ оказывается старшимъ братомъ въ *своей* семьѣ, то онъ считается отцомъ дѣтей своей сестры.

Счетъ родства по женской линіи отмѣченъ у кареновъ—племени, живущаго между Бирманомъ и Сіамомъ въ горахъ Аракана, у сингалезовъ на островѣ Цейлонѣ, на Мальдивскихъ островахъ, у нѣкоторыхъ некультурныхъ народностей Индіи и, наконецъ, у наировъ на Малабарскомъ берегу. Наиры, у которыхъ, какъ было сказано, господствуетъ поліандрія, совершенно игнорируютъ связи, соединяющія ребенка съ отцомъ; наиръ не интересуется знать своихъ дѣтей, что является естественнымъ слѣдствіемъ той формы, въ которую у наировъ развилась поліандрія. Женщина по вступленіи въ бракъ продолжаетъ жить въ своей семьѣ; братья обыкновенно живутъ вмѣстѣ съ матерью, причемъ хозяйствомъ завѣдуетъ или мать или старшая сестра. Если одинъ изъ братьевъ отдѣляется отъ семьи и начинаетъ жить особо, его сопровождаетъ одна изъ его сестеръ. Результатомъ этого порядка вещей является то, что братъ смотритъ на дѣтей своей сестры, какъ на своихъ собственныхъ, тѣмъ болѣе, что самъ онъ вслѣдствіе господства поліандріи нисколько не озабоченъ знать своихъ собственныхъ дѣтей. Племянники живутъ, такимъ образомъ, въ тѣсномъ и постоянномъ общеніи съ своимъ дядей по матери; между ними устанавливаются тѣ узы, которыя въ современномъ быту цивилизованныхъ народностей нравственно соединяютъ отца съ сыновьями. Законодательство, возникшее на основѣ господствующаго у наировъ порядка, подтверждаетъ и закрѣпляетъ эти узы: племянники отъ сестры считаются единственными наслѣдниками дяди. Отецъ имѣетъ право оставить дѣтямъ, которыхъ онъ считаетъ своими, только движимую собственность: все остальное переходитъ дѣтямъ сестры умершаго. Недвижимое имущество, благодаря этому, не выходитъ изъ материнскаго рода.

Когнатическій счетъ родства является господствующимъ среди краснокожихъ народностей Сѣверной Америки. У делаваровъ, мускогисовъ, шошоновъ, и др. дѣти принадлежатъ къ племени матери,

а не отца; результатомъ является то, что имя, права наслѣдованія и пр. отдѣльныхъ лицъ опредѣляется счетомъ родства по материнской линіи. Если въ настоящее время нѣкоторыя племена краснокожихъ и перешли къ счету родства по мужской (отцовской) линіи, то нововведеніе это сравнительно недавнее. Во всякомъ случаѣ опредѣленіе родства по матери можетъ быть признано для названныхъ племенъ болѣе древнимъ институтомъ, господствовавшимъ прежде у всѣхъ краснокожихъ туземцевъ Сѣверной Америки.

У ароваковъ, туземцевъ Гуйяны, званіе и родство опредѣляются материнской филаціей. Члены одного и того же материнскаго рода не могутъ у нихъ вступать въ бракъ другъ съ другомъ. (Морганъ, Жиро-Тёлонъ, Гельвальдъ, Ковалевскій и др.).

Значительное количество свѣдѣній даетъ, наконецъ, изученіе различныхъ народностей Африки. Счетъ родства у нѣкоторыхъ изъ нихъ непосредственно ведется и въ настоящее время по материнской линіи; у многихъ другихъ этотъ порядокъ вещей оставилъ опредѣленные слѣды.

Право богосовъ (Абиссинія) сохранило слѣдующія воспоминанія о бывшемъ господствѣ материнитета: лицо, взявшее какую либо вещь у своего дяди по матери, никогда не привлекается къ суду. Чтобы понять такую норму права, слѣдуетъ вспомнить, что при господствѣ имущественнаго коммунизма, всѣ предметы группы принадлежатъ одинаково всѣмъ членамъ ея. Указанное правило могло возникнуть только въ томъ случаѣ, если племянникъ и дядя со стороны матери жили въ тѣсной общинѣ т. е. если дядя когда нибудь занималъ ту же первостепенную роль въ семьѣ, какую онъ играетъ, напримѣръ, у наировъ. Выдающаяся роль дяди по матери находитъ себѣ и слѣдующее выраженіе въ обычаяхъ богосовъ: при наступленіи совершеннолѣтія племянникъ отправляется рано утромъ къ дому своего дяди, и тотъ ему сбриваетъ переднюю часть головы, благословляетъ и даритъ корову. У народностей бареа и кунáма (Нубія) до настоящаго времени сохранилась въ неприкосновенности семья, основанная на материнитетѣ. Дѣти не стоятъ ни въ какихъ отношеніяхъ съ отцомъ; имущественныя и кровныя узы соединяютъ ихъ только съ дядей по матери: ему принадлежитъ право жизни и смерти надъ дѣтьми. Если кто-нибудь убьетъ своего единоутробнаго брата, онъ не подвергается кровной мести, такъ какъ таковая не существуетъ въ предѣлахъ одного рода; но если убитый братъ—только единокровный, обычай требуетъ кровной мести и именно со стороны членовъ семьи матери убитаго. Если отецъ убьетъ своего ребенка, то дядя по матери убитаго преслѣдуетъ судомъ отца.

Дядя по матери мстить за убійство своего племянника и наоборотъ; но сынъ и отецъ не стоятъ по отношенію другъ къ другу въ обязанности кровной мести. Наслѣдство переходитъ только къ родственникамъ по женской линіи. Наконецъ, ребенокъ всегда слѣдуетъ общественному положенію своей матери: если она рабыня, и ребенокъ ея считается рабомъ, хотя бы отецъ его и былъ свободнымъ, и, наоборотъ, ребенокъ свободной женщины и раба считается свободнымъ. У берберской народности туареговъ, у которыхъ, несмотря на мусульманство, вытѣсняющее прежнія нормы права, живы вообще еще многіе слѣды счета родства по материнской линіи, преимущественно въ правѣ наслѣдственномъ, достоинство шейха наслѣдуетъ сынъ сестры. То же отмѣчено и среди другихъ берберскихъ племенъ.

Относительно народностей Судана имѣется весьма интересное свидѣтельство араба Ибнъ-Батута, посѣтившаго Суданъ въ 1324 году. Здѣсь, замѣчаетъ онъ, никто не называется по своему отцу, всѣ носятъ имя по материнскому дядѣ. Племянникъ со стороны сестры имѣетъ преимущество при наслѣдованіи передъ сыномъ. Еще въ половинѣ текущаго столѣтія властители нѣкоторыхъ племенъ, говорящихъ на языкѣ борну, назывались по имени матери, и оно отмѣчалось въ лѣтописяхъ. Напримѣръ, одинъ изъ султановъ государства Борну, именно Дунама-бенъ-Ссельма извѣстенъ больше подъ именемъ Диббалами, отъ имени своей матери Диббала. Въ полномъ же имени султана имя материнское, какъ наиболѣе важное, ставится на первомъ мѣстѣ Диббалами Дунама (собственное имя султана) Ссельмами (имя отцовское). Наслѣдованіе престола сыномъ сестры можетъ считаться обычнымъ и въ нѣкоторыхъ другихъ африканскихъ государствахъ. Слѣды счета родства по женской линіи встрѣчаются въ большомъ изобиліи у населенія Сенегамбіи, у народностей, живущихъ по р. Конго, у дамара, ашантіевъ, басутосовъ и множества другихъ (Постъ).

Изъ числа неевропейскихъ культурныхъ народовъ, въ бытѣ которыхъ сохранились слѣды этого же порядка, можно указать хотя бы на китайцевъ. Одинъ изъ изслѣдователей обратилъ вниманіе на то, что идеографическій знакъ, который произносится *Sin* и переводится обыкновенно словомъ *семья*, состоитъ изъ двухъ знаковъ, изъ которыхъ одинъ означаетъ «*женщину*», а другой—«*быть рожденнымъ*». Китайскіе же тексты гласятъ, что первоначально всѣ сыновья, рожденные отъ одной матери, объединялись во едино, какъ бы въ одну семейную группу, и что первые люди имѣли представленіе только о своей матери и совершенно не знали своихъ отцовъ.

Естественно, что среди русскихъ инородцевъ нельзя ожи-

дать такихъ же яркихъ указаній на бывшій счетъ родства по женской линіи, какъ среди нецивилизованныхъ народностей другихъ частей свѣта. Но въ свадебныхъ и другихъ обрядахъ, въ номенклатурѣ родственниковъ и пр. можно отыскать сохранившіяся до настоящаго времени переживанія отдаленной эпохи господства матриархата. За таковыя возможно на основаніи вышеизложеннаго принимать: выдающуюся роль, выпадающую на долю дяди по матери, роль самой матери при нѣкоторыхъ обрядахъ, заслоняющая совершенно роль отца, роль брата въ обычаяхъ и обрядахъ, касающихся судьбы сестеръ, наконецъ, преданія, сохранившіяся въ народѣ о бывшемъ нѣкогда другомъ, чѣмъ въ настоящее время, устройствѣ семьи. Слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду, что фактами переживанія въ обрядахъ, гдѣ главная роль выпадаетъ матери, дядѣ, брату и т. п. слѣдуетъ пользоваться лишь крайне осторожно.

У мордвы (въ значительной степени уже обрусѣлой) встрѣчаются лишь очень блѣдные слѣды счета родства по матери. Нѣкоторые факты, однако, заставляютъ думать, что мордва въ этомъ отношеніи не дѣлала отличія отъ многихъ другихъ народностей. Весьма характерно, напримѣръ, что мордва-мокша «зная духовъ—отцовъ и матерей, съ бо́льшимъ почтеніемъ относится къ матерямъ: имена *юрт-авы*, *куд-авы*, *вирь-авы* (духи матери), замѣчаетъ П. Н. Смирновъ, мы слышимъ на каждомъ шагу, между тѣмъ какъ *юрт-атя*, *куд-атя*, *вирь-атя* (т. е. духи-отцы) и т. д. упоминаются рядомъ съ авами (матерями) лишь въ наиболѣе полныхъ молитвенныхъ формулахъ». Къ этой же группѣ фактовъ слѣдуетъ отнести и выдающуюся роль брата, «какъ покровителя женщины и до извѣстной степени хозяина ея судьбы», о которой говорятъ нѣкоторые обряды. Братья обыкновенно выносятъ изъ избы сопротивляющуюся невѣсту, чтобы посадить ее въ свадебную повозку; они же послѣ вѣнца, уже въ домѣ молодого, вмѣстѣ съ ея подругами, охраняютъ ее и не выдаютъ молодому; получивъ же выкунъ, они прогоняютъ дѣвушекъ и отдаютъ сестру родитѣ мужа.

Слѣды выдающагося положенія брата (дяди по матери въ отношеніи къ дѣтямъ) можно отмѣтить также и среди пермяковъ. У пермяковъ Вятской губерніи «невѣста передъ свадьбой приноситъ сначала благодарность «милому брату за то, что вспоилъ, вскормилъ ее и не далъ никому въ обиду», а затѣмъ уже отцу съ матерью». «Въ Чердынскомъ уѣздѣ братъ запираетъ ворота передъ поѣзжанами, пріѣхавшими за невѣстой и символически защищаетъ ее отъ предполагаемыхъ похитителей», т. е. исполняетъ роль главы семьи, чаще

всего отца. Слѣды порядка, когда мужъ переселяется въ домъ, въ группу своей жены, можно видѣть въ нѣкоторыхъ нормахъ обязательнаго права, проявляющихся въ настоящее время у пермяковъ при пріемѣ зятя въ домъ молодой. Всюду, гдѣ въ крестьянской средѣ зять переходитъ жить къ тестю, онъ является экономически зависимымъ элементомъ въ семьѣ, лишенъ самостоятельности и пр. Но среди русскихъ крестьянъ онъ сохраняетъ личныя права на жену и дѣтей, получаетъ часть въ семейномъ имуществѣ, однимъ словомъ, является членомъ семьи, лишь нѣсколько болѣе ограниченнымъ въ имущественныхъ правахъ сравнительно съ сыновьями тестя. У пермяковъ же его положеніе таково, что оно можетъ объясняться только бывшимъ нѣкогда господствомъ материнской группы. Такъ «у пермяковъ Вятской губерніи онъ теряетъ связь съ своимъ родомъ, свое фамильное имя и принимаетъ имя тестя..... Его дѣти увеличиваютъ родъ тестя и носятъ также фамильное имя послѣдняго. По отношеніи къ своимъ дѣтямъ онъ значитъ ровно столько, сколько любовникъ незамужней женщины, такъ какъ и тамъ дѣти величаются по отцу матери». Есть нѣкоторыя основанія предполагать, что этотъ порядокъ, который въ настоящее время встрѣчается у пермяковъ сравнительно рѣдко, прежде имѣлъ значительно большее распространеніе. Далѣе, «любопытно (и) то обстоятельство, что пермяки не имѣютъ особыхъ словъ для обозначенія зятя и тестя: первый обозначается однимъ терминомъ съ пасынкомъ, второй—однимъ съ вотчимомъ. Результаты этой своеобразности въ терминологіи, замѣтимъ мимоходомъ, выражаются между прочимъ въ томъ, что пермяки путаютъ русскіе термины «зять» и «пасынокъ» и среди жалобъ, разбираемыхъ волостными судами, можно встрѣтить такія, гдѣ пермякъ проситъ судъ отобрать у *пасынка* (т. е. у зятя) имущество умершей безъ дѣтей дочери. Такое отождествленіе отношеній, съ современной точки зрѣнія различныхъ, могло возникнуть только тамъ, гдѣ зять, какъ и пасынокъ, жили въ домѣ тестя» (Смирновъ).

Свѣдѣніями о бывшемъ счетѣ родства по женской линіи у другой финской народности—вотяковъ русская литература обязана преимущественно изслѣдованіямъ Богаевскаго и Смирнова. Уже давно было извѣстно, «что вотяки имѣютъ особый терминъ, точнѣе особый предикатъ, говоритъ Смирновъ, для обозначенія родства по матери—*чуж*: *чуж-муртъ*—отецъ матери или братъ ея, *чужъ-апай*—сестра матери, *чуж-нэнэ* — бабушка, *чуж-бубы*—дѣдушка, *чуж-атай* — отецъ матери, *чуж-анай*—мать матери, *чужъ-одыкъ*—

дѣти сестры матери.... Слово *чуж* не имѣетъ самостоятельнаго значенія въ вотскомъ языкѣ; оно употребляется лишь какъ приставка въ терминологіи родства». Чтобы уяснить смыслъ этого предиката, Смирновъ обратился къ родственнымъ съ вотскимъ языкамъ зырянскому и пермяцкому и нашелъ корень *чужъ* въ пермяцкомъ языкѣ. «Здѣсь имѣются, пишетъ онъ, глаголы *чужны*, *чужтывны*, *чужтыны*, существительныя *чуж-йомъ*, *чуж-тӧмъ*, *чуж-ака* и т. д. Глаголы означаютъ родить, существительныя—рожденіе. Мы имѣемъ, такимъ образомъ, слово общаго пермяцко-вотяцкаго достоянія, исчезнувшее у вотяковъ. Пермяцкій языкъ даетъ намъ возможность уяснить не только предикатъ *чужъ*, но и абстрактный терминъ для обозначенія родства». Для этого понятія вотяки употребляютъ выраженіе—*чыжи-выжи*. «Слово это обозначаетъ въ настоящее время совокупность родственниковъ по матери и отцу и состоитъ изъ архаическаго *чыжи*, означающаго родство по матери и *выжи* (вужъ-корень), означающаго родство по отцу. Сложный терминъ, которымъ располагаютъ современные вотяки, даетъ возможность выдѣлить названіе, обозначающее совокупность людей, связанныхъ актомъ рожденія отъ извѣстной матери—*чыжы*». Это различіе терминовъ указываетъ на то, что «вотяки нѣкогда знали только родство по матери, придавали въ вопросѣ о рожденіи этой послѣдней преимущественное значеніе... На этой точкѣ зрѣнія вотяки остались и тогда, когда явилась потребность опредѣлить отношенія по отцу». Вотяки присоединили къ старому термину новый, описательный. «Новыя отношенія онъ (вотякъ) понялъ, какъ отношенія отдѣльныхъ частей дерева къ корню, и обозначилъ ихъ словами *выжы* (вужъ-корень)». Въ тотъ моментъ, продолжаетъ И. Н. Смирновъ, когда складывался терминъ для обозначенія родства вообще, вотякъ отношенія по матери ставилъ выше, чѣмъ отношенія по отцу: въ сложномъ словѣ «первое мѣсто заняло слово, означающее отношенія по матери, второе—отношенія къ отцу». Дѣйствительно, некультурный человѣкъ ставитъ на первое мѣсто то опредѣленіе, которое онъ считаетъ болѣе важнымъ, какъ можно было судить по примѣру этрусскихъ надгробныхъ памятниковъ, гдѣ имя матери предшествуетъ имени отца умершаго, какъ это наблюдается, напримѣръ, въ Африкѣ, въ Борну. «Рядомъ съ данными языка..... можно поставить нѣсколько фактовъ изъ широкой области обычнаго права (вотяковъ). Н. Г. Первухинъ первый, сколько намъ извѣстно, обратилъ вниманіе на своеобразный обычай, котораго держатся вотяки Глазовскаго уѣзда въ своихъ обращеніяхъ къ женамъ. Вотякъ называетъ жену не по имени и не по отчеству, а

такъ сказать по материнству—именемъ, которое его жена унаслѣдовала отъ матери, а та въ свою очередь отъ своей матери или бабушки. Мы имѣемъ, такимъ образомъ, имя, которое обнимаетъ совокупность всѣхъ женщинъ, происшедшихъ отъ одной родоначальницы—явленіе, равнозначущее съ фамильнымъ прозвищемъ, которое говоритъ о происхожденіи отъ одного родоначальника..... Мы имѣемъ въ немъ несомнѣнный обломокъ» древняго счета родства по матери. Дѣло въ томъ, что права одного изъ супруговъ на ребенка обыкновенно находятъ себѣ выраженіе и въ правѣ давать ему свое имя; у вотяковъ, очевидно, съ появленіемъ счета родства по отцу, объясняетъ Смирновъ, установился изъ столкновеній прежняго права матери съ нарождающимся правомъ отца своего рода компромиссъ «мать уступила отцу право передавать свое имя сыну, но сохранила за собой право передавать собственное имя дочери». Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ обитанія вотяковъ этотъ обычай выродился въ томъ отношеніи, что «довольствуются, чтобы имя дочери только походило на материнское: если мать зовутъ Шарби, дочь называется Шарбинатъ, Шарбике, Шарике, Шарназъ (по указанію матери)».

Наконецъ, среди вотяковъ сохранились до настоящаго времени родовыя прозвища, часть которыхъ происходитъ отъ мужчинъ, часть же отъ женщинъ. «Если одни изъ родовыхъ прозвищъ, говоритъ Смирновъ, представляютъ собою женскія имена, другія мужскія, то мы въ правѣ сдѣлать изъ этого обстоятельства новый выводъ, благопріятный для констатированья у вотяковъ матернитета: рядомъ съ родами, связанными сознаніемъ происхожденія отъ общаго родоначальника, у вотяковъ были рода, связанные когда то сознаніемъ происхожденія отъ общей родоначальницы, и эта связь обнимала уже не однѣхъ женщинъ, но и мужчинъ. Мы имѣемъ другими словами передъ собой полное проявленіе матернитета, хотя уже на степени крайняго вырожденія.... Воспоминанія о былыхъ правахъ матери на ребенка сохранились затѣмъ въ брачномъ обрядѣ. Въ Сарапульскомъ уѣздѣ матери первой даритъ деньги человѣкъ, пріѣхавшій сватать невѣсту: къ ней обращаются за позволеніемъ выпить въ знакъ заключеннаго сватовства отецъ и остальные члены семьи и однодеревенцы. «Никто, повидимому, не осмѣливался безъ разрѣшенія матери выпить рюмку водки, даже отецъ семьи», говоритъ Верещагинъ, наблюдавшій этотъ обрядъ у рода Пышья». Эта преобладающая роль матери, выступающая въ обрядахъ, сохраняющихся въ качествѣ переживанія, тѣмъ интереснѣе, что она совершенно не гармонируетъ съ дѣйствительнымъ, весьма приниженнымъ положеніемъ женщины въ семьѣ.

Въ тюркской группѣ племенъ можно также найти пережитки господствовавшаго нѣкогда счета родства по женской линіи. Правда, что у большинства тюркскихъ племенъ отношенія, основанныя на происхожденіи отъ общаго родоначальника и на отцовской власти, настолько рѣзко выражены, что въ ихъ правѣ трудно ожидать рельефныхъ пережитковъ стараго порядка. Къ тому же изученіе правовыхъ отношеній тюрковъ въ большинствѣ случаевъ касалось лишь крупныхъ явленій ихъ семейной жизни; изслѣдователи сравнительно мало вникали и освѣщали переживанія болѣе древняго порядка вещей. Тѣмъ болѣе цѣнными являются тѣ немногія данныя, которыми располагаетъ по этому вопросу русская этнографическая литература.

У киргизовъ современный агнатическій строй почти совершенно стеръ воспоминанія о материнитетѣ, и родъ матери въ настоящее время почти не играетъ у нихъ никакой роли. Но значеніе его выступаетъ весьма рельефно въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Такъ, «дѣти пользуются защитой рода матери (*туркун*), когда родъ отца бездѣйствуетъ или отсутствуетъ. Есть случаи, когда по смерти отца изъ рода, положимъ, Чумекей, ребенокъ воспитывается у материнской родни, положимъ, Джаппасъ, и среди ихъ называетъ себя Джаппасомъ, во избѣжаніе холодности отношеній. . . . Если у умершаго отца нѣтъ родни, то дѣти идутъ къ роду матери; сынъ имѣетъ волю идти или нѣтъ, ибо онъ можетъ заняться и ремесломъ, но дочь должна идти. Ее потребуютъ по суду», гласитъ сборникъ обязательнаго права киргизовъ. Такимъ образомъ, не смотря на полное господство у киргизовъ отцовскаго рода (юридически никто не можетъ принадлежать къ роду матери, и даже незаконнорожденные отыскиваютъ того, отъ кого они произошли, и считаются принадлежащими къ его роду), въ указанныхъ выше постановленіяхъ нетрудно усмотрѣть остатковъ періода, когда материнскій родъ имѣлъ большее значеніе въ бытѣ киргизовъ, чѣмъ въ настоящее время.

У якутовъ слѣды прежняго порядка болѣе живучи. Хотя отцовскій родъ является среди нихъ господствующимъ, у нихъ сохранилось воспоминаніе, что нѣкоторыя родовыя группы имѣли своими родоначальницами женщинъ. Это одно уже позволяетъ думать, что нѣкогда якуты переживали стадію счета родства по материнской линіи. Подтверждаетъ это предположеніе и тотъ фактъ, что «у якутовъ, по свидѣтельству Сѣрошевскаго, наряду съ простой семьей существуетъ сложная». Они называютъ ее *іе-уса*, а это названіе

означаетъ *материнскій родъ*. «Іе-уса считаетъ въ настоящее время родство по мужской линіи и охватываетъ всѣ его степени до девятаго колѣна, за которымъ слѣдуютъ такъ называемыя *сыганъ*, такъ сказать чужіе, о которыхъ якутская пословица говоритъ: «если бы въ воду упалъ (сыганъ), не обезпокоился бы я—таковы мы родственники». Такъ какъ сыганъ составляетъ также границы отцовскаго рода *ага-уса*, такъ какъ въ обѣихъ группахъ счисленіе ведется по мужской линіи, такъ какъ (наконецъ) изъ обѣихъ исключаются дѣвушки, вышедшія замужъ, то въ теоріи обѣ группы сливаются». Въ дѣйствительности, однако, понятіе объ отцовскомъ родѣ шире: онъ включаетъ въ себѣ обыкновенно нѣсколько *іе-уса*, т. е. материнскихъ родовъ. Каковы бы ни были причины, удержавшія до настоящаго времени у якутовъ представленія о материнскомъ родѣ, хотя бы и въ очень искаженномъ видѣ, въ іе-уса якутовъ нельзя не видѣть живого воспоминанія о бывшемъ нѣкогда счетѣ родства по материнской линіи.

Другой изслѣдователь быта якутовъ, М. Овчинниковъ, передаетъ о недавно еще существовавшемъ у якутовъ Олекминскаго округа обычаѣ: «если у супруговъ . . . 5 мальчиковъ, то они причислялись къ материнскому колѣну, но не къ отцовскому и носили имя своей матери», напримѣръ: сынъ колѣна бѣлой женщины, сынъ колѣна дѣвицы красивой и пр. «Въ 6-мъ же колѣнѣ потомки этихъ прародителей причислялись къ колѣну перваго отца: слѣдовательно, названіе колѣна матери уже сглаживалось, и они назывались «агабытъ юэ» (отца колѣно)»; когда же это колѣно возрастало до 50-и и болѣе членовъ, «они носили уже названіе «агауга», что значитъ: племя, родъ».

Нетрудно и въ быту кавказскихъ народностей отыскать нѣкоторые слѣды существованія у нихъ въ прежнее время материнскаго родства. Въ одномъ кабардинскомъ сказаніи встрѣчается весьма характерное выраженіе: «отцы—не братья, матери—сестры родныя». Какъ у кабардинцевъ, такъ и среди другихъ горскихъ обществъ Кавказа, до уничтоженія бывшаго у нихъ нѣкогда сословнаго устройства, дѣти отъ смѣшанныхъ браковъ, напримѣръ, несвободной съ свободнымъ и наоборотъ, причислялись къ сословію матери. Обычай, весьма распространенный среди кавказскихъ горцевъ (но извѣстный и другимъ народностямъ, древнимъ кельтамъ, напримѣръ), согласно которому дѣти до своего совершеннолѣтія не должны признавать своихъ отцовъ, по крайней мѣрѣ, публично, должны избѣгать встрѣчъ съ ними и т. п., отцы же въ свою очередь передъ другими

стараются не разговаривать съ своими дѣтьми, не оказывать имъ знаковъ вниманія и нѣжности, можетъ считаться воспоминаніемъ такого періода, когда связь отца съ сыномъ не ясно сознавалась.

У ингушей, сообщаетъ М. М. Ковалевскій, «братъ въ правѣ, не испрашивая предварительнаго согласія сестры, распорядиться ея рукою. Стоитъ только брату, говоритъ г. Дубровинъ, во время пирушки выпить за здоровье своей сестры съ человѣкомъ, желающимъ взять ее въ жены и принять отъ него подарокъ, и сестра считается засватанной». Власть брата въ семьѣ, основанной на счетѣ родства по женской линіи, проявляющаяся у нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ народностей лишь въ обрядахъ, до новѣйшаго времени фактически осуществлялась среди ингушей. «Эта роль брата при свадьбѣ восполняется тою, какую ему приходится играть въ моментъ достиженія сыномъ его сестры совершеннолѣтія. Племянникъ имѣетъ право требовать отъ дяди по матери положеннаго ему обычаемъ подарка, извѣстнаго подъ названіемъ «барчъ» и состоящаго обыкновенно изъ лошади». Среди картвельскихъ племенъ Кавказа сохранилось также не мало слѣдовъ материнитета. Такъ, напримѣръ, у хевсуръ въ случаѣ женоубійства, платежъ за кровь убитой поступаетъ исключительно въ пользу ея брата. «При убійствѣ племянника—сына сестры, дядя съ материнской стороны въ правѣ разсчитывать на полученіе выкупа. Обыкновенно однако... (онъ) не мирится долгое время съ убійцею. Г. Худаковъ отмѣчаетъ ту интересную подробность, что братъ матери обыкновенно являлся послѣднимъ изъ родственниковъ убитаго, который изъявлялъ согласіе на примиреніе съ родомъ убійцы. Въ случаѣ примиренія родственники убійцы дѣлали въ пользу материнскаго дяди такой же платежъ, какъ и въ пользу всѣхъ родственниковъ по отцу вмѣстѣ взятыхъ. Близость той связи, которая существуетъ между ребенкомъ и его дядею по матери, наглядно выступаетъ также и изъ того факта, что при смерти отца опекуномъ надъ дѣтьми назначается не кто иной, какъ ихъ дядя по матери».

Возраженія, которыя въ настоящее время слышатся противъ гипотезы Бахофена, Моргана и Макъ-Ленана объ общности материнства для всего человѣчества, раздавались уже давно. Тогда, какъ и теперь, они основывались на положеніи, что отдѣльныя отрасли человѣчества могли идти въ своемъ развитіи различными путями. Мэнъ, признававшій существованіе материнскаго родства у такъ называемыхъ дикихъ племенъ, отрицалъ прохожденіе его народами индоевропейской семьи. «Стадіи процесса общественнаго развитія, говорилъ онъ, могли быть безконечно разнообразны». Онъ допускалъ,

«что было не одинъ и не два, а множество путей его, при которыхъ каждый дѣйствовалъ въ собственной сферѣ», что «въ писанной исторіи обществъ нѣтъ ничего такого, что могло бы дать опору утверждать, будто въ теченіе обширнаго доисторическаго періода слѣдовали одно за другимъ повсюду единообразно, если и не одновременно, одни и тѣ-же видоизмѣненія общественнаго строя».. Эту точку зрѣнія, на которой въ настоящее время стоятъ преимущественно представители экономической теоріи исторіи развитія семьи, нельзя, конечно, не признать въ принципѣ совершенно основательной. Придерживаясь ея, Мэнъ въ своемъ извѣстномъ трудѣ «Древній законъ и обычай» старался доказать, что индоевропейскимъ народамъ съ самаго начала ихъ жизни извѣстна была патріархальная семья и развившійся изъ нея агнатическій родъ. Но тщательное изученіе памятниковъ права, языка, легендъ и пр. индоевропейскихъ народовъ доказало непреложно, что передъ прохожденіемъ тѣхъ фазисовъ развитія, которые Мэнъ считалъ первоначальными, индоевропейцы прошли, черезъ другой періодъ, еще болѣе первобытный, что у нихъ тоже можно отмѣтить слѣды нѣкогда господствовавшаго счета родства по женской линіи, что, слѣдовательно, и въ этомъ отношеніи нѣтъ возможности отдѣлять индоевропейцевъ отъ цѣлой массы другихъ, чуждыхъ имъ по культурѣ и языку племенъ и народностей.

Въ ряду изслѣдователей, подвергшихъ критикѣ теорію Мэна и привлекшихъ обширный матеріалъ относительно существованія нѣкогда у индоевропейцевъ счета родства по материнской линіи, видное мѣсто принадлежитъ М. М. Ковалевскому. Съ его основательной критикой мы познакомимся подробно въ дальнѣйшемъ изложеніи.

«Отрицать фактъ прохожденія тѣмъ или другимъ народомъ той стадіи развитія, которая извѣстна подъ названіемъ когнатическаго рода, замѣчаетъ справедливо Ковалевскій, мы вправѣ лишь въ томъ случаѣ, если въ его прошломъ, какъ и въ прошломъ соплеменныхъ, вышедшихъ отъ одного съ ними корня и слѣдовательно жившихъ нѣкогда общею жизнью народовъ, не сохранилось никакихъ пережитковъ материнства и связанныхъ съ нимъ порядковъ». Слѣды матернитета можно отмѣтить далеко не въ одинаковомъ количествѣ переживаній у отдѣльныхъ вѣтвей обширной индоевропейской семьи народовъ: такъ у кельтовъ и германцевъ ихъ сохранилось гораздо больше, чѣмъ среди римлянъ, славянъ и индусовъ. «Причина этого, пишетъ М. М. Ковалевскій, лежитъ въ томъ, что знакомство наше съ ними начинается въ эпоху несравненно болѣе раннюю, чѣмъ та, съ которой жизнь римлянъ, индусовъ или славянъ становится достояніемъ исторіи. Въ

самомъ дѣлѣ, съ какого періода начинается наше знакомство съ древне-римскимъ бытомъ, какъ не со времени рѣшительнаго торжества политической организаціи надъ родовой, включенія послѣдней въ первую и соотвѣтственнаго окрашиванія ея далеко не архаическими чертами. Если агнатическій родъ извѣстенъ намъ въ Римѣ лишь по небольшому числу его переживаній, то удивительно ли, что о материнствѣ и когнатическомъ родѣ мы можемъ найти въ памятникахъ римской жизни лишь слабые намеки, съ трудомъ констатируемые современными романистами».

Въ индусскомъ правѣ, какъ ни древни нормы его, также встрѣчается мало воспоминаній о существовавшей у нихъ нѣкогда системѣ счета родства по материнской линіи. Причина этого ясна: «Все, что дошло до насъ о порядкѣ устройства индусовъ, начиная съ эпохи первоначальнаго заселенія.... носитъ на себѣ рѣзкую религіозную окраску. Ни одинъ институтъ ихъ древняго права не выступаетъ передъ нами въ его первоначальномъ, такъ сказать, чистомъ видѣ, а лишь въ толкованіи, данномъ ему браминами... При такихъ условіяхъ языкъ, случайно занесенныя въ требники старинныя легенды, да немногіе пережитки древнѣйшаго права въ юридическихъ сводахъ одни проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на вопросъ о материнствѣ и сравнительно позднемъ признаніи патернитета и агнатическаго рода». Что касается, наконецъ, славянъ, то знаменитое извѣстіе нашей начальной лѣтописи, что славяне «сидяху кыждо родомъ своимъ» относится къ весьма позднему времени, именно къ XI-му в., а болѣе раннія свидѣтельства византійскихъ и арабскихъ писателей въ этомъ отношеніи не даютъ никакихъ точныхъ указаній. Лишь изученіе нѣкоторыхъ сохранившихся обрядовъ позволяетъ если не рѣшить, то по крайней мѣрѣ намѣтить рѣшеніе вопроса о бывшемъ и у славянъ господствѣ счета родства по женской линіи.

Относительно кельтовъ и германцевъ по этому вопросу имѣется, наоборотъ, большое количество данныхъ. «Изъ населяющихъ Европу арійскихъ народностей, говоритъ Ковалевскій, кельты до послѣдняго времени всего менѣе были изучаемы со стороны ихъ древнѣйшаго устройства. Причина тому лежала въ недостаткѣ источниковъ. Чего не въ состояніи были дать ни военные мемуары Юлія Цезаря, ни поздніе сравнительно памятники обычнаго права Бретани и Уэльса, то въ недавнее время доставили трактаты Брегоновъ [1]), изъ

---

1) Такъ называемый законъ брегоновъ—Brehon law есть сводъ законовъ, имѣвшихъ силу въ Ирландіи до эпохи вторженія сюда англичанъ. Слово breho значитъ судья.

которыхъ одинъ восходитъ до эпохи первоначальнаго насажденія христіанства въ Ирландіи и слѣдовательно заключаетъ въ себѣ нормы», почти совершенно не тронутыя еще посторонними вліяніями. «Изданіе этихъ памятниковъ вызвало, какъ и можно было ожидать, оживленную разработку кельтическаго права, но эта разработка производима была (нѣкоторое время) приверженцами патріархальной теоріи и не привела поэтому ни къ какимъ результатамъ по вопросу о материнствѣ кельтовъ. Нашъ соотечественникъ, Сокольскій, первый подмѣтилъ въ старинныхъ законахъ Ирландіи существованіе многихъ пережитковъ древняго материнства. Сближая ихъ съ тѣми, какія заключаютъ въ себѣ валлійскіе источники, онъ попытался обосновать тотъ взглядъ, что родство древнихъ кельтовъ было исключительно когнатическимъ..... Тому же писателю принадлежитъ и первая попытка провѣрить теорію материнства на основаніи германскихъ источниковъ, свидѣтельствъ Тацита и иныхъ пережитковъ, какіе удержались въ варварскихъ правдахъ» [1]).

Въ 1883 г. вышла въ Бреславлѣ монографія Даргуна о материнтетѣ у германцевъ «Mutterrecht u. Raubehe» (Материнское право и бракъ похищеніемъ); она значительно подтвердила и дополнила положенія Сокольскаго, а дальнѣйшая разработка кельтскаго права сдѣлала несомнѣнными выводы русскаго ученаго. Если именно среди германскаго и кельтскаго міра сохранилось до поздняго сравнительно времени бо́льшее количество слѣдовъ существовавшаго у нихъ нѣкогда счета родства по женской линіи, чѣмъ въ древнихъ памятникахъ Индіи, Рима и Греціи, то объясняется это тѣмъ, что кельты и германцы на зарѣ исторіи долго жили въ отдаленности отъ культурныхъ центровъ того времени. Пока другіе народы индоевропейской семьи успѣли уже развиться до государственныхъ организмовъ, кельты и германцы, одни—заброшенные среди непроходимыхъ лѣсовъ тогдашней Германіи, другіе—отдѣленные морскими проливами отъ цивилизованнаго міра древности продолжали въ своей жизни руководствоваться устоями сѣдой старины. Что касается славянъ, также долго стоявшихъ внѣ вліянія культурныхъ народностей юга, то

Самый лучшій сборникъ брегонскихъ законовъ—такъ называемый Senchus mor, Великая старина—относится къ V-му в.

Ред.

1) «Варварскими правдами» принято называть сборники права, изданныя германскими властителями въ эпоху разрушенія римской имперіи и утвержденія германцевъ на новыхъ земляхъ. Они содержатъ узаконенія, которыя до этого времени исполнялись только въ качествѣ обычая (Lex salica рипуарскихъ франковъ, вестготовъ, лангобардовъ, бургундовъ и др.).

скудость источниковъ объясняетъ въ достаточной мѣрѣ и недостадокъ свѣдѣній о бывшемъ у нихъ счетѣ родства по женской линіи.

«Что родственная связь ребенка съ матерью признавалась у кельтовъ гораздо ранѣе установленія патернитета, пишетъ Ковалевскій, можно видѣть въ тѣхъ нормахъ древняго ирландскаго и валлійскаго права, которыя говорятъ о порядкѣ признанія извѣстнаго мужчины отцомъ ребенка. Всюду, гдѣ родительская власть вытекаетъ изъ самаго факта брачной связи, всюду, гдѣ господствуетъ правило «pater est quem nuptiae demonstrant», родственныя отношенія новорожденнаго къ отцу возникаютъ помимо всякаго признанія его послѣднимъ. Иное дѣло въ древней Ирландіи и въ герцогствѣ Уэльскомъ. Актъ рожденія вызываетъ здѣсь только ту родственную связь, которую мы называемъ материнствомъ. Непризнанный отцомъ ребенокъ попадаетъ въ родъ матери. Для занесенія его въ родъ отца необходимо, чтобы рожденіе его отъ опредѣленнаго мужчины было доказано женщиной, или чтобы дѣйствительный отецъ, мужъ или любовникъ, призналъ его своимъ. При рожденіи ребенка.... мужъ обращался къ женѣ съ вопросомъ: чей это ребенокъ? Только если она отвѣчала: твой, онъ получалъ право считать его своимъ и то лишь въ томъ случаѣ, если онъ предварительно внесъ за жену выкупъ ея роду; права отца на сыновей признавались лишь подъ условіемъ предварительной покупки ихъ послѣднимъ у рода его жены. «Отъ родственниковъ жены зависитъ продать или не продать ихъ, гласитъ ирландскій законъ, каждый разъ, когда жена взята была у рода силою; если же похищеніе состоялось съ ея согласія, отецъ въ правѣ требовать продажи ихъ ему родомъ жены». «Въ обоихъ случаяхъ слѣдуетъ уплата полностью всего, что требуется обычаемъ за ихъ жизнь: иначе говоря, отецъ вноситъ роднымъ жены размѣръ виры, какая была уплачена имъ въ случаѣ убійства. Такое право признается, однако, повидимому, лишь тогда, если дѣти уведенной женщины рождены были ею на разстояніи не болѣе одного мѣсяца со времени ухода», т. е. связь ребенка съ матерью получаетъ преимущественное признаніе, если фактъ зачатія относится ко времени жизни матери совмѣстно съ ея родственниками. Это ограниченіе чрезвычайно интересно, такъ какъ оно свидѣтельствуетъ о происходившей въ моментъ, къ которому относится указанное правило, борьбѣ интересовъ между материнскимъ и отцовскимъ родами, результатомъ которой явился отмѣченный компромиссъ. Увеличеніе численнаго состава лицъ всегда является господствующимъ интересомъ группы; въ данномъ случаѣ материнскій родъ, уступая дру-

гому роду свои права надъ лицомъ, которое должно бы было принадлежать ему и этимъ служить его интересамъ, требуетъ себѣ то же имущественное вознагражденіе, какъ если бы это лицо было убито, т. е. насильственнымъ образомъ лишено возможности содѣйствовать экономическому благосостоянію своего рода. Здѣсь регулированіе нормъ происходитъ на основаніи экономическаго принципа.

Это же стремленіе группы осуществить свои права на ребенка, рожденнаго отъ одной изъ представительницъ рода, сказывается и въ нѣкоторыхъ постановленіяхъ, доказывающихъ, что экономическими соображеніями поддерживаются въ жизни нормы, появившіяся и господствующія при счетѣ родства по материнской линіи. Древнее право Уэльса относитъ къ роду матери шесть категорій дѣтей, раздѣляющихъ ея общественное положеніе: 1) сыновей, отъ которыхъ законнымъ образомъ отреклись отцы, слѣдовательно лицъ, которыхъ почему либо чужой родъ не пожелалъ принять къ себѣ; 2) сыновей, прижитыхъ незамужними женщинами съ согласія ихъ рода; 3) сыновей дѣвушекъ, изнасилованныхъ неизвѣстными мужчинами, 4) сыновей свободныхъ, выданныхъ родомъ за полусвободныхъ, 5) сыновей дѣвушекъ, изнасилованныхъ полусвободными и, наконецъ, 6) сыновей женщинъ, отданныхъ въ видѣ залога по обязательствамъ ихъ отцовъ въ чужую землю и сдѣлавшихся беременными во время пребыванія въ ней.

Материнскій родъ по кельтскому законодательству участвуетъ вмѣстѣ съ отцовскимъ въ кровной мести, платежѣ и полученіи платы за кровь. Наконецъ, и въ сферѣ земельныхъ отношеній въ правѣ Уэльса можно усмотрѣть нѣкоторые слѣды материнскаго родства. Въ извѣстныхъ случаяхъ родъ матери былъ обязанъ заботиться о дѣтяхъ. Постановленія, по которымъ родъ матери обязанъ былъ дать земельный надѣлъ дѣтямъ, принадлежность которыхъ отцу или любовнику не могла быть доказана ни ордаліями, ни свидѣтельскими показаніями, равно и дѣтямъ отъ брака свободной съ полусвободнымъ являются лишь естественнымъ слѣдствіемъ принадлежности указанной категоріи лицъ къ материнскому роду. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ роль материнскаго рода выступаетъ еще рѣзче. Материнскій родъ обезпечивалъ земельнымъ участкомъ лицъ, утратившихъ доставшійся имъ отъ отца земельный надѣлъ, если этотъ послѣдній поступилъ въ счетъ платы за кровь, головщины, «и платежъ послѣдней вызывался дѣйствіемъ, направленнымъ къ отмщенію обидъ, сдѣланныхъ чужеродцемъ одному изъ родичей по матери». «И такъ, говоритъ М. М. Ковалевскій,

въ разнообразнѣйшихъ сферахъ жизни древнихъ кельтовъ, материнство и утробное родство даютъ себя знать въ большей или меньшей степени, то пріобщая къ роду матери непризнанныхъ отцомъ незаконнорожденныхъ, которые при господствѣ одного агнатическаго родства навсегда остались бы безродными (или вошли въ составъ отцовскаго рода на извѣстномъ неполноправномъ положеніи), то допуская и законныхъ дѣтей къ участію въ родовомъ владѣніи ихъ когнатовъ, то признавая ихъ связанными обязанностью взаимной помощи и круговой поруки не только съ родомъ отца, но и съ родомъ матери. Въ процессѣ, въ которомъ, какъ въ зеркалѣ, отражаются всѣ стороны юридическаго быта даннаго народа, материнство также наложило свою печать въ правѣ сторонъ доказывать свою правоту присягою не однихъ агнатовъ, но и когнатовъ. Это именно и разумѣетъ ирландскій Сенхусъ Моръ, говоря: въ каждомъ истцѣ и въ каждомъ отвѣтчикѣ заинтересованы родъ его отца, племенной старшина, церковь и родъ его матери, заинтересованы не только полученіемъ и соотвѣтственнымъ платежемъ пеней, но и возможностью установить своими показаніями фактъ виновности». Взглядъ, выраженный въ древнѣйшемъ сборникѣ законовъ брегонскихъ Сенхусѣ Морѣ на значеніе матери и связи, соединяющей ребенка съ матерью, краснорѣчиво высказывается въ наивномъ толкованіи слова мать—mathoir. Оно будто бы «состоитъ изъ двухъ словъ: mo (болѣе) и thoir (помогаетъ) и указываетъ на то, что мать болѣе помогаетъ (ребенку), чѣмъ отецъ».

О томъ же порядкѣ, который такъ ярко рисуетъ древнее законодательство кельтовъ, находимъ свидѣтельство и въ Historia ecclesiastica gentis Anglorum знаменитаго Бэды [1]). Онъ приводитъ между прочимъ народное преданіе, стремящееся, очевидно, объяснить умиравшій въ то время среди кельтовъ обычай вести счетъ родства по женской линіи. «Скóты, пишетъ онъ, которые живутъ въ Ирландіи, были покорены пиктами. Чтобы освободиться отъ своихъ покорителей, они обратили вниманіе пиктовъ на Англію. Пикты послѣдовали ихъ со-

---

[1]) Бэда родился въ 637 г. въ Нортумберлэндѣ и скончался въ 735 г. Всю свою жизнь съ семилѣтняго возраста онъ провелъ въ монастырѣ. Обладая обширными свѣдѣніями въ многихъ областяхъ знанія, онъ оставилъ послѣ себя многочисленныя сочиненія. Наиболѣе замѣчательное изъ нихъ—Historia ecclesiastica gentis Anglorum, въ пяти книгахъ. Она пользовалась большой популярностью въ средніе вѣка; существуетъ 132 рукописи ея, 7 переводовъ. Первое изданіе его Исторіи относится къ 1471 г. Бэда, какъ авторъ, не только поражаетъ глубокою ученостью и добросовѣстнымъ изученіемъ доступныхъ ему источниковъ, но симпатиченъ еще духомъ терпимости—явленіе исключительное для того времени. Ред.

вѣту и упрочились въ сѣверныхъ областяхъ Англіи. Позднѣе они начали просить себѣ женъ у шотландцевъ. Тѣ исполнили ихъ просьбу, но съ условіемъ, что, если впослѣдствіи поднялись бы споры о престолонаслѣдіи, материнская линія будетъ имѣть предпочтеніе передъ отцовской. До настоящаго времени, заключаетъ Бэда, пикты сохранили этотъ обычай».

Что касается германцевъ, имѣется прежде всего цѣнное указаніе Тацита, утверждающаго, что связь извѣстнаго лица съ дядею его по матери (avunculus) признавалась у многихъ германскихъ племенъ болѣе священной, чѣмъ связь его съ отцомъ. Было бы, однако, удивительно, замѣчаетъ по поводу этого мѣста у Тацита Даргунъ, если бы кромѣ этого свидѣтельства не сохранилось иного слѣда материнства въ германскихъ памятникахъ права, хотя можетъ считаться безспорнымъ положеніе, что въ эпоху Тацита и вѣроятно даже Цезаря материнство не было уже господствующимъ у германцевъ. Цезарь не могъ бы упустить изъ вниманія строй семьи, столь рѣзко отличающійся отъ римскаго, а Тацитъ прямо сообщаетъ, что ближайшими наслѣдниками германцы считаютъ сыновей, братьевъ единокровныхъ и братьевъ единоутробныхъ; слѣдовательно, въ этомъ перечнѣ patrui стоятъ впереди avunculi. Но въ строѣ, основанномъ на агнатическомъ родствѣ, должны были сохраниться слѣды болѣе древнихъ устоевъ, и Даргунъ, при изученіи древностей германскаго права, поставилъ слѣдующіе вопросы: Сохранились ли слѣды материнства въ варварскихъ правдахъ 1) въ положеніи законныхъ и незаконныхъ дѣтей въ отцовской и материнской семьѣ? 2) въ отношеніяхъ между супругами (является ли возможно прослѣдить въ болѣе позднихъ памятникахъ тѣсную связь между племянникомъ и дядей по матери, о которой говоритъ Тацитъ)? и 3) въ древнемъ наслѣдственномъ правѣ германцевъ? На эти три вопроса Даргунъ отвѣчаетъ утвердительно.

Какъ у кельтовъ, сожительство мужчины съ женщиной не всегда вело у германцевъ къ установленію отцовской власти надъ дѣтьми. Въ скандинавскомъ правѣ женщина, за которую не была уплачена цѣна, требуемая обычаемъ, считалась принадлежностью рода, отъ котораго она происходила; къ ея роду, а не къ роду мужа причислялись и ея дѣти. «Это правило проводимо было нѣкоторыми изъ сѣверныхъ правъ, въ частности исландскихъ, съ такою послѣдовательностью, что достаточно было жениху не доплатить калыма, чтобы прижитые имъ въ бракѣ дѣти не считались его дѣтьми и, какъ принадлежащія исключительно къ роду матери, лишены были права наслѣдованія въ его родѣ». Въ лангобардскомъ правѣ mundium

(власть надъ замужней) могло «принадлежать и не ея мужу, а когнатическому родственнику, и соотвѣтственно этому дѣти, если не при жизни отца, то послѣ его смерти, могли вмѣстѣ съ матерью вернуться въ ея родъ». Въ случаѣ неравныхъ браковъ дѣти слѣдовали положенію не отца, но матери. Далѣе, незаконнорожденные причислялись къ роду матери, какъ у кельтовъ, и имѣли право наслѣдовать въ оставленномъ ею и ея законными дѣтьми имуществѣ; «что же касается до отцовскаго имущества, то незаконнорожденные, какъ не принадлежащіе къ его (отцовскому) роду, не имѣли на него никакого права». Нѣкоторые слѣды материнства среди германцевъ сохранились и въ произведеніяхъ ихъ народнаго творчества. Въ Эддѣ — сборникѣ скандинавскихъ сагъ признается, что самое тяжкое преступленіе не отце-или мужеубійство, а убійство брата. Еще Бахофенъ, отмѣчаетъ Даргунъ, указалъ на слѣды материнства въ Нибелунгахъ: въ исторіи Гудруны, не мстящей своимъ братьямъ за убійство мужа и впослѣдствіи отомстившей своему второму мужу за убійство братьевъ, ясно видно, что связь между братьями и сестрами была среди первобытныхъ германцевъ гораздо сильнѣе, чѣмъ узы, соединяющія супруговъ. Въ произведеніяхъ X-го в., напримѣръ, въ эпосѣ Waltharius ясно запечатлѣлось тѣсное единеніе между дядей и племянникомъ. О томъ же говорятъ болѣе поздніе средневѣковые памятники. Если къ этому прибавить, что племянникъ обязанъ былъ участвовать въ кровной мести за дядю съ материнской стороны, что такой дядя часто являлся опекуномъ своего племянника, заботился о выдачѣ замужъ своей племянницы, дочери сестры, наконецъ, что племянникъ наслѣдовалъ своему материнскому дядѣ въ общественномъ положеніи—получится достаточно свидѣтельствъ, что и въ германскомъ древнемъ быту нѣкогда долженъ былъ господствовать счетъ родства по материнской линіи.

Несмотря на бѣдность источниковъ по вопросу о существованіи материнитета въ древней Индіи, нѣкоторые факты заставляютъ признать, что индусы въ древнѣйшія времена также были знакомы съ этимъ институтомъ. Въ изслѣдованіи Майра (Mayr) объ индусскомъ наслѣдственномъ правѣ (Das indische Erbrecht) приведены данныя, указывающія на слѣды древняго общественнаго устройства среди аріевъ. Вс. Ѳ. Миллеръ въ «Очеркахъ арійской миѳологіи» отмѣчая, что въ веддійскій періодъ у аріевъ существовала уже патріархальная семья, цитируетъ въ то же время изъ индійскихъ гимновъ не мало мѣстъ, позволяющихъ заключать, что въ до-веддійскій періодъ у аріевъ родство считалось по матери. Въ Ма-

хабхаратѣ между прочимъ встрѣчается слѣдующій разсказъ: Васуки, царь племени Нагасъ, желая имѣть наслѣдника и защитника, не думаетъ, однако, имѣть таковаго путемъ собственной женитьбы: онъ ищетъ мужа для своей сестры Дьярантару. Боги посылаютъ ему святого человѣка, имя котораго то же Дьярантару. Васуки выдаетъ свою сестру замужъ. На слѣдующій день послѣ свадьбы, мужъ уходитъ навсегда изъ дворца Васуки. Черезъ девять мѣсяцевъ послѣ свадьбы сестра царя родила героя Астику; этотъ послѣдній воспитывается во дворцѣ своего дяди по матери, какъ сынъ его. Астика въ теченіе всей своей молодости не знаетъ, кто его отецъ; достигнувъ зрѣлаго возраста, онъ становится законнымъ наслѣдникомъ Васуки. Въ индійской поэмѣ Астика является представителемъ материнскаго рода, и въ качествѣ таковаго онъ идетъ войной на сосѣдняго враждебнаго царя. Относительно этой весьма интересной въ научномъ смыслѣ легенды, приведенной Жиро-Тёлономъ, нельзя, однако, забывать, что рѣчь идетъ въ ней о покоренныхъ аріями народностяхъ древняго Индостана; слѣдовательно, вполнѣ возможно, что преданіе отражаетъ лишь бытъ этихъ народностей и не даетъ права судить о семейно-общественныхъ отношеніяхъ самихъ покорителей. Небезинтересенъ, однако, и тотъ фактъ, что туземныя племена, сосѣди аріевъ, вели счетъ родства по женской линіи въ то время, какъ сложился этотъ эпизодъ поэмы. Свѣдѣнія, почерпаемыя изъ древне-индусскаго законодательства, несмотря на свою сравнительную скудость, ставятъ, однако, въ связи съ вышеизложеннымъ, фактъ существованія матернитета у древнихъ индусовъ внѣ всякаго сомнѣнія. «При обозначеніи лицъ, говоритъ М. М. Ковалевскій, на которыхъ, въ случаѣ смерти отца, падаетъ обязанность опеки надъ его дочерью и въ частности выдачи послѣдней въ замужество, сводъ Вишну упоминаетъ материнскаго дѣда, а Нарада сверхъ того и материнскаго дядю. Привиллегированное положеніе того и другого родственника въ эпоху исключительнаго признанія утробнаго родства легко бы могло объяснить намъ причину, по которой и при полномъ переходѣ къ агнатическому родству тотъ и другой на правахъ переживанія продолжаютъ играть видную роль въ семьѣ». Что касается правила, согласно которому запрещается вступать въ бракъ съ родственниками матери, равно и запрещенія брака съ женщиной, носящей одно имя съ матерью жениха, то они не могутъ, вопреки мнѣнію Ковалевскаго, служить непреложными свидѣтельствами господства въ отдаленномъ прошломъ когнатическаго родства. Они могутъ объясняться и послѣдующимъ развитіемъ,

когда не только родство по отцу, но и родство по матери начинаетъ служить препятствіемъ къ браку. Гораздо большее значеніе имѣетъ слѣдующее свидѣтельство: «На когнатическое родство, какъ на предшествующее по времени родству агнатическому, указываетъ, между прочимъ, и то постановленіе индусскихъ сводовъ, которое запрещаетъ усыновленіе брата, сына сестры и сына дочери. Это запрещеніе не можетъ быть объясняемо близостью ихъ родственныхъ связей съ усыновителемъ, такъ какъ индусскій законодатель предписываетъ оказывать родственникамъ рѣшительное предпочтеніе при адопціи. Съ особенной охотой указываютъ они на сына брата или на внука по отцу, какъ на лицъ, которыя могутъ быть усыновлены ихъ бездѣтнымъ дядею или дѣдомъ, а между тѣмъ въ то же время они рѣшительно устраняютъ отъ адопціи сына его сестры, а также сына его дочери. Какъ объяснить такое противорѣчіе? Мнѣ кажется, говоритъ Ковалевскій, что ключъ къ объясненію такой странной, повидимому, аномаліи, какъ запрещеніе усыновленія брата, сына сестры и сына дочери при разрѣшеніи адопціи сына брата или внука по отцу дастъ намъ признаніе материнства исходнымъ моментомъ въ развитіи индусовъ. При существованіи его, братъ, племянникъ и внукъ по матери считаются между собою родственниками, племянникъ же по отцу и внукъ по отцу, какъ принадлежащіе къ другому роду, для нихъ чужеродцы. Усыновленіе на первыхъ порахъ, какъ производимое цѣлымъ родомъ, очевидно, можетъ имѣть мѣсто только между членами разныхъ родовъ. Родъ не можетъ усыновить т. е. искусственно сдѣлать собственнымъ членомъ лицо, принадлежащее къ нему eo ipso, въ силу рожденія; а если такъ, то не трудно понять, почему одинъ и тотъ же родъ не могъ усыновить одновременно брата, племянника и внука по матери съ одной стороны, и племянника и внука по отцу—съ другой, почему и впослѣдствіи усыновленіе однихъ устраняло возможность усыновленія другихъ. Устраненіе утробныхъ родственниковъ отъ усыновленія, при допущеніи агнатовъ, доказываетъ, такимъ образомъ, только то, что родственная связь первыхъ возникла ранѣе родственной связи вторыхъ, что какъ принадлежащіе къ роду, они не могли быть усыновляемы имъ, чего нельзя сказать о родственникахъ по отцу (агнатахъ), бывшихъ на первыхъ порахъ чужеродцами. Старинное запрещеніе продолжало держаться и тогда, когда дѣйствительный смыслъ его совершенно былъ утерянъ». Наконецъ, неоспоримымъ доказательствомъ господствовавшаго нѣкогда счета родства по материнской линіи среди древнихъ индусовъ, служитъ правило, согласно которому производимый жени-

хомъ при бракѣ подарокъ—остатокъ бывшей нѣкогда платы за невѣсты—«по мнѣнію однихъ индусскихъ сводовъ, Митакшары и Гаутамы, поступаетъ еще при жизни жены къ ея братьямъ по матери, согласно же другимъ, позднѣйшимъ сводамъ, только при ея смерти. Послѣдній порядокъ, какъ думаютъ современные толкователи наслѣдственнаго права индусовъ . . . долженъ быть признанъ позднѣйшимъ»; слѣдовательно, оказывается, «что при замужествѣ по крайней мѣрѣ часть платимой за невѣсту платы поступала къ ея утробнымъ братьямъ; а это въ свою очередь доказываетъ, что послѣдніе считались ея ближайшими родственниками». Это отношеніе вполнѣ согласно съ материнствомъ и тою ролью, какую при немъ весьма часто играетъ утробный братъ, какъ кормилецъ и защитникъ сестры.

Относительно древнихъ грековъ рядъ свидѣтельствъ позволяютъ утверждать, что счетъ родства по матери предшествовалъ у нихъ счету родства по отцу. Жиро-Тёлонъ справедливо обращаетъ вниманіе на сообщеніе Варрона, цитируемое блаженнымъ Августиномъ, что въ древнихъ Аѳинахъ дѣти носили имя своей матери, и что женщины въ прежнія времена пользовались правомъ голоса въ народныхъ собраніяхъ; по преданію, этотъ древній обычай былъ уничтоженъ Кекропсомъ. Страбонъ сообщаетъ аналогичное преданіе о беотійцахъ. Въ Греціи бракъ между братомъ и единокровной сестрой считался дозволеннымъ, и такіе браки встрѣчались: стоитъ хотя бы вспомнить египетскихъ Птоломеевъ; но союзы между единоутробными родственниками были запрещены, по крайней мѣрѣ, въ первой степени родства. Понять значеніе этой нормы возможно, лишь признавъ въ ней пережитокъ такого времени, когда родственники единокровные, но происходящіе отъ разныхъ матерей, не считались въ родствѣ, слѣдовательно не могло быть и препятствія для вступленія ихъ въ бракъ между собой. Если къ этому присоединить рядъ легендъ, хранящихъ въ себѣ слѣды матернитета, объясненіе которыхъ впервые было сдѣлано еще Бахофеномъ, и указанія на этотъ порядокъ вещей, разсѣянныя въ Иліадѣ и Одиссеѣ, фактъ, что древніе греки пережили стадію матернитета, едвали можетъ возбуждать сомнѣнія. Гомеръ признаетъ, что величайшей утратой для человѣка должна считаться сперва потеря единоутробнаго брата, а затѣмъ уже сына. Елена, напримѣръ, объясняетъ себѣ отсутствіе въ греческомъ лагерѣ Кастора и Поллукса соображеніемъ, что они ея братья по матери, не имѣющіе права, какъ таковые, начать войну противъ нея. Всѣ эти факты, въ связи съ тѣмъ, что ни Иліада, ни Одиссея не говорятъ почти нигдѣ объ агнатахъ, какъ о родственникахъ, доказываютъ, что въ эпоху, когда склады-

вались пѣсни, вошедшія въ обѣ поэмы, среди грековъ воспоминанія о матернитетѣ были еще вполнѣ живы (Ковалевскій).

Родственную организацію въ Римѣ исторія, какъ извѣстно, застаетъ уже въ періодѣ упадка, поддерживаемой государственными соображеніями. Трудно, поэтому, ожидать, чтобы можно было найти здѣсь много слѣдовъ предшествовавшаго патернитету счета родства по женской линіи. Однако, нѣкоторыя данныя позволяютъ ввести и римлянъ въ общую эволюцію счета родства у индоевропейской семьи народовъ. Доказательства, почерпаемыя изъ сказаній и легендъ, можно оставить въ сторонѣ, такъ какъ они нѣкоторыми изслѣдователями подвергались критикѣ. Хотя въ бытѣ плебеевъ сохранились, въ противоположность быту патриціевъ, много слѣдовъ архаическаго строя, ими неудобно пользоваться, потому что свѣдѣнія о плебеяхъ различными учеными толковались различно. Весьма важнымъ является доказательство, что агнатическій родъ не признавался самими римскими юристами за исконное явленіе: «это видно изъ словъ Папиніана: «когда царскій законъ далъ отцу право жизни и смерти надъ сыномъ» quum patri lex regia dederit in filium vitae necisve potestatem. Право жизни и смерти (jus vitae ac necis) надъ сыномъ характеризуетъ агнатическую семью въ самой развитой формѣ ея. Такимъ образомъ говоритъ В. В. Ефимовъ (Папиніанъ),.... «жившій въ эпоху очень отдаленную отъ того времени, о которомъ идетъ рѣчь, относилъ завершеніе развитія патріархальнаго быта къ царскому періоду. Любопытно то, что дѣло это Папиніанъ приписывалъ законодательному акту (lex regia). Жиро-Тёлонъ удачно подмѣтилъ, что народъ склоненъ облекать старинныя учрежденія, слагавшіяся медленнымъ путемъ, въ форму законодательнаго акта»... Изъ обычаевъ, хранившихъ слѣды господства когнатическаго рода, слѣдуетъ отмѣтить такъ называемыя charistia cara cognatio—древній праздникъ, служившій проявленіемъ религіознаго единенія когнатическаго рода. Валерій Максимъ (писатель I-го вѣка нашей эры) сообщаетъ, что это было торжественное пиршество (convivium solenne), на которое допускались одни когнаты и свойственники; находившіеся въ ссорѣ родственники должны были въ этотъ день мириться другъ съ другомъ. Что charistia является остаткомъ порядка предшествовавшаго установленію отцовскаго рода, доказывается тѣмъ, что Валерій Максимъ считаетъ этотъ праздникъ учрежденнымъ предками (majores instituerunt), т. е. къ числу установленій, появившихся до развитія патріархальнаго рода, который онъ относитъ къ эпохѣ начала Рима.

Далѣе, домовладыка иногда обязанъ былъ судить провинившихся

членовъ семьи вмѣстѣ съ когнатами. Они составляли семейный совѣтъ—consilium. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мужъ судилъ жену въ присутствіи когнатовъ, хотя ихъ присутствіе могло показаться излишнимъ, въ виду неограниченной власти мужа надъ женою и дѣтьми (patria potestas). Чтобы лишить жизни жену, напримѣръ, требовалось постановленіе когнатовъ — decretum cognatorum. Встрѣчаются также «указанія на резолюцію когнатовъ, какъ на явленіе установленное more majorum». «Безъ сомнѣнія, пишетъ В. В. Ефимовъ, мы не должны забывать, что классическіе писатели, сообщающіе ... о ... судѣ когнатовъ, жили въ ту пору, когда признавалось когнатическое родство. Поэтому, они безъ всякаго недоумѣнія могли говорить о судѣ когнатовъ, въ качествѣ современнаго имъ учрежденія». Невольно возникаетъ вопросъ: не является ли требованіе суда когнатовъ слѣдствіемъ смягченія нравовъ, стремленіемъ оградить женщину и дѣтей отъ произвола домовладыки. Но писатели отмѣчаютъ древнее происхожденіе этого института—more majorum, prisco instituto и проч., говорятъ они. Естественно, что въ эпоху господства агнатической семьи въ глубокой древности, не засвидѣтельствованной законодательными памятниками, судъ когнатовъ не могъ возникнуть. Если бы онъ появился въ эпоху смягченія римскихъ нравовъ и строгихъ нормъ римскаго семейнаго права, воспоминаніе объ этомъ должно было сохраниться въ памятникахъ: перемѣны въ семейномъ правѣ въ ущербъ власти домовладыки появились въ позднюю эпоху. Слѣдовательно, остается принять, что судъ когнатовъ, возникнувъ въ эпоху счета родства по женской линіи, когда родъ жены не уступилъ еще вполнѣ своихъ правъ на жену и дѣтей отцу, считалъ себя въ правѣ вмѣшиваться въ сферу проявленія фактическаго права мужа и отца и ограждать своихъ сочленовъ отъ злоупотребленія властью домовладыки. Смягченіе же нравовъ только встрѣтило и содѣйствовало поддержанію древняго института.

Наконецъ, такъ называемое *jus osculi*, право и обязанность извѣстныхъ родственниковъ цѣловаться другъ съ другомъ распространялось на когнатовъ, родственниковъ по женской линіи до шестой степени. Jus osculi можно безошибочно признать за древнее установленіе. Таковымъ считаетъ его и Полибій. Случай проявленія juris osculi можно, быть можетъ, усмотрѣть въ родственныхъ отношеніяхъ между извѣстными Гораціями и Куріаціями: они были родственниками по женской линіи и, по словамъ Діонисія Галикарнасскаго (I в. до Р. Хр.), «любили и цѣловали другъ друга такъ же, какъ родные братья». Въ позднюю римскую эпоху jus osculi сохранялось въ качествѣ утра-

тившаго реальный смыслъ переживанія; поэтому нѣкоторые писатели связывали возникновеніе juris osculi съ существовавшимъ будто бы нѣкогда древнимъ запрещеніемъ женщинамъ пить вино: «при поцѣлуѣ родственники могли убѣдиться, пили вино ихъ родственницы или нѣтъ». Другіе видятъ въ jure osculi символъ общенія родственниковъ. «Во всякомъ случаѣ osculum было обязательнымъ привѣтственнымъ поцѣлуемъ родственниковъ, находившимъ себѣ поддержку въ религіи. Имѣя въ виду тѣсный кругъ примѣненія juris osculi, пишетъ Ефимовъ, среди однихъ когнатовъ, нельзя не отнести возникновеніе этого явленія къ допатріархальному быту. Мало того: счисленіе родства, исходящее отъ группы родныхъ братьевъ и сестеръ (consobrini—двоюродные братья и сестры со стороны ихъ матерей, sobrini—троюродные братья и сестры также со стороны ихъ матерей) могло возникнуть въ отдаленную эпоху материнской семьи, когда родство считалось только по матери». Небезинтересно отмѣтить, что родственные римлянамъ сабиняне считали родство по женской линіи, какъ, напримѣръ, извѣстный родъ Фабіевъ.

Среди иранской вѣтви индоевропейской семьи народовъ можно также отмѣтить нѣкоторые слѣды бывшаго материнства. Такъ, у осетинъ, «братъ матери, такъ называемый мады-авсымаръ, при уплатѣ женихомъ ирада (калыма), сверхъ получаемаго имъ подарка... вправѣ требовать еще предоставленія ему въ Дигоріи отцомъ невѣсты двухъ быковъ или стоимость ихъ. Такой платежъ не мирится очевидно съ тѣмъ основнымъ воззрѣніемъ, по которому имущество семьи не должно быть отчуждаемо безвозмездно въ пользу чужеродца; оно противно началамъ агнатизма и объяснимо лишь подъ условіемъ признанія въ немъ пережитка изъ эпохи материнства и когнатическаго родства».

Что касается славянъ, нѣтъ ни одного положительнаго свидѣтельства въ пользу существованія у нихъ нѣкогда счета родства по женской линіи. Нѣкоторыя косвенныя указанія, приводимыя Ковалевскимъ, не достаточно убѣдительны. Въ самомъ дѣлѣ, статья Русской Правды, гдѣ, какъ напримѣръ, въ академическомъ спискѣ, въ числѣ мстителей за убійство упоминается и «сестринъ сынъ», недостаточно ясно, чтобы на ней можно было строить предположеніе о господствѣ когнатическаго рода. Оттѣняемая въ пѣсняхъ, въ частности южныхъ славянъ, тѣсная связь между братомъ и сестрою, взятая изолированно, не говоритъ еще въ пользу существованія материнитета. Доказательствомъ не можетъ служить и то, что въ былинахъ объ отцахъ многихъ богатырей, въ томъ числѣ и Добрыни Никитича, ничего не говорится, тогда какъ о матеряхъ ихъ заходитъ рѣчь довольно часто. Былины, вообще, не могутъ слу-

жить источникомъ для уясненія древнихъ чертъ русской жизни, потому что мотивы ихъ въ значительной степени заимствованы; выдающаяся же роль историческаго Добрыни, дяди князя Владиміра по матери, объясняется въ достаточной мѣрѣ тѣмъ исключительнымъ положеніемъ, въ которое былъ поставленъ въ семьѣ отца Владиміръ, рожденный отъ «ключницы» т. е. несвободной. Въ борьбѣ за княжество родъ отца не могъ и не хотѣлъ признавать его правъ, и эти условія должны были вынудить Владиміра обратиться къ ближайшимъ родственникамъ по матери. Въ лучшемъ случаѣ получается свидѣтельство, что древняя Русь одновременно признавала и агнатическое и когнатическое родство; но доказательствъ въ пользу господства матернитета едва ли возможно почерпнуть изъ этихъ фактовъ.

Остается, поэтому, какъ было сказано уже, искать слѣдовъ бывшаго матернитета въ обширной сферѣ обрядовъ, хранящихъ въ себѣ переживанія далекаго прошлаго быта. Въ этой сферѣ существуютъ нѣкоторыя указанія, которыя могутъ быть объяснены только господствомъ материнства. Интересна въ этомъ отношеніи роль брата невѣсты въ свадебныхъ обрядахъ нѣкоторыхъ мѣстностей, населенныхъ великоруссами и малоросами. Женихъ передъ отъѣздомъ къ вѣнцу обязанъ иногда выкупить невѣсту у ея брата. Иногда братъ, съ оружіемъ: пистолетомъ и шашкою (у донскихъ казаковъ), топоромъ, скалкой и проч. становится между поѣзжанами и невѣстой; лишь оттолкнувъ брата, женихъ овладѣваетъ невѣстой. Дѣвушки въ пѣсняхъ уговариваютъ брата не отдавать сестры. Въ малороссійскомъ свадебномъ обрядѣ обращаетъ на себя вниманіе фактъ, что продаетъ невѣсту и получаетъ за нее подарки мать, а не отецъ. Мѣстами мать защищаетъ свою дочь отъ нападенія со стороны поѣзжанъ жениха и пр.

VI. Материнскій родъ. Переходъ къ материнтету. Кувада.

Можно было бы перечислить, кромѣ приведенныхъ выше, еще множество другихъ племенъ, среди которыхъ существуютъ нормы материнтета или такихъ, у которыхъ сохранились болѣе или менѣе яркіе слѣды этого порядка. Однако, было бы крайне ошибочно дѣлать изъ этого выводъ, что среди всѣхъ указанныхъ народностей можно встрѣтить или предполагать совокупность всѣхъ нормъ, характерныхъ для счета родства по материнской линіи. Хотя утробный счетъ родства появляется у массы народностей раньше вычисленія его по линіи отцовской, это, какъ указано, еще не служитъ доказательствомъ существованія у всѣхъ переименованныхъ племенъ материнскаго рода, какъ самостоятельной соціальной или хозяйственной единицы и тѣмъ менѣе, системы матріархата. Когда, при наличности благопріятныхъ условій, счетъ родства по женской линіи приведетъ къ возникновенію материнскаго рода, народность переходитъ отъ территоріальнаго строя къ новой стадіи своей жизни—къ такъ называемому родовому быту; господствующей единицей оказывается тогда *родъ*, и правила, вытекающія изъ такого положенія вещей, регулируютъ нормы жизни какъ родичей, такъ и различныхъ родовъ въ отношеніи другъ къ другу.

Совокупность всѣхъ лицъ, объединенныхъ въ единое цѣлое сознаніемъ своего общаго происхожденія отъ одного предка, составляетъ родъ. Въ зачаточной формѣ родъ существуетъ уже въ тотемическихъ группахъ дикарей, основанныхъ на счетѣ родства по женской линіи. Но такія группы скорѣе представляютъ изъ себя религіозные союзы: главную роль играютъ здѣсь религіозныя узы, результатъ поклоненія одному предку родоначальнику. Для того, чтобы говорить о родѣ, какъ о самостоятельной соціальной или соціально-

хозяйственной единицѣ требуется нѣсколько условій. Родъ, по мѣрѣ своего развитія изъ простого религіознаго союза въ самостоятельное цѣлое, является аггрегаціей, объединяющей всѣхъ родственниковъ какъ общественную единицу. Это самая характерная черта родового строя. Сознаніе общности крови проникаетъ всю обширную сферу религіи, права, обряда и обычаевъ группы. Солидарность группы родственниковъ, какъ единицы, проявляется во всѣхъ наиболѣе важныхъ случаяхъ жизни, не только религіозной, но и правовой, иногда и хозяйственной. Отсюда вытекаютъ слѣдующія черты: 1) Родственники прежде всего объединены общимъ культомъ, къ исполненію котораго допускаются только сородичи при безусловномъ исключеніи чужеродцевъ. Это — обыкновенно культъ предка - родоначальника, будетъ ли таковымъ признаваться тотемъ—животное, растеніе, неодушевленный предметъ, небесное свѣтило и пр., или, съ развитіемъ вѣрованій, родоначальникъ или родоначальница-человѣкъ съ неисчезнувшими еще порой чертами звѣриной природы, или культурный герой, антропоморфное божество и пр. 2) Родовая группа владѣетъ всегда общей территоріей: распредѣлена ли земля между отдѣльными семьями, входящими въ родъ или нѣтъ, родъ, *и онъ одинъ*, считается собственникомъ этой территоріи; право пользованія ею или отдѣльными участками опредѣляются фактомъ принадлежности даннаго лица къ родовой группѣ *по крови*.

Религіозная и территоріальная связь, объединяющая сородичей, имѣетъ естественнымъ слѣдствіемъ солидарность родственниковъ и въ другихъ личныхъ и имущественныхъ отношеніяхъ. Родичи, во первыхъ, объединены круговой порукой. Отсюда становится понятнымъ, что родъ отвѣтственъ, напримѣръ, за обязательства, заключенныя сородичемъ, если послѣдній не въ состояніи исполнить ихъ; что въ процессѣ къ присягѣ привлекается извѣстное количество родственниковъ обвиняемаго (такъ называемый институтъ соприсяжничества); что, наконецъ, родъ наслѣдуетъ имущество лица, умершаго безъ потомства. Во вторыхъ, личность находитъ себѣ защиту только въ предѣлахъ своего рода. Отсюда общее правило, что за убійство или другое преступленіе, совершенное надъ членомъ рода, мстятъ всѣ сородичи; они же получаютъ выкупъ за кровь убитаго и, наоборотъ, за преступленіе или убійство, совершенное членомъ рода, сородичи обязаны вносить платежи (штрафы) или плату за кровь въ родъ убитаго. Наконецъ, группа родственниковъ, въ подавляющемъ количествѣ случаевъ, по крайней мѣрѣ, экзогамна, т. е. члены рода, не имѣютъ права вступать въ браки между собою. О причинахъ, при-

водящихъ болѣе цивилизованныя народности къ отступленію отъ экзогамныхъ правилъ, было уже говорено.

Указанныя черты характерны для родового быта вообще—безразлично, построенъ ли родъ на когнатическомъ или агнатическомъ родствѣ. Въ материнскомъ же родѣ эти правила находятъ себѣ еще спеціальное проявленіе въ нижеслѣдующихъ обычаяхъ и нормахъ права. 1) Въ случаяхъ, когда мать и отецъ даннаго ребенка принадлежатъ къ различнымъ соціальнымъ группамъ, будь то тотемическіе союзы, рода́ одного и того же племени, семейныя общины или иные союзы, дѣти, при господствѣ экзогаміи, причисляются къ соціальной группѣ матери. То же имѣетъ мѣсто и у тѣхъ сравнительно цивилизованныхъ народовъ, которые раздѣлены уже на касты: положеніе ребенка опредѣляется кастой матери. 2) При бракахъ свободнаго съ несвободной или наоборотъ положеніе дѣтей опредѣляется принадлежностью матери къ классу свободныхъ или несвободныхъ. 3) Если въ бракъ вступаютъ несвободныя лица, принадлежащія различнымъ господамъ, дѣти дѣлаются собственностью того владѣльца, которому принадлежитъ мать. Этого требовало древне - германское право; то же правило существуетъ у богосовъ въ Африкѣ и тамуловъ Цейлона. Взглядъ, что ребенокъ принадлежитъ господину матери, приводитъ къ тому, что лица, владѣющія несвободными, позволяютъ своимъ подвластнымъ браки только со своими же рабами изъ желанія оставить себѣ приплодъ отъ принадлежащихъ имъ женщинъ. 4) Счетъ родства по женской линіи приводитъ къ широко распространенному правилу, согласно которому имя ребенку дается матерью, а не отцомъ. Имя вообще играетъ важную роль въ глазахъ дикаря. Дикарь имѣетъ часто нѣсколько именъ, иногда мѣняетъ ихъ въ извѣстные торжественные дни, напримѣръ, при переходѣ изъ класса малолѣтнихъ въ классъ взрослыхъ и проч. Часто онъ ихъ мѣняетъ во время болѣзни и т. п. По его міровоззрѣнію имя стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ лицомъ, которое его носитъ: животное, дерево, неодушевленный предметъ, по названію котораго зовется дикарь, является въ большинствѣ случаевъ и его покровителемъ. Онъ можетъ, иногда долженъ даже измѣнить свое имя; этимъ самымъ онъ или мѣняетъ своего прежняго духа покровителя на новаго, либо къ старому пріобрѣтаетъ еще новаго помощника. Въ этомъ своемъ значеніи имя стоитъ въ самой тѣсной связи съ тотемизмомъ. Такъ какъ каждая тотемическая группа имѣетъ обыкновенно и своихъ, ей одной присущихъ духовъ покровителей, вполнѣ естественно, что при счетѣ родства по женской линіи имя

дается матерью ребенка, а не отцомъ его. Мать, давая имя ребенку, ставитъ его подъ покровительство духовъ, благопріятныхъ той группѣ, отъ которой она происходитъ и къ которой ребенокъ причисляется. Иногда случается, что ребенокъ получаетъ имя и отъ той мѣстности, гдѣ онъ родился: въ этомъ случаѣ онъ становится подъ защиту духа этой мѣстности. Имена, которыя намъ представляются прозвищами, для дикаря имѣютъ глубокій религіозный смыслъ. Когда, съ развитіемъ народности, имя нѣсколько утрачиваетъ свое религіозное, первоначальное значеніе, мать продолжаетъ сохранять право давать ребенку имя, такъ какъ имъ опредѣляется и родство и принадлежность къ той или иной группѣ. Вслѣдствіе этого, даже тогда, когда имена личныя уже теряютъ свой религіозный характеръ, ребенокъ принимаетъ во всякомъ случаѣ тотемическое, а затѣмъ и родовое имя своей матери. Не власть матери надъ ребенкомъ, какъ это предполагалось раньше, даетъ ей право передавать ему свое имя, а исключительно тотъ фактъ, что юридическія отношенія, основанныя на представленіи объ отношеніяхъ кровныхъ и возникшія на почвѣ первобытныхъ вѣрованій, въ большинствѣ случаевъ связываютъ ребенка только съ матерью и съ ея, сначала религіозной, а потомъ и кровной группой. Съ упадкомъ матернитета право давать имя ребенку, естественно, переходитъ къ отцу или его агнатамъ. Вотъ почему въ случаяхъ, гдѣ изслѣдователь встрѣчается съ обычаемъ наименованія дѣтей по имени матери, онъ можетъ предполагать существующій или существовавшій нѣкогда счетъ родства по женской линіи. Право матерей передавать свое имя ребенку отмѣчено у множества народностей стараго и новаго свѣта: напримѣръ, въ Африкѣ: въ Борну и Сіерра-Леоне, въ Австраліи, въ Сѣверной Америкѣ: у ирокезовъ, гуроновъ и др., въ южной Америкѣ у ароваковъ; въ древности, наконецъ, какъ уже было сказано, ликійцы и по преданію аѳиняне до Кекропса наслѣдовали имя отъ своихъ матерей. Имя, сдѣлавшись родовымъ, опредѣляетъ и принадлежность даннаго лица къ той или другой группѣ. Поэтому вполнѣ естественно, что въ періодъ перехода народности отъ материнства къ патернитету дѣти получаютъ имя то по матери, то по отцу, смотря потому, въ родъ котораго изъ родителей они причисляются; иногда же какъ, напримѣръ, у тлинкитовъ (колошъ) ребенокъ получаетъ имена обоихъ родителей. 5) Въ мѣстностяхъ, гдѣ при существованіи счета родства по женской линіи народность развилась уже до государственнаго организма или до сознанія племенного политическаго цѣлаго, званіе вождя или главы племени переходитъ по женской линіи, такъ что наслѣдникомъ оказывается или братъ едино-

утробный или племянникъ—сынъ сестры. Этотъ порядокъ перехода наслѣдственной власти господствуетъ среди большинства краснокожихъ народностей Америки: у гуроновъ, чироковъ, у туземцевъ Сѣверной и Южной Каролины, Виргиніи и проч., въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ Малайскаго архипелага, въ Микронезіи (острова Палау, Маріанскія и Каролинскія), въ Австраліи, въ Индіи на Малабарскомъ берегу, въ Африкѣ—среди туареговъ, въ Лоанго, Анголѣ, Мута-ямво и другихъ мѣстностяхъ. 6) Тамъ, гдѣ счетъ родства по женской линіи привелъ уже къ развитію материнскаго рода, опека составляетъ право или обязанность родственниковъ матери малолѣтнихъ. Оно возлагается преимущественно на дядю съ материнской стороны, такъ какъ онъ является естественнымъ владыкой при господствѣ материнскаго рода. Ему часто принадлежитъ право жизни и смерти надъ племянниками; онъ имѣетъ право ихъ продавать или закладывать, обязанъ выдать замужъ племянницъ и, какъ представитель семьи, получаетъ право на выкупъ за невѣсту. Роль дяди по матери, затемняющая и низводящая на нѣтъ роль отца, можетъ появиться только, когда счетъ родства по женской линіи привелъ къ господству материнскаго рода. Поэтому, въ тѣхъ случаяхъ, когда въ качествѣ переживанія встрѣчаешь воспоминанія о такой роли материнскаго дяди въ правѣ, обычаяхъ и обрядахъ народности, имѣешь право заключать, что у этой народности нѣкогда господствовалъ утробный родъ. 7) Дальнѣйшимъ звеномъ, соединяющимъ членовъ одного и того же материнскаго рода и свидѣтельствующимъ о существованіи прочной родовой организаціи, основанной на утробномъ родствѣ, является обязанность мстить за кровь убитаго родственника и право получать выкупъ за кровь; это отношеніе особенно часто встрѣчается между дядей и племянникомъ. Обязанность родственниковъ по матери участвовать въ кровной мести отмѣчено между прочимъ у аровакскаго племени гоахировъ, среди населенія Суматры, въ Австраліи, въ Африкѣ у бареа; она была извѣстна и древнимъ евреямъ (кн. Судей VIII, 19). Мстить за убійство женщины иногда составляетъ обязанность не мужа, а родственниковъ убитой: передъ этими послѣдними мужъ отвѣчаетъ за убійство своей жены, напримѣръ, у сомали въ Африкѣ. Эти отношенія могли возникнуть также лишь при существованіи сложившагося въ прочную организацію материнскаго рода. 8) Наслѣдственныя права на имущество переходятъ къ родственникамъ по матери. 9) Наконецъ, въ случаѣ расторженія брака, дѣти переходятъ къ матери и къ ея роду, а не къ отцу. Этого требуетъ обычай, напримѣръ, у сѣвероамериканскихъ племенъ и у ка-

рибскихъ народностей на Антильскихъ островахъ; тѣ же нормы существуютъ у малайскихъ народовъ на Малайскомъ архипелагѣ, въ Микронезіи, у туземцевъ Индостана, въ Африкѣ: у семито-хамитскихъ народностей, у негровъ фанти и среди племенъ, живущихъ по р. Конго. Въ стадіяхъ переходныхъ къ господству агнатическаго родства дѣти обыкновенно дѣлятся между родителями; такъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Новой Гвинеи при расторженіи брака дочери идутъ къ матери, сыновья къ отцу (Постъ).

Небезынтересно будетъ остановиться на нѣкоторыхъ организаціяхъ, основанныхъ на счетѣ родства по женской линіи у народностей, отчасти переживающихъ въ настоящее время материнскій родъ, отчасти переживавшихъ этотъ строй въ недавнемъ прошломъ, такъ что онъ могъ быть подробно изученъ изслѣдователями. При изложеніи свѣдѣній о материнскомъ родѣ, попутно будутъ указаны и случаи матріархата.

Сѣверная Америка, какъ извѣстно, является классической страной материнскаго рода. Нормы общежитія ирокезовъ и другихъ краснокожихъ народностей, имѣющія или имѣвшія аналогичныя съ ирокезами установленія, представляютъ въ этомъ отношеніи большой интересъ.

Ирокезы дѣлятся на рядъ племенъ, а каждое племя подраздѣляется на рода, число которыхъ въ каждомъ племени варіируетъ отъ трехъ до восьми. Ирокезское племя сенека, среди которыхъ долгое время прожилъ Морганъ, дѣлится на восемь родовъ, носящихъ имена различныхъ животныхъ—тотемовъ каждаго рода: Волкъ, Медвѣдь, Черепаха, Бобръ, Олень, Куликъ, Цапля и Соколъ. Каждый родъ считаетъ себя объединеннымъ происхожденіемъ отъ одной общей, фиктивной родоначальницы. Ко времени перваго знакомства съ ними европейцевъ ирокезамъ было уже извѣстно земледѣліе, они умѣли печь хлѣбъ, изготовлять глиняную посуду и пр., однимъ словомъ находились на сравнительно высокой ступени цивилизаціи. Они строили обширные дома, въ которыхъ жило по нѣсколько семействъ (до 20-ти), при чемъ хозяйство въ этихъ общихъ жилищахъ было основано на началахъ коммунизма. Счетъ родства они вели тогда, какъ и до послѣдняго времени, по женской линіи и въ этомъ отношеніи представляли полную аналогію съ большинствомъ другихъ краснокожихъ племенъ Сѣверной Америки. Счетъ родства по матери привелъ, однако, какъ у ирокезовъ, такъ и у другихъ краснокожихъ, къ нормамъ, которыя столь рѣзко отличались отъ европейскихъ понятій, что уже первые изслѣдователи обра-

тили на нихъ вниманіе. Такъ Шарльвуа (Charlevoix) [1]), писатель первой половины XVIII-го столѣтія, отмѣтилъ, что у ирокезовъ и гуроновъ отецъ былъ почти чужимъ по отношеніи къ своему ребенку. «У гуроновъ, по словамъ его, наслѣдственная власть вождей переходитъ по женской линіи; наслѣдуетъ сынъ сестры и за отсутствіемъ таковаго ближайшій родственникъ по женской линіи». «У этихъ народовъ, замѣчаетъ другой изслѣдователь XVIII-го вѣка о. Лафито (Lafiteau), браки совершаются такимъ образомъ, что мужъ и жена не выходятъ изъ своихъ семействъ, чтобы основать собственную семью и устроить отдѣльный шалашъ. Каждый остается у себя, и дѣти, которыя появляются на свѣтъ, принадлежатъ тому семейству, гдѣ они родились, т. е. семьѣ и шалашу матери, а не семьѣ ея мужа. Имущество мужа не переходитъ въ шалашъ его жены; онъ по отношенію къ родственникамъ ея является совершенно чужимъ, и въ шалашѣ его жены наслѣдницами оказываются дочери, которыя имѣютъ въ наслѣдованіи преимущественное право передъ мужчинами. Послѣдніе имѣютъ только одно право: жить въ шалашѣ». Кромѣ того, по замѣчанію Лафито, обитатели шалаша жены имѣютъ право на добычу отъ охоты мужа. Въ теченіе перваго года послѣ женитьбы вся добыча поступала въ пользу семьи жены; въ слѣдующіе годы въ пользу ихъ шла только половина добычи. Мать, а не отецъ имѣла рѣшающій голосъ въ вопросѣ о бракахъ своихъ дѣтей. Родственники матери обязаны были заботиться о примиреніи супруговъ въ случаѣ ихъ взаимныхъ несогласій. До настоящаго времени у дакотовъ, если мужъ обращается дурно съ женой, мать послѣдней можетъ взять дочь къ себѣ—и право мужа надъ личностью жены уступаетъ въ данномъ случаѣ праву матери надъ личностью дочери. Въ настоящее время обычай жить въ большихъ общихъ помѣщеніяхъ въ значительной степени вышелъ изъ употребленія у ирокезовъ племени сенека; но въ прежнее время, когда онъ былъ господствующимъ, и теперь въ мѣстностяхъ, гдѣ онъ еще сохранился, можно констатировать весьма значительное вліяніе женщинъ. Мужчины часто переселялись въ домъ жены. Женщины были управительницами этихъ общихъ домовъ; запасы пищи считались общимъ достояніемъ. Каковы бы ни были размѣры личнаго имуще-

---

[1]) Іезуитъ о. Франсуа Ксавье Шарльвуа (1682—1761) совершалъ въ качествѣ миссіонера нѣсколько большихъ путешествій въ Канаду, Японію, Парагвай, на островъ св. Доминго. Результаты его наблюденій изложены имъ въ обстоятельныхъ, отличающихся добросовѣстностью и богатымъ матеріаломъ трудахъ.

Ред.

ства, принесеннаго мужемъ въ домъ жены, ему могли во всякое время приказать удалиться изъ дома, и онъ обязанъ былъ исполнить приказаніе, если за него не заступалась случайно какая нибудь изъ тетокъ или бабушекъ жены. При хозяйственномъ превосходствѣ женщинъ надъ мужчинами, нѣтъ ничего удивительнаго, что женщины часто играли роль и въ управленіи племенемъ. Впрочемъ, эта роль нерѣдко преувеличивалась и заставляла ошибочно предполагать, что у краснокожихъ Америки существовала гинекократія.

Женщины, какъ описалъ это Морганъ, принимали участіе въ выборахъ вождей. Каждый родъ ирокезовъ управлялся старшиною, такъ называемымъ сахемомъ. Сахемъ имѣлъ значеніе только въ мирное время; въ случаѣ войны рода выбирали себѣ особаго вождя. Должность сахема была наслѣдственной, при чемъ она передавалась по женской линіи, такъ какъ и самъ родъ основывался на утробномъ родствѣ. Сынъ не наслѣдовалъ отцу въ этой должности, и это весьма понятно: они принадлежали къ разнымъ родамъ. Обыкновенно наслѣдниками являлись братья послѣ братьевъ или племянники по женской линіи послѣ дядей. Не смотря на то, что должность сахема была наслѣдственной, часто происходили и выборы сахема, если ближайшій наслѣдникъ почему либо казался неподходящимъ. Въ такомъ избраніи женщины зачастую имѣли большое значеніе. Имъ также нерѣдко удавалось и смѣстить выбраннаго или наслѣдственнаго сахема. У оджибвеевъ (чиппевековъ) женщины принимали участіе въ племенномъ совѣтѣ; у гуроновъ (вейандотовъ) въ каждомъ родѣ существуетъ совѣтъ, состоящій изъ четырехъ женщинъ, которыя избираются также женщинами, главами семействъ. Эти четыре женщины, составляющія совѣтъ рода, избираютъ изъ среды мужчинъ родового вождя. Послѣ избранія женщины рисуютъ на лицѣ этого вождя знакъ родового тотема. Племя управляется совѣтомъ, состоящимъ изъ соединенныхъ совѣтовъ отдѣльныхъ родовъ, куда входятъ и избранные женщинами вожди. Такимъ образомъ, племенной совѣтъ, какъ и родовой, состоитъ на $^4/_5$ изъ женщинъ. Племенной совѣтъ избираетъ племенного сахема, и, слѣдовательно, главное значеніе при выборахъ выпадаетъ на долю женщинъ. При той выдающейся роли, которую играютъ хозяйки, представительницы отдѣльныхъ семействъ, при отчужденности отца въ отношеніи къ своимъ дѣтямъ, экономической зависимости мужей отъ рода жены и пр., вполнѣ понятно, что женщины иногда достигали власти надъ всѣмъ племенемъ; конечно, подобные случаи не слѣдуетъ обобщать и нельзя имъ придавать большаго значенія, чѣмъ они заслуживаютъ. Шарльвуа сообщаетъ, что въ

1721 г. племя натчезовъ управлялось главнымъ вождемъ, по имени Солнце; послѣ его смерти власть перешла къ сыну его ближайшей родственницы. Эта послѣдняя фактически господствовала надъ племенемъ; она считалась женщиной-вождемъ и имѣла право жизни и смерти надъ соплеменниками. Старые испанскіе хроникеры сообщаютъ, что и въ Никарагуа мужья находились подъ властью своихъ женъ; родственники жены обращались съ ними какъ съ служителями. Небезполезно, однако, оговориться, что въ случаяхъ гинекократіи политической, какъ, напримѣръ, у натчезовъ, имѣешь дѣло съ фактическимъ отношеніемъ, а не съ юридической нормой, такъ какъ юридическимъ вождемъ считался мужской наслѣдникъ. Но вліяніе, которымъ пользуется женщина, естественно, облегчаетъ ей захватъ власти въ свои руки (Вайцъ, Морганъ, Летурно).

Исключительное положеніе женщинъ, господство материнскаго рода, находитъ себѣ и здѣсь выраженіе въ правѣ матери давать имя ребенку, съ согласія ея рода или, по крайней мѣрѣ, ближайшихъ родственниковъ. Собственныя имена краснокожихъ обыкновенно опредѣляютъ и материнскій родъ, къ которому данное лицо принадлежитъ; это строго соблюдалось особенно въ прежнее время. Въ качествѣ общаго правила можетъ считаться, пишетъ Морганъ, что каждый родъ имѣлъ въ употребленіи извѣстное количество личныхъ именъ, которыя составляли какъ бы личную собственность рода и не могли быть употребляемы членами другихъ родовъ. Такимъ образомъ, по личному имени можно было опредѣлить, къ какому роду данное лицо принадлежитъ, даже если не знать его родового имени. Напримѣръ, одинъ изъ родовъ у оттавовъ имѣетъ, между прочимъ, слѣдующія ему одному присущія имена личныя: для мужчинъ — Длинное крыло, Парящій въ воздухѣ соколъ, Бѣлоглазая птица и пр.; для женщинъ—Поющая при дневномъ свѣтѣ птица, Птичье яйцо и т. п.

Если къ описаннымъ чертамъ общественно-родового устройства краснокожихъ присоединить, что члены рода связаны обязанностью кровной мести, что наслѣдственныя права переходятъ исключительно по женской линіи, будетъ ясно, что описанный бытъ представляетъ не только типичныя черты, вытекающія изъ счета родства по женской линіи, но что указанныя племена развились до вполнѣ опредѣленнаго материнскаго рода, и мѣстами явилась возможность возникнуть среди нихъ матріархату, т. е. организаціи, въ которой власть отца отсутствуетъ.

Но картина этихъ отношеній будетъ неполна, если одновременно

не обратить вниманія и на личныя отношенія между супругами и всесторонне не выяснить положенія женщинъ при типичномъ когнатическомъ устройствѣ. Подчиненная роль мужа въ отношеніи къ роду своей жены легко объясняется: группа утробныхъ родственниковъ, живущихъ общими экономическими интересами, представляетъ сильною солидарностью своихъ членовъ экономическую группу; въ отношеніи къ ней чужеродецъ-мужъ, въ особенности, если онъ живетъ въ домѣ своей жены, является совершенно безсильнымъ. Но въ то же время мужъ пользуется всѣми правами въ предѣлахъ своего собственнаго материнскаго рода. Физическое превосходство мужчины надъ женщиной ясно выступаетъ и здѣсь. Даже у гуроновъ, среди которыхъ родовые и племенной совѣты состояли, какъ уже сказано, на $^4/_5$ изъ женщинъ, вождемъ избирался всегда мужчина. Власть женщинъ, по словамъ Шарльвуа, была скорѣе фиктивная, чѣмъ дѣйствительная. Власть мужа надъ личностью жены была очень велика и нерѣдко переходила въ злоупотребленіе, что иногда въ крайнихъ случаяхъ вызывало протестъ со стороны родственниковъ жены и приводило къ принудительному разводу супруговъ. Женщины, по словамъ Шарльвуа, въ домашней жизни являются рабынями мужа; мужчины глубоко презираютъ женщинъ, и названіе мужчины «женщиной» равняется кровной обидѣ. Женщинамъ, которыя играютъ роль при избраніи вождей, не передаютъ, однако, наиболѣе важныхъ для рода вѣстей. Вайцъ приводитъ свидѣтельства многочисленныхъ писателей о подчиненномъ и приниженномъ положеніи женщины у сѣверо-американскихъ племенъ. Мужчина у нѣкоторыхъ изъ нихъ имѣетъ право практиковать полигамію; женщина же обязана быть вѣрна своему мужу. Отецъ не имѣетъ юридической власти надъ своими дѣтьми, но фактическая власть его сказывается въ томъ, что онъ свободно проституируетъ свою жену и дочерей; за невѣрность онъ имѣетъ право унизительнымъ или мучительнымъ образомъ наказать свою жену: обрить ей голову, отрѣзать носъ, уши, губы, скальпировать ее и т. п. Лафито сообщаетъ, какъ, однажды, оскорбленный невѣрностью жены мужъ подвергъ жену мучительной казни посредствомъ сожиганія ея на медленномъ огнѣ и проч.

Спрашивается, какъ примирить эти противорѣчія—юридическое безправіе мужа съ фактическимъ его господствомъ надъ личностью жены, юридическую самостоятельность женщинъ съ фактическимъ безправіемъ ихъ при господствѣ материнскаго рода? Отвѣтъ на это можно найти въ условіяхъ экономическаго быта.

Положеніе мужа по отношенію къ той хозяйственной единицѣ,

къ которой принадлежитъ и въ которой живетъ жена, объясняется легко. Что касается до выдающагося положенія женщины, то оно, по справедливому замѣчанію Летурно, не переходитъ въ большинствѣ случаевъ за границы управленія и завѣдыванія хозяйствомъ. Жена индѣйца, говоритъ одинъ изслѣдователь, «не видитъ конца своей работѣ»; на ней лежитъ постройка зимняго и лѣтняго жилища, полевыя работы, собираніе плодовъ, изготовленіе одежды, украшеній, даже лодокъ. Мужчины занимаются почти исключительно войной и охотой. Вполнѣ естественно, что во внутреннихъ распорядкахъ дома мужчины почти не играютъ роли, уступая главенство женщинамъ.

Эти, первоначально только фактическія, отношенія переходятъ съ теченіемъ времени въ юридическія: мужчины *не имѣютъ права* вмѣшиваться въ хозяйственные распорядки, безъ разрѣшенія женщинъ взять что нибудь изъ запасовъ группы. Зная, насколько вопросъ о питаніи группы имѣетъ важное значеніе среди некультурныхъ племенъ, нельзя удивляться этому переходу фактическихъ въ своемъ источникѣ отношеній, когда мужчина совершенно равнодушно относился къ хозяйству, въ юридическія. Вслѣдствіе власти женщинъ въ предѣлахъ хозяйственныхъ, мужчина является въ роли распорядителя только внѣ дома: на охотѣ, въ лѣсахъ, въ преріи; внутри же вигвама господствуетъ старѣйшая женщина или мать. Такая роль женщинъ, при значеніи экономическихъ условій въ бытѣ некультурныхъ племенъ, даетъ имъ возможность оказывать воздѣйствіе на избраніе вождей и пр. Какъ представительницы хозяйственной стороны группы, онѣ имѣютъ важное значеніе для ея существованія, и съ ними приходится считаться. Вслѣдствіе этого, онѣ могутъ реагировать противъ непріятныхъ для нихъ дѣйствій со стороны мужчинъ вождей, могутъ, наконецъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ составлять совѣтъ женщинъ, значеніе котораго распространяется, однако, опять-таки лишь на хозяйственные распорядки. Вождемъ же, которому принадлежитъ право общаго управленія и суда, является мужчина. Въ свою очередь мужчина, пріобрѣтая себѣ жену покупкой или за подарки отъ ея родственниковъ по женской линіи, или, наконецъ, путемъ службы въ домѣ невѣсты въ теченіе извѣстнаго срока (всѣ эти способы распространены среди краснокожихъ), пріобрѣтаетъ и личныя права надъ женой. Слѣдствіемъ воззрѣнія на жену, какъ на собственность и являются, между прочимъ, и тѣ дикіе поступки въ отношеніи къ невѣрнымъ женамъ, о которыхъ было упомянуто. Имущественныхъ правъ мужъ не пріобрѣтаетъ: родъ ревниво охраняетъ свое имущество отъ всякаго посягательства со стороны чужеродцевъ,

такъ какъ только бо́льшая или меньшая обезпеченность рода даетъ ему и бо́льшую или меньшую власть и уваженіе среди другихъ родовъ. Если мужъ тѣмъ или инымъ способомъ не пріобрѣлъ своей жены въ индивидуальную собственность, онъ не имѣетъ и личныхъ правъ на нее и на дѣтей. Въ такой группѣ развивается матріархатъ: женщина находится въ распоряженіи своего рода, и мужъ оказывается всецѣло безправнымъ. Этимъ объясняются въ значительной степени свидѣтельства о подчиненіи мужей женамъ и ихъ родственникамъ, приведшія къ неправильному представленію о матріархатѣ.

Не только въ Сѣверной Америкѣ, но и въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ условія тому благопріятствовали, счетъ родства по женской линіи приводитъ къ развитію родовыхъ организацій, основанныхъ на когнатическомъ родствѣ. Интересныя свѣдѣнія о материнскомъ родѣ и матріархатѣ у нѣкоторыхъ кастъ и племенныхъ группъ отмѣчены нѣсколькими путешественниками въ Южной Индіи. Нѣкоторыя группы на Малабарскомъ берегу и въ другихъ мѣстностяхъ производятъ себя, впрочемъ совершенно неосновательно, однѣ отъ браминовъ временъ Ману, иныя отъ кшатріевъ. Всѣ онѣ—къ нимъ принадлежатъ и наиры—ведутъ счетъ родства по женской линіи и образуютъ материнскіе рода, имѣющіе опредѣленное имущество и стоящіе подъ управленіемъ старшаго дяди съ материнской стороны. Дѣвушка сама избираетъ себѣ мужа, и хотя въ нѣкоторыхъ группахъ, какъ напримѣръ, у наировъ, господствуетъ поліандрія, тѣмъ не менѣе случаи долгаго сожительства мужа съ женой не являются рѣдкостью. Часто мужъ переселяется къ своей женѣ въ таравадъ, т. е. общую родственную хозяйственную единицу, объединенную общностью имущества и управленіемъ (дяди по матери); иногда, если женѣ отводится особое хозяйственное помѣщеніе, мужъ живетъ въ немъ. Но онъ не имѣетъ права распоряжаться хозяйствомъ, такъ какъ послѣднее является собственностью материнской группы жены. Въ отношеніи къ дѣтямъ онъ считается чужимъ; они находятся подъ властью и наблюденіемъ брата ихъ матери. И здѣсь положеніе женщины высокое, какъ у краснокожихъ племенъ Америки при существованіи материнскаго рода; но и тутъ господство материнскаго рода не идетъ дальше значенія женщины въ хозяйственныхъ вопросахъ. Хозяйственныя соображенія объединяютъ членовъ материнскаго рода; стремленіе сохранить чистоту крови поддерживаетъ установившійся порядокъ. Экономическая подчиненность мужа женѣ и черезъ нее ея родственникамъ по женской линіи, такимъ образомъ, рѣзко сказывается. Но фактическая власть,

какъ и въ Америкѣ, принадлежитъ мужчинѣ: онъ, а не женщина, управляетъ группой.

Наконецъ, съ ясно выраженнымъ когнатическимъ родомъ, не только въ качествѣ соціальной, но и хозяйственной организаціи, изслѣдователи столкнулись во многихъ мѣстностяхъ Малайскаго архипелага, гдѣ древнія формы быта подверглись еще небольшимъ лишь перемѣнамъ. Такъ, напримѣръ, малайцы въ Менангкабау, по словамъ Вилькена, раздѣлены на утробные рода suku. Въ каждой деревнѣ (kota) можно встрѣтить нѣсколько материнскихъ родовъ. Каждый изъ нихъ занимаетъ опредѣленное мѣсто въ деревнѣ и живетъ въ одномъ домѣ, такъ называемомъ kumpulan rumah. Подъ одной кровлей обыкновенно находятъ себѣ мѣсто всѣ представители рода: мать съ своими дѣтьми, дяди, тетки, бабки, однимъ словомъ всѣ sahuah parui, т. е. родственники, считающіе себя происшедшими отъ одной родоначальницы. Дѣвушка, по выходѣ замужъ, продолжаетъ по прежнему жить въ своемъ материнскомъ родѣ; для новой пары дѣлаютъ лишь пристройку къ общему родовому дому. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда такой материнскій родъ (suku) разростается въ особенно многочисленную организацію, общій родовой домъ дѣлится на два, при чемъ второй является какъ бы подъотдѣломъ перваго. Во главѣ материнскаго рода стоитъ вождь (tunganei), власть котораго наслѣдственна и переходитъ къ мужчинѣ, старшему родственнику по женской линіи. Всѣ члены материнскаго рода связаны другъ съ другомъ самымъ тѣснымъ образомъ общностью интересовъ. Сами малайцы говорятъ, что обитатели одного общаго дома (kumpulan rumah) являются членами семейной общины, и, сравнивая себя съ деревомъ, замѣчаютъ, что они имѣютъ одинъ корень и одну верхушку; далѣе, оттѣняя свою солидарность, они заявляютъ, что имѣютъ только общіе долги и требованія, т. е. не признаютъ индивидуальныхъ обязательствъ, что они дѣлятъ вмѣстѣ честь и позоръ. Имущество материнскаго рода переходитъ недѣлимымъ изъ поколѣнія въ поколѣніе; оно состоитъ изъ жилого помѣщенія и общаго земельнаго участка. Непосредственныхъ доказательствъ, что земля обрабатывается общими силами членовъ рода, нѣтъ; но такъ какъ нѣтъ также никакихъ свидѣтельствъ о раздѣлѣ полей, хотя бы только временномъ, едва ли будетъ ошибочнымъ предположить, что и обработка земли производится общими силами. Впрочемъ, эта послѣдняя черта и не является особенно характерной для указаннаго устройства: если бы даже отдѣльные участки земли и обрабатывались отдѣльными членами, продукты земледѣлія при полной хозяйственной общности все равно должны идти на удовлетвореніе общихъ

нуждъ. Такимъ образомъ, кровная связь совпадаетъ здѣсь всецѣло съ экономическимъ объединеніемъ членовъ рода. Единственнымъ принципомъ, раздѣляющимъ родственниковъ — это запрещеніе вступать въ браки между собой: принципъ экзогаміи проводится у нихъ съ чрезвычайной строгостью. Но это же запрещеніе служитъ въ свою очередь связью, сближающей различные материнскіе рода другъ съ другомъ, такъ какъ они стоятъ благодаря этому во взаимномъ свойствѣ. Вслѣдствіе этого деревня, состоящая изъ различныхъ родовъ, представляетъ единое, органическое цѣлое: всѣ материнскіе рода (suku) пользуются одинаковыми правами. Деревня управляется совѣтомъ, состоящимъ изъ главъ отдѣльныхъ родовъ, съ одинаковымъ правомъ голоса. Въ виду того, что рода представляютъ строго экзогамную организацію, что женщина, по выходѣ замужъ, не оставляетъ своего родового дома, наконецъ, что счетъ родства ведется по женской линіи, естественно, что въ указанномъ случаѣ встрѣчается нерѣдко и матріархатъ. Подобныя отношенія существуетъ также у даяковъ Борнео. Счетъ родства даяки ведутъ по женской линіи; обыкновенно мужъ переходитъ жить въ домъ рода своей жены, при чемъ такіе родовые дома иногда содержатъ въ себѣ до 500 человѣкъ.

На Никобарскихъ островахъ каждая семья живетъ уже обособленнымъ хозяйствомъ: обычай жить въ родовыхъ домахъ въ настоящее время уже исчезъ. Но въ организаціи каждой семейной общины еще живы воспоминанія древняго быта. Группа, ведущая счетъ родства по женской линіи, управляется или старухой или старикомъ—родственникомъ со стороны матери. Дѣвушки при замужествѣ не покидаютъ родительскаго крова; ихъ мужья переселяются въ домъ ихъ родителей, такъ что, если въ семейной группѣ много дѣвушекъ, къ дому приходится пристраивать новыя жилыя помѣщенія. Имущество, какъ движимое, такъ и недвижимое, составляетъ принадлежность группы.

Среди земледѣльческаго населенія южной части азіатскаго материка встрѣчаемъ подобныя описаннымъ явленія. Такъ, гаросы въ Ассамѣ дѣлятся на родственныя группы, которыя живутъ въ большихъ общихъ помѣщеніяхъ—mahâri. Среди нихъ господствуетъ экзогамія, вслѣдствіе чего браки между членами одного и того же mahâri запрещены. Дѣти при бракахъ принадлежатъ роду матери и не наслѣдуютъ ничего отъ своихъ отцовъ. Во главѣ каждаго рода стоитъ вождь—laskar, избираемый съ согласія женщинъ группы. Слѣдовательно, и здѣсь выступаютъ характерныя черты материнскаго рода, т. е. отсутствіе юридической власти отца надъ дѣтьми, по

отношеніи къ которымъ онъ является, какъ и относительно рода своей жены, совершенно чужимъ. Аналогичныя общины можно еще встрѣтить въ настоящее время въ нѣкоторыхъ частяхъ Африки, Тихоокеанскихъ архипелагахъ и другихъ мѣстностяхъ.

Зная, въ какихъ институтахъ первобытнаго права находитъ себѣ выраженіе господство материнскаго рода и развитіе послѣдняго, при условіяхъ благопріятствующихъ, въ матріархатъ, можно заключить, достигли ли господства материнскаго рода и развили ли матріархатъ нѣкоторыя народности, нормы которыхъ могутъ служить доказательствомъ существованія у нихъ въ настоящемъ или въ болѣе или менѣе отдаленномъ прошломъ счета родства по женской линіи. Тамъ, гдѣ въ переживаніяхъ, обрядахъ или обычаяхъ выступаетъ на первый планъ роль дяди по матери, брата, изслѣдователь имѣетъ возможность предполагать, что данная народность развилась до материнскаго рода, какъ самостоятельной организаціи. Въ тѣхъ только случаяхъ, когда въ обычаяхъ и обрядахъ, сохраняемыхъ традиціонно, на первое мѣсто выступаетъ мать, тогда какъ роль отца отходитъ на второй планъ, онъ имѣетъ право строить гипотезу, что народности былъ знакомъ не только материнскій родъ, какъ самостоятельная организація, но и матріархатъ.

Но если счетъ родства по женской линіи не всегда приводитъ къ появленію материнскаго рода, какъ самостоятельной единицы, изслѣдователь, естественно, долженъ себѣ поставить вопросъ, какія особыя условія, по крайней мѣрѣ важнѣйшія, вызываютъ къ жизни этотъ процессъ. Наиболѣе удовлетворительный отвѣтъ даютъ этнографическія данныя.

Сравнительно еще недавно господствовала теорія о неизбѣжности опредѣленной хозяйственной эволюціи первобытныхъ народовъ: отъ охотничьяго быта черезъ скотоводческо-пастушій къ земледѣльческому. Въ настоящее время доказано, что множество народностей тамъ, гдѣ для этого имѣлись благопріятныя климатическія и почвенныя условія, перешли непосредственно отъ быта охотничьяго къ первобытному земледѣлію. Если разсмотрѣть народности, у которыхъ въ настоящее время господствуетъ еще счетъ родства по женской линіи, окажется, что онѣ находятся на разнообразныхъ ступеняхъ экономическаго развитія. Материнскій родъ, какъ самостоятельная организація, встрѣчается иногда въ эмбріональномъ видѣ среди различныхъ народностей, и это естественно: близость кровныхъ узъ приводитъ постепенно къ сознанію со стороны родственниковъ своей солидарности и къ стремленію обособиться въ самостоятельную единицу. Но материнскій родъ въ наи-

болѣе развитой, типичной формѣ его встрѣчается только у первобытныхъ земледѣльцевъ. Очевидно, такимъ образомъ, что въ условіяхъ первобытнаго земледѣльческаго хозяйства слѣдуетъ искать главный источникъ, дающій возможность развиться материнскому роду въ опредѣленную организацію.

«Женщина изобрѣла искусство обработки земли», пишетъ Штейненъ (v. d. Steinen) о бакаири, племени центральной Бразиліи; но, говоритъ справедливо Гроссе, это замѣчаніе можетъ быть распространено и на остальныя народности. Обработка земли, возникшая изъ первобытнаго раздѣленія труда между полами, сдѣлалась для женщинъ не только источникомъ обязанностей, но и правъ. Земля, которую женщина обрабатываетъ своими руками, принадлежитъ ей. Это право на землю признается за женщиной у всѣхъ народностей, которыя, сохраняя счетъ родства по материнской линіи, доразвились до земледѣлія. Когда это послѣднее дѣлается господствующей формой экономической жизни народа, и племя осѣдаетъ, центръ тяжести въ хозяйственномъ отношеніи переходитъ съ мужчинъ на женщинъ: охота и другія занятія мужчинъ имѣютъ лишь субсидіарное значеніе, а роль женщинъ, какъ хозяекъ и управительницъ, становится преобладающей. Если въ это время народность продолжаетъ еще вести счетъ родства по женской линіи, если материнскій родъ, какъ самостоятельная организація, еще не замѣнился отцовскимъ, почва для возникновенія и развитія матріархата уже подготовлена. Оберегая свое хозяйственное благосостояніе, стремясь къ численному увеличенію, группа — экономическая, совпадающая еще вполнѣ съ группой родственной, основанной на утробномъ родствѣ, неохотно выпускаетъ изъ числа своихъ членовъ именно женщинъ, особенно необходимыхъ для земледѣльческихъ работъ и производящихъ на свѣтъ новое поколѣніе. Если группа и соглашается отдать дѣвушку мужчинѣ, то только за высокую плату: въ большинствѣ случаевъ она предпочитаетъ принимать мужа ея къ себѣ въ группу, въ качествѣ временнаго любовника или постояннаго сожителя. Счетъ родства по женской линіи и экономическія соображенія поддерживаютъ въ жизни правило, что дѣти должны оставаться въ родѣ матери. Играя выдающуюся хозяйственную роль, женщина мѣстами достигаетъ фактическаго, иногда юридическаго вліянія на общественныя дѣла: она участвуетъ въ выборѣ старшинъ или вождей, иногда даже фактически господствуетъ надъ организаціей, часто пользуется свободой, извѣстнымъ уваженіемъ и пр., но только въ области хозяйственной жизни. Общимъ правиломъ можетъ считаться, что въ

материнскомъ родѣ владычествуетъ мужчина, только не мужъ чужеродецъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда женщина пользуется свободой, эту послѣднюю слѣдуетъ понимать лишь въ смыслѣ свободы по отношенію къ мужу, къ чужеродцамъ, но не въ отношеніи къ членамъ своей экономической родственной группы. Эта послѣдняя въ лицѣ своихъ мужскихъ представителей, предоставляя ей хозяйственную самостоятельность, имѣетъ большія права на ея личность, можетъ противъ воли продать ее, отдать на время другому и пр. Слѣдовательно, материнскій родъ, кромѣ отдѣльныхъ случаевъ матріархата, выражается преимущественно въ экономической самостоятельности женщины.

Отсутствіе власти мужа надъ личностью жены и дѣтей имѣетъ мѣсто лишь въ видѣ исключенія при матріархатѣ и, благодаря новѣйшимъ детальнымъ изслѣдованіямъ, оно легко поддается объясненію. Въ періодъ господства родовыхъ общинъ мужья продолжаютъ, какъ и на низшихъ ступеняхъ развитія, пріобрѣтать себѣ женъ среди сосѣднихъ группъ. Развитіе экзогаміи вслѣдствіе опасенія кровосмѣсительныхъ браковъ достигаетъ весьма большихъ размѣровъ именно при господствѣ родового устройства. Но похищеніе невѣсты часто дѣлается затруднительнымъ, влечетъ за собой вражду родовъ, нерѣдко имущественный ущербъ для всей группы похитителя; необходимость жить совмѣстно на сравнительно небольшой территоріи, узы свойства, соединяющія членовъ разныхъ родовъ и пр., все это вмѣстѣ взятое заставляетъ мужчину прибѣгать къ пріобрѣтенію себѣ жены тѣмъ или инымъ мирнымъ способомъ (покупка, вымѣниванье на подарки, служба въ группѣ жены). Даже, когда онъ продолжаетъ жить въ домѣ своей жены, мужъ, если онъ только пріобрѣлъ невѣсту покупкой, является властелиномъ надъ личностью ея и дѣтей. Только въ экстренныхъ случаяхъ онъ встрѣчаетъ сопротивленіе родовой группы жены противъ актовъ своего самовластія: родовая группа изъ различныхъ интересовъ, въ томъ числѣ и экономическихъ, иногда вступается за своихъ членовъ. Въ хозяйственномъ же отношеніи мужъ безправенъ. Если онъ бѣденъ и не можетъ купить себѣ жены, если онъ вынужденъ работать въ ея домѣ для полученія на нее правъ, онъ является и лично и имущественно безправнымъ. Наглядный примѣръ вліянія покупки жены на права мужа представляютъ народности, которыя переходятъ отъ когнатическаго рода и матріархата къ роду агнатическому. Такъ, напримѣръ, среди баттаковъ, мужъ только тогда получаетъ право на личность жены и дѣтей, если онъ внесъ за нее плату. Въ противномъ случаѣ онъ долженъ переселиться въ родъ жены, дѣти при-

надлежатъ ей и роду, и онъ лишенъ всякихъ личныхъ и имущественныхъ правъ.

Итакъ жена и ея родъ располагаютъ дѣтьми въ ущербъ правамъ отца только тамъ, гдѣ женщина оказывается экономически болѣе сильной. Типичный матріархатъ съ полнымъ безправіемъ имущественнымъ и личнымъ мужа является лишь исключеніемъ, вызываемымъ особыми условіями.

Не трудно представить себѣ, какое впечатлѣніе должны были произвести при ихъ открытіи факты, свидѣтельствующіе о счетѣ родства по материнской линіи и о существованіи материнскихъ родовъ, гдѣ власть мужа иногда совершенно стушевывалась передъ ролью родственниковъ жены, иногда даже передъ самой женой. Не удивительно, что первые изслѣдователи не были въ состояніи быстро оріентироваться въ этихъ совершенно новыхъ данныхъ. Лишь позднѣе удалось, благодаря накопленію все большаго матеріала, внести свѣтъ въ общую систему матернитета и отыскать границы, отдѣляющія матріархатъ отъ материнскаго рода, а этотъ послѣдній отъ простого счета родства по женской линіи, вытекающаго изъ религіозныхъ представленій.

То обстоятельство, что счетъ родства по материнской линіи былъ широко распространенъ по всему земному шару (если пользоваться статистическимъ методомъ окажется, что подавляющій процентъ народностей сохранилъ тѣ или иные слѣды этой системы родства), заставило основателей исторіи развитія семьи и нѣкоторыхъ послѣдователей ихъ считать материнскій родъ за стадію, которую будто бы прошло все человѣчество передъ переходомъ къ агнатическому роду. Это положеніе какъ будто подтверждало и то, что организацій, переходящихъ отъ материнской филіаціи къ мужской, изслѣдователи застали довольно значительное количество; между тѣмъ нельзя было указать ни одной, въ которой происходилъ бы обратный процессъ.

Въ новѣйшее время вмѣстѣ съ рѣзкой критикой стадіи гетеризма, общиннаго или коммунальнаго брака, возникло и отрицательное отношеніе къ вопросу о матріархатѣ и о счетѣ родства по женской линіи. На этихъ новѣйшихъ мнѣніяхъ придется остановиться подробнѣе ниже. Теперь же достаточно будетъ замѣтить, что, не смотря на нѣкоторыя увлеченія критиковъ въ отрицаніи прежней схемы исторіи развитія семьи, положительнымъ результатомъ ихъ изысканій оказалось: 1) въ настоящее время нельзя уже говорить о стадіи матріархата или материнскаго рода; 2) есть полное основаніе предполагать, что

отдѣльныя народности болѣе или менѣе непосредственно перем
стадіи безпорядочнаго сожительства и счета родства по
линіи къ счету родства по мужской линіи и къ отцовскому
Это второе положеніе, однако, не слѣдуетъ преувеличивать: и
народности встрѣчаются болѣе или менѣе изолированно. и
ство ихъ незначительно. Но не надо забывать, что счетъ
по женской линіи не вноситъ ограниченій во власть отца на
ностью жены и дѣтей. Правда, что неустойчивость союзовъ на н
ступеняхъ культуры поддерживаетъ связь ребенка съ матерью и
какъ мы видѣли, привести впослѣдствіи къ ограниченію правъ
отецъ, зная свое участіе въ актѣ рожденія, считаетъ себя собстве
дѣтей, какъ и жены. Вслѣдствіе этого уже a priori нельзя от
что могутъ быть племена, которыя одновременно развиваютъ
нятія о родствѣ по мужской линіи.

Въ Австраліи, гдѣ большинство народностей, вышедши
стадіи безпорядочнаго сожительства, ведутъ счетъ родства п
ской линіи, изслѣдователи отмѣтили и такія племена, которы
знаютъ отцовское родство въ равной, иногда же и въ больш
пени, чѣмъ материнское, препятствіемъ къ браку. Ограничи
законы, исключающіе возможность брачныхъ узъ для ближ
родственниковъ — до троюродныхъ братьевъ и сестеръ, от
напримѣръ, среди австралійскихъ племенъ гурандитшмара и
у первыхъ еще встрѣчаются браки между членами одной терри
ной группы, а у вторыхъ браки запрещаются, вслѣдствіе б
родственныхъ узъ даже съ представительницами нѣкоторыхъ со
группъ. Въ приведенныхъ случаяхъ родство, одинаково съ от
и материнской стороны, служитъ препятствіемъ къ браку. Пле
винъеря пошло нѣсколько далѣе въ развитіи понятій о родствѣ; б
отношенія распространяются у нихъ одинаково на членовъ п
мальной группы отца и группы матери. При солидарности членовъ
[illegible] у австралійцевъ и господство отцовскаго рода. Въ
[illegible] приведенному ранѣе примѣру, когда сынъ и отецъ
[illegible] различнымъ тотемическимъ союзамъ, въ случаѣ
[illegible] оказываются въ непріязненныхъ друг
[illegible] привести случаи, когда, объединенные въ одну
[illegible] родственники по мужской линіи связаны
[illegible] кровной мести. Эти факты позволяютъ заключ
[illegible] одной обособленной антропологической группы
[illegible] различными путями: въ то время, какъ часть
[illegible] исключительно счетъ родства по матери, другая

знавала и отцовское право. При этомъ фактическое господство отца, экономическая связь, соединяющая членовъ отцовской группы, могла сравнительно скоро окончательно уничтожить счетъ родства по матери и привести къ исключительному господству агнатическаго рода, при которомъ родство, соединяющее дѣтей съ родственниками матери, совершенно не принималось въ расчетъ.

Такимъ образомъ, можно допустить непосредственное развитіе агнатическаго рода изъ фактическихъ отношеній у племенъ, живущихъ въ стадіи безпорядочнаго сожительства. Однако, количество народностей, ведущихъ филіацію по женской линіи, настолько велико, что едва ли возможно отрицать, что большинство племенъ начало свой счетъ родства именно по женской, а не по мужской линіи. Слѣдовательно, если нельзя считать этотъ счетъ обязательнымъ для всѣхъ расъ и племенъ, онъ, тѣмъ не менѣе является преобладающимъ какъ общее правило. Далѣе, число народностей доразвившихся до родовыхъ организацій, основанныхъ на утробномъ родствѣ, слишкомъ значительно, чтобы взглянуть на отцовскій родъ какъ на господствующій въ началѣ человѣческой эволюціи. До настоящаго времени, несмотря на многія нападки, есть полная возможность признать, что счетъ родства по женской линіи въ подавляющемъ количествѣ случаевъ предшествовалъ счету родства по отцовской линіи, и что весьма часто когнатическая родовая организація предшествовала агнатической. Отцовскій родъ выступаетъ въ своихъ типичныхъ чертахъ всюду и всегда однообразно, явился ли онъ непосредственно на смѣну безпорядочному сожительству и зачинающемуся счету родства по женской линіи, или ему предшествовали отношенія, основанныя на когнатическомъ родовомъ устройствѣ. Въ первомъ случаѣ его развитіе идетъ, такъ сказать, вполнѣ естественнымъ путемъ и какъ таковое совершенно ясно. Во второмъ отцовскому роду при своемъ возникновеніи приходится бороться съ существующей когнатической организаціей. Изученіе условій, при которыхъ совершается эта борьба, и причина, почему она кончается побѣдой отцовскаго рода надъ счетомъ родства по женской линіи или материнскимъ родомъ представляетъ особый интересъ и занималъ многихъ изслѣдователей.

Бахофенъ считалъ переходъ родства по женской линіи въ родство по линіи мужской «важнѣйшимъ поворотнымъ пунктомъ въ исторіи отношеній между полами». «Онъ смотритъ на него, говоритъ Лёббокъ, какъ на освобожденіе духа отъ обманчивыхъ проявленій природы, какъ на возвышеніе человѣческаго существа надъ законами простой матеріи, какъ на признаніе того, что творческая

сила имѣетъ наибольшую важность, словомъ, какъ на подчиненіе матеріальной части нашей природы ея духовной части. «Посредствомъ этого шага, говоритъ онъ, разорваны были оковы теллуризма, и взорамъ человѣка стали доступны высшія области космоса»». Эта перемѣна произошла по Бахофену на третьей ступени человѣческаго развитія, послѣ стадіи материнскаго права, когда «духовное вліяніе отца взяло перевѣсъ надъ болѣе матеріальной идеей материнства. Мужчины заявили право на преобладаніе, имущество, и генеалогія направились по мужской линіи; поклоненіе лунѣ смѣнилось поклоненіемъ солнцу, и многія другія перемѣны совершились въ общественномъ строѣ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе признанія того, что творческое вліяніе отца важнѣе матеріальныхъ узъ материнства. Отецъ въ дѣйствительности считался виновникомъ жизни, а мать только кормилицей».

Эта фантастическая, выраженная громкими словами, теорія Бахофена стоитъ въ полномъ соотвѣтствіи съ его мистическомъ взглядомъ на ходъ развитія человѣчества. Конечно, она въ настоящее время представляетъ исключительно историческій интересъ: она свидѣтельствуетъ, какъ трудно было разобраться первымъ основателямъ науки о семьѣ въ многочисленныхъ фактахъ, стоявшихъ въ столь рѣзкомъ противорѣчіи съ ходячими въ то время воззрѣніями на семью, какъ на эмбріонъ человѣческаго развитія. Не болѣе удачной оказывается попытка объясненія такого перехода со стороны Жиро-Тёлона, одного изъ первыхъ горячихъ адептовъ эволюціонной теоріи происхожденія семьи. «Онъ смотритъ, говоритъ Лёббокъ, на первое признаніе себя отцомъ своихъ дѣтей, какъ на актъ благороднаго самопожертвованія, достойный какого нибудь великаго генія древнихъ временъ» и тутъ же приводитъ подлинныя слова Жиро-Тёлона: «Тотъ, кто первый согласился признать себя отцомъ, былъ человѣкомъ высокаго ума и сердца, однимъ изъ величайшихъ благодѣтелей рода человѣческаго. Чѣмъ могъ ты доказать, что ребенокъ дѣйствительно принадлежитъ тебѣ? Могъ ли ты быть увѣренъ, что онъ есть другой ты, твой плодъ, что ты его произвелъ? Или, быть можетъ, только великодушная и добровольная довѣрчивость заставила тебя, благородный новаторъ, идти къ достиженію высшей цѣли?»

Лёбоккъ, оспаривая мнѣнія обоихъ писателей, не былъ, однако, въ состояніи выставить удачнаго объясненія перехода отъ материнтета къ патернитету. «Я допускаю, пишетъ онъ, что утвержденіе отеческихъ правъ возростало постепенно, съ помощью импульсовъ естественной привязанности. Признанію родства по отцу, взамѣнъ родства по

матери, вѣроятно, содѣйствовало естественное, свойственное каждому желаніе, чтобы имущество его переходило къ его роднымъ дѣтямъ». Лёббокъ упускаетъ, однако, изъ виду, что естественная привязанность отца къ дѣтямъ явленіе далеко не общее всѣмъ некультурнымъ народностямъ. Мало того, крайне черствое отношеніе отца къ дѣтямъ оказывается часто характернымъ для некультурнаго быта: случаи продажи дѣтей, даже ихъ умерщвленія слишкомъ обыденны. Для дикаря ребенокъ есть прежде всего имущество или рабочая сила, которыхъ онъ такъ или иначе эксплоатируетъ. Наконецъ, и стремленіе передать свое имущество дѣтямъ можетъ возникнуть только при развитіи небольшихъ семейныхъ союзовъ. Родовая агнатическая группа, въ которой возникаетъ счетъ родства по мужской линіи, не допускаетъ лицо владѣть индивидуальной собственностью, кромѣ нѣкоторыхъ предметовъ и украшеній; остальное составляетъ общую собственность группы. Что касается оружія и украшенія, отецъ можетъ передать ихъ своимъ дѣтямъ и при счетѣ родства по женской линіи, такъ какъ отцу извѣстны его дѣти даже на низшей степени развитія. Впрочемъ, эти предметы изъ соображеній религіознаго характера обыкновенно кладутся покойнику въ могилу, какъ его индивидуальная собственность, которая ему можетъ оказаться необходимой въ загробной жизни.

Причины, вызывавшія въ томъ или другомъ случаѣ переходъ отъ счета родства по женской линіи къ счету родства по мужской и вслѣдъ за этимъ господство агнатическаго рода, вѣроятно, были очень сложны и, быть можетъ, разнообразны; вслѣдствіе этого, въ частностяхъ могли быть уклоненія и измѣненія, замедлявшія или ускорявшія этотъ переходъ и накладывавшія на самый процессъ тотъ или иной своеобразный отпечатокъ. Но, очевидно, что разъ одно и то же явленіе встрѣчается на всемъ пространствѣ земного шара, и всюду когнатическій родъ уступаетъ мѣсто агнатическому, приходится предположить одну общую, главную, такъ сказать руководящую причину этого явленія. Искать, повидимому, ее слѣдуетъ въ значительной степени въ экономическихъ условіяхъ жизни группъ. (Здѣсь надо имѣть въ виду только замѣну когнатическаго рода агнатическимъ, а не простого неразвившагося еще обычая счета родства по женской линіи счетомъ по линіи отцовской—замѣна, которая легко объясняется преобладающимъ значеніемъ отца и совмѣстной жизни въ предѣлахъ одной группы).

Одинъ изъ первыхъ рѣзко оттѣнилъ значеніе экономическаго фактора въ этомъ вопросѣ Спенсеръ. Несмотря на односторонность

его положеній, они представляютъ значительный интересъ уже оттого, что это первая попытка поставить рѣшеніе вопроса на правильную почву. Если Спенсеръ не могъ вполнѣ удовлетворительно отвѣтить на него, то происходило это, главнымъ образомъ, вслѣдствіе недостаточнаго количества матеріала, которымъ онъ располагалъ.

По мнѣнію Спенсера полигамія первая даетъ толчекъ къ измѣненію въ счетѣ родства. Опредѣленіе родства становится болѣе точнымъ: при полигаміи отецъ и мать одинаково извѣстны, въ то время, какъ въ предшествующихъ стадіяхъ развитія, отца, по мнѣнію Спенсера, опредѣлить съ точностью затруднительно. Семья становится болѣе устойчивой. По мѣрѣ того, какъ чувство отца къ дѣтямъ развивается вслѣдствіе точнаго сознанія своего отцовства, узы, соединяющія отца съ дѣтьми, дѣлаются болѣе прочными. Благодаря полигаміи является возможность вести счетъ родства отъ одного родоначальника, и генеологія ведется изъ поколѣнія въ поколѣніе отъ одного мужского потомка къ другому, такъ какъ, помимо связи между отцомъ и сыномъ, возникаетъ опредѣленная связь между отцами и сыновьями слѣдующими другъ за другомъ. Но полигамія, давая первый толчекъ къ счету родства по мужской линіи, не приводитъ еще къ господству агнатическаго рода; она лишь вводитъ новое отцовское родство и присоединяетъ его къ родству по матери.

Окончательный переворотъ совершается, по мнѣнію Спенсера, только при установленіи моногаміи. «Моногамическая семья, пишетъ онъ, очевидно занимаетъ высшую ступень соціальной эволюціи.... Въ поліандріи яснымъ оказывается только отношеніе къ матери, и дѣти связаны другъ съ другомъ только несовершенными узами родства. При полигаміи родственныя узы какъ съ матерью, такъ и съ отцомъ опредѣлены; но, въ то время, какъ часть дѣтей соединена между собой обѣими узами родства, часть, наоборотъ, связана только съ отцовской стороны. При моногаміи не только родство по отцу и матери совершенно опредѣлены, но и всѣ дѣти находятся въ одинаковомъ родствѣ другъ съ другомъ». Такимъ образомъ, по мнѣнію Спенсера, моногамія могла окончательно закрѣпить патріархальный режимъ. «Чтобы понять патріархальную группу, замѣчаетъ онъ, слѣдуетъ спросить себя, какимъ путемъ она появилась изъ организацій, предшествующихъ ей по времени». «Отвѣтъ найти нетрудно, добавляетъ Спенсеръ, если искать его въ рѣшеніи вопроса, какой образъ жизни долженъ былъ появиться послѣ прирученія травоядныхъ животныхъ. Тамъ, гдѣ пастбища богаты и покрываютъ обширныя пространства, разведеніе крупнаго скота не приводитъ непремѣнно къ

раздѣленію группы. Но тамъ, гдѣ пастбища не велики, гдѣ они разбросаны, гдѣ нельзя прокормить на одномъ мѣстѣ большого количества скота, собственники послѣдняго вынуждены отдѣляться другъ отъ друга. Естественно, что они раздѣлились на группы, намѣчаемыя уже въ первобытныхъ аггрегаціяхъ: мужчины брали и заставляли слѣдовать за собой женщинъ, которыми они обладали на правахъ собственниковъ, брали съ собой скотъ.... все имущество и шли въ поискахъ за пастбищами для своихъ быковъ и овецъ». Далѣе, отецъ отдѣленъ отъ другихъ мужчинъ; поэтому, принадлежность дѣтей ему одному несомнѣнна, и они перестаютъ исключительно принадлежать матери. Такъ какъ мѣсто, гдѣ живетъ первобытный пастухъ-кочевникъ получаетъ наименованіе у сосѣднихъ группъ по его имени, опредѣленіе родства исключительно по отцу облегчается. Первенствующее значеніе старшаго сына, право первородства, получаетъ также могущественный толчекъ къ развитію: являясь первымъ помощникомъ своему отцу, первымъ достигающимъ зрѣлаго возраста, старшій сынъ женится первымъ; у него у перваго появляется семья, и къ нему переходитъ и власть отца, когда послѣдній слабѣетъ или умираетъ. По мѣрѣ увеличенія группы появляетея тенденція признавать первенство за старѣйшимъ, и такимъ образомъ развивается группа съ типичными признаками агнатическаго рода, съ родовымъ старѣйшиной во главѣ.

Вымираніе общественныхъ группъ, живущихъ въ другихъ организаціяхъ, содѣйствуетъ развитію патріархальнаго рода: этотъ послѣдній, болѣе дисциплинированный, объединенный единой властью, одерживаетъ побѣду, по мнѣнію Спенсера, въ борьбѣ за существованіе надъ другими организаціями.

Спенсеръ допускаетъ, что патріархальный родъ могъ возникнуть и при другихъ условіяхъ. Изъ этихъ послѣднихъ онъ особенно оттѣняетъ значеніе войны. Частыя войны, которыя приходится вести первобытному человѣку, завершаютъ выдѣленіе преобладающей роли мужчины. Когда мужчины жили совмѣстно группами, они въ случаѣ войны избирали себѣ вождя. Въ пастушеской группѣ вождь уже находится на лицо: это отецъ, власть котораго не ограничивается прочими членами группы. «Но, заключаетъ онъ, возникаетъ-ли или нѣтъ патріархальный строй при другихъ условіяхъ, мы можемъ смѣло говорить, что пастушеская жизнь даетъ наиболѣе благопріятныя причины для его развитія».

Познакомившись съ первоначальными отношеніями между полами въ первобытныхъ группахъ, не трудно видѣть слабыя стороны

аргументаціи Спенсера. Признаніе со стороны отца дѣтей своими не можетъ повести къ агнатическому роду; всѣ элементы послѣдняго уже существуютъ на низшей ступени цивилизаціи. Дѣйствительно, предположенное Спенсеромъ раздѣленіе группы подъ вліяніемъ экономическихъ условій, вызываемыхъ скотоводческо-кочевымъ хозяйствомъ, должно облегчить переходъ къ счету родства по отцовской линіи. Но, если недостатокъ пастбищъ вынудилъ первоначальную группу разбиться на индивидуальныя семьи, эти послѣднія неизбѣжно должны вновь дробиться при разростаніи. Такое постоянное дробленіе должно было дать рядъ индивидуальныхъ семействъ, а не родовую организацію. Наконецъ, трудно примирить мнѣніе Спенсера о значеніи моногаміи, какъ фактора, дающаго окончательное развитіе агнатическому роду, съ господствующей въ дѣйствительности среди скотоводовъ полигаміей. Правда, у скотоводовъ-кочевниковъ патріархальный, агнатическій родъ вырабатывается съ особенной яркостью; но чѣмъ объяснить, что малайскія народности и краснокожіе Сѣверной Америки, напримѣръ, никогда не занимавшіеся скотоводствомъ, переходятъ и отчасти перешли на глазахъ изслѣдователей отъ когнатическаго къ агнатическому роду? Здѣсь нельзя предположить вліяніе войны: этотъ переходъ совершился и совершается какъ разъ въ періодъ, когда война среди краснокожихъ и малайцевъ съ замиреніемъ страны все болѣе утрачиваетъ свое первоначальное значеніе, тогда какъ именно въ періодъ господства материнства она составляла важную сторону ихъ жизни. Отдѣленіемъ семействъ также нельзя объяснить это явленіе, такъ какъ переходъ къ счету родства по отцовской линіи совершается при господствѣ обычая жить въ общихъ родовыхъ помѣщеніяхъ.

Къ взгляду Спенсера примыкаетъ и М. М. Ковалевскій. Онъ дѣлаетъ, однако, значительный шагъ впередъ, допуская раздѣленіе группы при когнатическомъ родѣ не только непремѣнно въ пастушескомъ бытѣ, но и въ охотничьемъ. «Живя охотой и скотоводствомъ, пишетъ онъ, люди должны были расходиться по мѣрѣ того, какъ окрестные лѣса переставали изобиловать дичью и являлась нужда въ новыхъ пастбищахъ. Голодъ побуждалъ отдѣльныя орды выдѣляться изъ первоначальной общественной группы и идти искать счастья на чужой сторонѣ.» Ковалевскій цитируетъ, какъ и Спенсеръ, исторію раздѣленія Авраама и Лота. «У Лота, который ходилъ съ Авраамомъ, читаемъ мы въ книгѣ Бытія (XIII, 5—6, 11) также былъ мелкій и крупный скотъ и шатры. И непомѣстительна была земля для нихъ, чтобы жить вмѣстѣ..... И отдѣлились они другъ отъ

друга». Однако, надо имѣть въ виду, что книга Бытія сообщаетъ фактъ, относящійся уже къ періоду господства отцовскаго, агнатическаго рода; слѣдовательно, онъ не можетъ доказать положеніе о раздѣленіи группъ на низшихъ ступеняхъ культуры.

На экономическій факторъ указываетъ и Летурно. Счетъ родства по отцу, пишетъ французскій изслѣдователь, является повсюду позднѣе счета родства по матери; тѣмъ не менѣе онъ получилъ господство по всему земному шару «тамъ, гдѣ примитивный коммунистическій строй болѣе или менѣе пришелъ въ упадокъ, гдѣ могла быть проведена достаточно ясная черта, отдѣляющая интересы отдѣльнаго лица отъ интересовъ группы, къ которой данное лицо принадлежало. Дѣйствительно, общественная перемѣна, изъ которой вышла отцовская семья, совпала съ кореннымъ измѣненіемъ въ строѣ собственности, которая постепенно дѣлается индивидуальной или, по крайней мѣрѣ, семейной».

Представители экономическаго направленія, подобно прежнимъ изслѣдователямъ, часто не проводятъ разницы между простымъ счетомъ родства по женской линіи, материнскимъ родомъ и даже матріархатомъ. Они считаютъ, что явленія указаннаго порядка, тамъ, гдѣ можно ихъ наблюдать въ настоящее время, оказываются хронологически послѣдующими патернитету, слѣдовательно вытекающими изъ особыхъ условій жизни данной общественной единицы: первоначально построенная на патріархальныхъ началахъ группа мѣстами будто бы уступаетъ группѣ материнской. Смѣшеніе понятій о фактическомъ господствѣ отца съ агнатическимъ родствомъ, подавившимъ впослѣдствіи когнатическое, приводило ихъ къ заключенію, что всѣ организаціи, основанныя на материнствѣ, являются только какъ бы вырожденіемъ первоначальнаго агнатическаго родства.

Гильдебрандъ, напримѣръ, признаетъ, что у охотничьихъ народностей дѣти причисляются къ группѣ матери и при расходѣ супруговъ слѣдуютъ за послѣдней. Но онъ объясняетъ это явленіе шаткостью узъ на первобытныхъ стадіяхъ цивилизаціи, стремится оттѣнить только безправное положеніе женщины и фактическое господство надъ ней и ея дѣтьми мужчины—господство, которое онъ называетъ вслѣдъ за другими авторами, *отцовскимъ правомъ* (Vaterrecht). Гильдебрандъ какъ бы не допускаетъ, что изъ первобытныхъ родственныхъ отношеній можетъ развиться материнскій родъ. Этотъ послѣдній, равно и право матери надъ дѣтьми, по его мнѣнію (которое, однако, находитъ опроверженіе въ фактахъ дѣйствительной жизни), имѣютъ мѣсто лишь у народовъ, находящихся въ стадіи пастушеской

или земледѣльческой жизни, знакомыхъ уже съ правомъ собственности на землю. Гильдебрандъ предполагаетъ также, что этотъ порядокъ возникъ частью изъ обычая покупки женъ. По его мнѣнію, къ бракамъ, при которыхъ возникаетъ матернитетъ, прибѣгаютъ въ крайнихъ случаяхъ, когда мужъ не можетъ купить себѣ жену или пріобрѣсти ее въ собственность инымъ способомъ. Въ этомъ отношеніи Гильдебрандъ правъ настолько, насколько такіе браки встрѣчаются въ дѣйствительной жизни. Но онъ не объясняетъ, почему существуютъ браки съ материнскимъ правомъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда мужъ живетъ въ домѣ группы жены, имѣя все же власть надъ ней вслѣдствіе покупки ея, почему не развивается при этомъ положеніи дѣлъ агнатическій родъ. «Такъ какъ на низшей ступени развитія, заключаетъ Гильдебрандъ, мы не встрѣчаемъ материнскаго права, а одно лишь отцовское, въ то время какъ на высшей ступени выступаетъ одновременно какъ материнское право, такъ и отцовское, мы приходимъ естественно къ заключенію, что не отцовское, а материнское право возникло позже».

Но если это такъ, какъ объяснить по теоріи Гильдебранда возникновеніе когнатическаго рода? Случайныя, въ особенности исключительныя явленія, не могутъ вызвать къ жизни опредѣленнаго строя: лишь то, что дѣйствуетъ постоянно и въ одномъ направленіи, способно создать совокупность нормъ, характерныхъ для извѣстнаго соціальнаго строя. Далѣе, теорія Гильдебранда не даетъ возможность объяснить, почему цѣлыя племена живутъ въ когнатическихъ родахъ. Трудно себѣ представить, чтобы одни племена были настолько богаты, что большинство ихъ членовъ покупали себѣ женъ, а другія, наоборотъ, настолько бѣдны, что члены ихъ не могли пріобрѣсти себѣ женъ покупкой. Наконецъ, покупка невѣсты существуетъ и даже часто оказывается господствующей формой у низшихъ расъ, именно тамъ, гдѣ дѣти отъ подобныхъ браковъ слѣдуютъ материнскому, а не отцовскому родству.

Тѣ же возраженія можно сдѣлать и гельсингфорсскому ученому Вестермарку, у котораго стремленіе возстановить патріархальную теорію, распатанную ученіемъ быта дикарей, доходитъ до крайности.

Наиболѣе серьезный противникъ эволюціоннаго метода въ исторіи развитія семьи Старке не даетъ опредѣленнаго отвѣта на вопросъ. Это объясняется, главнымъ образомъ, методомъ названнаго изслѣдователя. Различныя причины могутъ, по мнѣнію Старке, привести къ одному и тому же явленію; вслѣдствіе этого, каждое отдѣльное свидѣтельство изъ быта низкостоящихъ народностей должно быть

разсматриваемо особо, съ точки зрѣнія причинъ, его вызвавшихъ. Старке считаетъ счетъ родства по отцовской линіи явленіемъ параллельнымъ когнатическому счету родства, но оттѣняетъ фактъ, что одинъ изъ этихъ способовъ вычисленія родства всегда преобладаетъ въ ущербъ другому. Тамъ, гдѣ браки являются прочными, господствуетъ отцовское родство; наоборотъ, гдѣ они неустойчивы—материнское. Въ отдѣльныхъ случаяхъ, однако, отцовское родство переходитъ въ материнское, причемъ однимъ изъ важныхъ источниковъ такого перехода Старке считаетъ полигамію. Онъ приписываетъ ей, такимъ образомъ, какъ разъ обратное значеніе сравнительно съ Спенсеромъ. При полигаміи каждая жена ведетъ часто особое хозяйство, и мужъ по очереди навѣщаетъ своихъ женъ, которыя живутъ особнякомъ со своими дѣтьми. Необходимость отличать дѣтей различныхъ женъ приводитъ къ материнской линіи родства. Нельзя, конечно, не согласиться съ мнѣніемъ Старке, что полигамія при благопріятныхъ условіяхъ поддерживаетъ женскую филіацію; но видѣть въ ней важный источникъ материнскаго рода, конечно, нѣтъ никакихъ данныхъ, такъ какъ жизнь отдѣльныхъ женъ обособленными хозяйствами явленіе сравнительно рѣдкое.

Когнатическій родъ обыкновенно появляется, по мнѣнію Старке, позже агнатическаго—или благодаря полигаміи, или при продолжающейся нерегулированности брачныхъ отношеній уже послѣ того, какъ группа сложилась въ прочное цѣлое. Если когнатическая группа переходитъ впослѣдствіи снова въ агнатическую, это можетъ быть вызвано самыми разнообразными причинами; нѣкоторыя племена Сѣверной Америки, напримѣръ, перешли къ новой организаціи частью подъ вліяніемъ проповѣднической дѣятельности миссіонеровъ. Если у данной народности право дачи имени опредѣляетъ также принадлежность къ извѣстному союзу, то разъ это право почему либо переходитъ къ отцу, отцовскій родъ вытѣсняетъ мало по малу материнскій. Это положеніе Старке является чисто логической ошибкой: право давать имя слѣдуетъ, очевидно, считать слѣдствіемъ нарождающихся новыхъ отношеній, а не причиной ихъ. Далѣе, по Старке выработка группъ содѣйствуетъ развитію агнатическаго рода: тамъ, гдѣ отецъ и сынъ живутъ въ одной группѣ, находятся на лицо всѣ данныя для преимущественнаго господства отцовскаго родства въ ущербъ материнскому. Въ общемъ это совершенно вѣрно; не слѣдуетъ забывать, однако, что, напримѣръ, въ Австраліи господство материнской линіи существуетъ одновременно съ правиломъ, чтобы отецъ и сынъ жили въ одной территоріальной группѣ.

Если откинуть вліяніе миссіонеровъ на измѣненіе семейно-общественныхъ отношеній первобытныхъ группъ, какъ явленіе рѣдкое и которое естественно нельзя относить къ числу нормальныхъ причинъ, получится въ результатѣ, что разныя обстоятельства приводятъ къ переходу отъ когнатическаго родства къ агнатическому. Старке вполнѣ правъ, что и развитіе группы, и жизнь отца съ дѣтьми совмѣстно въ одной группѣ и устойчивость браковъ и пр.—все это даетъ толчекъ къ развитію агнатическаго родства; но всѣ эти проявленія обусловлены въ свою очередь болѣе глубокими причинами. Условія, при которыхъ развивается группа, причины, почему въ каждомъ изъ указанныхъ случаевъ браки дѣлаются болѣе устойчивыми и т. д. не выяснены въ трудѣ Старке. Факторы перехода отъ когнатическаго родства къ агнатическому приняты не за слѣдствія другихъ болѣе глубокихъ условій, а за основныя причины. Надо замѣтить, впрочемъ, что работа Старке имѣетъ преимущественно полемическій характеръ, критика крайностей въ трудахъ основателей науки исторіи семьи, главнымъ образомъ Моргана. Старке останавливается поэтому на мелочахъ и недостаточно обращаетъ вниманія на болѣе существенное. Нѣкоторые факторы, однако, имъ указаны вѣрно, и къ нимъ придется еще возвратиться.

Причины перехода отъ господства материнскаго рода къ господству отцовскаго основательнѣе искать въ измѣненіи нѣкоторыхъ условій, вызвавшихъ къ жизни материнскій родъ. Большинство мужчинъ при господствѣ коммунистическаго родового хозяйства или вовсе не владѣютъ индивидуальной собственностью, или имѣютъ таковую лишь въ ничтожныхъ размѣрахъ. Вслѣдствіе этого мужчина часто вынужденъ приселяться къ дому жены и работать извѣстное количество времени, прежде чѣмъ пріобрѣсти право надъ личностью жены и дѣтей. Но, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ покупаетъ себѣ жену, группа послѣдней, особенно у земледѣльческихъ народностей, неохотно съ ней разстается и старается удержать новую пару у себя. По мѣрѣ развитія индивидуализма въ имущественныхъ отношеніяхъ стремленіе освободиться отъ безправнаго положенія среди родственниковъ своей жены сказывается все сильнѣе. Желаніе не зависѣть отъ родни своей жены, не жить безправнымъ работникомъ или не ходить, по крайней мѣрѣ, на свиданіе съ своей женой изъ своей группы, если мужъ жилъ у себя — естественное слѣдствіе эгоистическихъ чувствъ человѣка — должно было сказываться весьма рано, тѣмъ болѣе, что права надъ женой и дѣтьми мужъ пріобрѣталъ службой или покупкой.

Вотъ почему стремленіе увести жену къ себѣ начинаетъ проявляться впервые среди наиболѣе сильныхъ и вліятельныхъ членовъ группы. Гроссе первый постарался объяснить этимъ путемъ главную, по крайней мѣрѣ, причину перехода когнатическаго рода въ агнатическій. Онъ указывалъ на рядъ народностей, у которыхъ господствуетъ счетъ родства по женской линіи, между тѣмъ какъ наиболѣе вліятельные члены группы живутъ особнякомъ. Такъ, напримѣръ, у маори на Новой Зеландіи мужья обыкновенно переселяются въ домъ жены, кромѣ крупныхъ вождей или богатыхъ лицъ, которые могли имѣть нѣсколько женъ. Если дикъ занимаетъ выдающееся положеніе, или если онъ единственный сынъ, онъ беретъ жену въ свою группу; въ первомъ случаѣ это позволяетъ ему его благосостояніе, во второмъ—экономическія соображенія его группы, желающей сохранить его для себя и дающей ему возможность купить себѣ жену. Отсюда становится вполнѣ понятнымъ, почему въ низшихъ классахъ населенія Дагомеи принято было наслѣдованіе по линіи женской, въ то время какъ среди высшихъ, т. е. болѣе обезпеченныхъ классовъ оно направлялось по мужской линіи. Конечно, требуется значительное количество времени, прежде чѣмъ возможность для отдѣльныхъ лицъ держать женъ при себѣ приведетъ къ господству агнатическаго рода. Въ началѣ дѣти продолжаютъ причисляться къ роду матери, хотя бы женщина и жила съ своимъ мужемъ на территоріи или въ группѣ послѣдняго. Сила традиціи долго еще позволяетъ родственникамъ жены распространять свою власть на дѣтей, вмѣшиваться въ дѣла супруговъ, такъ или иначе ограждать женщину своей группы и ея дѣтей отъ посягательствъ уведшаго ее мужчины-чужеродца. Быть можетъ, стремленіе болѣе бѣдныхъ подражать болѣе вліятельнымъ въ уводѣ женъ къ себѣ распространяло этотъ обычай, такъ что случаи перехода мужа въ домъ жены становились все рѣже. Какъ бы то ни было, но именно возможность не жить въ домѣ жены должна было нанести первый и сильный ударъ когнатическому роду, такъ какъ фактическая связь между ребенкомъ и родственниками его по матери ослаблялась отсутствіемъ объединявшихъ раньше группу экономическихъ интересовъ.

При условіи увода женщинъ въ группу мужа эта послѣдняя, состоящая первоначально исключительно изъ когнатовъ съ допущеніемъ къ сожительству чужеродцевъ мужчинъ, постепенно превращается въ агнатическую съ женами-чужеродками. Патріархальная власть, прежде ограничиваемая родственниками жены, выступаетъ съ полной силой въ новой группѣ. Естественно, что такой переходъ, со-

вершающійся лишь крайне медленно, предполагаетъ существенныя измѣненія, происшедшія въ экономическомъ строѣ группы, по крайней мѣрѣ вначалѣ. Чтобы пріобрѣтать себѣ жену требуется уже накопленіе извѣстнаго богатства; за удовлетвореніемъ насущныхъ потребностей, необходимыхъ группѣ для ея существованія, она охотно уступаетъ въ индивидуальную собственность членовъ своихъ избытокъ, которымъ они имѣютъ право располагать по усмотрѣнію. Этимъ дается возможность отдѣльнымъ лицамъ пріобрѣтать себѣ женъ. Съ другой стороны, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда индивидуальная собственность не развита, когда она ограничена коммунистическимъ строемъ, накопленіе богатства даетъ возможность группѣ расходовать часть имущества для пріобрѣтенія женъ своимъ сочленамъ. То, что было недоступно группѣ при первобытномъ земледѣльческомъ хозяйствѣ, является возможнымъ для нея съ усовершенствованіемъ способовъ обработки, съ развитіемъ благосостоянія. Размноженіе группъ, невозможность жить въ одномъ помѣщеніи приводитъ къ тому, что новыя хозяйства устраиваются въ отдѣльныхъ жилищахъ. Хотя въ имущественномъ отношеніи эти хозяйства и входятъ въ агнатическую общину, но это раздѣленіе закрѣпляетъ агнатическое родство окончательно, даетъ толчекъ къ развитію отдѣльныхъ родовыхъ организацій. Доказательство, что дѣйствительно уводъ жены изъ группы ея родственниковъ въ группу родственниковъ мужа даетъ важный толчекъ къ развитію агнатическаго родства, а впослѣдствіи и агнатическаго рода можно видѣть на современныхъ отношеніяхъ у племенъ, переходящихъ отъ материнтета къ патеринтету. Среди малайцевъ, у которыхъ особенно развитъ материнскій родъ, только тамъ встрѣчается переходъ къ отцовскому родству, гдѣ мужъ не уходитъ жить въ домъ своей жены, а, наоборотъ, уводитъ ее къ себѣ—напримѣръ, у баттаковъ. У другихъ малайскихъ народностей, у которыхъ существуютъ обѣ системы родства одновременно, то или другое въ каждомъ данномъ случаѣ опредѣляется тѣмъ, увелъ ли мужъ жену къ себѣ, или вслѣдствіе бѣдности долженъ былъ переселиться въ домъ родственниковъ жены. Аналогичныя явленія отмѣчены у переходящихъ къ агнатическому родовому устройству краснокожихъ Сѣверной Америки, какъ внутреннихъ частей материка, такъ и среди рыболовческихъ народностей западнаго его побережья. Если въ измѣненіи экономическихъ условій группы, приведшихъ къ накопленію богатства, слѣдуетъ видѣть одну изъ важнѣйшихъ причинъ замѣны развитого материнскаго рода, даже матріархата—родомъ агнатическимъ, нетрудно объяснить развитіе этого послѣдняго въ случаяхъ, когда счетъ родства

но женской линіи не вызвалъ еще къ жизни когнатическаго рода какъ самостоятельной единицы. Очевидно, что и здѣсь толчекъ слѣдуетъ искать въ уводѣ мужемъ жены. Если вспомнить, что экономическая необезпеченность, частые періоды голоданія приводятъ первобытныхъ охотниковъ иногда даже къ умерщвленію дѣтей, станетъ вполнѣ понятнымъ, почему охотничья группа сравнительно свободно передаетъ женщину въ чужую группу мужа. При необходимости для охотниковъ бродить маленькими группами, надолго отдѣляться отъ своихъ сочленовъ, можетъ легче возникнуть сначала признаніе родства по отцу наравнѣ съ родствомъ по матери и затѣмъ привести мѣстами къ агнатическому роду. Еще нагляднѣе переходъ къ отцовскому роду въ скотоводческо-пастушескомъ бытѣ. Раздѣленіе на группы является здѣсь слѣдствіемъ необходимости, уводъ жены неизбѣженъ при перекочевкахъ, а накопленіе богатства отъ стадъ даетъ возможность кочевнику покупать себѣ женъ. Этимъ объясняется, почему пастушескія племена въ противоположность земледѣльческимъ не доразвились до материнской родовой организаціи какъ хозяйственнаго цѣлаго, что агнатическій родъ здѣсь вскорѣ подавилъ счетъ родства по женской линіи Какъ на исключеніе указываютъ на овагереросовъ въ Африкѣ, у которыхъ при существованіи патріархальнаго рода, члены племени объединены въ религіозные союзы сознаніемъ происхожденія отъ одной родоначальницы; но это легко объясняется переживаніемъ нѣкогда господствовавшаго счета родства по женской линіи, основаннаго на тотемизмѣ.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію чертъ, типичныхъ для агнатическаго, такъ называемаго патріархальнаго рода интересно будетъ остановиться на обычаѣ, который большинствомъ изслѣдователей принимался за доказательство воспоминанія среди даннаго народа періода перехода отъ материнства къ отцовству. Это такъ называемая *кувада* (*couvade*). Кувада заключается въ томъ, что отецъ фиктивно производитъ актъ дѣторожденія и, какъ и роженица, отказывается отъ употребленія того или иного продукта питанія, накладываетъ на себя постъ или подвергается нѣкоторымъ лишеніямъ иногда даже мучительнымъ операціямъ. Этотъ обычай, широко распространенный у различныхъ народностей земного шара, въ Европѣ имѣетъ мѣсто до настоящаго времени среди затерянныхъ въ Пиринейскихъ горахъ басковъ, отъ которыхъ онъ и получилъ свое имя. У басковъ роженица вскорѣ покидаетъ постель; но на ея мѣсто ложится ея мужъ, и ему приносятъ поздравленія родственники и сосѣди съ новорожденнымъ, за нимъ ухаживаютъ, какъ за больной и проч. Отно-

сительно племенъ Южной Америки существуютъ многочисленныя свидѣтельства существованія подобнаго обычая. У карибовъ послѣ рожденія ребенка, мужъ роженицы ложился въ постель и представлялъ актъ рожденія ребенка стонами и соотвѣтствующими движеніями. Женское населеніе поселка спѣшило къ его постели и поздравляло его съ счастливымъ исходомъ. У индѣйцевъ Гуйяны отецъ ложится въ гамакъ и остается въ немъ нѣсколько дней; за нимъ какъ за больнымъ ухаживаютъ сосѣдки, о матери же новорожденнаго никто не заботится, и она исполняетъ хозяйственныя обязанности. «У абипоновъ, по свидѣтельству Добрицхофера (Dobritzhoffer) (отъ конца XVIII ст.) мужъ, какъ только у его жены появлялся на свѣтъ ребенокъ, ложился въ постель и его окружали заботами». Въ началѣ 40-хъ годовъ текущаго столѣтія кувада была засвидѣтельствована у нѣкоторыхъ племенъ французской Гуйяны по р. Ойяпоку, а десять лѣтъ спустя путешественникъ Воазенъ (Voisin) сообщаетъ слѣдующій случай. Поднимаясь въ лодкѣ по р. Мана въ французской Гуйянѣ онъ остановился ночевать у туземцевъ. Утромъ онъ узналъ, что ночью въ сосѣднемъ отдѣленіи шалаша родился ребенокъ. Мать не испустила ни одного крика, и путешественникъ утромъ видѣлъ, какъ она умывалась на рѣкѣ вмѣстѣ съ новорожденнымъ. Въ это время ея мужъ лежалъ въ гамакѣ, изображалъ больного и принималъ съ самымъ серьезнымъ видомъ заботливое ухаживанье, въ частности и отъ своей жены.

У одного изъ туземныхъ племенъ Америки отецъ новорожденнаго интернировался въ постели на шесть недѣль и подвергался тяжелой діэтѣ. Затѣмъ собравшіеся родственники острыми зубами животнаго дѣлали надрѣзы на разныхъ мѣстахъ его тѣла и пускали кровь. Шарльвуа сообщаетъ о гуаранахъ (въ Южной Америкѣ), что отецъ новорожденнаго соблюдалъ весьма строгій постъ въ теченіе двухъ недѣль и не имѣлъ права ходить на охоту въ это время: отъ болѣе или менѣе строгаго соблюденія этихъ обычаевъ зависѣла жизнь ребенка.

Марко Поло сохранилъ свѣдѣнія о существованіи кувады у татаръ. Въ Бенгаліи послѣ рожденія ребенка родителей объявляютъ нечистыми на восемь дней; они покидаютъ домъ и пищу приготовляетъ мужъ. Послѣ этого признаютъ родственныя узы между отцомъ и ребенкомъ. На одномъ изъ острововъ Н. Гебридскаго архипелага отецъ въ теченіе десяти дней послѣ рожденія ребенка не долженъ работать, купаться въ морѣ, лазить на деревья. Обычай кувады встрѣчается среди туземцевъ Молуккскихъ острововъ, на Целебесѣ, въ нѣ-

которыхъ мѣстахъ Индіи и проч. Въ Африкѣ она практикуется на Западномъ берегу.

Интересъ представляютъ свидѣтельства древнихъ авторовъ объ этомъ обычаѣ. Аполлоній Родосскій (276—186 гг. до Р. Хр.) разсказываетъ о жившихъ на берегу Чернаго моря, въ сѣверо-западной части Малой Азіи, тибаренахъ, что «женщины производятъ у нихъ на свѣтъ дѣтей съ помощью мужчинъ: эти послѣдніе, говоритъ онъ, ложатся въ постель, испускаютъ громкіе крики, покрываютъ голову, приказываютъ приготовить себѣ омовенія». Діодоръ, историкъ I-го вѣка до Р. Хр., даетъ аналогичныя свѣдѣнія о жителяхъ Корсики, которые не обращали вниманіе на роженицъ, но ложились сами вмѣсто нихъ въ постель и оставались въ нихъ въ теченіе извѣстнаго количества дней, какъ будто они участвовали въ актѣ дѣторожденія. У жителей Кипра, пишетъ Плутархъ, мужъ ложится въ постель и подражаетъ крикамъ и движеніямъ производящей дѣтей женщины. Свидѣтельство Страбона позволяетъ распространить этотъ обычай еще на нѣсколько народностей древней Европы. Жены иберовъ, говоритъ онъ, какъ и жены кельтовъ, ѳракіянъ и скиѳовъ покидаютъ постели тотчасъ послѣ рожденія ребенка и уступаютъ ихъ своимъ мужьямъ, за которыми они ухаживаютъ какъ за больными. Ирландское преданіе повѣствуетъ, что во время нападенія на одно королевство (Conchabar-mac-Nessa) никто изъ витязей этого послѣдняго не могъ отразить нападенія, такъ какъ всѣ, кромѣ двухъ, «лежали, по выраженію преданія, въ мукахъ дѣторожденія». Летурно сообщаетъ фактъ существованія кувады на маленькомъ островѣ Маркенѣ въ Зюдерзе. О пережиткахъ обычая кувады среди населенія Россіи можно найти довольно обширныя свѣдѣнія въ статьѣ Рѣдько «Нечистая сила въ судьбахъ женщины-матери» (Этнографическое Обозрѣніе). Здѣсь собраны важнѣйшія литературныя свѣдѣнія о переживаніи этого интереснаго обычая. Они свидѣтельствуютъ съ достаточной ясностью, что и по этому вопросу описательная этнографія Россіи даетъ изслѣдователю богатый матеріалъ.

Странный обычай кувады обратилъ на себя, конечно, вниманіе изслѣдователей и вызвалъ различныя толкованія. Совершенно ненаучно Максъ Мюллеръ объяснялъ куваду смѣшнымъ суевѣріемъ; «смѣшныя» суевѣрія имѣютъ всегда источникомъ серьезные взгляды некультурныхъ народовъ. Тэйлоръ видѣлъ въ кувадѣ желаніе выразить идею, что тѣла отца и ребенка соединены другъ съ другомъ физическими узами: этимъ обычаемъ дикарь, симулируя дѣйствительное рожденіе, признавалъ свое отцовство. Лёббокъ усматривалъ въ немъ

обычай, отмѣчающій переходъ отъ матернитета къ патернитету. «Какъ скоро система родства по отцовской линіи вытѣснила систему родства по женской линіи, пишетъ онъ, отецъ занялъ мѣсто прежде принадлежавшее матери, и родство стало признаваться только съ нимъ. Вслѣдствіе того, при рожденіи ребенка, отцу слѣдовало быть весьма осторожнымъ во всемъ, что онъ дѣлалъ и что онъ ѣлъ, изъ опасенія причинить вредъ ребенку. Такимъ путемъ, заключаетъ Лёббокъ, я полагаю, произошелъ любопытный обычай la couvade». Липпертъ (Lippert), а за нимъ Гельвальдъ совершенно основательно ищутъ объясненія кувады въ религіозныхъ обрядахъ первобытныхъ народовъ, но ошибочно придаютъ ей значеніе искупительной жертвы. Въ эпоху господства материнства широко практиковался, по ихъ мнѣнію, обычай принесенія въ жертву первенца; онъ сдѣлался съ теченіемъ времени обязательнымъ и нѣкоторое время продолжалъ совершаться даже при господствѣ патернитета. Тамъ, гдѣ мужъ былъ одновременно и господиномъ, и собственникомъ жены и ея дѣтей, въ его интересы входило сохранять дѣтей для себя: слѣдствіемъ этого взгляда явилось будто бы уничтоженіе обычая приносить въ жертву первенцевъ. Но такъ какъ эти жертвоприношенія были основаны на давнемъ религіозномъ міровоззрѣніи, то, вѣроятно, протекло не мало времени, прежде чѣмъ первенца стали замѣнять другой жертвой. Освобожденіе отъ обязательства отдавать богамъ своего ребенка могло происходить различнымъ путемъ. Повидимому, замѣчаетъ Гельвальдъ, первыя попытки этого рода заключались въ постѣ, пусканіи крови и проч., которымъ подвергался собственникъ дѣтей; при этомъ племена, не доразвившіяся до скотоводческо-пастушеской жизни, должны были и наиболѣе долго сохранять этотъ обычай, такъ какъ у нихъ не было имущества, которымъ они могли бы замѣнить одну кровную жертву другой. Къ числу такихъ искупительныхъ средствъ относится кувада. Искусственность такого объясненія кувады очевидна сама собой. Но заслуга Гельвальда и Липперта заключается съ одной стороны въ томъ, что они подчеркнули значеніе религіозныхъ воззрѣній, лежащихъ въ основѣ кувады, что недостаточно было выяснено Лёббокомъ; съ другой стороны, они совершенно справедливо отмѣтили ошибку прежнихъ изслѣдователей, которые, основываясь на пріемахъ, къ которымъ прибѣгаетъ мужчина при кувадѣ, предполагали, что мужчина вмѣсто женщины лежитъ въ постели, т. е. занимаетъ какъ бы ея мѣсто. На самомъ же дѣлѣ, актъ дѣторожденія среди некультурныхъ расъ производится съ поражавшей европейцевъ легкостью и не вынуждаетъ роженицу хранить долгое время

лежачее положеніе послѣ рожденія ребенка. Такъ, напримѣръ, Стэнли разсказываетъ, что беременная женщина, несшая въ его караванѣ тюкъ, отстала во время пути, и черезъ нѣсколько часовъ нагнала караванъ, неся и тюкъ и рожденнаго ею во время пути ребенка. Слѣдовательно, лежаніе мужчины въ постели, иногда въ теченіе довольно продолжительнаго срока, не можетъ объясняться подражаніемъ женщинамъ, которыя не подаютъ этого примѣра своимъ супругамъ.

Жиро-Тёлонъ, какъ и нѣкоторые другіе ученые придавалъ кувадѣ значеніе символическаго дѣйствія, благодаря которому отецъ, символически участвуя въ актѣ дѣторожденія, пріобрѣтаетъ реальныя права на своего ребенка. Жиро-Тёлонъ называетъ куваду актомъ, въ которомъ выражается желаніе мужчины «показать въ ощутительной формѣ физическую близость между двумя лицами мужского пола, близость, выражаемую формальностями болѣе высокаго порядка». Онъ относитъ ее къ числу обычаевъ, устанавливающихъ адопцію: эти обычаи символически свидѣтельствуютъ объ единствѣ крови между усыновляемымъ и усыновителемъ. Онъ приводитъ примѣръ изъ быта саккалавовъ (о. Мадагаскаръ), у которыхъ при усыновленіи пріемные отецъ и сынъ дѣлаютъ себѣ надрѣзы на животѣ, смѣшиваютъ кровь и пьютъ нѣсколько капель ея. М. М. Ковалевскій склоняется къ подобному же объясненію кувады: отецъ получаетъ права на ребенка и можетъ считаться его отцомъ только послѣ фиктивнаго участія въ рожденіи его. Взглядъ Летурно въ существенномъ не отличается отъ взглядовъ цитованныхъ авторовъ: «Конечно не всюду, пишетъ онъ, но въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, въ моментъ, когда дѣлались усилія основать отцовскую семью, или по меньшей мѣрѣ опредѣлить счетъ родства по мужской линіи, народности, еще очень недоразвитыя, стремились символизировать участіе мужчины въ родственныхъ узахъ грубымъ мимическимъ подражаніемъ акта дѣторожденія. Этимъ пріемомъ, поражающимъ вниманіе окружающихъ, отецъ опредѣленно оттѣнялъ свое отцовство и внѣ сомнѣнія пріобрѣталъ нѣкоторыя права на новорожденнаго. Замѣтимъ, продолжаетъ Летурно, что обычай кувады сохранился въ особенности среди туземцевъ Америки, т. е. въ области, гдѣ система материнской семьи была и осталась до настоящаго времени крайне распространенной. Кувада, вѣроятно, представляетъ стремленіе выйти изъ этой системы. Она доказываетъ, что мужчина не хочетъ болѣе раздѣлять пользованіе своей женой или своими женами съ другими, желаетъ обладать дѣтьми, которыя дѣйствительно происходятъ отъ него и которыя впослѣдствіи по всѣмъ

вѣроятіямъ будутъ наслѣдниками его имущества. Кувада, въ концѣ концовъ, есть выраженіе возмущеннаго чувства индивидуализма противъ первоначальнаго коммунизма. Мимическіе пріемы этого обычая грубы и даже смѣшны; но, заключаетъ изслѣдователь, при общественномъ строѣ, гдѣ нѣтъ ни мэра, ни нотаріуса . . . свидѣтельскія показанія получаютъ особую силу, и, чтобы ихъ сдѣлать опредѣленными и памятными, некультурныя народности охотно прибѣгаютъ къ сложнымъ, бьющимъ въ глаза пріемамъ, которые могли бы запечатлѣть въ памяти присутствующихъ воспоминаніе объ извѣстномъ фактѣ».

Слабая сторона этихъ толкованій кувады заключается прежде всего въ томъ, что они покоятся на предположеніи о безправіи мужа по отношеніи къ своей женѣ и дѣтямъ и о трудности опредѣленія отца на низшихъ ступеняхъ культуры. При всѣхъ видахъ примитивныхъ организацій, какъ мы видѣли, отецъ, если не фактическій, то юридическій, всегда извѣстенъ; слѣдовательно, ему не имѣло смысла прибѣгать къ символическому акту, чтобы доказать свое отцовство. Предполагать же, что этимъ пріемомъ отецъ пріобрѣтаетъ извѣстныя права надъ дѣтьми, нельзя оттого, что эти права фактически ему принадлежатъ, если онъ сдѣлался собственникомъ жены тѣмъ или инымъ способомъ; кромѣ того, на низшихъ ступеняхъ культуры, какъ и въ цивилизованныхъ обществахъ, право не пріобрѣтается символическими дѣйствіями. Эти послѣднія, очень развитыя въ некультурномъ быту, являются не столько источникомъ права, сколько пріемомъ, выработавшимся изъ дѣйствительныхъ отношеній въ обрядовыя. Въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда обрядъ является исключительно символическимъ, какъ, напримѣръ, при усыновленіи или побратимствѣ, требующимъ смѣшенія крови, онъ коренится уже въ сравнительно развитомъ представленіи, что только тождество крови устанавливаетъ родственныя узы; при этомъ первоначально смѣшеніе крови имѣло не символическое значеніе, но чисто реальное. Наконецъ, права надъ дѣтьми уже оттого не могутъ быть устанавливаемы символическимъ актомъ дѣторожденія при господствѣ первобытныхъ группъ, что даже въ случаяхъ, когда исключительно женщина въ силу акта рожденія считается близко стоящей къ ребенку, она не получаетъ правъ на него: эти послѣднія ограничиваются или властью мужа или, при развитіи материнскаго рода и даже матріархата, родственниками матери ребенка.

Ближайшее изученіе различныхъ видовъ кувады даетъ возможность подыскать объясненіе этому странному обычаю. Старке отмѣчаетъ, что путешественникъ 40-хъ годовъ XIX-го ст. въ Южную Америку Шомбургъ

(Schomburgk) отмѣтилъ существованіе кувады среди ароваковъ и макузи; между тѣмъ обѣ народности ведутъ счетъ родства не по отцовской, а исключительно по женской линіи. Одного этого факта уже было бы достаточно, чтобы опровергнуть господствующій взглядъ на куваду, какъ на дѣйствіе, знаменующее переходъ къ агнатическому счету родства. Далѣе, цѣлый рядъ народностей, соблюдающихъ куваду, распространяютъ ее не только на мужчинъ, но и на женщинъ. У нѣкоторыхъ бразильскихъ племенъ оба супруга должны воздерживаться въ теченіе извѣстнаго срока отъ употребленія мяса нѣкоторыхъ животныхъ; у другихъ послѣ рожденія ребенка мать купаетъ дитя, а потомъ ложится въ гамакъ на три недѣли и питается въ это время, какъ и ея мужъ, исключительно вареной мандіокой; у пассесовъ роженица должна пробыть въ теченіе мѣсяца въ темнотѣ и питаться опять таки одной мандіокой; въ это время мужъ окрашиваетъ свое тѣло въ черный цвѣтъ и лежитъ въ гамакѣ. У арайкусовъ роженица можетъ питаться черепахами, рыбами и проч., но ей запрещено употребленіе мясной пищи. Эту же діэту соблюдаетъ и отецъ, пока младенецъ не можетъ сидѣть. На Банкскихъ островахъ родители новорожденнаго ѣдятъ только ту пищу, которую можетъ перенести ребенокъ. Въ другихъ мѣстностяхъ женщины обязаны соблюдать ту или иную діэту, въ то время какъ мужчинамъ въ теченіе нѣсколькихъ дней запрещается употреблять какую бы то ни было пищу. Совокупность указанныхъ фактовъ приводитъ Старке къ справедливому заключенію, что въ кувадѣ нельзя видѣть символическаго обычая, согласно которому мужъ, какъ бы родившій ребенка, требуетъ ухода и покоя. «Отецъ, соблюдающій куваду, пишетъ онъ, постится часто свыше всѣхъ силъ и предѣловъ, онъ воздерживается долгое время отъ извѣстной пищи съ тѣмъ, чтобы ребенокъ не расхворался». По мнѣнію дикарей употребленіе извѣстной пищи въ это время отражается на здоровьѣ и способностяхъ ребенка: если отецъ съѣстъ птицу или рыбу, ребенокъ будетъ страдать отъ болѣзней желудка; если онъ съѣстъ черепаху, ребенокъ будетъ глухимъ и т. п. «Кувада, продолжаетъ Старке, выражаетъ, какъ это уже оттѣнилъ Тэйлоръ, вѣру въ таинственную связь, соединяющую ребенка съ отцомъ, и эта вѣра стоитъ въ полномъ согласіи съ тѣмъ, что намъ извѣстно о вѣрованіяхъ первобытныхъ дикарей вообще. Взглядъ, что можно наслѣдовать храбрость умершаго, съѣвши его сердце, что можно околдовать человѣка посредствомъ заклинаній, произнесенныхъ на пучкѣ его волосъ и т. п.—все это вытекаетъ изъ представленій, которыя могли вызвать и куваду». Подобное мнѣніе высказываетъ и Гартландъ (Hartland), который видитъ въ кувадѣ про-

явленіе сознанія тѣсной физической связи ребенка съ родителями во время утробной его жизни и позднѣе, благодаря которой пища, дѣйствія и пр. родителей непосредственно отражаются на ребенкѣ. Чтобы перенести храбрость отца на новорожденнаго, отецъ у бразильскихъ дикарей, у карибовъ и минагассовъ подвергаетъ себя мучительнымъ операціямъ. Лафито отмѣтилъ, что ирокезы запрещаютъ матери, которая кричитъ во время дѣторожденія, производить послѣ этого дѣтей на свѣтъ. «Кувада, замѣчаетъ Старке, возникла не ради матери и не ради отца: ея цѣль—благосостояніе и здоровье ребенка. Обезпечить послѣднему хорошія качества отца путемъ проявленія ихъ, вѣроятно является причиной этого обычая, такъ какъ никто, не имѣющій достаточно мужества и стойкости, не въ состояніи исполнить предписаній кувады».

Кувада, вытекая изъ первобытныхъ религіозныхъ воззрѣній дикаря, въ частности тѣхъ, которыя коренятся въ анинизмѣ, въ сознаніи тѣснѣйшей связи человѣка съ окружающей его природой, не должна была развиться только съ появленіемъ счета родства по мужской линіи. Напротивъ того, она должна была возникнуть значительно раньше—и это доказываетъ существованіе кувады среди нѣкоторыхъ народностей, ведущихъ счетъ родства по женской линіи. Но, конечно, кувада могла появиться только тамъ, гдѣ индивидуальные союзы были, какъ общее правило, длительными. При неустойчивости ихъ отцу не было смысла дорожить жизнью и здоровьемъ дѣтей. Онъ дѣлаетъ это только тогда, когда надѣется извлечь изъ своихъ дѣтей пользу: отъ сыновей—помощь при работѣ, отъ дочерей—матеріальныя выгоды, при продажѣ или вымѣниваніи ея. Это совпадаетъ съ накопленіемъ богатства, когда при большей устойчивости брачныхъ узъ, онъ питаетъ и бо́льшую увѣренность въ сохраненіи дѣтей, т. е. преимущественно съ переходомъ къ земледѣлію или скотоводству. Этимъ, повидимому, слѣдуетъ объяснить, что кувада встрѣчается почти исключительно среди земледѣльческихъ и скотоводческихъ народностей: въ Южной Америкѣ, на Малайскомъ архипелагѣ, въ степяхъ Азіи, среди земледѣльцевъ западнаго берега Африки и проч., и что въ развитомъ, по крайней мѣрѣ, видѣ она не отмѣчена среди чисто охотничьихъ племенъ. Такимъ образомъ, кувада, имѣя своимъ источникомъ первобытныя религіозныя представленія, развивается и удерживается благодаря экономическимъ условіямъ.

Такъ какъ у менѣе цивилизованныхъ расъ наблюдается наиболѣе тяжелыя проявленія кувады, можно съ извѣстнымъ правомъ предположить, что этотъ обычай, сопровождавшійся прежде строгой діэтой,

истязаніями, въ видѣ мучительнаго кровопусканія, нанесенія ударовъ и проч., постепенно перешелъ въ обрядъ. Истощенный голоданіемъ и т. п., отецъ былъ вынужденъ лежать, и его навѣщали, такъ какъ онъ былъ дѣйствительно боленъ. Впослѣдствіи, когда смыслъ обряда былъ, съ развитіемъ народности, утерянъ, дѣйствительная болѣзнь перешла въ фиктивную.

Хотя у ряда низко стоящихъ въ культурномъ отношеніи племенъ въ кувадѣ принимаютъ участіе и мать и отецъ, въ большинствѣ случаевъ, однако, она исполняется только послѣднимъ. Причина исключенія женщинъ и перенесеніе всей тяжести обряда на отцовъ объясняется, быть можетъ, отчасти тѣмъ, что съ развитіемъ счета родства по мужской линіи, роль матери отходитъ на второй планъ, и отецъ болѣе ея озабоченъ передачей своихъ качествъ ребенку. Но для народностей, у которыхъ существуетъ еще материнская филіація, и гдѣ въ кувадѣ женщины тѣмъ не менѣе не участвуютъ, это объясненіе не можетъ, конечно, имѣть мѣста. Причину исключенія ихъ не трудно найти въ экономическихъ условіяхъ жизни первобытной группы и въ положеніи женщины на низшихъ ступеняхъ культуры. Все домашнее хозяйство: приготовленіе пищи и платья, а въ земледѣльческомъ первобытномъ быту и пріисканіе пищи, лежитъ у наименѣе цивилизованныхъ народностей на женщинахъ. Исполненіе кувады, требующее иногда нѣсколькихъ недѣль, могло поставить группу, въ особенности при небольшой численности ея членовъ, даже въ опасность подвергнуться голоданію. Этимъ слѣдуетъ объяснить, что сначала женщинѣ предписываютъ только ограниченія въ пищи, а впослѣдствіи ее совсѣмъ освобождаютъ отъ условій, лишающихъ ее работоспособности; болѣе свободные отъ работъ мужчины между тѣмъ могли безпрепятственно предаваться точному исполненію обычая даже и тогда, когда онъ перешелъ въ утратившій всякій смыслъ обрядъ.

VII. Отцовскій родъ.

Зная, въ чемъ выражается господство материнскаго рода, не трудно возстановить черты, характерныя для рода отцовскаго. Въ родѣ агнатическомъ родство признается только по мужской линіи, и роль, которая выпадаетъ въ материнскомъ родѣ родственникамъ по матери, переходитъ на отца и на его родню. Родственники агнаты такъ же, какъ родственники когнаты, связаны сознаніемъ общаго происхожденія отъ одного родоначальника; они объединены владѣніемъ опредѣленной территоріи, состоятъ взаимно въ обязанностяхъ кровной мести и проч. Въ общемъ, значеніе отцовскаго рода находитъ себѣ выраженіе преимущественно въ двухъ направленіяхъ: 1) въ сферѣ семейно-общественныхъ отношеній, т. е. въ правовыхъ воззрѣніяхъ группы, племени или народности и 2) въ области религіозныхъ представленій.

Въ отцовскомъ родѣ родство по матери не играетъ никакой роли. Общественное положеніе отца опредѣляетъ и общественное положеніе ребенка, который по обыкновенію и получаетъ отъ отца свое имя. При расходѣ супруговъ дѣти принадлежатъ отцу юридическому, безразлично, кто былъ ихъ фактическимъ отцомъ. Само собой разумѣется, что въ этомъ отношеніи переворотъ, совершаемый господствомъ агнатическаго рода, происходитъ не сразу. Если, напримѣръ, среди африканской народности галла мужъ имѣетъ право изгнать жену къ ея родителямъ, причемъ дѣти, рожденныя ею послѣ изгнанія отъ другихъ мужчинъ, считаются его дѣтьми и являются даже наслѣдниками своего юридическаго отца, то здѣсь имѣетъ мѣсто лишь рѣзко выраженный случай: агнатическій родъ считаетъ своими дѣтей отъ женщины, за которую внесена покупная плата, и которая является его собственностью. Между

двумя крайностями, когда отецъ не можетъ причислить къ своей группѣ своихъ законныхъ дѣтей, и когда онъ считаетъ своими дѣтей, рожденныхъ отъ союза чужого съ его женой, можно намѣтить рядъ промежуточныхъ звеньевъ. Въ періодъ, въ теченіе котораго вырабатывается отцовскій родъ, встрѣчается еще цѣлое множество нормъ, указывающихъ на колебаніе въ правосознаніи племени. Такъ, напримѣръ, въ началѣ появленія агнатическаго счета родства, когда дѣти еще причисляются къ родовой группѣ матери, отецъ имѣетъ право выкупить ихъ у послѣдней; этимъ путемъ опредѣлялись права отца на дѣтей, напримѣръ, на Малайскомъ архипелагѣ, при формѣ брака, называемой амбиль-анакъ [1]) и на Тиморѣ. У лимбусовъ отецъ имѣлъ право выкупать только мальчиковъ; дѣвочки же оставались при матери. Аналогичныя предписанія встрѣчаются и въ древне-ирландскомъ правѣ: при похищеніи отецъ не имѣлъ права на дѣтей, рожденныхъ въ теченіе одного мѣсяца послѣ похищенія: они принадлежали роду матери, который, однако, могъ продать ихъ мужу. Если похищеніе совершено было съ согласія женщины, отецъ имѣлъ право выбора: купить дѣтей или не покупать ихъ. Если же онъ желалъ купить ихъ, родъ матери обязанъ былъ продать ихъ по требованію отца (Гроссе, Постъ).

Къ числу нормъ, относящихся къ періоду постепеннаго возрастанія агнатическаго рода, слѣдуетъ причислить и такія, согласно которымъ дѣти дѣлятся между обоими родителями или точнѣе между группами, къ которымъ послѣдніе принадлежатъ. Роль, которую играетъ взносъ покупной цѣны за жену въ опредѣленіи правъ отца, не слѣдуетъ преувеличивать: при такомъ взносѣ родъ матери далеко не всегда утрачиваетъ всѣ права на дѣтей, и, наоборотъ, отсутствіе взноса не исключаетъ правъ на дѣтей отцовской группы. У макассаровъ, напримѣръ, если мужъ не внесъ платы за жену, дѣти причисляются къ материнскому роду; но, если плата и внесена, не всѣ дѣти принадлежатъ отцовской группѣ: первый принадлежитъ материнскому, второй—отцовскому, третій—снова материнскому роду, четвер-

---

1) Среди населенія Малайскаго архипелага различаютъ три формы брака: 1) мужъ покупаетъ себѣ жену—при этой формѣ брака жена попадаетъ въ полную зависимость отъ мужа; 2) жена беретъ на себя расходы по свадьбѣ, а мужъ дѣлаетъ ей подарокъ—въ этомъ случаѣ обѣ стороны являются равноправными; 3) мужъ не вноситъ никакой платы и входитъ въ семью жены въ качествѣ подчиненнаго ей члена. Эта послѣдняя форма брака носитъ названіе ambil-anak.

Ред.

тый—снова отцовскому и т. д. При нечетномъ числѣ дѣтей младшій считается собственностью обоихъ родителей, но мать имѣетъ право купить его себѣ за опредѣленную плату. Въ южной части Суматры извѣстна форма брака, при которой мужъ не вноситъ платы за жену и переселяется въ домъ ея родственниковъ. Дѣти, однако, отъ такого брака дѣлятся между родителями, такъ что половина ихъ причисляется къ селенію отца, а половина къ селенію матери.

Въ другихъ мѣстностяхъ Малайскаго архипелага, представляющаго особенный интересъ для изученія переходныхъ ступеней въ самыхъ разнообразныхъ оттѣнкахъ отъ когнатическаго къ агнатическому роду, отмѣченъ рядъ болѣе или менѣе аналогичныхъ институтовъ. Такъ, у нѣкоторыхъ народностей, если мужъ сдѣлалъ женѣ небольшой свадебный подарокъ, онъ получаетъ право на *одного* ребенка; у другихъ дѣти принадлежатъ отцу, за исключеніемъ старшаго и младшаго, которыя переходятъ въ родъ матери; иногда, наконецъ, при дѣленіи дѣтей по очереди между материнскимъ и отцовскимъ родами, младшій имѣетъ право по достиженіи зрѣлости причислить себя къ той или другой родовой группѣ. При переходѣ отъ материнитета къ патернитету родъ матери лишь постепенно уступаетъ право давать имя ребенку. Наконецъ, даже тогда, когда дѣти уже причисляются къ отцу, власть когнатическихъ родственниковъ уничтожается не сразу. Напримѣръ, у племенъ восточной Африки бареа и кунама заработки сына поступаютъ отцу, но жизнью и свободой его распоряжается дядя съ материнской стороны. При расходѣ супруговъ часть дѣтей иногда отдается матери; правовоззрѣніе населенія Новой Гвинеи, напримѣръ, предписываетъ при расходѣ отдавать матери дочерей, отцу же сыновей. У африканской народности фанти богатые мужчины берутъ себѣ столько женъ, сколько они могутъ содержать; дѣти принадлежатъ отцу. Но если жена, даже безъ уважительныхъ причинъ, покинетъ своего мужа, она имѣетъ право увести дѣтей съ собой; при этомъ она обязана возвратить мужу всѣ издержки, которыя онъ сдѣлалъ для нея, и кромѣ того внести опредѣленную сумму за каждаго ребенка, котораго она прижила съ мужемъ (Жиро-Тёлонъ, Постъ).

Всѣ эти факты краснорѣчиво свидѣтельствуютъ, что агнатическій родъ даже въ вопросѣ объ отношеніяхъ родителей и дѣтей далеко не сразу побѣждаетъ предшествующую ему организацію. Переходъ отъ одного строя къ другому совершается длительнымъ путемъ. Борьба между противоположными интересами отцовской и материнской группъ приводитъ къ цѣлому ряду компромиссовъ, вырабатывающихъ modus

vivendi. Изученіе этихъ промежуточныхъ формъ представляетъ особенный интересъ для исторіи развитія нормъ человѣческаго общежитія.

Послѣ того, какъ патернитетъ окончательно вытѣснитъ нормы материнскаго рода, дѣти оказываются въ совершенной личной зависимости отъ родовой группы отца или отъ послѣдняго. Право жизни и смерти надъ ними, право располагать ихъ свободой и пр., которое прежде ограничивалось въ извѣстныхъ случаяхъ родственниками по матери, теперь не имѣетъ предѣловъ. Естественно, что дѣти, принадлежа къ родовой группѣ отца, представляющей, какъ и материнская родовая группа, всегда объединенное экономическими интересами цѣлое, работаютъ на пользу этой группы и наслѣдуютъ послѣ отца. Отъ наслѣдства послѣ родственниковъ-когнатовъ они исключаются чаще всего совершенно, что вполнѣ понятно, такъ какъ они не входятъ въ экономическую группу материнской родни. Это видоизмѣненіе въ имущественныхъ правахъ и въ правахъ наслѣдованія составляетъ вторую, характерную черту типично выраженнаго агнатическаго родового устройства.

За исключеніемъ единичныхъ случаевъ господства женщинъ, материнскій родъ, какъ было указано, находится подъ управленіемъ старѣйшаго мужчины-когната, власть котораго наслѣдственна и переходитъ отъ старѣйшаго къ слѣдующему старшему по годамъ. Совершенно то же можно наблюдать и въ организаціи, основанной на агнатическомъ родствѣ. Власть и здѣсь въ большинствѣ случаевъ передается по наслѣдству отъ старшаго агната къ слѣдующему старшему: при строго организованной родовой организаціи управленіе переходитъ отъ старшаго брата къ старшему брату, т. е. послѣ отца главенство получаетъ старшій дядя. Наслѣдованіе власти отъ отца къ сыну появляется въ началѣ только въ отдѣльныхъ хозяйствахъ, при упадкѣ первоначальной общности имущества; въ то время, какъ главою рода становится старшій по годамъ, въ семейной группѣ власть вручается старшему сыну. Это даетъ источникъ праву первородства въ предѣлахъ одной линіи—принципъ, который въ большинствѣ случаевъ впослѣдствіи замѣняетъ право старѣйшества. Наслѣдованіе всѣхъ правъ домовладыки въ предѣлахъ семейной группы старшимъ сыномъ объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что послѣдній является и болѣе сильнымъ физически и болѣе опытнымъ по сравненіи съ младшими братьями. Экономическія соображенія иногда даютъ возможность праву первородства развиться съ чрезвычайной силой въ ущербъ правамъ младшихъ членовъ, почти до полнаго

уничтоженія имущественныхъ правъ послѣднихъ. Среди малайцевъ Суматры, у нѣкоторыхъ народностей Африки старшій сынъ наслѣдуетъ все имущество и всю власть отца; отъ его доброй воли зависитъ выдѣлить своимъ младшимъ братьямъ ту или иную долю изъ отцовскаго имущества. Но такъ какъ члены одной семейной группы живутъ почти всегда совмѣстно, то въ предѣлахъ ея при разростаніи часто происходитъ колебаніе между правомъ старѣйшества и правомъ первородства: отцу, напримѣръ, наслѣдуетъ старшій сынъ, но послѣ смерти послѣдняго власть и имущество переходитъ не къ его старшему сыну, а къ слѣдующему за нимъ по годамъ брату и т. д. Лишь дробленіе имущества, распаденіе рода какъ экономической организаціи даетъ возможность выработаться окончательно праву первородства и вести наслѣдованіе отъ старшаго сына къ старшему внуку и т. д.

Какъ и при материнскомъ родовомъ устройствѣ, власть и въ агнатическомъ родѣ часто передается по избранію. Очевидно, что импульсомъ къ видоизмѣненію первоначальнаго порядка является, главнымъ образомъ, стремленіе имѣть возможность устранять неподходящихъ къ управленію старѣйшихъ родственниковъ въ пользу болѣе способныхъ. Соображеніе совершенно утилитарное, которое можетъ, однако, развиваться, преимущественно въ мѣстностяхъ, гдѣ родовой бытъ уже приходитъ въ упадокъ. Иногда порядокъ наслѣдованія опредѣляется волей самого владыки. Въ началѣ это право находитъ себѣ примѣненіе только въ исключительныхъ случахъ: такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Малайскаго архипелага власть отца обыкновенно переходитъ къ старшему сыну главной жены; но если эта послѣдняя бездѣтна, отецъ имѣетъ право назначить наслѣдникомъ и будущей главой одного изъ сыновей другихъ, второстепенныхъ женъ. Родовое имущество при той или иной формѣ наслѣдованія переходитъ къ новому главѣ рода цѣликомъ. Но стремленіе къ индивидуализаціи имущества, далѣе особенности хозяйства, вынуждающія раздѣленіе первоначальной группы на семейныя общины, приводитъ весьма скоро къ раздѣльности движимаго имущества между отдѣльными семьями; общность сохраняется только на имущество недвижимое.

Сознаніе узъ, соединяющихъ членовъ родовой группы въ имущественномъ отношеніи, находитъ себѣ наиболѣе яркое выраженіе въ слѣдующихъ двухъ нормахъ: 1) за отсутствіемъ ближайшихъ прямыхъ наслѣдниковъ, таковымъ является всегда родъ покойнаго, къ которому и переходитъ имущество, напримѣръ, умершаго бездѣтно; 2) никто изъ членовъ родовой группы не имѣетъ права отчуж-

дать землю; если продажа земли тѣмъ не менѣе вызывается необходимостью, представители рода продающаго имѣютъ право первой покупки (jus praeemptionis): отчуждающій обязанъ сначала предложить своему роду или его отдѣльнымъ представителямъ купить землю и, только въ случаѣ отказа послѣднихъ, онъ получаетъ право продажи имущества и чужеродцу. Естественное стремленіе родовой группы, даже разбившейся на меньшія организаціи, удержать въ своихъ рукахъ родовое имущество, не допускать къ пользованію его чужеродцевъ, сказывается также и въ томъ, что опека надъ личностью и, главнымъ образомъ, имуществомъ малолѣтнихъ составляетъ обязанность ближайшихъ агнатовъ.

Имущественно безправнымъ является мужъ при господствѣ материнскаго рода; въ отцовскомъ родѣ имѣетъ мѣсто совершенно обратное отношеніе. Оно является вполнѣ естественнымъ и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ организаціи родовой группы. Послѣдняя объединена прежде всего экономическими интересами, и потому вполнѣ естественно, что женщина, которая при господствѣ экзогаміи всегда берется изъ чужого рода, не можетъ являться участницей въ имуществѣ родовой группы мужа. Значительно позже, при упадкѣ родового строя, она можетъ иногда пріобрѣтать извѣстную долю въ имущественныхъ правахъ. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что женщина, лишенная правъ на достояніе чуждой ей группы, имѣетъ все таки право собственности на предметы, принесенныя ею въ семью при замужествѣ. Такое имущество, конечно, въ началѣ лишь крайне ничтожно; оно состоитъ изъ предметовъ одежды, украшеній и т. п., которыя обыкновенно идутъ въ могилу вслѣдъ за ихъ обладательницей. Но когда собственность женщины увеличивается, будь источникомъ его подарки, приданое и т. д., родовая группа мужа, вначалѣ по крайней мѣрѣ, не имѣетъ правъ на нее. Родъ жены, отпуская ее въ родъ мужа и снабжая ее имуществомъ, продолжаетъ считать послѣднее своимъ и по смерти женщины часто требуетъ его при извѣстныхъ условіяхъ отъ мужа или его рода обратно. Родовая агнатическая организація, наконецъ, объясняетъ и имущественное безправіе дѣвушекъ, членовъ рода. При отцовскомъ родѣ, въ противоположность материнскому, дѣвушка не остается въ своей родовой группѣ: по выходѣ замужъ она переходитъ въ родъ мужа. Отсюда естественно, что группа, къ которой она принадлежитъ по рожденію, не допускаетъ ее къ пользованію имущественными правами; дѣвушка именно при агнатической организаціи оказывается вполнѣ «отрѣзаннымъ ломтемъ».

Имущественное безправіе женщины при господствѣ агнатическаго рода имѣетъ своимъ естественнымъ послѣдствіемъ ея чрезвычайно приниженное личное положеніе. Если женщина почти всюду, начиная съ низшихъ ступеней культуры, является лично безправной въ отношеніи къ мужчинѣ, ея выгодное экономическое положеніе при господствѣ материнскаго рода все же даетъ ей возможность въ извѣстныхъ предѣлахъ проявлять свою самостоятельность; кромѣ того, она находится подъ защитой своихъ родственниковъ. Уведенная въ группу мужа, она лишается лицъ, которыя могли бы ее защитить отъ злоупотребленія властью съ его стороны. Взглядъ на женщину, исключительно какъ на рабочую силу, на товаръ, купленный за дорогую цѣну, получаетъ особое развитіе именно въ агнатическомъ родѣ. Такіе институты, какъ левиратъ, нійога и пр., которые у низшихъ въ общественномъ отношеніи племенъ, встрѣчаются лишь въ зародышевомъ состояніи, поддерживаются и развиваются на стадіи агнатическаго рода. Рѣзкія проявленія ничѣмъ не ограниченной власти мужа намѣчаются съ особенной силой именно въ этомъ фазисѣ развитія. Взглядъ на женщину, какъ на существо нечистое, на томъ основаніи, что она принадлежитъ къ другому роду, какъ на лицо неспособное дѣйствовать самостоятельно достигаетъ своего апогея именно при агнатическомъ родовомъ устройствѣ. Онъ приводитъ, между прочимъ, къ тому, что даже въ тѣхъ случаяхъ, когда группа жены даетъ ей то или другое имущество, женщинѣ не позволяется располагать имъ по усмотрѣнію: она ставится подъ опеку мужа.

Естественно, что эти институты возникаютъ не сразу, что они развиваются въ теченіе долгаго періода, лишь при извѣстныхъ условіяхъ и не всюду приводятъ къ указаннымъ крайностямъ. Особенная приниженность женщинъ замѣчается въ скотоводческо-кочевомъ быту или среди народностей воинственныхъ, потому что въ обоихъ случаяхъ роль женщины въ экономической жизни группы сводится къ минимуму. У скотоводовъ заботы о стадахъ, источникѣ богатства группы составляютъ обязанность мужчинъ, такъ что женщина ограничена одними домашними заботами. Когда же группа живетъ преимущественно военной добычей, женщина является плѣнницей, однимъ видомъ добычи, а, слѣдовательно, и естественной, безправной рабыней мужа. Если въ кочевомъ и военномъ быту и не слѣдуетъ искать источника патріархальнаго рода, какъ то дѣлалъ Спенсеръ, нельзя, однако, не признать, что данныя формы быта въ значительной степени содѣйствуютъ развитію нормъ, при которыхъ проявляются крайности власти мужа и отца въ агнатическомъ родѣ.

Отсюда понятно, что при земледѣльческомъ хозяйствѣ, женщина, юридически такая же безправная, фактически все же не столь порабощена, какъ въ скотоводческо-кочевомъ бытѣ. Она является важнымъ двигателемъ экономическаго благосостоянія группы; она распоряжается запасами и можетъ накапливать себѣ нѣкоторое имущество, сохраняя въ свою пользу излишекъ, остающійся за удовлетвореніемъ нуждъ группы. Конечно, въ началѣ ея вліяніе является лишь фактическимъ, и только черезъ продолжительный срокъ изъ отношеній фактическихъ создаются юридическія. Въ общемъ возможно признать, что съ переходомъ народности отъ кочевого быта къ осѣдлому земледѣльческому начинается постепенная эмансипація женщины, если не въ личномъ, то, по крайней мѣрѣ, въ имущественномъ отношеніи. Ея роль въ жизни группы слишкомъ очевидна; она начинаетъ постепенно пріобрѣтать права наслѣдованія, которыя въ началѣ относятся только къ движимости, а затѣмъ, съ упадкомъ родового устройства и съ появленіемъ господства семейныхъ общинъ, касается и недвижимости—конечно, подъ условіемъ, если она остается въ той же группѣ. Отсюда рядъ предписаній, гарантирующихъ вдовѣ извѣстную имущественную самостоятельность до вторичнаго ея выхода замужъ, отмѣченныя среди племенъ, у которыхъ еще живы воспоминанія о господствѣ родового быта. При земледѣльческой формѣ хозяйства женщина скорѣе сливается съ агнатической группой общностью интересовъ, съ большей легкостью можетъ быть инкорпорируема въ родовую группу мужа. Это даетъ ей возможность стать въ менѣе зависимое экономическое положеніе и впослѣдствіи медленно идти по пути постепенной эмансипаціи.

Соединенные сознаніемъ общности кровныхъ узъ и единствомъ экономическихъ интересовъ, члены одной и той же родовой группы, при агнатическомъ устройствѣ ея, какъ и при когнатическомъ, связаны круговой порукой. Она выражается между прочимъ во взаимной обязанности защиты, въ частности въ кровной мести за члена рода и въ вытекающемъ изъ нея право получать выкупъ за убитаго или обязанности вносить выкупъ за убійцу. Однако, круговая порука, которая можетъ быть признаваема за внѣшнее проявленіе солидарности, связующей членовъ союза между собой, не должна считаться продуктомъ родового устройства; напротивъ того, ея начала слѣдуетъ искать еще на самыхъ низшихъ ступеняхъ цивилизаціи. Вполнѣ понятно, что члены, хотя бы даже территоріальной группы, не объединенные еще сознаніемъ общности проис-

[illegible] другъ съ другомъ, такъ какъ благосостояніе и [illegible] зависитъ отъ благосостоянія и безопасности каждого изъ членовъ. Поэтому, за проступки, совершенные однимъ членомъ, отвѣтственною является *вся* группа, и, наоборотъ, *вся* группа имѣетъ права требовать удовлетворенія за обиду *одного* изъ своихъ членовъ. Этимъ объясняется, что уже на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи встрѣчается институтъ кровной мести. На этой стадіи развитія человѣчества онъ является еще крайне неопредѣленнымъ, такъ что не всегда удается опредѣлить случаи, когда сказывается *правовое* сознаніе, отъ тѣхъ, когда имѣешь дѣло съ чисто *фактическими* отношеніями. Группа мститъ за обиду своего члена войной противъ группы обидчика и старается ей нанести возможно большій вредъ, по возможности окончательно истребить мужчинъ, а женщинъ забрать въ плѣнъ. Но, какіе поступки вызываютъ кровную месть, когда чувство мести можетъ считаться удовлетвореннымъ и проч., все это зависитъ отъ случайности и совершенно не регулировано. Развитіе нормъ, опредѣляющихъ кровную месть, происходитъ съ постепеннымъ развитіемъ племени. Оно получаетъ наибольшую выработанность при агнатической родовой организаціи и приходитъ въ постепенный упадокъ по мѣрѣ распаденія родового устройства.

Различныя народности далеко не одинаково опредѣляютъ обиды, которыя могутъ быть смыты только кровью; одни требуютъ кровной мести за оскорбленіе словами, поруганіе могилъ и т. п., другія считаютъ кровную месть возможной только въ случаѣ изувѣченія, убійства сородича. Въ общемъ можно признать, что съ развитіемъ народности тенденція ограничить сферу примѣненія кровной мести только случаями *убійства* члена рода чужеродцемъ сказывается все сильнѣе. Кровная месть за убійство поддерживается религіознымъ соображеніемъ, что умершій не найдетъ себѣ покоя, пока онъ не будетъ отомщенъ; вслѣдствіе этого, этотъ способъ взысканія будто бы не можетъ быть замѣненъ другимъ. Нѣкоторыя народности, примѣняя кровную месть, не различаютъ намѣреннаго убійства отъ случайнаго. Такъ, напримѣръ, бедуины прибѣгаютъ къ ней и въ тѣхъ случаяхъ, когда членъ ихъ рода убитъ во время войны. Другія, какъ, напримѣръ, албанцы, наоборотъ, не мстятъ за убитаго на войнѣ, и преслѣдуютъ только намѣренное убійство.

Въ началѣ кровная месть является обязанностью всѣхъ членовъ рода убитаго; она направляется противъ всѣхъ сородичей убійцы, такъ что между обѣими сторонами возгорается междуродовая

война. Съ развитіемъ народности, отчасти и подъ вліяніемъ распаденія родовой организаціи на подгруппы, кругъ лицъ-кровниковъ ограничивается, и точно устанавливаются правила: 1) кто изъ родственниковъ убитаго имѣетъ обязанность мстить первымъ и 2) кто изъ рода убійцы освобождается отъ преслѣдованія родомъ убитаго. Эти правила начинаютъ вырабатываться уже въ когнатическомъ родѣ. Такъ, напримѣръ, среди нѣкоторыхъ австралійскихъ племенъ съ болѣе развитымъ представленіемъ о материнскомъ родѣ, при нападеніи группы на убійцу, сынъ сестры убитаго (т. е. племянникъ съ материнской стороны) обязанъ первымъ бросить копье въ убійцу. У хевсуровъ на Кавказѣ, какъ слѣдъ воспоминанія о существовавшемъ у нихъ нѣкогда когнатическомъ родѣ, сохранился обычай, согласно которому дядя по матери убитаго долженъ разрушить домъ родного или двоюроднаго брата убійцы и проч. Но полную выработанность эти правила получаютъ уже при господствѣ отцовскаго рода. Сначала должны мстить ближайшіе родственники убитаго, его сыновья или братья, а за отсутствіемъ ихъ болѣе отдаленные родичи. Иногда обязанность кровной мести переходитъ по наслѣдству: если, напримѣръ, братъ не успѣлъ отомстить за смерть брата, эта обязанность переходитъ на племянника убитаго. Естественно, что всѣ эти видоизмѣненія происходятъ только въ предѣлахъ группы агнатовъ.

Прежнее стремленіе удовлетворить чувству мести нанесеніемъ возможно большаго вреда группѣ убійцы ограничивается постепенно въ томъ отношеніи, что часть членовъ преслѣдуемой группы исключается изъ круга лицъ, кровь которыхъ можетъ искупить кровь убитаго. Отчасти этическія соображенія, отчасти взглядъ, что ущербъ, наносимый местью долженъ быть равенъ ущербу, нанесенному убійствомъ, приводитъ къ тому, что женщины, дѣти и старики не убиваются. Такія ограниченія появляются очень рано; они имѣютъ мѣсто, напримѣръ, среди бразильскихъ дикарей, общественное развитіе которыхъ стоитъ весьма низко. Далѣе не всѣ мужчины, принадлежащіе къ роду убійцы, являются отвѣтственными за кровь; месть падаетъ на его ближайшихъ родственниковъ и иногда только на членовъ его семьи. Послѣднее возможно лишь при разложеніи родового быта, при ослабленіи сознанія солидарности родственниковъ между собой.

Постоянныя войны, вызывавшіяся кровной враждой и длившіяся иногда десятилѣтіями, переходя отъ одного поколѣнія къ другому, должны были естественно вызвать желаніе оканчивать дѣло миромъ. Примиреніе совершается обыкновенно взносомъ опредѣлен-

ной обычаемъ платы за кровь. Эта плата въ періодъ расцвѣта отцовскаго рода вносится всѣми членами послѣдняго въ пользу всѣхъ членовъ рода убитаго, а при упадкѣ родовой организаціи ближайшими, опредѣленными обычаемъ, родственниками убійцы въ пользу опредѣленныхъ родственниковъ убитаго подчасъ даже убійцей—семьѣ убитаго. Право выкупа за кровь возникаетъ далеко не сразу: ему предшествуетъ рядъ промежуточныхъ звеньевъ. Родъ убитаго направляетъ, напримѣръ, свою месть только на убійцу, не затрагивая вовсе его родственниковъ; далѣе, требуетъ выдачи убійцы отъ рода послѣдняго и убиваетъ его на могилѣ убитаго и, наконецъ, когда господствуетъ уже выкупъ, долгое время сохраняется обычай символическаго убійства виновнаго на могилѣ. Эти символическія проявленія кровной мести особенно ярко доказываютъ, какъ медленно совершается эволюція правовыхъ нормъ среди некультурныхъ народностей, въ особенности, когда съ измѣненіемъ ихъ затрагиваются и религіозныя воззрѣнія.

Хотя всѣ члены агнатическаго рода связаны между собой сознаніемъ общностью происхожденія отъ одного дѣйствительнаго или фиктивнаго родоначальника, условія жизни, преимущественно борьба за существованіе, необходимость численно усилиться, чтобы успѣшно вести борьбу съ сосѣдними родами, заставляетъ принимать въ члены рода и чужеродцевъ.

Принадлежность къ той или иной группѣ при господствѣ территоріальныхъ отношеній опредѣляется тѣмъ, что данное лицо живетъ на территоріи группы. На низшихъ ступеняхъ развитія, при отсутствіи понятій о кровномъ родствѣ или при зачаткахъ послѣдняго, господствуетъ принципъ: quid est in territoria est de territoria. При развитіи рода, когда всѣ отношенія опредѣляются дѣйствительной или номинальной принадлежностью къ родовой группѣ по происхожденію, единствомъ крови каждаго члена съ группой, естественно требуется установленіе родства для чужеродца, чтобы онъ могъ быть полноправнымъ членомъ родовой общины. Эти воззрѣнія, однако, не сразу складываются въ опредѣленныя формы: долгое время принципъ территоріальный существуетъ одновременно съ принципомъ родовымъ, и послѣдній окончательно побѣждаетъ первый только съ расцвѣтомъ родовой организаціи. Въ послѣднемъ случаѣ проживаніе на одной и той же территоріи даетъ чужеродцу право защиты со стороны членовъ рода; онъ пользуется извѣстными правами, но меньшими, чѣмъ члены рода, объединенные кровнымъ родствомъ. Иногда такіе чужеземцы образуютъ и собственные рода, послѣ чего

играющія весьма важную роль при сложеніи
ізмовъ. Краснокожія племена Сѣверной Америки
члены своихъ родовыхъ организацій военно-
что захваченному на войнѣ побѣдитель даруетъ
ь свою семью словами: «считай мой очагъ своимъ
собственнымъ»; случается, что послѣ совершенія
храбрости, церемоніи, сопровождающейся часто
ими, ихъ причисляютъ къ группѣ. У арабовъ
часто примыкаютъ и примыкали съ древняго
ienты. Классъ послѣднихъ образуется изъ вольно-
и свободныхъ изъ другихъ родовъ, преимущественно
изъ своего рода чаще всего за убійство въ предѣ-
родовой группы; чужой родъ, куда они бѣгутъ,
ь имъ въ защитѣ. Въ прежнее время арабы имѣли
редѣляющихъ различныя градаціи защиты вошедшихъ
чужаковъ: «иногда защита давалась только времен-
ъ обязывался защищать чужака въ теченіе всей жизни
огда, наконецъ, обязательство защиты переходило изъ
поколѣніе. Охранитель иногда обязывался защищать
противъ извѣстнаго лица, или долженъ былъ, напри-
ть его отъ убійства, такъ что для охранителя вытекала
осить выкупъ за кровь убитаго покровительствуемаго
ч. Аналогичныя отношенія существовали на Кавказѣ
ь адатами горцевъ до разрушенія ихъ строя подъ
хъ условій (Клеммъ, Постъ).

е группы увеличиться численно приводитъ также къ
ужеродцевъ—слѣдовательно, къ искусственному родству;
встрѣчается еще при господствѣ материнскаго рода,
особенное развитіе по сложеніи рода отцовскаго. Сдѣ-
авнымъ членомъ рода возможно только при условіи
по крови къ извѣстной организаціи путемъ рожденія.
каетъ множество обрядовъ символическаго рожденія,
шенія крови между усыновляемымъ и усыновителемъ.
довлетворяющіе некультурную мысль дикаря, продол-
яться въ качествѣ переживанія и долго послѣ того,
ь вышла изъ стадіи родового быта. Турки, напри-
горыхъ мѣстностяхъ при усыновленіи ребенка посту-
щимъ образомъ: жена усыновителя беретъ усыновляе-
каетъ его черезъ свои широкія шаровары на землю,
этимъ дѣйствительное рожденіе. Способъ установленія

родства путемъ смѣшенія крови отмѣченъ у скиѳовъ, лидійцевъ, арабовъ, египтянъ въ древности, у африканскихъ народовъ, въ Австраліи, на Малайскомъ архипелагѣ, у кареновъ, сіамцевъ, бедуиновъ и множества другихъ. У чеченцевъ, если убійца не можетъ внести больше половины выкупа за кровь, и родственники убитаго все же согласны кончить дѣло примиреніемъ, то, послѣ совершенія извѣстныхъ обрядовъ на могилѣ покойнаго, убійцу ведутъ въ домъ убитаго, гдѣ онъ долженъ приложиться три раза къ груди матери послѣдняго; послѣ этого онъ считается молочнымъ сыномъ, братомъ, родственникомъ въ родѣ убитаго. Здѣсь совершается, такимъ образомъ, символическое кормленіе. Ритуальное общеніе пищей, опредѣленной обычаемъ, является также средствомъ для установленія родственныхъ отношеній. Лица-чужеродцы пьютъ изъ одной чаши, ѣдятъ изъ одного блюда и послѣ этого считаются родственниками. Значеніе очага при родовомъ устройствѣ, священный характеръ, который онъ имѣетъ, какъ символъ родственнаго объединенія, объясняетъ обычай, по которому родственныя связи чужеродца съ группой устанавливаются прикосновеніемъ къ очагу. Примѣровъ этому можно найти много среди разныхъ племенъ древности и современности. Такъ, у ингушей и чеченцевъ чужеродецъ пріобщается къ семейному очагу, путемъ прикосновенія къ цѣпи, на которой виситъ семейный котелъ.

То же стремленіе замѣнить естественное родство искусственнымъ вызвало и широко распространенный всюду, какъ среди некультурныхъ племенъ, такъ и среди германскихъ и славянскихъ народностей, обычай побратимства. Оно устанавливается также или путемъ смѣшенія крови побратимовъ, общеніемъ въ ѣдѣ, обмѣномъ оружія, подарковъ и пр. и своимъ источникомъ имѣетъ часто тѣ же представленія о кровныхъ узахъ и тѣ же соображенія объ увеличеніи численности родственной группы.

Во всѣхъ этихъ типичныхъ чертахъ, которыми выражается господство родового быта въ сферѣ права, тѣсная связь родственниковъ обусловливается въ значительной степени общностью хозяйственныхъ интересовъ. Но было бы ошибочнымъ видѣть въ экономическихъ условіяхъ и соображеніяхъ, понимая ихъ даже въ широкомъ смыслѣ, единственный источникъ, приводящій къ солидарности сородичей. Экономическія условія даютъ толчекъ къ развитію нормъ и поддерживаютъ ихъ въ организаціи, сложившейся въ значительной степени и на религіозной основѣ. Въ настоящее время едвали возможно предполагать, что религіозныя воззрѣнія были источникомъ отцовскаго рода,

какъ доказывалъ Фюстель де Куланжъ (Fustel de Coulanges), или что агнатическій родъ является прежде всего религіозной организаціей. Но было бы большой крайностью упускать изъ вида и религіозный элементъ, которымъ проникнутъ патріархальный родовой строй и для котораго онъ является настолько типичнымъ. Оставить его безъ вниманія значило бы взглянуть на агнатическій родъ лишь односторонне.

Подъ вліяніемъ религіозныхъ представленій появляются въ человѣчествѣ первыя понятія о кровной связи. Когда экономическія и другія условія вызываютъ къ жизни родовой бытъ, въ особенности патріархальный, въ которомъ всѣ институты вылиты, если такъ можно выразиться, въ болѣе опредѣленныя формы, религіозныя представленія въ значительной степени видоизмѣняются. Вѣрнѣе, тѣ элементы, которые въ предшествующія стадіи только намѣчались и не могли развиться, благодаря особенностямъ жизни группы, рѣзче формулируются и отодвигаютъ на второй планъ первобытное міровоззрѣніе: тотемизмъ постепенно вырождается, а поклоненіе умершимъ переходитъ въ широко распространенный культъ предковъ.

Въ своемъ неразвитомъ видѣ культъ предковъ имѣетъ дѣло съ существами сверхъестественными; они являются или покровителями группы или чаще всего грозными духами, которые не причиняютъ вреда живымъ и дѣлаютъ имъ добро только при условіи усердныхъ жертвоприношеній со стороны этихъ послѣднихъ.

Вѣрованіе, что умершіе нуждаются въ пищѣ и питьѣ, передаваемымъ имъ посредствомъ жертвъ, что, лишенные ихъ, они въ раздраженіи могутъ послать тяжелую кару на потомковъ, вызываетъ къ жизни сложный ритуалъ родовыхъ жертвоприношеній. Съ другой стороны, развившіяся этическія чувства заставляютъ потомковъ заботиться о доставленіи питанія умершимъ, которые, если потомки не будутъ питать ихъ жертвами, должны, по представленіямъ первобытныхъ людей, умереть. Пожеланіе: «чтобы твои покойники умерли!» до настоящаго времени одно изъ самыхъ оскорбительныхъ у осетинъ. Отсюда естественно развивается взглядъ, что необходимо продолжить свое потомство, которое могло бы заботиться о предкахъ, желаніе имѣть сына, наслѣдника. Это въ свою очередь, какъ было сказано, приводитъ къ обычаю усыновленія, къ поддержанію рода путемъ левирата, нійоги и т. п., когда религіозныя соображенія находятъ себѣ поддержку и распространеніе въ фактически-безправномъ положеніи женщины или въ экономическихъ условіяхъ. Далѣе, такъ какъ каждая родовая группа имѣетъ своихъ умер-

шихъ, такъ какъ духи ихъ за жертвоприношенія отплачиваютъ потомкамъ разными благодѣяніями, понятно, что обязанность кормить своихъ предковъ должна составлять исключительное право каждаго рода. Не этическія представленія, не изолированность интересовъ каждой группы приводитъ къ обереганію потомками своего права приносить жертвы. Чужеродецъ исключается изъ родового культа чуждой ему по крови организаціи изъ соображеній матеріальнаго, эгоистическаго характера, изъ опасенія, что предокъ, получающій отъ него жертвоприношенія, изольетъ свои щедроты на него въ ущербъ прямымъ потомкамъ. Вотъ почему почти всюду женщины, которыя при господствѣ въ родовомъ строѣ экзогаміи являются чужеродками, не допускаются къ участію въ жертвоприношеніяхъ: лишь впослѣдствіи, когда истинный смыслъ исключенія женщинъ изъ родового культа мужей утраченъ, это объясняется тѣмъ, что женщина будто бы существо *нечистое* и, какъ таковая, недостойна быть пріобщенной къ культу.

Культъ предковъ чрезвычайно типиченъ для родового быта и въ особенности для агнатическаго. Въ послѣднемъ онъ выступаетъ съ такой рѣзкостью, что многіе изслѣдователи считали его одной изъ наиболѣе характерныхъ чертъ отцовскаго рода. Лёббокъ даже склоненъ думать, что культъ предковъ встрѣчается только при агнатическомъ строѣ. «Хотя у дикарей, пишетъ онъ, стоящихъ на особенно низкой ступени развитія, происхожденіе и ведется по женской линіи, однако, я не знаю ни одного случая, гдѣ почитаемыми предками являлись бы женщины». Мэнъ прямо заявляетъ, «что всюду, гдѣ имѣлъ мѣсто культъ предковъ, признавалась и отеческая власть», т. е. что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ имѣлъ мѣсто агнатическій строй. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что въ отцовскомъ родѣ культъ предковъ играетъ выдающуюся роль. Но это не объясняетъ ни причину его возникновенія, ни условій, содѣйствовавшихъ его развитію именно при этой формѣ соціальнаго устройства человѣчества.

Всѣ родичи при агнатическомъ строѣ, кромѣ заботъ о предкахъ вообще, объединены еще культомъ одного предка-родоначальника. Подобнаго рода культъ предполагаетъ прежде всего хорошую память; между тѣмъ, именно этого то и не оказывается у нецивилизованныхъ народностей. Мэнъ одинъ изъ первыхъ указалъ на то, что низко стоящія въ культурномъ отношеніи племена плохо помнятъ прошлое и въ частности своихъ умершихъ. Восходящихъ поколѣній дальше дѣда, развѣ еще прадѣда, дикарь не помнитъ. Положеніе Мэна многократно подтверждалось при новѣйшемъ изученіи нецивилизованныхъ племенъ.

Слѣдовательно, при такъ называемомъ культѣ предковъ почитаются души не извѣстныхъ, опредѣленныхъ покойниковъ, принадлежавшихъ къ восходящимъ поколѣніямъ, а души умершихъ вообще т. е. всѣхъ лицъ, принадлежавшихъ къ данной группѣ, не исключая, конечно, и душъ женщинъ-чужеродокъ. Въ совокупности съ культомъ родоначальника данной родовой группы это почитаніе составляетъ родовую религію; но очевидно, что обѣ эти основы ея совершенно различны. Культъ умершихъ душъ стоитъ естественно въ связи съ культомъ мертвыхъ вообще и, слѣдовательно, какъ таковой не можетъ считаться исключительнымъ достояніемъ агнатическихъ группъ. Культъ родоначальника также коренится въ до-агнатическомъ тотемическомъ строѣ.

Культъ мертвыхъ имѣетъ источникомъ общее всѣмъ низшимъ дикарямъ вѣрованіе въ существованіе у человѣка души, духа, второго я; это вѣрованіе—естественное послѣдствіе анимизма, характернаго для всего некультурнаго человѣчества. Убѣжденіе, что у человѣка есть другое я, является результатомъ самоанализа первобытной мысли, неспособной еще къ критической оцѣнкѣ. Не входя въ подробности, замѣтимъ, что толчкомъ къ вѣрованію въ существованіе души оказываются явленія сна. То, что уходитъ изъ человѣка по ночамъ и переживаетъ различныя приключенія, и есть душа, второе я: такъ дикарь объясняетъ свои сны. Это второе я возвращается въ тѣло каждое утро. Оно можетъ его покинуть, однако, и навсегда—это смерть. Смерть не можетъ наступить случайно или естественно: она всегда результатъ насильственнаго удаленія души или путемъ колдовства или силой другого, вселяющагося въ тѣло злобнаго духа, заставляющаго душу покинуть свою тѣлесную оболочку. Насильственно изгнанная изъ тѣла душа не можетъ быть довольна: ничего радостнаго ей не предстоитъ въ будущемъ. Она дѣлается враждебнымъ существомъ, завистливо относящимся къ живымъ. Она или вселяется въ какую нибудь животную форму или сохраняетъ видъ человѣка—скорѣе его тѣни.

Старыя формы культа получаютъ съ этическимъ развитіемъ племени лишь новую подкладку, что и дало имъ возможность продержаться до позднѣйшаго времени. Ношеніе траура, вытекавшее изъ желанія скрыться отъ умершаго, перешло постепенно въ наглядное и поэтическое проявленіе своей скорби; многіе погребальные обряды, имѣвшіе первоначальной цѣлью уничтожить душу и этимъ путемъ поставить себя внѣ опасности отъ злыхъ, завистливыхъ душъ, сдѣлались священными религіозными обрядами. Кормленіе мертвыхъ, практиковавшееся для того, чтобы довольныя и сытыя души не взду-

мали тревожить оставшихся въ живыхъ, перешло въ торжественныя жертвоприношенія, поминки и пр. Всѣ элементы культа предковъ, однимъ словомъ, уже успѣли сложиться въ опредѣленную систему обрядовъ культа умершихъ въ значительной степени до появленія родовыхъ агнатическихъ организацій; при возникновеніи родовыхъ единицъ они приняли лишь своеобразный оттѣнокъ.

О развитіи и упадкѣ родовой религіи предстоитъ говорить подробно въ отдѣлѣ о первобытныхъ вѣрованіяхъ вообще. Поэтому, пока можно ограничиться слѣдующимъ указаніемъ. Съ одной стороны, при разростаніи родовой группы, неизбѣжномъ дѣленіи ея и переходѣ подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ условій въ группу національную, первоначальный предокъ, богъ-родоначальникъ постепенно можетъ эволюціонировать въ территоріальное, національное божество. Онъ входитъ въ этихъ случаяхъ въ составъ болѣе или менѣе обширнаго пантеона народности, что приводитъ къ развитію національнаго или территоріальнаго культа этому божеству. Воспоминаніе о немъ, какъ о бывшемъ родоначальникѣ, при этомъ утрачивается. Съ другой стороны, наоборотъ, религіозный характеръ воспоминаній о первомъ родоначальникѣ постепенно утрачивается и благодаря этому память о немъ какъ о божествѣ тускнѣетъ. Первобытный дикарь гораздо больше боится своихъ ближайшихъ умершихъ родственниковъ, заботится только о послѣднихъ и забываетъ предковъ предшествующихъ, отдаленныхъ поколѣній. Сосредоточивая культъ на ближайшихъ предкахъ, группа сохраняетъ только смутное воспоминаніе о происхожденіи своемъ отъ общаго родоначальника дѣйствительнаго или фиктивнаго; она называетъ себя по его имени, прикрѣпляетъ къ нему легенды и сказанія, но не обоготворяетъ его; предокъ становится скорѣе героемъ, чѣмъ богомъ. Такая участь постигла извѣстныхъ легендарныхъ родоначальниковъ древнихъ грековъ, римлянъ, семитовъ (въ томъ числѣ и арабовъ), тюркскихъ народностей и т. д. Армяне называютъ себя Haikh по имени своего родоначальника Haikha; мазуры производятъ себя отъ Мазоса, кравчаго короля Мечислава II (ум. въ 1034 г.). Въ предѣлахъ большихъ группъ отдѣльные рода также ведутъ свое происхожденіе отъ одного родоначальника: такъ, напримѣръ, древнія уэльскія родовыя организаціи Макъ Дональдъ, Макъ Найль и проч. признаютъ одного общаго родоначальника. Въ Индіи члены одной деревенской общины также считаютъ себя происшедшими отъ одного предка; часто этотъ послѣдній оказывается фактически существовавшимъ, часто, наоборотъ, онъ совершенно легендарное лицо. Нѣкоторыя деревенскія общины Индіи, напримѣръ, состоятъ изъ членовъ, принадлежащихъ къ различнымъ

кастамъ, часто даже къ различнымъ религіознымъ исповѣданіямъ, такъ что, конечно, не можетъ быть и рѣчи объ общности у всего населенія данной общины предко-родоначальника; но такова уже сила родовой традиціи, что, даже послѣ перехода родовой общины въ сельскую, общность интересовъ заставляетъ прибѣгать къ фикціи общаго происхожденія (Постъ). Аналогичное явленіе наблюдается среди киргизовъ. Какъ народность, киргизы сложились изъ конгломерата разныхъ родовъ, даже разныхъ племенъ, какъ тюркскихъ, такъ отчасти и чуждыхъ, впослѣдствіи тюркизированныхъ; но національное единство ихъ, воспоминанія, еще очень живыя, о господствѣ родового быта заставляютъ ихъ относить происхожденіе всѣхъ родовъ, входящихъ въ составъ киргизовъ, къ одному общему миѳическому родоначальнику, напримѣръ, къ хану Алача (Алаша) и къ неменѣе миѳическимъ сыновьямъ его.

Слѣдуетъ вспомнить, что и среди южныхъ славянъ такъ называемыя братства, изъ соединенія которыхъ образуется большая группа—племя, имѣютъ также всегда общаго родоначальника. Вполнѣ основательно, замѣчаетъ М. М. Ковалевскій, Иречекъ, Кавелинъ и другіе, оттѣнили значеніе топографическихъ названій на «ичи», «овичи», какъ доказательствъ, что члены такихъ селеній нѣкогда сознавали свое родственное происхожденіе. Такія названія встрѣчаются въ значительномъ количествѣ въ Сербіи, Чехіи и другихъ славянскихъ земляхъ, напримѣръ, Утизеновичи, Драшковичи и т. д. «Въ Черногоріи каждое село, по словамъ г. Попова, получаетъ родовое названіе, а патронимическія наименованія селъ съ окончаніемъ на «чи» и «ичи», напримѣръ Увѣтичи, Хвалимичи, встрѣчаются.... нерѣдко и въ Россіи».

Переходитъ ли предокъ-родоначальникъ въ территоріальное божество или въ героя, или воспоминаніе о немъ ограничивается смутнымъ воспоминаніемъ объ общности происхожденія, оставляющимъ только слѣдъ въ топографической номенклатурѣ, культъ предковъ безразлично видоизмѣняется въ томъ направленіи, что группы, на которыя, въ силу преимущественно экономическихъ причинъ, распадается родъ, ограничиваютъ свое поклоненіе ближайшими умершими предками. Онѣ начинаютъ заботиться преимущественно только объ этихъ послѣднихъ, объединяя болѣе отдаленныхъ предковъ подъ общимъ наименованіемъ «дѣды» или «отцы»—маны римлянъ, которые не требуютъ уже себѣ спеціальныхъ обыденныхъ жертвъ и которыхъ кормятъ лишь въ опредѣленные сроки. Это съуженіе сферы родовой религіи, при распаденіи рода, облегчаетъ переходъ родовой религіи въ семейную, родового культа, объединявшаго всѣхъ членовъ рода, въ культъ семейный,

обязательный только для членовъ одной и той же семейной общины. Каждая изъ этихъ послѣднихъ имѣетъ, какъ и родъ, *своихъ*, ей одной присущихъ, духовъ-покровителей-предковъ. Къ нимъ слѣдуетъ отнести и русскихъ домовыхъ, которые, подъ воздѣйствіемъ новыхъ религіозныхъ представленій, перешли давно въ сонмъ нечистой силы, не избѣжавъ общей участи древнихъ боговъ, разжалованныхъ народными представленіями въ бѣсовъ, чертей и т. п. Всюду, гдѣ семейная религія выражена въ культѣ предковъ, она является обломкомъ бывшей нѣкогда родовой религіи, сложившейся при родовомъ устройствѣ; поэтому семейная религія, въ которой всегда сохраняются и воспоминанія родовой, служитъ однимъ изъ вѣскихъ доказательствъ, что данный народъ или племя пережили стадію родового быта въ болѣе или менѣе отдаленномъ прошломъ.

Нѣсколько примѣровъ проявленія родового культа среди нѣкоторыхъ народностей послужатъ доказательствомъ, что родовой культъ всюду выступаетъ съ однѣми и тѣми же чертами и что эта область религіозныхъ воззрѣній можетъ считаться типичной для родового быта характеризуемой стадіи развитія.

Среди народностей Африки, на Малайскомъ архипелагѣ, въ Азіи и т. д. изслѣдователь встрѣчается съ болѣе или менѣе развитымъ культомъ предковъ. Кафры амаксосы, напримѣръ, почитаютъ духовъ умершихъ предковъ, преимущественно же духовъ скончавшагося отца и дѣда; они называютъ ихъ imilonde-kaya т. е. защищающіе домъ. Туземцы Западнаго побережья Африки вѣрятъ, что покойники помогаютъ имъ; это не исключаетъ, однако, боязливаго къ нимъ отношенія. «Благословите вашихъ дѣтей, но пребывайте вдали отъ нихъ», обращаются къ нимъ. У игорротовъ душа умершаго становится anito—духомъ. Anito умершаго родового старѣйшины чрезвычайно раздражительное и мстительное существо, которое караетъ всякую небрежность со стороны потомковъ въ отношеніи къ себѣ и другихъ родственныхъ ему anito. Отсюда обычай умилостивлять его постоянными жертвоприношеніями. Весьма интересна приводимая Постомъ форма культа на островахъ Лети, Моа и Лакорѣ; она требуетъ, впрочемъ, нѣкотораго объясненія, такъ какъ стоитъ до извѣстной степени изолированно. Каждая деревенская община имѣетъ здѣсь своихъ духовъ покровителей: dere—покровителей мужчинъ и luli—покровителей женщинъ. Эти духи ничто иное, какъ души основателей, родоначальниковъ общины, ихъ niti. Представителями этихъ духовъ и ихъ культа являются такъ называемые muani riësre—жрецы и puta riësre—жрицы, должность которыхъ наслѣдственна по женской линіи. Послѣ смерти muani riësre это званіе наслѣдуетъ

сынъ сестры, а послѣ смерти puta riësre—сестра умершей жрицы или ея дочь. Жертвы, приносимыя этими священнослужителями, имѣютъ исключительной цѣлью избавить данную деревенскую общину отъ несчастій и вызвать покровительство духовъ родоначальниковъ. Форма, которую родовой культъ принимаетъ здѣсь, особенно интересна, такъ какъ она подрываетъ упомянутое уже положеніе Лёббока, будто женщины-предки не пользуются почетомъ. Въ Китаѣ, гдѣ происходитъ обоготвореніе и почитаніе женскихъ предковъ, этотъ институтъ, повидимому, слѣдуетъ признать болѣе позднимъ, появившимся въ дополненіе къ культу предковъ мужчинъ. Приведенныя же свѣдѣнія о культѣ предковъ среди живущаго въ когнатическомъ родовомъ устройствѣ населенія острововъ Лети, Моа и Лакора, въ соединеніи съ многочисленными преданіями отдѣльныхъ родовъ о происхожденіи отъ родоначальницъ, заставляютъ съ большой осторожностью отнестись къ словамъ Лёббока. Культъ предковъ, складываясь и въ когнатическихъ организаціяхъ, можетъ привести и къ почитанію женскихъ предковъ. Но несомнѣнно, что это явленіе рѣдкое, что и когнатическіе рода отдаютъ преимущество мужскимъ предкамъ передъ женскими. Этотъ странный, съ точки зрѣнія теоріи, признающей отсутствіе отцовской власти и отсутствіе знанія отца на низшихъ ступеняхъ культуры, фактъ получаетъ полное объясненіе, если вспомнить положеніе женщинъ въ когнатическомъ родѣ, вполнѣ зависимое отъ мужа и ея родственниковъ по женской линіи. Тѣмъ, что именно среди малайцевъ, гдѣ женщина мѣстами завоевала себѣ выдающееся общественное положеніе и мѣстами встрѣчается матріархатъ, имѣетъ мѣсто обоготвореніе духовъ предковъ-женщинъ, вполнѣ объясняется, почему этотъ культъ могъ развиться именно въ указанныхъ мѣстностяхъ и не могъ возникнуть въ родовыхъ, когнатическихъ группахъ, гдѣ положеніе женщины было въ отношеніи къ мужу безправное. Переходъ къ агнатическому роду долженъ былъ окончательно стереть въ большинствѣ случаевъ слѣды поклоненія женщинамъ предкамъ; этимъ и объясняется, что въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ родовая религія заключается въ культѣ однихъ предковъ мужчинъ.

У индусовъ культъ предковъ обращалъ на себя вниманіе многихъ изслѣдователей; но въ древнѣйшихъ памятникахъ Индіи онъ представляется уже въ разлагающемся видѣ. Каждая семейная община почитала только трехъ предковъ: отца, дѣда и прадѣда. Но культъ этихъ послѣднихъ «имѣлъ у индусовъ весьма разработанное богослуженіе и ритуалъ, очеркъ котораго и представленъ въ юридическихъ трактатахъ; особенно же подробно описанъ онъ въ книгѣ Вишну. Отъ точнаго выполненія обрядовъ культа зависитъ, въ глазахъ древняго индусскаго жреца

правовѣда, все наслѣдственное право». Мэнъ, особенно подчеркнувшій слѣды культа предковъ у древнихъ индусовъ и сравнившій его съ аналогичнымъ культомъ у разныхъ народностей, какъ индоевропейской семьи, такъ и чуждыхъ ей по языку племенъ, конечно, дѣлаетъ изъ этого ошибочный выводъ, будто семейная община была эмбріономъ семейно-общественнаго развитія, если не всего человѣчества, то, по крайней мѣрѣ, индоевропейцевъ. Критика (Спенсеръ, Ковалевскій) давно уже отнеслась отрицательно къ основному положенію Мэна. Брамины рѣзко выступаютъ противъ жизни большими группами, и, вѣроятно, ихъ вліянію слѣдуетъ приписать, главнымъ образомъ, распаденіе родовой организаціи на семейныя общины. Чѣмъ больше дробились большіе родовые союзы, объединенные общностью имущества, тѣмъ больше выгодъ получала каста браминовъ, и древніе индусскіе писатели откровенно высказываютъ это. Они относятся недружелюбно къ совладѣнію и не скрываютъ своего пристрастія къ раздѣламъ: «При раздѣлѣ, читаемъ мы въ сборникѣ Гаутама (X, VIII, 4), происходитъ приращеніе духовныхъ выгодъ.» Въ сборникѣ Ману (IX, III) проводится тотъ же взглядъ, но еще болѣе опредѣленно: «пускай они или живутъ вмѣстѣ, или же, если они пожелаютъ исполнять отдѣльно религіозные обряды, живутъ особнякомъ; такъ какъ религіозныя обязанности умножаются въ отдѣльныхъ домахъ, то ихъ раздѣленіе справедливо и даже похвально». Дѣйствительно, «чѣмъ больше отдѣльныхъ хозяйствъ, тѣмъ болѣе поводовъ къ домашнимъ жертвоприношеніямъ, тѣмъ болѣе случаевъ проявить щедрость въ отношеніи къ сословію жрецовъ». Неудивительно, что при такомъ воздѣйстіи браминовъ древніе индусы рано раздѣлились на семейныя общины и что памятники сохранили слѣды скорѣе семейной, чѣмъ родовой религіи. Культъ ближайшихъ предковъ, по справедливому замѣчанію Мэна, коснулся не только наслѣдственнаго права ихъ; онъ «вліяетъ и на обыденную жизнь индусовъ, и въ глазахъ большинства ихъ домашнія божества гораздо важнѣе всего индусскаго пантеона». Поговорка, «что человѣкъ можетъ быть прощенъ за пренебреженіе всѣми своими общественными обязанностями, но онъ осужденъ на вѣчныя времена, если упуститъ исполнить погребальное шествіе по своимъ родителямъ и не принесетъ имъ должныхъ жертвъ», ясно выражаетъ значеніе культа предковъ въ глазахъ индусовъ. «Хотя въ Ведахъ, говоритъ Мэнъ, и говорится о болѣе отдаленныхъ предкахъ, какъ о божествахъ, которыя слѣдуетъ почитать, но они подъ общимъ именемъ *питрисъ* (pitris) стоятъ какъ бы въ тѣни, на заднемъ планѣ среди индусскихъ боговъ, между тѣмъ какъ отцу, дѣду и прадѣду ежедневно въ жи-

лищѣ индуса приносится *шрадда* (shradda), а по извѣстнымъ днямъ и въ опредѣленныхъ случаяхъ имъ приносятся жертвы, обставленныя особыми спеціальными обрядностями. Наиболѣе торжественныя жертвы совершаются при погребеніи, и правила относительно этого изложены съ мелочными подробностями уже въ древнѣйшихъ изъ сводовъ», напримѣръ, въ Гаутама (XV, I, 30). «Первые плоды земли, первыя части всего съѣстнаго.... составляютъ спеціальную принадлежность этихъ родовыхъ боговъ; особое благословеніе, ниспосылаемое ими, состоитъ въ долговѣчности и въ непрерывномъ продленіи семьи».

Фюстель-де Куланжъ въ своемъ извѣстномъ трудѣ «Древняя гражданская община» (La cité antique) первый обратилъ вниманіе и освѣтилъ значеніе частнаго и родового культа у грековъ и римлянъ. До появленія его труда все вниманіе изслѣдователей сосредоточивалось на божествахъ высшаго порядка. Они были національными богами, имъ приносились оффиціальныя жертвоприношенія, и блескъ этихъ торжествъ, описаніе которыхъ дошли до насъ, заставляли забывать о слѣдахъ родового семейнаго культа, о ларахъ и пенатахъ, поклоненіе которымъ составляло дѣйствительный культъ древнихъ римлянъ. «Въ особомъ сокровенномъ помѣщеніи дома, въ lararium или penetralia, ставились ихъ (ларовъ и пенатовъ) глиняныя или металлическія изображенія, представлявшія собою предковъ, которые дѣйствительно когда то погребались тамъ, передъ очагомъ. Во главѣ ихъ находился старѣйшій между ними— Lar Familiaris. Подобно публичному служенію богамъ высшаго порядка, этотъ частный культъ имѣлъ также свой ритуалъ, свое богослуженіе, своихъ жрецовъ изъ среды семейнаго круга». Лишь къ концу республики этотъ культъ предковъ въ древнемъ Римѣ постепенно приходитъ въ упадокъ и души предковъ лары, какъ и русскіе домовые, переходятъ изъ числа покровителей семействъ въ разрядъ представителей злой, демонической силы. Предки лары смѣшиваются съ понятіемъ larvae—души умершихъ, преданныхъ погребенію безъ надлежащихъ обрядовъ, и съ lemures—духами, обитавшими въ могилахъ.

Чрезвычайно развитую форму принялъ культъ предковъ въ Китаѣ; слѣды его относятся къ глубочайшей древности. «Ученіе Конфуція тѣсно переплелось съ нимъ; исповѣданія Будды и Лао-Тце ассимилировались съ культомъ предковъ, и жрецы ихъ исполняютъ его обрядность». Богатыя и дорого стоющія похороны въ Китаѣ, какъ и въ другихъ странахъ, напримѣръ, въ Индіи и древнемъ Римѣ, нерѣдко дово-

дятъ нѣкоторыя семейства до раззоренія. Культъ совершается, поскольку это касается домашней жизни, представителемъ семьи—старшимъ сыномъ. Онъ, какъ и въ Индіи, является семейнымъ жрецомъ; какъ древне-римскій pater familias онъ приноситъ яства передъ изображеніями предковъ, кормитъ ихъ души, окуриваетъ ихъ и проч. Если за сыновнее почтеніе предки щедро платятъ потомкамъ, если благосостояніе семьи зависитъ отъ того, довольны-ли покойники оставшимся въ живыхъ поколѣніемъ, въ свою очередь и всякая удача потомковъ отражается благотворно на предкахъ: они участвуютъ въ славѣ и счастьѣ своего потомства. Китаецъ часто «употребляетъ всѣ свои старанія къ тому, чтобы одержать верхъ на конкурсѣ, котораго придерживаются на государственныхъ экзаменахъ, въ надеждѣ, что послѣдствіемъ его успѣха будетъ значительное улучшеніе участи его отца и дѣда». Современному европейцу такой взглядъ кажется страннымъ, но, «какъ это часто случается, замѣчаетъ по этому поводу Тэйлоръ, то, что для одного народа является забавной шуткой, для другого имѣетъ серьезный смыслъ».

VIII. Упадокъ и переживанія отцовскаго родового устройства.

При отцовскомъ родѣ родовой бытъ, какъ было сказано, проявляется въ общности экономическихъ и религіозныхъ интересовъ: бо́льшая или меньшая близость кровныхъ узъ опредѣляетъ и большія или меньшія права и обязанности отдѣльнаго лица. Но экономическіе интересы могутъ вполнѣ объединять членовъ одной и той же группы только, когда сородичи живутъ вмѣстѣ. Случаи такого совмѣстнаго жительства всѣхъ членовъ рода въ одномъ общемъ хозяйствѣ встрѣчаются, какъ среди краснокожихъ Сѣверной Америки, такъ и среди перешедшихъ къ агнатическому роду нѣкоторыхъ малайскихъ народностей; но естественно, что такая совмѣстная жизнь возможна лишь при сравнительно небольшомъ численномъ составѣ рода. Экономическія условія заставляютъ членовъ одной и той же группы раздѣляться на отдѣльныя хозяйства, и это наноситъ первый ударъ строго родовой общинѣ. Возникаютъ *общины семейныя*, въ которыхъ члены, связанные между собой общностью происхожденія и интересовъ, организуются по примѣру родовой общины. Совокупность подобныхъ семейныхъ общинъ составляютъ родъ, племя. Связываемыя единствомъ происхожденія и вытекающими изъ этого нормами права и религіи, эти семейныя общины представляютъ, такъ сказать, подгруппы большей связующей ихъ родовой организаціи. Сохраняя тѣсную связь съ послѣдней, они оказываются, однако, вполнѣ самостоятельными хозяйственными единицами. Они совершенно свободно располагаютъ своимъ движимымъ имуществомъ; право же собственности на недвижимое ограничивается только интересами общей родовой группы. Родовой культъ, нормы обычнаго права, поскольку они касаются обязанностей кровной мести, назначенія главы родовой группы и проч., остаются неизмѣнными и долго послѣ наступленія выдѣловъ отдѣльныхъ хозяйствъ, т. е. родовой бытъ переживаетъ родовую общину, объединенную тождественностью экономическихъ интересовъ.

Тѣмъ не менѣе новый порядокъ вещей хотя и медленно, но неуклонно подтачиваетъ устои родовой организаціи.

Родовой культъ съ постепенной утратой сознанія общей связи между всѣми сородичами переходитъ въ культъ семейный. Этотъ послѣдній сосредоточивается почти исключительно въ узкихъ предѣлахъ семейной группы; только въ опредѣленные дни всѣ члены рода иногда сходятся на общее родовое торжество. Почитаніемъ начинаютъ пользоваться лишь ближайшіе предки и главный родоначальникъ, если онъ перешелъ въ племенное божество. Въ сферѣ права разложеніе родового быта еще замѣтнѣе: права и обязанности, прежде общія для всѣхъ сородичей, сосредоточиваются въ кругѣ членовъ одной семейной общины. Объединенные единствомъ культа, одинаковыми условіями экономическими, живя подъ одной общей кровлей, члены семейной общины тѣсно связаны между собой. Отсюда появленіе правилъ наслѣдованія, кореннымъ образомъ измѣняющихъ прежній, болѣе древній порядокъ. Въ наслѣдствѣ участвуютъ не всѣ сородичи, а лишь члены одной и той же семейной общины. Сородичи предъявляютъ свои права, основанныя на сознаніи общности крови, только въ тѣхъ случаяхъ, когда естественные, ближайшіе наслѣдники семейнаго имущества вымираютъ, т. е. когда имущество становится вымороченнымъ: тогда никто кромѣ болѣе отдаленныхъ сородичей не можетъ воспользоваться имъ. Обязанность кровной мести также сосредоточивается мало по малу въ предѣлахъ семейной общины; появляются болѣе точныя правила, кому изъ родственниковъ должно мстить за убійство того или иного лица. Отдаленность родственниковъ различныхъ семейныхъ общинъ другъ отъ друга приводитъ, наконецъ, сначала къ смягченію господствующей при родовомъ строѣ экзогаміи, а затѣмъ постепенно къ уничтоженію послѣдней. Боязнь кровосмѣсительныхъ браковъ, возникшая еще на низшихъ ступеняхъ культуры, съ разростаніемъ родовой группы проявляется въ правилахъ, запрещающихъ браки лишь въ болѣе тѣсномъ кругѣ родни. Прежде строго экзогамныя группы, когда всѣ лица, носившія одно и то же родовое прозвище, считались родственниками и не могли поэтому вступать въ бракъ между собой, становятся, слѣдовательно, въ значительной степени эндогамными. Поэтому, чѣмъ больше кругъ родственниковъ, которымъ запрещается вступать въ бракъ между собой, среди народности, хранящей въ себѣ слѣды воспоминаній о родовомъ бытѣ, тѣмъ больше можно предполагать въ бытѣ ея и слѣдовъ родового устройства (естественно, за исключеніемъ случаевъ, когда эти запре-

тительные законы возникли изъ болѣе позднихъ этическихъ или религіозныхъ основъ).

Но какъ ни отдалилась семейная община отъ родовой, въ организаціи ея продолжаетъ существовать множество чертъ, повторяющихъ иногда до мелкихъ подробностей общину родовую. Въ семейной общинѣ стоитъ во главѣ старѣйшій: дѣдъ, отецъ, старшій дядя и т. д., управленіе переходитъ по наслѣдству отъ старшаго къ старшему— принципъ, который въ цѣляхъ практическихъ ограничивается иногда передачей главенства наиболѣе способному; объемъ власти главы общины, въ началѣ по крайней мѣрѣ, не терпитъ измѣненія, сравнительно съ властью бывшихъ родовыхъ старѣйшинъ. Однимъ словомъ, по организаціи своей община семейная представляетъ сколокъ съ родовой, и распаденіе ея на новыя семейныя общины обусловливается тѣми же причинами (въ существенныхъ чертахъ, конечно), какъ и распаденіе общины родовой.

Такъ называемая *большая семья* русскаго крестьянскаго и инородческаго населенія, когда нѣсколько поколѣній родственниковъ живутъ совмѣстно подъ властью одного большака, славянская задруга представляетъ яркіе примѣры подобныхъ семейныхъ общинъ. Изученіе ихъ организаціи, внутренняго строя, причинъ, приводящихъ къ ихъ раздѣленію на болѣе мелкія группы и т. д., даетъ возможность, съ одной стороны, получить ясное понятіе, чѣмъ должна была быть нѣкогда родовая община у славянъ и инородцевъ, и опредѣлить причины ея упадка, съ другой. Современный строй позволяетъ, такимъ образомъ, заглянуть въ далекое прошлое разноплеменнаго населенія Россіи, возстановить бытъ, представляющій древнюю организацію и, провѣряя добытыя свѣдѣнія сравненіемъ съ бытомъ другихъ народностей, намѣтить нѣкоторыя черты въ стадіи развитія человѣчества, отъ которой большинство цивилизованныхъ народностей ушло далеко.

Если относительно общности древнихъ стадій развитія, пройденныхъ болѣе цивилизованными народностями, возникали сомнѣнія, то въ вопросѣ о прохожденіи большинствомъ изъ нихъ патріархальнаго родового строя существуетъ почти общее согласіе. Дѣйствительно, уже слѣдовъ счета родства по материнской линіи у забывшихъ этотъ строй народностей и племенъ можно было отмѣтить значительное количество. Но число фактовъ, свидѣтельствующихъ о болѣе позднемъ порядкѣ вещей, о господствѣ агнатическаго родового строя такъ велико, и характеръ ихъ настолько опредѣленъ, что развѣ только предвзятый изслѣдователь не выведетъ изъ нихъ заключеніе, что народности, которыя въ

настоящее время давно уже вышли изъ стадіи родового быта, должны были нѣкогда пережить его.

Не перечисляя множества фактовъ переживанія родового строя въ современномъ быту цивилизованныхъ народовъ, остановимся на слѣдахъ послѣдняго среди нѣкоторыхъ русскихъ инородцевъ. Обиліе данныхъ, которыми располагаетъ и въ этомъ отношеніи русская этнографическая литература, служитъ опять такъ лучшимъ доказательствомъ, какую обширную жатву для науки можетъ дать этнографическое изученіе Россіи. Фактъ, что наиболѣе детальныя и научно-важныя свѣдѣнія собраны изслѣдователями въ недавнее сравнительно время, доказываетъ, что подойти сознательно къ изученію народности и не упустить интересныхъ свѣдѣній можно только при знакомствѣ съ основными положеніями науки этнографіи: только во всеоружіи ихъ, изслѣдователь не пройдетъ безучастно передъ данными, которыя съ перваго взгляда могутъ показаться общеизвѣстными и малоинтересными, но въ дѣйствительности хранятъ цѣнные слѣды глубокой старины.

Насколько богаты матеріалы, ожидающіе изслѣдователей, изучающихъ Кавказъ, эту «гору языковъ» древнихъ писателей, служатъ доказательствомъ хотя бы труды Ѳ. И. Леонтовича, издавшаго нормы обычнаго права—адата, собранныя среди горцевъ послѣ покоренія Кавказа русскими. М. М. Ковалевскій, далъ научное освѣщеніе этимъ нормамъ и въ значительной степени пополнилъ имѣющіяся свѣдѣнія о правѣ населенія благодаря личнымъ изслѣдованіямъ. «Тогда какъ матріархатъ, пишетъ Ковалевскій является среди горцевъ частью выжившимъ, частью выживающимъ порядкомъ, агнатическій родъ носитъ у нихъ еще всѣ признаки вполнѣ жизненнаго явленія. Рѣдко гдѣ можно наблюдать его разнообразнѣйшія проявленія въ такой полнотѣ и подробности, въ такой чистотѣ и разцвѣтѣ, какъ въ кавказскихъ тѣснинахъ. Связь этой общественной организаціи съ религіозными представленіями и, въ частности, съ культомъ предковъ, вліяніе, оказываемое ею на умственный складъ, на нравы, обычаи, привычки и экономическій строй—все это выступаетъ въ бытѣ горцевъ съ такой очевидностью, что историку родовыхъ порядковъ.... не представляется.... болѣе надежнаго пути къ провѣркѣ установляемыхъ имъ гипотезъ, какъ сопоставленіе ихъ съ данными кавказской этнографіи». Исповѣдуетъ ли данное племя христіанство или исламъ, языческія воззрѣнія, выражающіяся въ культѣ предковъ, сказываются съ полной силой. Усопшіе требуютъ себѣ жертвъ, и, въ случаѣ непочтенія со стороны потомковъ, мстятъ имъ; даже болѣзни, по мнѣнію ховсуръ, пшавовъ и тушинъ, посылаются покойниками, карающими

заболѣвшаго за упущеніе приношеній. «Продолжая вести за гробомъ то же существованіе, что и на землѣ, надѣленный тѣми же потребностями и страстями, покойникъ предъявляетъ къ оставленному ему роду не меньше требованій, чѣмъ живущій. Онъ нуждается: въ пищѣ, питьѣ, одеждѣ и освѣщеніи. Подъ угрозой дѣлать изъ него врага, живущіе должны доставлять умершимъ все то, въ чемъ они могутъ нуждаться. Отсюда, упоминаемый Беллемъ (Journ. d'une résidence en Circassie pendant les années 1837, 38, 39) обычай черкесовъ одѣвать покойника въ новую и при томъ праздничную одежду, отсюда распространенный среди осетинъ обычай оставлять въ комнатѣ покойнаго на ночь зажженную лучину въ ожиданіи его посѣщеній, отсюда же такъ часто повторяющіяся, особенно у сванетовъ и осетинъ, поминки, во время которыхъ на могилѣ покойника выставляется пища и питье, и самъ онъ приглашается принять участіе въ пиршествѣ. Въ Осетіи, а также и въ Грузіи, существуетъ обычай изготовлять изъ соломы чучело умершаго, которое во время поминокъ сажаютъ съ собою за столъ обыкновенно на почетнѣйшемъ мѣстѣ. Кто нибудь изъ родственниковъ ѣстъ за двоихъ, и избытокъ пищи считается поступившимъ въ пользу усопшаго». Прежніе писатели сообщаютъ даже случаи человѣческихъ жертвоприношеній у кабардинцевъ: военноплѣнные или купленные на сторонѣ люди приносились въ жертву умершимъ предкамъ на могилахъ послѣднихъ.

Крѣпостью родового культа среди кавказскихъ народностей слѣдуетъ объяснить и то, что кровная месть у нихъ до послѣдняго времени носила религіозный характеръ. «Вѣчнымъ позоромъ, пишетъ Ковалевскій, покрываетъ себя тотъ, кто оставитъ убійство родственника безъ отмщенія. Въ Дагестанѣ обычай дозволяетъ не принимать участія въ кровномъ возмездіи только подъ условіемъ формальнаго разрыва со всей родней путемъ выхода изъ рода (тохума). Мщеніе настолько обязательно для родственниковъ, что во избѣжаніе кровопролитія въ Дагестанѣ принято выселять на время обидчика и его ближайшихъ родственниковъ, дабы тѣмъ устранить ихъ отъ возмездія. Стоитъ имъ только попасть на глаза родственникамъ жертвы, и ихъ ждетъ неизбѣжно смерть или, по меньшей мѣрѣ, раненіе». Даже въ настоящее время, когда среди многихъ кавказскихъ племенъ все больше распространяется система выкупа за кровь, вытѣсняющая кровную месть, «воззрѣніе на месть, какъ на нѣчто необходимое для блаженства предковъ въ загробной жизни, наглядно выступаетъ въ обычаѣ оповѣщать покойника о постигшей убійцу карѣ». Осетинъ, напримѣръ, «отомстивъ за смерть

настоящее время давно [illegible] -го могилу, прикладываетъ къ
были нѣкогда пережит[illegible] -коенъ, я отомстилъ за твою
Не перечисляя [illegible] черкесы, чеченцы и осетины
въ современномъ [illegible] -ныхъ враговъ на самой могилѣ
слѣдахъ послѣдни[illegible] -ее къ намъ время кабардинцы,
данныхъ, которы[illegible] -вольствовались тѣмъ, что отсѣкши
графическая л[illegible] -могилу убитаго. Принесеніе въ жертву
ствомъ, каку[illegible] -ти тѣла обидчика признавалось доста-
ческое изучен[illegible] -скорбленіе могилъ предковъ вызываетъ
ныя свѣдѣни[illegible] -ную месть у осетинъ.
доказыва[illegible] -ціи господствѣ родового агнатическаго
упуст[illegible] -подвергаются кровной мести и другимъ
основ[illegible] -внутри рода не приводятъ къ кровной
пла[illegible] -ти мотивами агнатическаго и матеріаль-
[illegible] -ной тѣсной связью, которая существуетъ
[illegible] -ка, когда, когда онъ распался на семейныя
[illegible] -увеличить свой составъ заставляетъ насе-
[illegible] -мать путемъ усыновленія даже убійцъ-чуже-
[illegible] -всякое количественное ослабленіе родовой
[illegible] -ельнымъ. Вотъ почему, напримѣръ, осе-
[illegible] -довольствуются прекращеніемъ общенія съ
[illegible] -послѣдняя изъ названныхъ народностей ста-
[illegible] -виновнаго внѣшнимъ знакомъ, который бы
[illegible] -каждому. Такимъ знакомъ является ожерелье
[illegible] -изъ боязни опаснаго члена группы подвер-
[illegible] -кавказское абречество, говоритъ Ковалевскій, не
[illegible] -абрекъ это тоже, что славяно-русскій изгой».
[illegible] -угрожать ему, у абрека нѣтъ родственниковъ
[illegible] -группа ослабляетъ себя;
[illegible] -предпочитаетъ нанести
[illegible] -уничтожаютъ его жилище
[illegible] -движимую
[illegible] -потерпѣвшихъ,
[illegible] -безопасности, заста-
[illegible] -убійцы, вынуждаетъ
[illegible] -родовой группы.
[illegible] -коммунистическихъ нача-
[illegible] -родствѣ, такъ какъ
[illegible] -Но когда родо-
[illegible] -первоначальная

общность имущества, точнѣе нѣкоторыхъ видовъ его, сосредотачивается исключительно въ предѣлахъ отдѣльныхъ хозяйствъ, не захватывая имущества всего рода. Поэтому необходимость порядка внутри родовой организаціи вызываетъ къ жизни строгія правила взысканія за воровство внутри группы, причемъ отвѣтственность падаетъ часто не на одного виновнаго, а на его семейную группу. Наоборотъ, воровство имущества у чужеродцевъ считается доблестью. У кавказскихъ горцевъ «молодая дѣвушка не охотно отдаетъ свою руку человѣку, въ прошломъ котораго нельзя указать двухъ, трехъ случаевъ смѣлыхъ набѣговъ, окончившихся уводомъ скота и лошадей. Потоцкій сообщаетъ намъ даже интересныя подробности о цѣлыхъ воровскихъ шайкахъ, устраиваемыхъ черкесскими князьями. Члены этихъ шаекъ являются на общіе сходы не иначе, какъ съ закрытыми лицами, и употребляютъ въ своихъ рѣчахъ непонятный для другихъ жаргонъ. Адаты кавказскихъ горцевъ такъ далеки отъ мысли считать воровство у чужеродца уголовнымъ преступленіемъ, что большинство ихъ, въ случаѣ обнаруженія вора, довольствуются требованіемъ, чтобы похищенное или его стоимость возвращены были хозяину». Имена наиболѣе извѣстныхъ грабителей скота у чужеродцевъ увѣковѣчиваются въ произведеніяхъ народнаго творчества. Такія пѣсни дѣйствуютъ настолько возбуждающимъ образомъ на ингушскую молодежь, что пѣть ихъ въ Владикавказскомъ округѣ было запрещено администраціей; послѣ пѣнія подобныхъ пѣсенъ молодые ингуши отправлялись совершать воровскіе подвиги.

Имущественное право кавказскихъ народностей, въ частности характеръ земельной собственности проникнуты тѣми же началами родовой организаціи, какъ и родовой культъ ихъ и уголовное право. Земля въ большинствѣ горскихъ обществъ считается общей собственностью. Въ настоящее время общество не всегда состоитъ изъ членовъ одного и того же рода: вслѣдствіе стремленія къ усиленію родовой принципъ долженъ былъ уступить территоріальному. Но воспоминаніе о бывшемъ нѣкогда, въ недалекомъ прошломъ, родовомъ владѣніи землей, сохранилось: напримѣръ, существуютъ осетинскіе «аулы, занятые семьями, родственными другъ другу, носящими одинаковое фамильное названіе, владѣющими землею на общинномъ началѣ и ведущими нерѣдко совмѣстное хозяйство». Но и послѣ перехода родовой общины въ сельскую, въ аулахъ, въ которыхъ живутъ уже представители разныхъ фамилій, можно прослѣдить воспоминаніе о болѣе древнемъ порядкѣ вещей: каждая семья владѣетъ только 1) усадебной землей и 2) пахотными участками, раздѣланными общими силами

членовъ той или иной семейной группы. Не только лѣса и пастбища находятся въ общемъ владѣніи, но и покосы составляютъ часто общую собственность. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ, у горныхъ чеченцевъ и ингушей, покосные участки дѣлятся между семьями, иногда каждый годъ, иногда разъ въ теченіе 10—15 лѣтъ (пахотные участки находятся у нихъ въ индивидуальномъ владѣніи семейныхъ общинъ); но и въ такихъ мѣстностяхъ сохранились слѣды былой совмѣстной обработки земли и косьбы: передъ началомъ пахоты и сѣнокоса жители одного аула собираются, и каждый приводитъ съ собой барановъ и приноситъ съѣстные припасы. Барановъ рѣжутъ сообща; слѣдуетъ пиръ, сопровождаемый пѣснями и плясками. Неисполненіе этого обычая, по мнѣнію чеченцевъ и ингушей, вредитъ успѣшному окончанію сельскихъ работъ. «У осетинъ, никто . . . . не смѣетъ произвольно начать покоса, пока не настанетъ іюль мѣсяцъ, и всѣ жители деревни и околодка не соберутся на праздникъ, называемый *атенекъ*, на которомъ, послѣ долгаго совѣщанія, старики рѣшаютъ, пришла ли пора косить или нѣтъ. Опредѣленные сроки существуютъ и для пахоты». Эти правила, извѣстныя въ этнографической литературѣ подъ нѣмецкимъ названіемъ Flurzwang [1]), постановляющія не только сроки для производства сельскихъ работъ, но въ отдѣльныхъ случаяхъ даже опредѣленный сѣвооборотъ, отмѣчены какъ въ русской сельской общинѣ, такъ и въ древнемъ германскомъ правѣ и въ Англіи. По справедливому мнѣнію Ковалевскаго здѣсь на лицо фактъ «перенесенія на сельскую общину той экономической регламентаціи, которая впервые возникла въ средѣ родовыхъ сообществъ. Такой переносъ совершенно согласенъ съ тѣмъ, что намъ извѣстно объ унаслѣдованіи сельской общиной многихъ сторонъ юридическаго быта рода: о переходѣ, напримѣръ, права предпочтительной покупки сосѣдей, родового выкупа—въ сельскій выкупъ, родового наслѣдованія—въ наслѣдованіе сосѣдей». Этотъ переходъ и различныя стадіи его легко поддаются изслѣдованію именно на Кавказѣ, гдѣ возможно въ разныхъ стадіяхъ наблюдать переходъ родовой общины въ сельскую, и гдѣ права сородичей являться общими наслѣдниками въ выморочномъ имуществѣ постепенно переходятъ въ право сосѣдей, сочленовъ сельской общины.

Большой интересъ для изученія родового строя представляютъ и

---

[1]) Рядъ интересныхъ обычаевъ и переживаній, относящихся къ Flurzwang и сохранившихся до нашего времени въ разныхъ мѣстностяхъ Германіи, собраны въ книгѣ извѣстнаго нѣмецкаго этнографа E. H. Meyer'a: Deutsche Volkskunde. Strassburg. 1898.

кочевыя и полукочевыя народности Россіи, принадлежащія къ монгольской и тюркской группамъ. Родовой бытъ у многихъ тюркскихъ народностей еще сохраняется съ полной жизненностью. Часть ихъ однако, вслѣдствіе условій жизни и воздѣйствія посторонняхъ элементовъ видоизмѣнила болѣе первобытныя отношенія, такъ что среди разныхъ группъ обширнаго тюркскаго племени, даже порчасъ въ предѣлахъ одной національной единицы, можно встрѣтить значительныя [illegible]

Магометанство, быстро распространяющееся за послѣдніе [illegible] среди киргизовъ, уничтожаетъ постепенно остатки былаго [illegible] культа. Не такъ давно, однако, у киргизовъ можно было [illegible] много слѣдовъ ихъ прежняго языческаго [illegible] и прежней родовой религіи. Въ настоящее время [illegible] очага, и принято совершать обширныя [illegible] Рычковъ, въ концѣ XVIII-го вѣка [illegible] срубомъ былъ, по выраженію автора, «[illegible] лицо и тѣло человѣческое. [illegible] что служитъ обыкновеннымъ жилищемъ [illegible] Въ день всеобщаго [illegible] принесли ему [illegible] отъ своей одежды и [illegible] гдѣ также кладутъ [illegible] лѣзновали о немъ [illegible] ней огороженное [illegible] свотъ. [illegible] хоронили [illegible] лошадь и [illegible] яря принесли [illegible] обходятъ [illegible]

Въ сферѣ [illegible] быта [illegible] киргизовъ [illegible] [illegible] производятъ себя [illegible] у всѣхъ [illegible] дарность [illegible] [illegible] 7—10 [illegible] [illegible] Громовъ [illegible]

спискѣ..... сказано, что когда 92 брата (родоначальники родовъ) разбогатѣли, то скотъ ихъ сталъ смѣшиваться. Чтобы отмѣчать принадлежность скотинъ, братья, по совѣщаніи между собою, изобрѣли 92 знака, тамги». Каждый родъ имѣетъ свою особенную родовую тамгу. Члены одного и того же рода имѣли общее имущество и отмѣчали своей тамгой свой скотъ и другіе предметы собственности. Тамга, слѣдовательно, играла первоначально роль *родового* знака, родового *герба*; даже въ настоящее время, при имущественномъ раздѣленіи внутри рода по семьямъ, тамга-гербъ служитъ вѣрнымъ признакомъ принадлежности имущества тому или иному роду. «Древность тамгъ подтверждается тѣмъ, что многія названія родовъ, а еще чаще колѣнъ, происходятъ отъ названій начертаній тамгъ». Напримѣръ, киргизскій родъ Средней Орды Таракты имѣетъ тамгу—гребень (по тюркски тарактъ), отъ чего и родъ ведетъ свое наименованіе.

Каждый изъ родовъ имѣетъ свою генеалогію, и старшинство по родамъ строго соблюдается: есть рода старѣйшіе, и рода младшіе. Старшинство между ордами и родами идетъ по прямой линіи: самый послѣдній родъ Великой орды имѣетъ преимущество передъ самымъ старшимъ родомъ Средней орды, младшій родъ послѣдней—преимущество передъ старшимъ родомъ Малой орды. Основываются на томъ, что предокъ даннаго рода старше. Родъ Джалаиръ считается въ настоящее время старшимъ изъ родовъ Великой орды. На пирахъ, сообщаетъ Гродековъ, всегда спрашиваютъ, нѣтъ ли среди присутствующихъ старшаго изъ рода Джалаиръ, для того, чтобы ему подать кушанье первому. На свадьбахъ пѣніе начинаютъ представители рода Джалаиръ, и только при отсутствіи таковыхъ, это право переходитъ къ представителямъ слѣдующаго по старшинству рода—Ошакты. Букеевскіе киргизы состоятъ преимущественно изъ членовъ родовъ Малой орды; но среди нихъ есть, однако, и представители рода Большой орды и до послѣдняго времени имъ оказывался особенный почетъ на пирахъ и пр. Въ предѣлахъ каждаго рода есть старшій родичъ (аксакалъ) Въ прежнее время онъ являлся въ роли родоправителя. Теперь онъ утратилъ это значеніе, но до сихъ поръ родичи ѣздятъ къ нему, оказывая ему тѣмъ почетъ, отвозятъ ему подарки и пр. Старшинство переходитъ не по прямой линіи, но на старшаго дядю. Вслѣдствіе этого, даже въ обыденной жизни, напримѣръ, при пріѣздѣ, дяди встрѣчаются съ бо̀льшимъ почетомъ, чѣмъ племянники. Такимъ образомъ, киргизы сохранили до позднѣйшаго времени родовую организацію, разработанную съ чрезвычайной детальностью. Въ недавнее время еще рода представляли изъ себя строго экзогамныя организаціи: браки съ

женщинами своего рода были строго запрещены. «Личность, пишетъ Гродековъ, находитъ защиту только у своего рода. За поступки ея отвѣчаетъ родъ. Очистительная присяга налагается не на оговоренную личность, а на другое лицо изъ ея рода. Взысканіе платитъ и получаетъ не лицо, а родъ». При неуплатѣ цѣны за кровь—«хуна», убиваютъ не всегда убійцу, а любого человѣка изъ его рода. Въ настоящее время киргизы стараются уже замѣнить кровную месть выкупомъ. Правила, опредѣляющія такой замѣнъ, разнятся по мѣстностямъ; подробное изученіе ихъ очень интересно, такъ какъ по нимъ можно прослѣдить ходъ постепеннаго упадка кровной мести. Въ Казалинскомъ уѣздѣ, напримѣръ, и теперь еще «родъ убитаго старается учинить убійство, чтобы взять кровь за кровь»; родственниковъ убитаго стараются всячески умиротворить. Въ другихъ мѣстахъ, уплата и полученіе хуна лежитъ не на отдѣльномъ лицѣ, а на родѣ; наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда родовая организація уже начала распадаться, обязанность платить выкупъ вмѣняется семьѣ». У Курамы, напримѣръ, хунъ взыскивается не съ рода, а съ семьи: отца, брата и дяди. Въ случаѣ несостоятельности, членовъ семьи прежде убивали. При полученіи или уплатѣ хуна родомъ «близкая и дальняя родня убитаго и убійцы, богатые и бѣдные, должны платить и получать равныя доли. Хотя бы родъ убійцы и былъ удаленъ или разбросанъ на большомъ пространствѣ, тѣмъ не менѣе, за взносомъ долей хуна посылаютъ требованія, засвидѣтельствованныя приложеніемъ многихъ печатей». Отказаться отъ уплаты хуна нельзя; «иначе отказавшемуся не дадутъ доли изъ получаемыхъ хуновъ и не будутъ участвовать въ платежѣ хуновъ за его убійство».

Земля считается общей собственностью, но до послѣдняго времени отчасти и теперь каждому роду отведены опредѣленныя мѣста лѣтней и осенней кочевки. До сихъ поръ, говоритъ Гродековъ, азіатскіе киргизы «кочуютъ обществами одного рода, допуская въ свои аулы изъ другихъ родовъ лишь родственниковъ по женской линіи или другихъ бѣдняковъ, нанимающихся въ работники. Пути кочевокъ опредѣлены для каждаго рода». При устройствѣ зимовокъ члены роды группировались вмѣстѣ.

Женщина, купленная на средства родовой группы (калымъ за невѣсту вносится обыкновенно родичами), принадлежитъ группѣ послѣднихъ. Отсюда развитіе и поддержаніе левирата; при этомъ обыкновенно «вдова достается ближайшему родственнику умершаго, а разведенная должна выбрать мужа среди рода прежняго мужа».

Неудивительно, что благодаря сохранившемуся во многихъ про-

явленіяхъ жизни родовому быту, члены киргизскаго рода, объединенные территоріей, сознаютъ свою тѣсную солидарность, что она выражается и въ имущественныхъ отношеніяхъ, и въ процессѣ, и въ военной организаціи недавно еще воинственныхъ киргизовъ, когда, не далѣе конца XVIII-го и начала XIX-го вѣка, каждый родъ, выступая въ бой, имѣлъ кромѣ общаго боевого крика (урана) и общій значекъ и даже опредѣленнаго цвѣта шапки. Въ пословицахъ, отражающихъ и общественный и юридическій бытъ населенія, сохранились у киргизовъ ясныя воспоминанія о родовомъ бытѣ и о бывшей нѣкогда враждѣ родовъ. «Лучше быть пастухомъ въ своемъ родѣ, чѣмъ въ чужомъ народѣ». «Кто не знаетъ именъ своихъ семи предковъ, тотъ отступникъ», «Не ходи на охоту съ человѣкомъ изъ чужого рода: подъ бокомъ онъ помѣшаетъ тебѣ выстрѣлить», говоритъ киргизская народная мудрость.

Если среди киргизовъ еще недавно существовала почти въ нетронутомъ видѣ родовая организація, это объясняется отчасти условіями кочевого быта, отчасти военнымъ бытомъ ихъ. Съ ихъ замиреніемъ, съ прекращеніемъ войнъ, съ новымъ административнымъ дѣленіемъ родовой бытъ началъ подвергаться быстрому разложенію.

Монголы, какъ и киргизы, принадлежатъ къ числу кочевыхъ, отчасти только переходящихъ къ полуосѣдлости народностей Россіи; родовая агнатическая организація выступаетъ у нихъ почти съ тождественными чертами, какъ у степныхъ киргизовъ. По свидѣтельству Н. Ѳ. Леонтовича, опубликовавшаго Древній Монголо-Калмыцкій Уставъ Взысканій, монголы до настоящаго времени ведутъ свою родословную съ чрезвычайной точностью: не смотря на ихъ размноженіе и случайное перемѣщеніе въ другіе рода, они никогда не теряютъ своего *ясу*—рода. Какъ и киргизы, монголы производятъ себя отъ одного общаго родоначальника Бюрте-чино—*Синяго волка*, предка Чингисхана. «Монгольская исторія, говоря объ *элютахъ*, или (что тоже) *ойратахъ* (т. е. западныхъ монголахъ) обыкновенно называетъ 4 ойрата, потому что они, по имени 4-хъ братьевъ, раздѣлились на 4 племени: Джунгаръ, Тургутъ (Торгоутъ), Хошотъ и Дурботъ. Они называли себя также четырьмя союзниками или, по своимъ 4-мъ знаменамъ, «четырехцвѣтными», въ противоположность съ своими восточными монгольскими соплеменниками, которые называются «пятицвѣтными». Весь же монгольскій народъ называется поэтому «девятицвѣтными». Каждая родственная группа монголовъ, такимъ образомъ, состав-

ляла единое цѣлое во время войны и имѣла особый цвѣтной значекъ, откуда и произошло названіе монголовъ «девятицвѣтными».

Родовое старшинство наблюдаются калмыками, даже въ будничной, семейной жизни, напримѣръ, при распредѣленіи кибитокъ на стоянкахъ: ближайшей къ главной, отцовской кибиткѣ линіей располагаются кибитки ближайшихъ родичей, за ними стоятъ кибитки болѣе дальнихъ родственниковъ и т. д.

Все населеніе калмыковъ дѣлится на *хотоны*, *аймаки*, *отоки* и *улусы*, и въ дѣленіи этомъ если разсмотрѣть составъ каждой изъ перечисленныхъ группъ не трудно увидать явные слѣды родового устройства.

Въ каждой кибиткѣ живетъ отдѣльная семья. Хотонъ— это соединеніе нѣсколькихъ кибитокъ; семьи, живущія въ нихъ, происходятъ одна отъ другой путемъ наростанія отдѣльныхъ поколѣній родичей; онѣ находятся въ родственныхъ другъ къ другу отношеніяхъ и занимаютъ одно кочевье. Личный составъ хотона современныхъ калмыковъ опредѣляется ближайшими (4-мя—5-ю) степенями кровнаго родства: отъ прадѣда и до внука включительно. Слѣдовательно, мы имѣемъ передъ собой совокупность близкихъ, родственныхъ другъ другу семействъ, живущихъ нераздѣльно, на общемъ хозяйствѣ. Хотонъ находится подъ управленіемъ отца, старосты или старѣйшины; онъ соотвѣтствуетъ, такимъ образомъ, большой семьѣ, семейной общинѣ. Изъ нѣсколькихъ близко родственныхъ хотоновъ, образуется аймакъ. У всѣхъ хотоновъ одного аймака—нераздѣльное кочевье, но на болѣе обширной территоріи. Нѣсколько аймаковъ, наконецъ, производящихъ себя отъ одного общаго родоначальника, образуютъ такъ называемый отокъ. Хотонъ и аймакъ представляютъ дѣленіе родовой группы, вызванное экономическими условіями именно невозможностью кочевать на одномъ пространствѣ большему числу родственниковъ; отокъ же — военно-административное дѣленіе рода (отокъ — значитъ знамя). Отокъ — это небольшія родовыя орды, объединенныя общимъ значкомъ, знаменемъ; такими отоками родъ (улусъ) обыкновенно перекочевывалъ съ мѣста на мѣсто, выходилъ противъ врага и пр. Въ настоящее время у калмыковъ старые отоки замѣнены родами (анги); отокомъ называется теперь земля, занимаемая кочевьями одного рода, отдѣльно отъ чужеродцевъ. Нѣсколько родственныхъ отоковъ и аймаковъ образовывали улусъ, опредѣленную форму родовыхъ союзовъ, составлявшихъ каждый отдѣльную кочевую орду, управляемую своимъ родовымъ вождемъ—*нойономъ*. Совокупность улусовъ образовывала племя (*тангачи*),

которымъ управлялъ *тайши*. Племя въ свою очередь производило себя отъ одного общаго родоначальника. Нойонъ и тайша представляли родового и племенного старѣйшину. У астраханскихъ калмыковъ, по словамъ Житецкаго, въ составъ хотона посторонняя кибитка принимается лишь подъ однимъ условіемъ: хозяинъ ея долженъ дать согласіе подчиниться обычаямъ хотона, чѣмъ онъ какъ бы дѣлается родственникомъ. Этотъ обычай соблюдается въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ очень строго; это указываетъ на ясное сознаніе родственнаго и экономическаго единенія членовъ одного хотона. Калмыцкіе родовые союзы объединены опредѣленными родовыми знаками (тамгами). У отдѣльныхъ отоковъ, аймаковъ и пр. были особыя тамги, которыя служатъ до настоящаго времени калмыкамъ вмѣсто печатей и для отмѣчанія скота.

Нормы обычного права якутовъ могли возникнуть только на почвѣ агнатическаго рода. Изслѣдователь встрѣчаетъ у нихъ родовые земельные участки, родовыя клейма, солидарность родственниковъ на процессѣ, устраиваемыя родами охоты. У якутовъ, такъ же, какъ и у киргизовъ и у нѣкоторыхъ финновъ, подмѣчена даже антропологическая обособленность отдѣльныхъ родовыхъ группъ. Одинъ изслѣдователь ихъ быта отмѣтилъ, что члены одного и того же рода въ большинствѣ случаевъ представляютъ и особенный физическій типъ, имѣютъ какія нибудь характерныя черты: горбатые носы, низкіе лбы и проч., явно указывающіе на общее ихъ происхожденіе.

Правда, во многихъ мѣстностяхъ родовый бытъ пришелъ уже въ упадокъ; по словамъ, напримѣръ, нѣкоторыхъ якутовъ *ааууса* (отчій родъ) состоитъ вовсе не изъ родственниковъ: «у васъ (русскихъ), говорилъ одинъ якутъ Сѣрошевскому, есть купцы, казаки, мѣщане—а у насъ родъ. Это въ родѣ чина». Но даже въ такихъ мѣстностяхъ старики помнятъ еще происхожденіе рода и объясняютъ его слѣдующимъ сравненіемъ. «Если взять всѣ вѣтви, всѣ сучки, листья и почки, выростающіе изъ одного корня, то получится *уса* (родъ)». Современный бытъ якутовъ даетъ возможность наглядно изучить постепенное распаденіе родовой организаціи и переходъ ея въ семейную общину, въ такъ называемую большую семью. Фактъ, что среди якутовъ можно наблюдать и родовой строй еще въ значительной сохранности и разные фазисы упадка родовыхъ отношеній, позволяетъ уяснить нѣкоторые обычаи и обряды, сохранившіеся и у другихъ народностей, давно уже перешедшихъ къ сельской общинѣ и которые иногда на первый взглядъ бываетъ трудно объяснимы. Въ быту же якутовъ

возможно прослѣдить, что они коренятся въ родовыхъ отношеніяхъ. Такъ, напримѣръ, совмѣстная жизнь родовой группы, естественно, приводитъ къ широкой взаимопомощи и къ дѣлежу имуществомъ. Когда группа состоитъ изъ родственниковъ, обычай, согласно которому хозяинъ зарѣзанной скотины дѣлится съ сородичами мясомъ, имѣетъ полное основаніе; этотъ обычай перошелъ постепенно въ право сосѣдей на извѣстныя части убитаго животнаго. Если якутъ убиваетъ скотину, то внутренности его и жиръ онъ дѣлитъ и раздаетъ сосѣдямъ. «Обычай этотъ, пишетъ Сѣрошевскій, существуетъ всюду, и никто не смѣетъ нарушить его безъ опасенія непріятныхъ послѣдствій». Этотъ обычай распространяется на всѣхъ живущихъ по сосѣдству.

Большой интересъ представляютъ сказки и преданія якутовъ, въ которыхъ нашли яркое отраженіе характерныя черты ихъ быта; въ нихъ встрѣчаются частыя указанія на вражду родовъ, на кровную месть, на выкупъ, вносимый родомъ убитаго. Родовая вражда имѣетъ мѣсто и въ настоящее время, передается изъ поколѣнія въ поколѣніе. Члены рода изъ чувства тѣснаго единенія иногда скрываютъ виновнаго сочлена. У якутовъ существуетъ также институтъ соприсяжничества, характерный для неразвитого процесса. Желаніе спасти члена своего рода отъ уголовнаго преслѣдованія заставило разъ двѣнадцать сородичей согласиться принести ложную присягу. И въ настоящее время, какъ и въ далекомъ прошломъ, якуты стремятся при устройствѣ лѣтнихъ становищъ группироваться по родамъ. Родовыя пиршества, такъ называемыя *ысыахи*, сопровождавшіяся въ прежнее время конскими бѣгами, единоборствомъ мѣстныхъ силачей, состязаніями въ стрѣльбѣ изъ лука и проч., не вышли и до сихъ поръ изъ употребленія у якутовъ, даже въ мѣстностяхъ, гдѣ родовой строй уже замѣнила большая семья.

О формахъ родового быта у забайкальскихъ бурятъ имѣется свидѣтельство одного изъ новѣйшихъ изслѣдователей ихъ быта. М. А. Кроль сообщаетъ, что «родовая община . . . . владѣетъ сообща землей, сообща кочуетъ и устраиваетъ всѣмъ племенемъ облавы. Каждое племя является по отношенію къ другому, чужому племени единой юридической личностью, отстаивающей интересы всякаго родовича противъ посягательствъ на него со стороны члена другого рода».

Чрезвычайно интересна родовая организація у гиляковъ, среди которыхъ сохранились еще, какъ приходилось уже указывать не разъ, жизненные слѣды нѣкоторыхъ важныхъ институтовъ

первобытнаго права. Въ настоящее время гиляки дѣлятся на родовыя организаціи, основанныя на агнатическомъ родствѣ. Родъ *(халь)* гиляковъ, иногда очень многочисленный—замкнутая, экзогамная организація, во главѣ которой стоитъ старѣйшина. Власть его по наслѣдству переходитъ отъ старшаго къ старшему въ родѣ. Сородичи связаны между собой общими жертвоприношеніями и празднествами, изъ которыхъ особенное значеніе имѣетъ такъ называемый праздникъ медвѣдя, устраиваемый родомъ. Медвѣдь у цѣлой массы народностей, въ частности среди русскаго крестьянскаго населенія и многихъ русскихъ инородцевъ: лопарей, вогуловъ, остяковъ, бурятъ и проч. пользуется особеннымъ почетомъ. Послѣ удачной охоты на медвѣдя его торжественно несутъ къ селенію; совершаются сложные обряды при приготовленіи его въ пищу, просятъ у него извиненія за убійство его и проч. Иногда пойманнаго медвѣдя до умерщвленія разукрашиваютъ лоскутами, водятъ торжественно по селенію и т. п. У гиляковъ праздникъ медвѣдя, по описанію Штернберга, совершается слѣдующимъ образомъ: покупаетъ медвѣдя кто нибудь одинъ изъ рода, но всѣ расходы, доходящіе иногда до нѣсколькихъ сотъ рублей, покрываются всѣми сородичами. «Съѣзжаются со всѣхъ сторонъ сородичи и масса спеціально приглашенныхъ гостей чужеродныхъ, которыхъ надо угощать и кормить въ теченіе многихъ дней, и не только ихъ самихъ, но и ихъ многочисленныхъ собакъ, пожирающихъ за время праздника много тысячъ корму. Праздникъ медвѣдя чисто родовой. Естественно, что были времена, когда удачное нападеніе на медвѣдя—нападеніе, совершаемое. . . . коллективно, цѣлымъ родомъ—бывало истиннымъ торжествомъ для рода, который за общей трапезой пожиралъ огромнаго звѣря. Такъ какъ нападенія на медвѣдя удобнѣе всего было дѣлать зимою, когда спящаго звѣря захватывали въ его берлогѣ, то увѣковѣчился обычай отправлять этотъ праздникъ зимою. Практика столѣтій выработала цѣлый ритуалъ праздника». Почетное значеніе медвѣдя выступаетъ въ запрещеніи бросать его мясо собакамъ, ѣсть его съ приправами и проч. Родовое значеніе праздника выступаетъ наглядно въ запрещеніи женщинамъ, какъ чужеродкамъ, присутствовать при убіеніи медвѣдя. Слѣдуетъ замѣтить, что у другихъ народностей женщинамъ запрещается также употребленіе въ пищу мяса медвѣдя. «Огонь въ той печкѣ, гдѣ варится мясо медвѣдя, разводится не иначе, какъ родовымъ огнивомъ» и т. д.

Культъ очага выступаетъ у гиляковъ въ слѣдующемъ обычаѣ: когда родъ дѣлится и выселяется часть его, старшій въ родѣ

ломаетъ огниво пополамъ и передаетъ половину старѣйшему изъ отъѣзжающихъ. Переселенцы этимъ огнивомъ «зажгутъ на новомъ очагѣ огонь на праздникѣ медвѣдя; оно же будетъ передаваться изъ рода въ родъ для той же цѣли. Отсюда выраженіе «ломать огонь» стало значить разселеніе рода». Обычай уносить съ собой часть «домашняго» огня, стоящій въ тѣсной связи съ семейно-родовымъ культомъ, находитъ себѣ, какъ извѣстно, многочисленныя аналогіи, начиная съ древнихъ грековъ, которые при выселеніи въ новую колонію брали часть очага изъ своей метрополіи, и кончая обычаемъ русскихъ и инородцевъ при семейныхъ раздѣлахъ переносить уголья, золу изъ прежняго родительскаго очага.

Кровная месть до настоящаго времени въ силѣ среди гиляковъ: родъ убитаго мститъ роду убійцы, и при этомъ не щадятъ даже новорожденныхъ дѣтей; кровная месть приводила въ недавнемъ еще прошломъ къ войнамъ между гиляцкими родами. Впрочемъ, и у нихъ кровная месть часто замѣняется выкупомъ, вносимымъ родомъ убійцы. Родъ вообще отвѣтственъ за долги сородича. Съ другой стороны онъ же является и наслѣдникомъ вымороченнаго имущества, какъ и у другихъ инородцевъ. Объединенный культомъ, круговой порукой, обязанностью взаимной защиты, общностью территоріи (у гиляковъ земля принадлежитъ роду, отдѣльныя семьи имѣютъ лишь отведенные участки на родовой землѣ), сородичи имѣютъ и общее кладбище, недоступное для чужеродцевъ.

Изслѣдованіе финскихъ народностей дало возможность отыскать у нихъ живые отпечатки прежняго родового строя, даже среди болѣе другихъ подвинувшихся на пути культуры представителей этой вѣтви. Болѣе детальное изученіе быта ихъ можетъ открыть еще не мало интересныхъ слѣдовъ прежнихъ стадій общественнаго и религіознаго развитія, хотя и приходится иногда отыскивать ихъ подъ позднѣйшими наслоеніями.

Въ вѣрованіяхъ современныхъ вотяковъ П. М. Богаевскій открылъ стороны, свидѣтельствующія о родовомъ культѣ.

Прежніе рода вотяковъ обратились въ настоящее время въ духовные союзы, связанные общимъ именемъ и общимъ культомъ. «Въ каждой вотской деревнѣ, пишетъ Богаевскій, всѣ ея жители дѣлятся на нѣсколько отдѣльныхъ духовныхъ корпорацій, изъ которыхъ каждая въ опредѣленное время собирается въ такъ называемый родовой шалашъ и совершаетъ тамъ служеніе въ честь своего родового божества, имя котораго носитъ какъ сама корпорація, такъ и мѣсто ея сборища». Часть этихъ корпорацій производитъ себя отъ

родоначальниковъ, часть отъ родоначальницъ; память о нихъ живетъ среди народа, «который разсказываетъ, когда и при какихъ обстоятельствахъ его родоначальникъ переселился въ то или иное мѣсто». Такимъ образомъ, современная духовная корпорація вотяковъ—ничто иное, какъ выродившійся родъ. Каждый изъ этихъ родовъ имѣетъ покровителемъ особое божество, воршуда или мудора, что въ переводѣ значитъ «счастье семьи», которому онъ и давалъ свое имя. Территоріальное и хозяйственное раздѣленіе родовъ на меньшія группы подточили родовую организацію; мѣсто сородича, жившаго въ одной деревнѣ, занялъ сосѣдъ — бо̂льякъ, но родовой культъ сохранился, пережилъ основаніе, изъ котораго онъ создался. Въ зависимости отъ числа родовъ, составляющихъ деревню, стоитъ и количество родовыхъ святилищъ — будзымъкуа. «Въ родовомъ шалашѣ молятся члены семействъ, принадлежащихъ къ роду, находящемуся подъ покровительствомъ воршуда, имя котораго носитъ это святилище..... Родовыя моленія совершаются жрецами, служащими болѣе или менѣе продолжительный срокъ. Эти жрецы выбираются ворожцами, которые и назначаютъ срокъ ихъ служенію. Такихъ жрецовъ два: *утись* (будзымъ куа утись), что значитъ «хранящій великій шалашъ», и его помощникъ *тöре*, т. е. предводитель, тысяцкій». У нихъ есть помощники—*парчаси*. Выборъ жрецовъ происходитъ слѣдующимъ образомъ: ворожецъ—туно подъ звуки гуслей, одѣтый въ особое платье, совершаетъ обряды, напоминающіе шаманскіе и, приведя себя въ экстазъ, выкрикиваетъ имя новаго жреца.

Рядомъ съ родовымъ культомъ, совершаемымъ жрецомъ, существуетъ еще культъ семейный. На дворѣ у каждаго вотяка находится также молитвенный шалашъ (куа), назначенный, однако, для моленій лишь членовъ семьи. Каждый большой праздникъ старшій членъ семьи совершаетъ здѣсь моленіе родовому воршуду. Глава семьи собираетъ вечеромъ «свое семейство и отправляется въ шалашъ, гдѣ раскладываетъ огонь на очагѣ, построенномъ преимущественно для варки кумышки (водка). Стѣну, столъ и полки онъ украшаетъ березовыми прутьями. Затѣмъ начинается моленіе», состоящее изъ принесенія въ даръ воршуду хлѣба, яицъ, табаней (лепешки), пива и кумышки; при чтеніи молитвъ совершающій жертву глава семьи льетъ пиво и кумышку и сжигаетъ по совершеніи нѣкоторыхъ обрядностей хлѣбъ. Въ родовомъ шалашѣ совершаются и кровныя жертвы, какъ и на общественныхъ моленіяхъ, бьютъ животныхъ, птицъ и пр.

Среди вотяковъ, слѣдовательно, господствуетъ одновременно какъ родовой, такъ и семейный культъ. Воршуду молятся съ одной стороны всѣ представители рода, живущіе въ одной деревнѣ, съ другой— члены каждой семейной общины. Воршудъ является предкомъ, который требуетъ себѣ жертвы, родоначальникомъ, которому почтительные потомки приносятъ яства и питье передъ косьбою, передъ посѣвомъ, въ случаѣ болѣзни (когда туно опредѣлитъ, что эта болѣзнь—наказаніе, посланное воршудомъ-родоначальникомъ), по воскресеньямъ, когда пекутъ табани (лепешки), при отъѣздѣ въ гости и пр. Не менѣе важными въ глазахъ вотяка являются и ближайшіе предки, также насылающіе болѣзни на забывающихъ свои обязанности потомковъ. Къ нимъ кромѣ указанныхъ случаевъ обращаются съ мольбою около праздниковъ Покрова и Пасхи, при пропажѣ имущества, при неудачной варкѣ кумышки, которая приготовляется съ совершеніемъ религіозныхъ обрядовъ; имъ вышедшая замужъ дочь, по смерти своихъ родителей, привозитъ голову и ноги коровы. Подземный міръ населенъ покойниками; это безпокойныя, мстительныя существа. Они живутъ родами; во главѣ каждаго рода стоитъ патріархъ, родоначальникъ. Покойники могутъ охранять, могутъ и губить живыхъ членовъ своего рода; эти взгляды ясно проведены въ молитвахъ вотяковъ, съ которыми они обращаются къ умершимъ. «Старики, дурно намъ не дѣлайте, молится вотякъ своимъ покойникамъ. Пусть удается намъ хлѣбъ и питье. Чѣмъ вы не довольны нами? Гуся ли вамъ нужно, утку-ли? Требуйте: мы ни отъ чего не отказываемся, не споримъ съ вами. Мы не знаемъ, что вамъ нужно. Кто васъ знаетъ, что вы просите? Пусть же теперь (при принесеніи жертвы) удается нашъ хлѣбъ и наше питье». Вотяки просятъ умершихъ родственниковъ охранять живыхъ (само собою разумѣется, исключительно родныхъ), спасать ихъ отъ навѣтовъ злыхъ людей, отъ вражескаго глаза и пр. «Поминаемъ васъ, гласитъ одна молитва, желаемъ, чтобы все приносимое попало въ вашъ родъ. Сыновей и дочерей нашихъ не вводите во искушеніе. Скотину въ овраги и болота не роняйте, звѣрямъ хищнымъ не давайте. Сильнымъ вѣтромъ не давайте путать нашъ хлѣбъ. Отъ пожаровъ сохраняйте насъ, отъ урочливыхъ глазъ, отъ дурныхъ слуховъ сохраняйте. И такъ ѣшьте, насыщайтесь и уходите къ своимъ товарищамъ».

Что «вотяки считаютъ своею обязанностью поддерживать загробное существованіе своихъ умершихъ родственниковъ, подъ понятіе которыхъ подходятъ всѣ вообще предки», видно изъ словъ одной молитвы: «всѣ родные, которыхъ я помню и не помню, не мѣшайте .....»

родоначал[illegible] [illegible] въ своей загробной жизни.
ветъ [illegible] [illegible] времени, несмотря на влія-
обстоят[illegible] [illegible] здѣтельствованъ случай, имѣв-
мѣсто» [illegible] [illegible]пульскаго уѣзда: «Умершему
ковъ— [illegible] гѣ книги, по которымъ онъ
родов[illegible] [illegible]лители . . . . на вопросъ о
дор[illegible] [illegible]та, простодушно оправдывались
дав[illegible] [illegible]му на томъ свѣтѣ книгъ для
н[illegible] [illegible] у вотяка пропадаетъ корова или
[illegible] [illegible]ходится, предполагаютъ, что этихъ
[illegible] [illegible]нискивая себѣ пропитаніе, духи
[illegible] [illegible] во время этихъ скитаній они
[illegible]дованія, противъ которыхъ вотяки
[illegible] [illegible]ъ покойникамъ, говорятъ: «на томъ
[illegible]ди не хватай, не гоняйся». Поэтому
[illegible] [illegible]ни снабжаютъ необходимой пищей
[illegible] [illegible] хоронъ покойному дается одежда
[illegible]ного обихода. «Чтобы ты не терпѣлъ
[illegible]ать при этомъ вотякъ. Случается, что
[illegible] [illegible]ойникамъ приносятъ холстъ на платье
[illegible]тыхъ мѣстахъ сохранился обычай рѣзать
[illegible]ъ посѣвомъ озимаго. «Рѣзать идетъ
[illegible]ловъ, приноситъ пѣтуха обратно домой,
[illegible]жариваются затѣмъ кости этого пѣтуха».
[illegible] [illegible]ть указанія на то, что въ прежнее
[illegible]лась человѣческія жертвы». Преданія объ
[illegible]ему прошлому; но воспоминанія о кро-
[illegible]хъ сохранились въ настоящее время въ
[illegible]дхъ играхъ. То, что культъ покойниковъ
[illegible] семейнымъ, чѣмъ родовымъ, вполнѣ по-
[illegible]ью вотяковъ. Слѣдуетъ, однако, имѣть
[illegible] культа у вотяковъ открываетъ разныя
[illegible]хъ мѣстностяхъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ
[illegible]мъ совершаются только членами семьи, въ
[illegible]ражаются члены рода или сосѣди; въ нѣко-
[illegible]ые члеповъ рода даже обязательно. Такимъ
[illegible]ъ среди вотяковъ и большая уже семья все
[illegible] индивидуальной семьей, культъ предковъ еще
[illegible] переходную стадію отъ чисто родового къ

чисто семейному культу; изученіе этихъ переходныхъ стадій представляетъ значительный интересъ.

Главная забота потомства заключается въ кормленіи голодныхъ предковъ; поэтому, именно она переживаетъ попеченіе о другихъ нуждахъ покойниковъ. Обычай давать предметы обихода умершему родственнику выходитъ у вотяковъ изъ употребленія. Покойники, разъ снабженные одеждой и нѣкоторыми предметами, по вѣрованію вотяковъ, больше не предъявляютъ требованій на эти вещи отъ потомковъ и довольствуются изрѣдка приносимыми имъ лоскутками матеріи и деньгами; но потребность ихъ въ пищѣ сказывается еще съ большой силой, и это заставляетъ вотяка часто устраивать дорого стоющія пиры-поминки. Какъ бы ни справлялись эти послѣдніе, они всегда носятъ характеръ пиршества. «Вечеромъ во время поминокъ . . . . иногда топятъ баню и приглашаютъ туда покойниковъ: «айда, старики, въ баню, париться будемъ, мойтесь, очищайтесь». Когда поминки продолжаются болѣе или менѣе долгое время, «поминающіе должны заботиться, чтобы покойникамъ, пришедшимъ на пиршество, не было скучно, чтобы они не ушли голодными. Для достиженія перваго необходимо гулять съ невидимо присутствующими покойниками. «Айда, пойдемте гулять со стариками», говорятъ иногда пирующіе. Дѣло въ томъ, что по мнѣнію нѣкоторыхъ вотяковъ, въ теченіе поминокъ около каждаго изъ пирующихъ находится его сверстникъ покойникъ, который при жизни относился къ нему лучше, чѣмъ къ другимъ, и уходъ и угожденіе этому сверстнику составляетъ прямую обязанность тѣхъ, при которыхъ онъ присутствуетъ. По вѣрованіямъ вотяковъ, все, что дѣлаетъ живой человѣкъ, повторяетъ и его сверстникъ покойникъ: поэтому, и чѣмъ веселѣе пирующій, тѣмъ веселѣе его спутникъ, чѣмъ сытѣе пирующій, тѣмъ сытѣе его спутникъ. Вотъ почему во время поминокъ должно ѣсть возможно болѣе, не то, пожалуй, покойники уйдутъ голодными».

По вѣрованіямъ остяковъ, у которыхъ, какъ у вогуловъ, сохранилось еще мѣстами родовое владѣніе землей, человѣкъ по смерти переходитъ въ загробный міръ «такимъ же маленькимъ, какимъ рождается здѣсь на землѣ. Затѣмъ ребенокъ постепенно растетъ и вскорѣ достигаетъ того возраста, когда человѣкъ можетъ существовать самостоятельно.... Достигши такого возраста, онъ вступаетъ въ обладаніе всѣмъ тѣмъ имуществомъ и скотомъ, которыми онъ владѣлъ на землѣ, сперва въ томъ объемѣ, въ какомъ, при смерти его, этого имущества положили въ его гробъ родственники его и сколько убили они на его

могилѣ скота, а затѣмъ благосостояніе его увеличивается по мѣрѣ того, какъ оставшійся на землѣ скотъ его пропадаетъ, и, такимъ образомъ, въ свою очередь переселяясь въ тотъ міръ, переходитъ прямо во владѣніе къ своему бывшему господину, и по мѣрѣ того, какъ вещи его, оставшіяся неположенными къ нему въ гробъ, постепенно истлѣваютъ....» Такимъ образомъ, если человѣкъ въ этомъ мірѣ былъ богатъ, онъ будетъ богатъ и послѣ смерти и наоборотъ. Такъ какъ, по мнѣнію остяковъ, все приносимое въ жертву покойнику увеличиваетъ достояніе послѣдняго въ загробномъ мірѣ, естественными являются и частыя поминки и обычай класть на его могилу различные предметы: котлы, шкуры, мѣха, одежды и пр. Послѣ смерти остяка члены его семьи, пишетъ Рославлевъ, изготовляютъ куклу (шонгот), которая замѣняетъ выбывшаго изъ числа членовъ семьи умершаго. «Вначалѣ небольшая, кукла эта со временемъ растетъ въ своемъ объемѣ сообразно тому, насколько подрастаетъ за это время находящійся.... въ томъ мірѣ умершій человѣкъ, вторично переживающій свои младенческій и юношескій періоды жизни». При обѣдѣ или питьѣ чая ежедневно домашніе сажаютъ эту куклу за столъ или около блюда, вокругъ котораго усаживаются обѣдающіе и пьющіе чай хозяева: покойникъ такимъ образомъ постоянно кормится и не прерываетъ общенія съ своей семьей. По прошествіи періода почти равняющемуся лунному году, «кукла эта достигаетъ положеннаго для нея размѣра и въ свою очередь хоронится (на могилѣ покойника),.... Этого періода—луннаго года—считается достаточнымъ для того, чтобы умершій достигъ въ томъ мірѣ того возраста, когда онъ можетъ вступить въ самостоятельное обладаніе своимъ загробнымъ имуществомъ, такъ что постоянное попеченіе о немъ здѣсь считается уже излишнимъ» (Ежег. Тобольск. Муз.).

Не менѣе любопытны пріемы поминовенія у мордвы, представляющіе значительный интересъ для характеристики первобытнаго культа предковъ у финновъ. Наканунѣ сорокового дня по смерти лица въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, обитаемыхъ мордвой, всѣ приглашенные на поминки ѣхали на кладбище, на лошади, которая была обѣщана покойнику и приглашали послѣдняго принять участіе въ поминальномъ пиршествѣ: «становились на колѣна передъ свѣжей могилой, цѣловали ее и просили умершаго выйти. Дома между тѣмъ отворяется дверь и вся семья ждетъ гостя на порогѣ съ зажженными свѣчами». Въ другихъ мѣстностяхъ старшій созывалъ въ домъ покойника родъ, который избиралъ лицо, долженствующее изображать покойника на пиршествѣ. Часто къ исполненію этой обязанности приглашался родственникъ, кото-

рый болѣе другихъ походилъ лицомъ на умершаго. Замѣститель покойника, сообщаетъ И. Н. Смирновъ, является въ домъ семьи умершаго, снимаетъ съ себя свою одежду, надѣваетъ ту, въ которой скончался усопшій, и садится на перину или подушку, на которой покойникъ умеръ. «Привѣтствовать его собирается вся родня. Каждый несетъ какой нибудь подарокъ: муки, пшена, печенаго хлѣба, блиновъ, баранины—ставитъ съ поклономъ на столъ передъ воображаемымъ покойникомъ и освѣдомляется, какъ ему живется на томъ свѣтѣ. Въ теченіе ночи идетъ шумный пиръ. Гости усердно истребляютъ яства и напитки, отливая капельки виновнику торжества. Замѣститель покойника разсказываетъ о своей загробной жизни и пр.... Около полуночи всѣ собираются къ столу выслушать наставленія и пожеланія усопшаго—старшіе становятся поближе, младшіе позади нихъ, и всѣ разомъ падаютъ ему въ ноги. Воображаемый покойникъ обращается къ родственникамъ съ наставленіями.... Пиръ продолжается затѣмъ до зари, когда наступаетъ минута прощанья. Передъ тѣмъ, какъ отправить покойника обратно въ могилу, родня обсуждаетъ, чѣмъ снабдить его для загробной жизни». Символически дарятъ покойника всѣмъ, въ чемъ онъ можетъ нуждаться, и даютъ ему денегъ; послѣ этого всѣ перепрыгиваютъ черезъ огонекъ, разложенный около кружки, въ которую собираютъ деньги съ цѣлью освободиться отъ смерти, которая приходитъ съ покойникомъ и старается схватить тѣхъ, кто подходитъ къ кружкѣ. Тѣмъ временемъ хозяинъ дома приноситъ въ жертву покойнику быка; его рѣжутъ съ соблюденіемъ особыхъ формальностей. Кровь собираютъ въ чашку, или закапываютъ ее въ землю, или смѣшавъ съ водой употребляютъ при приготовленіи поминальныхъ блиновъ. Мясо быка рѣжется на части, варится и затѣмъ съѣдается безъ остатка. «По окончаніи ѣды покойникъ объявляетъ, что ему пора въ могилу. Присутствующіе падаютъ на землю и испрашиваютъ у отходящаго гостя благословенія. Затѣмъ запрягается телѣга, на нее ставятъ кадушки съ блинами, хлѣбомъ, бараниной, пивомъ. Старухи бросаются къ покойнику на шею съ послѣднимъ прощальнымъ привѣтомъ, потомъ его на перинѣ выносятъ къ телѣгѣ, кладутъ на нее, усаживаются рядомъ и трогаются на кладбище. Пріѣхавши туда, воображаемаго покойника на перинѣ и подушкѣ переносятъ на могилу дѣйствительно умершаго и сажаютъ спиной на востокъ—лицомъ къ провожающимъ. У ногъ его разстилается скатерть, на которую кладутъ кучи блиновъ, баранины, ставятъ въ поставцахъ брагу и просятъ провожаемаго поѣсть въ послѣдній разъ. Заодно съ нимъ угощаются и родственники. По

окончаніи угощенія съ воображаемымъ покойникомъ прощаются и приглашаютъ его приходить лѣтомъ, когда поспѣютъ къ жатвѣ хлѣба; тогда и на его долю обѣщаютъ нажать. Quasi-покойникъ кланяется присутствующимъ, затѣмъ быстро поднимается съ могилы и бросаетъ на телѣгу перину и подушку». Аналогичные обряды, по свидѣтельству Кузнецова, имѣютъ мѣсто у черемисовъ во время поминокъ на 7-й и 40-й день послѣ смерти. Здѣсь также одинъ изъ родственниковъ играетъ роль покойника; его всячески ублажаютъ, а по прошествіи ночи провожаютъ на кладбище. У пермяковъ покойника на поминкахъ представляетъ человѣкъ, обмывавшій умершаго; по окончаніи поминокъ родные провожаютъ его со свѣчами.

Насколько иногда измѣняется первобытный родовой семейный культъ, можетъ свидѣтельствовать вѣрованіе лопарей въ такъ называемыхъ сейдовъ. Уже наиболѣе старые писатели застали у лопарей развитую миѳологію и обширный пантеонъ. Культъ предковъ, однако, былъ еще въ силѣ. Умершіе сородичи изъ подземнаго царства посылали на своихъ потомковъ несчастія и болѣзни. Чтобы узнать, что требовалось усопшимъ, какая жертва можетъ ихъ умилостивить, необходимо было участіе шамана, который, по совершеніи шаманскихъ дѣйствій, объявлялъ, чего желаютъ умершіе; иногда, по преданіямъ лопарей, предки требовали даже человѣческихъ жертвъ. Одновременно съ этимъ процвѣталъ и культъ домашняго духа—домового. Что касается собственно культа сейдовъ у лопарей, онъ можетъ казаться сначала совершенно изолированнымъ. Сейды были или простые камни или деревья, вѣрнѣе пни, которымъ приносились жертвы. Лопари отдавали сейдамъ часть полученной на охотѣ добычи, ихъ обмазывали жиромъ, и, когда жиръ высыхалъ отъ дѣйствія солнца, лопари были увѣрены, что сейдъ съѣлъ жиръ; ихъ мазали жертвенной кровью и проч. Сейдъ для своего существованія требовалъ пищи. Кастренъ, напримѣръ, сообщаетъ, что лопари передъ охотой на дикихъ оленей давали обѣтъ въ случаѣ удачи принести въ жертву сейду голову и шею оленя. Остальную часть добычи они съѣдали на мѣстѣ жертвоприношенія; тѣмъ не менѣе, пища шла въ прокъ не имъ, а сейду. Такія черты въ поклоненіи сейдамъ позволили бы сблизить ихъ культъ съ культомъ фетишей. Но, прежде всего, каждая семья имѣла своихъ родовыхъ сейдовъ; они иногда представляли въ свою очередь цѣлыя семьи — группу пней или камней, которые ничѣмъ отъ другихъ не отличались; въ семьѣ сейдовъ были и старшіе и младшіе. Далѣе, лопари при своихъ перекочевкахъ останавливались всегда у своихъ сейдовъ. Наконецъ, лопарскія преданія обыкновенно объ-

ясняютъ происхожденіе сейдовъ тѣмъ, что въ камень обратился какой нибудь шаманъ, отецъ или дѣдъ извѣстной семьи. Это даетъ основаніе соединить культъ сейдовъ съ культомъ предковъ въ то отдаленное время, когда лопари хоронили своихъ покойниковъ подъ этими камнями или деревьями, при чемъ при перекочевкахъ стремились останавливаться у этихъ могилъ—своихъ покровителей предковъ. Обоготвореніе предка перешло въ обоготвореніе камня или дерева, а кормленіе его въ кормленіе неодушевленнаго предмета. Уже древніе лопари забыли происхожденіе культа сейдовъ; только преданія ихъ, въ связи съ другими косвенными указаніями, свидѣтельствуютъ, что это не что иное, какъ видъ культа древнихъ могилъ, который потерялъ свое значеніе съ развитіемъ лопарскаго пантеона и продолжалъ сохраняться лишь по традиціи, такъ какъ отъ сейдовъ зависило благосостояніе данной семьи или рода.

И такъ, среди однихъ финскихъ народностей можно намѣтить рядъ звеньевъ въ развитіи и упадкѣ родового семейнаго культа, начиная отъ ясно выраженной родовой религіи вотяковъ и кончая трудно уловимымъ съ перваго взгляда культа сейдовъ у лопарей. Можно было бы на много увеличить количество примѣровъ, свидѣтельствующихъ о переживаніи среди русскихъ инородцевъ родового агнатическаго строя, взявъ ихъ изъ быта черемисовъ, сибирскихъ татаръ, алтайскихъ тюрковъ, народностей монгольской, самоѣдской, тунгузской и арктическихъ группъ. Родовыя преданія у многихъ изъ нихъ еще вполнѣ живы; въ переживаніяхъ родового семейнаго культа, въ сферѣ права, въ обрядахъ, преимущественно свадебныхъ, въ строѣ семейной общины и проч. сохранилось множество чертъ прежняго быта.

Чтобы покончить съ свѣдѣніями объ агнатическомъ родѣ, объ его разростаніи въ племя и объ одновременномъ распаденіи его на мелкія единицы, удобнѣе остановиться на частномъ примѣрѣ. Изъ обширной семьи индоевропейскихъ народовъ для русскаго читателя наибольшій интересъ представляютъ народы славянской вѣтви; у нихъ можно прослѣдить какъ пережитки господствовавшаго нѣкогда родового строя, такъ и формы и отношенія, къ которымъ привело распаденіе родовой организаціи среди славянской семьи народовъ. Интересно будетъ поэтому остановиться на нѣкоторыхъ формахъ общежитія у южныхъ славянъ, сохранившихъ больше слѣдовъ древней патріархальной организаціи и на великорусской такъ называемой большой семьѣ, которая въ настоящее время находится въ періодѣ сильнѣйшаго разложенія.

Южные славяне въ Черногоріи и Герцеговинѣ живутъ еще до настоящаго времени въ семейныхъ общинахъ, изъ которыхъ каждая производитъ себя отъ одного родоначальника. Нѣсколько такихъ семейныхъ общинъ образуютъ такъ называемыя братства. Членовъ братства объединяетъ не только сознаніе общаго происхожденія, но и общность владѣнія землей и религіозный культъ. Нѣсколько братствъ, производящихъ себя отъ общаго предка, образуютъ племя. Племя является, такимъ образомъ, высшей организаціей, объединяющей всѣхъ родственниковъ. Если племя представляетъ развившійся родъ, а семейная община возникла при распаденіи послѣдняго, то, естественно, наиболѣе типичныя черты для родовой организаціи слѣдуетъ искать въ промежуточной формѣ между обѣими—именно въ братствахъ. Надъ братствами стоитъ одинъ выборный глава: такъ называемый главарь, старѣйшина или князь, какъ глава братства называется въ Черногоріи; иногда онъ носилъ названіе и воеводы, такъ какъ предводительствовалъ братствомъ въ случаѣ войны. Главы отдѣльныхъ семействъ рѣшаютъ совмѣстно вопросы церковнаго управленія, земельные споры, семейные дѣлежи и проч.; въ былое время на собраніяхъ семейныхъ главъ обсуждались вопросы военныхъ дѣйствій и т. п. Остальные члены братства имѣютъ право присутствовать на собраніяхъ, но не участвуютъ въ обсужденіи дѣлъ; они лишь крикомъ выражаютъ свое согласіе или несогласіе съ рѣшеніемъ домохозяевъ. Братства занимаютъ иногда нѣсколько деревень; случается, однако, что то или иное селеніе занято членами разныхъ братствъ; но и тогда каждая семья отлично знаетъ, къ какому братству она принадлежитъ. Земельные участки членовъ одного и того же родового союза обыкновенно находятся рядомъ, такъ что связь родственная какъ бы укрѣпляется сосѣдствомъ. Во время войны всѣ братственники сражались вмѣстѣ.

Члены такого родственнаго союза связаны между собой круговой порукой. Солидарность членовъ особенно ясно сказывается при кровной мести. Таковая примѣняется еще въ настоящее время въ Черногоріи и Герцеговинѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ у южныхъ славянъ. Въ случаѣ убійства братственника, обязанность кровной мести падаетъ на всѣхъ членовъ родственнаго союза; если почему либо нельзя убить виновнаго, довольствуются убійствомъ братственника убійцы. Однако, жертвой въ этихъ случаяхъ выбираютъ лицо непремѣнно такъ или иначе близкое убійцѣ: стараются убить у кровника отца, брата или сына, если послѣдній уже взрослый. Лишь за невозможностью убить ихъ кровная месть направляется на болѣе отдален-

ныхъ родственниковъ. Безусловно исключены изъ мести женщины и дѣти до достиженія послѣдними совершеннолѣтія. При заключеніи мира, въ немъ участвуютъ всѣ члены братства; никто изъ братственниковъ не имѣетъ права заключить миръ съ родомъ кровника самъ по себѣ. Въ уплатѣ виры участвуетъ все братство, если семья виновнаго не въ состояніи внести ее.

Члены братства не могутъ вступать въ браки между собой, такъ какъ считаются родственниками. Въ настоящее время дѣлаются исключенія; но еще въ недавнемъ прошломъ братства были строго экзогамными организаціями. Члены родственнаго союза всегда поддерживаютъ другъ друга. Если у братственника, напримѣръ, сгоритъ домъ, его родъ собираетъ деньги, чтобы помочь выстроить ему новый домъ, прожить тяжелое время и обзавестись хозяйствомъ. Если кто нибудь по бѣдности не можетъ взять свадебныхъ расходовъ на себя, братство женитъ его на свой счетъ.

Каждое братство владѣетъ общимъ имуществомъ. Земля подѣлена между отдѣльными семейными общинами, но церковь, кладбище, пастбища, мельницы находятся въ общемъ владѣніи. Право первой покупки еще въ полной силѣ между членами братства. Если изъ членовъ нѣтъ никого, кто могъ бы или пожелалъ купить участокъ земли, право покупки переходитъ къ членамъ другихъ братствъ, принадлежащихъ къ тому же племени. У каждаго братства есть своя генеалогія, свои родовыя преданія, повѣствующія о предкѣ родоначальникѣ; въ генеалогическихъ разсказахъ истина переплетается съ вымысломъ; каждое братство особенно любитъ отодвигать своего родоначальника по возможности въ отдаленнѣйшій періодъ и награждаетъ его сказочными достоинствами и подвигами. Большая или меньшая слава и древность предка, большее или меньшее экономическое благосостояніе и численность членовъ даетъ однимъ братствамъ преимущества передъ другими. Родовая честь выражается особенно ярко при бракахъ: всѣми силами стараются предотвратить неравные браки, вступить въ свойство съ братствомъ, съ которымъ породниться было бы честью.

Давнишнее вліяніе христіанства среди южныхъ славянъ сгладило проявленія родового культа. Тѣмъ больше интереса представляютъ слѣды его, сохранившіеся несмотря на вліяніе христіанства, или вѣрнѣе ужившіеся съ новымъ религіознымъ міросозерцаніемъ. Каждое братство имѣетъ своего особаго патрона изъ святыхъ. Даже тамъ, гдѣ братства уже распались, воспоминаніе объ общемъ покровителѣ святомъ связываетъ отдѣльныя семьи. Такимъ образомъ, нѣкогда родовая

организація переходитъ или перешла въ религіозную корпорацію. Конечно, можетъ явиться вопросъ, имѣетъ ли почитаніе христіанскаго святого, вставшаго на мѣсто родового божества или предка родоначальника связь съ культомъ предковъ, или же христіанскій праздникъ явился въ замѣнъ языческихъ празднествъ въ честь божествъ, олицетворявшихъ силы природы. Богишичъ, напримѣръ, доказывалъ, что эти родовыя празднества ведутъ свое происхожденіе изъ культа предковъ, основываясь на господствѣ до настоящаго времени культа домового у большинства славянскихъ народностей. Съ другой стороны, такъ какъ эти праздники совпадаютъ съ весной, лѣтнимъ и зимнимъ солнцеворотами, можно думать, что языческія празднества, совершавшіяся въ эти періоды и связанныя въ той или иной степени съ культомъ силъ природы, лишь замѣнились христіанскими, пріуроченными къ опредѣленному имени святого. Правильный выводъ зависитъ отъ рѣшенія вопросовъ славянской миѳологіи: доразвились ли южные славяне къ моменту принятія ими христіанства до сложной миѳологіи или нѣтъ. Во всякомъ случаѣ эти родовыя празднества доказываютъ, что у отдѣльныхъ родовъ былъ свой родовой культъ, объединявшій ихъ членовъ безразлично, служилъ ли ему предметомъ миѳическій родоначальникъ или племенное, родовое божество. Въ этомъ значеніи онъ пережилъ столѣтія воздѣйствія христіанства и мѣстами сохранился даже послѣ окончательнаго распаденія рода.

Это родовое празднество, извѣстное въ литературѣ подъ сербскимъ названіемъ *крестно имя*, является обязательнымъ для сородичей въ предѣлахъ братства. Одни его устраиваютъ въ честь Іоанна Крестителя, другія—въ день памяти св. Николая, св. Пантелеймона или св. Пятницы и пр., однимъ словомъ въ день святого покровителя братства. Въ этотъ день, по воззрѣніямъ южныхъ славянъ, святой посѣщаетъ братство, гдѣ его празднуютъ. Самъ праздникъ носитъ на себѣ черты религіознаго пира: все совершается по опредѣленному ритуалу, съ молитвой и благословеніемъ, причемъ языческіе обряды переплетаются съ христіанскими. Весьма интересно, что совершающіе служеніе и затѣмъ присутствующіе на пирѣ, обязанные читать извѣстныя молитвы священнослужители должны быть непремѣнно членами того же братства т. е. того родового союза, который празднуетъ своего святого. Здѣсь, такимъ образомъ, выступаетъ древнее воззрѣніе, что въ родовомъ культѣ могутъ принимать участіе одни сородичи.

Объединенное единствомъ происхожденія, солидарностью въ иму-

щественныхъ отношеніяхъ, круговой порукой, общностью территоріи, отчасти даже находящейся въ общемъ владѣніи, общностью культа, братство представляетъ, такимъ образомъ, весьма ясно выраженную родовую организацію со всѣми типичными чертами послѣдней.

Нѣсколько братствъ, ведущихъ свое происхожденіе отъ одного родоначальника, образуютъ племя. Племя—это развившійся родъ. Но, благодаря слишкомъ большой своей численности, члены одного и того же племени чувствуютъ меньшую связь между собой, чѣмъ члены братства. Вслѣдствіе этой же причины племя допускаетъ эндогамію, поскольку брачущіеся не принадлежатъ къ одному и тому же братству.

Въ настоящее время значеніе племени почти всюду исчезло; оно сохранилось до извѣстной степени только въ Черногоріи и мѣстами въ Герцеговинѣ. Въ недавнемъ прошломъ племена, однако, играли еще выдающуюся роль: они представляли государства въ государствѣ, такъ какъ были объединены и общей территоріей и общей властью. Насколько племя могло быть могущественнымъ, доказываетъ племя Васоевичей въ Герцеговинѣ, сохранявшихъ до князя черногорскаго Данилы полную самостоятельность, какъ отъ Черногоріи, такъ и отъ Турціи. Ихъ территорія занимала пространство въ длину и ширину на 12—14 часовъ пути. Васоевичи населяли 56 деревень, причемъ главная деревня имѣла 1000 жителей; они могли выставить на войну 4000 вооруженныхъ взрослыхъ мужчинъ. Сама Черногорія въ 1860 г. состояла изъ населенія, причислявшаго себя къ семи древнимъ и могущественнымъ племенамъ. Хотя племя въ большинствѣ случаевъ и состояло изъ лицъ, ведущихъ свое происхожденіе отъ общаго предка, однако, нерѣдки бывали случаи и пріема чуждыхъ по крови братствъ, которыя вслѣдствіе переселеній или слабости приселялись на территорію извѣстнаго племени и входили затѣмъ въ его составъ.

Во главѣ каждаго племени стоялъ выборный воевода, главарь, причемъ сильныя братства стремились обыкновенно сдѣлать эту должность наслѣдственной въ наиболѣе богатой и могущественной семьѣ. Вслѣдствіе этого, власть переходила обыкновенно отъ отца къ сыну, хотя для признанія этой власти и требовалось избраніе со стороны племени. Избраніе производилось торжественно, съ соблюденіемъ опредѣленнаго ритуала, и только послѣ этого новый главарь могъ считаться вступившимъ въ свои права. Его главныя обязанности заключались въ томъ, чтобы быть предводителемъ на войнѣ и творить судъ. Главарь племени окру-

жался почетомъ, ему всюду отводили первое мѣсто. Племя, выбравши главаря, имѣло право и смѣстить его. Случаи этого рода были, однако, крайне рѣдки; къ смѣщенію прибѣгали только тогда, когда главарь не обнаруживалъ надлежащихъ качествъ на войнѣ или творилъ судъ не по правдѣ.

Племя, этотъ разросшійся въ политическую организацію родъ, является въ настоящее время преимущественно территоріальной единицей. Границы племенной территоріи строго опредѣлены, въ особенности въ Черногоріи, гдѣ нѣтъ изобилія въ пастбищахъ. Ни одинъ членъ племени не смѣетъ пасти свои стада на чужой землѣ; своевольный переходъ за границы племенной территоріи приводилъ къ кровавымъ распрямъ между племенами. Члены чужихъ племенъ не имѣютъ также права пользоваться цистернами; это послѣднее вызывается, конечно, недостаткомъ воды въ Черногоріи. Каждое племя заботится только о своихъ нуждахъ. Постройка церквей, исправленіе дорогъ и другія общественныя работы составляютъ обязанность членовъ племени, и чужаки не могутъ вмѣшиваться во внутреннія распорядки чужой племенной организаціи. Наконецъ, всѣ члены одного племени имѣютъ общіе лѣса, право рубки въ которыхъ принадлежитъ исключительно имъ.

Такимъ образомъ, въ то время, какъ у большинства славянскихъ народностей сознательныя воспоминанія о существовавшемъ родовомъ строѣ уже давно исчезли, такъ что возстановить древній бытъ у большинства изъ нихъ возможно только на основаніи сохранившихся переживаній, часть южныхъ славянъ до послѣдняго времени сохранила живую родовую организацію, духомъ которой проникнуты и право ихъ, и общественныя отношенія. Что этотъ строй, дающій возможность извлечь множество неоцѣненныхъ данныхъ для науки и прослѣдить какъ развитіе, такъ и упадокъ родового быта, сохранился дольше всего именно въ Черногоріи и Герцеговинѣ, объясняется обособленностью занятыхъ ими географическихъ районовъ. Въ свою очередь военный бытъ и постоянныя войны лишь поддерживали древнюю организацію и помогли ей продержаться до новѣйшаго времени, когда замиреніе страны быстро начало подтачивать нормы, выработавшіяся при другихъ, чѣмъ въ настоящее время, условіяхъ.

Если численное возрастаніе членовъ рода привело къ развитію племени, дошедшаго почти до политическаго организма, то, съ другой стороны, эта же причина, въ связи съ экономическими условіями, привели къ распаденію братствъ на меньшія единицы—семейныя общины.

Эти послѣднія входятъ въ составъ братствъ, образуютъ ихъ, какъ и сами братства образуютъ племя; но въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ значеніе племени и братствъ утратилось въ бо̀льшей или меньшей степени, семейныя общины пріобрѣтаютъ все больше значеніе самостоятельныхъ единицъ. Сравнительное изученіе ихъ позволяетъ прослѣдить исторію ихъ постепеннаго отпаденія отъ большихъ родовыхъ организацій, расцвѣта ихъ и постепеннаго упадка и въ то же время даетъ много матеріала для пониманія русской семейной общины.

Семейная община представляетъ организацію, состоящую изъ живущихъ совмѣстно нѣсколькихъ поколѣній, ведущихъ общее хозяйство. Число членовъ ея иногда доходитъ до нѣсколькихъ десятковъ. Она состоитъ или изъ дѣда, вокругъ котораго группируются его женатые сыновья и внуки, или изъ братьевъ, сыновья и внуки которыхъ женаты, но не отдѣлены въ хозяйственномъ отношеніи. Положеніе отдѣльнаго лица въ такой семейной общинѣ не вездѣ одинаково у южно-славянскихъ народовъ: семейная община или задруга (подъ этимъ именемъ преимущественно она извѣстна въ литературѣ) представляетъ то бо̀льшія, то меньшія личныя и имущественныя права своимъ членамъ. Въ стадіи упадка задруга скорѣе походитъ на артель, чѣмъ на семью, такъ какъ экономическое начало въ опредѣленіи правъ и обязанностей ея членовъ выступаетъ на первое мѣсто сравнительно съ принципомъ кровнымъ. Такая задруга, гдѣ даже посторонній: пріемышъ, пріемный зять и проч. пользуется одинаковыми правами съ кровными родственниками, не можетъ считаться первоначальной. Что она есть продуктъ дальнѣйшаго развитія семейной общины, доказывается тѣмъ, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ сохранились у южныхъ славянъ наиболѣе рельефные слѣды родовой организаціи, задруга основана на принципѣ кровнаго родства, лишь поддерживаемымъ въ жизни общностью экономическихъ интересовъ. Задруга является естественнымъ слѣдствіемъ распаденія родового строя, когда бывшій нѣкогда общимъ для сородичей коммунизмъ въ имуществѣ сосредотачивается въ меньшихъ группахъ, которыя по формѣ своего устройства, по нормамъ, регулирующимъ взаимныя отношенія членовъ представляютъ лишь сколокъ нормъ родовой общины.

Если въ настоящее время въ большинствѣ случаевъ существуютъ задруги, въ которыхъ отдѣльные члены имѣютъ право на индивидуальную собственность, заработанную личнымъ трудомъ, то въ тѣхъ семейныхъ общинахъ, которыя хранятъ слѣды большей первобытности,

напримѣръ, въ Черногоріи и Герцеговинѣ, членъ задруги является, по мѣткому замѣчанію Крауса, лишь даровымъ работникомъ на пользу общины. Въ прежнее время отдѣльныя лица не обладали правомъ имѣть личное имущество, и всѣ ихъ заработки поступали въ общую казну семейной общины. Въ настоящее время задруга имѣетъ, съ одной стороны, имущество общее—наслѣдіе отъ прежнихъ поколѣній, такъ называемое дѣдина, старина и, съ другой, имущество, заработанное лицами на сторонѣ. Право распоряженія послѣднимъ принадлежитъ собственникамъ его; общее же семейное имущество неотчуждаемо безъ согласія общаго совѣта. Оно управляется главою—домачиномъ, личность котораго въ настоящее время опредѣляется обыкновенно выборомъ, причемъ имѣются въ виду его способности вести хозяйство; избранный домачинъ можетъ быть, при неспособности исполнять свои обязанности, низложенъ. Часто выбора не происходитъ, и домачиномъ становится при молчаливомъ согласіи членовъ общины тотъ, кто при жизни прежняго домачина уже выказалъ свои способности къ управленію. При строгой подчиненности младшихъ членовъ общины старшимъ, власть, естественно, переходитъ обыкновенно въ руки старшихъ, хотя право первородства въ настоящее время и не соблюдается: въ видѣ исключенія домачиномъ иногда дѣлается и младшій членъ. Домачинъ распоряжается хозяйственными работами мужчинъ, его жена, домачиха—работами женщинъ и внутреннимъ, домашнимъ хозяйствомъ. Члены задруги обязаны исполнять всѣ приказанія главъ хозяйства; личные интересы отдѣльнаго лица отходятъ на второй планъ. Внося весь свой трудъ на пользу своей общины, членъ задруги получаетъ право на столъ и одежду, о которой заботятся домачиха и женщины, работающія подъ ея руководствомъ; но онъ лишенъ всякой иниціативы. Его женитьба (часто въ задругѣ строго соблюдается очередь для вступленія въ бракъ старшихъ и младшихъ членовъ), выборъ невѣсты зависятъ отъ задруги. Браки, похороны и проч. совершаются на средства общины. Въ возникшей изъ обломковъ родового быта семейной общинѣ не можетъ быть рѣчи о самостоятельности женщинъ. Ихъ положеніе крайне приниженное. Привиллегіи, которыми пользуется домачиха, проявляются только въ отношеніи къ остальнымъ женщинамъ и младшимъ членамъ семьи. Передъ своимъ мужемъ и она болѣе или менѣе безправна. Мужчины первые садятся за столъ, женщины не имѣютъ права раздѣлять съ ними трапезу; лишь послѣ того, какъ мужское населеніе насытится, женщины садятся за столъ доѣдать оставшееся. Тѣмъ не менѣе, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ женщины имѣютъ право голоса

въ общихъ семейныхъ собраніяхъ; это объясняется характеромъ вопросовъ, поднимаемыхъ на этихъ собраніяхъ: или чисто хозяйственныхъ или чисто семейныхъ, напримѣръ, о женитьбѣ или замужествѣ членовъ задруги. Домачинъ и домачиха, въ настоящее время, по крайней мѣрѣ, имѣютъ значеніе лишь распорядителей хозяйственной жизнью семейной общины. Они, какъ и другіе члены, не могутъ имѣть особаго имущества, а въ мѣстностяхъ, гдѣ послѣднее разрѣшается, имъ не дается привиллегіи сравнительно съ другими членами семьи. Домачинъ не имѣетъ права самостоятельно распоряжаться семейнымъ имуществомъ: онъ не можетъ ни продать, ни вымѣнить его безъ согласія семейнаго совѣта, который мѣстами состоитъ изъ всѣхъ совершеннолѣтнихъ мужчинъ, мѣстами только изъ женатыхъ.

Такимъ образомъ, всѣ члены задруги являются совершенно равноправными какъ въ отношеніи обязанностей, личныхъ и имущественныхъ, такъ и въ отношеніи правъ на семейное имущество. Ограниченный во власти семейнымъ совѣтомъ домачинъ оказывается скорѣе старшиной обширной хозяйственной артели, гдѣ всѣ члены, объединенные общностью экономическихъ интересовъ, работаютъ на пользу и преуспѣяніе своей хозяйственной группы. Право взысканія съ взрослыхъ членовъ семьи со стороны домачина также точно опредѣлены обычаемъ, и они обыкновенно не идутъ дальше замѣчаній неисправному члену. Удалять изъ общины имѣетъ право только семейный совѣтъ, предсѣдателемъ котораго естественно является домачинъ. Онъ же представляетъ задругу на судѣ, въ братствахъ и проч. При изученіи задруги не надо упускать изъ виду значенія ея, какъ хозяйственной единицы; но нельзя также экономическое значеніе, съ которымъ выступаетъ въ настоящее время южно-славянская семейная община, выдвигать исключительно на первый планъ. Не слѣдуетъ забывать, что права домачина, въ настоящее время ограниченныя, въ прежнее время являлись болѣе обширными; что, наоборотъ, права членовъ семьи прежде, когда домачиномъ являлся старшій по возрасту родственникъ, были гораздо уже. Коренясь въ своей основѣ въ родовомъ бытѣ, задруга выработалась въ большинствѣ мѣстностей въ хозяйственную артель съ общимъ имуществомъ всѣхъ членовъ. Въ этомъ отношеніи она ушла значительно впередъ передъ семейными общинами, среди которыхъ воспоминанія о бывшемъ нѣкогда родовомъ патріархальномъ устройствѣ сохранились съ большей жизненностью. Типъ семейной общины, составляющей какъ бы промежуточную форму между родовымъ бытомъ, еще ярко выраженнымъ у южныхъ славянъ,

и задругой, значительно отошедшей въ своемъ развитомъ видѣ отъ устоевъ родовой организаціи, представляетъ русская *большая семья.*

Слѣды господствовавшаго прежде родового быта въ такъ называемой большой семьѣ среди русскихъ крестьянъ мѣстами выражены гораздо живѣе, чѣмъ въ южно-славянской задругѣ. Имѣя съ послѣдней много общихъ чертъ: въ объемѣ правъ и обязанностей отдѣльныхъ членовъ въ семейной общинѣ и въ отношеніи ихъ другъ къ другу, въ роли, которая отводится хозяину въ распоряженіи семейнымъ имуществомъ и пр., русская большая семья представляетъ отъ нея прежде всего слѣдующее отличіе. Въ южно-славянской задругѣ, въ томъ періодѣ развитія ея, когда хозяйственный принципъ выступаетъ на первый планъ, въ составъ задруги «входятъ и постороннія лица, не связанныя съ ея членами узами родства и свойства, напримѣръ, работники», наемныя служанки; русская такъ называемая большая семья всегда состоитъ изъ кровныхъ родственниковъ, объединенныхъ общностью происхожденія. Въ семью принимаются или зятья, которые входятъ въ семейную общину какъ свойственники, или пріемыши, которые дѣлаются членами ея путемъ обрядоваго или фактическаго усыновленія. Исключенія изъ этого общаго правила являются результатомъ дальнѣйшаго развитія; но они встрѣчаются пока только спорадически и не измѣняютъ существенной черты русской большой семьи. Такимъ образомъ, кровное начало, дающее право считаться членомъ семейной общины, въ русской большой семьѣ проведено рѣзче, чѣмъ въ славянской задругѣ. Отсюда вытекаютъ и нѣкоторыя другія нормы, налагающія на большую семью печать бо́льшей первобытности, чѣмъ на современную задругу.

Слѣдуетъ, однако, оговориться, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ лишь о томъ типѣ семьи, въ которомъ сохранились архаическія черты; формы, которыя принимаетъ большая семья подъ вліяніемъ новыхъ условій, какъ вслѣдствіе измѣненій въ экономическомъ бытѣ, такъ и вслѣдствіе развивающихся этическихъ началъ, пока оставлены въ сторонѣ. Это ограниченіе необходимо, если желаешь намѣтить слѣды древняго быта въ современномъ строѣ русскаго крестьянина. И такъ, большая семья въ ея типичной формѣ представляетъ группу родственниковъ, живущихъ въ общемъ помѣщеніи и ведущихъ совмѣстными силами общее хозяйство. Во главѣ ея стоитъ зачастую дѣдъ, власть котораго объединяетъ его непосредственныхъ потомковъ: женатыхъ сыновей и внуковъ. Въ силу простого авторитета родитель-

ской власти ему безпрекословно подчинены его дѣти, внуки и ихъ жены. Въ случаѣ смерти дѣда-родоначальника, главой семьи становится обыкновенно его старшій сынъ, т. е. старшій братъ по отношеніи къ другимъ сыновьямъ дѣда и старшій дядя въ отношеніи къ его внукамъ. Въ случаѣ смерти его, главой, большакомъ дѣлается слѣдующій по возрасту братъ и т. д. Здѣсь, такимъ образомъ, проводится строго право старѣйшинства, низведенное до минимума въ задругѣ. Отклоненія отъ этого общаго правила допускаются и въ русской большой семьѣ, но лишь въ качествѣ исключеній: въ случаѣ, напримѣръ, дряхлости члена общины, которому по праву принадлежитъ должность большака. Выборное начало начинаетъ сказываться только въ тѣхъ случаяхъ, когда семья разростается, когда утрачивается взаимная связь. Хотя, въ общемъ, и въ указанныхъ случаяхъ, если семья не дѣлится, и господствуетъ стремленіе выбрать наиболѣе способнаго, въ дѣйствительности сила традиціи заставляетъ искать большака между болѣе старшими членами семейной общины.

Глава семьи весьма часто является не только распорядителемъ семейнаго имущества, но и собственникомъ его: онъ можетъ закладывать его и продавать по усмотрѣнію. Фактически онъ ограниченъ въ настоящее время семейнымъ совѣтомъ; въ случаѣ плохого веденія хозяйства взрослые члены могутъ требовать раздѣла. Но семейный совѣтъ не является ограниченіемъ юридическимъ, въ особенности въ случаяхъ, когда большакъ вмѣстѣ съ тѣмъ и отецъ или дѣдъ членовъ семьи. До настоящаго времени народное правовоззрѣніе разрѣшаетъ, напримѣръ, отцу, если семейная община распадается при его жизни, ничего не выдать тому или иному изъ своихъ сыновей, выгнать даже его изъ дома, ничѣмъ не надѣливъ. Эти же патріархальные взгляды сказываются и въ личныхъ отношеніяхъ: глава семьи не только имѣетъ право располагать трудомъ каждаго ея члена, но и его личностью. Онъ можетъ подвергать его взысканіямъ, и народный судъ, строго преслѣдуя непочтительное отношеніе младшихъ къ старшимъ, относится обыкновенно снисходительно къ злоупотребленію послѣднихъ своей властью, особенно, если дѣло касается отношеній родителей и дѣтей. Большакъ выбираетъ невѣсту своему сыну, выдаетъ свою дочь замужъ, часто не справляясь объ ихъ согласіи. Всѣ заработки на сторонѣ по общему правилу должны идти въ семейную кассу; лишь то можетъ быть частной собственностью, что не нужно семьѣ или что разрѣшаетъ брать большакъ. Такая семья, основанная на патріархальныхъ началахъ, проведенныхъ съ чрезвычайной рѣзкостью, при хозяйственной общности стѣсняетъ, иногда совершенно

подавляетъ личность членовъ. «Отдѣльной собственности у членовъ семьи почти нѣтъ, замѣчаетъ Пахманъ; взрослые женатые сыновья состоятъ подъ главенствомъ отца или иныхъ старшихъ лицъ въ семьѣ, жены подчинены не только мужьямъ, но въ общей семьѣ и ихъ родителямъ, личный трудъ женщины не идетъ вовсе въ разсчетъ при выдѣлахъ и раздѣлахъ семейнаго имущества и т. п.» Эта непривлекательная, тяжелая картина въ дѣйствительной жизни значительно смягчается. При изложеніи исторіи развитія собственности придется неоднократно указывать, что приведенной характеристикой не исчерпывается картина большой семьи у великоруссовъ: практика выработала modus vivendi и въ личныхъ и въ имущественныхъ отношеніяхъ членовъ семейной общины. Но приведенныя черты выражаютъ правильно міровоззрѣніе крестьянина на власть большака-отца или дѣда, которая проявляется и теперь еще въ дѣйствительной жизни, а въ недавнее время примѣнялось значительно чаще. Изъ разсказовъ крестьянъ о недалекомъ прошломъ легко составить себѣ картину, насколько члены такой патріархальной общины были безправны передъ отцомъ или дѣдомъ большакомъ. Еще свѣжи воспоминанія о бракахъ малолѣтнихъ съ взрослыми, о снохачествѣ, о приниженномъ положеніи замужней женщины въ семьѣ, о злоупотребленіяхъ родительской властью и т. д. Въ казацкой семьѣ, писалъ М. Н. Харузинъ, отецъ «имѣетъ право признать или не признать своимъ новорожденнаго ребенка. Онъ властенъ сейчасъ же послѣ рожденія или же впослѣдствіи отдать его «въ дѣтища» въ чужую семью и прекратить съ нимъ всякую связь. Нерѣдко бѣдные казаки «продаютъ» богатымъ своихъ дѣтей. Точно также казакъ отецъ имѣетъ право отдать дѣтей въ наемъ, въ работники, лишить наслѣдства, прогнать отъ себя. Вообще, «отецъ, по словамъ самихъ казаковъ, что хотитъ (sic) изъ дѣтей выгадываетъ.» Такъ, казакъ, подрядясь на какую либо работу (напримѣръ, хлѣбъ возить) вмѣсто себя нерѣдко посылаетъ сына или же, задолжавъ кому нибудь, за уплату долга посылаетъ сына въ работники къ заимодавцу.» Извѣстны случаи, что отецъ, отдѣливъ сына и давъ ему долю въ семейномъ имуществѣ, поссорившись, отбираетъ у него его долю. Къ этимъ фактамъ можно присоединить отдѣльные случаи обмѣна женъ, продажи ихъ мужьями, отдачи въ закладъ и уступки ихъ по письменному договору, факты, извѣстные изъ описаній отдаленнаго и современнаго быта крестьянъ—и яснымъ станетъ типъ основанной на рѣзкихъ патріархальныхъ началахъ группы. Рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ, что въ крестьянскомъ быту обращается вниманіе и на долю труда, вложеннаго въ общее семейное хозяйство при опредѣленіи имущественныхъ правъ отдѣльныхъ членовъ

семьи, въ особенности при раздѣлахъ, заставило Оршанскаго (Журн. Гражд. и Уг. Пр. 1875) и А. Я. Ефименко выставить теорію, что русская крестьянская семья построена на артельныхъ началахъ. Оба изслѣдователя освѣтили многія неясныя стороны правовоззрѣнія русскаго крестьянина, но неправильно выставили свои основныя положенія. Какъ бы значительна ни была роль такъ называемаго трудового начала, крестьянская большая семья, состоящая иногда изъ 30—40 и болѣе членовъ, прежде всего группа, основанная на союзѣ родственномъ. Право участія въ наслѣдствѣ покоится исключительно на родствѣ. Ближайшіе родственники устраняютъ собою дальнихъ. Размѣръ долей зависитъ, какъ общее правило, отъ принадлежности по крови къ семейной группѣ. Если бы въ древнихъ русскихъ юридическихъ памятникахъ не сохранилось никакихъ слѣдовъ бывшаго нѣкогда родового быта, и не было даже извѣстно объ обязанности, напримѣръ, кровной мести въ извѣстныхъ степеняхъ родства, предписанной Русской Правдой; если бы, наконецъ, сравнительное изученіе древняго славянскаго права не свидѣтельствовало о томъ, что и русскіе славяне пережили нѣкогда родовой бытъ—одно отношеніе современнаго русскаго крестьянина къ роднѣ, къ своему роду-племени, запечатлѣвшееся и въ народномъ творчествѣ, заставило бы признать, что современная большая крестьянская семья является лишь обломкомъ прежде болѣе обширныхъ родовыхъ союзовъ. Изученіе современныхъ формъ ея, представляющихъ въ различныхъ мѣстностяхъ много спеціальныхъ чертъ (то приближающихъ ее къ устройству родовыхъ общинъ, то сближающихъ ее съ артельной семьей, съ хозяйственнымъ соединеніемъ ради экономическихъ интересовъ), даетъ возможность прослѣдить постепенное преобразованіе основныхъ, древнихъ нормъ и, что самое важное, раскрыть причины этихъ видоизмѣненій.

Если русская крестьянская семья въ формѣ такъ называемой большой семьи является осколкомъ господствовавшаго нѣкогда у русскихъ родового быта, естественно, въ ней можно искать слѣдовъ и родового, семейнаго культа. На существованіе нѣкогда такого культа находятся ясныя указанія отчасти въ общественныхъ пиршествахъ, отчасти въ дожившемъ до нашихъ дней почитаніи домового.

Въ настоящее время, когда сельская община давно уже смѣнила родовую, когда деревня состоитъ въ большинствѣ случаевъ изъ неродственныхъ семействъ, территоріальныя узы, связующія членовъ общины, замѣнили собой узы кровныя. Воспоминанія о пиршествахъ, объединявшихъ прежде членовъ сначала родовой, а впослѣдствіи общинной единицы, сохранились въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи,

преимущественно на сѣверѣ, гдѣ условія позволили дожить древнимъ обычаямъ до новѣйшаго времени. Такъ, напримѣръ, въ Олонецкой губерніи каждая болѣе или менѣе значительная деревня имѣетъ своего святого, память котораго она особенно чтитъ. Чаще всего это тотъ святой, во имя котораго построена въ данной деревнѣ часовня. Празднество такому святому-покровителю деревни, даже если ему почему либо и не построено часовни (церкви вообще рѣдки въ Олонецкой губерніи), заключается преимущественно въ молебнѣ и запрещеніи въ этотъ день работать. Праздники эти называютъ «заповѣдными», такъ какъ они обыкновенно были установлены во время общаго несчастія, постигшаго деревню: падежа, неурожая и т. д. по обѣту— «завѣщанію». Одна деревня, напримѣръ, чтитъ такимъ образомъ день св. Флора и Лавра, Ильинскую пятницу, другая, рядомъ съ нею, Петровскую пятницу и т. д. Но кромѣ этихъ праздниковъ существуютъ и другіе, общіе для всей волости, которые ознаменованы бываютъ крестными ходами, молебнами и общественнымъ пиромъ. Въ Архангельской губерніи пиршества устраиваются въ храмовые праздники и носятъ соотвѣтственно этому названія Никольщины, Покровщины и пр. Въ нихъ принимаетъ участіе или одна деревня или группа ихъ, такъ какъ на сѣверѣ обычнымъ явленіемъ можетъ считаться, что отъ главной деревни выдѣляются выселки, носящіе съ ней одно названіе. «Всѣ члены единицы, составляющейся для празднованія кануна (какъ называютъ эти общественно-религіозные пиры въ Архангельской губерніи), сообщаетъ А. Я. Ефименко, приносятъ въ извѣстный домъ, назначаемый по очереди или уступаемый добровольно хозяиномъ, съѣстные припасы и матеріалы, необходимые для приготовленія пива, которое и варится изъ складчины..... Въ день праздника всѣ сообща ѣдятъ и пьютъ, угощая... всѣхъ постороннихъ... Въ Целезерѣ (Шенкурск. уѣзда), наканунѣ Ильина дня, или въ самый этотъ день, крестьяне закалываютъ нѣсколько общихъ барановъ, которые раздѣляются по семьямъ и съѣдаются послѣ вечерни въ церковной оградѣ; бараньи шкуры тогда же продаются, а вырученныя деньги жертвуютъ на церковь». Ноги и голову т. е. именно тѣ части животнаго, которыя при языческихъ жертвоприношеніяхъ идутъ непосредственно божеству или жрецамъ, отдаютъ причту. «Въ другихъ мѣстностяхъ покупаютъ сообща быка, котораго откармливаютъ на общихъ лугахъ. Въ праздникъ его закалываютъ и ѣдятъ сообща; такой праздникъ называется быкомоломъ. Складчина на празднованіе кануновъ такъ глубоко укоренилась въ обычаяхъ населенія тѣхъ мѣстностей, гдѣ они существуютъ, что каждый бѣднякъ несетъ свою

послѣднюю гривну въ складчину». Если къ этому добавить, что мѣстами къ общественному пиру приступаютъ только послѣ молебна и окропленія духовенствомъ святой водой «жертвы», какъ сами крестьяне называютъ заколотаго быка или барана, получится полная картина языческаго празднества, лишь освященнаго христіанствомъ. Если же вспомнить, что мѣстами деревни населены въ значительной степени одними родственниками, или что воспоминанія о родственномъ происхожденіи населенія деревни мѣстами сохраняются въ преданіяхъ или названіяхъ, получится лишнее доказательство, что общинные въ настоящее время пиры вѣроятнѣе всего коренятся, какъ и аналогичные празднества въ другихъ мѣстностяхъ, въ древнихъ родовыхъ отношеніяхъ.

Святые—покровители мѣстности замѣнили покровителей рода языческаго періода, и объединенная единымъ культомъ община родовая превратилась въ чтущую опредѣленнаго святого сельскую общину. Эти пиршества были извѣстны подъ именемъ братовщины, братовщинковъ, ссыпщины и др. и въ древней Руси—напримѣръ, новгородскія братчины, на которыя соединялись улицы. Названіе этихъ пировъ, съ одной стороны, и составъ членовъ братинъ изъ сосѣдей по улицѣ съ другой заставляютъ думать, что уже въ глубокой древности пиры, на которыхъ прежде участвовали братственники-родственники, замѣнялись сосѣдскими пирами, что нѣкогда родственный союзъ въ исправленіи культа замѣнился сосѣдской религіозной корпораціей, объединенной приходомъ.

Если относительно происхожденія древнихъ и нѣкоторыхъ современныхъ общественныхъ пировъ, братинъ и т. п. изъ родовыхъ празднествъ можно высказывать только гипотезу, хотя и весьма вѣроятную, то относительно культа домового не можетъ быть сомнѣнія, что его слѣдуетъ искать въ культѣ предковъ, въ семейной религіи.

Какъ бы ни былъ теперь во многихъ мѣстностяхъ затемненъ образъ домового, мѣстами обратившагося изъ покровителя семьи въ ея врага и смѣшавшагося съ сонмомъ нечистой силы, чертей и проч., не трудно на основаніи воззрѣній на домового въ мѣстностяхъ, гдѣ представленія о немъ менѣе разрушены христіанствомъ, открыть въ культѣ его живые слѣды семейнаго культа предковъ.

Культъ покойниковъ вообще находитъ себѣ ясное отраженіе среди русскихъ крестьянъ не только въ обычаѣ класть предметы обихода въ гробъ (деньги, водку и проч., какъ это практикуется, напримѣръ, до настоящаго времени въ Олонецкой, Ярославской и другихъ губерній), но и въ частыхъ и обильныхъ помин-

кахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ существуетъ убѣжденіе, что покойники, называемые безъ различія возраста и степеней родства «родителями», «въ вознагражденіе за поминки, совершаемые въ ихъ честь, ниспосылаютъ на дома своихъ родичей на вѣки нерушимое благословеніе». Наиболѣе близкимъ изъ этихъ покровителей семьи является домовой. «Въ типичномъ образѣ домового, говоритъ Аѳанасьевъ, соединены всѣ главныя характерныя черты домовитаго хозяина-патріарха. Онъ—самое старшее и почетное лицо въ семьѣ домовладѣльца, къ которой и принадлежитъ по восходящей линіи, какъ праотецъ (дѣдъ), положившій основаніе очагу и собранному подъ единый кровъ союзу родичей... Собственно обладателемъ дома, верховнымъ въ немъ распорядителемъ признавался дѣдъ-домовой». Вслѣдствіе этого, его часто называютъ *хозяинъ*, *хозяинушка*, и существуетъ повѣрье, что домовой всегда похожъ на современнаго главу семьи, который является лишь его представителемъ. Домовой даже одѣвается въ одежду большака. «Домовой есть идеалъ хозяина, замѣчаетъ Аѳанасьевъ, онъ видитъ всякую мелочь, неустанно хлопочетъ и заботится, чтобы все было въ порядкѣ...; по ночамъ слышно, какъ онъ стучитъ и хлопочетъ за разными подѣлками». Онъ охраняетъ домашній скотъ и птицу, заботится о домѣ и дворѣ, «пуще хозяйскаго глаза» блюдетъ семейные интересы и не стѣсняется на пользу семьи стащить кормъ для скота изъ чужого двора. Таковъ образъ домового, не разжалованнаго еще въ нечистую силу. Но покровителемъ онъ является только въ отношеніи къ своей семьѣ: чужой домовой всегда лихой; чужеродцевъ домовой не любитъ и, если семья поселится въ чужомъ домѣ, покровитель прежнихъ обитателей старается дѣлать возможно больше непріятностей новымъ жителямъ. Онъ не даетъ имъ покоя, пугаетъ ихъ по ночамъ и проч. Поэтому чужого домового боятся; въ заговорахъ испрашивается путемъ заклинанія защита «отъ черта страшнаго, отъ чужого домового».

Свой домовой, напротивъ того, является объектомъ культа, въ которомъ не трудно усмотрѣть кормленіе предка. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ, въ опредѣленный день, «послѣ ужина оставляютъ для домового на загнеткѣ горшокъ каши, который обкладывается вокругъ горячими угольями... У нѣкоторыхъ хозяевъ (въ Великоруссіи) въ обычаѣ ставить за ужиномъ особый приборъ домовому и откладывать для него небольшую долю отъ всякаго кушанья: когда всѣ уснутъ, онъ приходитъ и ужинаетъ». Домовой покровитель домашняго очага; поэтому онъ живетъ или за печью или подъ печью. Отсюда обычай класть туда для домового маленькіе хлѣбцы. Бѣло-

русы приносятъ мѣстами жертву домовому, ставя ежедневно на кровлю дома яишницу; если хозяинъ не можетъ дѣлать это ежедневно, онъ обязанъ принести домовому эту жертву, по крайней мѣрѣ, въ извѣстные дни, выставляя яишницу на гумнѣ; иначе домовой сожжетъ домъ. Въ случаѣ болѣзни домашняго скота, знахарь, въ Ярославской губерніи, напримѣръ, «отводитъ мѣсто домовому.... въ какомъ нибудь углу двора огораживается колышками небольшое мѣсто и знахарь кладетъ туда пирогъ или хлѣбъ-соль». Въ Томской губерніи, въ сочельникъ, наканунѣ Крещенія, кладутъ подъ голубецъ (у входа въ подполье) нарочно испеченныя для домового маленькія булочки и лепешки. Связь домового съ очагомъ дѣлается понятной только въ томъ случаѣ, если признать за нимъ черты домашняго духа-покровителя, пенатовъ. Предокъ-покровитель слишкомъ тѣсно связанъ съ очагомъ, чтобы его можно было просто, безъ обрядовъ, перевести на новое мѣсто, на новый очагъ. Отсюда обряды при переходѣ на новое сельбище. «При переходѣ на новоселье хозяйка топитъ печь въ старомъ домѣ; какъ только прогорятъ дрова, она выгребаетъ *весь жаръ* въ чистый горшокъ и со словами: «милости просимъ, дѣдушка, на новое жилье!» переноситъ горячіе уголья въ новую избу, гдѣ и высыпаетъ ихъ въ печурку». Такимъ образомъ старый семейный очагъ переносится въ новое помѣщеніе, и семейный покровитель этого очага переходитъ вмѣстѣ съ нимъ.

Этотъ обрядъ перенесенія домашняго очага мѣстами обставленъ торжественно: свекровь или старшая бабка растворяетъ двери и говоритъ свое приглашеніе, обращаясь къ печи. Въ новомъ домѣ «хозяинъ и хозяйка встрѣчаютъ дѣдушку-домового съ хлѣбомъ-солью у растворенныхъ воротъ. Старушка (несущая огонь) стучитъ въ верею и спрашиваетъ: «рады-ль гостямъ?», на что хозяева съ низкими поклонами отвѣчаютъ: «милости просимъ, дѣдушка, на новое мѣсто». Послѣ этого направляются въ избу, гдѣ жаръ высыпается съ соблюденіемъ извѣстныхъ обрядовъ въ печь; горшокъ разбиваютъ, а черепки зарываютъ въ передній уголъ. Аналогичныхъ обрядовъ можно привести много. Смыслъ ихъ легко понять: «семья, говоритъ Аѳанасьевъ, переносила съ собой и своего охранительнаго пената; въ закрытомъ горшкѣ несла его старшая въ родѣ женщина, на обязанности которой лежало главное завѣдываніе очагомъ и стряпнею»; родичи встрѣчали своего семейнаго бога съ поклонами; горшокъ, освященный пребываніемъ въ немъ божества, нельзя было употреблять для варки, почему его разбивали и зарывали въ священное мѣсто, какимъ является передній уголъ.

Если подобные обряды соблюдаются и въ настоящее время, а въ самомъ неотдаленномъ прошломъ были почти повсемѣстны въ Россіи, это объясняется легко той тѣсной связью, которая существуетъ между семейнымъ культомъ и благосостояніемъ семьи. Старыя вѣрованія давно смѣнились новыми, но семейный культъ сравнительно стойко удержался до нашихъ дней съ опредѣленными, выработанными еще въ глубокой древности чертами.

Въ настоящее время наблюдается чрезвычайно сильный упадокъ большихъ семействъ въ Россіи. Не только среди русскихъ крестьянъ, но и среди большинства инородцевъ отмѣчено распаденіе семейныхъ общинъ; это же явленіе можно наблюдать и среди южныхъ славянъ. Большая патріархальная семья въ Россіи, въ большинствѣ мѣстностей, по крайней мѣрѣ, явленіе уже отживающее. Послѣ смерти домохозяина его сыновья или младшіе братья не остаются жить вмѣстѣ; происходитъ раздѣлъ, и большая семья распадается на отдѣльныя клѣточки, ея составляющія, на рядъ такъ называемыхъ *малыхъ семей*, состоящихъ изъ родителей и малолѣтнихъ дѣтей. Эти послѣдніе, какъ только выростутъ и женятся, стремятся въ свою очередь отдѣлиться отъ родительской семьи, чтобы образовать свой собственный очагъ. Этотъ процессъ разложенія семейной общины, который въ разныхъ стадіяхъ развитія можно детально изучать въ настоящее время въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи пережили въ болѣе отдаленное время другія цивилизованныя народности. Въ нѣкоторыхъ, немногихъ уже мѣстностяхъ Германіи и Франціи (напр. въ Франшконтэ и въ окрестностяхъ Луана) [1]) можно видѣть и въ настоящее время разлагающуюся большую семью.

Всюду, гдѣ изслѣдователь встрѣчаетъ семью въ современномъ смыслѣ слова т. е. союзъ родителей и дѣтей, связанныхъ взаимно извѣстными юридическими отношеніями, онъ можетъ быть увѣренъ, что она является лишь продуктомъ разложенія бóльшихъ нѣкогда группъ, основанныхъ на кровномъ родствѣ. Таковъ результатъ произведенныхъ историко-сравнительнымъ методомъ изслѣдованій быта разныхъ племенъ и народностей.

Въ какомъ же отношеніи стоятъ къ группѣ болѣе или менѣе продолжительные индивидуальные союзы лицъ разнаго пола, которые, какъ мы видѣли, существуютъ уже на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи? Въ настоящее время, какъ было уже указано, раздаются голоса въ пользу мнѣнія, что семья и есть эмбріонъ человѣческаго развитія. Взгляды Вестермарка, Старке, Гроссе, Гильдебранда и др. были выше

---

1) г. Louhans въ деп. Saône-et-Loire. Ред.

приведены. Въ предшествующемъ же изложеніи главнѣйшихъ типовъ человѣческихъ внѣ-государственныхъ группъ почти не говорилось о семьѣ, и это оттого, что семьи въ современномъ смыслѣ этого слова на указанныхъ стадіяхъ развитія не существуетъ. Союзы, которые указанные писатели называютъ семьей, представляютъ лишь индивидуальное, болѣе или менѣе длительное обладаніе женщиною. Вотъ, напримѣръ, опредѣленіе ея главнаго противника эволюціонной теоріи Старке: «Слово семья, говоритъ онъ, должно означать лишь небольшую группу—родителей и дѣтей. Семья основывается благодаря браку, и въ этомъ случаѣ не существуетъ никакой границы между нашими отношеніями и первобытными. Но, конечно, бракъ нельзя разсматривать какъ учрежденіе бывшее всегда такимъ святымъ, какимъ оно стало у насъ. Бракъ въ самомъ широкомъ смыслѣ слова представляетъ ничто иное, какъ болѣе чѣмъ моментальное соединеніе мужчины и женщины, въ теченіе котораго они сообща заботятся о своемъ пропитаніи». Аналогичное опредѣленіе брака, какъ источника семьи дано Вестермаркомъ. Бракъ противоставляется имъ стадному состоянію общества. Но, какъ говорилось въ началѣ этихъ чтеній, Спенсеръ (а за нимъ Летурно, Ковалевскій и др.) старался оттѣнить, что стадія, названная имъ стадіей безпорядочнаго сожительства, должна быть рѣзко отдѣляема отъ коммунальнаго брака Лёббока и группового брака Моргана. Спенсеръ отмѣчалъ, что индивидуальные союзы должны были имѣть бо́льшую или меньшую продолжительность, что одинъ мужчина сожительствовалъ съ одной или нѣсколькими, но всегда опредѣленными женщинами долѣе, чѣмъ это требовалось для удовлетворенія страсти. Новѣйшія изслѣдованія примитивной стадіи человѣческаго общежитія лишь подтвердили мнѣніе Спенсера: оказалось, что всякій дикарь старается имѣть ему одному принадлежащую женщину. Если, тѣмъ не менѣе, нападки новѣйшихъ изслѣдователей кажутся чрезвычайно вѣскими и какъ будто подрываютъ основной взглядъ на источникъ происхожденія человѣческаго общежитія, это происходитъ вслѣдствіе замѣны одного термина другимъ. Индивидуальное обладаніе женщиной со стороны члена группы, не ограниченное въ теоріи ничѣмъ другимъ, кромѣ прихоти и основанное на физическомъ превосходствѣ мужчины, они называютъ семьей. Это можетъ ввести въ заблужденіе читателя, не знакомаго съ опредѣленіемъ семьи названными писателями.

Другая ошибка этихъ послѣднихъ заключается въ томъ, что, назвавъ индивидуальное обладаніе женщиной со стороны единочлена группы семьей, они разсматриваютъ ея составъ и не обращаютъ вниманія на окружающія условія. Ни Спенсеръ, ни другіе изслѣдователи,

[illegible] не отрицаютъ, что условія первобыт-
[illegible] оставляютъ людей, членовъ одной и той же
[illegible] ственно, что при этомъ каждый мужчина
[illegible] а эта послѣдняя идетъ въ сопровожденіи
[illegible] это не значитъ, чтобы даже въ этихъ слу-
[illegible] о семьѣ. Маленькія хозяйственныя группы
[illegible] единеніе ихъ объясняется только временными,
[illegible] тельствами: отсутствіемъ достаточной для группы
[illegible] за извѣстныхъ представителей фауны и пр.
[illegible] шедшая отъ своей группы чета не живетъ изо-
[illegible] жности она снова возвращается подъ влія-
[illegible] безопасности, условій экономическихъ и др. къ
[illegible] группѣ, съ которыми она стоитъ въ тѣснѣй-
[illegible] личной связи. Не сдерживаемый юридическимъ
[illegible] должительность сожительства союзъ можетъ быть
[illegible] время, и отъ его разрыва, какъ и отъ его
[illegible] никакихъ обязательствъ ни для мужчины,
[illegible] ношеніи къ дѣтямъ. Чѣмъ ниже уровень куль-
[illegible] спускаешься къ территоріальной группѣ, тѣмъ
[illegible] Почти полное отсутствіе индивидуальной
[illegible] чающее иногда съ коммунизмомъ, не можетъ допу-
[illegible] нарушимаго права собственности и на женщину
[illegible] владатель, какъ это имѣетъ мѣсто на низшей
[illegible] не можетъ отстоять свое право силой. Группа
[illegible] дуальные союзы, не вмѣшивается въ нихъ, только
[illegible] дитъ въ ущербъ ея интересамъ. Она равнодушно
[illegible] разрывамъ этихъ союзовъ, такъ какъ дѣти т. е.
[illegible] все равно принадлежатъ ей. Равнодушное же
[illegible] надъ которой первобытный дикарь никогда не
[illegible] съ тяжелыми экономическими условіями, въ
[illegible] поставлена группа, заставляетъ ее относиться
[illegible] къ дѣтоубійству, какъ и къ убійству престарѣ-
[illegible] къ труду стариковъ.

[illegible] дуальные союзы, хотя бы въ томъ или другомъ
[illegible] и цѣлую жизнь, совершенно исчезаютъ въ
[illegible] отсутствуетъ юридическій элементъ, необходимый
[illegible] существованія семьи; у этихъ союзовъ нѣтъ имуще-
[illegible] группы, если не считать оружія, украшеній и т. п.,
[illegible] личную собственность владѣльцевъ, а не того
[illegible] старше и др. называютъ первобытной семьей. Обла-

даніе этими вещами отстаивается силой, и гарантируется дешевизной и легкостью ихъ полученія или изготовленія. Юридическаго элемента нѣтъ и въ личныхъ отношеніяхъ этихъ временныхъ союзовъ. Группа является юридическимъ лицомъ, собственницею территоріи и получаемой на послѣдней добычи, которую она имѣетъ право присвоить себѣ въ извѣстныхъ случаяхъ, даже если добыча является результатомъ охоты лишь одного изъ ея членовъ. Съ этой точки зрѣнія не можетъ быть рѣчи о семьѣ, какъ самостоятельной юридической или хозяйственной единицы на указанной стадіи развитія.

Хотя съ развитіемъ представленій о родствѣ, вытекающимъ какъ мы видѣли изъ развитія этическихъ понятій народности и причинъ экономическихъ, индивидуальные союзы и дѣлаются болѣе продолжительными, тѣмъ не менѣе, они часто не диференцируются еще въ семью ни при господствѣ родового строя, ни при началѣ упадка его, при разложеніи его на семейныя общины. Живетъ ли народность въ стадіи материнскаго рода или выработала агнатическую родовую организацію, семья все равно исчезаетъ въ этой организаціи, сливается съ ней. Фактически обладаніе женщиной разрѣшается и здѣсь одному мужчинѣ; но юридически женщина, какъ бы она ни была введена въ родственную группу, принадлежитъ послѣдней: ея трудъ, имущество, личность, ея дѣти находятся въ рукахъ группы. Лишь съ развитіемъ религіозныхъ представленій и права начинается первое освобожденіе женщины отъ группы и признаніе на нее правъ мужа. Связанная съ мужемъ тѣмъ или инымъ обрядомъ, имѣющимъ или религіозное или юридическое значеніе, женщина считается лично зависимой только отъ мужа или, по крайней мѣрѣ, въ большей степени отъ него, чѣмъ отъ группы. Это даетъ основаніе семьѣ, правамъ наслѣдованія отъ родителей къ дѣтямъ; порядокъ этотъ лишь медленно, съ значительными ограниченіями, постепенно вытѣсняетъ право наслѣдованія родичей, роль которыхъ вообще мало по малу отходитъ на второй планъ. Такъ какъ эта перемѣна стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ измѣненіемъ основныхъ древнихъ взглядовъ на имущество, на права собственности, говорить о ней подробнѣе придется въ отдѣлѣ о развитіи собственности. Въ настоящее время достаточно будетъ замѣтить, что это обособленіе вмѣстѣ съ измѣняющимися экономическими условіями даетъ первое зарожденіе и хозяйственной обособленности семьи. При распаденіи большихъ группъ, въ которыя входитъ семья, она выступаетъ въ жизнь уже въ качествѣ формы, основные элементы которой сложились постепенно при прежней организаціи.

Процессъ диференціаціи индивидуальнаго союза въ обособленную группу—семью, основанную на началахъ права, совершается естественно у разныхъ народовъ на разныхъ стадіяхъ развитія, и частныя причины, ускоряющія или замедляющія выдѣленіе семьи, различны у разныхъ племенъ и народностей.

IX. Исторія развитія брака.

Индивидуальное обладаніе въ теченіе болѣе или менѣе долгаго срока одной женщиной основывается, и на низшихъ ступеняхъ культуры, какъ впослѣдствіи и въ семьѣ, на бракѣ. Подъ послѣднимъ слѣдуетъ разумѣть правовой институтъ, который, совершаясь тѣмъ или инымъ способомъ, приводитъ къ возникновенію извѣстныхъ правъ и обязанностей для брачущихся. Бракъ, такимъ образомъ, можно считать древнѣе семьи: въ то время, какъ семья связана юридическими отношеніями всѣхъ членовъ, ея составляющихъ, бракъ приводитъ къ юридическимъ отношеніямъ только для брачущихся. Способы заключенія его чрезвычайно различны; они имѣютъ также свою исторію, и новѣйшія изслѣдованія внесли въ нее много поправокъ, сравнительно съ недавно еще господствовавшей теоріей.

Прежде чѣмъ коснуться развитія способовъ пріобрѣтенія себѣ женщины въ индивидуальную собственность, придется вернуться къ вопросу о полигаміи и моногаміи. Является ли человѣкъ по природѣ своей поли-или моногамнымъ, не оказывается-ли полигамія лишь извращеніемъ человѣческой природы, или, наоборотъ, слѣдуетъ ли считать моногамію результатомъ культурнаго и нравственнаго роста человѣчества? Эти вопросы поднимались неоднократно и разрѣшались различно. Единственно прочнымъ рѣшеніемъ, конечно, можетъ считаться лишь то, которое основано на изученіи фактовъ, предоставленныхъ въ распоряженіе науки самой жизнью, именно на изслѣдованіи этого явленія у нецивилизованныхъ народовъ.

Слѣдовать сдѣлавшемуся моднымъ методу нѣкоторыхъ представителей эволюціонной теоріи семьи и начинать съ сравненія съ животнымъ міромъ нѣтъ никакой необходимости; къ тому же жизнь животныхъ не даетъ ни опредѣленнаго отвѣта на данный вопросъ ни даже путеводной нити для его разрѣшенія. Чѣмъ бы ни регулировались половыя отношенія среди различныхъ представителей фауны, зоо-

логъ наталкивается одновременно на факты полигаміи и моногаміи. Нѣтъ возможности доказать, что, чѣмъ выше организація даннаго вида, тѣмъ его половыя отношенія больше приближаются къ той или другой формѣ. Такъ, напримѣръ, нѣкоторые виды птицъ довольствуются одной самкой, другіе, наоборотъ, практикуютъ сожительство со многими. Среди млекопитающихся встрѣчаются также обѣ формы союзовъ. Слѣдовательно, въ данныхъ, заимствованныхъ изъ изученія соціальной жизни животныхъ, нельзя найти точки опоры для рѣшенія предстоящаго вопроса.

Наблюденія надъ человѣческимъ обществомъ вполнѣ достаточны, чтобы судить, какія причины поддерживаютъ моногамію и какія— полигамію.

Наиболѣе всѣхъ другихъ подвинулась на культурномъ пути индоевропейская семья народовъ, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ большинства своихъ представителей. Выработанные ею семейные институты могутъ считаться и наиболѣе высокими и совершенными. Фактъ, что у наиболѣе цивилизованныхъ индоевропейскихъ народностей существуетъ моногамія, заставляетъ считать эту форму и болѣе высокой. Извѣстно, что и въ древнемъ Римѣ, и въ Греціи господствующей являлась моногамія, хотя конкубинатъ допускался въ болѣе или менѣе широкихъ размѣрахъ. Наложничество, представляющее лишь смягченную форму полигаміи, о происхожденіи котораго придется сказать нѣсколько ниже, заставляетъ предполагать, что въ отдаленномъ прошломъ полигамія была разрѣшена среди римлянъ и грековъ. Среди современныхъ наиболѣе цивилизованныхъ представителей индоевропейской семьи многоженство разрѣшалось въ прежнее время, несмотря на борьбу съ нимъ церкви и законодательства.

Относительно существованія многоженства у древнихъ кельтовъ едва-ли возможны сомнѣнія. Несмотря на то, что д'Арбуа де Жубенвиль (d'Arbois de Jubainville) въ своемъ трудѣ Études sur le droit celtique и отрицаетъ полигамію у кельтовъ, свидѣтельства Цезаря, Діона Кассія, Страбона, св. Іеронима и др. говорятъ краснорѣчиво противъ его утвержденія. Еще отъ 700-го года дошло, напримѣръ, ирландское каноническое постановленіе, въ которомъ осуждается полигамія; интересное свидѣтельство приблизительно той же эпохи высказываетъ требованіе, чтобы въ епископы Лейнстера было поставлено лицо, имѣющее только одну жену (въ то время безбрачіе епископовъ не считалось еще обязательнымъ). Хотя Тацитъ и расточаетъ похвалы древнимъ германцамъ за то, что у нихъ, за рѣдкими исключеніями, не встрѣчается многоженства, но много вѣковъ позднѣе

Адамъ Бременскій [1]) «разсказываетъ, что шведы во всемъ знали мѣру, но только не въ количествѣ женъ: каждый бралъ по состоянію своему двѣ, три и больше женъ, а состоятельные люди и князья безъ счета. У франковъ полигамія также была обычнымъ явленіемъ». Когда Ингунда, жена короля Клотара I, просила его найти мужа для ея сестры Арегунды, «онъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ предложить себя, на что жена отвѣчаетъ: да будетъ то, что угодно моему господину, лишь бы я, раба его, не потеряла его благоволенія. И Клотаръ дѣйствительно взялъ... (Арегунду) себѣ въ жены. Карибертъ I и Гильперикъ имѣли нѣсколько женъ», и «пользовавшійся доброй славой среди духовенства за благочестіе Дагобертъ I имѣлъ трехъ женъ и безчисленное количество наложницъ». Наконецъ, и самъ Карлъ Великій имѣлъ двухъ женъ и нѣсколько наложницъ. «Конкубинатъ, говоритъ Кулишеръ, былъ обычнымъ явленіемъ среди состоятельныхъ людей въ теченіе среднихъ вѣковъ во Франціи, Италіи, Испаніи и Германіи. Хотя дѣти наложницъ не пользовались правомъ законнаго наслѣдованія, тѣмъ не менѣе законная жена и ея дѣти признавали дѣтей наложницъ принадлежащими къ составу семей». Несмотря на то, что средневѣковое законодательство преслѣдовало двоеженство, назначая за послѣднее даже смертную казнь, на земскомъ соборѣ въ Аугсбургѣ въ 1650 г., послѣ тридцатилѣтней войны, обезлюдившей Германію, декретировалось слѣдующее постановленіе: «Отнынѣ дозволено всякому мужчинѣ имѣть двухъ женъ; при этомъ слѣдуетъ напоминать каждому мужчинѣ и съ церковной каѳедры увѣщевать, чтобы онъ, какъ честный человѣкъ, не только озаботился ихъ прокормленіемъ по мѣрѣ возможности, но и устраненіемъ несогласія между ними». Многоженство практиковалось также у язычниковъ славянъ. Достаточно вспомнить всѣмъ извѣстный примѣръ Владиміра язычника, имѣвшаго шесть женъ и восемьсотъ наложницъ. И такъ, среди наиболѣе подвинувшихся на пути цивилизаціи народностей индоевропейской семьи, въ болѣе отдаленное время полигамія и конкубинатъ, если и не представляли, быть можетъ, явленія постояннаго, во всякомъ случаѣ были вполнѣ дозволены, пока христіанство вмѣстѣ съ этическимъ развитіемъ указанныхъ племенъ не положило этому конецъ.

---

[1]) Адамъ Бременскій—писатель XI-го вѣка. Ему принадлежитъ знаменитое сочиненіе Gesta Hamburgensis ecclesiae pontificum, являющееся главнымъ источникомъ при изученіи церковныхъ дѣлъ и распространенія христіанъ въ сѣверной Европѣ въ періодъ отъ 788—1072 г. Сно заключаетъ въ себѣ также цѣнныя указанія на исторію сѣверныхъ славянскихъ народовъ. Интересно и сочиненіе Descriptio insularum aquilonis географическаго и этнографическаго характера.

Ред.

Вполнѣ естественно поэтому, что полигамія среди большинства некультурныхъ народовъ дозволена въ широкихъ размѣрахъ. Въ этомъ отношеніи свидѣтельства различныхъ авторовъ отличаются удивительнымъ единодушіемъ. О бо̀льшемъ или меньшемъ господствѣ многоженства, пишетъ Спенсеръ, говорятъ свѣдѣнія изъ Огненной Земли, изъ Австраліи, изъ Меланезіи; оно отмѣчено среди вымершихъ обитателей Тасманіи и населенія полинезійскихъ архипелаговъ: Таити, Тонга, Новой Зеландіи и пр. Она практикуется на Мадагаскарѣ, Суматрѣ, на всемъ протяженіи Америки, начиная съ арктическихъ эскимосовъ и кончая обитателями Патагоніи; среди древняго населенія культурныхъ Мексики и Перу имѣло мѣсто многоженство. Оно распространено въ Африкѣ: у готтентотовъ, у кафрскихъ народностей южной части материка, у племенъ, живущихъ по р. Конго, въ Дагомеѣ, у ашантіевъ, у фуллаховъ и среди сѣвернаго населенія Абиссиніи. Въ Азіи, если оставить въ сторонѣ племена культурныя, многоженство у которыхъ разрѣшено религіей, оно отмѣчено какъ явленіе современное или недавно господствовавшее у сингалезовъ, среди некультурныхъ племенъ Индостана, у якутовъ, гиляковъ, гольдовъ, орочонъ и другихъ сѣверныхъ инородцевъ, до просвѣщенія ихъ христіанствомъ.

Въ качествѣ очень немногихъ исключеній встрѣчаются свѣдѣнія о той или другой народности, стоящей низко въ своемъ развитіи, но практикующей моногамію. Эта послѣдняя, однако, не является въ этомъ случаѣ результатомъ этическихъ понятій: она коренится въ экономическомъ состояніи группы; въ теоріи же у этихъ народностей также разрѣшается полигамія. Такъ, напримѣръ, бушмены живутъ обыкновенно въ моногамическихъ союзахъ; но Фричъ заявляетъ, что «полигамія у нихъ разрѣшена». О моногамныхъ веддахъ Спенсеръ приводитъ свидѣтельство, что «группа слишкомъ бѣдна, чтобы позволить себѣ полигамію». Остяки-язычники признавали полигамію, но не практиковали ее вслѣдствіе бѣдности. Вообще среди народностей, извѣстныхъ какъ полигамныя по преимуществу, многоженство есть лишь удѣлъ тѣхъ, кто вслѣдствіе богатства или силы можетъ пріобрѣсти себѣ и содержать нѣсколько женщинъ. Полигамные австралійцы въ большинствѣ случаевъ довольствуются одной женой; населеніе Суматры и Явы живетъ въ моногаміи, и лишь вожди имѣютъ по нѣсколько женъ. О древнихъ полигамическихъ мексиканцахъ извѣстно, что «простолюдины довольствовались одной женой, между тѣмъ какъ вожди разрѣшали себѣ конкубинатъ, доводя число своихъ наложницъ до 800». Даже въ странахъ, гдѣ населеніе исповѣдуетъ Исламъ, допускающій полигамію въ широкихъ размѣрахъ, масса населенія живетъ въ моногаміи, и

лишь болѣе богатые пользуются разрѣшеніемъ религіи имѣть нѣсколько женъ.

Если свести имѣющіяся о поли- и моногаміи свѣдѣнія относительно разныхъ народностей, получится, что почти всюду моно- и полигамія существуютъ одновременно; что въ теоріи, за рѣдкими исключеніями, обѣ формы дозволены, но что вслѣдствіе, главнымъ образомъ, причинъ экономическихъ та или другая форма преобладаетъ у каждой данной народности. Бѣдность заставляетъ избѣгать полигамію; но практиковавшаяся долгое время благодаря ей моногамія можетъ, какъ это случается среди некультурныхъ народностей, вырости сначала въ обычай, а затѣмъ въ норму обычнаго права, освященнаго традиціей, религіей и моралью. Такъ, напримѣръ, если вѣрить нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, населеніе части Никобаровъ имѣетъ всегда «одну жену и смотритъ на невоздержанность въ этомъ отношеніи, какъ на смертный грѣхъ». Съ осужденіемъ относятся къ этому и жители Андаманскихъ о-въ, ведды Цейлона, игорроты, даяки и др. Наоборотъ, тамъ, гдѣ матеріальное благосостояніе группы позволяетъ бо́льшему количеству населенія имѣть нѣсколько женъ, полигамія является болѣе или менѣе господствующей и находитъ себѣ также освященіе въ правовыхъ, нравственныхъ или религіозныхъ воззрѣніяхъ. Въ общемъ, повидимому, слѣдуетъ признать, что непивилизованный человѣкъ имѣетъ тенденцію къ полигаміи, но вынужденъ сокращать ее вслѣдствіе разныхъ причинъ. Главная же изъ нихъ чисто экономическая: бѣдность лица или группы.

Второй причиной, ограничивающей полигамію, является численное отношеніе мужчинъ къ женщинамъ. Это отношеніе сильно колеблется по мѣстностямъ, и въ зависимости отъ того, на которой сторонѣ оказывается численный перевѣсъ, развивается или поли- или моногамія Такъ, напримѣръ, въ то время, какъ среди большинства туземныхъ племенъ Африки количество женщинъ значительно превышаетъ количество мужчинъ (напримѣръ, на 27,774 мужч. — 32,353 женщ.), такъ что мѣстами на одного мужчину приходится по три женщины, въ другихъ мѣстностяхъ земного шара, наоборотъ, количество мужчинъ на много больше количества женщинъ. У тоддовъ, напримѣръ, по новѣйшимъ исчисленіямъ отношеніе числа мужчинъ къ числу женщинъ равно 100 къ 75. Отчего бы ни происходили указанныя колебанія, они достаточно объясняютъ господство полигаміи у африканскихъ народовъ, съ одной стороны, и, съ другой, моногамію тоддовъ, среди которыхъ процвѣтаетъ даже поліандрія.

Наконецъ, на развитіе той или иной формы вліяетъ образъ жизни данной народности. Естественно, что болѣе воинственныя племена, совершающія удачные набѣги на своихъ сосѣдей, будутъ имѣть женщинъ въ изобиліи, и это дастъ возможность развиться среди нихъ полигаміи. Часто даже набѣги не имѣютъ другой цѣли, кромѣ захвата женщинъ; но если войны и возникаютъ по другимъ причинамъ, во исполненіе ли кровной мести или со спеціально разбойническими цѣлями, жертвами войны обыкновенно становится только мужское населеніе; женщины—цѣнный трофей, дорогой товаръ захватываются и уводятся въ плѣнъ.

Этими причинами, конечно, не ограничивается число факторовъ, вліяющихъ на развитіе поли- или моногаміи. Но ихъ достаточно, чтобы доказать, что обѣ формы слѣдуетъ считать въ исторіи развитія человѣчества сосуществующими и лишь регулируемыми внѣшними причинами.

Съ постепеннымъ развитіемъ группы въ ней проявляется, однако, тенденція перейти къ моногаміи. Кромѣ тѣхъ случаевъ, когда послѣдняя устанавливается благодаря превращенію фактическихъ отношеній, вызванныхъ необходимостью, въ освященныя правомъ и религіей нормы, среди полигамическихъ народностей на высшихъ ступеняхъ культуры чувствуется еще другое ограниченіе полигаміи: начинаютъ проводить различіе между законными женами и незаконными, наложницами т. е. начинаютъ строго отличать бракъ отъ конкубината. Является вмѣстѣ съ тѣмъ и вопросъ о причинахъ раздѣленія женъ на главныхъ и второстепенныхъ. Тамъ, гдѣ бракъ освященъ религіей, гдѣ онъ сопровождается обрядами, пріобщающими жену къ домашнему очагу мужа, различіе жены отъ наложницы становится вполнѣ естественнымъ. Но оно извѣстно и племенамъ, у которыхъ бракъ не обставленъ религіозными обрядами. Какъ и во всѣхъ явленіяхъ народной жизни, такъ и здѣсь трудно указать на одну первенствующую и общую всѣмъ народамъ причину возникшаго представленія. Его могли обусловливать различныя причины въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Оно могло быть вызвано къ жизни вліяніемъ женщинъ, положеніе которыхъ при полигаміи, въ той формѣ, когда всѣ жены считаются равными, чрезвычайно печально и необезпеченно; оно могло возникнуть и вслѣдствіе стремленія водворить миръ между соревнующими передъ мужемъ женами, устранить частыя ссоры ихъ, вслѣдствіе необходимости правильно вести хозяйство и проч. Многочисленныя пословицы, указывающія на ссоры между женами, какъ бы подтверждаютъ это. «У кого двѣ жены,

тому не надо собакъ въ домѣ» говоритъ, напримѣръ, пословица ингушей и т. д.

Но не въ этомъ слѣдуетъ видѣть главную причину отдѣленія конкубината отъ брака. Спенсеръ совершенно основательно оттѣнилъ значеніе одного постановленія Второзаконія (XXI, 10—14) для рѣшенія указаннаго вопроса. Второзаконіе разрѣшаетъ евреямъ пользоваться въ качествѣ личной собственности женами побѣжденныхъ непріятелей. Положеніе этихъ плѣнницъ рѣзко отличалось отъ положенія женъ-евреекъ; для нихъ не существовало правилъ развода, онѣ могли быть изгнаны мужемъ по желанію. Онѣ являлись, такимъ образомъ, наложницами, въ противоположность законнымъ женамъ, взятымъ изъ среды еврейскихъ женщинъ. Для того, чтобы возникло такое постановленіе, требуется, чтобы племя сложилось уже въ опредѣленную единицу. Какъ было сказано, родовыя организаціи экзогамны, но совокупность составляющихъ племя родовыхъ союзовъ составляетъ эндогамную единицу. Племя помнитъ общность своего происхожденія, имѣетъ подчасъ и общія божества, связано взаимно единствомъ территоріи и т. д. Очевидно, что съ развитіемъ племенного сознанія должно возникнуть разграниченіе между женой изъ *своего* и женой изъ *чужого племени*. Жена изъ *своего* племени, съ которымъ членъ рода стоитъ всегда въ тѣхъ или иныхъ отношеніяхъ, всегда будетъ считаться главной, первой женой; положеніе ея юридически будетъ болѣе привиллегировано, чѣмъ положеніе жены изъ чужого племени, все равно, захвачена ли эта послѣдняя на войнѣ или куплена. Первая является хозяйкой, распорядительницей; вторая—наложницей, часто работницей, рабыней, не огражденной ничѣмъ отъ произвола мужа и во всякомъ случаѣ безправной. Вѣроятно, это дало первый толчекъ къ отличію главныхъ женъ отъ второстепенныхъ, законныхъ отъ наложницъ, впослѣдствіи сдѣлавшееся господствующимъ. Бракъ внутри племени, совершаемый путемъ обрядовъ, свойственныхъ данному племени, считался законнымъ. Если же онъ совершенъ былъ по ритуалу чужого племени съ чужеземкой, онъ не вызывалъ тѣхъ юридическихъ отношеній, которыя возникали при бракѣ по обряду своего племени. Вслѣдствіе этого, у многихъ народностей, какъ древности, такъ и современности, можно видѣть различные способы заключенія брака, изъ которыхъ каждый приводитъ къ опредѣленнымъ юридическимъ послѣдствіямъ. Различныя формы брака въ древнемъ Римѣ, въ древней Индіи, въ Персіи, на Малайскомъ архипелагѣ и проч. имѣютъ свой источникъ въ различныхъ племенныхъ обычаяхъ. Они относятся къ тому времени, когда племена, родственныя или нерод-

ственныя въ антропологическомъ и лингвистическомъ отношеніяхъ, были вынуждены вслѣдствіе тѣхъ или иныхъ причинъ жить вмѣстѣ на одной обширной территоріи и вступали другъ съ другомъ въ бракъ.

Съ утратой племенной самобытности, съ постепенной нивеллировкой племенныхъ обычаевъ въ общія національныя, различныя формы браковъ сосуществуютъ; при этомъ законной, а впослѣдствіи и священной, считается форма, принятая у господствующаго или численно преобладающаго племени. Вмѣстѣ съ тѣмъ законной, старшей, главной женой считается взятая первой по времени; или же первенство жены опредѣляется происхожденіемъ ея изъ болѣе сильнаго рода (впослѣдствіи семьи), слѣдовательно и почитаемаго за болѣе благородный. Указанное дѣленіе женъ на главныхъ и второстепенныхъ встрѣчается почти у всѣхъ полигамныхъ народовъ, достигшихъ болѣе высокой ступени цивилизаціи. Оно имѣетъ весьма существенные результаты въ опредѣленіи порядка наслѣдованія, при дѣленіи семейнаго имущества и т. д.

Полноправными являются лишь дѣти законныхъ женъ: они наслѣдуютъ имущество, власть, права и обязанности, вызываемыя семейно-родовымъ культомъ. Дѣти женъ второстепенныхъ пользуются большими или меньшими правами, смотря по мѣстностямъ; но они всегда входятъ въ составъ родовой и семейной группы, такъ какъ они, какъ и законныя дѣти, имѣютъ одного общаго родоначальника и пополняютъ собой численный составъ группы. Желаніе имѣть большее количество помощниковъ въ лицѣ сыновей отъ второстепенныхъ женъ, имѣть большее число дочерей, которыхъ можно выгодно продать, быть можетъ, поддерживаетъ въ жизни конкубинатъ и многоженство съ неменьшей силой, чѣмъ стремленіе удовлетворять своимъ прихотямъ со стороны богатаго сородича.

Переходя къ исторіи развитія формъ брака, приходится прежде всего указать на мнѣнія нѣкоторыхъ прежнихъ изслѣдователей, желавшихъ возстановить преемственность этихъ формъ. Главные виды заключенія брака сводятся къ слѣдующимъ категоріямъ: 1) похищеніе жены, 2) покупка ея, 3) пріобрѣтеніе ея подарками и 4) службой. Разнообразныя въ частностяхъ мнѣнія ученыхъ о преемственности различныхъ формъ брака сводятся въ общемъ къ тому, что бракъ путемъ похищенія предшествовалъ браку путемъ купли, а этотъ послѣдній той формѣ, когда вмѣсто покупной цѣны родителямъ невѣсты давались подарки. Это положеніе должно быть принимаемо лишь въ очень ограниченномъ смыслѣ. Послѣ изслѣдо-

ваній о развитіи формъ брака Тэйлора, Спенсера и позднѣе Вестермарка, Гильдебранда и другихъ, едва ли можно говорить о стадіи брака посредствомъ похищенія, которая будто бы непремѣнно предшествовала браку путемъ купли. Такое предположеніе объясняется тѣмъ, что нѣкоторые изслѣдователи, напримѣръ, Макъ Ленанъ, выводили необходимость брака посредствомъ похищенія изъ экзогаміи. Съ другой стороны гипотеза, что на примитивной стадіи развитія отецъ будто бы неизвѣстенъ, исключала возможность уплаты за невѣсту; мнѣніе же о первобытномъ коммунизмѣ группы не позволяло думать, что на этой стадіи развитія отдѣльный индивидъ, членъ группы, могъ пріобрѣтать что нибудь для себя, кромѣ военной добычи, такъ какъ у него не было имущества, на которое онъ могъ бы купить себѣ жену.

Вышеприведенное мнѣніе о послѣдовательности формъ брака слѣдуетъ признать правильнымъ только съ точки зрѣнія общей культурно-исторической. Дѣйствительно, тамъ, гдѣ по тѣмъ или инымъ причинамъ господствовалъ бракъ похищеніемъ, онъ, съ развитіемъ племени, стремится перейти въ куплю невѣсты; тамъ же, гдѣ существовала эта форма, она постепенно измѣняется въ томъ направленіи, что покупная цѣна замѣняется подарками родителямъ невѣсты. Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ дѣлать вывода, что всѣ или даже большинство народовъ непремѣнно прошли черезъ указанныя стадіи развитія. Напротивъ того, бракъ куплей могъ возникнуть и самостоятельно, помимо похищенія; подарки родителямъ не предполагаютъ непремѣнно, что имъ предшествовалъ обычай купли. Лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда переживанія указываютъ на болѣе древнія формы брака, изслѣдователь получаетъ право говорить объ извѣстной преемственности формъ. Есть между тѣмъ полное основаніе предполагать, что на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи одновременно господствуютъ различные пріемы пріобрѣтенія себѣ женъ; они долго существуютъ совмѣстно, и лишь впослѣдствіи, благодаря тѣмъ или инымъ причинамъ, одна форма постепенно вытѣсняетъ остальныя.

Среди народностей, стоящихъ на наиболѣе низкой ступени культурнаго развитія, встрѣчаются уже тѣ формы, которыя, казалось бы, слѣдовало отнести къ болѣе высокимъ. Такъ, напримѣръ, у австралійцевъ, наряду съ крайне варварскимъ способомъ похищать себѣ невѣстъ, именно путемъ нападенія группы молодежи на женщину, сопровождаемаго тяжкими побоями, существуютъ и другія формы пріобрѣтенія женщинъ: мужчины даже племенъ, не поднявшихся выше образованія территоріальныхъ группъ, продаютъ или

вѣрнѣе вымѣниваютъ женщинъ своей группы на женщинъ, принадлежащихъ къ чужой группѣ, или на болѣе или менѣе цѣнныя вещи. Такимъ образомъ, у нихъ одновременно господствуетъ и купля (въ зародышевомъ состояніи всякой купли—въ формѣ мѣны) и похищеніе. У бушменовъ, напримѣръ, бракъ заключается посредствомъ принесенія въ даръ родителямъ невѣсты убитыхъ птицъ или животныхъ. Низкій культурный уровень бушменовъ не позволяетъ заключить, чтобы эта форма брака была результатомъ долгой эволюціи. Очевидно, что въ указанномъ случаѣ слѣдуетъ видѣть лишь особый видъ покупки невѣсты. Для бушменовъ, въ высшей степени необезпеченныхъ продуктами питанія, убитая дичь является той цѣнностью, на которую родители вымѣниваютъ своихъ дочерей. Въ виду того, что у бушменовъ, также, какъ у австралійцевъ отецъ всегда извѣстенъ, потому что онъ является фактически обладателемъ своихъ дѣтей, подарки или другая мѣновая стоимость невѣсты естественно отдается отцу. Отецъ, вымѣнивая свою дочь, братъ—свою сестру на другую женщину или на предметъ украшенія, на оружіе, на продуктъ охоты, совершаютъ мѣновую сдѣлку, совершенно такъ же, какъ если бы они обмѣнивали предметъ на предметъ.

Кромѣ похищенія и купли-мѣны существуетъ еще распространенный способъ добывать себѣ женщинъ путемъ выслуживанья опредѣленнаго срока у родителей дѣвушки. Извѣстный библейскій примѣръ этому представляетъ женитьба Іакова на дочеряхъ Лавана. Этотъ обычай распростаненъ въ Америкѣ, въ Африкѣ, въ Азіи, въ Индійскомъ архипелагѣ. Дороговизна пріобрѣтенія невѣсты или хозяйственная организація группы являются причинами, поддерживающими этотъ способъ пріобрѣтенія жены. Спенсеръ считаетъ эту форму брака болѣе высокой, развившейся съ поднятіемъ общаго культурнаго уровня группы. «Эта перемѣна, говоритъ онъ, становится возможной только при развитіи производства, открывающаго пути, на которыхъ извѣстныя услуги могутъ быть приносимы». Но, по справедливому замѣчанію Вестермарка, даже на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи, зять можетъ оказывать услуги своему тестю, напримѣръ, при производствѣ охоты и рыбной ловли. Дѣйствительно, даже у такихъ низко стоящихъ племенъ, какъ огнеземельцы и бушмены т. е. у рыболововъ и охотниковъ встрѣчается уже обычай поступать къ тестю въ работники для полученія права на женщину. Тѣмъ не менѣе, Спенсеръ правъ въ томъ отношеніи, что развитія этотъ способъ достигаетъ только у народностей съ болѣе сложными способами производства, вслѣдствіе чего онъ практикуется преимущественно среди племенъ,

занимающихся земледѣліемъ или ведущимъ кочевое - пастушеское хозяйство. Въ самомъ дѣлѣ, если развитіе экономической жизни и содѣйствуетъ, какъ говоритъ Вестермаркъ, накопленію собственности, то, съ другой, оно же вызываетъ и имущественное различіе какъ между отдѣльными членами, такъ и между меньшими группами. Естественно, что представители болѣе бѣдныхъ группъ не въ силахъ купить себѣ женъ и могутъ ихъ пріобрѣтать только личнымъ трудомъ въ группѣ невѣстъ.

И такъ, всѣ главныя формы брака: похищеніе, купля-мѣна, подарки родителямъ—тотъ же видъ мѣны, и наконецъ служба въ домѣ или въ группѣ невѣсты встрѣчаются у народностей весьма неразвитыхъ; онѣ существуютъ одновременно, и едва ли возможно сказать, которую изъ нихъ слѣдуетъ признать древнѣе. Въ то время, какъ недостатокъ женщинъ заставлялъ нѣкоторыхъ прибѣгать къ похищенію изъ сосѣднихъ группъ, другіе пользовалась женщинами изъ своей группы; при этомъ для пріобрѣтенія жены у своего сочлена членъ группы прибѣгалъ къ одному изъ указанныхъ мирныхъ способовъ: вымѣнивалъ ее, или подарками и трудомъ старался снискать благоволеніе обладателя дѣвушки: отца, брата, мужа матери и проч. Этотъ выводъ о сосуществованіи на низшихъ ступеняхъ всѣхъ видовъ пріобрѣтенія себѣ женъ составляетъ важный результатъ новѣйшихъ изслѣдованій, въ противоположность прежнимъ теоріямъ.

Но, если на низшихъ ступеняхъ культуры встрѣчаются всѣ главные первобытные пріемы пріобрѣтенія женщинъ, различныя причины давали преобладаніе той или иной формѣ, иногда временно отодвигавшей остальныя. Бракъ похищеніемъ сохранился до сихъ поръ въ очень многихъ мѣстностяхъ, у болѣе же цивилизованныхъ народностей онъ оставилъ ясные слѣды въ свадебномъ ритуалѣ. Его можно считать универсальнымъ, хотя и есть указанія на народности, которыя его не практиковали. Относительно китайцевъ, напримѣръ, существуетъ свидѣтельство, что свадебные обряды ихъ не хранятъ никакихъ слѣдовъ этого обычая, и что нѣтъ никакихъ историческихъ указаній на его существованіе въ прежнее время. Не отрицая приведеннаго свидѣтельства, хотя оно и требуетъ подтвержденія, нельзя не согласиться съ большинствомъ изслѣдователей, что похищеніе было весьма распространено въ прежнее время у большинства современныхъ цивилизованныхъ народностей, и что оно встрѣчается весьма часто среди современныхъ некультурныхъ племенъ. Это вполнѣ понятно. Не только постоянныя или, по крайней

мѣрѣ, частыя войны приводили къ похищенію женщинъ; была и другая причина, вѣроятно, даже болѣе важная: это возникновеніе представленій о родствѣ и развитіе запретительныхъ законовъ о бракахъ. Первобытныя территоріальныя группы не велики; вслѣдствіе этого, когда появляются воззрѣнія, ограничивающія свободу сожительства, мужчины группы вынуждены искать себѣ женъ среди сосѣднихъ группъ, и они весьма часто прибѣгаютъ для этого къ похищеніямъ. Предположеніе двухъ нѣмецкихъ этнографовъ-экономистовъ Гильдебранда и Мукке, что похищеніе, сопряженное всегда съ рискомъ, могло встрѣчаться только какъ явленіе исключительное, не оправдывается данными этнографіи. Похищеніе предпринимается не единичнымъ лицомъ, а всегда болѣе или менѣе многочисленной группой товарищей, считающихъ себя часто въ правѣ въ награду за помощь воспользоваться невѣстой раньше жениха, какъ это наблюдается, напримѣръ, иногда въ Австраліи, въ Америкѣ и многихъ другихъ мѣстахъ. Частыя войны, имѣющія своимъ результатомъ похищеніе женщинъ, желаніе получить въ индивидуальное обладаніе женщину—рабочую силу, стремленіе выказать свою храбрость и воинскую доблесть путемъ полученія наиболѣе цѣннаго въ глазахъ первобытнаго дикаря трофея—женщины, все это вмѣстѣ взятое поддерживаетъ обычай умыкать женъ. Благодаря тому же, когда дѣйствительное похищеніе вслѣдствіе новыхъ условій жизни племени теряетъ свой реальный смыслъ, оно дѣлается фиктивнымъ: дѣйствительность переходитъ въ обрядъ. Быть можетъ, именно стремленіе выказать храбрость заставило похищеніе вытѣснить другіе способы брака, устраивать фиктивное похищеніе съ тѣмъ, чтобы потомъ внести плату или подарки за невѣсту.

Во всякомъ случаѣ, воспоминанія о похищеніи женъ живы среди массы народностей. Нельзя, однако, всѣ обычаи и обряды, рисующія умыканіе невѣсты, объяснять бывшимъ нѣкогда обычаемъ похищать жену изъ чужой группы противъ воли послѣдней. Еще Спенсеръ отмѣтилъ фактъ, на который въ послѣднее время обратилъ вниманіе и Гроссе, что свадебные обряды, рисующіе сопротивленіе женщины похитителю, могутъ имѣть и другое объясненіе: похищаемая могла сопротивляться частью дѣйствительно, частью фиктивно вслѣдствіе чувства стыдливости. Хотя это мнѣніе Спенсера и вызывало сильныя нападки, данныя этнографіи, справедливо замѣчаетъ Вестермаркъ, не могли его опровергнуть. Вестермаркъ приводитъ свидѣтельство Нансена объ эскимосахъ, живущихъ на восточномъ берегу Гренландіи: женихъ идетъ къ шалашу, гдѣ живетъ желательная ему дѣвушка,

схватываетъ ее за волосы или за платье и тащитъ ее домой къ себѣ. Дѣвушка выказываетъ всевозможные знаки отвращенія и борется съ похитителемъ изъ опасенія потерять репутацію скромности. Но семья похищаемой совершенно равнодушно смотритъ на происходящее и не вмѣшивается въ драку. Аналогичные обычаи встрѣчаются и въ другихъ мѣстностяхъ. У бедуиновъ, у которыхъ браки заключаются по взаимной склонности, однимъ изслѣдователемъ отмѣченъ слѣдующій свадебный обрядъ. Женихъ, получивъ согласіе дѣвушки, ожидаетъ ее въ особо приготовленной палаткѣ. Дѣвушка «изъ стыдливости» скрывается въ чужую палатку. Ее ловятъ и приводятъ къ жениху, который насильно втаскиваетъ ее къ себѣ въ палатку, несмотря на ея сопротивленіе. Она «обязана испустить крикъ ужаса». Этотъ обрядъ имѣетъ мѣсто лишь при бракосочетаніи дѣвушки; при бракахъ съ вдовами онъ опускается. Дѣвушка иногда похищается, съ согласія своего и родителей. Между тѣмъ борьба, которая происходитъ между женихомъ и невѣстой, причемъ послѣдней нерѣдко помогаютъ и ея подруги, впослѣдствіи, перейдя уже въ свадебный обрядъ, можетъ быть принята за переживаніе обычая похищенія противъ воли родителей или группы. Вслѣдствіе этого, при изученіи свадебныхъ обрядовъ необходимо всегда обращать особенное вниманіе на роль, которую играютъ родственники невѣсты; только въ томъ случаѣ, когда обрядъ сохраняетъ воспоминаніе о борьбѣ между родней жениха и родней невѣсты, возможно говорить, что въ данномъ случаѣ имѣешь дѣло съ переживаніемъ обычая умыканія.

Съ развитіемъ территоріальной группы въ когнатическую или агнатическую и по распаденіи послѣдней на семейныя общины, защитниками дѣвушки, съ одной стороны, и пособниками жениха, съ другой, являются ихъ родственники, смѣнившіе собой товарищей по территоріальной группѣ. Вслѣдствіе этого въ обрядахъ, представляющихъ символическое похищеніе невѣсты противъ воли родителей, выдающаяся роль выпадаетъ родственникамъ съ обѣихъ сторонъ. Всѣ эти обряды сводятся къ тому, что женихъ съ своими провожатыми подступаетъ къ дому родителей невѣсты; происходитъ между обѣими сторонами фиктивное сраженіе, которое кончается насильственнымъ увозомъ невѣсты. Часто устраивается кража невѣсты, и родня ея гонится за похитителемъ, какъ бы желая отнять у него добычу. Эти обряды, въ существенныхъ чертахъ повторяющіеся съ удивительной постоянностью у разныхъ народностей, на разныхъ пунктахъ земного шара, слишкомъ краснорѣчиво говорятъ о своемъ происхожденіи, чтобы можно было сомнѣваться въ значеніи и толкованіи ихъ. Что въ ихъ основѣ

лежитъ дѣйствительный фактъ, доказывается, помимо яркости самого обряда, и нѣкоторыми постановленіями обычнаго права нецивилизованныхъ расъ, очевидно имѣвшихъ въ виду положить конецъ частымъ случаямъ похищенія и возникавшимъ вслѣдствіе этого неурядицамъ. Такъ, напримѣръ, арабы, живущіе у Краснаго моря, разрѣшаютъ убійство похитителя въ день похищенія причемъ родственники въ этомъ случаѣ не имѣютъ права требовать выкупа за кровь. Очевидно, что дѣйствительное убійство похитителя повело къ установленію этого правила; въ настоящее время, когда похищенія у арабовъ рѣдки, оно служитъ угрозой и предотвращаетъ подобные браки. Здѣсь норма обычнаго права, узаконившая месть со стороны оскорбленнаго похищеніемъ рода, съиграла роль удерживающаго элемента и повела къ сокращенію случаевъ похищенія. Нормы, разрѣшающія отнять похищенную невѣсту у похитителей въ теченіе извѣстнаго срока, встрѣчаются у многихъ народовъ: онѣ не чужды и русскому обычному праву. Часто только вступленіе въ сожительство съ похищенной дѣвушкой гарантируетъ похитителю обладаніе ею.

Воспоминанія объ обычаѣ похищать невѣстъ живы среди южныхъ славянъ и въ Россіи какъ среди инородческаго, такъ и среди русскаго населенія. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ похищеніе производится и теперь, хотя оно, конечно, встрѣчается лишь какъ исключеніе и обусловливается особенными, неблагопріятными для брака, обстоятельствами: несогласіемъ родителей, нежеланіемъ тратиться на свадебные расходы и проч. Такъ, напримѣръ, въ Олонецкой губерніи, въ нѣкоторыхъ частяхъ ея, браки увозомъ практикуются и въ настоящее время, причемъ похищеніе, конечно, производится теперь уже съ согласія дѣвушки. Интересна при этомъ обстановка похищенія: она переноситъ насъ въ глубокую старину. «Парень, за котораго родители не хотятъ отдать своей дочери, соглашается взять ее увозомъ. Вступаютъ въ заговоръ съ подругами дѣвушки, которыя знаютъ, когда и какъ произойдетъ увозъ. Парень обращается къ какой нибудь бабѣ, проситъ ее быть такъ называемой «сватьей» т. е. позволить привести къ ней въ домъ невѣсту. Наступаетъ назначенный день: женихъ съ товарищами является на бесѣду и схватываетъ невѣсту. Похищеніе происходитъ быстро, такъ, чтобы никто въ деревнѣ не замѣтилъ этого и не успѣлъ бы предупредить родителей. Случается, что увѣдомленные родители останавливаютъ во время бѣгущихъ—и тогда невѣста должна по требованію ихъ возвратиться въ свой домъ. Большею же частью, парень успѣваетъ увезти дѣвушку къ «сватьѣ», у которой дѣвушка и остается до тѣхъ поръ,

пока женихъ не помирится съ родителями ея. Въ случаѣ окончательнаго нежеланія родителей дѣвушка возвращается къ нимъ». Вѣнчаніе происходитъ только при согласіи родителей на бракъ, къ которымъ молодые и отправляются послѣ вѣнца «прощаться». Нѣсколько болѣе архаичными чертами отличается умыканіе невѣстъ въ Архангельской губерніи. Въ Пинежскомъ уѣздѣ крадутъ невѣстъ безъ вѣдома родителей, по любви, въ случаѣ, если за одну невѣсту сватаются одновременно нѣсколько лицъ. Согласіе невѣсты на такой бракъ *уходомъ*, конечно, необходимо. Дѣвушка при этомъ уноситъ изъ дома скрытно отъ другихъ свое платье. Убѣжавшіе стараются скорѣе обвѣнчаться и затѣмъ вымаливаютъ уже родительское благословеніе, которое родители не всегда даютъ охотно.

Что браки увозомъ, такъ называемые самокрутки являются не выходомъ, естественнымъ при самовластіи родителей, а переживаніемъ древняго способа, часто лишь поддерживаемаго несогласіемъ родителей на бракъ, доказывается, между прочимъ, и тѣмъ, что родители во избѣжаніе свадебныхъ расходовъ нерѣдко соглашаются на побѣгъ молодыхъ т. е. невѣста крадется съ согласія родителей. Кромѣ того, не всегда даже согласіе невѣсты принимается въ разсчетъ при похищеніи. Нѣсколько свѣдѣній изъ глухихъ мѣстъ Сибири (Бійскаго округа) свидѣтельствуютъ о случаяхъ похищенія дѣвушекъ для замужества противъ ихъ воли. Невѣста въ этихъ случаяхъ похищается, какъ и на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи. Современное похищеніе, встрѣчающееся лишь какъ исключеніе, свидѣтельствуетъ, что древней Руси не были чужды браки уводомъ. Если они продолжаютъ встрѣчаться сравнительно часто въ качествѣ отступленія отъ нормальнаго порядка, это слѣдуетъ отнести на счетъ нѣкоторыхъ особыхъ условій, которыми обставлена крестьянская дѣвушка въ вопросѣ о замужествѣ.

Браки путемъ купли могутъ считаться, пожалуй, наиболѣе распространенными среди разныхъ народностей. Наиболѣе простой способъ купить себѣ жену, справедливо замѣчаетъ Вестермаркъ, это вымѣнить ее на свою родственницу. Австралійцы покупаютъ себѣ женъ, вымѣнивая ихъ на своихъ сестеръ, а впослѣдствіи дочерей. Къ этому же типу брака слѣдуетъ отнести и приношеніе подарковъ родителямъ и, наконецъ, службу въ домѣ тестя. Относительно этого послѣдняго способа, едва ли возможно согласиться съ Вестермаркомъ, что онъ, пожалуй, даже древнѣе обычая купли. Его скорѣе слѣдуетъ считать видоизмѣненіемъ купли, когда лицо, почему нибудь не имѣвшее достаточное количество цѣнностей для пріобрѣтенія жены, пріобрѣтало таковую за свой трудъ.

Въ зависимости отъ того, что данное племя считаетъ цѣннымъ

для себя, имѣетъ ли оно уже опредѣленную мѣновую единицу или нѣтъ, стоитъ и видъ цѣнности, за которую покупается невѣста. Эта послѣдняя является товаромъ, цѣна котораго зависитъ отъ возраста, красоты, происхожденія и пр. У кароковъ Калифорніи женщину пріобрѣтаютъ обыкновенно за полнитки раковинъ; но если женщина принадлежитъ къ выдающемуся роду, если она искусна въ приготовленіи хлѣба изъ желудей или славится умѣньемъ плести корзины, цѣна возвышается и доходитъ до двухъ нитокъ раковинъ. У краснокожихъ въ Орегонѣ жены пріобрѣтаются за извѣстное количество лошадей, одѣялъ или шкуръ животныхъ. Стоимость дѣвушки доходитъ иногда до 12-ти лошадей. Среди богатыхъ скотоводовъ южной Африки за невѣсту выплачиваютъ отъ 5 до 30 коровъ; болѣе бѣдные дамары рады продать свою дочь за одну корову. У бамбаровъ женихъ платитъ отцу невѣсты 30—40.000 каури. Въ Суданѣ онъ обязанъ выдать извѣстное количество верблюдовъ, ословъ, овецъ и козъ. Въ государствѣ Уганда можно пріобрѣсти жену за 6 иголокъ для шитья. Среди земледѣльческихъ и рыболовческихъ народностей стоимость невѣсты опредѣляется продуктами земледѣлія и домохозяйства или рыболовства. Женщины вымѣниваются на извѣстное количество риса, на лодку или на свинью, какъ, напримѣръ, на Самоа или на плоды, рыбу, иностранные товары и пр., какъ на Каролинскихъ островахъ, на ромъ, табакъ, орѣхи кола, какъ у ландумовъ въ Африкѣ. Съ появленіемъ денегъ и прекращеніемъ мѣновой торговли женъ начинаютъ покупать за деньги. Среди населенія сѣвернаго Кавказа, гдѣ денежные знаки до покоренія Кавказа были сравнительно рѣдки, до послѣдняго времени удерживался обычай покупать себѣ жену взносомъ за нея калыма коровами или цѣнными предметами; лишь въ новѣйшій періодъ деньги вытѣснили скотъ при разсчетахъ платежей за обиды и оскорбленія, за кровную месть и за покупку жены. Въ зависимости отъ условій цѣна на женщинъ колеблется, напримѣръ, у ингушей и чеченцевъ отъ 70—500 рублей. У остяковъ калымъ: (скотъ, одежда, деньги) достигаетъ размѣра 300 р. Башкиры иногда платятъ калыма 3.000 рублей., но у нихъ сохранился и болѣе архаичный способъ, согласно которому бѣднякъ иногда покупаетъ себѣ жену за извѣстное количество дровъ или сѣна. Опредѣлить точно, гдѣ имѣетъ мѣсто покупка невѣсты и гдѣ лишь подарокъ ея родителямъ, не всегда возможно, такъ какъ размѣры того и другого, равно и самый характеръ платы или подарка исключительно зависитъ отъ способа жизни племени и экономическаго благосостоянія данныхъ лицъ. До появленія прочной мѣновой единицы (раковинъ, скота, денегъ и пр.) едвали возможно даже рѣзко разграничить оба способа другъ отъ друга.

Купля невѣсты можетъ считаться универсальнымъ способомъ не въ меньшей, если не въ большей степени, чѣмъ похищеніе. У многихъ народностей эта форма брака существуетъ и въ настоящее время, у многихъ болѣе цивилизованныхъ она сохранилась въ свадебныхъ обрядахъ. Къ обширному списку такъ называемыхъ дикарей, практикующихъ до сего времени куплю женъ, можно присоединить почти всѣ цивилизованныя народности античнаго міра: ассиріянъ и вавилонянъ, римлянъ, грековъ, египтянъ и евреевъ. Если прибавить сюда населеніе древней Индіи, кельтовъ, германцевъ и славянъ, далѣе обширныя племенныя группы финскую, тюркскую и монгольскую (слѣды этого же обычая сохранились въ культурномъ Китаѣ и Японіи), будетъ вполнѣ доказано, что покупка тѣмъ или инымъ способомъ себѣ жены можетъ быть признана за одинъ изъ самыхъ распространенныхъ видовъ брака. Естественно, что среди большинства поименованныхъ, достигшихъ болѣе высокаго уровня племенъ, этотъ обычай сохранился лишь въ качествѣ обряда. Въ современныхъ свадебныхъ обрядахъ русскихъ крестьянъ и многочисленныхъ инородческихъ народностей Россіи не трудно открыть слѣды древней купли. «Кладка» русскихъ за невѣсту — остатокъ нѣкогда вносимой покупной платы, калыма; во многихъ мѣстахъ обычай требуетъ, какъ, напримѣръ, у вотяковъ, чтобы молодые черезъ извѣстный срокъ послѣ свадьбы возвращались въ домъ родителей невѣсты, гдѣ они живутъ болѣе или мѣнѣе продолжительное время. Это можно считать воспоминаніемъ о періодѣ, когда женихъ или мужъ долженъ былъ отслужить извѣстное время въ домѣ тестя, чтобы получить въ видѣ вознагражденія за свой трудъ право увести свою жену въ родственную ему группу.

Хотя бракъ куплей на низшихъ ступеняхъ культуры существуетъ одновременно съ похищеніемъ, умычкой, его слѣдуетъ считать болѣе высокой формой; вслѣдствіе этого, съ развитіемъ народности онъ вытѣсняетъ умыканіе невѣстъ. Бракъ похищеніемъ несомнѣнно вымираетъ раньше его, и эта послѣдняя форма брака съ постепеннымъ исчезновеніемъ первой получаетъ преобладаніе. Въ извѣстныхъ случаяхъ похищеніе могло даже вызывать къ жизни куплю; поэтому, у многихъ народовъ, у которыхъ обычнымъ способомъ заключенія брака является купля, похищеніе сохраняется еще какъ обрядъ. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что купля часто и не сопровождается обрядомъ, свидѣтельствующимъ о похищеніи; это отчасти объясняется тѣмъ, что купля, появляясь на низшихъ ступеняхъ развитія одновременно съ умыканіемъ, могла развиваться и путемъ самостоятельнымъ и не дать умычкѣ обратиться въ обычай, распространенный настолько, чтобы впослѣдствіи перейди въ обрядъ.

Еще Спенсеръ высказалъ предположеніе, что переходъ отъ похищенія женщины противъ воли родителей къ браку куплей былъ вызванъ враждой, возникавшей между группой похитителя и группой похищенной. Похититель или его группа во избѣжаніе мести и войны старалась примириться съ родней невѣсты, выплачивая за нее извѣстное количество предметовъ. Такимъ образомъ, въ началѣ должно было происходить похищеніе, а затѣмъ уже примиреніе и уплата калыма. Съ постепеннымъ вымираніемъ обычая похищенія, онъ переходитъ въ симулирующій умычку обрядъ, результатомъ котораго является взносъ платы.

Не распространяя вышеприведеннаго мнѣнія Спенсера на всѣ народности, у которыхъ въ дѣйствительной жизни или въ обрядѣ сохраняется купля невѣсты, нельзя не признать его вѣрнымъ во многихъ отдѣльныхъ случаяхъ. Данныя этнографіи даютъ возможность прослѣдить постепенный переходъ отъ одной формы брака къ другой. Такъ, напримѣръ, у атовъ женихъ сначала похищаетъ невѣсту, а затѣмъ слѣдуетъ уже покупка ея, такъ какъ «является необходимымъ умилостивить друзей жены взносомъ подарковъ». Въ Новой Гвинеѣ, у арауканцевъ мѣстами въ Западной Африкѣ мужчина только послѣ дѣйствительнаго похищенія вноситъ родителямъ жены плату за нее. Аналогичные обычаи отмѣчены у маори на Новой Зеландіи и др. Они, очевидно, представляютъ переходную форму отъ простого похищенія къ простой купли. Какъ и въ другихъ случаяхъ и здѣсь въ свадебныхъ обрядахъ отражается часто дѣйствительность, отошедшая въ далекое прошлое: настоящее похищеніе и слѣдовавшее затѣмъ примиреніе замѣнились фиктивной умычкой и не менѣе фиктивной покупкой невѣсты; дѣйствительное огорченіе отца похищенной перешло въ обрядъ, по которому отецъ долженъ представляться обиженнымъ до полученія имъ подарка и т. д.

Въ зависимости отъ того, какъ устроена группа, подарокъ или плата за невѣсту вносится отцу, или матери, или другому близкому родственнику невѣсты. Вполнѣ естественно, что при развитіи семьи подарокъ или плату получаетъ отецъ невѣсты; въ агнатическомъ родѣ, при малой дифференціаціи семьи отъ общей группы, эта плата поступаетъ часто старшему родичу, слѣдовательно, нерѣдко не отцу невѣсты, а ея старшему дядѣ. Въ организаціяхъ, основанныхъ на счетѣ родства по женской линіи, плата идетъ въ руки распорядителя группы, брата невѣсты или ея дяди съ материнской стороны, иногда и матери. Пользуются этой платой, при общности главныхъ видовъ имущества въ предѣлахъ группы, всѣ члены по-

слѣдней, но вручается она тому лицу, которое оказывается въ данномъ случаѣ распорядителемъ судьбы незамужнихъ дѣвушекъ. Съ постепеннымъ развитіемъ семьи воспоминаніе о подаркахъ, нѣкогда дѣлавшихся дядѣ по отцу или матери, брату невѣсты и пр. долго продолжаетъ еще сохраняться; вслѣдствіе этого въ свадебныхъ обрядахъ при раздачѣ подарковъ со стороны жениха обычай требуетъ, чтобы часть ихъ была передаваема кромѣ отца и брату невѣсты, дядѣ по матери и другимъ лицамъ, потерявшимъ съ развитіемъ агнатическаго рода и семьи всякую роль въ рѣшеніи судьбы выдаваемой замужъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда бракъ куплей замѣняетъ собой бракъ похищеніемъ, калымъ имѣетъ также другое значеніе, чѣмъ при самостоятельномъ развитіи обычая покупки невѣстъ. Плата за послѣднюю перестаетъ быть только мѣновой цѣнностью за женщину и становится компенсаціей за совершенную кражу. Поэтому, размѣръ платы за невѣсту, уводимую женихомъ къ себѣ, часто равняется приблизительно размѣру платы за кровь: группа дѣвушки требуетъ имущественнаго вознагражденія за рабочую силу, безразлично, смерть ли или похищеніе повело за собой ея потерю.

Купля невѣсты съ постепенной утратой реальнаго значенія становится символической, а покупная плата мало по малу замѣняется подарками родственникамъ дѣвушки. Существуетъ еще одинъ факторъ, который косвеннымъ образомъ вліяетъ на упадокъ болѣе грубыхъ формъ брака: это возникшее представленіе о религіозномъ значеніи этого института, что придаетъ ему значительно другой характеръ, чѣмъ при простой куплѣ или похищеніи. Бракъ съ религіознымъ характеромъ встрѣчается и у малокультурныхъ народностей. Источникомъ его, повидимому, слѣдуетъ признать культъ предковъ, играющій столь видную роль въ жизни родовыхъ организацій. Женщина-чужеродка только тогда могла сдѣлаться полноправнымъ членомъ семьи или родовой группы, если она была такъ или иначе пріобщена къ родовому культу. Отсюда возникновеніе цѣлаго ряда обрядовъ, въ которыхъ символически выражается пріобщеніе женщины къ семейному очагу. Съ усиленіемъ взаимной безопасности между группами, съ развитіемъ религіозныхъ воззрѣній, бракъ все больше пріобрѣтаетъ характеръ священнаго обряда. Нѣкогда фактическія дѣйствія переходятъ въ символы; представленіе о прочности брака приводитъ къ возникновенію новыхъ символовъ, имѣющихъ преимущественно въ виду оттѣнить въ обрядѣ власть мужа надъ женой, ихъ личное или хозяйственное общеніе и т. д. Этимъ путемъ развивается

сложный свадебный ритуалъ, точное исполненіе котораго ведетъ къ юридическимъ послѣдствіямъ брака. Не слѣдуетъ думать, что этотъ видъ обрядоваго брака, который извѣстенъ преимущественно у болѣе культурныхъ народовъ, зародился только у нихъ. Напротивъ того, онъ существуетъ въ болѣе или менѣе развитомъ видѣ и у племенъ сравнительно некультурныхъ. Относящіеся сюда обряды могутъ быть подведены подъ три группы: 1) обряды, знаменующіе единеніе супруговъ, 2) пріобщающіе молодую къ группѣ мужа и 3) обряды, указывающіе на юридическія отношенія между супругами. Чѣмъ выше общее религіозное развитіе народности, тѣмъ, естественно, роль религіознаго элемента въ бракѣ значительнѣе. На Фиджи, напримѣръ, религіозный ритуалъ встрѣчается уже въ весьма развитомъ видѣ. «Жрецъ садится на стулъ; по одну сторону его становится женихъ, по другую—невѣста. Жрецъ призываетъ благословеніе духовъ на новобрачную, подводитъ затѣмъ послѣднюю къ жениху, соединяетъ ихъ руки и совѣтуетъ имъ жить въ любви, взаимной вѣрности и послушаніи и умереть вмѣстѣ». Такая форма брака могла очевидно развиться только послѣ замиренія отдѣльныхъ группъ; жрецъ ставитъ новобрачную - чужеродку подъ покровительство духовъ племени и группы мужа, а необезпеченное положеніе женщины на низшихъ ступеняхъ культуры дѣлаетъ естественнымъ торжественные совѣты жреца о мирѣ и согласіи между супругами. Религіозный характеръ брака налагаетъ на мужа извѣстныя обязательства. Понятно, что описанный брачный обрядъ имѣетъ мѣсто только среди высшихъ классовъ населенія Фиджи, болѣе развитыхъ и вслѣдствіе этого стремящихся въ большей степени обезпечить дальнѣйшую судьбу новобрачной, гарантировать ее отъ злоупотребленій властью мужа. Низшіе слои населенія Фиджи довольствуются при заключеніи браковъ приглашеніемъ жреца, который читаетъ только молитвы о будущемъ благополучіи молодыхъ супруговъ. Стремленіе оградить женщину въ предѣлахъ родни мужа приводитъ къ возникновенію требованій отъ мужа взять на себя извѣстныя обязательства, а легкость нравовъ женщинъ вызываетъ аналогичныя требованія и отъ женщины. На Таити, напримѣръ, послѣ совершенія разныхъ обрядовъ молодые отправляются въ храмъ, гдѣ жрецъ обращается сначала къ мужу съ вопросомъ: «не покинешь ли ты свою жену?», на что онъ получаетъ отрицательный отвѣтъ. Получивъ такой же отрицательный отвѣтъ отъ жены на подобный вопросъ, жрецъ приступаетъ къ молитвамъ, говоря: «вы будете счастливы, если станете поступать такъ» (Вестермаркъ).

Только этимъ путемъ можно объяснить многіе обряды у цѣлой массы какъ культурныхъ, такъ и некультурныхъ народностей, символически указывающіе на тѣсную связь между супругами. Совмѣстная трапеза, покрываніе молодыхъ и пр. имѣютъ цѣлью опредѣленными обрядами, совершаемыми обыкновенно въ связи съ религіозными дѣйствіями, запечатлѣть единеніе личное и хозяйственное новобрачныхъ, обезпечить имъ мирное существованіе, оградить обоихъ супруговъ отъ поспѣшнаго расторженія брака, однимъ словомъ, регулировать брачныя отношенія и этимъ путемъ избѣжать столкновеній между группами мужа и жены. На низшихъ ступеняхъ культуры, гдѣ религія и право тѣсно связаны другъ съ другомъ, гдѣ право освящается религіей, а религія является часто источникомъ правовой нормы, естественно, что религія беретъ на себя роль фактора, ограждающаго путемъ религіозныхъ символовъ миръ какъ домашняго очага, такъ и самихъ группъ. Такъ, напримѣръ, «на островахъ Кингсмиль жрецъ при совершеніи брачной церемоніи, соединяетъ лбы брачущихся, поливаетъ ихъ головы кокосовымъ масломъ, и окропляетъ при помощи вѣтви ихъ лица водой». Въ Самоа жрецъ даетъ новобрачущимся пить изъ одного и того же кокосоваго орѣха, въ которомъ имъ продѣлано отверстіе.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Новой Гвинеи женихъ съѣдаетъ одну половину печенаго банана, невѣста другую. Совмѣстное ѣденіе извѣстнаго обрядоваго кушанья составляетъ главный актъ брачной церемоніи и на малайскомъ архипелагѣ; то же наблюдается у говасовъ Мадагаскара, у индусовъ, древнихъ грековъ и въ confarreatio древняго Рима.

У современныхъ грековъ и албанцевъ женихъ съ невѣстой дѣлятъ между собой кусокъ хлѣба съ медомъ. Въ Тюрингіи женихъ съ невѣстой передъ отправленіемъ въ церковь иногда ѣдятъ совмѣстно (обыкновенно куриный супъ) съ одной тарелки и одной ложкой. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи, когда невѣста передъ свадьбою ходитъ по деревнѣ, приглашая къ себѣ на свадьбу, въ каждомъ домѣ ей даютъ по куску хлѣба. Утромъ передъ вѣнчаніемъ этотъ хлѣбъ (Geücksbrot) крошатъ въ супъ и женихъ съ невѣстой съѣдаютъ его совмѣстно. Аналогичные обряды встрѣчаются въ изобиліи среди южныхъ славянъ, крестьянскаго и инородческаго населенія Россіи. Символическое единеніе брачущихся сказывается и въ совмѣстномъ сидѣніи на одной шкурѣ, на одномъ стулѣ, въ соединеніи рукъ, въ обмѣнѣ колецъ и пр. Таковъ, напримѣръ, обрядъ соединенія рукъ молодыхъ на Маллакѣ. У древнихъ римлянъ женихъ съ невѣстой садились на шкуру принесенной въ жертву овцы. У кхасіевъ брачущіеся садятся на

одинъ стулъ, у веддовъ Цейлона новобрачная опоясываетъ мужа нитью, которую она сама ссучила; индусы соединяютъ руки брачущихся травой, у гондовъ свадебный обрядъ требуетъ обмѣна колецъ между молодыми, совмѣстной пляски, совмѣстнаго одѣванья и пр. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ эта же мысль тѣснаго единенія между молодыми выражается въ томъ, что они слегка обмазываютъ другъ друга своей кровью — обрядъ, который мѣстами замѣнился помазываньемъ мужемъ лба жены сурикомъ. Эту же мысль единенія очевидно выражаютъ и обряды, намекающіе на будущія отношенія между брачущимися.

Наглядность религіозныхъ обрядовъ, оттѣняющихъ взаимное единеніе супруговъ, объясняется неразвитой мыслью дикаря. Съѣдая вмѣстѣ трапезу, обмѣниваясь кровью, связывая свои руки, усаживаясь вмѣстѣ на стулъ, шкуру или циновку и т. д., дикарь яснѣе сознаетъ свое дѣйствительное единеніе съ женой. Съ развитіемъ племени эти обряды, утратившіе свое первоначальное значеніе, продолжаютъ, тѣмъ не менѣе, стойко сохраняться, такъ какъ они освящены религіей, а культъ вообще мѣняетъ свою внѣшнюю форму лишь крайне медленно. Войдя, такимъ образомъ, въ сознаніе народности, какъ необходимое условіе для того, чтобы бракъ былъ дѣйствителенъ, они сохраняются, какъ наслѣдіе старины, въ качествѣ факта переживанія и послѣ паденія первоначальныхъ религіозныхъ вѣрованій, и по измѣненіи самихъ условій жизни, бороться противъ которыхъ они имѣли цѣлью.

Съ дѣйствіями, стремящимися сдѣлать брачныя узы болѣе устойчивыми, не слѣдуетъ смѣшивать тѣхъ обрядовъ свадебнаго ритуала, которые имѣютъ въ виду пріобщить женщину къ очагу, къ культу группы мужа или по крайней мѣрѣ умилостивить души предковъ. Они составляютъ второй отдѣлъ свадебныхъ обрядовъ. Духи предковъ, ревниво относясь къ благополучію только своихъ потомковъ, не могутъ благосклонно относиться къ введенію чуждаго элемента въ группу. Нужно ихъ умилостивить жертвой, испросить ихъ разрѣшенія на допущеніе къ очагу чужеродки; иначе они будутъ ее преслѣдовать, и отъ этого возникнетъ несчастье для группы. Отсюда множество обрядовъ, имѣющихъ цѣлью гарантировать женщинѣ благословеніе предковъ мужа и этимъ воспрепятствовать ихъ мести; они могутъ быть раздѣлены на два разряда: 1) умилостивленіе душъ предковъ за вводъ чужеродки въ группу и 2) пріобщеніе чужеродки къ очагу. Не всегда, впрочемъ, возможно провести рѣзкую грань между первыми и вторыми обрядами. Часто обѣ цѣли, преслѣдуемыя ими, сливаются; часто сохранившіеся до послѣдняго времени лишь

въ качествѣ переживанія обряды не даютъ достаточнаго количества подробностей, чтобы судить, какая цѣль имѣлась въ виду въ моментъ ихъ возникновенія. Изслѣдователи нерѣдко увлекаясь значеніемъ родового культа, относили обряды, имѣвшіе цѣлью лишь умилостивить предковъ, къ числу такихъ, которые пріобщали женщину къ семейно-родовому культу.

Такъ, напримѣръ, когда патагонецъ, возвращаясь съ женой къ своему шалашу, приноситъ жертву духамъ, онъ, очевидно, лишь умилостивляетъ этихъ послѣднихъ. Въ свадебной церемоніи даяковъ, когда «наиболѣе пожилые мужчины приносятъ въ жертву свинью и птицу, обмазываютъ кровью руки новобрачныхъ» и молятся мужскимъ и женскимъ духамъ, нельзя подмѣтить ясно выраженнаго пріобщенія молодой къ родовому культу: старѣйшіе представители группы молятся лишь о покровительствѣ своимъ предкамъ, приносятъ имъ жертву и, чтобы показать духамъ, что въ жертвоприношеніи участвуютъ и молодые, обмазываютъ ихъ руки кровью. Свадебные пиры обязаны своимъ происхожденіемъ и развитіемъ этимъ умилостивительнымъ жертвамъ, пожалуй, въ не меньшей степени, чѣмъ первоначальнымъ пиршествамъ, возникшимъ естественно на почвѣ примиренія двухъ группъ, когда похититель или его группа старались умилостивить группу похищенной женщины пиромъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ пріобщеніе къ культу группы мужа сказывается вполнѣ рельефно. Въ обрядахъ сохраняются дѣйствія, знаменующія собой освобожденіе новобрачной отъ духовъ покровителей своей группы и вступленіе ея въ составъ группы мужа. Она становится членомъ его рода, и, какъ таковая, становится подъ покровительство его предковъ. Она получаетъ право быть хозяйкой, считается родственницей умершихъ предковъ мужа, однимъ словомъ, порвавъ окончательно съ своей религіозной группой, инкорпорируется въ группу мужа. Если, тѣмъ не менѣе, у того или иного племени замужняя женщина не имѣетъ права участвовать въ семейно-родовыхъ жертвоприношеніяхъ своего мужа, если къ этому культу иногда допускаются только дѣвушки, что даетъ основаніе появленію институту весталокъ (въ древнемъ Римѣ, въ Дагомеѣ и другихъ мѣстахъ), это объясняется тѣмъ, что родовая группа не увѣрена, достаточны ли были жертвоприношенія, чтобы заставить предковъ считать чужеродку вполнѣ за члена рода. Здѣсь же сказывается, быть можетъ, и невольное сознаніе живыхъ членовъ союза, что чужая женщина все же является чужой по крови и, слѣдовательно, не можетъ быть вполнѣ посвящена въ родовой культъ.

Наиболѣе рельефные обряды, относящіеся къ категоріи инкорпорированія женщины въ родъ мужа, существовали у грековъ и римлянъ; значеніе ихъ впервые было указано Фюстель-де Куланжемъ.

Греческій свадебный ритуалъ состоялъ изъ трехъ актовъ. «Первый происходилъ передъ очагомъ отца невѣсты, третій у очага мужа, а второй состоялъ въ переходѣ отъ одного очага къ другому». «Въ родительскомъ домѣ, пишетъ Фюстель-де Куланжъ, отецъ, окруженный обыкновенно всей семьею, приносилъ жертву. Окончивъ жертвоприношеніе, онъ провозглашалъ торжественную клятву, что онъ даетъ свою дочь въ жены такому-то». Провозглашеніе производилось посредствомъ опредѣленной формулы. Этимъ дѣвушка освобождалась отъ родительскаго очага; для того, чтобы вступить въ новую религію, она должна была быть свободною отъ всякой связи со своею прежней религіей. Затѣмъ слѣдовалъ торжественный переходъ въ домъ жениха, сопровождаемый многими обрядами и обставленный формальностями. Въ домѣ жениха невѣсту подводили къ очагу, кропили очистительной водой, и она должна была прикоснуться къ домашнему огню. Она пріобщалась, такимъ образомъ, къ новому культу. Затѣмъ слѣдовало совмѣстное вкушеніе пищи. Почти совершенно то же имѣло мѣсто при бракѣ римлянъ въ той формѣ, которая была освящена религіей—именно при confarreatio. Первый актъ—traditio заключался въ торжественной передачѣ невѣсты отцомъ ея будущему мужу; затѣмъ слѣдовало deductio in domum, обставленное, какъ и въ Греціи, многими формальностями и, наконецъ, обрядъ заключалъ confarreatio, причемъ ему предшествовало торжественное жертвоприношеніе, посредствомъ котораго женщина становилась участницей въ семейномъ культѣ.

Аналогичные обряды существовали и въ древней Индіи. «Производство жертвоприношеній, какъ въ домѣ родителей невѣсты, такъ и въ домѣ мужа, пишетъ Ковалевскій, составляетъ необходимое условіе всякой закономъ дозволенной брачной формы. До прихода жениха въ домъ невѣсты зажигается большой костеръ при самомъ входѣ въ жилище, и на немъ приносятся жертвы. Первымъ дѣломъ вошедшей подъ кровъ мужа жены также составляетъ жертвоприношеніе, очевидно, на очагѣ жениховыхъ предковъ, который трижды обходится невѣстой. . . Средній по времени свадебный актъ составляетъ близкое къ греческому; оно подобно римскому domum deductio». Въ Германіи троекратное обхожденіе очага молодою лишь недавно сравнительно вышло изъ практики; это обусловливалось преимущественно тѣмъ, что ранѣе свободно стоящій очагъ посреди жилого помѣщенія въ домѣ нѣмецкаго крестьянина былъ сначала отодвинутъ къ стѣнѣ, а затѣмъ перенесенъ въ узкое

отдѣльное помѣщеніе — кухню. Но еще до послѣднихъ десятилѣтій XIX-го в. новобрачную водила вокругъ очага свекровь или же ее на рукахъ обносилъ вокругъ него мужъ. Въ Хорватіи молодую троекратно обводитъ вокругъ горящаго очага деверь, причемъ молодая каждый разъ наклоняется надъ огнемъ. Подобные же обряды встрѣчаются въ значительномъ количествѣ какъ у другихъ народовъ индо-европейской семьи, такъ и среди племенъ, чуждыхъ имъ по языку и происхожденію, у которыхъ культъ предковъ и домашняго очага получилъ развитіе.

Наконецъ, третья категорія свадебныхъ обрядовъ, связаны ли они съ религіозными дѣйствіями или нѣтъ, имѣетъ цѣлью оттѣнить юридическія отношенія между супругами. Иногда эти обряды имѣютъ по внѣшности сходство съ вышеописанными, но, по внутреннему своему смыслу, они далеко расходятся съ ними. Они имѣютъ цѣлью символически указать на подчиненность жены мужу. Разнообразные варіанты ихъ не трудно найти среди различныхъ народностей. Такъ, напримѣръ, у австралійской народности нарриньери женщина изъявляетъ согласіе на бракъ тѣмъ, что несетъ огонь въ шалашъ будущаго мужа и зажигаетъ очагъ. Здѣсь не можетъ быть рѣчи о пріобщеніи къ очагу мужа, такъ какъ у нарриньери нѣтъ родовой религіи въ развитой формѣ, которая оправдала бы подобное предположеніе. Очевидно, указаннымъ символическимъ дѣйствіемъ женщина показываетъ свою готовность служить будущему супругу. У туземцевъ въ Лоанго молодая угощаетъ мужа двумя блюдами собственнаго изготовленія, а въ Дагомеѣ она подноситъ будущему мужу напитокъ. Въ этихъ дѣйствіяхъ лишь сказывается подчиненіе будущей жены мужу. Обычай, встрѣчающійся въ Хорватіи, согласно которому молодой ударяетъ новобрачную по лицу, распространенный среди русскаго крестьянства обрядъ разуванія молодого, нѣкогда извѣстный и въ древнерусскомъ княжескомъ быту и пр.—все это символическія дѣйствія, опредѣляющія власть мужа надъ личностью жены.

Существуютъ и такіе свадебные обряды, которые рисуютъ будущія отношенія группы мужа къ новобрачной, положеніе ея личности среди чужихъ ей по происхожденію лицъ, хозяйственное значеніе молодой въ новой группѣ и проч. Вообще, въ свадебномъ ритуалѣ особенно достигшихъ уже извѣстной высоты культурнаго роста народностей соединяются различные элементы, вслѣдствіе чего детальное изученіе его даетъ возможность открыть иногда цѣлую исторію общественнаго и религіознаго развитія племени. Въ одномъ и томъ же ритуалѣ соединены и переплетены иногда похищеніе и купля невѣсты, нормы семейной родовой религіи, суевѣрныя представленія,

[illegible] прежнихъ вѣрованій въ силы природы, коренящихся иногда [illegible] тотемическ. юридическія отношенія мужа и жены, [illegible] и мужа въ новобрачной, правила относящіяся къ агна- [illegible] въ космической организаціи до первобытной стадіи [illegible] и т. д. Однимъ словомъ, свадебный [illegible] драгоцѣннымъ хранилищемъ старины, фак- [illegible] и, какъ таковой, представляетъ для этнографіи [illegible] богатый источникъ для изученія архаичныхъ формъ [illegible] послѣдовательномъ порядкѣ.

[illegible] имущественныхъ отношеніяхъ между супругами при раз- [illegible] брака будетъ сказано въ отдѣлѣ о развитіи соб- [illegible] частности собственности женщинъ. Что же касается [illegible], то было уже неоднократно указано, что осво- [illegible] женщины отъ власти мужа или отъ своей или муж- [illegible] появляется лишь на болѣе высокихъ ступеняхъ культуры [illegible] личной собственности женщины. До этого, какова бы [illegible] заключенія брака, будетъ ли онъ или не будетъ освя- [illegible] обрядомъ, входитъ ли или нѣтъ жена въ составъ [illegible] мужа, ея положеніе является одинаково лично без- [illegible] рабочая сила, и разница для нея заключается лишь [illegible] имѣетъ власть надъ нею: мужъ, его агнаты или ея [illegible] родственники. Заслугой новѣйшихъ изслѣдованій является [illegible] разсѣяніе химеры о нѣкогда свободномъ положеніи жен-

[illegible] различныхъ свадебныхъ обрядахъ матеріалъ, [illegible] въ распоряженіе этнографія Россія, остался [illegible] неразработанымъ. Между тѣмъ, хотя собранный иногда и [illegible], онъ чрезвычайно обширенъ и богатъ подроб- [illegible] освѣщаетъ многія стороны давно прошедшаго быта рус- [illegible] и позволяетъ дополнить и освѣтить нѣкоторые вы- [illegible] основанные на изученіи другихъ племенъ и народно- [illegible] Всѣ перечисленные способы пріобрѣтенія себѣ женъ: похище- [illegible], покупкой, подарками, службой можно прослѣдить среди боль- [illegible] народностей Россіи, причемъ мѣстами, напримѣръ, по- [illegible] или выслуга ея своимъ трудомъ, даже похищеніе частью [illegible] свою жизненность, частью вышли изъ употребленія срав- [illegible]. Сохранилось также множество обрядовъ, символи- [illegible] свидѣтельствующихъ о возникновеніи той или другой нормы [illegible] новаго хозяйства. Относительно отставшихъ въ куль- [illegible] ростѣ лопарей есть свѣдѣнія, что въ прежнее время браки

заключались у нихъ «при посредствѣ огня, высѣкая огонь желѣзомъ изъ кремня». Очевидно, это — символическое устройство новаго очага. До настоящаго времени у нихъ же въ свадебныхъ обрядахъ соблюдается мѣстами символическое сидѣніе жениха и невѣсты подъ однимъ платкомъ, совмѣстное питье водки и кормленіе невѣсты женихомъ; эти обряды признаются рѣшительными въ свадебномъ ритуалѣ, по совершеніи которыхъ бракъ считается заключеннымъ. Среди вотяковъ, напримѣръ, еще въ концѣ XVIII-го в., практиковалось похищеніе. «Подговариваютъ они (парни), пишетъ Миллеръ въ своемъ «Описаніи живущихъ въ Казанской губерніи язычниковъ инородцевъ», нѣсколько человѣкъ изъ своихъ пріятелей и въ тотъ домъ, гдѣ живетъ невѣста, врываются силою и дѣвку уводятъ; причемъ вотяки для большей безопасности и дабы полученная добыча тѣмъ была надежнѣе, тотчасъ по дорогѣ при нѣкоторыхъ свидѣтеляхъ» вступаютъ въ связь съ увезенной. Въ настоящее время еще, по словамъ Островскаго, встрѣчаются случаи насильственнаго увоза дѣвушекъ; похищенная запирается въ клѣть и, «если похищеніе совершилось безъ предварительнаго соглашенія, она отказывается отъ пищи. Отецъ похитителя вмѣстѣ съ сыномъ въ это время совершаетъ моленіе при домашнемъ очагѣ до тѣхъ поръ, пока дѣвушка, вынужденная голодомъ, не начнетъ ѣсть. Принятіе дѣвушкой пищи есть знакъ согласія ея сдѣлаться женою похитителя». У киргизовъ во многихъ мѣстахъ свадебный ритуалъ требуетъ, чтобы женихъ и невѣста выпили совмѣстно чашу воды, причемъ непремѣнно прикасались губами къ одному и тому же мѣсту; это, по объясненію киргизовъ, символизируетъ ихъ единеніе.

Воспоминаніе о практиковавшемся нѣкогда жертвоприношеніи новобрачной передъ семейнымъ очагомъ сохранилось въ слѣдующихъ обрядахъ киргизской свадьбы. Черезъ нѣсколько дней послѣ привоза молодой въ кибитку мужа устраивается пиръ, на который издалека съѣзжаются гости; пріѣхавшіе приносятъ поздравленія, причемъ дѣвушки сопровождаютъ ихъ принесеніемъ пищи. За это онѣ получаютъ подарки, которые дѣлаются и другимъ гостямъ. Очевидно это пережитокъ родового пиршества, когда на общій праздникъ собирался родъ жениха. Вечеромъ молодая вытапливаетъ курдючное сало, мажетъ имъ себѣ мѣстами лицо, и приноситъ поклонъ и выраженія почтенія свекру и свекрови. Затѣмъ она бросаетъ сало въ огонь, «въ поминовеніе умершихъ», какъ объясняютъ этотъ обычай сами киргизы. Въ это время старики приговариваютъ: «будьте единодушны, какъ сало». Что въ этомъ обрядѣ дѣйствительно выра-

жается воспоминаніе о бывшемъ нѣкогда жертвоприношеніи предкамъ и даже повидимому пріобщенія молодой къ семейному очагу доказывается слѣдующимъ: если молодые живутъ вмѣстѣ съ родителями, сноха при жизни свекрови не можетъ находиться въ имѣющемъ священное значеніе почетномъ углу—*тур* или проходить по нему; но по смерти свекрови, когда требуется новая представительница передъ душами предковъ, сноха бросаетъ въ огонь сало, т. е. приноситъ жертву очагу и послѣ этого получаетъ право находиться въ священномъ мѣстѣ.

Когда вотякъ женитъ своего сына, онъ приноситъ жертву духу покровителю семьи и въ такихъ словахъ молится за свою сноху: «Воршудъ, принимай ее къ себѣ, дай ей счастье, жизнь во всемъ довольствѣ; съ дѣтьми и скотиной прими ее нововведенную.... Пусть согласно живетъ со всей семьей, чтобы гостепріимна, добра была, чтобы одинъ кусокъ ѣла вдвоемъ». Молодая же обязана послѣ свадьбы ѣхать къ своимъ родителямъ; здѣсь она приноситъ глухаря въ жертву духу покровителю своей бывшей семьи; этимъ она благодаритъ его и прощается съ нимъ.

Живыя воспоминанія о культѣ домашняго очага сохранились и на Кавказѣ. Какъ и въ Германіи, въ древнемъ Римѣ и Греціи, осетинка совершаетъ во время свадебнаго ритуала символическое отрѣшеніе отъ домашняго очага и присоединеніе къ очагу группы мужа. «При оставленіи родительскаго жилища, пишетъ М. М. Ковалевскій, невѣста, обошедши три раза очагъ, слегка отталкиваетъ рукою спускающуюся надъ нимъ цѣпь. Это выражаетъ разрывъ ея съ культомъ своихъ отцовъ, культомъ, всѣ проявленія котораго неразрывно связаны съ фамильною цѣпью. Входя впервые въ домъ мужа, . . . невѣста снова продѣлываетъ тотъ же обрядъ тройного обхожденія очага и, подошедши къ цѣпи, на этотъ разъ прикладываетъ къ ней свою руку, какъ бы ухватываясь за нее». Аналогичный обрядъ существуетъ у курдовъ.

Подобныхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о переживаніяхъ глубокой старины, можно привести множество изъ свадебныхъ ритуаловъ какъ русскихъ инородцевъ, такъ и русскихъ крестьянъ, которые, несмотря на давнишнее вліяніе христіанства, практикуютъ мѣстами еще совершенно языческіе обряды при свадьбѣ. Уже тотъ фактъ, что во многихъ мѣстностяхъ среди великоруссовъ юридическая сила свадьбы лежитъ не въ вѣнчаніи, а въ исполненіи извѣстныхъ обрядовъ, что сожительство жениха съ невѣстой допускается послѣ совершенія этихъ обрядовъ, причемъ вѣнчаніе откладывается иногда на весьма продолжительный срокъ, а дѣти, рожденные или зачатые въ періодъ

между свадьбой и вѣнчаніемъ, считаются вполнѣ законными, служитъ доказательствомъ, что обрядовая, возникшая въ сѣдой древности сторона до настоящаго времени имѣетъ въ глазахъ крестьянъ больше значенія, чѣмъ освященіе брака церковью. Въ заключеніе слѣдуетъ имѣть еще въ виду, что въ бытѣ русскихъ инородцевъ встрѣчаешься съ различными культурными стадіями, иногда отстоящими другъ отъ друга весьма значительно. Параллельное изученіе ихъ свадебныхъ обрядовъ, въ особенности въ мѣстностяхъ, гдѣ нивеллирующее значеніе города и школы еще не успѣло сдѣлать большихъ успѣховъ, даетъ возможность детально прослѣдить исторію брака на разныхъ ступеняхъ культуры, отмѣтить преемственность основныхъ формъ и изучить мѣстныя видоизмѣненія, вызываемыя спеціальными чертами быта каждой данной народности. Въ этомъ также отношеніи изслѣдователь въ правѣ ожидать результатовъ не менѣе богатыхъ, чѣмъ отъ изученія другихъ сторонъ быта многочисленныхъ и разнообразныхъ народностей Россіи.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Указатель источниковъ.

Крашенинниковъ.—Описаніе земли Камчатки. С.-П.-Б., 1786.
Dulaure.—Les divinités génératrices ou du culte de Phaeus chez les Anciens et les Modernes. 1 ed. 1805, 2 èd. Paris. 1885.
Веніаминовъ И.—Записка объ островахъ Уналашкинскаго Отдѣла. С.-П.-Б. 1840.
Этнографическій Сборникъ.—В. IV. С.-П.Б., 1854.
Waitz u. Gerland.—Anthropologie der Naturvölker. Leipzig, 1859—64; 1867—71. Т. I, вып. I, пер. по русски А. Федченко.
Bachofen.—Das Mutterrecht, Stuttg. 1861. 2 Aufl. Basel, Schwabe, 1898.
Стоглавъ. С.-П.Б.—Изд. Кожанчикова, 1863.
Mac Lennan.—Primitive Mariage. 1865. Съ добавл. Studies in Ancient History. 1876.
Афанасьевъ, А. Н.—Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу. 3 т. М. Изд. Солдатенкова. 1865, 68, 69.
Ефименко, П. Е.—Народные юридическіе обычаи Архангельской губерніи. Тр. Арх. Губ. Стат. Ком. за 1867 и 68 г.г. В. 3. Архангельскъ. 1869.
Fritsch.—Die Eingeborenen Süd-Afrikas. Breslau, Hirt, 1872.
Афанасьевъ, А. Н.—Народныя русскія сказки. 4 т. М. Изд. Солдатенкова, 1873.
Ефименко, А. Я.—Артели въ Архангельской губ. Сборн. мат. объ артеляхъ въ Россіи. В. 2. С.-П.Б., 1874.
Zehme.—Arabien u. die Araber seit hundert Jahren. Halle, 1875.
Якушкинъ, Е. И.—Обычное право. В. I. Яросл., 1875. В. II. Яросл., 1896.
Giraud-Teulon.—Les origines du mariage et de la famille. Genève, Paris. 1874 (русск. пер.: Жиро-Тёлонъ, Происхожденіе семьи. С.-П.Б., 1876).
Миллеръ, Вс. Ѳ.—Очерки арійской миѳологіи. М., 1876.
Самоквасовъ, Д. Я.—Сборникъ обычнаго права сибирскихъ инородцевъ. 1876.
Морганъ, Л.—Первобытное общество. Изслѣдованіе прогресса человѣчества изъ дикаго состоянія къ варварству и отъ варварства къ цивилизаціи. Пер. Румянцева, подъ ред. Кудрявскаго, съ пред. М. Ковалевскаго. С.-П.Б., Изд. Пантелѣева. 1900. (Morgan, Ancient Society or Researches in the Lines of human Progress from Savagery through Barbarism to Civilisation. N.-York. London. 1877.

Пахманъ, С. В.—Обычное гражданское право Россіи. 1877 и 79 г.г.

Spencer. — Principes de Sociologie T. I et II. Paris, 1878 et 79 (Spencer, H. The principles of Sociology).

Самоквасовъ, Д. Я.—Семейная община въ Курскомъ уѣздѣ. Зап. И. Р. Г О. по Отд. Этн., т. VIII, подъ ред. П. А. Матвѣева. С.-П Б., 1878.

Страбонъ.—Географія. Пер. Мищенко. М., Изд. Солдатенкова, 1879.

Nachtigal.—Sahara und Sudan. 2 Th. Berlin, 1879—1881.

Schrenk.—Reisen u. Forschungen im Amur-Lande. S Pt. 1881, 1891, 1892, 1895.

Эспинасъ.—Соціальная жизнь животныхъ. Пер. Павленкова. С.-П Б., 1882. (Espinas, Sociétés animales).

Dargun.—Mutterrecht u. Raubehe u. ihre Reste im germanischen Recht u. Leben (Unters. z. Deutsch Staats—u. Rechtsgeschte. her. v. Gierke) Breslau, 1883.

Леонтовичъ, Ѳ. И.—Адаты Кавказскихъ горцевъ.—Матеріалы по обычному праву сѣвернаго и восточнаго Кавказа. 2 т. Одесса. 1883.

Харузинъ, М. Н.—Очерки юридическаго быта народностей Сарапульскаго уѣзда Вятской губерніи. Юр. В. 1883. Т. I.

Мэнъ.—Древній законъ и обычай. М., 1884. (Maine, Early Law a. Custom 1883).

Turner.—Samoa a hundred years ago and long before. London, 1884.

Ефименко, А. Я—Изслѣдованія народной жизни. В. I. Обычное право. М., 1884.

Геродотъ.—Пер. Мищенко. М. Изд. Кузнецова. 1885.

Ratzel.—Völkerkunde. B. I и II. Leipzig, 1885—86.

Krauss.—Sitte u. Brauch bei den Südslawen. Wien, Hölder. 1885.

Харузинъ, М. Н.—Казацкія общины на Дону. М., 1885.

Майновъ, В. — Очеркъ юридическаго быта Мордвы. Зап. И. Р. Г. О. по Отд. Этн. Т. XIV, в. 1. С.-П.Б., 1885.

Боевъ, Б. Н.—Къ брачному праву болгаръ. Сбор. Мат. по Этн., изд. при Дашк. Этн. Музеѣ. В. I. М., 1885.

Kohler.—Das Recht der Chins. Zeitschr. für vergleichende Rechtswiss. 1885. B. VI.

Ефимовъ, В. В.—Очерки изъ исторіи древне-римскаго родства. С.-П.Б., 1885.

Lang.—Mythology Encyclop. Britannica. v. XVII. Отд. изд. Франц. пер. Parmentier: Lang. La Mythologie. P. 1886. Русск. пер.: Лангъ, Миѳологія, М. Изд. «Кн. Дѣло», 1901.

Ковалевскій, М. М.—Первобытное право. В. I.—Родъ. В. II.—Семья. М., 1886.

Ковалевскій, М. М.—Современный обычай и древній законъ. 2 т, М., 1886.

Гондатти, Н. Л.—Культъ медвѣдя у западно-сибирскихъ инородцевъ. Тр. Этн. Отд. И. О. Л. Ест., Антр. и Этн. Т. VIII (Изв. И. О. Л. Е. А. и Э. т. XLVIII, вып. 2). М., 1887.

Post.—Afrikanische Jurisprudenz. Ethnolog. - juristische Beiträge zur Kenntniss der einheimischen Rechte Afrikas. Oldenb. u. Lpz. 1887.

Frazer.—Totemism. Edinburg, Black, 1887; фр. перев. Dirr—a u v. Gennep—a: Frazer, Le Totémisme. Etude d'Ethnographie comparée. Paris. Schleicher, 1898.

Чернышевъ, Н.—Опытъ истолкованія обычая «понедилкуванья». Кіевск. Стар. 1887. Т. XVII.

Kohler.—Ueber das Recht der Australneger. Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft. 1887. B. VII.

Kohler.—Ueber das Recht der Papuas auf Neu Guinea. Zeitsch. f. vergl. Rechtsw. 1887. B. VII.

Харузинъ, Н. Н. — Замѣтки о юридическомъ бытѣ чеченцевъ и ингушей. Сб. мат. по этногр., изд. при Дашковск. Этн. Музеѣ, подъ ред. В. Ѳ. Миллеръ. В. III. М., 1888.

Letourneau.—L'évolution du mariage et de la famille. Paris. Delahaye et Lecrosnier. 1888.

Титовъ, А. А.—Юридическіе обычаи с. Никола-Перевозъ, Сулостской вол. Ростовскаго уѣзда (Ярославской губ.). Ярославль, 1888.

Starcke.—Die primitive Familie in ihrer Entstehung u. Entwickelung. Leipz. Brockhaus, 1888. Франц. изд. дополн. Starcke: La famille dans les différentes sociétés. Paris Giard et Brière, 1899. Русск. пер. съ франц. изд. Старке, К. Н. Первобытная семья, ея возникновеніе и развитіе. С.-П.-Б. Изд. Пантелѣева. 1901.

Богаевскій, П. М.—Очеркъ быта Сарапульскихъ вотяковъ. Сб. Мат. по Этн., изд. при Дашк. Этн. Музеѣ. В. III. М. 1888.

Hellwald.—Die menschliche Familie. Leipzig, Günther, 1889.

Hovelacque.—Les Nègres de l'Afrique sus-équa toriale. Paris, 1889.

Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи. В. I. подъ ред. Н. Харузина. М. 1889.

Харузинъ, А. Н.—Киргизы Букеевской орды. Т. I. М., 1889 г.

Kropf.—Das Volk der Xosa-Kaffern. Berlin, 1889.

Гродековъ, Н. И.—Киргизы и кара-киргизы Сыръ-Дарьинской области. Т. I. Юридическій бытъ. Ташкентъ, 1889.

Верещагинъ.—Вотяки Сарапульскаго уѣзда Вятской губ Зап. И. Р. Г. О. Отд. Этн. Т. XIV, в. 3. С.-П.Б., 1889.

Смирновъ, И. Н.—Черемисы. Историко-этнограф. очеркъ Изв. Об. Арх. Ист. и Этн. при И. Каз. Ун. Т VII. Казань, 1889.

Петри, Э. Ю.—Антропологія. Основы антропологіи. С.-П.-Б. 1890.

Frazer.—The Golden Bough. A study in comparative Religion. 2 v. Lond. Macmillan, 1890.

Ковалевскій М. М.—Законъ и обычай на Кавказѣ. 2 т. М., 1890 г.

Post.—Studien zur Entwickelungsgeschichte des Familienrechts. Ein Beitrag zu einer allgemeinen vergl. Rechtswissenschaft auf ethnolog. Basis. Oldenburg u. Lpz. 1890.

Харузинъ, Н. Н.—Русскіе Лопари. М. 1890.

В. Х.—На Сѣверѣ. М., 1890.

Богаевскій, П. М.—Очерки религіозныхъ представленій вотяковъ, Эт. Об. Кн. IV, V, VII. 1890, №№ 1, 2, 4.

Смирновъ, И. Н.—Вотяки. Истор.-этн. очеркъ. Изв. О. Арх. Ист. и Этн. при И. Каз. У. Т. VIII, в. 2. Каз. 1890.

Westermark.—The history of human marriage. London, 1891 (фр. пер. Westermark, Origine du mariage dans l'espèce humaine, tr. de l'anglais par H. de Varigny. Paris. Guillaumin, 1895; русск. пер. Семенова: Вестермаркъ, Исторія брака. М. Изд. Ефимова. 1896—сильно сокр.).

Schneider.—Die Religion der afrikanichen Naturvölker. Münster, 1891.

Охримовичъ, В.—Значеніе малорусскихъ свадебныхъ обрядовъ и пѣсенъ въ исторіи развитіи семьи. Этн. Обозр. 1891, № 4. 1892, № 4.

Патканов, С. К.—Стародавняя жизнь остяковъ и ихъ богатыри по былинамъ и сказаніямъ. Жив. Стар. 1891. В. III.

Смирновъ, И. Н.—Пермяки. Ист. этногр. очеркъ. Изв О. Арх. Ист. и Этн. при И. Каз. Ун. Казань, 1891.

Rehme.—Ueber das Recht der Amaxosa. Zeitschr. f. Vergl. Rechtsw. 1892. X.

Житецкій.—Очерки быта астраханскихъ калмыковъ. М. 1893.

Ивановскій, А. А.—Монголы—Торгоуты. Из. И. О. Л. Е. Ан. и Этн. Т. LXXI. Тр. Антр. Отд. Т. XIII. М., 1893.

Довнаръ-Запольскій, М. В.—Бѣлорусская свадьба въ культурно религіозныхъ пережиткахъ. Этн. Об. 1893. №№ 1—2, 4.

Штернбергъ, Л. Я.—Сахалинскіе Гиляки. Этн. Об. 1893, кн. 2.

Cunow.—Die Verwandschafts-Organisation der Australneger. Stuttg. Diez, 1894.

Letourneau.—L'évolution de la morale. Paris, Vigot, 1894.

Post.—Grundriss der Ethnologischen Jurisprudenz. 2 B. Oldenb. u Lpz. 1894 u. 1895.
Hartland.—The Legend of Perseus. London, 1894 et 95.
Мендіаровъ, Г.—О черемисахъ Уфимской губерніи. Этн. Об., кн. XXII. 1894. № 3.
Ellis:—Ioruba-speaking peoples. Lond. 1894.
Лёббокъ.—Начало цивилизаціи. С.-П.Б., Ледерле, 1895.
Фюстель де Куланжъ.—Древняя гражданская община. Изслѣдованіе о культѣ, правѣ, учрежденіяхъ Греціи и Рима. М., 1895. (Fustel de Coulanges, La cité antique).
Ковалевскій, М. М.—Очеркъ происхожденія и развитія семьи и собственности. Лекціи, чит. въ Стокгольмскомъ Унив. Пер. съ фр. Іолшина. С.-П.Б. Изд. Павленкова. 1895.
Loth.—Разборъ книги d'Arbois de Jubainville, Etudes sur le droit celtique T. I u. II. P. 1895—96 въ Revue de l'hist. des rel. 1896, № 3.
Смирновъ, И. Н.—Мордва. Ист. этн. очеркъ. Казань, 1895.
Mucke.—Horde u. Familie in ihrer urgeschichtlichen Entwickelung. Eine neue Theorie auf statistischer Grundlage. Stuttgart, 1895.
Позада.—Современное ученіе о происхожденіи семьи, общества и государства. С.-П.Б. 1897. (Posada, Théories modernes sur les origines de la famille, de la société et de l'état. Paris, Giard et Brière. 1896).
Hildebrand. — Recht u. Sitte auf den verschiedenen wirtschaftlichen Kulturstufen, T. I. Jena, Ficher, 1896
Grosse.—Die Formen der Familie u. die Formen d. Wirtschaft. Freib. u. Leipz. Mohr, 1896 (русск. пер.: Гроссе, Формы семьи и формы хозяйства. М. Изд. «Кн. Дѣло», 1898).
Кулишеръ, М. И.— Разводъ и положеніе женщины. С.-П.Б., 1896.
Lang.—Mythes, cultes et religion. Tr. par L. Marillier. Paris, Alcan, 1896.
Кроль, М. А.—Предварительный отчетъ о работахъ по изслѣдованіи Забайкальскихъ бурятъ. Изв. В. Сиб. Отд. И. Р. Г. О. Т. XXVI. №№ 4—5. 1896.
В. С. Е.—Якутскій родъ. Изв. В. Соб. Отд. И. Р. Г. О. Т. XXVI. № 4—5. 1896.
Кулаковъ.—Буряты Иркутской губерніи. Изв. В. Сиб. Отд. И. Р. Г. О. Т. XXVI, №№ 4—5. 1896.
Сѣрошевскій.—Якуты. С.-П.Б., 1896.
Knappert.—Le christianisme et le paganisme dans l'Histoire écclesiastique de Bède le Vénérable. Rev. de l'Hist. d. Rel. 1896. T. XXXIV, № 1—3.
Kusnezow, S. K.—Ueber den Glauben vom Jenseits u. d. Totenkultus d. Tchermissen. Int. Arch. f. Ethnogr. B. VI. 1896.
Овчинниковъ, М.—Изъ матеріаловъ по этнографіи якутовъ. Этн. Об. Кн. XXXVI. 1897. № 3.
Леонтовичъ, С.—Природа и населеніе бассейна р. Тумни (Приморская область). Землевѣдѣніе. 1897. №№ 3—4.
Löbel, Hochzeitsgebräuche in der Türkei. Amsterdam, 1897.
Patkanov, S. K.—Die Irtysch - ostjaken u. ihre Volkspoesie. I Th. Ethnographisch—statistisch. Uebersicht. S.Pt. 1897.
Oppert.—Reise nach Kulu im Himalaya. Globus. B. LXXI, 1897. № 1—2.
Meyer.—Deutsche Volkskunde. Strassb. Trübner, 1898.
Tillier.—Le mariage, sa genèse et son évolution. Paris, 1898
Durkheim.—La prohibition de l'inceste et ses origines. Année Sociologique, I (1896—97) Paris, Alcan. 1898.
Centralblatt f. Anthropologie, Ethnologie u. Urgeschichte. 1899. № 4. рец. на статьи: Ujfalvy: Mémoire sur les Huns blancs (Ephthalites de l'Asie Centrale, Hanos de l'Inde) et sur la déformation de leurs crânes, помѣщ. въ L'Anthropologie, 1898 T. IX.
Кулаковъ, П. Е.—Ольхонъ. Хозяйство и бытъ бурятъ Еланцинскаго и Кутульскаго вѣдомствъ. З. И. Р. Г. О. Отд. стат. Т. VIII. в. I. С.-П.Б., 1898.

Энгельсъ, Фр.—Происхожденіе семьи, собственности и государства. Пер. съ нѣм. подъ ред. Іолшина. С.-П.Б., Изд. Павленкова. 1899. (Engels. Fr. Der Ursprung der Familie, des Privateingenthums u. des Staats. 4 Aufl. Stuttg. 1892).

Рѣдько, А.—Нечистая сила въ судьбахъ женщины-матери. Этн. Об. 1899, №№ 1—2 (Кн. XL—XLI).

Хангановъ.—Свадебные обряды унгинскихъ бурятъ. Этн. Об. 1898. № 1.

Якушкинъ, Е. И.—Обычное право русскихъ инородцевъ. М., 1899.

Ежегодникъ Тобольскаго Музея. V.

Евсевьевъ, М. Е. — Образцы мордовской народной словесности. I. Мокшанскія пѣсни Изв. Об. Арх. Ист. и Этн. при Каз. У. Т. XIII, вып. 6.

II.

Алфавитный указатель именъ и предметовъ.

абипоны: кувада—192.
Абиссинія: левиратъ—73; материнитетъ—136; полигамія—272 (см. также *богосы*).
абрекъ: положеніе а.—228.
авгилы: право первой ночи—90.
Августинъ, бл.: взглядъ на браки между родственниками—118; указаніе на материнитетъ у др. грековъ—155.
авсеи: безпорядочное сожительство—39.
австралійцы: сравнительная устойчивость брачныхъ союзовъ—11; 33; трудъ Кунова о системахъ родства у а.—29—31; различныя толкованія системъ родства у а.—29; 30; территоріальныя группы—30; 96; отсутствіе родственныхъ союзовъ и представленіе о родствѣ — 30; 33; классы по возрасту — 30; 31; отсутствіе представленій о кровномъ родствѣ въ классахъ по возрасту у а. — 31; номенклатура родства — 31; бытъ а. какъ примѣръ стадіи безпорядочнаго сожительства—32; извѣстность отца—32; 33; 97; отношеніе къ супружеской вѣрности—33; малые размѣры территоріальныхъ группъ—33; причисленіе ребенка къ территоріальной группѣ—33; религіозный гетеризмъ—50; положеніе женщины—57; 58; поліандрія—61; 62; институтъ пирауру—62; взглядъ на жену какъ на собственность какъ причина проституированія ея—66; 71; положеніе дѣтей—71; продажа дѣтей—77; взаимныя отношенія между группами территоріальными и тотемическими — 112—114; свобода внѣбрачныхъ союзовъ при экзогаміи—123; браки между родителями и дѣтьми — 32; 130; отцовскій родъ — 178; кровная месть—209; совмѣстное существованіе поли-и моногаміи — 272; бракъ похищеніемъ—277; бракъ куплей, мѣной—278; 283.
Австралія: отсутствіе опредѣленія родства—33; игнорированіе кровныхъ узъ при заключеніи брачныхъ союзовъ—41; гостепріимный гетеризмъ—87; антропофагія—125; материнскій счетъ родства—134; положеніе дѣтей при враждѣ тотемическихъ группъ—134; передача имени матерью дѣтямъ—163; наслѣдованіе власти вождя—164; кровная месть—164; признаніе отцовскаго родства препятствіемъ къ браку—178; материнитетъ при совмѣстной жизни отца и дѣтей—187; усыновленіе—212; полигамія—272; права на невѣсту товарищей похитителя—280 (см. также: *австралійцы, банкуи, ваимбо, гурндитшмара, діейри, Квинслэндъ, курнаи, мурриньъ, нарриньери, турра*).
агаеирсы: безпорядочное сожительство—39.

агнатическій родъ см. отцовскій родъ.
агнатическій счетъ родства см. отцовскій счетъ родства.
агнатическая семья: разница между а. с. и индивидуальными союзами въ первобытномъ обществѣ (Гроссе)— 25.
Адальберта св. житіе: свидѣтельство о безпорядочномъ сожительствѣ у др. чеховъ— 43—44.
Адамауа: право первой ночи—91.
Адамъ Бременскій: свидѣтельство о полигамія у шведовъ—271.
адатъ: собраніе Леонтовича—16; пріемъ чужеродцевъ по а. — 211; отношеніе а. къ воровству—229.
Адонисъ: празднества въ связи съ религіознымъ гетеризмомъ—53.
Азія: кувада—198; культъ предковъ—218; полигамія—272; бракъ посредствомъ службы въ домѣ невѣсты—278 (см. также: *алтайскіе тюрки, Андаманскіе о-ва, арабы, Аравія, Ассамъ, ассиріяне, аты, аэты, баттаки, бедуины, Бенгалія, Бирманъ, Бійскій окр., Борнео, буряты, Вавилонія, вавилоняне, ведды, вогулы, гаросы, гиляки, Гималаи, Гоа, гонды, далки, евреи, Енисейская губ., игорроты, Индія, Индостанъ, индусы, иранцы, Іудея, Калкутта, калмыки, Камбоджа, каракалпаки, карены, киргизы, Китай, китайцы, коряки, Кохинхина, кубу, курды, кхазіи, Лакоръ, Лети, лидійцы, ликійцы, лимбусы, макассары, Малабарскій бер., Малайскій арх., малайцы, Малакка, М. Азія, массагеты, Менангкабау, минкопи, Моа, моавитянки, монголы, монгольскія народности, наиры, Олекминскій округъ, орочоны, остяки, Персія, Пондишери, реддіи, самоѣды, сибирскіе татары, Сибирь, сингалезы, Сирія, сіамцы, Суматра, тамулы, татары, тибарены, Тибетъ, торгоуты, тунгузы, Филиппинскіе о-ва, Финикія, финикіяне, чукчи, Ява, якуты, Японія*).
албанцы: кровная месть—208; свадебный обрядъ—289.
Алеутскіе о-ва: поліандрія—65 (см. также: *алеуты, коняги*).
алеуты: нійога—75, гостепріимный гетеризмъ—87; взглядъ на вредъ отъ браковъ между родственниками—120 (см. также: *Алеутскіе о-ва*).
аллеманы: населеніе Граубиндена—49.
алтайскіе тюрки: переживаніе родового быта—247.
Аляска: нійога—75 (см. также: *кенаи, коняги*).
амаксосы: гостепріимный гетеризмъ—87; культъ предковъ—218.
амбиль-анакъ:—201.
Америка: безпорядочное сожительство—40; поліандрія—65; левиратъ—73; гостепріимный гетеризмъ—87; право первой ночи—91; материнскій счетъ родства—135, 136; передача имени матери дѣтямъ—163; наслѣдованіе власти вождя—164; А. какъ классическая страна материнскаго рода—165; вліяніе миссіонеровъ на переходъ къ отцовскому роду—187; кувада—191; 192; 195; 198; совмѣстное хозяйство агнатическихъ родичей—223; полигамія—272; бракъ посредствомъ службы родителямъ невѣсты—278; права на невѣсту товарищей похитителя—280 (см. также: *абипоны, Алеутскіе о-ва, алеуты, Аляска, Антильскіе о-ва, араукусы, арауканцы, ароваки, бакаиры, ботокуды, Бразилія, бразильцы, вейандоты, Виргинія, гоахиры, Гренландія, гуараны, Гуйяна, гуроны, дакоты, делавары, инки, ирокезы, Калифорнія, карибы, кароки, Каролина, кайяны, кенаи, колоши, коняги, краснокожіе, Куба, макузи, Мексика, мускогисы, натчезы, Никарагуа, огнеземельцы, Огненная Земля, оджибвеи, омагасы, Орегонъ, оттавы, пассесы, Патагонія, патагонцы, Перу, сенеки, тупинамба, тлинкиты, чиппевеки, чироки, шошоны, эскимосы*).
амулеты: фаллическіе въ Италіи—52; значеніе обычая носить ф. а.—53; ношеніе ф. а. какъ форма вырожденія свободнаго общенія половъ—55; 56.
Англія: Flurzwang—230 (см. также: *Уэльсъ*).
Ангола: наслѣдованіе власти вождя—164.

Андаманскіе о-ва: положеніе женщинъ—58; мѣна дѣтьми—77; право первой ночи—91; отношеніе къ полигамія—273 (см. также: *андаманцы, минкопи*).
андаманцы: сравнительная устойчивость брачныхъ союзовъ—11 (см. также: *Андаманскіе о-ва, минкопи*).
анимизмъ: сущность его, роль въ возникновеніи религіозныхъ представленій—99; а. какъ источникъ культа мертвыхъ—215.
Антильскіе о-ва: положеніе дѣтей при расторженіи брака—164; 165 (см. также: *карибы*).
Аполлоній Родосскій: свидѣтельство о кувадѣ у тибареновъ—193.
арабы: поліандрія у древнихъ а.—64; левиратъ—73; нійога—75; пріемъ чужеродцевъ—211; усыновленіе—212; почитаніе легендарнаго родоначальника—216; ограниченіе браковъ похищеніемъ—282.
Аравія: гостепріимный гетеризмъ—87 (см. также: *арабы, бедуины*).
арайкусы: кувада—197.
арауканцы: левиратъ—73; бракъ похищеніемъ и куплей—287.
д'Арбуа де Жубенвиль: мнѣніе о полигаміи у кельтовъ—270.
Аристотель: взглядъ на браки между родственниками—118.
арктическая группа народностей: переживаніе родового быта—247.
армяне: преданіе о родоначальникѣ—216.
ароваки: право первой ночи—91; материнскій счетъ родства—136; передача имени матерью дѣтямъ—163; кувада—197 (см. также: *гоахиры*).
артельныя начала: въ задругѣ—253; 255; въ русской семьѣ—259.
Архангельская губ.: взглядъ на нравственность дѣвушекъ; допущеніе внѣбрачныхъ сношеній—44—45; свобода половыхъ сношеній на посидѣлкахъ—45; снохачество—83; остатки родовыхъ пиршествъ—260—261; браки похищеніемъ—283 (см. также *Онежскій, Пинежскій, Шенкурскій у.*).
Ассамъ: материнскій родъ у гаросовъ—173 (см. также: *кхазіи*).
ассиріяне: бракъ куплей—285.
Астарта: культъ А. въ связи съ обоготвореніемъ производительныхъ силъ—52.
аты: бракъ похищеніемъ и куплей—286.
Африка: безпорядочное сожительство—40; фаллическій культъ—52; левиратъ—73; гостепріимный гетеризмъ—87; эндогамія—126; 127; материнскій счетъ родства—136; положеніе дѣтей несвободныхъ родителей у богосовъ—162; передача имени матерью дѣтямъ—163; наслѣдованіе власти вождя—164; кровная месть—164; положеніе дѣтей при расторженіи брака—164; 165; материнскій родъ—174; слѣды материнитета—191; кувада—193; 198; право первородства—204; усыновленіе—212; культъ предковъ—218; полигамія—272; численное отношеніе женщинъ къ мужчинамъ—273; бракъ посредствомъ службы въ домѣ невѣсты—278; размѣръ калыма—284; бракъ похищеніемъ и куплей—286 (см. также: *Абиссинія, авсеи, Адамауа, амаксосы, Ангола, ашантіи, багеле, бамбары, бареа, басутосы, берберы, бечуаны, богосы, Борну, бушмены, вапокомо, галла, гинданы, говасы, готтентоты, Дагомея, дамара, Египетъ, египтяне, Золотой Берегъ, зулусы, іорубане, Карваренъ, карваренъ, кафры, Конго, ландумы, Ливія, Лоанго, Мадагаскаръ, мальгаши, Мута-ямво, назамоны, Нубія, овагереросы, оромо́, сакалавы, Сенегамбія, Сіерра-Леоне, сомали, Суданъ, туареги, Уганда, фанти, фуллахи, Эѳіопія*).
Афродита: проституція вавилонянокъ въ храмѣ А.—53; 54.
ашантіи: материнскій счетъ родства—137; полигамія—272.
азты: положеніе женщины—58.
Аѳанасьевъ: о домовомъ въ вѣрованіяхъ русскихъ—262; о культѣ очага—262.
Аѳины: культъ божествъ производительной силы — 52; материнскій счетъ родства—155.
аѳиняне: передача имени матери дѣтямъ—155; 163.

багеле: право первой ночи—91.
бакаиры: изобрѣтеніе женщинами земледѣлія—175.
Балеарскіе о-ва: право первой ночи—90.
Bal-Phegor: культъ его у евреевъ—54.
бамбары: размѣръ калыма—284.
Банкскіе о-ва: кувада—197.
банкуи: номенклатура родства—31.
бареа: левиратъ—73; материнитетъ—136; 137; кровная месть—164; положеніе дѣтей—202.
баски: кувада—191.
басутосы: материнскій счетъ родства—137.
баттаки: значеніе калыма для пріобрѣтенія правъ на жену и дѣтей—176; 177; переходъ къ отцовскому роду—190.
Бахофенъ: основныя положенія—5—6; взглядъ на значеніе миѳовъ—6; роль Б. въ изученіи исторіи семьи—6—7; Б. о роли группы—29; о положеніи женщины на низшихъ ступеняхъ развитія—58; взглядъ на возникновеніе счета родства по женской линіи—103; 104; указаніе на слѣды материнитета въ Нибелунгахъ—152; указаніе на слѣды материнитета въ преданіяхъ др. грековъ—155; взглядъ на переходъ отъ материнскаго счета родства къ отцовскому—179; 180.
башкиры: размѣръ калыма—284.
бедуины: кровная месть—208; усыновленіе—212; свадебный обрядъ—281.
безпорядочное сожительство: мнѣніе Спенсера о б. с. — 9—10; 264; мнѣніе Вестермарка—26; мнѣніе большинства изслѣдователей о стадіи б. с.—29; ея характерныя черты—29; 57; австралійцы на стадіи б. с.—29—30; 31—32; доказательство стадій б. с.—38; подвижность стадій б. с.—39; свидѣтельство Геродота—39; 40; Страбона—39; б. с. у массагетовъ, агаѳирсовъ, авсеевъ, кавказскихъ горцевъ, племенъ Индіи—39; 40; въ Перу, на Н. Зеландіи, Никобарахъ, въ Южной Америкѣ—40; свободное общеніе половъ и кровосмѣсительство какъ воспоминаніе о стадіи б. с.—40; слѣды б. с. у лидійцевъ, ѳракіянъ, гиндановъ—40; у вотяковъ—41; у черемисовъ—41; у мордвы—41; 42; у якутовъ—42; 43; на Кавказѣ, у бурятъ, калмыковъ, торгоутовъ, орочонъ—43; у пруссовъ, др. чеховъ—43; 44; свидѣтельство Начальной лѣтописи—44; слѣды б. с. во взглядѣ русскихъ крестьянъ на внѣбрачныя сношенія молодежи—44; 46; б. с. перешедшее въ обряды—46; 47; слѣды б. с. у южныхъ славянъ—47; 48; у другихъ индо-европейскихъ народностей—48; 50; поліандрія какъ первое ограниченіе б. с. (Макъ Леванъ)—59; поліандрія, какъ одна изъ формъ б. с.—60—61; б. с. какъ почва развитія левирата, нійоги—80; отношеніе къ б. с. гетеризма, поліандріи, левирата, нійоги, снохачества—92; 93; универсальность стадіи б. с.—93—94; индивидуальное обладаніе женщиной на стадій б. с.—95—96; роль группы при б. с.—96; переходъ непосредственный къ отцовскому роду—179; 178; взглядъ на б. с. Летурно, Ковалевскаго—264.
Белль: свидѣтельство о погребальномъ обрядѣ у черкесовъ—227.
Бенгалія: кувада—192.
беотійцы: слѣды материнитета—155.
берберы: материнитетъ—137 (см. *туареги*).
бесѣды см. посидѣлки.
бечуаны: левиратъ—72—73; примѣръ левирата—78; ограниченіе левирата—80.
Бирманъ: гостепріимный гетеризмъ—87 (см. также: *ларосы, карены*).
Бійскій округъ: бракъ похищеніемъ—283.
Богаевскій: изслѣдованіе материнскаго счета родства у вотяковъ—139; указаніе на родовой культъ у вотяковъ—239.
Богишичъ: мнѣніе о родовыхъ празднествахъ у славянъ—250.
богосы: левиратъ—73; материнитетъ—136; положеніе дѣтей несвободныхъ родителей—162.
Боевъ: о свободѣ внѣбрачныхъ сношеній у болгаръ—47.

II.

Алфавитный указатель именъ и предметовъ.

абйпоны: кувада—192.
Абиссинія: левиратъ—73; материнитетъ—136; полигамія—272 (см. также *богосы*).
абрекъ: положеніе а.—228.
ангилы: право первой ночи—90.
Августинъ, бл.: взглядъ на браки между родственниками—118; указаніе на материнитетъ у др. грековъ—155.
авсен: безпорядочное сожительство—39.
австралійцы: сравнительная устойчивость брачныхъ союзовъ—11; 33; трудъ Кунова о системахъ родства у а.—29—31; различныя толкованія системъ родства у а.—29; 30; территоріальныя группы—30; 96; отсутствіе родственныхъ союзовъ и представленіе о родствѣ — 30; 33; классы по возрасту — 30; 31; отсутствіе представленій о кровномъ родствѣ въ классахъ по возрасту у а. — 31; номенклатура родства — 31; бытъ а. какъ примѣръ стадіи безпорядочнаго сожительства—32; извѣстность отца—32; 33; 97; отношеніе къ супружеской вѣрности—33; малые размѣры территоріальныхъ группъ—33; причисленіе ребенка къ территоріальной группѣ—33; религіозный гетеризмъ—50; положеніе женщины—57; 58; поліандрія—61; 62; институтъ пирауру—62; взглядъ на жену какъ на собственность какъ причина проституированія ея—66; 71; положеніе дѣтей—71; продажа дѣтей—77; взаимныя отношенія между группами территоріальными и тотемическими — 112—114; свобода внѣбрачныхъ союзовъ при экзогаміи—123; браки между родителями и дѣтьми — 32; 130; отцовскій родъ — 178; кровная месть—209; совмѣстное существованіе поли-и моногаміи — 272; бракъ похищеніемъ—277; бракъ куплей, мѣной—278; 283.
Австралія: отсутствіе опредѣленія родства—33; игнорированіе кровныхъ узъ при заключеніи брачныхъ союзовъ—41; гостепріимный гетеризмъ—87; антропофагія—125; материнскій счетъ родства—134; положеніе дѣтей при враждѣ тотемическихъ группъ—134; передача имени матерью дѣтямъ—163; наслѣдованіе власти вождя—164; кровная месть—164; признаніе отцовскаго родства препятствіемъ къ браку—178; материнитетъ при совмѣстной жизни отца и дѣтей—187; усыновленіе—212; полигамія—272; права на невѣсту товарищей похитителя—280 (см. также: *австралійцы, банкуи, ваимбо, гурндитшмара, діейри, Квинсленде, курнаи, мурринъ, нарриньери, турра*).
агаенрсы: безпорядочное сожительство—39.

кровная месть—248; браки, экзогамія — 249; переживаніе родового культа—«крестно имя»—249—251.

братъ: поліандрія въ группѣ братьевъ—64; 65; 66; 67; 68; роль б. въ левиратѣ—71—75; 78; въ сиохачествѣ—81; 84; браки между б. и сестрами—41; 42; 127; 155; роль б. у наировъ—135; значеніе б. у бареа и кунама—136—137; роль б. въ обрядахъ, значеніе ея—138; 174; роль б. въ свадебныхъ обрядахъ мордвы, пермяковъ—138—139; значеніе б. у кавказскихъ народностей—144; у германцевъ—152; у индусовъ—155; права б. у осетинъ—158; связь б. съ сестрой въ южнославянскихъ пѣсняхъ—159; роль б. въ свадебныхъ обрядахъ русскихъ—159; наслѣдованіе б. власти вождя при материнскомъ родѣ—163—164; наслѣдованіе старѣйшинства въ отцовскомъ родѣ—203; обязанность кровной мести—209; б—я, какъ глава семейной общины у южныхъ славянъ—253; права б. на главенство въ русской «большой семьѣ»—257; права б. на калымъ въ материнскомъ родѣ—287.

брегоновъ законъ: какъ источникъ кельтскаго обычнаго права—146—147.

Бретань: поліандрія у древнихъ кельтовъ—64.

буряты: свобода внѣбрачныхъ союзовъ; снисходительное отношеніе къ нимъ—42—43; левиратъ—75; форма вымиранія левирата—79; браки съ малолѣтними—81; «половая предосторожность»—82; родовой бытъ—237; почитаніе медвѣдя—238.

Буслаевъ: о правѣ первой ночи въ Россіи—91.

Бухтарминскій край: свобода внѣбрачныхъ сношеній—45—46.

бушмены: сосуществованіе поли- и моногаміи—272; бракъ при помощи подарковъ—278; посредствомъ службы отцу невѣсты—278.

быкомолъ см. родовыя пиршества.

былины: значеніе ихъ для знакомства съ древнерусской жизнью—159.

бѣлорусы: культъ домового—263.

Бода: свидѣтельство о слѣдахъ материнитета у пиктовъ—150—151.

Вавилонія: культъ божествъ производительной силы—52 (см. также: *вавилоняне*).

вавилоняне: проституція дѣвушекъ—53—54; бракъ куплей—285 (см. также: *Вавилонъ*).

ваимбо: номенклатура родства—31;

Вайцъ: какъ сторонникъ патріархальной теоріи—5; свидѣтельство о положеніи женщины у краснокожихъ—169.

вакханаліи: въ связи съ обоготвореніемъ производительной силы—53; ограниченія, вводимыя смягченіемъ культа—56.

Вакхъ: культъ его въ связи съ обоготвореніемъ производительныхъ силъ—52.

Валерій Максимъ: взглядъ на Charistia—156—157.

валлійское право: см. уэльское право.

ванокомо: левиратъ—73.

Варронъ: указаніе на материнитетъ у др. грековъ—155.

ведды: положеніе женщинъ—58; моно-и полигамія—272; отношеніе къ полигаміи—273; свадебный обрядъ—290.

Веды: о почитаніи предковъ—220—221.

вейандоты см. гуроны.

великоруссы: указанія на материнитетъ въ свадебныхъ обрядахъ—159; культъ домового—262; взглядъ на бракъ—297 (см. также: *Архангельская, Воронежская, Калужская губ., Кострома, Олонецкая губ., Онежскій у., Пинежскій у., Пудожскій у., Россія, Ростовскій у., русскіе, Сибирь, Тамбовская губ., Томская губ., Шенкурскій у., Ярославская губ.*).

Венера: культъ ея въ связи съ обоготвореніемъ производительныхъ силъ—52.

Веніаминовъ, о: свидѣтельство о поліандріи на Алеутскихъ о-вахъ—65.

Верещагинъ: указаніе на поліандрію у вотяковъ — 67; указаніе на материнитетъ у вотяковъ—141.

Вестермаркъ: отношеніе къ эволюціонистамъ—26; къ теоріи безпорядочнаго сожительства—26—27; 93—94; взглядъ на моногамическую семью, какъ на эмбріонъ человѣческаго развитія—26; 264; методъ В., отношеніе къ экономическому принципу — 26; опроверженіе теоріи В., о стадіи безпорядочнаго сожительства—39; взглядъ В. на материнскій счетъ родства — 132; на отцовскій родъ — 186; изслѣдованіе В. формъ брака—277; взглядъ на бракъ посредствомъ службы въ домѣ невѣстѣ—278; на свадебные обряды, рисующіе похищеніе—281; на бракъ куплей—283; 284.

вечеринки, вечерницы, вечорки см. посидѣлки.

взглядъ на нравственность: какъ доказательство стадіи безпорядочнаго сожительства—43; въ большинствѣ мѣстностей Россіи—44; въ Архангельской губ.—44; въ Сибири—45—46; у донскихъ казаковъ—46; въ южн. Македоніи—48.

Вилькенъ: указаніе на материнитетъ на Суматрѣ—135; на материнскіе рода у малайцевъ—172.

вира (плата за кровь): у хевсуръ—144; по кельтскому праву—148; при родовомъ устройствѣ—161; в. какъ ограниченіе кровной мести—209—210; в. у арабовъ за убійство кліента—212; в. какъ замѣна кровной мести у кавказскихъ народностей—227; у киргизовъ—233; указаніе на п. за к. въ преданіяхъ якутовъ—237; в. у гиляковъ какъ замѣна кровной мести—239; у южныхъ славянъ—249; нетребованіе в. при убійствѣ похитителя невѣсты—282; замѣна скота деньгами на Кавказѣ при уплатѣ в.—284; в. и калымъ—287.

Виргинія (штатъ): наслѣдованіе власти вождя у краснокожихъ—164;

Вишну (сводъ): указаніе на материнитетъ—153; ритуалъ культа предковъ—220;

внѣбрачныя сношенія: свобода в. с. у лидійцевъ, ѳракіянъ, гинданов—40; у вотяковъ—40—41; у черемисовъ—41; у мордвы—41—42; у якутовъ—42; у бурятъ—42—43; снисходительное отношеніе къ в. с. у бурятъ, калмыковъ, торгоутовъ—42; допущеніе в. с. среди крестьянскаго населенія Россіи—44; въ Архангельской губерніи—44—45; въ Пинежск. у.—45; въ Сибири, въ Енисейской губ.—45; «птичій грѣхъ»—45—46; у донскихъ казаковъ—46; въ Харьковск. г.—46; обряды и обычаи, символизирующіе свободу в. с. въ Малороссіи, Ярославск. и Олонецкой губ.—46—47; у болгаръ, южныхъ славянъ, хорватовъ—47; въ южной Македоніи—47; свобода в. с. при экзогаміи—121, 123; у австралійцевъ, на Маріанскихъ о-вахъ, у туземцевъ Бразиліи—123.

Воазенъ: свидѣтельство о кувадѣ въ Гуйянѣ—192.

вогулы: указаніе на слѣды поліандріи—67; почитаніе медвѣдя 67; 238; родовое владѣніе землей—243.

Воржа, с. см. Ярославская губ.

Воронежская губ.: снохачество—83.

вотяки: слѣды классовъ по возрасту въ номенклатурѣ родства—34—35; свобода внѣбрачныхъ сношеній для дѣвушекъ, взглядъ в. на нихъ—40—41; слѣды поліандріи—67; браки съ малолѣтними—81; гостепріимный гетеризмъ—88; слѣды материнитета 139—142; остатки родового культа—239—243; воспоминаніе о бракѣ посредствомъ службы въ домѣ невѣсты—285; бракъ похищеніемъ—295; пріобщеніе новобрачной къ очагу мужа—296.

вятичи: лѣтописное свидѣтельство объ игрищахъ—44.

Вятская губ.: слѣды материнитета у пермяковъ—138—139 (см. также: *вотяки, пермяки, Сарапульскій у.*).

Гавайи: гавайская система родства—31; система пуналуа—62—63.

галла: гостепріимный гетеризмъ—87; положеніе дѣтей при расходѣ супруговъ—200.

Галлія: поліандрія у кельтовъ—64.

[illegible]—173—174.
[illegible] свидѣтельство объ общности женъ въ Перу—40.
[illegible] кувады—198.

[illegible]

[illegible] указаніе на матернитетъ—155; о раздѣлахъ—220; о погребальномъ [illegible]—74.
[illegible] куваде—192.
[illegible] объясненіе кувады—194.
[illegible] Ванчіевскій: о матернитетѣ у ликійцевъ—132.
[illegible]: о гостепріимномъ гетеризмѣ у лопарей—87.
Германія: обряды безпорядочнаго сожительства, пробное сожительство, пробныя ночи, Probenächte, Kommnächte, Fensterln, Gassln, Dorfgehen, Kilchgand—48—49; [illegible]—76; упадокъ большой семьи—264; наложничество въ ср. вѣка, полигамія—[illegible], свадебный обрядъ—289; пріобщеніе новобрачной къ очагу мужа—293 (см. также: *алеманы*, *германцы*, *пруссы*, *мазуры*, *Тюрингія*, *Швабія*, *Шварцвальдъ*).
германцы: отсутствіе матріархата (Мэнъ)—15; изученіе др. г. права—16; стадія безпорядочнаго сожительства—43; отсутствіе свидѣтельства объ общности женъ у Цезаря и Тацита—50; празднества съ религіознымъ гетеризмомъ—50; слѣды тотемическихъ представленій—101; указаніе Тацита на матернитетъ у г.—151; отсутствіе указанія на матернитетъ у Цезаря—151; мнѣніе Даргуна о матернитетѣ у г.—147; 151—152; положеніе дѣтей по др. г. праву—152; 162; Flurzwang въ др. г. правѣ—230; полигамія—270—271; бракъ куплей—285.
Геродотъ: непониманіе приводимыхъ имъ фактовъ—5; Г. о безпорядочномъ сожительствѣ у разныхъ народовъ—39; о внѣбрачномъ сожительствѣ у лидійцевъ, эрзіанъ, гиндановъ — 40; о проституціи дѣвушекъ у вавилонянъ — 53—54; о правѣ первой ночи въ Ливіи—91; о матернитетѣ у ликійцевъ—132.
Герцеговина: семейныя общины—248; братства—248—251; кровная месть—248; племя—251—252; устойчивость родового быта—252; имущественныя права члена задруги—254.
гетеризмъ: теорія Бахофена—5; переходъ въ единобрачію у др. грековъ по Бахофену—6; критика этого термина Энгельсомъ—9; мнѣніе Спенсера—9—11.
гетеризмъ гостепріимный см. гостепріимный гетеризмъ.
гетеризмъ религіозный см. религіозный гетеризмъ.
Гильдебрандъ: критика на эволюціонистовъ—18—19; отношеніе къ историко-сравнительному методу и методу изученія переживаній—21; Г. какъ представитель экономическаго матеріализма въ этнографіи—21; взглядъ Г. на изученіе первобытнаго права — 23; взглядъ Г. на материнскій счетъ родства — 132; на материнскій родъ—185—186; изслѣдованіе Г. формъ брака—277; взгляды на бракъ похищеніемъ—280.
гиляки: слѣды классовъ по возрасту въ номенклатурѣ родства—36—37; поліандрія—66—67; левиратъ—74; слѣды родового быта—237—239; полигамія—272.
Гималаи: поліандрія у одного г. племени—66.
гинданы: внѣбрачное сожительство женщинъ—40.
гинекократія—теорія Бахофена—6; теорія Лёббока—9; 10; ошибочныя представленія о г. у краснокожихъ—167; г. у натчезовъ и въ Никарагуа—168.
Гоа: религіозный гетеризмъ—54.
гоахиры: кровная месть—164.
гонасы: свадебный обрядъ—289.
гольды: полигамія—272.
Гомеръ: указанія на матернитетъ у др. грековъ—155—156.

Гондатти: описаніе медвѣжьяго празднества у вогуловъ; указаніе на слѣды поліандріи—67.

гонды: свадебный обрядъ—290.

гостепріимный гетеризмъ: опредѣленіе—85; причины—86; г. г. у разныхъ народовъ—86—87; у инородцевъ Россіи—87—88; формы вырожденія г. г.—89; г. г. у русскихъ крестьянъ—89—90.

готтентоты: полигамія—272.

Граубинденъ: обычное право кантона, составъ населенія; Kilbenen—49 (см. также: *аллеманы*).

греки древніе: переходъ отъ гетеризма къ единобрачію, отъ матріархата къ патріархату (Бахофенъ)—6; значеніе слова гетеризмъ—9; отсутствіе матріархата (Мэнъ)—15; изученіе ихъ права—16; установленіе брака—40; прохожденіе ими стадіи безпорядочнаго сожительства—43; фаллическій культъ—52; слѣды тотемическихъ представленій—101; слѣды материнитета—155; почитаніе легендарныхъ родоначальниковъ—216; родовой культъ—221; бракъ куплей—285; свадебные обряды—289; 292; пріобщеніе новобрачной къ очагу мужа—292; 296 (см. также: *беотійцы, Греція, Коринѳъ, локрійцы, Самосъ, Спарта, ѳракіяне*).

греки современные: свадебный обрядъ—289.

Гренландія: поліандрія—65; свадебный обрядъ эскимосовъ—281 (см. также: *эскимосы*).

Греція: фаллическій культъ—52; празднества, аналогичныя Ярилину дню—53; причины поліандріи—70; дозволенность браковъ между единокровными братомъ и сестрой (материнитетъ)—155; моно-и полигамія; наложничество—270 (см. также: *греки, беотійцы, Коринѳъ, Кипръ, локрійцы, Самосъ, Спарта, ѳракіяне*).

Гродековъ: указаніе на снохачество у киргизовъ—83; на гостепріимный гетеризмъ у киргизовъ—89; указанія на родовой бытъ у киргизовъ—231; 232; 233.

Гроссе: критика на эволюціонистовъ—18—20; взглядъ на современныя задачи науки о семьѣ—19; отношеніе къ историко-сравнительному методу и методу изученія переживаній—20; Г.—какъ представитель экономическаго матеріализма въ этнографіи — 21; методъ Г. — 22; взглядъ на значеніе и характеръ индивидуальныхъ союзовъ въ первобытномъ обществѣ—25; 26; 29; взглядъ по возникновеніе поліандріи—60; 70—71; Г. о различіи патріархата и агнатическаго счета родства—98; взглядъ на материнскій счетъ родства—132; взглядъ на роль женщины для развитія земледѣлія—175; взглядъ на причину перехода отъ материнскаго рода къ отцовскому—189; взглядъ на свадебные обряды, рисующіе похищеніе—280.

Грузія: поминки—227.

группа: какъ эмбріонъ человѣческаго развитія—12; теорія эволюціонистовъ—12—13; 24; взглядъ представителей экономическаго направленія—18; 24; взглядъ Старке—24; господство г. на низшихъ ступеняхъ культуры надъ индивидомъ (Бахофенъ, Морганъ, Лёббокъ, Спенсеръ)—29; незначительная роль г. (Гроссе, Старке)—29; дѣленіе г. на классы по возрасту—30; вражда г-пъ изъ за обладанія женщинами (Макъ Ленанъ)—58; мнѣніе Жиро-Тёлона о значеніи женщины въ экономической жизни г.—58; роль г. на стадіи безпорядочнаго сожительства—96; отношеніе г. къ женщинѣ при земледѣльческомъ хозяйствѣ—175; роль развитія г. въ переходѣ къ отцовскому роду (Старке)—187; 188; кровная месть въ г.—207—208; отношеніе г. къ индивидуальнымъ союзамъ—264—267.

группа территоріальная см. территоріальная группа.

группа тотемическая см. тотемическая группа.

групповой бракъ: взглядъ Спенсера—11; 264; мнѣніе Летурно, Ковалевскаго—264.

гуараны: кувада—192.

Гуйяна: материнскій счетъ родства—136; кувада—192 (см. также: *аровакн, гоахиры, макузи*).

гурндитшмара: брачныя ограниченія—178.

гаросы: материнскій родъ—173—174.
Гарсиласо-де-ла-Вега: свидѣтельство объ общности женъ въ Перу—40.
Гартландъ: объясненіе кувады—198.
Gassln см. Германія.
Гаутама (сводъ): указаніе на материнитетъ—155; о раздѣлахъ—220; о погребальномъ ритуалѣ—221.
Гебриды Новые: кувада—192.
Гельвальдъ: объясненіе кувады—194.
Гераклидъ Понтійскій: о материнитетѣ у ликійцевъ—132.
Герберштейнъ: о гостепріимномъ гетеризмѣ у лопарей—87.
Германія: слѣды безпорядочнаго сожительства, пробное сожительство, пробныя ночи, Probenächte, Kommnächte, Fensterln, Gassln, Dorfgehen, Kilchgand—48—49; нійога—76; упадокъ большой семьи—264; наложничество въ ср. вѣка, полигамія—271; свадебный обрядъ—289; пріобщеніе новобрачной къ очагу мужа—293 (см. также: *аллеманы*, *германцы*, *пруссы*, *мазуры*, *Тюрингія*, *Швабія*, *Шварцвальдъ*).
германцы: отсутствіе матріархата (Мэнъ)—15; изученіе др. г. права—16; стадія безпорядочнаго сожительства—43; отсутствіе свидѣтельства объ общности женъ у Цезаря и Тацита—50; празднества съ религіознымъ гетеризмомъ—50; слѣды тотемическихъ представленій—101; указаніе Тацита на материнитетъ у г.—151; отсутствіе указанія на материнитетъ у Цезаря—151; мнѣніе Даргуна о материнитетѣ у г.—147; 151—152; положеніе дѣтей по др. г. праву—152; 162; Flurzwang въ др. г. правѣ—230; полигамія—270—271; бракъ куплей—285.
Геродотъ: непониманіе приводимыхъ имъ фактовъ—5; Г. о безпорядочномъ сожительствѣ у разныхъ народовъ—39; о внѣбрачномъ сожительствѣ у лидійцевъ, ѳракіянъ, гинданов — 40; о проституціи дѣвушекъ у вавилонянъ — 53—54; о правѣ первой ночи въ Ливіи—91; о материнитетѣ у ликійцевъ—132.
Герцеговина: семейныя общины—248; братства—248—251; кровная месть—248; племя—251—252; устойчивость родового быта—252; имущественныя права члена задруги—254.
гетеризмъ: теорія Бахофена—5; переходъ въ единобрачію у др. грековъ по Бахофену—6; критика этого термина Энгельсомъ—9; мнѣніе Спенсера—9—11.
гетеризмъ гостепріимный см. гостепріимный гетеризмъ.
гетеризмъ религіозный см. религіозный гетеризмъ.
Гильдебрандъ: критика на эволюціонистовъ—18—19; отношеніе къ историко-сравнительному методу и методу изученія переживаній—21; Г. какъ представитель экономическаго матеріализма въ этнографіи—21; взглядъ Г. на изученіе первобытнаго права — 23; взглядъ Г. на материнскій счетъ родства — 132; на материнскій родъ—185—186; изслѣдованіе Г. формъ брака—277; взгляды на бракъ похищеніемъ—280.
гиляки: слѣды классовъ по возрасту въ номенклатурѣ родства—36—37; поліандрія—66—67; левиратъ—74; слѣды родового быта—237—239; полигамія—272.
Гималаи: поліандрія у одного г. племени—66.
гинданы: внѣбрачное сожительство женщинъ—40.
гинекократія—теорія Бахофена—6; теорія Лёббока—9; 10; ошибочныя представленія о г. у краснокожихъ—167; г. у натчезовъ и въ Никарагуа—168.
Гоа: религіозный гетеризмъ—54.
гоахиры: кровная месть—164.
говасы: свадебный обрядъ—289.
гольды: полигамія—272.
Гомеръ: указанія на материнитетъ у др. грековъ—155—156.

Гондатти: описаніе медвѣжьяго празднества у вогуловъ; указаніе на слѣды поліандріи—67.
гонды: свадебный обрядъ—290.
гостепріимный гетеризмъ: опредѣленіе—85; причины—86; г. г. у разныхъ народовъ—86—87; у инородцевъ Россіи—87—88; формы вырожденія г. г.—89; г. г. у русскихъ крестьянъ—89—90.
готтентоты: полигамія—272.
Граубинденъ: обычное право кантона, составъ населенія; Kilbenen—49 (см. также: *аллеманы*).
греки древніе: переходъ отъ гетеризма къ единобрачію, отъ матріархата къ патріархату (Бахофенъ)—6; значеніе слова гетеризмъ—9; отсутствіе матріархата (Мэнъ)—15; изученіе ихъ права—16; установленіе брака—40; прохожденіе ими стадіи безпорядочнаго сожительства—43; фаллическій культъ—52; слѣды тотемическихъ представленій—101; слѣды материнитета—155; почитаніе легендарныхъ родоначальниковъ—216; родовой культъ—221; бракъ куплей—285; свадебные обряды—289; 292; пріобщеніе новобрачной къ очагу мужа—292; 296 (см. также: *беотійцы*, *Греція*, *Коринѳъ*, *локрійцы*, *Самосъ*, *Спарта*, *ѳракіяне*).
греки современные: свадебный обрядъ—289.
Гренландія: поліандрія—65; свадебный обрядъ эскимосовъ—281 (см. также: *эскимосы*).
Греція: фаллическій культъ—52; празднества, аналогичныя Ярилину дню—53; причины поліандріи—70; дозволенность браковъ между единокровными братомъ и сестрой (материнитетъ)—155; моно-и полигамія; наложничество—270 (см. также: *греки*, *беотійцы*, *Коринѳъ*, *Кипръ*, *локрійцы*, *Самосъ*, *Спарта*, *ѳракіяне*).
Гродековъ: указаніе на снохачество у киргизовъ—83; на гостепріимный гетеризмъ у киргизовъ—89; указанія на родовой бытъ у киргизовъ—231; 232; 233.
Гроссе: критика на эволюціонистовъ—18—20; взглядъ на современныя задачи науки о семьѣ—19; отношеніе къ историко-сравнительному методу и методу изученія переживаній—20; Г.—какъ представитель экономическаго матеріализма въ этнографіи — 21; методъ Г. — 22; взглядъ на значеніе и характеръ индивидуальныхъ союзовъ въ первобытномъ обществѣ—25; 26; 29; взглядъ по возникновеніе поліандріи—60; 70—71; Г. о различіи патріархата и агнатическаго счета родства—98; взглядъ на материнскій счетъ родства—132; взглядъ на роль женщины для развитія земледѣлія—175; взглядъ на причину перехода отъ материнскаго рода къ отцовскому—189; взглядъ на свадебные обряды, рисующіе похищеніе—280.
Грузія: поминки—227.
группа: какъ эмбріонъ человѣческаго развитія—12; теорія эволюціонистовъ—12—13; 24; взглядъ представителей экономическаго направленія—18; 24; взглядъ Старке—24; господство г. на низшихъ ступеняхъ культуры надъ индивидомъ (Бахофенъ, Морганъ, Лёббокъ, Спенсеръ)—29; незначительная роль г. (Гроссе, Старке)—29; дѣленіе г. на классы по возрасту—30; вражда г-пъ изъ за обладанія женщинами (Макъ Ленанъ)—58; мнѣніе Жиро-Тёлона о значеніи женщины въ экономической жизни г.—58; роль г. на стадіи безпорядочнаго сожительства—96; отношеніе г. къ женщинѣ при земледѣльческомъ хозяйствѣ—175; роль развитія г. въ переходѣ къ отцовскому роду (Старке)—187; 188; кровная месть въ г.—207—208; отношеніе г. къ индивидуальнымъ союзамъ—264—267.
группа территоріальная см. территоріальная группа.
группа тотемическая см. тотемическая группа.
групповой бракъ: взглядъ Спенсера—11; 264; мнѣніе Летурно, Ковалевскаго—264.
гуараны: кувада—192.
Гуйяна: материнскій счетъ родства—136; кувада—192 (см. также: *ароваки*, *юахиры*, *макузи*).
гурндитшмара: брачныя ограниченія—178.

гуроны: передача имени матерью дѣтямъ—163; наслѣдованіе власти вождя—164; 166; отношеніе отца къ дѣтямъ—166; племенной совѣтъ—167; 169.

Дагомея: формы наслѣдованія — 189; полигамія — 272; институтъ весталокъ—292, свадебный обрядъ—293.
дакоты: материнитетъ—166.
дамара: материнскій счетъ родства—137; размѣръ калыма—284.
Дарвинъ: мнѣніе о дѣтоубійствѣ у дикарей—59.
даяки: левиратъ—73; материнитетъ—173; различныя формы брака—189; отношеніе къ полигаміи—273; свадебный обрядъ—291.
деверь: права д. при поліандріи—64; 65; 67; 68; роль д. при левиратѣ—71—75; 78; «половая предосторожность» относительно д. — 82; роль д. при снохачествѣ—84; участіе д. въ свадебномъ обрядѣ хорватовъ—293;
делавары: материнитетъ—135—136.
Дигорское общество: левиратъ—74—75; нійога—75; слѣды материнитета—158.
діейри:—форма поліандріи у д.—62; гостепріимный гетеризмъ—86; преданіе о запрещеніи браковъ между близкими родственниками—119.
Діодоръ Сицилійскій: свидѣтельство о безпорядочномъ сожительствѣ у разныхъ народовъ—40; свидѣтельство о кувадѣ въ Корсикѣ—193.
Діонисій Галикарнасскій: свидѣтельство объ jure osculi—158.
Діонисъ: празднества, связанныя съ религіознымъ гетеризмомъ—53.
Діонъ Кассій: свидѣтельство о полигаміи у кельтовъ—270.
Добрицгоферъ: свидѣтельство о кувадѣ у абипоновъ—192.
домовой: культъ д. у лопарей—246; у юж. славянъ—250; у русскихъ—259; 261—263; образъ д. въ вѣрованіи русскихъ—262; культъ д. въ связи съ культомъ предковъ и культомъ очага—262—263.
Dorfgeben см. Германія.
Дубровинъ: свидѣтельство о власти брата у ингушей (материнитетъ)—144.
дѣдъ: обязанность опеки у индусовъ—153; главенство въ семейной общинѣ—225; д. какъ глава семейной общины у южныхъ славянъ—253; какъ глава русской «большой семьи»—256.
дѣти: причисленіе д. къ территоріальной группѣ у австралійцевъ—33; д. какъ собственность юридическаго отца—62; причисленіе д. при поліандріи у тоддовъ, у гималайскаго племени—66; положеніе д. у австралійцевъ—71; положеніе д. при левиратѣ у евреевъ, индусовъ—72; у овагереросовъ—73; при нійогѣ у индусовъ, осетинъ—75; у др. грековъ—76; стремленіе имѣть д. какъ основа левирата и нійоги—77—78; 213; взглядъ на д. какъ на собственность—77; 181; 198; значеніе д. для культа—78; 120; 213; положеніе д. при вымираніи левирата—79; отношеніе къ дочерямъ въ скотоводческихъ и земледѣльческихъ группахъ—105; 175; отношеніе къ д. отцовъ—106; 188; связь д. съ матерью—107—108; 178; наслѣдованіе д-ми тотема матери—108—109; отсутствіе связи д. съ отцомъ на Тихоокеанск. арх.—134; положеніе д. у австралійцевъ при враждѣ тотемическихъ группъ — 134; положеніе д. у наировъ — 135; у краснокожихъ — 135 — 136; 166; по уэльскому праву — 149; по др. германскому праву—151—152; 162; усыновленіе д. у др. индусовъ—155—156; положеніе дѣтей въ матер. родѣ—162; 176; наслѣдованіе д-ми имени матери—162—163; опека надъ д. при материнскомъ родѣ—164; 164—165; фактическая власть отца надъ д.—175; 178; 185; 196; принесеніе въ жертву первенца (Липшертъ. Гельвальдъ)—194; вѣра въ таинственную связь между д. и родителями—197—198; положеніе д. въ отцовскомъ родѣ и при переходѣ къ нему—200—203; на Малайскомъ арх., на Тиморѣ, у лимбусовъ, по др. ирландскому праву, у макассаровъ—201. на Суматрѣ, на Малайскомъ арх., у ба-

реа и кунама, на Н. Гвинеѣ, у фанти—202; исключеніе д. изъ кровной мести—209; у южныхъ славянъ—249; положеніе д. въ русской «большой семьѣ», у донскихъ казаковъ—258; положеніе д. наложницъ въ средневѣковой Франціи, Италіи, Испаніи, Германіи—271; положеніе д. законныхъ и незаконныхъ женъ—276;

дѣтоубійство: теорія Макъ Ленана—59; взглядъ Дарвина, Лёббока, Жиро-Тёлона, Спенсера, Старке—59; взглядъ эволюціонистовъ—60; д.—явленіе спорадическое—60; д. какъ слѣдствіе религіозныхъ и экономическихъ причинъ—108; д. какъ источникъ экзогаміи (Макъ Ленанъ)—115; д. какъ слѣдствіе равнодушнаго отношенія къ дѣтямъ отцовъ—181; какъ слѣдствіе голоданія—191; отношеніе къ д. группы—266.

Дюлоръ: богатый фактическій матеріалъ о религіозномъ гетеризмѣ въ трудѣ Д.—53.

Дюркгеймъ: теорія происхожденія экзогаміи; критика на Лёббока, Спенсера, Моргана—116—123.

дядя: обязанность левирата—73; роль д. въ снохачествѣ—81; роль д. у наировъ—135, 171; у богосовъ—136; у бареа и кунама—136—137; 202; передача имени д. дѣтямъ—137; роль д. въ обрядахъ; значеніе ея—138; 164; 174; значеніе д. у кавказскихъ народностей—144; у германцевъ—151; 152; у индусовъ—153; роль д. при материнскомъ родѣ—164; наслѣдованіе д. старѣйшинства въ отцовскомъ родѣ—203; обязанность кровной мести—209; главенство въ семейной общинѣ—225; значеніе д. у киргизовъ—232; права д. на калымъ въ материнскомъ родѣ—287.

евреи: фаллическій культъ—52; добровольное проституированье—54; служеніе Bal-Phegor-у—54; употребленіе каменнаго ножа при обрѣзаніи—55; левиратъ—72; отсутствіе нійоги—72; взглядъ на вредныя послѣдствія нѣкоторыхъ браковъ между родственниками (Левитъ)—120; послѣдствія браковъ между родственниками—122; кровная месть—164; браки съ чужеплеменницами—275; бракъ куплей—285.

Европа: кувада—193 (см. также: *агаѳирсы, албанцы, аллеманы, Англія, баски, беотійцы, Галлія, Германія, германцы, Герцеговина, Граубинденъ, греки, Греція, иберы, Ирландія, Испанія, испанцы, Италія, кельты, Кипръ, Коринѳъ, Корсика, локрійцы, Луанъ, мазуры, Македонія, Норвегія, пикты, пруссы, римляне, Римъ, Россія, русскіе, сабиняне, Самосъ, Сербія, скиѳы, славяне, Спарта, Тироль, турки, Тюрингія, Уэльсъ, Фемарнъ, франки, Франція, Франшконтэ, Хорватія, хорваты, Черногорія, чехи, Чехія, Швабы, Шварцвальдъ, шведы, Швейцарія, Швеція, Шотландія, этруски, ѳракіяне*).

Египетъ: фаллическій культъ—52; поклоненіе священнымъ быку и козлу—52; празднество въ связи съ религіознымъ гетеризмомъ—53; эндогамія—126; материнскій счетъ родства—133 (см. также: *египтяне*).

египтяне: установленіе брака—40; употребленіе каменнаго ножа—55; слѣды тотемическихъ представленій—101; усыновленіе—212; бракъ куплей—285 (см. также: *Египетъ*).

Егіазаровъ: указаніе на гостепріимный гетеризмъ на Кавказѣ—88.

Енисейская губ.: свобода внѣбрачныхъ сношеній—45; снохачество—83; воспоминаніе о гостепріимномъ гетеризмѣ—89.

Ерусланов: указаніе на слѣды поліандріи у черемисовъ—68.

Ефименко, А. Я.: мнѣніе объ артельныхъ началахъ въ русской семьѣ—259; описаніе общественныхъ пиршествъ въ Арханг. губ.—260—261.

Ефименко, П. С.: о взглядѣ на нравственность дѣвушекъ и на свободу внѣбрачныхъ сношеній въ Архангельской губ.—44—45.

Ефимовъ: о слѣдахъ материнтета у римлянъ—156—158.

женское родство см. материнскій счетъ родства.

женщина: взглядъ Бахофена на положеніе ж. на низшихъ ступеняхъ развитія—5—6; мнѣніе

Спенсера объ индивидуальномъ обладаніи ж. на низшихъ ступеняхъ—9—11; положеніе ж. у австралійцевъ—58—59; у аэтовъ, минкопи, веддовъ, огнеземельцевъ, ботокудовъ, охотничьихъ народностей Калифорніи—58; мнѣніе Жиро-Тёлона о значеніи ж. въ хозяйственной жизни группы—59; безправіе ж. какъ основа поліандріи—61; ж. какъ собственность группы—66; 71—72; индивидуальное обладаніе ж. при безпорядочномъ сожительствѣ—95—96; 264; роль ж. въ развитіи представленій о родствѣ—108—109; положеніе ж. у краснокожихъ—166—171; у наировъ—171; значеніе ж. для развитія земледѣлія—175; роль и положеніе ж. въ земледѣльческой группѣ—175; 188; 206—207; положеніе ж. въ материнскомъ родѣ—175—177; 267; участіе ж. въ кувадѣ—197; 199; положеніе ж. у галла—200; права ж. на дѣтей при переходѣ отъ материнскаго къ отцовскому роду—200—202; имущественныя права ж. въ отцовскомъ родѣ—205, 206; личное положеніе ж. въ отцовскомъ родѣ—205—206; 267; при скотоводческомъ и военномъ бытѣ—206; исключеніе ж. изъ родового культа—214; 292; почитаніе ж.—предковъ—218—219; положеніе ж. у киргизовъ—233; запрещеніе ж. употреблять въ пищу мясо медвѣдя—238; исключеніе ж. изъ кровной мести—209; у юж. славянъ—249; положеніе ж. въ задругѣ—254—255; въ русской «большой семьѣ»—258; положеніе ж. при возникновеніи семьи—267; численное отношеніе ж. къ мущинамъ 275; ж. какъ военный трофей—274; 280; положеніе женъ чужеплеменницъ—275; жены законныя и наложницы—274—276; мѣна женъ—277—280; похищеніе ж.—279—283; пріобщеніе ж. къ семейному культу мужа—288; 290—293; безправное положеніе ж. при всѣхъ формахъ брака—294.

жертвоприношенія: ж. первенца (Липпертъ, Гельвальдъ)—194; человѣческія ж. у кабардинцевъ—227; у киргизовъ на поминкахъ—231; у вотяковъ—240; 241; 242; у лопарей—246; ж. при свадебныхъ обрядахъ: у патагонцевъ, даяковъ—291; у грековъ, римлянъ—292; въ Индіи—292—293; исключеніе женщинъ изъ родовыхъ ж.—291—292;

Жиро-Тёлонъ: мнѣніе о дѣтоубійствѣ у дикарей—59; взглядъ на переходъ отъ материнскаго счета родства къ мужскому—180; объясненіе кувады—195.

Житецкій: указаніе на родовой бытъ у калмыковъ—236.

жрецы: роль ж. въ религіозной проституціи въ Индіи—54; право первой ночи—91; наслѣдственные ж. и жрицы на о.-вахъ Лети, Моа и Лакоръ—218—219; ж. родового культа у римлянъ—221; семейные ж. въ Китаѣ, Индіи—222; ж. у вотяковъ—240;

задруга: какъ примѣръ семейной общины—225; з. у южныхъ славянъ—253—255; отличіе отъ русской «большой семьи»—256.

землевладѣніе и землепользованіе: у др. кельтовъ—149; при родовомъ устройствѣ—161; у малайцевъ—172; въ отцовскомъ родѣ—200; неотчуждаемость родовыхъ земель—204; право первой покупки—205; з. у кавказскихъ народностей: у осетинъ, чеченцевъ, ингушей—229—230; у киргизовъ—233; у якутовъ—236; у бурятъ—237; у гиляковъ—239; у остяковъ, вогуловъ—243; въ братствахъ южныхъ славянъ—248; 249; 251; въ племени—251, 252.

Золотой Берегъ: левиратъ—73 (см. также: *ашанти, фанти*).

зулусы: слѣды безпорядочнаго сожитія въ системѣ родства—33; левиратъ—73;

зыряне: слѣды классовъ по возрасту въ номенклатурѣ родства—35.

зять: положеніе з. у пермяковъ—139; права пріемнаго з. въ задругѣ—253; пріемъ з. въ русской «большой семьѣ»—256.

иберы: материнскій счетъ родства—132; кувада—193 (см. также: *баски*).

Ибнъ-Батута: о материнитетѣ въ Суданѣ—137.

Ивановъ день: празднованіе у донскихъ казаковъ—46; характеръ празднества у русскихъ, германцевъ, финновъ и др.—50—51; свидѣтельство иг. Памфила, Стоглава—51.

игорроты: культъ предковъ—218; отношеніе къ полигаміи—273.
игралище см. посидѣлки.
игрища: у радимичей, вятичей и сѣверянъ, ихъ значеніе—44.
Иліада: указаніе на матернитетъ у др. грековъ—155—156.
имя: и. матери на надгробныхъ надписяхъ у этрусковъ, египтянъ—132; 133; дача и. у краснокожихъ—136; 163; 168; въ Суданѣ—137; передача материнскаго и. дочери у вотяковъ—141; значеніе и. въ представленіяхъ дикаря, связь съ тотемизмомъ—162—163; дача и. матерью—163; передача и. матери дѣтямъ въ Аѳинахъ—155; 163; въ Африкѣ, Австраліи, у народовъ древности—163; дача и. отцомъ, обоими родителями—163; имена у оттавовъ—168; роль дачи и. для перехода къ отцовскому роду (Старке)—187; дача и. въ отцовскомъ родѣ—200; 202.
ингуши: слѣды матернитета—144; пріемъ въ родство—212; воровскіе подвиги—229; землевладѣніе, Flurzwang—230; пословица относительно ссоръ женъ—275—276; размѣръ калыма—284.
Индійскій арх.: бракъ посредствомъ службы въ домѣ невѣсты—278.
Индія: безпорядочное сожительство—40; фаллическій культъ—52; культъ Сивы—52; религіозный гетеризмъ—54; слѣды поліандріи въ легендахъ—65; у тоддовъ—66; причины поліандріи—70; левиратъ—72; нійога—72, 75; тотемическія преданія—101; эндогамія—126; материнскій счетъ родства—135; матернитетъ—152—155; наслѣдованіе власти вождя—164; материнскій родъ и матріархатъ—171; кувада—193; преданія объ общемъ родоначальникѣ—216—217; устройство дорогихъ похоронъ—222; разныя формы брака—275; бракъ куплей—285; пріобщеніе новобрачной къ очагу мужа—292—293.
индоевропейская семья народовъ см. индоевропейцы.
индо-европейцы: стремленіе выдѣлить ихъ изъ общечеловѣческаго хода развитія—15; теорія Мэна—15—16; изученіе древн. памятниковъ права—16 прохожденіе ими стадіи безпорядочнаго сожительства—39; 43; слѣды безпорядочнаго сожительства—48—50; поліандрія—69; теорія Мэна о незнакомствѣ и. съ материнскимъ счетомъ родства—145; стадія матернитета—145; моно-и полигамія—270, 271; пріобщеніе новобрачной къ очагу мужа—293.
Индостанъ: материнскій счетъ родства у туземцевъ И.—153; положеніе дѣтей при расторженіи брака—165; полигамія—272 (см. также: *Бенгалія, Гималаи, Гоа, Гонды, Индія, индусы, Калкутта, Малабарскій берегъ, наиры, Пондишери, реддіи, тодды.*
индусы: отсутствіе матріархата (Мэнъ)—15; изученіе древн и. права—16; стадія безпорядочнаго сожительства—43; фаллическій культъ въ связи съ культомъ бога Сивы—52; взглядъ на браки между родственниками—120; матернитетъ у и.—152—155; культъ предковъ—219—221; свадебные обряды—289—290.
инки—эндогамія—126 (см. также *Перу*).
иранцы: отсутствіе матріархата (Мэнъ)—15; прохожденіе ими стадіи безпорядочнаго сожительства—43; слѣды тотемическихъ представленій—101; слѣды матернитета—158 (см. также *Персія*).
Иречекъ: мнѣніе о значеніи топографическихъ названій на «ичи» и «овичи»—217.
Ирландія: слѣды матернитета въ древней И.—146—147; 148—151; кувада—193; указаніе на полигамію—270 (см. также *кельты*).
ирландское право: слѣды матернитета—148—150; право отца на дѣтей—201.
ирокезы: передача имени матерью дѣтямъ—163; требованіе мужества отъ родильницы—198 (см. также: *вейандоты, гуроны, сенека, чироки*).
исландское право: указанія на матернитетъ—151—152.
Испанія: формулы вѣжливости — 86; наложничество въ ср. вѣка — 271 (см. также: *испанцы*).
испанцы: констатированіе фаллическаго культа въ Мексикѣ—52.

Италія: фаллическій культъ—52; наложничество въ ср. вѣка—271 (см. также: *римляне, Римъ, сабиняне, этруски*).

Іеронимъ, бл.: свидѣтельство о полигаміи у кельтовъ—270.
іорубане: гостепріимный гетеризмъ—87.
Іудея: культъ божествъ производительной силы—52 (см. также: *евреи*).
jus osculi: какъ указаніе на материнитетъ у римлянъ—157—158.
jus praeemptionis см. право первой покупки.
jus primae noctis см. право первой ночи.

кабардинцы: левиратъ—75; гостепріимный гетеризмъ—88; слѣды материнитета—143—144; культъ предковъ, человѣческія жертвоприношенія—227; кровная месть—228.
Кавелинъ: мнѣніе о значеніи топографическихъ названій на «ичи» и «овичи»—217.
Кавказъ: собраніе адата—16; безпорядочное сожительство—39; снисходительное отношеніе къ внѣбрачнымъ союзамъ—42; левиратъ—74; гостепріимный гетеризмъ—88; 89; кровная месть у хевсуръ—209; пріемъ чужеродцевъ—211; богатство матеріаловъ по агнатическому родовому быту—226; по переходу родовой общины въ сельскую—230; культъ предковъ—226—227; у хевсуръ, пшавовъ, тушинъ—226; у черкесовъ, осетинъ, сванетовъ, въ Грузіи, у кабардинцевъ—227; кровная месть—227—228; отношеніе къ убійцамъ—228; отношеніе къ воровству—228—229; землевладѣніе, Flurzwang—229—230; размѣръ калыма—284; пріобщеніе новобрачной къ очагу мужа—296 (см. также: *армяне, Грузія, Дигорское общ., ингуши, кабардинцы, картвельскія народности, курды, осетины, пшавы, сванеты, тушины, хевсуры, черкесы, чеченцы, Эриванская губ.*).
казаки (донскіе): взглядъ на нравственность дѣвушекъ; свобода внѣбрачныхъ сношеній—46; празднованіе Иванова дня,—46; браки съ малолѣтними, снохачество—83; положеніе дѣтей—258 (см. также: *Луганская станица*).
Казалинскій у.: кровная месть у киргизовъ—232.
Калифорнія: положеніе женщины у охотничьихъ народностей К.—58; левиратъ—73 извѣстность отца—97; размѣръ калыма у кароковъ—284.
Калкутта: религіозный гетеризмъ—54.
калмыки: снисходительное отношеніе къ внѣбрачнымъ союзамъ—43; левиратъ—75; слѣды родового быта—235—236.
Калужская губ.: проституированье дѣвушекъ рекрутамъ—89.
калымъ: к. при левиратѣ—73; 74; право братьевъ на к. у индусовъ—155; у осетинъ—158; права дяди на к. въ материнскомъ родѣ—164; значеніе к. для пріобрѣтенія правъ на жену и дѣтей—176—177; к. у киргизовъ—233; размѣры его и виды: у кароковъ, въ Орегонѣ, Африкѣ, у бамбаровъ, дамара, въ Суданѣ, Угандѣ, на Самоа, Каролинскихъ о-вахъ, у ландумовъ, на Кавказѣ, у ингушей, чеченцевъ, остяковъ, башкиръ—284—285; лица, получающія к.—286—287; к. какъ компенсація за похищеніе женщины—287.
Камбоджа: право первой ночи—91.
«каменщики»: свобода внѣбрачныхъ сношеній—45.
канунъ см. родовыя пиршества.
каракалпаки: вѣра въ легендарнаго родоначальника—231.
карибы: левиратъ—73; право первой ночи—91; положеніе дѣтей при расторженіи брака—164—165; кувада—191 (см. также: *бакаиры*).
карены: материнскій счетъ родства—135; усыновленіе—212.
кароки: размѣръ калыма—284.
Каролина Сѣв. и Южн. (штатъ): наслѣдованіе власти вождя у туземцевъ—164 (см. также: *натчезы*).

Каролинскіе о-ва: материнскій счетъ родства—134; наслѣдованіе власти вождя—164; размѣръ калыма—284.

Карпини (Плано): констатированіе левирата у монголовъ—73.

картвельскія народности: слѣды материнтета—144.

Кареагенъ: культъ божествъ производительной силы—52 (см. также: *кареагеняне*).

кареагеняне: добровольное проституированье—54 (см. также: *Кареагенъ*).

Кастренъ: констатированіе левирата у остяковъ—74; указаніе на жертвоприношеніе сейдамъ у лопарей—246.

кафры: левиратъ—72: гостепріимный гетеризмъ—87; полигамія—104; взглядъ на вредъ отъ браковъ между родственниками—120; культъ предковъ—218; полигамія—272 (см. также: *амаксосы, басутосы, бечуаны, зулусы*).

каяны: ограниченія свободнаго общенія половъ—40.

Квинслэндъ: номенклатура родства у жителей сѣвернаго К.—31.

Кекропсъ: установленіе брака—40; ограниченіе материнтета—155; 163.

кельты: отсутствіе матріархата (Мэнъ)—15; изученіе права др. к.—16; прохожденіе ими стадіи безпорядочнаго сожительства—43; поліандрія у к.—64; запрещеніе дѣтямъ публично признавать отца—143; материнтетъ у к.—146—151; кувада—193; полигамія—270; бракъ куплей—285.

кенаи: преданіе относительно вредныхъ послѣдствій браковъ между родственниками—119.

Кингсмиль, о-ва: свадебный обрядъ—289.

Кипръ: культъ божествъ производительной силы—52; добровольное проституированье себя—54; кувада—193.

киргизы: левиратъ—73; 233; указаніе на снохачество—83; гостепріимный гетеризмъ—89; слѣды материнтета—142; преданія объ общемъ родоначальникѣ—217; 231; переживанія родового быта—231—234; остатки родового культа—231; дѣленіе к. на рода—231—232; старшинство родовъ—232; экзогамія, присяга, кровная месть, владѣніе землей—233; антропологическая обособленность родовъ—236; свадебный обрядъ—295; пріобщеніе новобрачной къ очагу мужа, жертвоприношеніе очагу—296 (см. также: *Казалинскій у.*).

Кириллъ, митр.: объ обычаяхъ новгородцевъ XIII в.—50.

Кистяковскій: о нійогѣ въ Россіи—76—77.

Китай: формула вѣжливости—86; гостепріимный гетеризмъ—87; почитаніе женщинъ предковъ—219; культъ предковъ—221—222; устройство дорогихъ похоронъ—222; слѣды брака куплей—285 (см. также: *китайцы, тарасы, кхазіи*).

китайцы: установленіе брака—40; слѣды материнтета—137; отсутствіе свидѣтельствъ о бракахъ похищеніемъ—279 (см. также: *Китай*).

Kilbenen: сходбища въ селахъ Граубиндена—49.

Kilchgand см. Германія.

кланъ см. родъ.

классы по возрасту: у австралійцевъ—30—31; 32; на Гаваи—31; слѣды к. п. в. въ номенклатурѣ родства у финновъ и тюрковъ—34; у вотяковъ—34—35; у черемисовъ—35; у мордвы—35; у остяковъ, зырянъ—35; у якутовъ—35—36; у гиляковъ—36—37; дѣленіе по способности къ брачному сожитію, по возрасту—37; перечисленіе изъ одного класса въ другой—38; поліандрія въ к. п. в.—62; к. п. в. и тотемическія группы—114.

Клеммъ: какъ сторонникъ патріархальной теоріи—5.

Клостеръ: Kilbenen—сходбища въ селахъ—49.

Ковалевскій: труды его—13; изученіе быта осетинъ—16; изученіе системъ родства—34; о свидѣтельствѣ лѣтописи объ игрищахъ—44; объ обычномъ правѣ Граубиндена, составѣ его населенія, о Kilbenen—49; о фаллическомъ культѣ—52; о рели-

гіозномъ гетеризмѣ въ храмахъ—54—55; толкованіе статьи Устава Ярослава (поліандрія)—69; о снохачествѣ—84; о правѣ первой ночи—91; о слѣдахъ материнитета у индоевропейскихъ народовъ—145—146; о материнитетѣ у др. кельтовъ—146—147; 148—150; о материнитетѣ у др. индусовъ—153—155; взглядъ на существованіе материнитета у славянъ—158—159; взглядъ на переходъ отъ материнскаго къ отцовскому роду—184—185; объясненіе кувады—195; о значеніи топографическихъ названій на «ичи» и «овичи»—217; критика на основное положеніе Мэна—220; о богатствѣ матеріаловъ по агнатическому родовому быту на Кавказѣ—226; о культѣ предковъ на Кавказѣ—226—227; о кровной мести на Кавказѣ—227—228; объ абречествѣ—228; объ отношеніи къ воровству на Кавказѣ—228—229; взглядъ на стадію безпорядочнаго сожительства—264; о свадебномъ обрядѣ въ Индіи—292—293; о пріобщеніи новобрачной къ очагу мужа у осетинъ—296—297.

когнатическій родъ см. материнскій родъ.

когнатическій счетъ родства см. материнскій счетъ родства.

когнаты: участіе въ charistia—156—157; судъ к.—157; jus osculi—157—158.

Козьма Пражскій: о неустойчивости брачныхъ союзовъ у древнихъ чеховъ—43.

колоши: дача имени—163.

Komm(e)nächte см. Германія и Швейцарія.

коммунальный бракъ: терминъ предложенный Лёбоккомъ—9; взглядъ Спенсера на к. б.—9—11; 264; взглядъ Летурно, Ковалевскаго—264.

Конго (племена по рѣкѣ): право первой ночи—90; материнскій счетъ родства—137; положеніе дѣтей при расторженіи брака—164—165; полигамія—272.

конкубинатъ см. наложничество.

коняги: нійога—75.

Коринеѣ: культъ боговъ производительной силы—52.

Корсика: кувада—193.

коряки: нійога—75; гостепріимный гетеризмъ—87.

Костровъ, кн.: констатированіе левирата у остяковъ—74.

Кострома: похороны Ярилы—51.

Кохинхина: гостепріимный гетеризмъ—87.

краснокожіе: изученіе ихъ быта Морганомъ—7; труды Смисзоновскаго Института—7; гостепріимный гетеризмъ—87; положеніе дѣтей при расторженіи брака у к. Сѣв. Америки—164; переходъ къ отцовскому роду—184; 190; пріемъ чужеродцевъ—211; совмѣстное хозяйство агнатическихъ родичей—223; размѣръ калыма у к. Орегона—284 (см. также: *абипоны, арайкусы, арауканцы, ароваки, бакаиры, ботокуды, Бразилія, бразильцы, вейандоты, Виргинія, гоахиры, гуараны, Гуйяна, гуроны, дакоты, делавары, Калифорнія, карибы, кароки, Каролина, каяны, кенаи, колоши, макузи, Мексика, мускогисы, натчезы, огнеземельцы, Огненная Земля, омагасы, оджибвеи, Орегонъ, оттавы, пассесы, Патагонія, патагонцы, сенека, тупинамба, тлинкиты, чиппевеки, чироки, шошоны).*

Краусъ: о свободѣ внѣбрачныхъ сношеній у хорватовъ—47; замѣчаніе объ имущественныхъ правахъ членовъ задруги—254.

Крещенія навечеріе: слѣды религіознаго гетеризма—50—51; свидѣтельство Стоглава—51; культъ домового—263.

кровная месть: проявленіе к. м. у бареа и кунама—136—137; у хевсуръ—144; к. м. по др. кельтскому праву—149; по др. германскому праву—152; характерная черта родового устройства—161; въ материнскомъ родѣ—164; у краснокожихъ—168; у австралійцевъ—178; въ отцовскомъ родѣ—200—207; начала к. м.—207—208; ограниченіе к. м.—208—210; к. м. у бедуинъ, албанцевъ—208; у австралійцевъ, у хевсуръ, у бразильскихъ народностей—209; усыновленіе ради уничтоженія к. м.—212; к. м. въ семейной общинѣ—224; у кавказскихъ народностей, осетинъ, черкесовъ, чеченцевъ, кабардинцевъ—227—228; у киргизовъ—233; указанія на к.

м. въ преданіяхъ якутовъ—237; у гиляковъ—239; въ Черногоріи, Герцеговинѣ, у южн. славянъ—248—249; указаніе на к. м. въ Русской Правдѣ—259; замѣна скота деньгами на Кавказѣ при расплатѣ за кровь.—284.

кровнородственная семья: въ гавайской системѣ (Морганъ)—31.

кровныя узы: отсутствіе понятія о к. у. у низшихъ племенъ Австраліи—33; замѣна к. у. узами территоріальными—33, 96; игнорированіе к. у. при заключеніи брачныхъ союзовъ въ Австраліи—41; вопросъ о возникновеніи представленій о к. у.—96—98; значеніе религіозныхъ представленій—98—103; 108—110; 213.

Кроль: о свободѣ внѣбрачныхъ союзовъ у бурятъ—43; о родовомъ бытѣ у бурятъ—237.

круговая порука: при родовомъ устройствѣ—161; 207; начала к. п.—207—208; к. п. у гиляковъ—239; у южныхъ славянъ—248; 251.

Куба: право первой ночи—90.

кубу: обмѣнъ дочерей на подарки—77.

кувада: опредѣленіе—191; к. у басковъ—181; у карибовъ, въ Гуйянѣ, у абипоновъ, гуарановъ—191—192; у татаръ, въ Бенгаліи, на Новыхъ Гебридахъ, на Молуккскихъ о-вахъ, на Целебесѣ, въ Индіи, Африкѣ—192—193; у тибареновъ, въ Корсикѣ, на Кипрѣ, у иберовъ, кельтовъ, ѳракійцевъ, скиѳовъ, въ Гренландіи, на о. Маркенѣ, въ Россіи—193; у арованковъ, макузи, бразильцевъ, пассесовъ, арайкусовъ, на Банкскихъ о-вахъ—196; 197; въ Америкѣ, на Малайскомъ арх., въ Азіи, въ Африкѣ—198; объясненіе к. М. Мюллера—193; Тэйлора—193—194; Лёббока—194; Липперта и Гельвальда—194—195; Жиро-Тёлона, Ковалевскаго—195; Летурно—195—196; Старке—196—198; Гартланда 197—198; источники к.—194—195; 196; 198—199.

Кузнецовъ: о свободѣ внѣбрачныхъ сношеній у черемисовъ—41; поминки у черемисовъ—246.

Кулаковъ: о свободѣ внѣбрачныхъ сношеній у бурятъ—43; о бракахъ съ малолѣтними у бурятъ—81; о «половой предосторожности» у бурятъ—82.

Кулишеръ: о наложничествѣ въ средневѣк. Франціи, Италіи, Испаніи и Германіи—271.

культъ: какъ отраженіе нѣкогда бывшихъ воззрѣній—52; мнѣніе Петри—52; консервативность к., постепенное смягченіе к.—55—56; к. какъ основа левирата—78—79; при родовомъ устройствѣ—161.

культъ предковъ: основанія и характерныя черты—213—216; к. п. въ Африкѣ, на Малайскомъ арх., въ Азіи, у амаксосовъ, у игорротовъ—218; на о-вахъ Лети, Моа и Лакоръ—218—219; въ Китаѣ—219; 221—222; у индусовъ—219—221; у грековъ и римлянъ—221; на Кавказѣ—226—227; 228; у хевсуръ; пшавовъ и тушинъ—226—227; у черкесовъ, осетинъ, сванетовъ, въ Грузіи, у кабардинцевъ, чеченцевъ—227; 228; у вотяковъ—241—243; переживаніе к. п. въ поминкахъ мордвы, черемисовъ, пермяковъ—243—246; переживаніе к. п. у лопарей—246—247; у русскихъ—261; отраженіе к. п. въ культѣ домового у русскихъ—262—264; к. п. какъ источникъ возникновенія представленія о религіозномъ значеніи брака—287; умилостивленіе предковъ при введеніи въ домъ новобрачной—290—291; у патагонцевъ, даяковъ—291.

культъ родовой см. родовой культъ.

культъ фаллическій см. фаллическій культъ.

кунама: левиратъ—73; материнитетъ—136—137; положеніе дѣтей—202.

Куновъ: значеніе его труда—29; К. объ австралійцахъ и ихъ классахъ по возрасту—30—31; объ извѣстности отца у австралійцевъ—32, 33; подтвержденіе гипотезы К.—37 38; мнѣніе К. о поліандріи у діейри—61; указаніе на наименованіе территоріальныхъ группъ австралійцевъ—96; о возникновеніи материнскаго счета родства—104.

курды: изученіе ихъ быта—16; пріобщеніе новобрачной къ очагу мужа—297.

курнаи: брачныя ограниченія—178.

Курская губ.: снохачество—83.

кхазіи: свадебный обрядъ—290.

Лакоръ, о. культъ предковъ—218—219.
лангобардское право: указаніе на материнитетъ—152.
ландумы: размѣръ калыма—284.
Лафито: о материнитетѣ у краснокожихъ—166; случай наказанія невѣрной жены—169; о требованіи мужества отъ родительницы у ирокезовъ—198.
Лёббокъ: терминъ общинный, коммунальный бракъ—9; взглядъ на гинекократію—9; критика на него Спенсера—9—11; 264; взглядъ Л. на роль группы—29; изученіе системъ родства—34; мнѣніе о дѣтоубійствѣ у дикарей; критика по Макъ Ленана—59; 60; взглядъ на левиратъ—79; объясненіе экзогаміи—115—116; взглядъ на переходъ отъ материнитета къ патернитету—180—181; объясненіе кувады—194; взглядъ на родовой культъ—214; мнѣніе о несуществованіи культа предковъ женщинъ—214; 219; критика на Л. Летурно и Ковалевскаго—265.
левиратъ: опредѣленіе л.—71; л. у евреевъ, индусовъ—72—73; 78—79; 80; у народностей Азіи, Африки, Америки, Океаніи—72—73; у инородцевъ Россіи—73—75; основы л., причины, его поддерживающія—77—80; 206; 213; взглядъ Мэна—78; формы вымиранія л.—79; взглядъ Макъ Ленана, Лёббока, Спенсера—79—80;
Левшинъ: указаніе на погребальные обряды у киргизовъ—231.
Леонтовичъ, Н. Ѳ.: указаніе на слѣды родового быта у монголовъ—234.
Леонтовичъ, Ѳ. И.: собраніе адатъ—15; 226.
Лети, о.: культъ предковъ—218—219.
Летурно: значеніе его трудовъ—17; взглядъ на разницу между патріархатомъ (матріархатомъ) и агнатическимъ (когнатическимъ) счетомъ родства—26; мнѣніе о положеніи женщины у краснокожихъ—170; взглядъ на переходъ къ патернитету—185; указаніе на куваду на о. Маркенѣ—193; объясненіе кувады—195—196; взглядъ на стадію безпорядочнаго сожительства—265.
Ливингстонъ: указаніе на случай левирата у бечуанъ—78.
Ливія: право первой ночи—91 (см. также: *авсеи*, *гинданы*, *назамоны*).
лидійцы: внѣбрачное сожительство дѣвушекъ—40; усыновленіе—212.
ликійцы: материнитетъ—132; передача имени матери дѣтямъ—163.
Ликургъ: допущеніе нійоги законами Л.—75.
лимбусы: права отца на дѣтей—201.
лингамъ: обоготвореніе у индусовъ—52; религіозная проституція—54.
Липпертъ: объясненіе кувады—194.
Лоанго: наслѣдованіе власти вождя—164; свадебный обрядъ—293.
локрійцы: материнскій счетъ родства—132.
лопари: гостепріимный гетеризмъ—87—88; почитаніе медвѣдя—238; культъ сейдовъ какъ переживаніе культа предковъ—246—247; свадебный обрядъ—295.
Луанъ: упадокъ «большой семьи» въ окрестностяхъ Л.—264.
Луганская станица: увеселеніе съ куклой Маринкой—46 (см. также: *казаки донскіе*).
Лютеръ: взглядъ на браки между родственниками—118.
лѣтописи: свидѣтельство о безпорядочномъ сожительствѣ—43; объ игрищахъ радимичей, вятичей, сѣверянъ—44.

Мадагаскаръ: левиратъ—73; усыновленіе—195; полигамія—272; свадебный обрядъ—289 (см. также: *говасы*, *мальгаши*, *саккалавы*).
мазуры: преданіе о происхожденіи отъ Мазоса—216.
макассары: положеніе дѣтей—201.
Македонія: свобода внѣбрачныхъ сношеній—47; побратимство—47—48.
макузи: кувада—197.
Макъ-Ленанъ: значеніе его трудовъ—7—8; взглядъ на матріархатъ—8; на поліандрію—58—60; 70; на дѣтоубійство—59; на левиратъ—79—80; теорія экзо- и эндогаміи—

115; 126; 127; взглядъ на связь экзогаміи съ бракомъ посредствомъ похищенія—277.

Малабарскій берегъ: поліандрія у наировъ—65; эндогамія у наировъ—126; материнскій счетъ родства у наировъ—135; 171; наслѣдованіе власти вождя—164; материнскій родъ—171.

Малайскій архипелагъ: наслѣдованіе власти вождя—164; положеніе дѣтей при расторженіи брака—164—165; материнскій родъ—172—173; кувада—198; права отца на дѣтей—201; 202; формы брака—201; 275; усыновленіе—212; культъ предковъ—218; свадебный обрядъ—289 (см. также: *аты, аэты, баттаки, Борнео даяки, игорротты, кубу, о. Лакорь, о. Лети, макассары, малайцы, Менаникабау о. Моа, Суматра, Филиппинскіе о-ва, Целебесь, Ява*).

малайцы: левиратъ—73; материнскій родъ—172; переходъ къ отцовскому роду—184 190; совмѣстное существованіе двухъ системъ родства—190; право первородства—203—204; почитаніе женщинъ предковъ—219; совмѣстное хозяйство агнатическихъ родичей—223 (см. также: *баттаки, Борнео, даяки, игорроты, кубу, о. Лакорь, о. Лети, макассары, Менаникабау, о. Моа, Суматра, Филиппинскіе о-ва, Целебесь, Ява*).

Малакка: свадебный обрядъ—290 (см. также: *малайцы*).

Малая Азія: фаллическій культъ—52; материнскій счетъ родства—132; кувада у тибареновъ—193 (см. также: *лидійцы, ликійцы*).

малая семья: возникновеніе ея—264.

Малороссія: обряды, символизирующіе бывшую свободу внѣбрачныхъ сношеній—46; похороны Ярилы—51; слѣды поліандріи въ свадебныхъ обрядахъ—68—69 (см. также: *Курская губ., малороссы, Полтавская губ., Харьковская губ.*).

малороссы: указаніе на материнитетъ въ свадебныхъ обрядахъ—159 (см. также: *Курская губ., Малороссія, Полтавская, Харьковская губ.*).

мальгаши: левиратъ—73.

Мальдивскіе о-ва: материнскій счетъ родства—135.

Ману: предписаніе левирата—72; отношеніе къ раздѣламъ—220.

маори: двѣ формы брака—189; бракъ похищеніемъ и куплей—286.

массагеты: безпорядочное сожительство—39.

Маріанскіе о-ва: право первой ночи—91; свобода внѣбрачныхъ союзовъ при экзогаміи—123; материнскій счетъ родства—134; наслѣдованіе власти вождя—164.

Маркенъ, о.: кувада—193.

Маркизскіе о-ва: поліандрія—65.

Маршальскіе о-ва: материнскій счетъ родства—134.

материнскій родъ: отличіе отъ материнскаго счета родства и матріархата—26; 131; м. р. у якутовъ—143; типичныя черты м. р.—162—165; м. р. у краснокожихъ—165—168; въ Индіи, у наировъ—171; у малайцевъ—172 — 173; на Никобарскихъ о-вахъ—173; у гаросовъ—173—174; въ Африкѣ, на Тихоокеанскихъ архипелагахъ—174; значеніе земледѣлія для развитія м. р.—174—175; взглядъ на м. р. какъ на стадію развитія—177—178; переходъ отъ м. р. къ отцовскому у малайцевъ и у краснокожихъ—184; взглядъ на м. р. представителей экономическаго направленія—185; Гильдебранда—185—186; Старке—187; причины перехода отъ м. р. къ отцовскому—187—191; взглядъ Гроссе—189; права брата и дяди на калымъ въ м. р.—287.

материнскій счетъ родства: указанія на м. с. р. у Геродота—5; теорія Бахофена—5; теорія Моргана—7; теорія эволюціонистовъ—12—13; взгляды представителей экономическаго направленія—18; 132; различіе организацій съ м. с. р. и матріархата—26; 131; взгляды Бахофена, Кунова на возникновеніе м. с. р.—103—105; возникновеніе м. с. р.—106—110; мнѣніе представителей экономическаго направленія объ исключительности м. с. р.—131—132; м. с. р. у иберовъ, въ Малой Азіи, у ликій-

цевъ, локрійцевъ, этрусковъ, въ Египтѣ, Эѳіопіи—132—133; въ Австраліи, Поли- и Меланезіи, на Суматрѣ—134—135; у кареновъ, сингалезовъ, на Мальдивскихъ о-вахъ—135; въ Индіи, у наировъ—135; 171; у краснокожихъ С. Америки—135—136; въ Гуйянѣ, въ Африкѣ—136; въ Борну, Сенегамбіи, на р. Конго, у дамара, ашантіевъ, басутосовъ—137; слѣды м. с. р. у вотяковъ—139—141; у др. индусовъ—146; у др. грековъ—156; у римлянъ—157; у сабинянъ—158; у ирокезовъ—165; 166; у даяковъ—173; непосредственный переходъ отъ м. с. р. къ отцовскому и къ отцовскому роду—177—178; 179; взгляды на причины перехода Бахофена—179—180; Жиро—Тёлона—180; Лёббока—180—181; Спенсера—181—185; Гильдебранда—185—186; Старке—186—188.

материнство см. материнитетъ.

материнитетъ: опредѣленіе—131; м. у ликійцевъ—132; въ Нубіи—133; на о. Палау—134—135; у наировъ—135; у краснокожихъ С. Америки—135—136; у богосовъ, бареа, кунама, берберовъ—136—137; въ Суданѣ—137; преданія, обряды, номенклатура родства какъ доказательства господства м.—138; 174; слѣды м. у мордвы—138; у пермяковъ—138—139; у вотяковъ—139—142; у киргизовъ—142; у якутовъ—142—143; у кабардинцевъ—143; у ингушей, хевсуръ—144; въ древнемъ правѣ кельтовъ—146—147; 148—150; свидѣтельство Бэды о м. у пиктовъ—150—151; слѣды м. у германцевъ—151—152; у др. индусовъ—152—155; у др. грековъ—155—156; у римлянъ—156—158; отсутствіе прямыхъ свидѣтельствъ о м. у славянъ—158—159; слѣды м. въ свадебныхъ обрядахъ русскихъ—159; слѣды м. у овагереросовъ—191.

матріархатъ: переходъ къ патріархату у др. грековъ (Бахофенъ)—6; теорія Макъ Ленана—8; различіе между м. и организаціями съ материнскимъ счетомъ родства—25—26; 131; м. у краснокожихъ—165—168; у малайцевъ—173; значеніе земледѣлія для развитія м.—175; взглядъ на м. какъ на стадію развитія—177—178.

Махабхарата: указаніе на слѣды поліандріи—65; указаніе на материнитетъ—153.

Мейеръ: о свободѣ внѣбрачныхъ сношеній среди нѣмецкихъ крестьянъ—49.

Мексика: фаллическій культъ—52; полигамія—272 (см. также: *мексиканцы*).

мексиканцы: употребленіе каменнаго ножа при жертвоприношеніи—55; совмѣстное существованіе моногаміи и наложничества—272 (см. также: *Мексика*).

Меланезія: материнскій счетъ родства—134; полигамія—272 (см. также: *Банкскіе о-ва, Гебриды, Нов. Гвинея, Нов. Каледонія, папуасы, Фиджи*).

Менангкабау: материнскій родъ—172.

Менесъ: установленіе брака—40.

методъ историко-сравнительный и методъ изученія переживаній: роль ихъ въ изученіи семьи—5; м—ды въ трудахъ Моргана—8; эволюціонистовъ—13; 16—17; критика на м.—ды Старке—18—19; критика Гроссе—19—20; отношеніе къ м.—мъ представителей экономическаго направленія—20—21.

Микронезія: наслѣдованіе власти вождя—164; положеніе дѣтей при расторженіи брака—164 (см. также: *Каролинскіе о-ва, о-ва Кингсмиль, Маріанскіе, Маршальскіе, Палау.*)

Милитта: культъ ея въ связи съ обоготвореніемъ производительныхъ силъ—52; проституція вавилонянокъ въ храмѣ М.—53—54.

Миллеръ, Вс. Ѳ.: о слѣдахъ поліандріи въ индусскихъ легендахъ—65; мнѣніе о материнскомъ счетѣ родства у аріевъ—153.

Миллеръ, Ѳ.: о бракахъ похищеніемъ у вотяковъ—295.

минкопи: положеніе женщинъ—58; мѣна дѣтьми—77; извѣстность отца—97.

Митакшара (сводъ): указаніе на материнитетъ—155.

миѳы: какъ источникъ для выводовъ Бахофена—6; эволюціонистовъ—14.

многоженство см. полигамія.

многомужество см. поліандрія.

Моа, о.: культъ предковъ—218—219.

моавитянки: добровольное проституированіе себя—54.
Молуккскіе о-ва: кувада—192.
монголы: левиратъ—73; тотемическія преданія—101; слѣды родового быта—230—231·234—235; бракъ куплей—285.
монгольскія народности: переживанія родового быта—247 (см. также: *буряты, калмыки, коряки, монголы, самоѣды, тоpгоуты*).
моногамическая семья: какъ эмбріонъ человѣческаго развитія (Вестермаркъ)—26.
моногамія: значеніе м. для развитія патріархальной семьи (Спенсеръ)—182; вопросъ о поли- и моногаміи—269; м. въ животномъ мірѣ—270; м. въ Римѣ, Греціи—270; совмѣстное существованіе м. и полигаміи—272; 273; 274; у бушменовъ, веддовъ, остяковъ, австралійцевъ, на Суматрѣ, Явѣ, у др. мексиканцевъ—272—273; м. на Никобарахъ, на Андаманскихъ о-вахъ, у веддовъ, игорротовъ, даяковъ, тоддовъ—273; причины, благопріятствующія м.—273—274.
Морганъ: значеніе трудовъ М.—7,—8; взглядъ М. на промискуитетъ—7; на материнскій счетъ родства—7; на роль группы—29; на гавайскую систему родства—31; на кровно-родственную семью—31; ошибочное толкованіе М. института пуналуа—63; объясненіе экзогаміи—117; критика на теорію М.—117—122; 264; перечисленіе родовъ у сенека—165; о вліяніи женщинъ у краснокожихъ—167; о родовыхъ именахъ у краснокожихъ—168.
мордва: слѣды классовъ по возрасту въ номенклатурѣ родства—34; 35; свобода внѣбрачныхъ сношеній—41; браки съ малолѣтними—82; слѣды материнтета—138; поминки—244—246.
Мукке: взглядъ на возникновеніе счета родства—106; взглядъ на браки похищеніемъ—106; 280.
муррингъ: взаимныя отношенія между группами территоріальными и тотемическими—112—114.
мускогисы: материнтетъ—135—136.
Мута-ямво: наслѣдованіе власти вождя—164.
Мэнъ: теорія его—15—16; значеніе ея и критика на нее—16—17; неосновательность мнѣнія М. о непрохожденіи арійцами стадіи безпорядочнаго сожительства—39; 43; взгляды М. на основу левирата—78; взглядъ на отсутствіе материнскаго счета родства на индоевропейцевъ—144—145; взглядъ на родовой культъ—214; мнѣніе о плохой памяти дикарей—214—215; взглядъ на культъ предковъ у индусовъ, на семейную общину—220.
Мюллеръ, Максъ: объясненіе кувады—193.

назамоны: право первой ночи—90.
наиры: поліандрія—65—66; 70; 171; проституированье женщины группой ея родственниковъ—66; эндогамія—126; материнтетъ—135; материнскій родъ—171.
наложничество: въ Римѣ, Греціи—270; въ средніе вѣка во Франціи, Италіи, Испаніи, Германіи—271; у русскихъ—271; у мексиканцевъ—272; проведеніе различія между бракомъ и н.—274—276.
Нансенъ: свидѣтельство о свадебномъ обрядѣ у эскимосовъ—281.
Нарада: указаніе на материнтетъ—153.
нарриньерк: отношеніе между группами территоріальными и тотемическими—112—114; брачныя ограниченія—178; свадебный обрядъ—293.
наслѣдованіе: право группы на вдову сочлена—79; н. вдовы какъ основа левирата (Спенсеръ)—79—80; форма н. у наировъ—135; у краснокожихъ—136; 168; у бареа и кунама—137; н. власти вождя у берберовъ—137; въ Суданѣ—137; н. престола у пиктовъ—151; н. у германцевъ—151—152; у индусовъ—155; 220; при родовомъ устройствѣ—161; при материнскомъ родѣ—163—164; н. власти вождя у

гуроновъ—166; н. у краснокожихъ—166; у малайцевъ—172; у гаросовъ—173; въ Дагомеѣ—189; форма н. у галла—200; н. власти и имущества въ отцовскомъ родѣ—203—204; у малайцевъ, въ Африкѣ—203, 204; права женщины на н.—207; н. въ семейной общинѣ—224; н. власти въ семейной общинѣ—225; н. въ сельской общинѣ—230; н. у гиляковъ—239; въ русской «большой семьѣ»—259; замѣна н. родичей на—емъ отъ родителей къ дѣтямъ—267; исключеніе изъ н. дѣтей наложницъ въ средневѣковой Франціи, Италіи, Испаніи, Германіи—271; роль законнаго брака въ н.—276.

натчезы: материнитетъ и гинекократія—168.

негритосы: левиратъ—73.

незаконнорожденные: отношеніе къ нимъ въ Сибири—45; положеніе н. дѣтей по др. кельтскому праву—149; 150; по др. германскому праву—151; 152.

Нибелунги: указаніе на материнитетъ—159.

Никарагуа: гинекократія—168.

Никобары: безпорядочное сожительство—40; материнскій родъ—173; моногамія, отношеніе къ полигаміи—273.

Николай Дамасскій: о материнитетѣ у ликійцевъ—132.

никольщина см. родовыя пиршества.

нійога: опредѣленіе н.—71; н. у разныхъ народностей—75—76; н. въ Россіи—76—77; основы н., причины ее поддерживающія—77—80; 206, 213; отличіе н. отъ снохачества—84.

Новая Гвинея: левиратъ—73; положеніе дѣтей при расторженіи брака—165; 202; бракъ похищеніемъ и куплей—286; свадебный обрядъ—289.

Новая Зеландія: безпорядочное сожительство—40; поліандрія—65; право первой ночи—90; двѣ формы брака—189; полигамія—272; бракъ похищеніемъ и куплей—286.

Новая Каледонія: поліандрія—65; левиратъ—73.

новгородцы: слѣды религіознаго гетеризма въ XIII в.—50; родовыя пиршества—261.

Новогебридскіе о-ва см. Гебриды Новые.

номенклатура родства: у австралійцевъ, банкуи, ваимбо, жителей С. Квинслэнда—31; слѣды классовъ по возрасту въ н. р. у финновъ и тюрковъ, вотяковъ, черемисовъ, мордвы—34; у вотяковъ—34—35; у черемисовъ, мордвы, остяковъ, зырянъ—35; у якутовъ—35—36; у гиляковъ—36—37; стадія общественнаго развитія, раскрываемая н. р.—37—38; недостаточное изученіе н. р. у разныхъ народностей—38; н. р. какъ доказательство господства материнитета—138; н. р. у мордвы съ указаніемъ на материнитетъ—138; н. р. у пермяковъ съ указаніемъ на материнитетъ—139; н. р. у вотяковъ съ указаніемъ на материнитетъ—139—140.

Норвегія: гостепріимный гетеризмъ у лопарей—87.

Нубія: материнитетъ—133 (см. также: *барса, кунáма*).

община сельская, семейная см. сельская, семейная община.

общинный бракъ см. коммунальный бракъ.

овагереросы: поліандрія—65; левиратъ—73; остатки материнитета—191.

Овчинниковъ: указаніе на материнитетъ у якутовъ—143.

огнеземельцы: индивидуальная собственность—10; сравнительная устойчивость брачныхъ союзовъ—11; положеніе женщинъ—58; продажа дѣтей—77; извѣстность отца—97; бракъ посредствомъ службы въ домѣ невѣсты—278 (см. также: *Огненная земля*).

Огненная Земля: полигамія—272 (см. также: *огнеземельцы*).

ограниченія брачныя см. брачныя ограниченія.

ограниченія свободнаго общенія половъ: проявленія о. с. о. п.—39; у каяновъ—40; поліандрія какъ о. с. о. п. (Спенсеръ)—70.

оджибвеи см. чиппевеки.
Одиссея: указанія на материнитетъ у др. грековъ—155—156.
Озирисъ: празднество въ связи съ религіознымъ гетеризмомъ—53.
Океанія: левиратъ—73.
Олеарій Адамъ: констатированіе левирата на Кавказѣ—74.
Олекминскій округъ: указаніе на материнитетъ у якутовъ—143.
Олонецкая губ.: обычай, символизирующій свободу внѣбрачныхъ сношеній — 47; остатки родовыхъ пиршествъ—260; похоронные обряды—261; браки похищеніемъ—282—283 (см. также: *Пудожскій у.*).
омагасы—левиратъ—73.
Онежскій у.: отношеніе къ внѣбрачнымъ союзамъ—44—45.
опека: у хевсуръ—144; у германцевъ—152; у индусовъ—153; въ материнскомъ родѣ—164; въ отцовскомъ родѣ—205; о. надъ женой—206.
Оппертъ: о поліандріи у гималайскаго племени—66.
Орегонъ (штатъ): размѣръ калыма у краснокожихъ—284.
оромо—левиратъ—73.
орочоны: свобода брачныхъ союзовъ между близкими родственниками—43; гостепріимный гетеризмъ—87; полигамія—272.
Оршанскій: мнѣніе объ эртельныхъ началахъ въ русской семьѣ—259.
осетины: изученіе ихъ быта—16; левиратъ—74; нійога—75; форма вымиранія левирата—79; снохачество—81; слѣды гостепріимнаго гетеризма—88; слѣды материнитета—158; проклятіе покойникамъ—213; похоронный обрядъ, поминки—227; кровная месть—227—228; отношеніе къ убійцамъ—228; аулы съ общимъ землепользованіемъ—229; Flurzwang—230; пріобщеніе новобрачной къ очагу мужа—296—297.
Осія, пр.: свидѣтельство о религіозной проституціи моавитскихъ женщинъ—54.
Островскій: о бракахъ похищеніемъ у вотяковъ—295.
остяки: слѣды классовъ по возрасту въ номенклатурѣ родства—35; левиратъ—74; «половая предосторожность»—82—83; почитаніе медвѣдя—238; родовое владѣніе землей—243; культъ умершихъ—243—244; совмѣстное существованіе поли-и моногаміи—272; размѣръ калыма—284.
отецъ: взглядъ Бахофена на незнаніе о. на низшихъ ступеняхъ—5; взглядъ Моргана—7; эволюціонистовъ — 12; извѣстность о. у австралійцевъ — 32, 33, 97; права юридическаго о. на дѣтей—62; извѣстность о. у минкопи, огнеземельцевъ, туземцевъ Калифорніи, Бразиліи—97; незнаніе о. какъ источникъ материнскаго счета родства—97—98; 104; отношеніе о. къ дѣтямъ—106; 181; отношеніе о. къ возникающимъ понятіямъ о родствѣ—111; браки о-въ съ дочерьми—130; отсутствіе связи о. съ дѣтьми на Тихоокеанск. арх.—134; отношенія о. къ дѣтямъ у наировъ—135; у бареа и кунàма—135; по преданіямъ китайцевъ—137; право о. на дѣтей по др. кельтскому праву—148—149; отношеніе о. къ дѣтямъ у краснокожихъ—166; 167; фактическая власть о. у краснокожихъ—169; отношеніе о. къ дѣтямъ у гаросовъ—173—174; фактическая власть о. надъ дѣтьми—175; 178; 185; 196; права о. на дѣтей въ отцовскомъ родѣ и при переходѣ къ нему—200—203; на Малайскомъ арх., на Тиморѣ, у лимбусовъ, по древне-ирландскому праву, у макассаровъ—201; на Суматрѣ, на Малайскомъ архип., на Н. Гвинеѣ, у бареа и кунàма, фанти—202; главенство о. въ семейной общинѣ—225; наслѣдованіе власти воеводы отъ о. къ сыну въ южно-славянскомъ племени—251; права о. въ русской «большой семьѣ»—257—258; незнаніе о. какъ источникъ брака посредствомъ похищенія—277; права о. на калымъ—286—287.
оттавы: личныя имена—168.
отцовскій родъ: непосредственный переходъ къ о. р. отъ материнскаго счета родства—177—178; 179; возникновеніе отцовскаго рода; теорія Бахофена—179—180; теорія Жиро-Тёлона—180; теорія Лёббока—180—181; теорія Спенсера—181—184; тео-

рія Ковалевскаго—184—185; представителей экономическаго направленія—185; Гильдебранда—185—186; Старке—186—188; причины перехода отъ материнскаго рода къ о. р.—187—191; взглядъ Гроссе—189; характерныя черты о. р.—200—201; права отца и матери на дѣтей при переходѣ къ о. р.—200—203; власть старѣйшины въ о. р.—203—204; имущественныя отношенія въ о. р.—204—205; положеніе ж. въ о. р.—205—207; круговая порука и кровная месть въ о. р.—207—210; пріемъ чужеродцевъ въ о. р.—210—211; усыновленіе—211—212; мнѣніе Фюстель де Куланжа объ источникахъ о. р.—213; распаденіе на семейныя общины—222—224; о. р. какъ общечеловѣческая стадія развитія—225—226; полученіе калыма въ о. р.—287.

отцовскій счетъ родства: теорія Бахофена—6; теорія эволюціонистовъ—12; взглядъ Старке—24; различіе отъ патріархата—98; непосредственный переходъ къ о. с. р. отъ материнскаго с. р.—177—178.

«отцовское право»: взглядъ Гильдебранда—185.

отцовское родство: какъ препятствіе къ браку у австралійцевъ—178.

Охримовичъ: о слѣдахъ поліандріи въ малороссійскихъ свадебныхъ обрядахъ—68—69.

очагъ: роль при усыновленіи—212; культъ о. у киргизовъ—231; культъ о. у гиляковъ—238—239; у др. грековъ—239; у русскихъ—239; 263; пріобщеніе женщины къ семейному о. мужу—288; 290—293; у грековъ, римлянъ—292; 296; въ Индіи—292—293; въ Германіи—293; 296; въ Хорватіи—293; у киргизовъ, вотяковъ—296; на Кавказѣ, у осетинъ, курдовъ—296—297.

Палау (остр.): материнитетъ—134—135; наслѣдованіе власти вождя—164.

Памфилъ, игум.: о празднованіи Иванова дня въ XVI в.—51.

Папиніанъ: взглядъ на агнатическій родъ у римлянъ—156.

папуасы: левиратъ—73 (см. также: *Банкскіе о-ва, Гебриды, Н. Гвинея, Н. Каледонія, Меланезія, Фиджи*).

пассесы: кувада—197.

Патагонія: полигамія—272 (см. также: *патагонцы*)

патагонцы: свадебный обрядъ—291 (см. также: *Патагонія*).

Патканов: указаніе на снохачество у остяковъ—82—83.

патріархальный родъ см. отцовскій родъ.

патріархатъ: теорія Бахофена—6; переходъ отъ матріархата у др. грековъ (Бахофенъ)—6; патріархатъ у индоевропейцевъ по Мэну—15—16; разница между агнатической семьей и п. (Гроссе, Летурно)—25; п. на низшихъ ступеняхъ развитія семьи—98.

Пахманъ: объ имущественныхъ правахъ въ русской «большой семьѣ»—258.

Первухинъ: взглядъ вотяковъ на внѣбрачные союзы дѣвушекъ—41; о женскихъ именахъ у вотяковъ—141.

пермяки: слѣды поліандріи—67—68; слѣды материнитета—138—139; поминки—246 (см. также: *Вятская губ., Чердынскій у.*).

Персія: фаллическій культъ—52; формулы вѣжливости—87; эндогамія—126; разныя формы брака—275.

Перу: общность женъ—40; право первой ночи—90; эндогамія—126, 127; полигамія—272; (см. также: *инки*).

Петри: мнѣніе о лѣтописномъ свидѣтельствѣ объ игрищахъ—44.

пикты: свидѣтельство Бэды о слѣдахъ материнитета у п.—150—151.

Пинежскій у.: свобода половыхъ сношеній на посидѣлкахъ—45; браки похищеніемъ—283.

пирауру (piraurn): институтъ п. у діейри—62; понятіе, заключаемое этимъ словомъ—63; система п. какъ древняя форма поліандріи—64; система п. какъ источникъ возникновенія материнскаго счета родства (Куновъ)—104.

пиршества: сопровождаемыя свободнымъ общеніемъ половъ у австралійцевъ, у бразильскихъ дикарей и др.—50; у дикарей вообще—55. (см. также: *родовыя пиршества*).

Платонъ: взглядъ на браки между родственниками—118.

племянникъ: роль п. при левиратѣ—73; 74; отношенія къ дядѣ у наировъ—135; у богосовъ—136; у бареа и кунама—136; 137; въ Суданѣ—137; у кавказскихъ народностей—144; у германцевъ—151; 152; наслѣдованіе власти вождя при материнскомъ родѣ—163—164; обязанность кровной мести—164; у австралійцевъ—209.

Плиній: доказательства существованія безпорядочнаго сожительства—40.

Плутархъ: указаніе на нійогу—75—76; свидѣтельство о кувадѣ—193.

побратимство: въ Македоніи—47—48; п. какъ установленіе искусственнаго родства—212; п. у германскихъ и славянскихъ народовъ—212.

покровщина см. родовыя пиршества.

Полибій: о поліандріи въ Спартѣ—64; о материнскомъ счетѣ родства у локрійцевъ—132; взглядъ на jus osculi—157.

полигамическая семья: развитіе изъ моногамической (Вестермаркъ)—26—27.

полигамія: п. наряду съ поліандріей у гималайскаго племени—66; п. какъ источникъ материнскаго счета родства (представители экономическаго направленія)—104—105; п. у краснокожихъ—169; п. какъ факторъ возникновенія отцовскаго счета родства (Спенсеръ)—182; какъ факторъ возникновенія материнскаго счета родства (Старке)—187; вопросъ о п. и моногаміи—269; п. въ животномъ мірѣ—269—270; п. въ Римѣ, Греціи—270; у индоевропейцевъ—270; 271; п. у кельтовъ—270, у германцевъ, франковъ, въ средневѣковой Германіи, у славянъ—271; въ Огненной Землѣ, Австраліи, Меланезіи, Тасманіи, на Таити, Тонга, Н. Зеландіи, Мадагаскарѣ, Суматрѣ, въ Америкѣ, у эскимосовъ, патагонцевъ, въ Мексикѣ, Перу, Африкѣ, у готтентотовъ, кафровъ, у народностей по р. Конго, въ Дагомеѣ, у ашантіевъ, фуллаховъ, въ Абиссиніи, въ Азіи, у сингалезовъ, въ Индостанѣ, у якутовъ, гиляковъ, гольдовъ,—272; совмѣстное существованіе п. и моногаміи—272; 273; 274; у бушменовъ, веддовъ, остяковъ, австралійцевъ, на Суматрѣ, Явѣ—272; взглядъ на п. на Никобарахъ, на Андаманскихъ о-вахъ, у веддовъ, игорротовъ, даяковъ,—273; причины, ограничивающія п.—273—274.

полинезійцы: слѣды безпорядочнаго сожитія въ системѣ родства—33; левиратъ—73 (см. также: *Гаваи, маори, Маркизскіе о-ва, Н. Зеландія, Полинезія, Самоа, Сандвичевы о-ва, Таити, Тонга*).

Полинезія: гавайская система родства—31; институтъ пуналуа—62—63, гостепріимный гетеризмъ—86; материнскій счетъ родства—134; полигамія—272 (см. также: *Гаваи, маори, Маркизскіе о-ва, Н. Зеландія, полинезійцы, Самоа, Сандвичевы о-ва, Таити, Тонга*).

поліандрія: указаніе на п. у Геродота—5; роль п. въ эволюціи семьи—58; опредѣленіе п.—58; теорія Макъ Ленана—58—60; взглядъ Старке—59—60; взглядъ Гроссе и представителей экономическаго направленія—60; 70—71; существующія объясненія п.—60; сущность п., причины ее вызывающія—60—61; 69—71; п. у австралійцевъ—61—62; 70; у діейри—62; формы п.—64; п. у древнихъ арабовъ—64; въ Спартѣ, у др. кельтовъ, въ эфталитскомъ царствѣ—64—65; на о-вахъ Маркизскихъ, Нов. Зеландіи, Н. Каледоніи, Тасманіи, въ Ю. Америкѣ, Гренландіи, на Алеутскихъ о-вахъ, у овагереросовъ—65; слѣды п. въ индусскихъ преданіяхъ—65; п. у наировъ—65—66; 70; у тоддовъ, у гималайскаго племени, въ Тибетѣ—66; 70; слѣды п. у гиляковъ, якутовъ, вогуловъ, пермяковъ, черемисовъ—66—68; въ малороссійскихъ свадебныхъ обрядахъ—68—69; несомнѣнность знакомства съ п. индоевропейцевъ—69; недоказанность всесвѣтнаго распространенія п.—69—70; ошибки, допущенныя М. Ленаномъ, Спенсеромъ, Гроссе—70—71; левиратъ, какъ ограниченіе п. (М. Ленанъ)—79—80; отличіе п. отъ снохачества—184; родство при п. (Спенсеръ)—182.

Поло (Марко): о правѣ первой ночи въ Камбоджѣ—91; свидѣтельство о кувадѣ у татаръ—192.

«половая предосторожность»: у бурятъ, якутовъ, остяковъ, киргизовъ—82—83.

Полтавская губ.: обрядъ, символизирующій свободу внѣбрачныхъ сношеній—46.
поминки: у сванетовъ, осетинъ, въ Грузіи—287; у киргизовъ—231; у вотяковъ—243; у остяковъ—244; у мордвы—244—246; у черемисовъ, у пермяковъ—246; у русскихъ—261—262.
Пондишери: религіозный гетеризмъ—54.
«понедилкуванье»: значеніе его—68.
Поповъ: о родовыхъ названіяхъ селъ въ Черногоріи и Россіи—217.
попрелки см. посидѣлки.
посидѣлки: отношеніе къ нимъ народа, свобода половыхъ сношеній—45; отношеніе къ п. въ Харьковской губ.—46; обряды, символизирующіе свободу внѣбрачныхъ сношеній въ Малороссіи, Ярославской, Олонецкой губ.—46—47; п.—у болгаръ и другихъ южнославянскихъ народностей—47; запрещеніе ночныхъ п. въ Яросл. губ.—49.
Постъ: изученіе системъ родства—34; о культѣ предковъ на о-вахъ Лети, Моа и Лакоръ—218—219.
посѣдъ см. посидѣлки.
Потоцкій: сообщеніе о воровскихъ шайкахъ у черкесовъ—229.
похоронные обряды: перемѣна въ ихъ значеніи—215—216; п. о. у черкесовъ, осетинъ—227; у киргизовъ—231; у вотяковъ—242; 243; у остяковъ—244; у русскихъ—261.
право жизни и смерти: отца у австралійцевъ—71; дяди у бареа и кунама—136; 202; отца у римлянъ—156; дяди при материнскомъ родѣ—164; въ отцовскомъ родѣ—203.
право ирландское, лангобардское, исландское, скандинавское и пр. см. ирландское, лангобардское, исландское, скандинавское право и пр.
право отцовское см. «отцовское право».
право первой ночи (jus primae noctis): опредѣленіе—90; у разныхъ народовъ—90—91.
право первой покупки (jus praeemptionis): въ отцовскомъ родѣ—205; въ сельской общинѣ—230; въ братствахъ южн. славянъ—249.
право первородства: развитіе п. п. въ скотоводческой группѣ (Спенсеръ)—183; отношеніе п. п. къ праву старѣйшества—203—204; у малайцевъ, въ Африкѣ—204; въ задругѣ—254.
право старѣйшества: отношеніе п. с. къ праву первородства—203—204; п. с. въ русской «большой семьѣ»—257.
празднества: связанныя съ свободнымъ общеніемъ половъ—50—51; 55; съ обоготвореніемъ производительной силы—51; 52—53.
преданія: взглядъ Бахофена на миѳы—6; п. объ установленіи брака у разныхъ народовъ; ихъ значеніе—40; п. вотяковъ, указывающія на слѣды поліандріи—67; тотемическія п.—101; п. относительно вредныхъ послѣдствій браковъ между близкими родственниками у діейри, кенаи, эскимосовъ—119—120; п. какъ доказательство господства материнитета—138; п. грековъ какъ доказательство существованія у нихъ материнитета—155; указанія на родовой бытъ въ п. якутовъ—237; воспоминанія о кровныхъ жертвахъ въ пр. вотяковъ—242; п. лопарей о сейдахъ—247; родовыя п. у русскихъ инородцевъ—247; у южныхъ славянъ—249; п. о родственномъ происхожденіи односельчанъ у русскихъ—261.
присяга: у др. кельтовъ—150; у киргизовъ—231; 233.
пріемышъ: права п. въ задругѣ—253; пріемъ п. въ русской «большой семьѣ»—256.
Probenächte см. Германія.
«пробное сожительство»: въ Германіи—48—49.
«пробныя ночи»: въ Германіи—48—49; въ Швейцаріи—49; въ Россіи—49—50.
промискуитетъ: теорія Моргана — 7; отношеніе къ поліандріи (Макъ Ленанъ, Старке)—59.

проституированье: взглядъ Бахофена на обязательное п. женщины—6; п. дѣвушки разъ въ жизни—53; добровольное п. себя на Кипрѣ, у финикіянъ, карѳагенянъ—54; моавитскихъ женщинъ—54; п. жены какъ слѣдствіе взгляда на нее, какъ на собственность—66; гостепріимный гетеризмъ—86—87; п. дѣвушекъ въ Енисейской, въ Калужск. губ.—89—90; п. жены и дочерей у краснокожихъ—169.

проституція: п. лидійскихъ дѣвушекъ—40; п. въ связи съ культомъ божествъ производительной силы—52; п. у вавилонянъ—53—54; ограниченія, вводимыя смягченіемъ культа—56.

проституція религіозная см. религіозный гетеризмъ.

пруссы: слѣды безпорядочнаго сожительства—43.

прыгуны: проявленія религіознаго гетеризма—52.

Пудожскій у.: обрядъ, символизирующій свободу внѣбрачныхъ сношеній—47.

пуналуа (punalua): институтъ п. на Гаваи—62—63; толкованіе Моргана—63; настоящее значеніе термина п.—63; система п. какъ древняя форма поліандріи—64; аналогичная система у гиляковъ—66; индивидуальное обладаніе женщины при системѣ п.—95.

пшавы: культъ предковъ—226—227.

раджи: религіозный гетеризмъ—54;

радимичи: лѣтописное свидѣтельство объ игрищахъ—44;

реддіи: сожительство жены съ свекромъ (снохачество) и съ родственниками мужа—81;

религіозный гетеризмъ: сущность р. г.—50; проявленія р. г. у австралійцевъ, бразильскихъ дикарей — 50; празднество со слѣдами р. г. у русскихъ, германцевъ, финновъ и др.—50; р. г. въ Ярилинъ день—51; проявленія р. г. у русскихъ сектантовъ—52; связь р. г. съ фаллическимъ культомъ—52—53; богатство свѣдѣній о р. г. собранныхъ Дюлоромъ—53; р. г. на празднествахъ Озириса, Діониса, Адониса—53; р. г. у вавилонянъ—53—54; на Кипрѣ, у финикіянъ, карѳагенянъ, евреевъ—54; моавитскихъ женщинъ—54; въ Индіи (Пондишери, Гоа, Калкуттѣ)—54; слѣды р. г. въ средневѣковой Франціи—54; Ковалевскій о р. г. въ храмахъ—54—55; р. г. какъ форма вымиранія безпорядочнаго сожительства—55.

Ригъ-Веда: слѣды поліандріи въ гимнахъ Р. В. —65.

римляне: отсутствіе матріархата (Мэнъ)—15; изученіе права р.—16; прохожденіе р-ми стадіи безпорядочнаго сожительства—43; фаллическій культъ—52; слѣды тотемическихъ представленій—101; слѣды материнитета—156—158; почитаніе легендарнаго родоначальника—216; родовой и семейный культъ—221; бракъ куплей—285 (см. также: *Римъ*).

Римъ: устройство дорогихъ похоронъ—222; моно-и полигамія, наложничество—270; разныя формы брака—275; свадебные обряды—289; 290; 291; институтъ весталокъ—292; пріобщеніе новобрачной къ очагу мужа—292; 296 (см. также: *римляне*).

родовой бытъ: на Кавказѣ—226—230; переживанія р. б. у киргизовъ—230—234; у монголовъ—234—235; у калмыковъ—235—236; у якутовъ—236—237; р. б. у бурятъ—237; у гиляковъ—237—239; слѣды р. б. у русскихъ инородцевъ—247; переживанія р. б. у южныхъ славянъ; братства—248—251; племя—251—252; семейная община—252—255; переживанія р. б. у русскихъ: «большая семья»—253—259; остатки родовыхъ пиршествъ—259—261; культъ покойниковъ—261; культъ домового—261; 262—264.

родовой культъ: культъ предковъ—213—214; культъ мертвыхъ—215; культъ предка-родоначальника—214—215; 216—217; 224; вырожденіе р. к. въ семейную религію—217—218; 224; р. к. и его переживанія у вотяковъ—239—243; переживанія

р. к. у русскихъ инородцевъ—247; у южныхъ славянъ—249—251; у русскихъ—259—261.

родовыя жилища: у ирокезовъ—165; 166; у папуасовъ—171; въ Менангкабау—172; у даяковъ—173; на Никобарскихъ о-вахъ—173; у гаросовъ—173; при переходѣ къ отцовскому роду—184.

родовыя клейма (тамги): у киргизовъ—232; у калмыковъ—236; у якутовъ—236.

родовыя пиршества: у якутовъ—237; у гиляковъ—238; «крестно имя» у южныхъ славянъ—250; остатки р.п. у русскихъ—259—261; въ Олонецкой, въ Архангельск. г.: Никольщина, Покровщина, канунъ, быкомолъ—260—261; братовщины, братовщинки, ссыпщины, братчины—261; пережитокъ р. п. у киргизовъ—296.

родовыя святилища: у вотяковъ—240.

родство: отсутствіе понятія о немъ у австралійцевъ—31; 33; на стадіи безпорядочнаго сожительства—57; вопросъ о возникновеніи представленій о р.—96—98; значеніе религіозныхъ представленій для возникновенія представленій о р.—98—103; 108—110; р. при отцовскомъ родѣ—200; искусственное р. (усыновленіе, побратимство)—211—212; роль возникновенія представленій о р. для браковъ похищеніемъ—280.

родство кровное см. кровное родство.

родъ: взглядъ Старке—24; характерныя черты р.—160—162.

родъ агнатическій (отцовскій, патріархальный) см. отцовскій родъ.

родъ когнатическій, материнскій, утробный см. материнскій родъ.

Рождества навечеріе: слѣды религіознаго гетеризма—50—51; свидѣтельство Стоглава—51.

Рославлевъ: о культѣ умершихъ у остяковъ—244.

Россія: успѣхъ школы эволюціонистовъ—13; богатство этнографическаго матеріала—14; взглядъ на нравственность дѣвушекъ — 44; допущеніе внѣбрачныхъ сношеній — 44; свидѣтельство Ѳеодосія о «пробныхъ ночахъ»—49—50; слѣды религіозно-языческаго гетеризма—51; аналогіи въ другихъ странахъ — 52; существованіе слѣдовъ поліандріи — 66; немногочисленность ясныхъ слѣдовъ поліандріи среди крестьянскаго населенія Р. — 68; случай нійоги — 76 — 77; снохачество и браки съ малолѣтними—81; 258; гостепріимный гетеризмъ—87—90; кувада—193; топографическія названія на «чи» и «ичи»—217; богатство матеріала по агнатическому родовому быту—225; 226; у монгольскихъ и тюркскихъ народностей—230—231; родовыя пиршества—259; 261; упадокъ «большой семьи»—264; браки похищеніемъ—282—283; слѣды брака куплей въ свадебныхъ обрядахъ—285; свадебные обряды, знаменующіе единеніе брачущихся—290; богатство матеріала по различнымъ формамъ брака—294—295; 297; (см. также: *алтайскіе тюрки, армяне, Архангельская губ., башкиры, Бійскій округъ, буряты, Бухарминскій край, бѣлорусы, великорусы, вогулы, Воронежская губ., вотяки, вятичи, Вятская губ., гиляки, гольды, Грузія, Дигорское общ., Енисейская губ., зыряне, ингуши, кабардинцы, Кавказъ, казаки донскіе, Казалинскій у., калмыки, Калужская губ., «каменщики», каракалпаки, картвельскія народности, киргизы, коряки, Кострома, курды, Курская губ., лопари, Луганская станица, Малороссія, малоросы, мордва, новгородцы, Олекминскій окр., Олонецкая губ., Онежскій у., орочоны, осетины, остяки, пермяки, Пинежскій у., Полтавская губ., Пудожскій у., пшавы, радимичи, Ростовскій у., самоѣды, Сарапульскій у., сванеты, сибирскіе татары, Сибирь, сѣверяне, Тамбовская губ., Томская губ., торгоуты, тунгузы, тушины, Харьковская губ., хевсуры, Чердынскій у., черемисы, черкесы, чеченцы, чукчи, Шенкурскій у., Эриванская губ., якуты, Ярославская губ.*).

Ростовскій у.: обрядъ, символизирующій бывшую свободу внѣбрачныхъ сношеній—46.

Русская Правда: указаніе на материнитетъ (Ковалевскій)—158; на кровную месть—259.

русскіе: празднества со слѣдами религіознаго гетеризма—50; свадебные обряды какъ указаніе на материнитетъ—159; почитаніе медвѣдя—238; культъ предковъ—261; упадокъ семейной общины—264; слѣды брака куплей въ свадебныхъ обрядахъ—285; свадебный обрядъ—293.
Руссо: взглядъ на происхожденіе семьи—4.
Рычковъ: указанія на культъ предковъ у киргизовъ—231.
Рѣдько: указанія на куваду у русскихъ—193.

сабиняне: материнскій счетъ родства—158.
саккалавы: усыновленіе—195.
Самоа: размѣръ калыма—284; свадебный обрядъ—289.
Самосъ: культъ божествъ производительной силы—52.
самоѣды: левиратъ—75.
Сандвичевы о-ва: система пуналуа—62—63; проституированье жены какъ слѣдствіе взгляда на нее, какъ на собственность—66; гостепріимный гетеризмъ—87; материнскій счетъ родства—134.
Сарапульскій у.: указаніе на материнитетъ—141; воззрѣнія вотяковъ на загробную жизнь—242.
свадебные обряды: какъ свидѣтельство безпорядочнаго сожитія—43; констатированье невинности молодой—44; с. о. въ Ставропольск. г.—46; с. о. съ указаніемъ на слѣды поліандріи у вотяковъ—67; роль «большого зятя» у черемисовъ, слѣды поліандріи—68; слѣды поліандріи въ малорусскихъ с. о.—68—69; указаніе въ снохачество въ с. о.—84; указаніе на право первой ночи у южн. славянъ и въ Россіи—90—91; значеніе с. о. какъ доказательства господства материнитета—138; с. о. съ указаніемъ на материнитетъ у мордвы—138; у пермяковъ—138—139; у вотяковъ—141; у велико-и малороссовъ—159; слѣды родового быта въ с. о. русскихъ инородцевъ—247; с. о., рисующіе похищеніе невѣсты; значеніе ихъ—279—282; воспоминаніе о бракѣ куплей въ с. о.—285; разные виды с. о.—288; с. о., знаменующіе единеніе супруговъ 288—290: на Фиджи, 288—289; на Таити, о-вахъ Кингсмиль, Н. Гвинеѣ, Самоа, Малайскомъ арх., у говасовъ, индусовъ, др. и совр. грековъ, въ Римѣ, у албанцевъ, въ Тюрингіи, Германіи—289; у южн. славянъ, въ Россіи, на Малаккѣ, у римлянъ, кхасіевъ, веддовъ, индусовъ, гондовъ—290; у лопарей, киргизовъ—295; с. о., знаменующіе пріобщеніе новобрачной къ очагу мужа и умилостивленіе предковъ—290—293; у патагонцевъ, даяковъ—291; у грековъ, римлянъ—292; въ Индіи—292—293; въ Германіи, Хорватіи—293; с. о., знаменующіе юридическія отношенія между супругами, у нарриньери, въ Лоанго, Дагомеѣ, Хорватіи, у русскихъ—293; с. о., знаменующіе отношенія къ новобрачной группы мужа—294; значеніе с. о. для этнографіи—394.
сванеты: поминки—227; отношеніе къ убійцамъ—228.
свободное общеніе половъ: какъ воспоминаніе о стадіи безпорядочнаго сожительства—40; с. о. п. на празднествахъ у австралійцевъ, бразильскихъ дикарей и др.—50; 55; у русскихъ, германцевъ, финновъ и др.—50—51; въ Ярилинъ день—51; у русскихъ сектантовъ—52; с. о. п. въ связи съ фаллическимъ культомъ—52—53; с. о. п. на празднествахъ Озириса, Діониса, Адониса—53.
сектанты: проявленія религіознаго гетеризма—52.
сельская община: Flurzwang въ русской с. о.—230.
семейная община: какъ эмбріонъ семейно-общественнаго развитія (Мэнъ)—220; какъ результатъ распаденія родового строя—222—224; измѣненія въ культѣ, наслѣдованіи, требованіяхъ кровной мести и экзогаміи—224; старѣйшинство въ с. о.—225; с. о.—хотонъ у калмыковъ—235; переходъ отъ родовой организаціи къ с. о. у якутовъ—236; у южн. славянъ—252—253; с. о.—задруга у юж. славянъ—253—255; упадокъ с. о. у юж. славянъ и у русскихъ—264.

семейный культъ: какъ вырожденіе родового культа—218; 224; с. к. у индусовъ—220; у вотяковъ—240—241; слѣды с. к. у русскихъ—259—264; пріобщеніе женщины къ с. к. мужа—291—293.

семито-хамиты: положеніе дѣтей при расторженіи брака—164—165.

семиты: почитаніе легендарныхъ родоначальниковъ—216 (см. также: *арабы, Аравія, ассиріяне, Вавилонія, вавилоняне, евреи, Финикія, финикіяне*).

семья: договорная (Руссо)—4; с. какъ эмбріонъ человѣческаго развитія (представители экономическаго направленія)—18; 24; 264; с. характеризуемая Старке какъ признакъ стадіи безпорядочнаго сожительства—25; отсутствіе с. на стадіи безпорядочнаго сожительства—57; 96; опредѣленіе с. Старке—265; возникновеніе семьи—267—268.

семья большая см. большая семья.

семья кровнородственная см. кровнородственная семья.

семья малая см. малая семья.

семья моногамическая см. моногамическая семья.

семья полигамическая см. полигамическая семья.

Сенегамбія: левиратъ—73; материнскій счетъ родства—137 (см. также: *бамбары*).

сенека: усыновленіе Моргана—7; родовое устройство—165; вліяніе женщинъ—166.

Сенхусъ-Моръ: свидѣтельство о материнитетѣ у кельтовъ—150.

Сербія: топографическія названія на «ичи»—217.

сибирскіе татары: переживанія родового быта—247.

Сибирь: свобода внѣбрачныхъ сношеній—45—46; отношеніе къ незаконнорожденнымъ—45; снохачество—83; гостепріимный гетеризмъ—87; браки похищеніемъ—283 (см. также: *алтайскіе тюрки, Бійскій округъ, вогулы, гиляки, Енисейская губ., коряки, Олекминскій округъ, орочоны, остяки, самоѣды, сибирскіе татары, Томская губ., торгоуты, тунгузская группа народовъ, тунгузы, чукчи, якуты*).

Сива: культъ его—52; религіозный гетеризмъ—54.

сидѣлки см. посидѣлки.

сингалезы: материнскій счетъ родства—135; полигамія—272.

Сирія: фаллическій культъ—52.

системы родства: гавайская—31; слѣды безпорядочнаго сожитія въ гавайской и зулусской с. р.—33; с. р. какъ предметъ изученія—34; гавайская с. р. у инородцевъ Россіи—38.

сіамцы: усыновленіе—212.

Сіерра-Леоне: передача имени матери дѣтямъ—163.

сказки: указаніе на гостепріимный гетеризмъ въ русскихъ с.—90; указанія на родовой бытъ въ с. якутовъ—237.

скандинавское право: указаніе на материнитетъ—151.

скиѳы: кувада—193; усыновленіе—212.

скотоводческій бытъ: какъ источникъ возникновенія патріархата (Спенсеръ)—182—183; 184; возникновеніе отцовскаго рода при с. б.—191.

славяне: отсутствіе матріархата (Мэнъ)—15; прохожденіе ими стадіи безпорядочнаго сожительства—43; отсутствіе доказательствъ существованія материнитета у с.—158—159; семейныя общины—225; переживаніе родового быта—247—248; указаніе на родовой бытъ въ правѣ с.—259; полигамія—271; бракъ куплей—285 (см. также: *вятичи, Герцеговина, мазуры, пруссы, радимичи, Сербія, сѣверяне, Хорватія, хорваты, Черногорія, чехи, Чехія, южные славяне*).

Смирновъ: о номенклатурѣ родства у вотяковъ, черемисовъ и мордвы—34—35; о свободѣ внѣбрачныхъ сношеній у вотяковъ—41; у мордвы—41—42; о бракахъ съ малолѣтними у вотяковъ—81; о слѣдахъ материнитета у мордвы—138; у вотяковъ—139—142; описаніе поминокъ у мордвы—245—246.

снохачество: опредѣленіе с.—80; взглядъ на с. какъ на ограниченіе свободы общенія—80; указаніе на с. у бурятъ, якутовъ, остяковъ, киргизовъ и др.—82—83; с. среди

русскаго населенія—83—84; 258; отличіе отъ поліандріи и нійоги—84; взглядъ Ковалевскаго на с.—84.

Сокольскій: указаніе на слѣды материнитета въ древнемъ правѣ кельтовъ—147;

Солонъ: допущеніе нійоги законодательствомъ С.—76.

сомали: кровная месть—164;

соприсяжничество: въ др. кельтскомъ правѣ—150; с. какъ типичная черта родового устройства—161; у якутовъ—237.

Спарта: поліандрія въ С.—64; нійога—75.

Спенсеръ: критика на Лёббока; взглядъ на стадію коммунальнаго брака—9—11; 164; взглядъ на значеніе экономическаго фактора въ исторіи первобытнаго права—21—22; взглядъ на роль группы—29; изученіе системъ родства—34; критика на теорію Макъ Ленана о дѣтоубійствѣ—59; взглядъ на поліандрію—70; критика на взглядъ Макъ Ленана на левиратъ—79; С. о существованіи индивидуальныхъ союзовъ при безпорядочномъ сожительствѣ—97; 265—266; объясненіе экзогаміи—116; взглядъ на переходъ отъ материнскаго рода къ отцовскому—181—184; критика на основное положеніе Мэна—220; указаніе на полигамію у разныхъ народовъ—272; С. о полигаміи у веддовъ—272; взглядъ на причины различенія брака отъ наложничества—275; изслѣдованіе формъ брака—277; мнѣніе о бракѣ посредствомъ службы въ домѣ невѣсты—278; мнѣніе о свадебныхъ обрядахъ, рисующихъ похищеніе—280; взглядъ на переходъ отъ брака похищеніемъ къ браку куплей—285.

ссыпщины см. родовыя пиршества.

Ставропольская губ.: слѣды безпорядочнаго сожительства въ свадебномъ обрядѣ—46.

Старке: значеніе его труда—18; критика на эволюціонистовъ—18—19; 188; отношеніе къ историко-сравнительному методу и методу изученія переживаній—20—21; С. какъ представитель экономическаго матеріализма въ этнографіи—21; методъ С.—21—23; С. о группѣ и семьѣ—23—24; 264; о силѣ вліянія территоріи—24; семья, характеризуемая С. какъ признакъ стадіи безпорядочнаго сожительства—25; С. о незначительной роли группы—29; опроверженіе теоріи С. фактами, свидѣтельствующими о стадіи безпорядочнаго сожительства—39; критика С. на теорію Макъ Ленана относительно поліандріи—59; взглядъ на поліандрію—59—60; мнѣніе о существованіи агнатической семьи на низшей ступени развитія—98; объясненіе экзогаміи—117; взглядъ на материнскій счетъ родства—132; на материнское родство и отцовскій родъ—186—188; объясненіе кувады—196—198.

Стоглавъ: указаніе на празднованіе Иванова дня, навечерія Рождества и Крещенія—51.

Страбонъ: указаніе на безпорядочное сожительство у разныхъ народовъ—39—40; о поліандріи у древнихъ арабовъ—64; свидѣтельство о материнитетѣ у беотійцевъ—155; свидѣтельство о кувадѣ у народностей др. Европы—193; свидѣтельство о поліандріи у кельтовъ—270.

Суданъ: материнитетъ—137; размѣръ калыма—284 (см. также: *Борну*).

Суматра: левиратъ—73; обмѣнъ дочерей на подарки—77; материнитетъ—135; кровная месть—164; положеніе дѣтей—202; право первородства—204; полигамія—272; совмѣстное существованіе поли- и моногаміи—272 (см. также: *баттаки, кубу*).

счетъ родства: вопросъ о возникновеніи с. р.—96—99; гипотеза Мукке—106.

счетъ родства отцовскій, агнатическій см. отцовскій счетъ родства; **материнскій, утробный, когнатическій** см. материнскій счетъ родства.

сѣверяне: лѣтописное свидѣтельство объ игрищахъ—44.

Сѣрошевскій: о номенклатурѣ родства у якутовъ—35—36; о свободѣ внѣбрачныхъ сношеній у якутовъ—42; указанія на снохачество у якутовъ—82.

charistia cara cognatio: какъ указаніе на материнитетъ у римлянъ—156.

табу: какъ источникъ экзогаміи (Дюркгеймъ)—123.
Танти: полигамія—272; свадебный обрядъ—289.
Тамбовская губ.: снохачество—83.
тамга см. родовыя клейма.
тамулы: положеніе дѣтей несвободныхъ родителей—162.
Тасманія: поліандрія—65; гостепріимный гетеризмъ—87; полигамія—272.
татары: кувада—192.
татары сибирскіе см. сибирскіе татары.
Тацитъ: отсутствіе свидѣтельствъ объ общности женъ у германцевъ—50; указаніе на материнитетъ у германцевъ—151; мнѣніе объ отсутствіи полигаміи у германцевъ—270.
территоріальная группа: у австралійцевъ—30; малочисленность ея у австралійцевъ—33; причисленіе ребенка къ т. г. у австралійцевъ—33; т. г. на низшей ступени развитія—37; вліяніе малочисленности т. г. у австралійцевъ на количественное несоотвѣтствіе между мужчинами и женщинами—61; наименованія т. г. у австралійцевъ—96; взаимныя отношенія т. г. и тотемическихъ—111—112; отношенія ихъ у австралійцевъ—112—114; экзо- и эндогамія въ т. г.—127—128.
территорія: сила вліянія т. (Старке)—25.
тибарены: кувада—193.
Тибетъ: поліандрія—66; 70; гостепріимный гетеризмъ—87.
Тимей: свидѣтельство о поліандріи въ Спартѣ—64.
Тиморъ о.: права отца на дѣтей—201.
Тироль: свобода сношеній молодежи—49.
Тихоокеанскіе архипелаги: материнскій счетъ родства—134; материнскій родъ—174.
тлинкиты: левиратъ—73; дача имени—163.
тодды: поліандрія—66; 70; 273; численное отношеніе женщинъ къ мужчинамъ, моногамія—273.
Томская губ.: свобода внѣбрачныхъ сношеній—45—46; снохачество—83; культъ домового—263 (см. также: *Бухтарминскій край*, *«каменщики»*).
Тонга о.: материнскій счетъ родства—134; полигамія—272.
торгоуты: отношеніе къ внѣбрачнымъ союзамъ—43.
тотемизмъ: роль т. въ возникновеніи понятій о родствѣ—100—103; 108—110; т. какъ источникъ экзогаміи—124—126; связь т. съ дачей имени—162—163; слѣды т. у овагереросовъ—191; вырожденіе т. при отцовскомъ родѣ—213; т. какъ источникъ культа родоначальника—215.
тотемическая группа: ея характеръ, отношеніе къ патріархату, къ территоріальной группѣ—110—112; у австралійцевъ—112—114; экзогамія въ т. г.—127—129.
троглодиты: безпорядочное сожительство—40.
Троицынъ день: увеселеніе у донскихъ казаковъ—46; слѣды религіознаго гетеризма въ Т. субботу—50—51.
туареги: материнитетъ—137; наслѣдованіе власти вождя—164.
тунгузская группа народностей: переживанія родового быта—247.
тунгузы: вліяніе тунгузской крови на измѣненіе типа якутовъ; сношенія съ якутами—41; левиратъ—75; нійога—75; гостепріимный гетеризмъ—87 (см. тоже: *гольды*, *орочоны*).
тупинамба: левиратъ—73.
турки: усыновленіе—211.
турра: взаимныя отношенія между группами территоріальными и тотемическими—112—114.
тушины: культъ предковъ—226—227.

Тэйлоръ: объясненіе кувады—193; 197; изслѣдованіе формъ брака—277.
Тюрингія: свадебный обрядъ—289.
тюрки: слѣды брачныхъ классовъ въ номенклатурѣ родства—34, 35; переживанія безпорядочнаго сожительства—41; тотемическія преданія—101; почитаніе легендарнаго родоначальника—216; родовой бытъ—230—231; бракъ куплей—285 (см. также: *алтайскіе тюрки, башкиры, каракалпаки, киргизы, сибирскіе татары, якуты*).

Уганда: размѣръ калыма—284.
ужичество см. левиратъ.
умычка см. бракъ похищеніемъ.
усыновленіе: у индусовъ—154—155; у саккалавовъ—195; у. какъ пріемъ чужеродца—211—212; у турокъ, скиѳовъ, лидійцевъ, арабовъ, египтянъ, въ Африкѣ, Австраліи, на Малайскомъ арх., у кареновъ, сіамцевъ, бедуиновъ,—212; у. ради прекращенія кровной мести—212; символическія дѣйствія при у. у ингушей, чеченцевъ—212; у. убійцъ на Кавказѣ—228; у. въ русской «большой семьѣ»—256.
утробный счетъ родства см. материнскій счетъ родства.
уэльское право: слѣды материнтета—148—150.
Уэльсъ: слѣды материнтета въ древнемъ правѣ У.—146—147; 148—150; преданія объ общемъ родоначальникѣ въ родовыхъ организаціяхъ—216.

Фаллическій культъ: связь съ религіознымъ гетеризмомъ—52; Ковалевскій о ф. к.—52; мнѣніе другихъ авторовъ, Петри—53; ф. к. у разныхъ народностей—52—55.
Фанти: положеніе дѣтей при расторженіи брака—164—165; 202.
Фемарнъ: свобода внѣбрачныхъ сношеній—49.
Fensterln см. Германія.
Фиджи о-ва: материнскій счетъ родства—134; свадебные обряды, знаменующіе единеніе супруговъ—288—289.
Филиппинскіе о-ва: положеніе женщины у аэтовъ—58; способъ переноски дѣтей—107 (см. также: *аты, аэты, игорроты*).
Финикія: культъ божествъ производительной силы—52 (см. также *финикіяне*).
Финикіяне: добровольное проституированье себя—54 (см. также: *Финикія*).
Финны: слѣды классовъ по возрасту въ номенклатурѣ родства—34; празднества со слѣдами религіознаго гетеризма—50; тотемическія преданія—101; антропологическая обособленность родовъ—236; слѣды родового быта—239; переживанія культа предковъ въ поминкахъ мордвы—244; слѣды родового культа—247; бракъ куплей—285 (см. также: *вогулы, вотяки, зыряне, лопари, мордва, остяки, пермяки, черемисы*).
Фишеръ: о «пробныхъ ночахъ»—48.
Фотинъ (Футинъ) св: слѣды религіознаго гетеризма въ его почитаніи—54.
Фохи: установленіе брака—40.
Франки: полигамія—271.
Франція: фаллическій культъ—52; слѣды религіознаго гетеризма—54; каменныя изображенія фаллуса—54; упадокъ большой семьи—264; наложничество въ ср. вѣка—271 (см. также: *Бретань, Луанъ, Франшконтэ*).
Франшконтэ: упадокъ большой семьи—264.
Фричъ: свидѣтельство о поліандріи у овагереросовъ—65; свидѣтельство о полигаміи у бушменовъ—272.
Фуллахи: полигамія—272.

Фюстель де Куланжъ: мнѣніе объ источникахъ отцовскаго рода—213; о родовомъ культѣ римлянъ и грековъ—221; взглядъ на значеніе свадебныхъ обрядовъ грековъ и римлянъ—292.

Flurzwang: у осетинъ, чеченцевъ, ингушей—229—230; въ русской сельской общинѣ, въ др. германскомъ правѣ, въ Англіи—230.

Харузинъ, М. Н.: о положеніи дѣтей у донскихъ казаковъ—258.

Харьковская губ.: отношеніе къ посидѣлкамъ, къ свободѣ внѣбрачныхъ сношеній—46; снохачество—83.

хевсуры: слѣды материнитета—144; кровная месть—209; культъ предковъ—226—227.

хинсъ: левиратъ—73.

хлысты: проявленія религіознаго гетеризма—52.

Хорватія: свадебные обряды; пріобщеніе новобрачной къ очагу мужа—293 (см. также: *хорваты*).

хорваты: свобода внѣбрачныхъ сношеній—47 (см. также: *Хорватія*).

Худаковъ: свидѣтельство о кровной мести у хевсуръ (материнитетъ)—144.

Цезарь: отсутствіе свидѣтельствъ объ общности женъ у германцевъ—50; свидѣтельство о поліандріи у кельтовъ—64; 270; отсутствіе указаній на материнитетъ у германцевъ—151.

Цейлонъ: положеніе женщинъ у веддовъ—58; материнскій счетъ родства у сингалезовъ—135; положеніе дѣтей несвободныхъ родителей у тамуловъ—162; отношеніе къ полигаміи—273; свадебный обрядъ у веддовъ—290 (см. также: *ведды, сингалезы, тамулы*).

Целебесъ: левиратъ—73; кувада—192 (см. также: *макассары, негритосы*).

Чердынскій у.: слѣды материнитета у пермяковъ—138—139.

черемисы: слѣды классовъ по возрасту въ номенклатурѣ родства—34; 35; свобода внѣбрачныхъ сношеній—41; слѣды поліандріи—68; поминки—246; слѣды родового быта—247.

черкесы: левиратъ—74; похоронный обрядъ—227; кровная месть—228; воровскія шайки—229.

Черногорія: родовыя названія селъ—217; семейныя общины—248; братства—248—251; выборный глава—248; кровная месть—248; племя—251—252; пользованіе землей, цистернами—252; устойчивость родового быта—252; имущественныя права члена задруги—254.

Чернышевъ: объясненіе «понедилкуванья»—68.

чехи: неустойчивость брачныхъ союзовъ у др. ч.—43—44 (см. также: *Чехія*).

Чехія: топографическія названія на «ичи»—217 (см. также: *чехи*).

чеченцы: пріемъ въ родство—212; кровная месть—228; землевладѣніе; Flurzwang—230; размѣръ калыма—284.

чиппевеки: участіе женщинъ въ племенномъ совѣтѣ—167.

чироки: наслѣдованіе власти вождя—164.

чукчи: левиратъ—75; нійога—75; гостепріимный гетеризмъ—87.

шалопуты: проявленія религіознаго гетеризма—52.

Шарльвуа: свидѣтельство о материнитетѣ у ирокезовъ и гуроновъ—166; у натчезовъ—167—168; о положеніи женщинъ у краснокожихъ—169; свидѣтельство о кувадѣ у гуарановъ—192.

Швабія: «пробное сожительство»—48.

Шварцвальдъ: «пробное сожительство»—48.

шведы: полигамія—271.
Швейцарія: обычай Kommnächte—49 (см. также: *Граубинденъ*).
Швеція: гостепріимный гетеризмъ у лопарей—87.
Шейнъ: о правѣ первой ночи въ Россіи—91.
Шенкурскій у.: остатки родовыхъ пиршествъ—260.
Шива см. Сива.
Шомбургъ: свидѣтельство о кувадѣ у ароваковъ и макузи—196—197.
Шотландія: поліандрія у древнихъ кельтовъ—64.
шошоны: материнитетъ—135—136.
Штейненъ: о изобрѣтеніи женщинами земледѣлія—175.
Штернбергъ: о номенклатурѣ родства у гиляковъ—36—37; о левиратѣ у гиляковъ—74; о медвѣжьемъ праздникѣ у гиляковъ—238.

эволюціонисты: родоначальники ихъ школы—8; основныя положенія—12—13; успѣхи ихъ школы—13—14; ихъ недостатки—17—18; критика на э. представителей экономическаго направленія—18—25; критика Старке—18—19; Гроссе—19—20; взглядъ на поліандрію, дѣтоубійство—59—60.
Эдда: слѣды материнитета—152.
экзогамія: опредѣленіе—114; теорія Макъ-Ленана—115; теорія Лёббока—115—116; теорія Спенсера—116; теорія Дюркгейма—116; 118—119; 123; теорія Старке—117; теорія Моргана и критика на нее—117—122; свобода внѣбрачныхъ сношеній при э.—121; 123; э. у австралійцевъ на Маріанскихъ о-вахъ, у туземцевъ Бразиліи—123; роль тотемизма въ возникновеніи э.—124—126; отношеніе къ эндогаміи—126—129; э. у ароваковъ—136; э. при родовомъ устройствѣ—161—162; 176; у малайцевъ—173; у гаросовъ—173; въ семейной общинѣ—224; у киргизовъ—232—233; у гиляковъ—238; въ братствахъ южныхъ славянъ—249; связь экзогаміи съ бракомъ посредствомъ похищенія (Макъ Ленанъ)—277.
экономическая теорія: взглядъ на поліандрію и дѣтоубійство—60; взглядъ на возникновеніе материнскаго счета родства—104—105; на материнскія организаціи—185.
экономическій матеріализмъ въ этнографіи: Старке, Гроссе, Гильдебрандъ какъ его представители—21
Энгельсъ: критика на терминъ гетеризмъ—9.
эндогамія: опредѣленіе—114, теорія Макъ Ленана—115; 126; 127; отношеніе къ экзогаміи—126—129; э. въ Египтѣ, Индіи, у наировъ, въ Персіи, Перу, Африкѣ—126—127; переходъ отъ экзогаміи къ э. съ разростаніемъ рода—224; э. въ племени у южныхъ славянъ—251.
Эриванская губ.: проявленія религіознаго гетеризма у прыгуновъ—52.
эскимосы: нійога—75; преданіе относительно вредныхъ послѣдствій браковъ между родственниками—119—120; полигамія—272; свадебный обрядъ—281 (см. также: *Гренландія*).
этруски: материнскій счетъ родства—132—133.
эѳталитское царство: поліандрія по византійскимъ источникамъ—64—65.
Эѳіопія: материнскій счетъ родства—133.

южные славяне: посидѣлки, свобода и ограниченіе внѣбрачныхъ сношеній—47; слѣды права первой ночи—90; преданія объ общемъ родоначальникѣ въ братствахъ—217; 248; 249; переживанія родового быта—248—255; братства—248—251; племя—251—252; семейныя общины—251—255; упадокъ семейной общины—264; воспоминаніе о бракахъ похищеніемъ—282; свадебные обряды, знаменующіе единеніе брачущихся—290 (см. также: *Герцеговина, Сербія, Хорватія, хорваты, Черногорія, чехи, Чехія*).

Ява: совмѣстное существованіе поли- и моногаміи—272.

якуты: слѣды классовъ по возрасту въ номенклатурѣ родства—35—37; свобода внѣбрачныхъ отношеній—42; вліяніе сношеній съ русскими и тунгузами на измѣненіе типа—42; воспоминаніе о свободномъ общеніи половъ—42—43; слѣды поліандріи—67; «половая предосторожность»—82; слѣды гостепріимнаго гетеризма—88; слѣды матернитета; материнскій родъ—142—143; слѣды родового быта—236—237; антропологическая обособленность родовъ—236; полигамія—272.

Якушкинъ: мнѣніе о лѣтописномъ свидѣтельствѣ объ игрищахъ—44; объ отношеніяхъ къ посидѣлкамъ, о посидѣлкахъ въ Пинежск. у.—45; о запрещеніи ночныхъ сборищъ молодежи въ Яросл. г.—49; о проявленіи религіознаго гетеризма у русскихъ сектантовъ—52; о проституированіи дѣвушекъ въ Калужск. г.—89—90.

Японія: фаллическій культъ—52; слѣды брака куплей—285.

Ярила: Я-нъ день, похороны Я. въ Костромѣ, въ Малороссіи—51; свобода общенія половъ въ Я-нъ день—51; аналогичныя празднества въ Египтѣ, Греціи, на востокѣ—53; ограниченія, вводимыя смягченіемъ культа—56.

Ярославская губ.: обрядъ, символизирующій свободу внѣбрачныхъ сношеній—46; запрещеніе ночныхъ сборищъ молодежи въ с. Воржѣ—49; похоронные обряды—261; культъ домового—263 (см. также: *Ростовскій у.*).

Ѳеодосій: о «пробномъ сожительствѣ» въ Россіи—49—50.

ѳракіяне: внѣбрачное сожительство дѣвушекъ—40; кувада—193.

Иностранныя фамиліи:

Arbois (d') de Jubainville: см. д'Арбуа де Жубенвиль.
Bachofen: см. Бахофенъ.
Bastian: см. Бастіанъ.
Charlevoix: см. Шарльвуа.
Cunow: см. Куновъ.
Dargun: см. Даргунъ.
Dobritzhoffer: см. Добрицгоферъ.
Dulaure: см. Дюлоръ.
Durkheim: см. Дюркгеймъ.
Engels: см. Энгельсъ.
Fustel de Coulanges: см. Фюстель де Куланжъ.
Giraud-Teulon: см. Жиро-Тёлонъ.
Grosse: см. Гроссе.
Hartland: см. Гартландъ.
Hellwald: см. Гельвальдъ.
Hildebrand: см. Гильдебрандъ.
Klemm: см. Клеммъ.
Krauss: см. Краусъ.
Lafiteau: см. Лафито.
Letourneau: см. Летурно.
Lippert: см. Липпертъ.
Lubbock: см. Лёббокъ.
Mac Lenan: см. Макъ Ленанъ.
Maine: см. Мэнъ.
Mayr: см. Майръ.
Meyer: см. Мейеръ.
Morgan: см. Морганъ.
Mucke: см. Мукке.
Oppert: см. Оппертъ.
Post: см. Постъ.
Schomburgk: см. Шомбургъ.
Spencer: см. Спенсеръ.
Starcke: см. Старке.
Steinen v. den.: см. Штейненъ.
Tillier: см. Тилье.
Voisin: см. Воазенъ.
Waitz: см. Вайцъ.
Westermark: см. Вестермаркъ.
Wilken: см. Вилькенъ.

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY ORGANIZED 1891

Stanford University Libraries
3 6105 015 023 380

GN
315
.K53
v.2

CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(650) 723-1493
grncirc@sulmail.stanford.edu
All books are subject to recall.

DATE DUE